

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова»

А. П. Косов

**США ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ
СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА**

Монография

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора *В. С. Кошелева*

Витебск
ВГУ имени П. М. Машерова
2024

УДК 327(73+470+571)
ББК 66.4(2Рос).9(7Сое)
К71

Печатается по решению совета исторического факультета Белорусского государственного университета. Протокол № 9 от 21.06.2024; научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова». Протокол № 2 от 20.12.2023.

Одобрено научно-техническим советом учреждения образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова». Протокол № 6 от 21.06.2024.

Автор: доцент кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П. М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент **А. П. Косов**

Р е ц е н з е н т ы :

профессор кафедры психологии ВГУ имени П. М. Машерова, доктор исторических наук, профессор *В. А. Космач*; директор Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор политических наук, профессор *М. И. Рыхтик*; профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор политических наук, доцент *О. В. Бахлова*

Косов, А. П.

К71 США во внешней политике России в условиях трансформации современного миропорядка : монография / А. П. Косов ; под ред. В. С. Кошелева. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2024. – 366 с.
ISBN 978-985-30-0137-2.

Рассматривается политика России в отношении США в постбиполярный период. Автор прослеживает эволюцию внешнеполитического курса Москвы на американском направлении в условиях трансформации постбиполярного миропорядка, сложившегося после распада СССР и окончания Холодной войны. В частности, выявляются характерные особенности формирования и реализации подходов российского руководства к выстраиванию отношений с Вашингтоном в период 1990-х – первой половины 2020-х гг. на основе изучения основных движущих сил, внутренних и внешних факторов, объективных и субъективных причин, повлиявших на развитие взаимодействия РФ и США. Пристальное внимание уделяется российской позиции по налаживанию межгосударственного диалога, решению ряда противоречий, проблем международной и региональной безопасности с Соединенными Штатами в рассматриваемый период.

Издание рекомендуется для исследователей международных отношений и внешней политики, экспертов, политиков, госслужащих, студентов, а также для широкой читательской аудитории, интересующейся внешней политикой России и российско-американскими отношениями на современном этапе.

Монография подготовлена в рамках НИР 1.06.4 «Западный вектор внешней политики Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях геополитической трансформации современного миропорядка» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А. П. Косов) по заданию 12.1.6 «Всеобщая история, международные отношения и геополитика» подпрограммы 12.1 «История» ГПНИ 12 «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» (ГР 20210496 от 01.04.2021).

УДК 327(73+470+571)
ББК 66.4(2Рос).9(7Сое)

ISBN 978-985-30-0137-2

© Косов А. П., 2024
© ВГУ имени П. М. Машерова, 2024

О Г Л А В Л Е Н И Е

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	4
ВВЕДЕНИЕ	6
РАЗДЕЛ I. ЭПОХА ЕЛЬЦИНА: НЕОПРАВДАВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО ПАРТНЕРСТВА	21
Глава 1. Становление и развитие американского вектора внешней политики России в годы первого президентства Б. Н. Ельцина (1991–1996 гг.)	21
Глава 2. Россия и США в годы второго президентства Б. Н. Ельцина (1996–1999 гг.)	45
Глава 3. Региональные проблемы в повестке российско-американских отношений в 1990-е гг.	57
Глава 4. Военно-политические аспекты развития двусторонних отношений	77
РАЗДЕЛ II. ПУТИНСКАЯ РОССИЯ: НОВАЯ ПОПЫТКА НАЛАЖИВАНИЯ КОНСТРУКТИВНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С АМЕРИКОЙ	100
Глава 5. Россия и США в период первого президентства В. В. Путина (2000–2004 гг.)	100
Глава 6. Развитие российско-американских отношений в годы второго президентства В. В. Путина (2004–2008 гг.)	116
Глава 7. Период «перезагрузки» в российско-американских отношениях в годы президентства Д. А. Медведева (2008–2012 гг.)	132
Глава 8. Региональные проблемы в двусторонних отношениях в 2000–2012 гг.	152
Глава 9. Вопросы международной и региональной безопасности в российско-американских отношениях	170
РАЗДЕЛ III. РОССИЙСКИЙ ВЫЗОВ АМЕРИКАНСКОМУ ДОМИНИРОВАНИЮ В МИРЕ	193
Глава 10. Подход России к отношениям с США в период третьего президентства В. В. Путина (2012–2018 гг.)	193
Глава 11. Развитие российско-американских отношений в период четвертого президентства В. В. Путина (2018–2024 гг.)	209
Глава 12. Влияние региональных кризисов и конфликтов на развитие российско-американских отношений	228
Глава 13. Проблемы международной и региональной безопасности в российско-американском диалоге	253
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	275
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	286
ПРИЛОЖЕНИЯ	342

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

- АН – Академия наук
АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион
АТЭС – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество
АЭС – атомная электростанция
БПЛА – беспилотный летательный аппарат
БРИКС – объединение Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики
БРПЛ – баллистическая ракета на подводной лодке
ВВС – военно-воздушные силы
ВКС – воздушно-космические силы
ВПК – военно-промышленный комплекс
ВЦИОМ – Всероссийский центр изучения общественного мнения
ГА – Генеральная Ассамблея
ДВЗЯИ – Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ДНЯО – Договор о нераспространении ядерного оружия
ДРСМД – Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности
ЕАЭС – Евразийский экономический союз
ЕС – Европейский союз
ИГИЛ – Исламское государство Ирака и Леванта
ИКТ – информационно-коммуникативные технологии
ИМЭМО – Институт мировой экономики и международных отношений
ИРИ – Исламская Республика Иран
ИСКРАН – Институт США и Канады Российской академии наук
КНДР – Корейская Народно-Демократическая Республика
КНР – Китайская Народная Республика
КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации
КРНБ – крылатая ракета наземного базирования
ЛАГ – Лига арабских государств
ЛДПР – Либерально-демократическая партия России
МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии
МБР – межконтинентальная баллистическая ракета
МГИМО – Московский государственный институт международных отношений
МГУ – Московский государственный университет
МИД – Министерство иностранных дел
НАТО – Организация Североатлантического договора
НИИ – научно-исследовательский институт
НКО – некоммерческая организация

ННГ – новые независимые государства
НПО – неправительственная организация
НПРО – национальная противоракетная оборона
ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОДКБ – Организация Договора о коллективной безопасности
ОМУ – оружие массового уничтожения
ООН – Организация Объединенных Наций
ПВМ – «Партнерство во имя мира»
ПРО – противоракетная оборона
РАН – Российская академия наук
РФ – Российская Федерация
САР – Сирийская Арабская Республика
СБ – Совет Безопасности
СБСЕ – Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе
СВО – специальная военная операция
СВОП – Совет по внешней и оборонной политике
СВПД – Совместный всеобъемлющий план действий
СВР – Служба внешней разведки
СМИ – средства массовой информации
СНВ – стратегические наступательные вооружения
СНГ – Содружество Независимых Государств
СНП – стратегические наступательные потенциалы
СПС – Союз правых сил
СРЮ – Союзная Республика Югославия
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
США – Соединенные Штаты Америки
ТБ – тяжелый бомбардировщик
ФБР – Федеральное бюро расследований
ЦА – Центральная Азия
ЦВЕ – Центральная и Восточная Европа
ЦРУ – Центральное разведывательное управление
ШОС – Шанхайская организация сотрудничества
ЯО – ядерное оружие

*Моей маме Клавдии Андреевне
посвящается*

В В Е Д Е Н И Е

Коллапс СССР в конце 1991 г. кардинальным образом изменил существовавшую биполярную систему международных отношений. Исчезновение одной из сверхдержав автоматически усилило другую. США оказались на вершине мирового могущества. Тогда как на месте распавшегося Советского Союза образовалось пятнадцать независимых государств, среди которых выделялась Россия, унаследовавшая все великодержавные атрибуты СССР на международной арене.

История внешней политики Российской Федерации в постбиполярный период свидетельствует о довольно сложном процессе возвращения Москвой реального великодержавного статуса. За прошедшие три десятилетия в стране существенно изменилось понимание национальных интересов.

В 1990-е – первой половине 2000-х гг. для российского руководства были характерны излишняя наивность и доверчивость в отношениях с США. Отказавшись от конфронтации с Западом, Россия начала выстраивать новую внешнеполитическую линию поведения, надеясь стать полноправной частью западного мира. При этом установление партнерских отношений с Соединенными Штатами рассматривалось Б. Н. Ельциным и А. В. Козыревым в качестве одного из ведущих направлений внешней политики РФ. Однако американское руководство относилось к России как к стране, побежденной в Холодной войне. В результате разного понимания сторон к выстраиванию двусторонних отношений уже к середине 1990-х гг. между Москвой и Вашингтоном проявились противоречия. Российская политическая элита и общественность постепенно разочаровывались в искренности намерений американцев относительно налаживания стратегического партнерства. Неудивительно, что ставший в 1996 г. министром иностранных дел Е. М. Примаков видел национальный интерес в восстановлении Россией статуса великой державы и противодействии американской гегемонии на мировой арене. Наконец, В. В. Путин посчитал, что РФ необходимо добиваться великодержавного статуса путем развития конструктивного взаимодействия с Западом в целом и с США в частности. Тем самым роль Америки в формировании и реализации внешнеполитического курса России нередко оказывалась определяющей. Однако попытки Москвы в 2000-е – начале 2010-х гг. наладить дружественные, партнерские отношения с Вашингтоном не увенчались успехом. Более того в 2010-е гг. между РФ и США существенно усилились противоречия, которые к настоящему времени привели стороны к самому серьезному кризису за весь постбиполярный период.

Таким образом, за последние тридцать лет российско-американские отношения пережили как периоды сближения, так и конфронтации. На текущий момент они находятся в состоянии серьезного кризиса, вызванного кардинальными расхождениями интересов, разочарованием и недоверием сторон друг к другу. Сегодня все чаще можно услышать о начале новой Холодной войны между Москвой и Вашингтоном. Обе державы являются ведущими акторами в развитии современной системы международных отношений.

Сложившаяся конфронтационная ситуация заставляет обратиться к сегодняшней истории российско-американского взаимодействия и попытаться понять: в связи с чем за три десятилетия постсоветской России не удалось выстроить конструктивные, партнерские отношения с США, почему обе державы вновь стали открытыми противниками? Ответы на эти вопросы и содержатся на страницах данной монографии.

Объект исследования – российско-американские отношения в постбиполярный период.

Предмет исследования – процесс формирования и реализации внешнеполитического курса России на американском направлении.

Цель работы – выявить сущность, содержание и эволюцию внешней политики Российской Федерации в отношении США в условиях трансформации современного миропорядка.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- рассмотреть основные тенденции и динамику развития российско-американских отношений в контексте эволюции постбиполярного миропорядка;
- выделить этапы внешней политики РФ на американском направлении;
- охарактеризовать подходы российского руководства к выстраиванию сотрудничества с США;
- исследовать влияние внутренних и внешних факторов на формирование и реализацию внешнеполитического курса России касательно Соединенных Штатов;
- выявить ключевые раздражители между Москвой и Вашингтоном;
- определить подходы РФ и США к решению региональных проблем;
- проанализировать позиции России в диалоге с США по вопросам безопасности.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1991 по 2024 г. Нижняя граница объясняется выходом России на международную арену в качестве правопреемницы прекратившего свое существование СССР. Верхний рубеж приходится на начало 2024 г., т.е. текущий момент завершения работы над монографией, ознаменовавшийся президентскими выборами в РФ и переизбранием В. В. Путина главой государства.

Изучение роли и места США во внешней политике России опирается на разнообразные источники и научные публикации других авторов, ставшие информационной основой исследования.

Источники. Необходимость всестороннего рассмотрения политики РФ в отношении США обусловила использование довольно широкого круга

источников. В соответствии с проведенной классификацией, источниковая база исследования представлена следующими группами:

1) международные договоры, соглашения, меморандумы и совместные заявления, которые показывают регулирование различных аспектов отношений РФ с США. Так, договоры и меморандумы являются свидетельствами взаимных обязательств, принимаемых обеими сторонами. Декларации и хартии содержат в себе основополагающие внешнеполитические принципы и отражают совместные позиции по актуальным вопросам двусторонней повестки. Анализ данной группы источников позволил раскрыть процесс реализации политической воли лидеров двух государств, а также объективно сопоставить с дальнейшими историческими событиями, определяя тем самым степень декларативности изложенных положений в источниках;

2) документы международных и региональных организаций (ООН, НАТО и др.), позволяющие изучить позиции России и США на глобальном и региональном уровнях относительно решения актуальных проблем мировой политики;

3) акты национальных законодательств Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки, в которых заявлены внешнеполитические интересы государств. Среди них следует выделить доктринальные документы, определяющие концептуальные основы внешней политики РФ и США. Российские национально-правовые акты позволили выявить ключевые подходы России к решению основных проблем международных отношений и внешней политики страны в конкретный исторический период. В первую очередь, это Концепции внешней политики, принятые в 1993 г., 2000 г., 2008 г., 2013 г., 2016 г. и 2023 г.; Стратегии национальной безопасности (1997 г., 2000 г., 2009 г., 2015 г. и 2021 г.), а также Военные доктрины (1993 г., 2000 г., 2010 г., 2014 г.).

Доктринальные внешнеполитические документы США представлены Стратегиями национальной безопасности (1991 г., 1993 г., 1994 г., 1998 г., 2000 г., 2002 г., 2006 г., 2010 г., 2015 г., 2017 г., 2022 г.), в которых администрации Соединенных Штатов излагали для внутренней аудитории и мировой общественности цели, задачи и методы их реализации в отношении вопросов безопасности.

Документы данной группы дают возможность оценить степень влияния законодательных ветвей власти на процесс принятия решений руководством обеих держав в отношении друг друга, а также степень консолидации между законодательной и исполнительной ветвями власти в России и США;

4) официальные заявления и выступления высших должностных лиц России, США, НАТО по вопросам внешней политики и двусторонних отношений. Указанная категория документов передает оценку государственным деятелями той или иной ситуации, сложившейся под влиянием внутри- и внешнеполитических факторов. В первую очередь, это публичные заявления президентов РФ Б. Н. Ельцина (1991–1999 гг.), В. В. Путина (2000–2008 гг.; 2012–2024 гг.), Д. А. Медведева (2008–2012 гг.), премьер-министров, министров иностранных дел, министров обороны, их заместителей и сотрудников министерств и ведомств.

К этой группе источников относятся также официальные заявления и выступления государственных деятелей США – президентов, вице-президентов, госсекретарей, советников по национальной безопасности, министров обороны, послов и др., позволившие получить объективный взгляд на политику Вашингтона на российском направлении;

5) информационно-справочные материалы федеральных органов власти России и США. В частности, значительный объем информации о российско-американских отношениях в 1991–2024 гг. содержится в обзорных и справочных материалах МИД РФ и Госдепартамента США, а также дипломатических представительств двух держав;

6) выступления, заявления, интервью, статьи в СМИ государственных должностных лиц, политиков, военных, общественных деятелей России, США, НАТО, содержащие подходы и оценки различных аспектов взаимодействия России с США и НАТО. Наибольший интерес среди них для исследования представляли интервью глав государств и правительств, министров, послов и других высокопоставленных дипломатов, ведущих политических деятелей и общественных активистов, авторитетных экспертов и ученых;

7) документы политических партий России, в которых отражены подходы к развитию российско-американских отношений. Прежде всего, обращено внимание на внешнеполитические установки КПРФ, ЛДПР, партий «ЯБЛОКО», «Единая Россия» и некоторых других;

8) материалы средств массовой информации России, США и других стран по тематике российско-американских отношений. В первую очередь, стоит отметить информационные агентства, освещающие актуальную международную повестку: ТАСС, РИА Новости, Россия сегодня и др. Большой интерес представляют российские телеканалы – РТР, RT, 1 канал, ТВЦ, НТВ и др., а также газеты и журналы – «Российская газета», «Московский Комсомолец», «Известия», «Независимая газета», «Завтра», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Коммерсантъ», «Итоги», «Власть» и др. Из числа американских СМИ можно упомянуть такие издания, как The Washington Post, The New York Times, The Wall Street Journal, Los Angeles Times, USA Today, CNN International, Fox News, TIME, Reuters, Bloomberg и др.

Особенностью данной группы источников, в частности материалов западных СМИ, является, с одной стороны, наличие «инсайдерской» информации, которая порой недоступна из других источников, а с другой – их чрезмерная ангажированность и наличие наряду с правдой огромного потока лжи, дезинформации и так называемого «инфошума». Например, всемирно известные The Washington Post, The Wall Street Journal, The New York Times, Los Angeles Times и др. стали рупором русофобии. Они плодят фейки о России, позиционируют риторику двойных стандартов и часто не отражают реальную действительность;

9) материалы научно-аналитических центров РФ и США. Все возрастающую роль во внешнеполитическом планировании РФ начинают играть так называемые «мозговые центры», которые консультируют Кремль, правительство и парламент, а также дают экспертные оценки и рекомендации

по широкому кругу вопросов мировой политики. Конечно, их роль в процессе формирования и обоснования внешнеполитических инициатив в России не столь значительна, как в США, где отдельные научно-исследовательские центры напрямую влияют на принятие решений в сфере внешней и оборонной политики.

Отдельно необходимо отметить доклады американских экспертов, посвященные рассмотрению взаимодействия США и России, подготовленные специалистами ряда ведущих «мозговых центров»;

10) данные социологических опросов, мониторингов, исследований, которые помогают выявить позицию россиян в разные годы касательно внешнеполитических проблем и развития российско-американских отношений. В основном использована информация ВЦИОМ, Фонда «Общественное мнение», Левада-Центра и некоторых других социологических структур;

11) мемуары и воспоминания государственных деятелей, политиков, дипломатов, военных России, США и других стран. Детальное изучение мемуарной литературы целесообразно, прежде всего, для получения более полного представления о мотивах и оценках действий руководства России и США в 1991–2024 гг. Такие сведения, как правило, крайне редко можно почерпнуть из официальных документов или информационных материалов государственных структур. Например, мемуары и воспоминания Б. Н. Ельцина, А. В. Козырева, Е. М. Примакова, А. Л. Адамишина, К. В. Никифорова, Д. О. Рогозина, В. И. Чуркина, Дж. Буша-ст., Дж. Бейкера, Б. Клинтона, У. Кристофера, У. Перри, М. Олбрайт, С. Тэлботта, Дж. Буша-мл., Д. Чейни, К. Райс, Д. Рамсфелда, Р. Гейтса, Б. Обамы, Х. Клинтон, У. Бёрнса, М. Макфола, Дж. Болтона и др. позволяют проследить аргументацию непосредственных участников российско-американского диалога, прояснить ряд субъективных деталей принятия внешнеполитических решений, а также дают информацию о неформальных деталях этого процесса и о личном стиле руководителей исследуемого периода. Они несут в себе дух времени их написания – с его, возможно, ошибками и пристрастиями, но часто и с искренним пафосом авторов. При этом сравнительный анализ мемуаров российских и западных авторов, описывающих одни и те же события, нередко показывает кардинально противоположное видение имевшихся проблем и способов их решения, что еще раз свидетельствует об отсутствии взаимопонимания государств по многим вопросам двусторонней и международной повестки.

Историография проблемы. В современной мировой историографии насчитывается огромное количество работ, посвященных российско-американским отношениям. В последние тридцать лет данный вопрос по-прежнему остается в фокусе внимания многих исследователей как в России, так и за рубежом. Это объясняется той ролью, которую РФ и США играют в мировой политике, в связи с чем число публикаций с каждым годом лишь увеличивается.

Российская историография. Изучение США в России насчитывает не одно десятилетие. Оно началось еще в дореволюционный период, хотя тогда и не приобрело массовый характер. Интерес к исследованию Америки вырос в годы Холодной войны, когда американцы стали основным противником СССР.

Именно тогда в стране появились специализированные научно-исследовательские центры по изучению США, в задачи которых входила экспертно-аналитическая и консультационная деятельность, а также увеличилась подготовка научных кадров в области американистики [295]. Среди основных из них Институт США и Канады АН СССР, Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР, Институт всеобщей истории АН СССР, Московский государственный университет, Московский институт международных отношений, Дипломатическая академия и др. [294].

Следует отметить, что изучение Соединенных Штатов велось в непростых условиях. С одной стороны, уже в силу самого объекта исследования – при жесткой конфронтации периода Холодной войны – советским ученым было сложно объективно освещать историю США. С другой стороны, активизация исследований в данной области объяснялась особой актуальностью рассматриваемой темы и госзаказом. В связи с этим до конца 1980-х гг. работы советских авторов отличались гомогенностью и догматизмом.

После распада СССР интерес к изучению Америки в России сохранился. В стране наблюдался настоящий издательский бум работ американских авторов – политологов, историков, экономистов, социологов. Российские ученые продолжали свою исследовательскую деятельность, несмотря на сложные финансово-экономические условия, в которых оказалась страна, но уже на основе идейного и методологического плюрализма. В РФ интенсивно разрушались старые идеологические каноны и советское мировоззрение. В публицистике, в том числе и в работах академической интеллигенции, а также непрофессионалов в сфере международных отношений, имели место признаки эйфории в отношении США и Запада. Конечно, многие специалисты-международники не разделяли упрощенных толкований тех лет, хотя подобный общественно-политический фон в некоторой степени влиял и на них, что находило отражение в публикациях.

С 1990-х гг. российская историография характеризуется ростом многообразия взглядов и оценок на США и двусторонние отношения в условиях преобразования системы международных отношений [293; 296; 301]. Многие исследователи в области международных отношений и внешней политики быстро переориентировались с марксистско-ленинской парадигмы на плюралистический дискурс, восприняв идеи своих западных коллег. В демократической России стали интенсивно трансформироваться старые идеологические каноны и советское мировоззрение. Господствовавший прежде негативный образ Америки весьма быстро разрушался, а его место столь же стремительно занимал новый, сугубо положительный имидж США [300; 301].

Долгие годы на позициях сближения с Западом стояло подавляющее большинство представителей российского политико-академического сообщества, в том числе и известные американисты. Антиамериканских взглядов придерживались представители коммунистов и националистов, которые критически оценивали развитие отношений между РФ и США [302].

Относительно внешнеполитической идентичности России, ее места и роли на мировой арене, определения национальных интересов страны

в российских политико-экспертных кругах можно выделить несколько условных направлений: атлантисты, центристы, евразийцы, националисты, державники (государственники). При этом в каждой группе имеются как крайние, так и умеренные силы, как либералы, так и консерваторы, которые представлены на различных уровнях исполнительной и законодательной власти, в СМИ, академических институтах, экспертных центрах и высших учебных заведениях.

Сегодня лидирующие позиции в России в изучении российской внешней политики и российско-американских отношений занимают институты Российской академии наук – Институт США и Канады (ИСКРАН), Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН), Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН); аналитические центры – Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), Российский совет по международным делам (РСМД), Российский институт стратегических исследований (РИСИ), ПИР-Центр, Горбачев-фонд, Московский Центр Карнеги (до апреля 2022 г.); университеты – МГУ, МГИМО, Дипломатическая академия, РУДН, РГГУ, ВШЭ, МГЛУ, СПбГУ, Томский, Нижегородский, Саратовский, Волгоградский и др.

Среди современных российских исследований, посвященных взаимоотношениям РФ и США, выделяются работы А. Г. Арбатова, В. Г. Барановского, Э. Я. Баталова, В. И. Батюка, А. Д. Богатурова, М. В. Братерского, Н. И. Бубновой, К. С. Гаджиева, Н. В. Загладина, С. А. Караганова, Т. В. Кашириной, С. В. Картунова, В. А. Кременюка, А. М. Миграяна, В. А. Никонова, А. К. Пушкова, С. М. Рогова, С. М. Самуйлова, В. В. Согрина, Э. Г. Соловьева, Д. В. Тренина, А. И. Уткина, А. В. Фененко, Т. А. Шаклеиной, С. Ю. Шенина и др.

Специфической особенностью российской историографии является исследование российско-американских отношений с позиции подходов США к России, а не наоборот. Конечно, авторы рассматривают их с учетом национальных интересов РФ, однако изложение материала в подавляющем большинстве публикаций подается сквозь призму действий Вашингтона. В российских публикациях именно Соединенные Штаты находятся на первом плане повествования, а не Россия.

Российская историография представлена различными интерпретациями, точками зрения и оценками внешнеполитического курса страны на американском направлении. При этом для большинства публикаций было характерно критическое восприятие Соединенных Штатов. По мнению многих российских авторов (А. Г. Арбатов, А. Д. Богатуров, С. М. Рогов, С. В. Картунов, А. К. Пушков, А. И. Уткин, Т. А. Шаклеина и др.), главным фактором, приведшим двусторонние отношения РФ и США к кризису, является политика Вашингтона. Вместе с тем исследователи признают, что и Россия несет свою долю ответственности за крушение многих надежд относительно конструктивного развития российско-американского сотрудничества.

В последние годы для представителей основных направлений политико-академического сообщества РФ (умеренных консерваторов, националистов, коммунистов, либералов) характерен консенсус по фундаментальным внешнеполитическим проблемам. Он основан на согласии относительно ключевых

внешних вызовов национальным интересам страны [297; 298; 299; 302]. На протяжении последних двадцати лет среди экспертов росло убеждение, что прежняя парадигма отношений с коллективным Западом более неприемлема для России, а ряд действий США и НАТО представляет серьезную угрозу национальной безопасности страны и требует адекватного ответа. Одновременно в российских публикациях подчеркивается стремление РФ к взаимовыгодному сотрудничеству по всему спектру региональных и глобальных проблем.

Американская историография. Распад СССР и окончание Холодной войны существенно снизили интерес американского политико-академического сообщества к России. Если советология в США являлась одной из ведущих междисциплинарных сфер исследований, то русистика подобным статусом не обладает. Перестав видеть в РФ опасного врага, коим являлся Советский Союз, в Америке урезали программы по изучению России и русского языка, снизили финансирование, сократили кадры специалистов-русистов. Тем не менее российская повестка осталась, пусть и в ограниченном варианте, в фокусе аналитиков из различных научно-исследовательских центров США. Как известно, американские «фабрики мысли» прямо или косвенно участвуют в процессе принятия внешнеполитических решений Вашингтоном. Их сотрудники являются кадровым резервом для государственной службы. И, наоборот, многие чиновники после выхода в отставку возвращаются в университеты либо в экспертные центры.

Наиболее авторитетными «фабриками мысли», оказывающими значительное влияние на выработку внешнеполитической стратегии США и методы ее реализации на российском направлении, являются Совет по международным делам, Институт Брукинга, Фонд Карнеги за международный мир, РЭНД корпорейшн, Фонд «Наследие», Гуверовский институт войны, революции и мира Стэнфордского университета, Центр стратегических и международных исследований, Атлантический совет и др.

В американской историографии внешней политики России и российско-американских отношений выделяется несколько направлений – либеральное, реалистическое и конструктивистское. При этом следует учитывать, что на протяжении трех десятилетий многие исследователи неоднократно меняли свои оценки и позиции.

В 1990-е гг. представители либерального направления (А. Аслунд, Зб. Бжезинский, Дж. Биллингтон, Дж. Голдгейр, М. Макфол, М. Мэнделбаум, Р. Легволд, Ч. Мэйнс, С. Коэн, С. Пайфер, Ю. Румер, С. Сестанович и др.) признавали наличие атмосферы конфликтности в американо-российских отношениях и указывали на необходимость ее преодоления путем выстраивания конструктивных отношений с Россией, несмотря на имеющиеся противоречия. Многие из них активно анализировали процессы институциональных преобразований в РФ и акцентировали внимание на роли демократии в развитии двусторонних отношений. По их мнению, демократизация России улучшит международную безопасность, поскольку демократии друг с другом не враждуют. Поэтому, исходя из своих установок, либералам трудно осмыслить

возвращение Москвы к великодержавному мышлению. С их точки зрения, подобное поведение является иррациональным.

Для представителей реалистического направления (Г. Киссинджер, Дж. Миршаймер, Р. Блэквилл, Э. Качинс, А. Коэн, Т. Грэм, А. Стент, С. Уолт и др.) характерна более взвешенная позиция роли и места России на мировой арене. Как правило, они подчеркивали постоянство российской внешней политики в контексте отстаивания Москвой национальных интересов и достижения внешнеполитических целей. При этом постсоветскую Россию реалисты считали побежденной страной, пытающейся найти себя в условиях постбиполярного миропорядка во главе с США. Именно этим они объясняли действия РФ на постсоветском пространстве, Ближнем Востоке и других регионах мира.

Конструктивисты (А. П. Цыганков и др.) при рассмотрении международных отношений уделяют первостепенное внимание социально-культурным факторам. С их точки зрения, влияние на внешнеполитическое поведение России оказывают дебаты о национальной идентичности, формирующейся под воздействием местных российских условий и фактора Запада как значимого Другого.

По мере разочарования представителей политико-академического сообщества США в РФ в американской историографии увеличилось количество негативных оценок. Позиция большинства западных авторов относительно внешней политики России состоит в осуждении действий ее руководства, стремящегося к пересмотру постбиполярного миропорядка. Еще в 1990-е гг. в американской историографии появилось значительное количество работ, критикующих поведение РФ, авторами которых были как консерваторы (Р. Пайпс, Г. Киссинджер, А. Коэн, П. Добрянский), так и либералы (Зб. Бжезинский, М. Макфол, С. Сестанович, Т. Колтон).

В 2000-е гг. критиков России среди американских политиков и экспертов стало еще больше. Для них главным критерием отношения к РФ стал уровень демократии, соблюдения прав человека и невмешательства во внутренние дела новых независимых государств. Как в свое время справедливо отметил британский политолог А. Ливен, падение коммунизма и распад СССР не изменили враждебное отношение многих представителей американского истеблишмента к России, которая не соглашается становиться зависимым вассалом США [790, р. 162]. Среди тех, кто пытался отойти от тенденциозности и более-менее объективно оценивать российско-американские отношения, можно назвать Дж. Кеннана, С. Коэна, Дж. Гудби, Дж. Мэтлока, Ч. Мэйна, Ч. Капчэна, Д. Саймса, Э. Качинса, К. Лэйна, Р. Легволда, Т. Грэма и др. Как правило, указанные авторы придерживались идей неореализма при изучении международных отношений. Именно с его помощью они пытались объяснить логику внешнеполитического поведения России в постбиполярном мире.

В 2000-е гг. несколько изменились тональность и содержание публикаций отдельных экспертов из ряда консервативных центров. Это относится, например, к работам А. Коэна из Фонда «Наследие», Л. Арона из Американского предпринимательского института, которые, не отрицая наличия негативных фактов в развитии РФ, высказывались против нагнетания «страстей

по России», против ее превращения в нового врага Америки, за необходимость сохранения разумного сотрудничества в тех областях, где присутствовали общие интересы. По их мнению, «одержимость» многих представителей политико-академического сообщества США в вопросе о России вызывает удивление [644, с. 14].

Действительно, одной из тенденций, проявивших себя в XXI веке во внешнеполитической мысли США, стало сближение взглядов консерваторов и либералов относительно России на русофобской основе. В 2010-е гг. негативный образ путинской России стал для представителей американского политико-академического сообщества определяющим. Как они убеждены, что находит отражение в огромном количестве публикаций, конфронтация между РФ и США усиливается в основном за счет действий Москвы: именно путинская Россия бросила вызов западному миропорядку, чем дестабилизировала ситуацию на международной арене. Для большинства авторов (М. Макфол, Я. Бугайский, Т. Снайдер и др.) стало характерным превалирование идеологических клише, очерняющих РФ, над здравыми рассуждениями. Многие американские авторы (Д. Дженсен, Т. Снайдер, М. Макфол, Ф. Хилл, С. Чарап и др.) связывали ухудшение российско-американских отношений непосредственно с В. В. Путиным и его «авторитарным режимом». Как, например, подчеркивал старший научный сотрудник по России и Евразии Международного института стратегических исследований Н. Гулд-Дэвис: «...ни одна другая страна не угрожает более широкому спектру американских интересов и ценностей, как внешних, так и внутренних» [752].

Сторонники реализма, пытающиеся более-менее трезво оценивать политику России и российско-американские отношения, оказались в явном меньшинстве. К таковым можно отнести Дж. Миршаймера, М. Рожански, Г. Киссинджера, Э. Качинса, Д. Саймса, А. Коэна, А. Стент, А. Ливена и др.

В последние годы американские СМИ и экспертное сообщество практически едины в негативных оценках «агрессивной и неправильной» России. За ярко выраженную русофобскую позицию такие, некогда уважаемые структуры, как Германский фонд Маршалла и Атлантический совет, в итоге были признаны в РФ нежелательными организациями. В свою очередь, сторонники объективного подхода, например, «Центр за национальный интерес» Д. Саймса, за призыв наладить диалог с Москвой подверглись остракизму и маргинализации [255, с. 39].

Усилившийся поток критических материалов о России вызывает эмоциональную реакцию в российских политико-экспертных кругах. На наш взгляд, это является очередным подтверждением традиционной оглядки на США, самоутверждающихся в своей значимости. Посему есть определенная логика в словах сенатора А. К. Пушкова о том, что «в России слишком много внимания уделяют тому, что о нас пишут и говорят на Западе. <...> Это пережиток конца 1980-х – 1990-х, когда главной целью стало одно – понравиться США и Западу. Но этот пережиток пора оставить в прошлом. <...> Продолжая мерить себя их стандартами и отзывами, мы лишь подтверждаем некую собственную

вторичность. Словно они – судьи, они выносят оценки, а мы – подсудимые, мы пытаемся оправдаться и эти оценки опровергать» [490].

К настоящему моменту в информационном пространстве по обе стороны океана увеличилось количество публичных комментаторов, не являющихся высокопрофессиональными экспертами в тех областях, на знание которых они претендуют. Их влияние в информационном поле можно объяснить высоким спросом СМИ на «говорящие головы». Сегодня они в значительной степени формируют дискурс о российско-американских отношениях. Порой их оценки и комментарии лишены объективности, достоверности и полноты анализа проблемы.

Подводя итог проведенному историографическому обзору, нельзя не отметить, что, несмотря на огромное количество имеющихся научных работ в сфере изучения российско-американских отношений, проблема настолько многогранна, что ряд ее аспектов нуждается в дополнительной научной разработке. И данная монография является авторской попыткой, предпринятой в указанном направлении.

Теоретико-методологическая база исследования. Особое значение при изучении политики России в отношении США имеет методологическая основа исследования. Она характеризуется междисциплинарностью. В первую очередь, речь идет о методологии исторической и политической наук. Междисциплинарный подход позволяет полнее осветить внешнеполитическую деятельность Российской Федерации на американском направлении. С одной стороны, она рассматривается как исторический процесс со своей периодизацией и причинно-следственными связями, лежащими в основе его развития, что соответствует историческим исследованиям. Поэтому данное исследование базируется на принципах историзма, объективности, системности и научной достоверности.

Автор монографии использовал историзм в качестве принципа научного познания, предполагающего изучение отдельных явлений и фактов российско-американских отношений в их развитии и взаимосвязи, с учетом конкретно-исторической обстановки.

Реализация принципа объективности связана с учетом имеющихся различных точек зрения и подходов к формированию и осуществлению внешней политики России, максимально полным отбором фактов, их беспристрастным освещением и анализом.

Исследование проблемы внешней политики РФ проводится на основе комплексного анализа тенденций и событий, так или иначе связанных с развитием российско-американских отношений. Принцип системности позволил остановиться на внешнеполитической деятельности России как целостном явлении, обладающем набором характерных черт и подверженном воздействию внутренних (внутриполитическая борьба, социально-экономическая ситуация, общественное мнение граждан) и внешних (столкновение геополитических интересов РФ и США в мире, трансформация международной системы, глобальные и региональные вызовы и угрозы, роль третьих стран и организаций) факторов, находящихся в той или иной степени во взаимодействии и взаимозависимости друг с другом.

Принцип научной достоверности способствовал верификации использованных материалов путем их сравнения и выявления сходств и отличий. Это минимизировало возможные неточности изложения американской политики России в рассматриваемый период.

С другой стороны, внешняя политика России предполагает анализ ее актуальных тенденций с позиции теории международных отношений, которая относится к политической науке.

Среди современных исследовательских подходов в сфере теории международных отношений и внешнеполитического анализа доминируют либерализм, неореализм и конструктивизм.

Первый из них опирается на либеральные принципы построения нового миропорядка с опорой на глобализацию, где ведущую роль играют международные институты и глобальная торговля. Поэтому либералы ставили под сомнение доводы реалистов о том, что национальные интересы являются основным фактором внешнеполитического поведения, считая, что только распространение демократии, глобальные экономические связи и международные организации укрепят постбиполярный миропорядок [7, с. 606].

Второй подход базируется на категориях военной силы, баланса сил и рационального выбора, которые весьма полезны при рассмотрении процессов взаимодействия между великими державами, коими являются РФ и США. Таким факторам, как идеология, идентичность, характер политического режима, реалисты отводят второстепенную роль [7, с. 606].

Третий подход подразумевает влияние ряда так называемых общих смыслов (идеологии, идентичности, ценностей и т.д.) на внешнеполитическое поведение субъектов мировой политики. Конструктивисты убеждены, что данные категории оказывают большее воздействие на процесс принятия внешнеполитических решений, нежели рациональные взгляды. С их точки зрения, ограничиваться только национальными интересами, как это делают реалисты, или институциональными условиями, как полагают либералы, явно недостаточно. Конструктивисты обращают внимание в мировой политике на личностный фактор, влияющий на процесс принятия государственных решений, нормативный фактор, объясняющий международное поведение государств ценностями и нормами, и социально-психологический фактор, обусловленный международной средой. При этом изначально заданных установок и ценностей не существует, участники приобретают их в процессе деятельности. Объект познает себя только по отношению к «Другому» как партнеру, союзнику, противнику и даже врагу, вступая с ним в определенные взаимоотношения [7, с. 592].

На наш взгляд, использование отдельных методологических наработок неореализма и конструктивизма помогло получить намеченные результаты в сфере исследования политики России в отношении США. В связи с этим автор монографии предлагает свой подход в изучении международных отношений и внешней политики – конструктивный реализм, который объединяет в себе ряд положений реализма и конструктивизма. В этом плане согласимся с мнением датского международногоника Х. Моуритцена о пользе сочетания элементов

реалистичной и конструктивистской теорий международных отношений и внешнеполитического анализа [817].

Междисциплинарный характер монографии обусловил использование логических, общенаучных, а также специальных методов исследования исторической и политической наук.

Среди логических и общенаучных методов исследования следует назвать анализ, синтез, индукцию, дедукцию, аналогию, сравнение, обобщение, классификацию, типологизацию, исторический и логический методы.

Метод анализа позволил выделить и изучить факторы, которые влияли на формирование и реализацию российской политики на американском направлении. Тогда как с помощью метода синтеза отдельные факты, полученные на основе анализа, были приведены в единое целое, отражающее общие тенденции и закономерности политики России в отношении США в контексте развития постбиполярного миропорядка.

Благодаря методам индукции и дедукции удалось выделить ряд общих для внешней политики РФ черт и особенностей, а также систематизировать разрозненные факты в единые направления и тенденции развития американского вектора внешней политики США.

Метод аналогии позволил увидеть схожие черты у тех или иных объектов, раскрывающих сущность внешней политики России.

Метод сравнения был использован при сопоставлении политики РФ и США в отношении друг друга, а также при выявлении основных этапов развития российско-американского диалога.

С помощью метода обобщения были обозначены общие черты и тенденции развития внешнеполитической деятельности России в отношении США.

Метод классификации помог выделить отдельные объекты исследования, составляющие сущность внешней политики России как единой системы.

Метод типологизации дал возможность осуществить группировку и сравнение элементов американского вектора российской внешнеполитической стратегии по определенным критериям.

Исторический метод привел к реконструированию российской политики на американском направлении в рассматриваемый период.

Применение логического метода способствовало раскрытию особенности взаимодействия России с США и причинно-следственные связи их поведения на международной арене в каждом конкретном случае.

Использование проблемно-хронологического метода позволило компоновать материал в хронологической последовательности, выделяя для анализа наиболее важные закономерности и тенденции. Акцент был сделан на главных проблемах развития российско-американских отношений, позициях ведущих политических сил, экспертов и общественности по актуальным вопросам двусторонней и мировой повестки.

Предмет исследования (формирование и реализация американского вектора внешней политики РФ) обусловил исторический характер работы, что выразилось в широком применении специальных методов исторической науки.

В частности, был использован историко-генетический метод исследования, который позволил найти истоки рассматриваемых событий и процессов, установить причинно-следственные связи и показать динамику развития российско-американских отношений в условиях трансформации постбиполярного миропорядка.

Историко-сравнительный метод дал возможность сопоставить подходы Москвы к выстраиванию отношений с Вашингтоном, найти общие черты и различия в рамках процесса реализации внешнеполитических интересов России на американском направлении в разные годы, а также сравнить политику РФ и США касательно друг друга в 1991–2024 гг.

Историко-типологический метод, основанный на сравнении и группировке объектов по определенным критериям, способствовал выявлению общих черт в политике России в отношении США и основных этапов ее становления и реализации.

Изучение отдельных аспектов российско-американских отношений потребовало использования подходов и методов политической науки. Это обусловлено достаточно сложным и противоречивым характером установления приоритетов российской внешней политики, находящейся в тесной взаимозависимости с различными внутриполитическими процессами.

Метод *структурно-функционального анализа* позволил рассмотреть внешнеполитические интересы, цели и задачи российской политики на американском направлении в 1991–2024 гг., а также обозначить характерные для их реализации внешнеполитические инструменты, средства и приемы.

Институциональный метод дал возможность охарактеризовать подходы различных институтов власти и политических сил России к выстраиванию отношений с Соединенными Штатами.

Нормативно-ценностный метод содействовал выявлению мотивов и ожиданий представителей политического истеблишмента РФ касательно взаимодействия с США на основе их представлений относительно путей сотрудничества между двумя странами на двусторонней и многосторонней основе.

Метод *событийного анализа (ивент-анализ)* помог выделить этапы эволюционного развития российско-американских отношений в соответствии с предложенной периодизацией.

В рамках *междисциплинарного подхода* к исследованию использовались методы количественного анализа и дискурс-анализа.

С помощью *количественного анализа* проанализирована частота официальных визитов и встреч представителей российского руководства на высшем и высоком уровнях с американскими коллегами и выявлена степень приоритетности той или иной сферы взаимодействия РФ с США.

Метод *дискурс-анализа* был использован в целях интерпретации текстов внешнеполитического содержания как результатов деятельности лиц, на которых оказывали влияние общественно-политические обстоятельства, социально-экономические и культурно-исторические условия соответствующего этапа развития российского государства и внешнеполитического курса России.

Большое значение для исследования российской внешней политики представляет социально-психологический подход. Известно, что время, условия и общественные настроения в той или иной степени воздействуют на процесс принятия внешнеполитических решений и их реализацию. Здесь необходимо учитывать и субъективный фактор, поскольку порой лица, облеченные властью, руководствуются скрытыми мотивами.

Использование нарративного метода позволило представить более-менее целостную картину исследуемой проблемы для объективной авторской интерпретации политики России в отношении США в рассматриваемый период.

Результаты применения указанных методов помогают, на наш взгляд, показать, как осуществлялась российская политика на американском направлении в 1991–2024 гг.

Предлагаемая монография не претендует на истину в последней инстанции и не носит исчерпывающего характера в силу многогранности и масштабности проблемы исследования. Она является лишь одной из многих попыток рассмотрения современных российско-американских отношений. Тем не менее надеемся, что она займет свое место в историографии проблемы. Ее особенностью является комплексный, системный подход к исследованию российско-американских отношений сквозь призму внешнеполитического поведения России в условиях трансформации современного миропорядка. Ведь при всем обилии работ по российско-американским отношениям сегодня исследований обзорного характера по внешней политике РФ все еще явно недостаточно.

РАЗДЕЛ I

ЭПОХА ЕЛЬЦИНА: НЕОПРАВДАВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО ПАРТНЕРСТВА

ГЛАВА 1

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АМЕРИКАНСКОГО ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТСТВА Б. Н. ЕЛЬЦИНА (1991–1996 гг.)

Становление американского вектора внешней политики России проходило в условиях прекращения более чем сорокалетнего противостояния СССР и США. В начале 1990-х гг. Советский Союз быстро сдавал свои международные позиции, а коммунистическая идеология оказалась в глубоком кризисе. Внутри страны стремительно набирали темп центробежные тенденции, вылившиеся в так называемый «парад суверенитетов». Российское руководство, позиционирующее себя в качестве демократов, противостоящих «коммунистической реакции», бросило открытый вызов центру.

В условиях борьбы за власть (с М. С. Горбачевым) Б. Н. Ельцин и его команда были заинтересованы в получении поддержки со стороны американцев. Впервые он побывал в США, будучи еще в статусе депутата Верховного Совета СССР, в сентябре 1989 г. Его визит в Соединенные Штаты был организован Г. П. Алференко из «Фонда социальных изобретений», который получал средства за счет пожертвований из Америки [537, с. 76]. Именно тогда он познакомился с рядом представителей американского истеблишмента. Однако на многих из них Б. Н. Ельцин произвел не лучшее впечатление, так как во время поездки он вел себя достаточно некорректно. Например, сопровождавший его Дж. Гаррисон дал будущему президенту России следующую характеристику: «Ельцин – человек с грубыми инстинктами и непредсказуемым поведением...» [96, с. 229]. Особенно он удивил советника президента США по национальной безопасности Б. Скоукрофта, который охарактеризовал российского лидера как автократа и популиста [145, с. 34]. Поэтому вплоть до распада Советского Союза Вашингтон делал ставку на М. С. Горбачева, который вполне устраивал американцев в качестве партнера. Президент СССР находился под влиянием США, поэтому они всячески его поддерживали. По мере нарастания в Советском Союзе дезинтеграционных процессов Вашингтон всерьез опасался, что советский лидер может утратить контроль над ядерной сверхдержавой и это приведет к хаосу. В частности, госсекретарь Дж. Бейкер открыто призывал Соединенные Штаты сделать все, чтобы «укрепить союзный центр», т.е. власть

М. С. Горбачева. Распад Югославии стал для американцев наглядным примером того, что может произойти в многонациональном государстве, когда его части потребуют независимости. Поэтому многие сотрудники в администрации Буша-ст. считали, что за падением М. С. Горбачева может последовать сдвиг вправо [145, с. 34]. При этом, будучи ветераном Холодной войны, американский президент не горел желанием спасти социализм даже с «человеческим лицом» [317, с. 253]. Как подчеркивал бывший посол США в СССР Дж. Мэтлок, несмотря на свою симпатию к М. С. Горбачеву, Дж. Буш-ст. скорее «искал повода не оказывать помощи Советскому Союзу, а не наоборот» [386, с. 475]. Более того, по свидетельству Р. Гейтса, летом 1989 г. ему поручили сформировать небольшую секретную группу для составления планов распада СССР [143, с. 138].

Б. Н. Ельцина же воспринимали в Вашингтоне в качестве пьяницы и демагога, которому нельзя верить. Тем не менее его сторонники вели активную деятельность среди американских политических кругов по снижению недоверия к российскому руководству. Так, министр иностранных дел России А. В. Козырев во время своих визитов в США пытался убедить американцев в необходимости поддержки Б. Н. Ельцина в борьбе с «реакционерами» из КПСС, уверяя своих собеседников в том, что поддержка российского президента отвечает национальным интересам Соединенных Штатов [52, с. 291]. Например, в феврале 1991 г., благодаря семье политологов Гати, ему было организовано выступление во влиятельном Совете по международным отношениям, где он попытался представить американским экспертам точку зрения команды Ельцина на происходящее в СССР [270, с. 157]. В конечном итоге, это принесло свои плоды. По словам С. Тэлботта, сыгравшего в 1990-е гг. заметную роль в развитии американо-российских отношений, постепенно многими представителями американской элиты Б. Н. Ельцин стал восприниматься не только как «демократически избранный», но и «первый руководитель, лишенный имперских амбиций» [614, с. 34]. Особенно ему благоволила группа министра обороны Р. Чейни, в которую входили П. Вулфовиц, З. Халилзад и Л. Либби [581, с. 25].

В Москве много внимания налаживанию отношений с Б. Н. Ельциным уделял посол Дж. Мэтлок [77, с. 83]. Правда, Вашингтон дал ему указания не давать российскому лидеру никаких авансов [216, с. 300]. Подобную линию продолжил и Р. Страусс, ставший новым американским послом в СССР. По признанию Е. Т. Гайдара, многое для упразднения недоверия со стороны США к российским властям было сделано американским послом Р. Страуссом, который лоббировал интересы команды Ельцина [139, с. 169–170]. В своих телеграммах в Вашингтон он убеждал свое руководство оказать поддержку российским реформаторам [770, р. 62–63]. В результате постепенно США стали выстраивать отношения не только с руководством СССР, но и России. В июне 1991 г. Б. Н. Ельцин по приглашению Конгресса посетил Соединенные Штаты, где встретился с Дж. Буш-ст. [216, с. 302]. Как аллегорически сказал по этому поводу сам президент США: «Надо танцевать с теми, кто находится на танцплощадке» [88, с. 444]. Он встретился с Б. Н. Ельциным 29 июля 1991 г.

во время своего визита в Советский Союз, что стало наглядным подтверждением пересмотра прежней позиции Вашингтона. При этом российский президент заставил Дж. Буша-ст. прождать семь минут в своей приемной. После этого американский президент согласился увеличить срок беседы с 15 минут до 40 плюс [619, с. 175–176].

После провала августовского путча контакты американского руководства с командой Ельцина активизировались. Хотя изначально Вашингтон давал довольно сдержанную оценку событиям в Москве [437, с. 148]. Но 21 августа 1991 г. Дж. Буш-ст. позвонил Б. Н. Ельцину и впервые назвал его «Борис, мой друг!» [619, с. 188]. Информировав Вашингтон о ГКЧП, российский президент сообщал Дж. Бушу-ст. о том, что в Москве имеет место попытка прихода к власти «хунты правой ориентации». После ареста членов ГКЧП Б. Н. Ельцин в телефонном разговоре с американским президентом сказал, что «у нас демократия одержала величайшую победу. Мы должны действовать совместно, чтобы не повторилось ничего подобного. Огромное Вам спасибо за оказание нам колоссальной помощи» [703, р. 533].

28 августа 1991 г. российский президент, по сути, осуществил контрпутч, лишив М. С. Горбачева ряда инструментов по управлению рушащимся государством [741, р. 379]. Прибыв в сентябре 1991 г. в Москву, госсекретарь Дж. Бейкер сообщал в Вашингтон о том, что успех российских демократов очень важен для США, поскольку отвечает американским интересам по переустройству мира на основе западных фундаментальных ценностей. Провал их усилий, по мнению дипломата, наоборот, будет способствовать приходу к власти в Москве авторитарного лидера, что приведет к новому противостоянию с Западом [683, р. 535]. Это стало свидетельством несомненного внешнеполитического успеха Б. Н. Ельцина в его борьбе с М. С. Горбачевым за власть в стране, несмотря на поддержку последнего американцами. Правда, до самого конца существования СССР Вашингтон придерживался осторожной линии относительно внутривнутриполитической борьбы в Москве, о чем Дж. Буш-ст. прямо сообщил Б. Н. Ельцину в телефонном разговоре 13 декабря 1991 г. [903, р. 2–3]. Российский президент хотел же одного – признания американцами России [813].

В сложившейся ситуации А. В. Козырев подчеркивал, что после провала путча в стране «была окончательно ликвидирована идеологическая и практическая основа для политики враждебности в отношении США» [270, с. 225]. Так, 24 августа 1991 г., выступая на митинге в Москве, в качестве официальной позиции страны он провозгласил следующее: «Для демократической России США и другие западные демократии – настолько же естественные друзья, а в перспективе союзники, насколько естественными врагами они были для тоталитарного СССР» [270, с. 211].

18 декабря 1991 г. на первой встрече государственного секретаря правительства России Г. Э. Бурбулиса и министра иностранных дел России А. В. Козырева с коллективом бывшего МИД СССР глава российского внешнеполитического ведомства дал четко понять своим коллегам, что отныне Москва будет осуществлять курс на полноценное партнерство с Западом [30, с. 59–60]. Для А. В. Козырева на первом плане была Америка, которую он считал «маяком

нравственной истины» [156, с. 113]. Его позиция полностью поддерживалась президентом России. Б. Н. Ельцин считал, что назначение А. В. Козырева министром иностранных дел было правильным выбором [184, с. 214]. Поддерживал его и Е. Т. Гайдар, который называл А. В. Козырева не иначе как «интеллигентный, умный парень» [139, с. 332].

После того как 25 декабря 1991 г. СССР прекратил свое существование, Вашингтон немедленно объявил о признании России в качестве независимого государства и правопреемницы Советского Союза. Дж. Буш-ст. в рождественской речи к американской нации заявил о поддержке передачи России места СССР в качестве постоянного члена СБ ООН [216, с. 555]. В результате 27 декабря советский посол в ООН Ю. М. Воронцов занял свое обычное место уже как представитель России [778, р. 58]. История СССР завершилась. При этом, по признанию Р. Гейтса, среди политико-академического сообщества США не было согласия относительно того, насколько американцы были причастны к исчезновению Советского Союза [744, р. 552]. В любом случае в истории двусторонних отношений начался новый этап.

Россия, признанная международным сообществом в качестве правопреемницы СССР, намеревалась играть заметную роль на мировой арене. Однако следует признать, что ее роль, вес и место в постбиполярном мире существенно изменились, даже несмотря на сохранение в арсенале ядерного оружия. Как подчеркивал американский исследователь М. Баукер, осознанию российским руководством текущих реалий в значительной степени мешал унаследованный страной от СССР психологический шлейф былой мощи и авторитета советской сверхдержавы [694, р. 44].

В политическом истеблишменте страны стали оформляться сторонники и противники сближения с США. Именно первые из них оказались у власти и начали продвигать повестку активного взаимодействия с западными странами. Они получили широкую поддержку общественности страны и полное доверие высшего руководства во внешнеполитической сфере. Б. Н. Ельцин считал, что Россия и США должны быть лидерами постбиполярного миропорядка, совместно решать мировые проблемы [184, с. 220]. Российская политическая элита надеялась на то, что окончание Холодной войны и демократическая трансформация страны сделают Запад не только естественным партнером, но и союзником России [37, с. 86]. Задача построения РФ дружественных и конструктивных отношений с США рассматривалась в Москве не как результат поражения страны в Холодной войне, а как победа российской демократии. Отсюда и проистекал тот внешнеполитический романтизм, который создавал в глазах российских либералов наивную перспективу партнерских российско-американских отношений [511, с. 9].

Команда Ельцина (Е. Т. Гайдар, Г. Э. Бурбулис, А. В. Козырев, Б. Г. Федоров, А. Б. Чубайс и др.) считала, что альтернативы вестернизации России нет, поэтому необходимо как можно скорее стать частью западного мира, для чего следует быстрыми шагами идти навстречу американцам. Политику «атлантизма» поддерживали и многие представители российского экспертного сообщества [198, с. 44].

В Вашингтоне в 1992–1993 гг. линию на тесное сотрудничество двух стран проводил посол В. П. Лукин. Он был сторонником максимально дружественной политики по отношению к Соединенным Штатам с учетом тогдашних российских и глобальных реалий [349]. На одной из конференций МГИМО в феврале 1992 г. В. П. Лукин высказался о роли Америки в политике России следующим образом: «США были и остаются наиболее важной для нас страной на некоторый обозримый период» как «страна, которая в состоянии организовать очень многое для нас, если она захочет это сделать, или, наоборот, дезорганизовать. Наша важнейшая задача в этом направлении с точки зрения пользы для нашей страны – следить за политикой США и стараться повлиять на нее» [586, с. 108].

Однако во внешнеполитическом мышлении России не было четкого понимания, какой курс и как его проводить на международной арене. Многие исходили из возможности сохранения за страной великодержавного статуса и влияния в международных делах, то есть надеялись на тесные партнерские отношения с США в условиях постбиполярного мира. Но великодержавные амбиции, характерные для части российского руководства, доставшиеся ему по инерции от советского внешнеполитического мышления, диссонировали с реальными возможностями демократической России 1990-х гг. Страна быстрыми темпами погружалась в системный кризис, затронувший все сферы жизни общества и государства. По признанию А. В. Козырева, в России «порядка никакого не было. Все с колес делалось. Ни правительства нормального, ничего» [308]. Это отмечалось и другими наблюдателями. Так, видный советский и российский дипломат Ю. М. Воронцов вспоминал, что основа внешней политики страны была непонятной. В руководстве говорилось лишь о построении демократического государства, отсюда отрицалось все советское. «Поэтому и указания из Центра приходили зачастую какие-то сумбурные и непонятные, которые иногда приходилось оспаривать» [166, с. 177–178]. Другими словами, внешняя политика страны «плыла по воле волн», как правило, реагируя на текущие события в мире [586, с. 108]. Тем самым внешнеполитические действия Москвы представляли собой суету, импровизацию, некомпетентность и шарханье из стороны в сторону [364, с. 387]. По признанию Дж. Бейкера, сумбур в умах российского руководства раздражал американцев [683, р. 567–568].

Тем не менее Москва ожидала от Вашингтона учета интересов России как молодого демократического государства и конструктивных шагов навстречу [67, с. 54–55]. В Кремле и МИДе утверждали, что «новая Россия» – это по-прежнему «великая Россия», но теперь еще и «цивилизованная», т.е., по сути, «западная» [603, с. 10]. По справедливому замечанию А. И. Уткина, многие в российской элите «наивно и невольно ждали от представителя самой богатой и могущественной страны сострадания к положению страны, неумело рванувшейся навстречу Западу, платя при этом большую цену и освобождая Америке место теперь уже единственной сверхдержавы» [620, с. 629]. Младореформаторы, которых прозвали «мальчики в розовых штанах», всерьез рассчитывали на западную помощь в осуществлении рыночных и демократических преобразований в стране, наивно ожидая встречного энтузиазма. В 1992 г.,

по словам Е. Т. Гайдара, в России «была жуткая, невероятная неразбериха. У нас не было ни денег, ни золота, ни зерна, чтобы дотянуть до следующего урожая» [581, с. 32]. Либералы-западники убеждали Вашингтон, что альтернатива российским демократам – возвращение к власти в Москве коммунистов или националистов. Тем самым во внешнеполитическом сознании руководства страны наблюдалась парадоксальная ситуация: с одной стороны, Москва рассчитывала на равный статус с Вашингтоном в новом миропорядке, а с другой – надеялась на американскую помощь. В кругах российской элиты мечтали о подобии «плана Маршалла», считая, что нужно идти на максимальные уступки, тогда Россия станет полноценным членом западного сообщества. Еще осенью 1991 г. тесно связанный с Б. Н. Ельциным мэр Москвы Г. Х. Попов совершил ряд поездок на Запад, в том числе и в США, пытаясь убедить лидеров западных стран пойти на нечто подобное «плану Маршалла» для России. Однако энтузиазма эта тема у его собеседников не вызвала [447, с. 256]. В 1992 г. попытки получить финансовую поддержку из Соединенных Штатов продолжались. Например, в конце января 1992 г. глава президентской администрации Ю. В. Петров «давил» на американцев, заявляя: «Время риторики прошло. Гуманитарная помощь нас не спасет. Русские должны увидеть улучшение их жизни завтра, а не в 1995 году» [145, с. 101].

Однако администрация Буша-ст. проводила на российском направлении довольно осторожную политику. Белый дом сделал ставку на решение вопросов краткосрочного характера. Американцы не собирались предоставлять масштабную помощь ядерной державе, еще недавно бывшей врагом в Холодной войне. Вашингтон был готов помогать лишь настолько, насколько это было необходимо для поддержки находившегося у власти в России прозападного руководства, но никак не для усиления российского государства. Как сегодня известно, еще в 1992 г. в Пентагоне появился план сохранения американского лидерства в мире, получивший название доктрины Вулфовица, где говорилось о том, что Америка не должна позволить кому-либо бросить вызов ее лидерству [913, р. А14]. А сам Дж. Буш-ст. в обращении к Конгрессу о положении в стране 28 января 1992 г. заявил о победе Америки в Холодной войне [673]. Можно согласиться с точкой зрения о том, что ослабленной России американский истеблишмент присвоил статус «латентного врага» [599, с. 15]. К тому же сами США в это время переживали экономический спад [639, с. 91]. Поэтому Вашингтон не спешил оказывать Москве финансовую помощь [759, р. 43]. В связи с этим А. Б. Чубайс подчеркивал, что если бы поступили те 24 млрд долл., о которых было объявлено на координационной конференции в январе 1992 г., то ситуация изменилась бы к лучшему и внутри страны и в российско-американских отношениях. Однако «Соединенные Штаты упустили шанс» [581, с. 33]. США были заинтересованы в «сверке часов» с Москвой по наиболее актуальным проблемам мировой политики. В первую очередь, американцы опасались дестабилизации ядерной державы. Вашингтон волновала возможная потеря Москвой контроля за ОМУ на постсоветском пространстве [703, р. 544]. Именно в этом направлении были сосредоточены основные усилия Вашингтона. Однако Соединенные Штаты не собирались делить

ответственность за судьбу постбиполярного мира с бывшим противником. По словам Дж. Буша-ст., США – единственная держава, способная обеспечить стабильность в международных отношениях и повести мировое сообщество за собой [703, p. 566].

Однако в России надеялись не только на американскую финансовую помощь, но и на полномасштабное сотрудничество в постбиполярном мире. В годы первого президентства Б. Н. Ельцина российско-американский диалог достаточно активно развивался на разных уровнях. Так, президент РФ неоднократно встречался с американскими коллегами не только во время двусторонних визитов, но и на полях саммитов «большой семерки» – 8 июля 1992 г. в Мюнхене; 9–10 июля 1993 г. в Токио; 10 июля 1994 г. в Неаполе; 17 июня 1995 г. в канадском Галифаксе; 20–21 апреля 1996 г. в Москве [504].

В 1992–1996 гг. повестка российско-американских отношений включала в себя проблемы, касавшиеся поддержки со стороны США развития демократических и рыночных реформ в России; проблемы обеспечения международной и региональной безопасности; региональные проблемы, в частности вопросы урегулирования локальных конфликтов; проблемы развития торгово-экономических, научно-технических и культурно-образовательных связей.

Всего за время первого президентства Б. Н. Ельцина между Россией и США было заключено около ста межправительственных и межгосударственных договоров. При этом по сравнению с советским периодом характерным было снижение количества договоренностей по военно-политическим и региональным проблемам, а также рост числа соглашений по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству [504].

Официальное видение руководством России перспектив развития российско-американских отношений нашло свое отражение в публичных заявлениях Б. Н. Ельцина и подписанных им документах. В этом плане весьма важным представлялся его официальный визит в Соединенные Штаты, состоявшийся 31 января – 1 февраля 1992 г. Он постарался донести до мирового сообщества мысль о новой России, открытой и готовой к тесному сотрудничеству с Западом на основе демократических ценностей. Так, 31 января 1992 г. Б. Н. Ельцин, выступая в Нью-Йорке на заседании СБ ООН, заявил, что Россия рассматривает Соединенные Штаты исключительно в роли союзника в новом мире [132, с. 216].

Учитывая довольно осторожное отношение к российскому руководству ряда сотрудников администрации Буша-ст., большое значение имела встреча Б. Н. Ельцина с американским коллегой. Один из советников российского президента вспоминал, как Борис Николаевич тщательно готовился к тому, что считал для себя «большим экзаменом», который он сдал на отлично [581, с. 29]. В Кэмп-Дэвиде лидерами двух стран были обсуждены проблемы распада Советского Союза, достигнуты договоренности продолжать процесс сокращения ядерных вооружений, сотрудничать в сфере нераспространения оружия массового уничтожения и др. По результатам их встречи была подписана Кэмп-Дэвидская декларация о новых отношениях между двумя странами. В ней отмечалось, что «Россия и США не рассматривают друг друга в качестве

потенциальных противников. Их отношения характеризуются отныне дружбой и партнерством, основанным на взаимном доверии, уважении и общей приверженности демократии и экономической свободе» [322, с. 12].

Рассчитывая на равенство России с Америкой в международных делах, Б. Н. Ельцин попытался даже предложить американцам заключить договор о союзе двух стран, но Дж. Буш-ст. заявил, что время блоков прошло и наступила эра партнерства. Тем самым Вашингтон подчеркивал, что не намерен делиться властью в мире с кем бы то ни было. Можно согласиться с Д. В. Трениным в том, что в российском подходе к выстраиванию отношений с США изначально было заложено противоречие. С одной стороны, руководители демократической России считали, что американская поддержка им крайне необходима для проведения необходимых реформ. С другой стороны, они не хотели быть слишком управляемыми, во всяком случае, Б. Н. Ельцин, которому были не чужды великодержавные идеи [607, с. 164–165]. Это вело в тупик. Однако, игнорируя данную противоречивость, А. В. Козырев абсурдно заявлял, что «надо быть первыми партнерами США, иначе ничего не останется от статуса великой державы» [5, с. 296].

Тем не менее декларирование сторонами намерений о партнерстве в связи с окончанием Холодной войны создавало в Москве иллюзию о возможностях равноправного и конструктивного сотрудничества. Нельзя не признать, что после Кэмп-Дэвида внешне взаимоотношения Б. Ельцина и Дж. Буша-ст. вышли на новый уровень развития [658, с. 45]. Российский президент произвел весьма благоприятное впечатление на своего американского коллегу и госсекретаря Дж. Бейкера [683, р. 623–625]. Однако уровень финансово-экономической поддержки России со стороны США, на которую очень рассчитывали в Москве, увеличился незначительно. В те годы команда Ельцина мечтала об активизации отношений и особенно увеличении американской помощи [777].

16–18 июня 1992 г. Б. Н. Ельцин осуществил еще один визит в Соединенные Штаты. Отправляясь в Вашингтон, он надеялся на новый формат отношений с Америкой. 17 июня Б. Н. Ельцин и Дж. Буш-ст. подписали ряд документов: Хартию российско-американского партнерства и дружбы, Рамочное соглашение между Российской Федерацией и США о дальнейших сокращениях СНВ, Меморандум о сотрудничестве России и США по глобальной системе защиты мирового сообщества, Соглашение о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, Соглашение между Российской Федерацией и США относительно безопасных и надежных перевозок, хранения и уничтожения оружия и предотвращения распространения оружия, Договор о поощрении и взаимной защите капиталовложений и Договор об избежании двойного налогообложения. Президенты также подписали совместные заявления о перспективах двустороннего сотрудничества в исследовании и использовании космического пространства, о сотрудничестве в области конверсии, о нераспространении ядерного оружия на Корейском полуострове, по уничтожению химического оружия, по вопросам двусторонних отношений, по Боснии и Герцеговине [652, с. 401]. Так, исходя из тезиса о «неделимости» безопасности «от Ванкувера до Владивостока» в Хартии

российско-американского партнерства и дружбы, следовало, что Россия, по сути, согласилась привязать свою безопасность к сфере ответственности НАТО [632, с. 434]. Кроме того, российское руководство обязалось придерживаться западных принципов при осуществлении внутренней политики [632, с. 432]. Тем самым Москва принимала правила внутри- и внешнеполитического поведения, навязанные Вашингтоном [545, с. 126].

Находясь в Соединенных Штатах, Б. Н. Ельцин также выступил с зажигательной речью перед представителями обеих палат Конгресса США. В ней он заявил следующее: «Мир может вздохнуть спокойно – коммунистический идол, который сеял повсюду социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, рухнул! Рухнул навсегда!.. Россия окончательно сделала выбор в пользу цивилизации, здравого смысла, общечеловеческого опыта. <...> Опыт минувших десятилетий научил нас: коммунизм не имеет человеческого облика. Свобода и коммунизм несовместимы! <...> Сегодня свобода Америки защищается в России. И если реформы провалятся, придется заплатить многие сотни миллиардов долларов, чтобы хоть как-то компенсировать эту потерю. <...> Именно Россия раз и навсегда отбросила практику двойных стандартов во внешней политике. Мы не намерены более лгать своим партнерам по переговорам, ни российскому, ни американскому, никакому другому народу. С такой практикой покончено навсегда!» [133, с. 426–429]. Атмосфера в зале была исключительно позитивная. Присутствующие аплодировали Б. Н. Ельцину стоя [485, с. 101]. Однако в силу своих взглядов на новый миропорядок представители американской элиты, несмотря на продемонстрированную российскому президенту благожелательность, ее не восприняли [485, с. 101–102]. Дело в том, что у Москвы и Вашингтона было разное видение создания постбиполярного миропорядка. Идею равноправия США и России американцы не осознали. А. К. Пушкин, который был очевидцем выступления российского президента, отмечал, что американская элита воспринимала РФ как слабую страну, просящую помощи, а Б. Н. Ельцин представлялся им неустойчивой политической фигурой. Следовательно, американцы хотели воспользоваться слабостью Москвы, чтобы еще более усилить свои позиции на мировой арене [485, с. 76, 79]. Однако ни Б. Н. Ельцин, ни А. В. Козырев, ни Г. Э. Бурбулис, ни даже В. П. Лукин не видели ситуацию в подобном разрезе. Они считали, что уход России и США от конфронтации автоматически ведет к партнерским, а в перспективе даже союзническим отношениям [485, с. 100]. Например, посол В. П. Лукин утверждал, что Америка была нужна России в качестве партнера в урегулировании ряда региональных кризисов на постсоветском пространстве и за его пределами, и как потенциально огромный рынок для товаров и инвестиций [665, с. 273]. Поэтому российская политика не должна быть антиамериканской [350]. Кроме того, по наивному мнению дипломата, Москва и Вашингтон якобы были нужны друг другу потому, что без их партнерства представлялся невозможным никакой стабильный миропорядок [665, с. 273]. При этом имевшиеся трудности в процессе сближения посол объяснял внутренними препятствиями. По его словам, «в обеих странах имеются активный авангард, сознающий насущные

нужды момента, средний бюрократический и политический эшелон и арьергард, который все еще живет прошлым. Поэтому чтобы перестроить наши отношения в духе истинного сотрудничества, каждая из сторон должна проделать некоторую серьезную домашнюю работу, чтобы привлечь свой средний эшелон и минимизировать влияние арьергарда» [665, с. 273]. К сожалению, американская элита считала иначе. Тем самым ельцинская речь так и осталась благим пожеланием. Россия не воспринималась американцами в качестве равноправного партнера. Москва должна была лишь неукоснительно выполнять все рекомендации Вашингтона. Данные расхождения вскоре приведут к нарастанию противоречий между ними. Однако открыто они проявятся позже. А пока во внешней политике РФ преобладали эйфория и романтизм при серьезной зависимости российского руководства от Вашингтона. Так, по воспоминаниям Г. Э. Сидоровой, являвшейся с 1992 по 1995 г. советником А. В. Козырева, Б. Н. Ельцин на одной из резолюций МИДу как-то написал: «Прошу согласовать вопрос», а дальше шло с кем – с премьером (России) и с президентом Дж. Бушем-ст. [541]. Конечно, нельзя говорить, что он изначально планировал слушаться американцев, поскольку считал себя равным «другу Джорджу», а затем «другу Биллу», но по факту из-за слабости ельцинской России так и получилось. Как вспоминал А. Л. Адамишин, занимавший тогда пост первого замминистра иностранных дел, выступая 27 октября 1992 г. на коллегии МИД, президент в ярких выражениях говорил о необходимости для России иметь свое лицо на мировой арене. Москва якобы не должна терпеть унижения и оскорбления. Россия в глазах международного сообщества приобрела репутацию страны, говорящей только «да». Однако, по признанию дипломата, многое в ельцинских словах говорилось на публику, поскольку в зале присутствовало большое количество журналистов [5, с. 288]. Выставляя напоказ чиновников, идущих на поводу у США, а себя представляя твердым борцом за национальные интересы страны, Б. Н. Ельцин лукавил. На самом деле, он соглашался со всеми предложениями А. В. Козырева относительно взаимодействия с Вашингтоном [5, с. 382]. Дело в том, что в начале 1990-х гг. Б. Н. Ельцин мало интересовался международными проблемами, предоставив на этом направлении карт-бланш министру иностранных дел, которому полностью доверял. В те годы для российского лидера позиционирование страны и защита ее национальных интересов на мировой арене не имели большого значения. Б. Н. Ельцину важно было заручиться мощной поддержкой Запада, чтобы в случае необходимости его могли поддержать во внутриполитической борьбе [485, с. 71]. А. В. Козырев активно пользовался своим положением и всегда умело убеждал президента в значимости тех или иных внешнеполитических шагов. Как подчеркивала Е. Ю. Гуськова, он верно служил Б. Н. Ельцину, но умело использовал в своих интересах его нежелание заниматься внешней политикой [156, с. 116]. По словам самого президента, его «сводил с ума» поток «переговоров, инициатив, встречных инициатив, миротворческих планов и так далее» [184, с. 214]. Это подтверждали и другие свидетели, подчеркивая, что Б. Н. Ельцин, действительно, тяготился внешнеполитическими вопросами. Ему была важна лишь официальная сторона дипломатии – стремление понравиться западным

лидерам, произвести на них неизгладимый эффект во время встреч [391, с. 120]. В результате, как вспоминал А. В. Козырев, у них с президентом сложились близкие отношения [308].

Министр иностранных дел позиционировал себя в качестве главного идейного вдохновителя установления между Россией и Соединенными Штатами атмосферы доверия и дружбы. США оказались в центре внешнеполитического курса А. В. Козырева с самого начала его нахождения в кресле главы МИДа. Остальные направления имели второстепенное значение. Министр не просто признавал факт победы Америки в Холодной войне, но и считал ее исторически правой и закономерной. Поэтому, согласно его логике, России необходимо это признать и солидаризоваться с Западом. На практике это означало признание Москвой легитимности американского видения мира и согласие строить внешнюю политику страны в соответствии со стратегической линией США [177, с. 361]. Выдвигая план стратегического союза с США, А. В. Козырев подчеркивал, что «гегемония Соединенных Штатов, которой нас пугают, и разговоры о единственной сверхдержаве – все это стереотипы и зашоренность. Никакой единственной сверхдержавы нет» [442, с. 10]. По его мнению, Америка и Россия нацелены на сотрудничество, а разговоры об американской угрозе – политические инсинуации «красно-коричневой оппозиции».

Основная внешнеполитическая линия А. В. Козырева – это сближение с Западом [270, с. 7]. Он был готов на любые условия Вашингтона, лишь бы России помогли стать такой же благополучной, как западные страны [111]. Россию в постбиполярном мире глава МИДа видел примерно второй Канадой [308]. В отличие от Б. Н. Ельцина ему было чуждо великодержавное мышление. Так, А. В. Козырев заявлял, что краеугольным камнем внешней политики РФ «является реалистичная оценка потенциала страны как великой державы и осознание необходимости ее возрождения после господства имперской и тоталитарной систем» [492, с. 48]. Примером готовности А. В. Козырева пойти на любые уступки Вашингтону стала его беседа с Р. Никсоном, в которой он изложил свое видение национальных интересов России, от чего экс-президент США оказался, мягко говоря, в некотором шоке: «... одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах. И теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях. Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен» [465, с. 192].

Следует признать, что на первых порах внешнеполитическая линия Козырева не вызывала резкого противодействия со стороны значительной части российской общественности и политической элиты. Многие надеялись на тесное сотрудничество с Западом.

Мировоззрение российского руководства нашло свое отражение в Концепции внешней политики, утвержденной в апреле 1993 г. В ней говорилось о том, что РФ является правопреемницей «бывшего СССР и осуществляет переданные ей права на мировой арене» [277, с. 46]. Однако, понимая, что современная Россия значительно уступает Советскому Союзу, авторы документа в качестве основной цели декларировали «полноправное и естественное

включение РФ в мировое сообщество как великой державы», а также осуществление в стране демократических преобразований и экономических реформ [277, с. 19].

«Доктрина Козырева» фактически отражала настроения представителей либерально-демократических сил, которые оказались у власти и рассчитывали на быструю трансформацию страны по западным лекалам, а также на ее вхождение в западную цивилизацию и превращение из «больного человека Евразии» в процветающее государство с рыночной экономикой [777, р. 11]. Это понимали и отдельные представители американской элиты. Так, по мнению Л. Иглбергера, бывшего госсекретарем в последний год нахождения у власти администрации Буша-ст., провал реформ в России, скорее всего, повлек бы поражение реформ на всем постсоветском пространстве. Поэтому необходимо было всячески помогать Б. Н. Ельцину и его сторонникам [901, р. 45].

Вслед за политической элитой страны оптимизм относительно дружественных отношений между Россией и Соединенными Штатами испытывало и население. Например, в начале 1990-х гг. 51% россиян видели в лице Америки дружественную страну, а 16% считали ее союзником. Враждебность к России со стороны США в то время усматривали не более 1–2% участников социологических опросов [109]. Позитивное восприятие Америки общественностью страны создавало благоприятные условия для выстраивания конструктивного взаимодействия между двумя странами.

Однако провозглашенное политическим руководством двух стран «партнерство» имело в основном риторический характер. По мнению руководителя программы российских исследований в Принстонском университете С. Козна, развитие двусторонних отношений представляло собой всего лишь декларирование намерений [776, р. 468]. Однако вряд ли с американским историком можно согласиться в том, что российское правительство в 1992–1993 гг. в диалоге с США жестко отстаивало национальные интересы РФ на мировой арене [776, р. 469]. На деле внешнеполитические неудачи преобладали над успехами Москвы. Неудивительно, что постепенно в России стало нарастать недовольство политикой руководства страны на западном направлении и состоянием российско-американских отношений. Уже в 1992 г. открытый прозападный курс Ельцина – Козырева столкнулся с противодействием со стороны политической оппозиции, части представителей государственно-бюрократического аппарата и общественности страны. Критики выражали недовольство проводимой односторонней политикой и ратовали за отстаивание национальных интересов РФ как великой державы [674, р. 66].

В первую очередь, антиамериканизма в России придерживались националисты левого и правого толка, а также коммунисты, т.е. все те, кто обвинял Запад в «развале» СССР. Среди критиков подобного курса можно назвать вице-президента А. В. Руцкого, председателя Верховного Совета Р. И. Хасбулатова, председателя Комитета Верховного Совета по международным делам Е. А. Амбарцумова, председателя Совета Безопасности Ю. В. Скокова, главу Службы внешней разведки Е. М. Примакова и др. При этом многие из них

трезво оценивали международный статус России, понимая, что она не в состоянии соревноваться с США, как это делал СССР.

Необоснованные уступки Западу со стороны Б. Н. Ельцина и А. В. Козырева не приветствовались даже в самом МИДе. Так, первый замминистра иностранных дел А. Л. Адамишин считал, что «выслуживанием перед американцами никогда ничего не добьешься» [5, с. 375]. Российского постпреда в ООН Ю. М. Воронцова также огорчало, что Россия слишком уж схематично, односторонне и примитивно шла в фарватере Запада. Он придерживался мнения, что можно быть с ними в одном строю, но «в расшитой русской рубашке» [5, с. 358].

Покладистость А. В. Козырева и его готовность идти на уступки западным коллегам привела к тому, что он заслужил прозвище «Мистер Да» [156, с. 114]. По этой же причине главу МИДа нередко называли и «наш министр их иностранных дел» [5, с. 374].

Даже российский посол в Вашингтоне В. П. Лукин, критиковавший тех, кто в отношении США и НАТО призывал проводить линию демонстративного задиранья, а где возможно – то и прямой конфронтации [665, с. 562], был не согласен с политикой неоправданных уступок Москвы. При этом он пытался донести до американцев мысль, что Россия не имеет ни намерений, ни ресурсов, чтобы снова становиться соперником Америки, но и превращаться в сателлита США не собирается, так как остается великой державой со своими национальными интересами [665, с. 495]. За это В. П. Лукин подвергался критике со стороны А. В. Козырева, который в феврале 1993 г. в беседе с американским экс-президентом Р. Никсоном, называл посла «некомпетентным» дипломатом, не являвшимся «истинным другом США» [892, р. 204]. Подобное поведение министра иностранных дел вызывало у многих представителей политико-академических кругов страны разочарование, а порой даже раздражение. Как с горечью отмечал советник МИДа С. А. Караганов, по вине российского руководства Соединенные Штаты «относятся к России как к колонии, а не как к равной им державе» [581, с. 49].

Наиболее резкая критика в адрес российско-американских отношений исходила от представителей так называемой «консервативной оппозиции» в парламенте. Уже осенью 1992 г. Верховный Совет стал требовать у Б. Н. Ельцина отставки А. В. Козырева. Однако президент на данный шаг не пошел, так как опасался, что этой отставкой он вызовет недовольство в Вашингтоне, где А. В. Козырев считался символом новой внешней политики России. Действительно, по словам пресс-секретаря президента РФ В. В. Костикова, американцы неоднократно просили Б. Н. Ельцина не отправлять министра иностранных дел в отставку, как того требовали представители различных политических сил в российском парламенте [305, с. 72]. При этом, по мнению Л. Ф. Шевцовой, сам министр все больше становился декоративной фигурой, исполнителем решений, которые готовились не в МИДе, а в окружении Б. Н. Ельцина [656, с. 90]. К тому же прозападная ориентация А. В. Козырева во многом совпадала с позицией главы российского государства [580, с. 56].

К январю 1993 г. в России проявилось непримиримое противостояние между президентом и Съездом народных депутатов. Поэтому Б. Н. Ельцин

отводил заметную роль взаимодействию с Вашингтоном в контексте своей борьбы с политическими оппонентами внутри страны.

После победы на президентских выборах в США в ноябре 1992 г. кандидата от Демократической партии Б. Клинтона Москва стала выстраивать отношения с новой американской администрацией. В условиях усиления противостояния с Верховным Советом Б. Н. Ельцину было важно заручиться поддержкой американцев. Уже на третий день пребывания в должности Б. Клинтона президент РФ позвонил ему с предложением о безотлагательной встрече и получил согласие [37, с. 94].

Российское руководство продолжало рассчитывать на выстраивание полноценных партнерских отношений с Соединенными Штатами. Это нашло отражение в Концепции внешней политики, утвержденной Б. Н. Ельциным в 1993 г. В ней среди внешнеполитических приоритетов страны композиционно США были расположены на четвертом месте. Однако при этом в тексте документа подчеркивалось, что «отношения с Соединенными Штатами Америки будут сохранять в шкале приоритетов внешней политики России одно из первых мест, соответствующих положению и весу США в мировых делах». Ведь, по мнению разработчиков внешнеполитической стратегии страны, «развитие полнокровных отношений с США способно облегчить создание благоприятной внешней среды для проведения внутренних экономических реформ в России» [277, с. 31]. Из документа видны неоправданные надежды российского руководства на западную помощь [655, с. 26].

Администрация Клинтона дала российскому руководству повод для радужных надежд на позитивное развитие двусторонних отношений. Вашингтон принял сторону российского президента в его противостоянии с парламентом. С. Тэлботт смог убедить своих коллег, что именно Б. Н. Ельцин является тем человеком, который нужен Америке [174, с. 42]. 21 марта спичрайтер президента США Дж. Стефанопулос озвучил на брифинге официальную позицию Вашингтона о том, что Б. Н. Ельцин – лидер демократических и рыночных реформ в России, который нуждается в американской поддержке [897, р. 138]. Тем самым администрация Клинтона избрала путь более активного вмешательства в дела России. Выступая 1 апреля 1993 г. в Военно-морской академии в Аннаполисе, Б. Клинтон в своей речи «Стратегический альянс с российскими реформами» призвал к «стратегическому союзу с российскими реформаторами» и предостерег, что «опасность определенно возникнет, если российские реформы сойдут на нет – если страна вернется к авторитаризму или рассыплется, погрузится в хаос» [581, с. 37]. Закончил выступление Б. Клинтон следующими словами: «Возможность, которая предоставлена нашей нации сегодня, является ответом на смелый вызов российских реформ – как выражение нашей собственной ценности, как инвестиции в собственную безопасность и процветание, и в качестве демонстрации наших целей в новом мире» [174, с. 46]. Видим, что в основе философии команды Клинтона лежала вера в возможность широкомасштабной трансформации российского общества по западным лекалам. Для Вашингтона, как и для ельцинского окружения, угроза

виделась в «красных» и «коричневых», которые являлись противниками радикальных реформ по американским советам.

3–4 апреля 1993 г. в Ванкувере состоялась первая личная встреча двух президентов. Как позднее вспоминал Б. Клинтон, российский лидер ему сразу понравился. Он якобы отметил, что России повезло, что ею руководит Б. Н. Ельцин [712, р. 508]. По итогам встречи руководителями государств была принята Ванкуверская декларация, провозгласившая стратегическое партнерство РФ и США. В ней говорилось о «твердой приверженности динамичному и эффективному российско-американскому партнерству», а также были подтверждены принципы и положения Кэмп-Дэвидской декларации и Хартии российско-американского партнерства и дружбы в качестве основы взаимоотношений двух стран [97, с. 417, 420].

Ванкувер дал старт новому уровню развития российско-американских отношений. Вашингтон стал всячески поддерживать Б. Н. Ельцина. Например, уже в 1993 г. ЦРУ и ФБР, отслеживая попытки российских чиновников отмыывать в США через банк «Менатеп» миллиарды долларов, украденных в том числе и из финансовой помощи, вышли на Б. Н. Ельцина и высшие круги российских спецслужб. Однако администрация Клинтона, боясь компрометации президента РФ, не позволила данной информации дойти до Конгресса [658, с. 327]. По словам политолога Д. Саймса, администрация Клинтона, особенно С. Тэлботт, также начала давать российскому руководству безапелляционные советы относительно того, кто и как должны проводить экономические реформы в стране [892, р. 102–103]. Часто это делалось через А. В. Козырева, чье видение развития двусторонних отношений совпадало с американским подходом [901, р. 189]. Последний предпочитал закулисные переговоры, поскольку не доверял многим своим подчиненным из МИДа [901, р. 75–76]. При этом, по признанию С. Тэлботта, в случае каких-либо расхождений отстаивать позицию Москвы на встречах с американскими коллегами он пытался путем шантажа относительно наличия «потенциальной угрозы» для демократии в России и мире, если Запад не поможет российским демократам [901, р. 48–49].

Рассчитывая на американскую поддержку, Б. Н. Ельцин подробно информировал Вашингтон о своих намерениях и предпринятых шагах внутри России. 21 сентября 1993 г. российский президент подписал незыблемый в юридическом плане указ № 1400 о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета. Вашингтон был проинформирован об этом через посла Т. Пикеринга за час до выступления Б. Н. Ельцина по телевидению [174, с. 43]. А сразу после завершения трансляции своей речи президент РФ позвонил Б. Клинтону, который полностью поддержал действия коллеги. Американский президент считал ельцинских противников в российском парламенте «реакционными элементами» или «старыми коммунистами и прочими реакционерами», которые якобы стремились к реставрации старого порядка [712, р. 503–504, 506]. Б. Клинтону вторили и другие представители политического истеблишмента Соединенных Штатов. Так, по словам У. Кристофера, реформы Б. Н. Ельцина являлись «инвестицией в национальную безопасность США». А лидер демократов в сенате Дж. Байден со всей свойственной ему ковбойской

прямолинейностью назвал президента РФ «единственной лошадей, на которой нам можно ехать» [174, с. 43].

Подтверждением благожелательной позиции Вашингтона к Б. Н. Ельцину стало принятие 23 сентября Сенатом США 87 голосами против 11 Закона об иностранной помощи на 1994 г., согласно которому предусматривалось выделение 2,5 млрд долл. для постсоветских государств, из которых 1,6 млрд долл. предназначались для России. Чуть ранее это сделала Палата представителей 321 голосом против 108. 30 сентября данный закон был подписан Б. Клинтонем [614, с. 108].

Американская позиция позволила Б. Н. Ельцину реализовать силовой сценарий победы над Верховным Советом. 2 октября 1993 г. между сторонниками парламента и внутренними войсками начались столкновения на Смоленской площади. Оппозиция попыталась захватить телецентр «Останкино». Правительственные войска овладели здесь ситуацией только после полуночи 3 октября. На этот раз были многочисленные жертвы. В тот же день Б. Н. Ельцин ввел в Москве чрезвычайное положение. 4 октября в 6.45 утра начался обстрел из танков «Белого дома», который был захвачен пропрезидентскими войсками к 17.00. Согласно официальной статистике 3–4 октября 1993 г. погибли 147 человек, получили ранения и увечья 372. Лидеры оппозиции были арестованы и помещены в Лефортово [656, с. 139]. Вашингтон одобрил его действия по расстрелу парламента. В Соединенных Штатах народные депутаты воспринимались как «старорежимные» элементы российской политической системы. Например, в докладе Исследовательской службы Конгресса «Ельцин и Съезд народных депутатов России: последствия и значение для интересов США» тенденциозно говорилось о том, что «депутаты.., 87 процентов которых во время их избрания в марте 1990 года являлись членами Коммунистической партии, были озабочены сохранением своих законодательных постов... и блокированием реформ, угрожающих их карьере и статусу» [173, с. 240–241]. Американцы понимали, что Б. Н. Ельцин для них более приемлемая фигура, нежели представители парламентской оппозиции, критиковавшие внешнеполитический курс страны. Поэтому из Вашингтона не раздалось «ни слова сожаления о жертвах, ни тени сомнения насчет зверской расправы, устроенной Кремлем, лишь бы раздавить сопротивление российского парламента. Установочная аргументация, которой воспользовался Запад для оправдания кровопролития, держится на мистификации и извращении реальных процессов, имевших место в посткоммунистической России» [515, с. 201]. По свидетельству С. Тэлботта, Б. Клинтон якобы оправдывал действия Б. Н. Ельцина вынужденными обстоятельствами [901, р. 89]. В случае необходимости Вашингтон якобы даже был готов направить в Москву военный контингент для поддержки президента РФ [724, р. 132]. Американцами полностью была поддержана и принятая в декабре 1993 г. Конституция РФ. Как говорил тогдашний посол США в России Т. Пикеринг, Соединенные Штаты не могли не поддержать Б. Н. Ельцина [581, с. 44].

Российский президент был явно доволен позицией Вашингтона. Это нашло подтверждение во время визита У. Кристофера в Москву 22–23 октября

1993 г. Стороны обсудили текущую ситуацию, подчеркнув развитие ванкуверского духа в российско-американских отношениях [551, с. 388]. По свидетельству А. Л. Адамишина, в одной из своих бесед с госсекретарем У. Кристофером Б. Н. Ельцин заявил следующее: «Благодаря нашим последовательным шагам мы положили конец существованию коммунистического тоталитарного режима, советской власти, которая с 1917 г. издевалась над народом. Начинается эпоха настоящей демократии, как она известна в США и других странах. Новая конституция России будет принята самым демократическим путем, на основе норм лучших западных конституций» [5, с. 329].

Несмотря на победу над оппонентами из Верховного Совета, вскоре по внешнеполитической линии Ельцина – Козырева на американском направлении был нанесен новый удар. В России формировалась новая оппозиция внутренней и внешней политике Кремля. Результаты думских выборов в декабре 1993 г. продемонстрировали нарастание антизападных настроений среди российской общественности. В голосовании участвовало 54,4% избирателей. ЛДПР получила 22,79% голосов и 64 места в Госдуме, «Выбор России» Е. Т. Гайдара – 15,38% и 66 мест, КПРФ – 12,35% и 48 мест, «Женщины России» – 8,10% и 23 места, Аграрная партия – 7,9% и 33 места, «ЯБЛОКО» – 7,83% и 27 мест, ПРЕС – 6,76% и 19 мест, Демократическая партия России (ДПР) – 5,50% и 14 мест. Остальные партии не преодолели 5%-й барьер. За президентский блок в целом проголосовало только 20% участвовавших в выборах, или 10% избирателей. Достаточно много было недействительных бюллетеней (7%) и проголосовавших против всех кандидатов (17%), что стало проявлением недовольства властью и всеми политическими силами со стороны населения страны [656, с. 153].

В Госдуме сформировались определенные парламентские группы – «левые» (КПРФ, Аграрная партия), «правые» («Выбор России», «ЯБЛОКО»), «центристы» («Женщины России», ПРЕС, ДПР, депутатская группа «Новая региональная политика») и так называемые «национал-патриоты» (ЛДПР), имевшие свои внешнеполитические интересы. «Левые» и «национал-патриоты» выступали за многополярное мироустройство и подобающее место России в нем. «Центристы» рассматривали РФ как «великую евразийскую державу» со своими внешнеполитическими интересами. «Правые» придерживались прозападной ориентации, считая необходимым сотрудничество со странами Запада [397, с. 16–17].

Антиамериканская риторика В. В. Жириновского и его сторонников вызвала в Вашингтоне некоторую тревогу. ЛДПР довольно активно эксплуатировала тему американской угрозы для РФ, критикуя проамериканский курс Кремля. Либерал-демократы считали, что «отношения с США Россия должна строить с учетом того, что эта страна была и остается главной антироссийской силой и разрабатывает планы вслед за разрушением СССР раздробить и Российскую Федерацию на множество мелких государственных образований, зависимых от Запада» [189, с. 412]. В те годы подобные жесткие заявления воспринимались американцами достаточно серьезно, что убеждало американцев в правильности их курса на поддержку Б. Н. Ельцина и его сторонников.

При этом поражение на выборах радикально-реформистского гайдаровского блока усилило сомнения части политического истеблишмента США в России как носительнице демократической традиции [664, с. 53].

Выборы 12 декабря 1993 г. в некоторой степени вынудили Кремль отойти от линии отождествления интересов России и Запада. Но коррекцию внешнеполитической линии президент доверил А. В. Козыреву. «Вечно согласный» глава МИДа, пытаясь восстановить свой престиж, принялся к месту и не к месту твердить об «исторической миссии» и «особых интересах» России в Евразии, что привело только к дополнительной подозрительности на Западе к «имперским планам» Москвы [664, с. 51]. В то же время российское руководство не отказалось от проведения последовательного курса на установление партнерских отношений с Вашингтоном. В этом плане крупным событием стал визит Б. Клинтона в Москву в январе 1994 г. Б. Н. Ельцин рассказал своему коллеге о положении в стране после проведения выборов в Федеральное Собрание. В ходе переговоров российская сторона подчеркнула, что РФ сейчас нужно полноценное сотрудничество, в том числе реальное открытие американского рынка для российских товаров [574, с. 10].

14 января 1994 г. Б. Н. Ельцин и Б. Клинтон подписали Московскую декларацию, в которой обозначили переход Москвы и Вашингтона на «новую стадию зрелого стратегического партнерства, основанного на равенстве, взаимной выгоде и признании национальных интересов друг друга» [380, с. 13]. Президенты выразили удовлетворение в связи с наметившимся ускорением развития широкого спектра экономических и научно-технических связей, подтвердив эффективность работы Комиссии Гора – Черномырдина [380, с. 13]. Американский телеканал CNN охарактеризовал цель визита Б. Клинтона в Москву 12–15 января 1994 г. как демонстрацию поддержки Б. Н. Ельцину и российским реформаторам, «перенесшим потрясение в результате победы ультранационалистов и коммунистов на декабрьских выборах в парламент» [174, с. 52]. Подобная оценка свидетельствует, по сути, о вмешательстве одного государства в дела другого. Однако российская сторона выразила полное удовлетворение московскими переговорами с американскими партнерами. Конечно, никакого партнерства с США достигнуто не было, но А. В. Козырев по-прежнему верил в него и считал, что России нельзя от него отказываться [271, с. 5]. Он был уверен, что отказ от партнерства будет означать для страны утрату исторической возможности по формированию демократической, открытой и стабильной России в неустойчивом постконфронтационном мире [779, р. 59]. А. В. Козырев понимал партнерство как «взаимное признание друг друга в качестве государств-единомышленников, приверженных общим демократическим ценностям, нормам ООН и СБСЕ, и предусматривающее необходимость не только взаимного информирования о принятых решениях, но и предварительное согласование подходов» [271, с. 4]. Министр акцентировал внимание на наличии у обеих держав общих демократических убеждений и отмечал, что национальные интересы Москвы и Вашингтона не только не сталкиваются, но и взаимодополняют друг друга в большинстве международных вопросов

[271, с. 7]. К сожалению (для российской стороны), администрация Клинтона понимала партнерство иначе: как политику сдерживания и вовлечения России.

В середине 1990-х гг. между руководством двух стран проходил интенсивный диалог по всей повестке двусторонних отношений, который включал обмен государственными и рабочими визитами, посланиями, телефонными разговорами и встречами на международных площадках. Правда, Госдума первого созыва за время своей работы рассмотрела лишь два соглашения с США, которые касались вопросов разграничения морских пространств и оформления беспешлинного ввоза товаров, перемещаемых в рамках российско-американского сотрудничества в области исследования и использования космического пространства в мирных целях [424, л. 228–229].

27–28 сентября 1994 г. состоялся государственный визит Б. Н. Ельцина в США, в ходе которого имели место две встречи президентов в формате «один на один» и несколько раундов переговоров в расширенном составе по всей повестке дня российско-американских отношений. Кроме того, глава РФ встретился с руководством Конгресса и деловыми кругами [573, с. 294]. На итоговой пресс-конференции Б. Н. Ельцин заявил, что он договорился с Б. Клинтонем «практически по всем вопросам». Характерной особенностью данного визита стал акцент на экономическом взаимодействии [573, с. 295].

Несмотря на констатацию Москвой и Вашингтоном позитивной динамики развития отношений, между ними стали нарастать противоречия, обусловленные рядом объективных факторов [25, с. 11]. Американские элиты полностью уверовали в безусловность доминирования США в мире, отведя России второстепенную роль в мировой политике, а по некоторым вопросам просто сбрасывая ее со счетов [260, с. 114].

Среди основных раздражителей можно назвать планы Запада по расширению НАТО на Восток, подходы сторон к решению региональных проблем, развитию ситуации на постсоветском пространстве и внутри самой России. Так, с середины 1990-х гг. весомым раздражителем в российско-американских отношениях стала Чечня. Вначале администрация Клинтона рассматривала чеченский кризис «внутренним делом России», но весной 1995 г. ее позиция изменилась. Так, в конце марта У. Кристофер назвал войну в Чечне «безрассудной авантюрой» и «трагической ошибкой» Москвы [53, с. 148]. Одновременно Запад начал оказывать поддержку чеченским боевикам, которых там считали повстанцами, что вызывало обоснованное раздражение в России.

Во время визита Б. Клинтона в Москву в мае 1995 г. на празднование 50-летия победы в Великой Отечественной войне у Б. Н. Ельцина состоялась с ним встреча, на которой обсудили проблемы Чечни, расширения НАТО на Восток, а также нюансы российско-иранской ядерной сделки. Переговоры шли довольно трудно. Оба президента пытались создать впечатление, что никакого охлаждения в двусторонних отношениях не существует. В итоге им удалось договориться лишь по ряду второстепенных вопросов: об ускорении вхождения России в международные экономические институты, о ратификации договора СНВ-2, а также о пребывании в Грозном наблюдателей от ОБСЕ [656, с. 197].

Следующая встреча Б. Н. Ельцина с Б. Клинтонем произошла на полях юбилейного саммита ООН в Нью-Йорке в сентябре 1995 г. После ряда его жестких заявлений в Москве можно было ожидать серьезного охлаждения личных отношений между двумя президентами. Однако, как обычно, встреча оказалась дружественной. Дело в том, что в России Б. Н. Ельцин пытался продемонстрировать россиянам жесткую позицию в российско-американских отношениях. Но на встречах с западными коллегами за рубежом он становился весьма дружелюбным. Видимо, ему доставляло удовольствие чувствовать себя членом международного клуба, равным партнером других мировых лидеров. Под влиянием изысканности приема и дружеской атмосферы он мог расслабиться и пойти на уступки неожиданно для своих советников, которым приходилось «разгрести» последствия «инициатив» шефа [656, с. 226].

В непростых условиях, сложившихся в результате активизации чеченских террористов и социально-экономических проблем, в стране в преддверии парламентских выборов, намеченных на декабрь 1995 г., наблюдались консолидация оппозиции и попытки Кремля создать провластные силы. В результате на думских выборах 1995 г. у коммунистов оказалось 157 мест (22,3%), у ЛДПР – 51 (11,2%), черномырдинский «Наш дом – Россия» получил 55 (10,1%), «ЯБЛОКО» – 45 (6,9%) [292, с. 4]. По одномандатным округам Аграрная партия России (АПР) завоевала 20 мест, а «Демократический выбор России» – 9 мест [656, с. 231]. Тем самым коммунисты стали основной оппозиционной силой Б. Н. Ельцину и его сторонникам. По словам госсекретаря У. Кристофера, это был «тревожный звоночек», характеризовавший риски и угрозы ельцинской России [581, с. 45]. В течение 1993–1995 гг. количество тех, кто воспринимал США как угрозу, увеличилось с 27 до 53% среди элит и с 26 до 44% в обществе [639, с. 110]. Так, КПРФ публично заявила о себе как о противнике Запада. Коммунисты критиковали «империалистическую глобализацию» и «новый мировой порядок» по-американски, а также возражали против вмешательства США во внутренние дела страны. Обвиняя российское руководство в раблепии перед американцами, Г. А. Зюганов ратовал за выработку РФ оптимальной стратегии и тактики международного поведения путем определения главных геополитических ориентиров процесса возрождения статуса великой державы [221, с. 105]. КПРФ последовательно выступала за отстаивание национально-государственных интересов и независимую позицию страны на мировой арене [438, с. 86]. Перед лицом угрозы с Запада, по их мнению, была необходима консолидация российского общества [218, с. 42–49].

Конечно, влияние политических сил и общественности не имело решающего характера на принятие и реализацию Б. Н. Ельциным внешнеполитических решений. Для него был характерен цезаристский стиль управления государством. Тем не менее порой Кремлю все же приходилось учитывать ситуацию внутри страны. Указанные тенденции привели к некоторому пересмотру внешнеполитической линии РФ. Кроме того, Запад не оправдал ожиданий российского руководства, которое все более стало убеждаться в том, что Вашингтон не собирается выстраивать равноправное партнерство с Москвой. Поэтому вместо «поддакивания» США был декларирован самостоятельный курс, исходящий

из национальных интересов, но предполагающий партнерство с западными странами (которое, правда, так и не состоялось) [260, с. 116]. Как отмечал В. В. Согрин, Б. Н. Ельцин не мог не видеть, что Вашингтон превращает Россию в послушного клиента [566, с. 492]. Тем не менее он нуждался в американцах.

В первой половине 1996 г. в свете грядущих внутривнутриполитических событий, связанных с президентскими выборами в стране, главная задача Б. Н. Ельцина и его окружения заключалась в том, чтобы заручиться поддержкой Запада, в первую очередь Соединенных Штатов. В этом желания сторон совпадали. В связи с неудачами в социально-экономической сфере и войной в Чечне рейтинг президента оказался крайне низким, и существовала высокая вероятность победы на выборах Г. А. Зюганова. В феврале 1996 г. на Всемирном экономическом форуме в швейцарском Давосе прибывшего туда лидера КПРФ многие встречали как явного будущего президента России [502, с. 101]. Тем не менее такая альтернатива пугала многих представителей политической элиты США. По мнению бывшего американского посла в СССР Дж. Мэтлока, Западу следовало поддержать Россию. Ведь озлобленная и обнищавшая РФ будет представлять гораздо большую опасность для стабильного миропорядка, нежели здоровая и конкурентоспособная Россия, являющаяся частью этого порядка [802, р. 51]. В подобном ключе мыслили и многие лица из окружения Б. Н. Ельцина.

Пытаясь улучшить свой имидж среди россиян, президент РФ наконец пошел на замену министра иностранных дел. А. В. Козырев, ставший символом внешнеполитических уступок страны, ушел в отставку, формально в связи с избранием депутатом Госдумы. Его сменил директор СВР академик Е. М. Примаков. В МИДе его приняли с большим энтузиазмом: «старая гвардия» приветствовала руководителя-консерватора с традиционными ценностями, человека, с которым связывали упрочение положения МИДа в кремлевской иерархии [541]. В отличие от А. В. Козырева Е. М. Примаков считал необходимым отстаивать национальные интересы в мире, насколько это возможно в сложившихся условиях. Хотя его назначение не означало, что Б. Н. Ельцин полностью отказался от прежнего внешнеполитического курса. Произошла лишь его корректировка. Многие ключевые фигуры, проводившие атлантистскую линию в политике России, остались на своих позициях и сохранили влияние на процесс принятия и реализации политических решений [177, с. 366].

Сам же Е. М. Примаков исходил из того, что отношения с США имеют важнейшее значение для России. Однако Москва не должна приносить в жертву партнерству с Вашингтоном свои национальные интересы. Будучи руководителем СВР, Е. М. Примаков понимал, что западные страны пытаются не допустить усиления России. По его мнению, РФ нужно было сочетать политику сотрудничества и сдерживания Запада [639, с. 117]. Просто необходимо «стремиться найти такие решения, которые, с одной стороны, обеспечивают жизненно важные для России интересы и – с другой – не приводят к соскальзыванию к конфронтации» [465, с. 193–194]. Уже на первой пресс-конференции, комментируя свое видение развития российско-американских отношений, Е. М. Примаков отметил, что они должны строиться на основе равноправия и взаимоуважения сторонами друг друга [465, с. 200].

Во время первой встречи в 1996 г. Е. М. Примаков и У. Кристофер сформулировали четыре принципа взаимоотношений:

- проводить консультации друг с другом;
- не готовить друг другу неприятные сюрпризы и не ставить друг друга перед свершившимися фактами;
- находить развязки, где их можно найти, путем конструктивного диалога;
- в том случае, если подобные развязки не удастся найти, не доводить дело до конфронтации [376, с. 341].

Для Е. М. Примакова было очевидно, что мир не сошелся клином на Евро-Атлантике. Исходя из этого, американцы сделали вывод, что одним из его внешнеполитических принципов было стремление держать США на определенном расстоянии [846, р. 82]. Одновременно министр исходил из того, что определяющей фигурой в выработке и реализации внешнеполитического курса страны был президент [465, с. 197].

Сам Б. Н. Ельцин рассматривал Запад в качестве союзника в борьбе против коммунистов, постоянно бросавших ему вызов [485, с. 144]. Его администрация активно прессинговала Вашингтон, требуя финансовой помощи и шантажируя угрозой нестабильности в России. Так, в марте 1996 г. газета «Вашингтон Таймс» опубликовала информацию о том, что на проходившем в Шарм-аль-Шейхе саммите, посвященном проблемам борьбы с терроризмом, Б. Н. Ельцин попросил Б. Клинтона поддержать его избирательную кампанию, и американский президент пообещал «другу Борису» необходимое «содействие». В результате через посольство США в Москву поступило дипломатической почтой 500 млн долл. [173, с. 251].

Тем самым политическая стабильность в РФ признавалась Вашингтоном важнее западных принципов и ценностей. В глазах американцев гарантом этой стабильности был Б. Н. Ельцин, которого воспринимали на Западе как барьер на пути коммунизма [655, с. 30]. Это подтверждают и американские авторы. Как подчеркивали Дж. Голдгейер и М. Макфол, в ходе избирательной кампании лидер КПРФ выступал как воинствующий националист, делавший акцент на антиамериканизме. В частности, он называл Б. Н. Ельцина американской марионеткой и грозился, придя к власти, дать отпор американскому империализму [145, с. 181].

В администрации Клинтона многие восхищались лидером «ЯБЛОКО» Г. А. Явлинским, считая его настоящим либералом, но в то же время понимали, что у него нет серьезных шансов на избрание президентом [145, с. 184]. Поэтому, по словам С. Тэлботта, опасаясь прихода к власти Г. А. Зюганова, Б. Клинтон всячески желал победы Б. Н. Ельцину [901, р. 205]. Исходя из этого, Вашингтон предпринял ряд конкретных шагов по поддержке российского президента. Когда в России началась президентская кампания, под давлением Белого дома МВФ принял решение о выделении РФ кредитов на сумму 10,2 млрд долл. В начале 1996 г. по инициативе Б. Клинтона в Москве прошел внеочередной саммит «большой восьмерки» по вопросам безопасности. Это было сделано с целью поддержки Б. Н. Ельцина в его предвыборной кампании [655, с. 31]. Поддержка Вашингтоном действовавшего российского президента

проявлялась и в другом. Как пишет Л. Ф. Шевцова, в апреле 1996 г. на пресс-конференции в Москве Б. Клинтон попросил западных журналистов не критиковать своего «друга Бориса» за войну в Чечне, даже сравнив действия Б. Н. Ельцина с действиями А. Линкольна, чтобы «ни один штат не имел права покинуть наш союз». По ее словам, члены команды Клинтона были шокированы такой поддержкой российского президента [655, с. 33].

Накануне президентских выборов в Москву в неофициальном статусе прибыла группа американских политтехнологов. В связи с их участием в предвыборной борьбе на стороне Б. Н. Ельцина появился даже фильм «Проект “Ельцин”», который повествовал о том, как американцы, опираясь на поддержку дочери президента Т. Б. Дьяченко, реализовывали свой план. Конечно, на официальном уровне Вашингтон заявлял о том, что будет работать с любым российским руководством, готовым продолжать демократические реформы в стране [502, с. 112]. Однако было ясно, что Б. Клинтон надеется на победу «друга Бориса». Американцы считали, что пока президентом будет Б. Н. Ельцин, они смогут расширить НАТО и при этом сохранить нормальные отношения с РФ [145, с. 180–181]. В марте 1996 г. газета «Вашингтон Таймс» опубликовала служебную записку, попавшую в редакцию из Белого дома, в которой указывалось, что Б. Клинтон и Б. Н. Ельцин договорились поддерживать друг друга в процессе переизбрания. Президент РФ якобы заявил тогда коллеге: «Такой лидер международного масштаба, как президент Клинтон, должен поддержать Россию, а это значит поддержать Ельцина. Нужно подумать о том, как это сделать по-умному». На это Б. Клинтон ответил, что У. Кристофер и Е. М. Примаков обсудят это на ближайшей встрече в Москве [756]. По данной причине официальный Вашингтон временно приглушил критику российских властей за Чечню. Кроме того, сам Б. Клинтон пообещал Б. Н. Ельцину, что задержит расширение альянса до тех пор, пока в России не пройдут президентские выборы [145, с. 182]. В своих мемуарах российский президент высоко оценил поддержку Запада [185, с. 158]. Американцы не могли допустить, чтобы коммунисты вновь пришли к власти в России. По словам М. Олбрайт, администрация Клинтона сделала ставку на Б. Н. Ельцина, которого рассматривали в качестве гаранта российской демократии. Он был «удобен» Белому дому, поскольку выступал за улучшение отношений с Западом [415, с. 332]. Правда, в условиях стартовавшей президентской кампании в США оппоненты Б. Клинтона в Вашингтоне пытались разыграть «российскую карту» в своих интересах. Так, его конкурент по предвыборной гонке республиканец Р. Доул высказывал недовольство «ельцинизацией» российско-американских отношений [889, р. 2А].

В результате 3 июля 1996 г. в непростых для себя внутривнутриполитических условиях Б. Н. Ельцин одержал трудную победу на президентских выборах во втором туре над Г. А. Зюгановым. А 9 августа состоялась его инаугурация, положившая начало второму президентскому сроку.

Таким образом, попытка Москвы установить отношения стратегического партнерства с Вашингтоном в первой половине 1990-х гг. провалилась. Посткоммунистической России не удалось добиться равного статуса

с Соединенными Штатами по причине геополитической слабости. Поэтому российско-американские отношения развивались в рамках модели «клиент – патрон», что негативно сказывалось на России.

К середине 1990-х гг. стало очевидно, что дипломатия уступок А. В. Козырева в отношении США потерпела фиаско. Американцы видели в РФ побежденного в Холодной войне противника и вели себя соответствующим образом, что способствовало нарастанию антиамериканских настроений и коррекции внешнеполитического курса страны, связанной с именем Е. М. Примакова. Он был против партнерства по формуле «патрон – вассал», к чему Вашингтон подталкивал Москву. Начался постепенный отход от американоцентризма. Неудивительно, что его дипломатическая линия по отстаиванию национальных интересов России на мировой арене привела к ухудшению российско-американских отношений. Американцам крайне не понравилось, что Москва перестала беспрекословно выполнять указания из Вашингтона. Поэтому конфликтный потенциал накапливался.

Однако лично Б. Н. Ельцин добился на американском направлении неплохих результатов. Он сумел получить поддержку Вашингтона во внутривнутриполитической борьбе со своими противниками. Именно это являлось для российского президента приоритетом в 1991–1996 гг. Вопросы международного престижа и места России в российско-американских отношениях оставались в ельцинском сознании второстепенными.

Г Л А В А 2

РОССИЯ И США В ГОДЫ ВТОРОГО ПРЕЗИДЕНТСТВА Б. Н. ЕЛЬЦИНА (1996–1999 гг.)

В годы второго президентства Б. Н. Ельцина Москва и Вашингтон продолжали интенсивный диалог по всей двусторонней повестке. Однако в России наметилась тенденция отхода от американоцентризма, что сделало российско-американские отношения более противоречивыми, нежели в первой половине 1990-х гг.

В 1996–1999 гг. состоялось несколько встреч президентов РФ и США – в Хельсинки (21 марта 1997 г.), Париже (27 мая 1997 г.), Денвере (21 июня 1997 г.), Бирмингеме (17 мая 1998 г.), Москве (2 сентября 1998 г.), Аммане (8 февраля 1999 г.), Кёльне (20 июня 1999 г.) и Стамбуле (19 ноября 1999 г.), в ходе которых ими был обсужден ряд актуальных вопросов, касавшихся двустороннего взаимодействия. На регулярной основе Б. Н. Ельцин и Б. Клинтон обменивались письмами и посланиями, а также проводили телефонные разговоры. Помимо глав государств интенсивное взаимодействие осуществлялось между главами российского правительства в лице В. С. Черномырдина, С. В. Кириенко, Е. М. Примакова, С. В. Степашина с вице-президентом А. Гором, в том числе в рамках работы Совместной российско-американской комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству. Важную роль в обсуждении двусторонних проблем играли регулярные дипломатические переговоры на уровне глав внешнеполитических ведомств – Е. М. Примакова и И. С. Иванова с У. Кристофером и М. Олбрайт. В частности, в 1996–1999 гг. состоялось более 30 раундов подобных переговоров. Достаточно динамично развивались контакты между парламентариями двух стран путем обменов делегациями, поездок сотрудников аппаратов парламентских комитетов и т.д.

В российско-американских отношениях РФ находилась в статусе ведомого партнера. Особенностью внешнеполитического поведения Москвы было реагирование на действия Соединенных Штатов. При этом шаг за шагом Россия убеждалась, что ожидания от партнерства с США не оправдываются. Выяснилось, что Вашингтон разыгрывал свою карту, идущую вразрез с представлениями подавляющей части российской политической элиты, в том числе и самого Б. Н. Ельцина. Очевидный отказ Запада от стратегического партнерства с РФ в сторону усиления своего влияния в мире за ее счет привел к глубинному противоречию с идеалистической позицией российского руководства. Со временем подобная действительность перестала устраивать даже Б. Н. Ельцина, который считал себя равным лидерам западных стран, в том числе и «другу Биллу» [305, с. 339]. У него возникло ощущение, что Вашингтон ставит его в невыгодные условия. И он решил внести коррективы в свою политику на западном направлении [485, с. 135]. Данное намерение совпало с запросами

большей части политической элиты и общественности страны. К этому времени первоначальная волна энтузиазма в отношении Запада сменилась в России широко распространенным недоверием к американцам [923, р. 95]. Многие в МИДе, Минобороны, СВР, Госдуме, а также среди россиян стали склоняться к тому, что национальные интересы России должны отстаиваться на мировой арене независимо от того, как они согласуются с позицией Вашингтона.

Повестка российско-американских отношений включала в себя следующие направления:

– реформирование России по западному образцу. Российское руководство было по-прежнему заинтересовано в поддержке Вашингтоном рыночных реформ в стране. Правда, с середины 1990-х гг. стороны стали по-разному воспринимать происходящее в России. К этому времени у многих представителей американской элиты выросли сомнения относительно способности России стать демократическим государством. Они отмечали негативные тенденции в ее развитии, связанные с ростом авторитаризма и засильем олигархии. Известный журналист Д. Ремник, работавший в свое время в Москве корреспондентом газеты “The Washington Post”, даже задавался в 1997 г. вопросом: способна ли РФ создать стабильное демократическое государство? [864, р. 38].

Американцы все больше критиковали Москву за Чечню, коррупцию и другие проявления российской действительности. Бывший американский посол в СССР Дж. Мэтлок описывал эволюцию отношения Соединенных Штатов к России следующим образом: нарастание экспансионистских настроений, проблемы с построением демократии и рыночной экономики, рост преступности и коррупции ставили идею партнерства под сомнение. По этой причине многие все чаще стали говорить о политике сдерживания Москвы [802, р. 38]. При этом Вашингтон продолжал напрямую вмешиваться во внутривнутриполитическую жизнь России. Например, США обеспечивали финансовую и дипломатическую поддержку чеченским боевикам, а также либеральной оппозиции [815, р. 38–39].

С конца сентября 1998 г. из Вашингтона стали раздаваться угрозы в адрес правительства Примакова не отказываться от рыночных реформ и не скатываться на антизападный путь развития. Так, с критикой на российского премьера обрушился С. Тэлботт, прямо обвинивший Е. М. Примакова в отходе от курса реформ [658, с. 276]. Что касается коррупции, то, зная о ее наличии, до середины 1999 г. Белый дом делал вид, что не владеет информацией о ней [658, с. 327];

– проблемы мироустройства. Приход в МИД РФ Е. М. Примакова способствовал утверждению приверженности Москвы на официальном уровне концепции многополярности [471]. По его мнению, Россия не должна была «абстрагироваться от исторического разворота к многополюсному устройству», она «вправе заботиться, как это делают и другие, о своих интересах, тем более о жизненных – безопасности, стабильности, территориальной целостности, создании условий, необходимых для экономического и социального прогресса» [464, с. 212]. Е. М. Примаков считал, что «Россия должна стремиться к равноправным партнерским отношениям со всеми, искать и находить поля

совпадающих интересов, “вспахивать” такие поля с другими. А там, где они не совпадают, – этого исключить, как показывает жизнь, нельзя, – стремиться найти такие решения, которые, с одной стороны, обеспечивают жизненно важные для России интересы, и с другой – не приводят к соскальзыванию к конфронтации... Если поля совпадающих интересов игнорируются – это в лучшем случае вновь “холодная война”. Если нет – это партнерство» [464, с. 213].

Тезис о том, что Россия остается самостоятельным центром силы, заинтересованным в равноудаленных отношениях с другими глобальными игроками, приобретал в стране все большую популярность [890, р. 902]. Тем самым во второй половине 1990-х гг. в повестке российско-американских отношений оказался вопрос о конфигурации мира. Сам Е. М. Примаков, отмечая силу и мощь США, считал, что постбиполярный мир многополярен, а сверхдержав в нем вообще нет. Согласно ему, современная Америка утратила данный статус, хотя он и признавал элементы сверхдержавности в ее политике [472, с. 115–116; 473, с. 6]. Исходя из своего понимания мироустройства, Е. М. Примаков ратовал за отход России от американоцентризма и ее сближение с Китаем и Индией [467, с. 11]. Подобный союз он рассматривал в качестве противовеса американскому доминированию. Разумеется, это вызывало раздражение и недовольство в Вашингтоне. В то же время характерно, что сам Б. Н. Ельцин по-прежнему воспринимал РФ как часть Запада и всячески стремился стать своим среди западных лидеров. Вот как описывал С. Тэлботт поведение российского президента на публике и в узком кругу без фотокамер: «Когда по обе стороны стола переговоров сидело много людей, он играл роль решительного, даже не допускающего возражений лидера, который знает, чего он хочет, и настаивает на том, чтобы это получить; в ходе частных бесед он становился изнапористо самоуверенным внимательным и восприимчивым, уступая обольщению и уговорам Клинтона; затем на завершающей пресс-конференции он из кожи вон лез, чтобы теми способами, которые сам придумал, излучать уверенность в себе и маскировать, насколько податливым он был за закрытыми дверями» [901, р. 137]. В этом плане политический портрет Б. Н. Ельцина хорошо дополняет свидетельство генерала Л. Г. Ивашова о позиции лидера России на встрече с Б. Клинтонем в феврале 1997 г. в Хельсинки. Российские переговорщики сформировали позицию, которая заключалась в том, чтобы ничего не подписывать, если американцы не пойдут на уступки по проблемам СНВ, ПРО, крылатых ракет, химических вооружений и т.д. И это российскую сторону вполне устраивало. Однако после беседы двух президентов Б. Н. Ельцин вышел и публично объявил Е. М. Примакову: «Вы не сумели договориться, и я подписываю американский вариант» [613];

– процесс расширения НАТО на Восток. Россия и США по-разному подходили к решению данной проблемы. Если в Москве расширение НАТО рассматривали как игру с нулевой суммой, то представители администрации Клинтона уверяли, что это выгодно всем, в том числе и самой РФ [581, с. 65]. Осознав, что Россия не в состоянии предотвратить расширение блока, руководство страны стало искать приемлемые пути по минимизации последствий данного решения Вашингтона;

– проблемы развития постсоветского пространства. Во второй половине 1990-х гг. данный регион стал превращаться в один из главных раздражителей в российско-американских отношениях. Это было связано с активизацией постсоветской интеграции под эгидой Москвы, что было расценено американцами в качестве потенциальной угрозы национальным интересам США;

– проблемы обеспечения стратегической и региональной безопасности, гонки вооружений, их ограничения и сокращения, а также вопросы нераспространения оружия массового уничтожения. Здесь речь шла о ратификации Договора СНВ-2, которая затянулась, исходя из нарастания антиамериканских настроений в Госдуме в связи с усилением противоречий между Москвой и Вашингтоном. Еще одной проблемой в российско-американских отношениях стали взгляды американцев на соблюдение Договора по ПРО от 1972 г., который считался в России фундаментом всего процесса ограничения вооружений и стратегической стабильности;

– подходы сторон к решению региональных проблем в мире, в частности вопросов урегулирования локальных конфликтов. Однако, следует признать, что Москва потерпела неудачу в качестве посредника между Вашингтоном и руководством неугодных Западу стран. Дело в том, что ослабевшая Россия утратила рычаги влияния на ситуацию в мире [607, с. 154]. В процессе урегулирования региональных кризисов США рассматривали РФ в качестве младшего партнера. Администрация Клинтона, будучи заинтересованной в сотрудничестве с Россией по их решению, была готова предоставить Москве лишь совещательный голос, что являлось неприемлемым для Российской Федерации [43, с. 140]. Однако противопоставить США что-либо действенное Кремль не мог. Парадокс заключался в том, что РФ была нацелена на равноправие с Америкой в мировой политике, но не брала на себя соответствующую ответственность и расходы, ассоциируемые обычно с великодержавным статусом [33, с. 114]. Поэтому Москве не удалось предотвратить военные акции Запада против Ирака (операция «Пустынный лис») и Югославии;

– развитие торгово-экономических, научно-технических и культурных связей. В первую очередь Москва по-прежнему была заинтересована в предоставлении финансовой помощи и открытии американского рынка для российских производителей. Однако двустороннее взаимодействие в указанных сферах во многом имело дискриминационный характер. Так, крах в РФ экономической политики, основанной на «шоковой терапии» и монетаристских методах, был обусловлен не только провалом российского руководства, но и неправильной политикой администрации Клинтона, которая навязывала свое видение реформ Кремлю [310, с. 176].

После переизбрания Б. Клинтона на второй президентский срок в ноябре 1996 г. в Москве надеялись, что его вторая администрация продолжит развивать российско-американские отношения в конструктивном ключе. Основание думать подобным образом давало новое руководство Госдепартамента США, состоявшее из ряда специалистов по России, в том числе М. Олбрайт, С. Тэлботта и др. [465, с. 244]. Е. М. Примаков, отмечая жесткую и напористую манеру нового госсекретаря проводить внешнеполитическую линию

Вашингтона на международной арене, тем не менее не считал М. Олбрайт антироссийски настроенной фигурой [465, с. 246]. Он называл ее предсказуемым человеком. По его словам, «она борется за интересы Соединенных Штатов, это естественно. Но она понимает важность развития отношений с Россией. У меня с ней тесный контакт» [376, с. 344]. Однако, как показало время, подобным ожиданиям не суждено было сбыться. По мнению известного американиста В. А. Кременюка, о «стратегическом партнерстве» Москва и Вашингтон забыли где-то в конце 1996 – начале 1997 г. [316, с. 11]. В Концепции национальной безопасности, утвержденной в 1997 г., были учтены произошедшие в стране и мире изменения и неоправдавшиеся надежды относительно российско-американского партнерства. Авторы документа сделали вывод о растущем стремлении Запада ослабить позиции РФ в политической, военной и экономической сферах [396, с. 140–141]. Как отмечали российские эксперты, «Америка и Россия перестали быть врагами и перестали воспринимать друг друга в этом качестве... Но они не стали ни друзьями, ни союзниками, ни даже равноправными партнерами» [41, с. 21]. Более того, с каждым годом атмосфера российско-американских отношений лишь ухудшалась. Вашингтон пользовался слабостью России по полной. Американцы не принимали национальные интересы РФ всерьез [742, р. 158]. Например, М. Олбрайт заявляла, что Москва «заплатит высокую цену», если будет проводить антиамериканскую политику [735, р. А6]. Правда, после промежуточных выборов в Конгресс, состоявшихся в ноябре 1998 г., тональность Вашингтона в адрес российского правительства несколько снизилась, и американцы стали искать приемлемые решения актуальных проблем в двусторонних отношениях. По мнению специального советника по вопросам СНГ при госсекретаре США С. Сестановича, не нужно бояться позиции Е. М. Примакова, а следует ее принять и продолжать сотрудничество с ним [658, с. 283].

Планирование и реализация американского вектора внешней политики России в годы второго президентства Б. Н. Ельцина напрямую зависели от внутривнутриполитической расстановки в политическом истеблишменте страны. Среди основных факторов, оказывавших влияние на внешнеполитический курс Москвы в отношении Соединенных Штатов, можно назвать самого президента и его ближайшее окружение, руководство МИД и Министерства обороны РФ, расстановку сил в Госдуме, а также настроения основных политических сил и общественности страны. При этом среди представителей российского истеблишмента по-прежнему не наблюдалось единства относительно того, как должны развиваться двусторонние отношения.

Одни из них стояли на крайне антиамериканских позициях, видя в США скрытого или явного врага. К ним относились члены КПРФ, ЛДПР, целого ряда других более мелких политических и общественных объединений правого и левого толков, а также многие сотрудники силовых ведомств, оборонных предприятий и разведки. В частности, левая оппозиция в Госдуме критиковала руководство РФ за сотрудничество с Западом. Экономическая помощь рассматривалась ими не иначе как «экономическая экспансия» мирового финансового капитала, стремящегося закабалить страну. Так, депутаты от КПРФ

инициировали и активно поддерживали антиамериканские заявления и резолюции Госдумы. Они указывали на угрозы для России, исходящие от складывающегося однополярного миропорядка. По словам Г. А. Зюганова, без учета мнения американцев не решался ни один сколько-нибудь значимый вопрос в мире [219, с. 288]. Вашингтон пытался превратить РФ в своего младшего партнера, а Москва «прилежно разучивала уготованную ей роль» [219, с. 319–320]. Сам же лидер КПРФ выступал за многополярность. По его мнению, именно данный тип мироустройства является лучшим и наименее конфликтным сценарием развития человеческой цивилизации [218, с. 77]. Поэтому, согласно Г. А. Зюганову, России необходимо противодействовать укреплению однополярности под эгидой США и способствовать формированию многополярности мира [218, с. 243]. Для этого, как подчеркивал член фракции КПРФ, председатель Комитета Госдумы по безопасности В. И. Илюхин, в центре национальной безопасности страны должен быть приоритет нации, чего в 1990-е гг. не наблюдалось в решениях Кремля и правительства [234, с. 28, 66].

Солидарны с КПРФ были и представители других политических сил левого спектра страны. Так, по мнению члена ЦК РКРП-КПСС А. П. Барышева, «главная цель стратегии американского империализма состоит в том, чтобы закрепить успех, достигнутый развалом Советского Союза и ОВД, ослабить Россию и низвести ее до положения полукolonии, любой ценой не допустить возрождения СССР» [38, с. 44]. Подобные взгляды находили отклик у значительной части населения. Ведь в 1990-е гг. страна, за исключением Москвы и нескольких других крупных городов, по наблюдению Ф. Хилл, видевшей данную картину своими глазами, погрузилась в «культурное отчаяние», подогреваемое у многих россиян «чувством утраты, обиды и тревоги» [762, р. 156].

В критике Соединенных Штатов не отставали и представители ЛДПР. Ярким примером является характеристика внешнеполитического курса страны В. В. Жириновским, который в одной из своих книг, посвященных собирательному образу русского человека, названного им Ваней, писал: «В Государственной Думе явлинские и гайдары встают и хлопают президенту США – Биллу Клинтону, который вошел в историю как президент с расстегнутой ширинкой. И он, этот гадкий, мерзкий человек, подписывал указы и распоряжения, чтобы, Ваня, уничтожить тебя, чтобы бандиты насильовали твою сестру в подъезде твоего дома, чтобы они брали тебя в заложники и десятки лет держали в чуланах, в чужих погребах, в тюрьмах Чечни, издеваясь над тобой. Даже в Римской империи, даже в рабских государствах тысячи лет назад таким издевательствам не подвергался человек, каким ты, Иван, подвергаешься сегодня. В 90-х годах конца XX-го века ты стал нищим» [188, с. 37].

ЛДПР декларировалось, что «отношения с США Россия должна строить с учетом того, что эта страна была и остается главной антироссийской силой и разрабатывает планы вслед за разрушением СССР раздробить и Российскую Федерацию на множество мелких государственных образований, зависимых от Запада» [189, с. 412]. В качестве практических мер по противодействию Вашингтону ЛДПР предлагала восстановление тесных отношений с Ираном, Ираком, Ливией, Индией, Вьетнамом и Кубой, опираясь на которые можно

было бы сковать силы Соединенных Штатов на дальних рубежах, а также воссоздание пояса буферных стран в ближнем зарубежье [571, с. 183]. Правда, одновременно с этим либерал-демократы подчеркивали необходимость сотрудничества с Соединенными Штатами в сфере международной безопасности.

Были открытые противники США и среди представителей руководства министерств и ведомств. Например, среди них выделялись первый замминистра иностранных дел А. А. Авдеев в 1998–2002 гг., а также начальник Главного управления международного военного сотрудничества Минобороны генерал-полковник Л. Г. Ивашов в 1996–2001 гг. Они считали, что Россия может усилить свой вес на мировой арене только за счет более жесткой линии на постсоветском пространстве и внешнеполитической переориентации на такие страны, как КНР, Индия и Иран. Отдельные из них и вовсе призывали к созданию антизападного союза на основе взаимодействия с Ираком, Ливией, Кубой и КНДР. Их кредо заключалось в безоговорочном противодействии Западу везде и во всем [16].

Другие представители политических кругов страны, наоборот, считали необходимым тесное сотрудничество с Соединенными Штатами, которые являлись лидером «цивилизованного мира», частью которого они хотели видеть и Россию. В эту группу входили многие из делового мира страны, а также интеллигенции, придерживавшиеся либеральных взглядов. Наиболее знаковыми фигурами данного направления являлись Е. Т. Гайдар, А. Б. Чубайс, Б. Е. Немцов, К. С. Боровой и др., которые считали, что нужно четко следовать в западном направлении. Они потеряли значительную общественную поддержку, но имели протекцию на Западе и в окружении Б. Н. Ельцина, а поэтому все еще оказывали заметное влияние на процесс принятия и реализации внешнеполитических решений.

Третьи, понимая, что США являются сильнейшей мировой державой, с которой необходимо взаимодействовать по целому ряду направлений, тем не менее были не готовы поступаться национальными интересами РФ. К ним относились многие дипломаты, промышленники, сотрудники ряда государственных учреждений, НИИ, общественные и политические движения и т.д. Они считали, что интересы России и Запада могут объективно расходиться, но в отличие от периода Холодной войны имеющиеся разногласия поддаются компромиссному решению – «при условии, что Москва убедительно и без разногласия выразит свою позицию, а другая сторона признает право России на собственные интересы» [16]. Разумеется, полного единства взглядов на проблемы развития отношений с Западом среди них тоже не было.

Именно представители третьей группы постепенно набирали вес при принятии ключевых внешнеполитических решений. Это был центристский прагматичный подход, отражавший эволюцию общественного самосознания россиян, не готовых к добровольному подчинению другим центрам силы. Ведущей фигурой, проводившей данную линию на международной арене, являлся Е. М. Примаков, занимавший с января 1996 г. пост министра иностранных дел, а с сентября 1998 г. по май 1999 г. – главы российского правительства. Суть «доктрины Примакова» заключалась в выходе страны

из-под американского диктата. Е. М. Примаков считал, что «Россия должна строить свою внешнюю политику на том допущении, что нет постоянных противников, но существуют постоянные национальные интересы» [464, с. 212]. Поэтому его стремление укрепить ослабевавший великодержавный статус РФ сделало позицию МИДа по проблемам двусторонней повестки более категоричной. Российская сторона стала настаивать на учете ее интересов при решении актуальных для США международных и двусторонних проблем. При этом Е. М. Примаков был готов идти на обострение отношений с Вашингтоном в случае, когда договориться на условиях Москвы невозможно, а вот Б. Н. Ельцин – нет [485, с. 138]. В 1998 г. американский истеблишмент посредством газеты «The Wall Street Journal» даже обратился к российскому президенту уволить главу МИДа [485, с. 137]. Дело в том, что на внешнюю политику страны по-прежнему все еще было велико влияние так называемых случайных факторов, выразившихся в перепадах настроения «царя Бориса» и воздействии «семьи». Поэтому дипломатия Е. М. Примакова так и не привела к кардинальному пересмотру внешней политики России.

Внешнеполитическая риторика высшего руководства страны нередко расходилась с конкретными шагами Москвы на американском направлении. Так, Б. Н. Ельцин, с одной стороны, например, в феврале 1998 г. в Послании Федеральному Собранию отмечал позитивную динамику развития российско-американских отношений, обращая внимание на успешную работу Комиссии Гор – Черномырдин [453]. С другой стороны, к 1998 г. он накопил солидный багаж обид на американцев, в первую очередь из-за унижительного обращения с ним в связи с расширением НАТО. Несмотря на имевшуюся финансовую зависимость от США, Б. Н. Ельцин позиционировал себя все же как самостоятельного игрока на международной арене. Соответственно президент РФ искал возможность предпринять шаги, которые бы свидетельствовали о его независимости от американцев, как внутри страны, так и за ее пределами. К примеру, таким шагом стала отставка правительства В. С. Черномырдина, которое во многом устраивало Вашингтон, в марте 1998 г. [658, с. 259]. Второй причиной данного шага президента стало его «царское» честолюбие. Против В. С. Черномырдина сыграла мартовская поездка премьер-министра России в США на заседание двусторонней комиссии, которую журналисты называли встречей «будущих президентов». Действительно, российского главу правительства встречали в Вашингтоне как будущего хозяина Кремля. А сам В. С. Черномырдин и не пытался изменить это впечатление и принимал знаки внимания в свой адрес как должное. Возможно, до Б. Н. Ельцина дошло, что премьер-министр практикуется в роли главы государства, и это вызвало ревность [656, с. 363]. Новым главой правительства стал молодой С. В. Кириенко. В Вашингтоне многие оценили данное назначение с восторгом, рассматривая данный шаг Б. Н. Ельцина в качестве гарантии более динамичного движения РФ по пути либеральных реформ. Американские круги, которые связали себя поддержкой команды Чубайса, торжествовали, полагая, что начинается долгожданный новый период в реформировании России [656, с. 369].

Спустя несколько недель после августовского дефолта новым главой правительства был назначен Е. М. Примаков, который стал компромиссной фигурой для многих политических сил страны. Общественность также одобрила его назначение. А вот Вашингтон, наоборот, к новому правительству отнесся довольно настороженно. При этом американцы воспринимали Россию как страну, лишившуюся возможностей играть заметную роль в мире. Для них она являлась слабым и коррумпированным государством [835, р. 813–814]. Как справедливо подчеркивал профессор Колумбийского университета Р. Легволд, РФ по-прежнему обладала громадными ресурсами, ядерным оружием и правом вето в СБ ООН. Однако, по признанию политолога, русские были не в состоянии грамотно воспользоваться имеющимися у них инструментами для усиления своего влияния на мировой арене [788, р. 64].

Продолжавшееся игнорирование Соединенными Штатами российской позиции на международной арене давало информационный повод Б. Н. Ельцину критиковать американцев. Характерным примером публичного недовольства главы Кремля стали действия Вашингтона против Ирака в декабре 1998 г. В первую очередь ельцинское негодование было вызвано тем, что Москва не была заранее проинформирована американцами об их планах относительно Ирака. Поэтому президент РФ воспринял их действия против С. Хусейна как своеобразную пощечину [656, с. 427]. Б. Н. Ельцин подчеркивал, что своими действиями американцы подрывают всю систему международной безопасности [258, с. 64–65].

Чередование удовлетворенности и недовольства уровнем развития двусторонних отношений было характерно и для руководителей МИДа. В конце 1998 г. министр иностранных дел И. С. Иванов, подводя итоги дипломатического года для России, также заносил в актив Москве избежание «фронтальной конфронтации» с Соединенными Штатами [33, с. 18]. Удивительно, что его слова звучали на фоне осуществленной Вашингтоном и Лондоном военно-воздушной операции «Пустынный лис» против Ирака, когда англосаксы полностью проигнорировали позицию РФ, чем вызвали возмущение многих представителей российских политических кругов и общественности. Правда, вскоре И. С. Иванов в духе примаковского мышления продемонстрировал стойкость по отстаиванию принципов равноправного партнерства в российско-американских отношениях. К примеру, на встрече с госсекретарем США М. Олбрайт 26 января 1999 г. глава МИДа РФ даже сделал заявку на более жесткий курс страны во внешней политике, сказав: «Рыночная экономика не означает, что внешняя политика должна быть рыночной. Мы своими национальными интересами не торгуем» [157, с. 37]. Однако на ее встрече с Б. Н. Ельциным ситуация была сглажена президентом России. Стороны вновь подтвердили приверженность построению российско-американских отношений на основе равноправия, уважения и учета интересов друг друга. Б. Н. Ельциным и М. Олбрайт было особо подчеркнуто большое значение конструктивного взаимодействия Москвы и Вашингтона как стабилизирующего фактора международной жизни. Они высказались за дальнейшее поступательное развитие многоплановых отношений между двумя странами на всех уровнях и отметили, что возникающие

расхождения в подходах к тем или иным проблемам не должны заслонять общность основополагающих стратегических целей двух стран. Помимо этого, М. Олбрайт подтвердила принципиальную линию администрации США на поддержку российских реформ [514, с. 64–65].

Однако вскоре ход дальнейших событий опроверг дежурную риторику официальных лиц двух стран. Поэтому более справедливыми оказались оценки заявлениям М. Олбрайт думских комитетов по безопасности и международным делам. По мнению российских парламентариев, США хотят уменьшить военный потенциал, прежде всего ядерный, России, предотвратить возможность появления в лице РФ геополитического соперника и добиться, чтобы ее политика в максимальной степени соответствовала американским интересам [258, с. 95].

Следует отметить, что для Госдумы второго созыва был характерен более критичный взгляд на развитие российско-американских отношений. На протяжении ее работы наблюдалось ужесточение позиции депутатов касательно США в связи с действиями американцев на международной арене. Это было характерно не только для КПРФ и ЛДПР, но и для представителей других политических сил. Ярким примером проявления российскими парламентариями антиамериканизма стал их отказ от ратификации Договора о СНВ-2. Тем самым Госдума второго созыва своей деятельностью содействовала отходу России от прозападного внешнеполитического курса страны [424, л. 241].

Агрессия НАТО против Югославии окончательно сняла с повестки дня вопрос о стратегическом партнерстве между Москвой и Вашингтоном. Запад попытался получить дипломатическую поддержку России своим действиям на Балканах, но потерпел неудачу. РФ заняла жесткую позицию по данной проблеме. Хотя идти на прямой конфликт с США и НАТО Кремль не собирался. Более того вскоре Б. Н. Ельцин вопреки изначально занятой твердой позиции пошел навстречу Западу, назначив В. С. Черномырдина спецпредставителем РФ по урегулированию Косовского кризиса. Это было подтверждением того факта, что российская элита продолжала играть на международной арене в приятную игру. Они признавали «ведущую роль Запада и ведомую роль России» [619, с. 230].

Двойственная позиция Кремля стала наглядным примером падения международного веса России. На кельнском саммите G-8, куда прибыл Б. Н. Ельцин, были закреплены результаты натовской агрессии против СРЮ. Он принял западную позицию по Косово. Взамен ему пообещали реструктурировать российский долг и предоставить новый кредит МВФ [849, р. 16]. Правда, у самого Б. Н. Ельцина была несколько иная интерпретация произошедшего. Как отмечал президент РФ: «20 июня 1999 г. в Кельне мы сделали первый шаг навстречу Западу после югославского кризиса» [185, с. 340]. Он был убежден, что Россия дала возможность альянсу с достоинством выйти из Косовского кризиса, решительно отказавшись от возобновления Холодной войны с Западом [185, с. 341]. Очевидно, что для Б. Н. Ельцина на первом месте было честолюбие, а не твердое отстаивание национальных интересов России. Хотя, конечно,

нельзя не учитывать слабость тогдашней РФ, которая не могла бросить открытый вызов США, находившимся на пике своего могущества.

Последние месяцы ельцинского президентства запомнились публичной критикой США. На наш взгляд, это можно объяснить фактором ухода из Кремля. Скорее всего, покидая свой пост, он, опять-таки руководствуясь честолюбием, хотел громко «хлопнуть дверью». Сильная антиамериканская риторика стала для него своеобразной психологической самокомпенсацией за окончательный крах иллюзий российско-американского партнерства. К концу своего президентства Б. Н. Ельцин пришел к убеждению, что администрация Клинтона его предала [581, с. 43]. Тем самым, как справедливо отмечала американский политолог А. Стент, шоу Билла и Бориса завершилось [581, с. 73]. Поэтому на своей последней встрече с Б. Клинтон в Стамбуле в ноябре 1999 г. российский президент открыто обвинил Вашингтон во вмешательстве во внутренние дела других государств [112]. По словам Б. Н. Ельцина, «Биллу не очень хотелось встречаться со мной в Стамбуле. Западные страны готовили крайне жесткое заявление по Чечне. И все об этом прекрасно знали. По сути дела, начинался новый этап изоляции России. Этому надо было помешать во что бы то ни стало» [185, с. 341].

В начале декабря 1999 г. Б. Н. Ельцин, находясь с визитом в Пекине, вновь жестко высказался в адрес Вашингтона. Правда, его громкие и высокопарные заявления были восприняты в США абсолютно равнодушно, поскольку там считали, что подобные слова по существу не означали кардинального изменения во внешнеполитическом курсе России [81, с. 426].

Свою оценку взаимоотношениям Вашингтона и Москвы дала и американская сторона. Б. Клинтон резюмировал: «Хотя взаимодействие между нами было хорошим, созданное нами партнерство подверглось многим испытаниям. В большинстве своем они были связаны с конкретными проблемами – расширением НАТО и его действиями в Косово, Чечней, противоракетной обороной. Однако в последнее время в обеих странах нарастает тенденция подвергать сомнению основу сотрудничества; задаются вопросом, действительно ли Россия и США имеют общие интересы, которые перевешивают наши различия. Какими бы ни были международные проблемы – контроль за вооружениями, нераспространение ядерного оружия, мир на Балканах, глобализация мировой экономики или борьба с терроризмом, – я считаю, что Россия и Америка достигнут большего, совместно решая эти проблемы, нежели попадая в ловушку политики изоляции» [43, с. 134]. Справедливую оценку российско-американским отношениям дал и сенатор-республиканец Р. Лугар, подчеркнув, что за восемь лет они от стратегического партнерства скатились к партнерству прагматическому, то есть от доброжелательного взаимного пренебрежения к недоброжелательному пренебрежению [43, с. 135]. Причиной стало отсутствие у США искреннего стремления к равноправному партнерству с Россией. Согласно справедливому замечанию Т. А. Шаклеиной, итог десятилетних изысканий американских стратегов на российском направлении отчетливо проявился во время предвыборной борьбы на президентских выборах 2000 г.,

приведших к власти Дж. Буша-мл., заявившего о продолжении дела Рейгана, подготовившего конец «империи зла» – СССР [646, с. 56].

Несовпадение и несовместимость интересов и планов России и США не позволили реализоваться стратегическому партнерству. Кстати, многие в России долгое время не желали этого признавать, что затем стало источником критики в адрес Вашингтона [645, с. 68]. Американцы не отрицали необходимости выстраивания партнерских отношений с Москвой, но не скрывали, что их содержание и продолжительность производны от интересов и планов США [648, с. 9]. Для многих представителей американской элиты Россия выступала в качестве периферийной страны, оттесненной на задворки Европы [761, р. 122; 784, р. 12]. Правда, у части из них присутствовали опасения по поводу возрождения российской мощи. Поэтому Соединенные Штаты стремились не допустить возрождения России, пытаясь удержать ее в рамках своей сферы влияния [41, с. 23–24]. Однако Вашингтон переоценил готовность Москвы послушно следовать за США, что привело две страны к взаимному отчуждению [41, с. 21, 25–27]. Тем самым взаимные обвинения сторон стали свидетельством первого серьезного кризиса в российско-американских отношениях с момента окончания Холодной войны [705, р. А1]. Как подчеркивал американский политолог Т. Грэм, вопреки заявленным целям Россия в ельцинскую эпоху не смогла интегрироваться в западное сообщество. 1990-е гг. стали «десятилетием утерянных надежд». А вопрос о месте РФ в мире перешел в новое столетие [753, р. 73].

Таким образом, в годы второго президентства Б. Н. Ельцина Москва еще не утратила окончательно надежду на сотрудничество и была готова к конструктивному равноправному взаимодействию с Вашингтоном. Представители российского руководства неоднократно подчеркивали заинтересованность в совместном решении актуальных проблем глобальной, региональной и двусторонней повесток дня. Вместе с этим поведение Соединенных Штатов на мировой арене и их политика в отношении России вынуждали Москву вносить коррективы в свой внешнеполитический курс на американском направлении.

Осознание Б. Н. Ельциным факта игнорирования Вашингтоном национальных интересов РФ, что задевало его честолюбие как президента великой державы, и учет общественных настроений в условиях внутривнутриполитической борьбы привели к отказу от «дипломатии уступок» А. В. Козырева и переходу к «дипломатии прагматизма» Е. М. Примакова, которая в несколько более мягком варианте была продолжена И. С. Ивановым. Однако в условиях системного ослабления российского государства Москве не хватало мощи для последовательного отстаивания своих позиций в диалоге с Вашингтоном по спорным вопросам. Поэтому жесткость российского руководства больше проявлялась в публичной риторике, чем в практических действиях в ответ на те или иные шаги Вашингтона. Тем более что сам Б. Н. Ельцин был более заинтересован в признании «другом Биллом» своего личного статуса, нежели в отстаивании конкретных национальных интересов страны.

Г Л А В А 3

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ПОВЕСТКЕ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1990-е гг.

Окончание Холодной войны не избавило Москву и Вашингтон от противоречий по целому ряду региональных проблем, оказавшихся в повестке российско-американских отношений. При этом в 1990-е гг. высшее руководство РФ верило, или наивно хотело верить, что в условиях нового миропорядка обе державы преследуют общие цели. После того как американцы запустили лозунг «о зрелом стратегическом партнерстве» между США и Россией, Москве показалось, что происходит формирование некоего российско-американского кондоминиума, пришедшего на смену бывшему соперничеству. Поэтому в Москве считали, что международное сообщество должно признать Россию равной Соединенным Штатам, из чего делался вывод, что ни одна проблема не может обсуждаться или решаться без ее участия [54, с. 123]. Так, Б. Н. Ельцин был уверен, что если РФ и США договариваются о совместных действиях, то формируется общая позиция международного сообщества, что помогает решить любую проблему [184, с. 220]. Подобные настроения нашли в стране широкое распространение. По справедливому мнению экс-министра иностранных дел И. С. Иванова, «в российском общественном мнении приветствовали курс на сближение с бывшими противниками СССР, ожидая от него реальной отдачи для интересов страны» [225, с. 14]. Однако известный в прошлом американский дипломат Дж. Гудби был более осторожен в оценках относительно взаимодействия Москвы и Вашингтона в сфере урегулирования региональных конфликтов. По его мнению, они стали вызовом двустороннему партнерству как в позитивном, так и негативном смыслах. Позитив заключался в его укреплении в результате совместной работы сторон по урегулированию кризисных ситуаций, а негатив – в риске ухудшения российско-американских отношений по мере расхождения позиций на сущность происходящего [850, р. 3].

По признанию Зб. Бжезинского, концепция «стратегического партнерства» ласкала слух русским, но была изначально обманчивой. США никогда не намеревались делить власть с Россией в постбиполярном мире [57, с. 22]. На мировой арене администрация Клинтона действовала в соответствии со стратегией «вовлечения и расширения» [670]. Она касалась и отношений с РФ.

В 1990-е гг. среди представителей американской элиты получили распространение два взгляда на проблему сотрудничества Вашингтона с Москвой. Одни считали, что Россия не в состоянии заниматься урегулированием конфликтов в силу своей слабости [57, с. 22]. Они разделяли тезис Зб. Бжезинского о том, что РФ не способна к конкуренции с США на мировой арене [696, р. 56–57]. Другие, наоборот, подчеркивали, что РФ, несмотря на свое ослабление, сохранила целый ряд атрибутов великой державы. Поэтому Соединенным Штатам

следует сотрудничать с русскими в сфере урегулирования региональных кризисов и конфликтов [850, р. 25–26].

Несмотря на стремление руководства демократической России развивать партнерские отношения с Соединенными Штатами, разное видение решения актуальных проблем приводило к возникновению разногласий между ними. К концу ельцинской эпохи Москва позволяла себе все чаще перечить Вашингтону. Представители российских властей стали делать заявления о том, что свои национальные интересы на международной арене Россия рассматривает в рамках формирования благоприятного для себя миропорядка [224, с. 5].

В 1990-е гг. основные противоречия между Москвой и Вашингтоном касались ситуации на постсоветском пространстве, Балканах и Ближнем Востоке. Ниже рассмотрим, как некоторые из них влияли на развитие российско-американских отношений.

Постсоветское пространство в повестке российско-американских отношений

Распад СССР привел к появлению новой геополитической реальности – постсоветского пространства. Бывшие советские республики стали по американской терминологии новыми независимыми государствами (ННГ), выбравшими свой собственный путь дальнейшего развития в постбиполярном мире. Освободившись от длительного контроля со стороны Москвы, одни из них последовательно склонялись к прозападному пути развития, другие в силу наличия тесных культурно-исторических и экономических связей продолжали ориентироваться на Россию, третьи все чаще смотрели в сторону исламского мира или Китая. Результатом данных тенденций стало нарастание геополитического соперничества на постсоветском пространстве разных центров силы, в том числе РФ и США.

Правда, изначально регион не являлся серьезным раздражителем в российско-американских отношениях. В начале 1990-х гг. для Москвы приоритетом было атлантическое направление. По логике тогдашнего российского руководства от отношений с США зависел и процесс «развода» с бывшими советскими республиками [304, с. 19]. Многие в России, находясь в плену либерального идеализма, считали, что для Запада политика аннексии чужих территорий утратила всякий смысл, ибо ее издержки неизмеримо превышают возможные выгоды [65, с. 16]. В Москве были уверены, что открывается новый, неконфронтационный этап сотрудничества. Российская политическая элита ожидала, что западные державы не будут мешать восстановлению главенствующей роли РФ на постсоветском пространстве [57, с. 26]. Именно здесь Россия обязана и может быть лидером. Подобного мнения придерживались и отдельные западные эксперты. Как подчеркивал американский исследователь М. Баукер, отношения с Западом важны, но российское руководство должно понять, что приоритетом для Москвы должно быть ближнее, а не дальнее зарубежье [694, р. 239]. При этом России нужно учитывать текущие реалии и в случае необходимости идти на компромиссы, а не демонстрировать силу [694, р. 78].

Известно, что Б. Н. Ельцин, рассчитывая на дальнейшую поддержку со стороны Вашингтона, проинформировал Дж. Буша-ст. о принятом в Вискулях решении о роспуске Советского Союза и создании СНГ в тот же день – 8 декабря 1991 г. [812]. Данную линию поведения российское руководство продолжило проводить и в последующие годы. Либеральное мышление находящихся у власти людей нашло свое отражение и в основных концептуальных документах – Концепции внешней политики и Военной доктрине, утвержденных Б. Н. Ельциным в 1993 г. Исходя из представлений тогдашнего руководства, Россия должна была стать частью Запада за счет разрыва исторически сложившейся идентичности.

Конечно, значимость постсоветского пространства нашла свое отражение в концептуальных внешнеполитических документах, например в Концепции внешней политики России [277, с. 19]. Однако приоритетность стран СНГ лишь декларировалась, на деле же российское руководство не проявляло достаточной активности и само способствовало их отдалению от себя. Так, в докладе «Стратегия для России», подготовленном СВОП летом 1992 г., отмечалось, что только РФ может быть гарантом стабильности на постсоветском пространстве. В документе говорилось о том, что России должна быть оказана активная международная поддержка для выполнения роли миротворца на постсоветском пространстве [651, с. 331–332]. В феврале 1993 г. уже сам Б. Н. Ельцин заявил о том, что жизненно важным интересом России является прекращение всех вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве. Это нашло отражение и в Военной доктрине России, утвержденной в 1993 г., где, например, в качестве основных внешних угроз были указаны «локальные войны и вооруженные конфликты», а не США и НАТО [411]. По этой причине А. В. Козырев сделал заявление перед послами ННГ о необходимости сохранения присутствия российских военнослужащих на территории их стран [660, с. 50]. В связи с этим международное сообщество должно предоставить РФ особые полномочия «гаранта мира и стабильности» в регионе. А. В. Козырев даже обратился к ООН и СБСЕ с предложением предоставить России специальные права и полномочия миротворца в ННГ [651, с. 332]. В Кремле и МИДе рассчитывали не только на понимание, но и на активную поддержку действий России в регионе со стороны Вашингтона [57, с. 26]. Логика российского руководства заключалась в том, что способствуя стабильности на постсоветском пространстве, Москва действует не только в своих интересах, но и в интересах всего цивилизованного мира. Соответственно, Соединенные Штаты обязаны всячески помогать России, не исключая и финансовую помощь [287, с. 52–53].

Однако на практике действия России в регионе не отличались особой активностью. Во многом это объяснялось тем, что в политических кругах отсутствовал консенсус относительно роли и места региона во внешнеполитической стратегии страны. Если многие атлантисты, нацеленные на вхождение в Запад, банально игнорировали постсоветское пространство, то цивилизационщики и державники, наоборот, считали его сферой жизненных интересов России [65, с. 15; 364, с. 336]. Заявления представителей российских властей нередко

противоречили друг другу. В стране отсутствовал отлаженный механизм выработки, согласования и реализации внешнеполитической стратегии.

Со своей стороны в администрации Буша-ст. считали, что на постсоветском пространстве необходимо проводить политику «невмешательства» или «вежливого пренебрежения». Поэтому на протяжении 1991–1992 гг. американская дипломатия пыталась применить так называемый «дифференцированный» подход к СНГ, используя вопрос об их признании как средство политического нажима. Однако это делалось непоследовательно, в силу того, что у американцев отсутствовало четкое видение ситуации [286, с. 18–19]. С одной стороны, в первые годы после распада СССР Соединенные Штаты еще ориентировались на Москву. Это объяснялось опасениями американцев относительно ядерного суверенитета Украины, Казахстана и Беларуси, поэтому США и Россия проводили в регионе параллельную сбалансированную политику. Кроме того, Москве отводилась роль «локомотива» демократического развития других постсоветских государств [345, с. 70; 621, с. 24]. В подобном ключе Вашингтон рассматривал и СНГ, считая объединение формой для цивилизованного развода бывших советских республик [469, с. 195]. Отдельные американские авторы называли Содружество «фиговым листом», прикрывавшим потерю империи. Поэтому будущее СНГ виделось им нерадужным. Они считали, что объединение не будет эффективным и вскоре распадется [749, р. 56]. С другой стороны, крушение Советского Союза предоставило США шанс распространить свое влияние в данном регионе [876, р. 129]. Поэтому должного понимания от американцев российские власти не получили.

Тем самым в период так называемого «медового месяца» РФ и США на постсоветском пространстве шли параллельным курсом, «не желая становиться заложниками незрелых политических сил, волею судеб получивших в бывших республиках шанс суверенного волеизъявления» [511, с. 122]. При этом политика обеих держав не отличалась особой активностью. Вашингтон еще учитывал «фактор России» в регионе, поэтому проявлял определенную сдержанность в ее зоне влияния. К тому же, как отмечалось выше, американцам требовалось время, чтобы выработать стратегию для постсоветского пространства. В Москве же считали, что бывшие советские республики останутся в сфере российского влияния, в связи с чем следует сконцентрировать все усилия на развитии отношений с Западом.

Первые расхождения между Россией и США относительно постсоветского пространства стали проявляться уже в начале 1990-х гг. В Вашингтоне постепенно усиливался голос тех, кто считал, что Москва не должна иметь своей сферы влияния в этом регионе [698, р. 73]. Любые интеграционные процессы в СНГ и российская активность в этом направлении стали расцениваться американцами как проявление якобы «неоимпериализма» Кремля [394, с. 626]. Под российский экспансионизм часть американской элиты подводила и миротворческие усилия России в регионе. Так, по словам бывшего первого замминистра иностранных дел России А. Л. Адамишина, уже в 1992 г. американцы начали строить «козни» и искажать миротворческую роль Москвы в Таджикистане и Закавказье [5, с. 264, 328]. Разумеется, такая постановка вопроса не могла вызвать у представителей российского руководства одобрения.

Подтверждением этому служат слова российского посла в США В. П. Лукина, который в январе 1993 г. заявил, что отношения между Россией и бывшими советскими республиками «должны считаться идентичными тем, что существуют между Нью-Йорком и Нью-Джерси» [581, с. 41].

После прихода к власти администрации Клинтона противоречия между Москвой и Вашингтоном на постсоветском пространстве стали нарастать. Свою роль в этом процессе сыграли и элиты постсоветских государств, получившие всю полноту власти в своих странах, которые, опасаясь России, стремились найти внешних покровителей в лице США, следуя принципу «чем дальше от твоих границ находится покровитель, тем лучше». Подобная позиция ННГ находила поддержку в Вашингтоне. Американцы были заинтересованы в распространении своего влияния на постсоветском пространстве. В результате США стали шаг за шагом увеличивать присутствие в регионе. При этом в своей постсоветской политике Соединенные Штаты изменили акценты. Если первоначально они делали ставку на Москву, поскольку им была нужна дружественная и предсказуемая Россия, не представляющая опасности для ННГ и готовая купировать угрозы на постсоветском пространстве, то затем в ее действиях стали усматривать потенциальную угрозу американским интересам [706, р. 59]. Поэтому Соединенные Штаты отказались от поддержки российских инициатив на постсоветском пространстве. Американцы были готовы признать ведущую роль РФ в регионе только при условии координации Москвой своих действий с Вашингтоном [719, р. 8867; 737, р. 23086]. При этом нестабильность в регионе не отвечала планам США. Однако говорить о какой-либо последовательности и целостности постсоветской политики Вашингтона в первой половине 1990-х гг. не приходится. Тогда США ограничились лишь поддержкой в ННГ процессов демократизации и рыночных реформ.

Постепенно среди лиц, причастных к формированию и реализации внешнеполитического курса Соединенных Штатов, стали набирать вес сторонники Зб. Бжезинского и других американских теоретиков, предлагавших перестать считать Россию основным партнером на постсоветском пространстве и переориентироваться на новые независимые государства [664, с. 54]. В американском политико-академическом сообществе стали раздаваться голоса о том, что Россия стремится взять геополитический реванш за поражение в Холодной войне путем воссоздания новой империи за счет бывших советских республик [698, р. 71; 888, р. 8]. Зб. Бжезинский утверждал, что РФ продолжает представлять потенциальную угрозу Западу своим реваншизмом, поэтому вокруг нее необходимо создавать благоприятную геополитическую среду, основанную на западных принципах. В этом случае Россия откажется от своих имперских замашек [698, р. 78]. Г. Киссинджер также считал, что РФ может представлять потенциальную угрозу для своих соседей [681, р. 397]. Поэтому политолог призывал Вашингтон внимательно следить за Москвой в целях недопущения усиления России [264, с. 748]. И число представителей американского политико-академического сообщества, рассуждавших подобным образом, с каждым годом увеличивалось. Сторонники политики вовлечения, которые

предостерегали от искусственной изоляции РФ [839, р. 188], уступили ведущую роль приверженцам стратегии сдерживания.

С середины 1990-х гг. любые действия России, будь то в политической, торгово-экономической или даже культурной областях, стали расцениваться Вашингтоном как проявление российского империализма, направленного на восстановление нового СССР [720, р. E655; 722, р. H3778]. Так, лидер сенатского большинства республиканец Р. Доул прямо отмечал возрождение «российского империализма» [721, р. E730]. Отказавшись от концепции «финляндизации» СНГ, Вашингтон избрал, по определению С. Коэна, «миссионерско-интервенционистский» подход, исходивший из необходимости воздействия на них с целью формирования коалиций для противостояния России и создания гарантий против возрождения «российского империализма» [310, с. 121]. Тем самым своим отношением к РФ американцы сами культивировали недоверие среди россиян к себе и содействовали осознанию Москвой необходимости воссоздания своего центра силы [781, р. 76].

Правда, часть российской политической элиты, находящейся в плену либерального идеализма, не учла того факта, что политико-психологические последствия распада Советского Союза и демократического порыва значительно иссякли среди американского истеблишмента. Они не поняли, что «российская мода» в Вашингтоне сошла на нет и на первый план вышли реальные факторы мощи и влияния в мире.

Однако критики официального внешнеполитического курса страны отмечали, что Вашингтон, объявив о своих национальных интересах на постсоветском пространстве, фактически признал свою истинную политику в отношении России. Например, как подчеркивал лидер неоевразийского движения А. Г. Дугин, США стремились превратить РФ в слабую региональную державу, неспособную играть значительную роль в мировой политике [179, с. 193–213]. Тогда как, по убеждению российской оппозиции, Россия должна быть на постсоветском пространстве региональным лидером [387, с. 238–240].

Постепенно в российском руководстве стали понимать о противоположных интересах России и Запада на постсоветском пространстве. В начале 1994 г. даже А. В. Козырев впервые рискнул заявить об «особых интересах» России в данном регионе. Хотя на практике серьезной активизации политики Москвы в СНГ не последовало, его слова символизировали новую тенденцию: под давлением общественности руководство страны стало понимать необходимость модификации идейно-теоретической составляющей внешнеполитического курса. Несмотря на то, что РФ продолжала ориентироваться на Запад, теперь сотрудничество сопровождалось оговорками и попытками российской дипломатии сопроводить его выдвиганием своих условий [68, с. 14].

С критикой на США в своем послании российским парламентариям от 16 февраля 1995 г. обрушился и Б. Н. Ельцин, заявивший о том, что наблюдаются попытки со стороны Запада сдерживать постсоветскую интеграцию, «воспрепятствовать восстановлению взаимовыгодных экономических и других связей» [452]. Президент РФ подчеркивал, что «на смену идеологическим конфликтам приходит борьба за сферы влияния в геополитике» [660, с. 52]. Исходя

из менявшихся реалий, в сентябре 1995 г. указом Б. Н. Ельцина был утвержден «Стратегический курс России с государствами-участниками Содружества Независимых Государств», где подтверждался приоритетный характер этого внешнеполитического направления. В нем признавалось, что ситуация на постсоветском пространстве затрагивает жизненные интересы РФ. Доктринальные документы середины 1990-х гг. нацеливали на сохранение региона в качестве сферы особых интересов России и превращение СНГ во влиятельного глобального игрока [226, с. 106–107].

Подобные изменения в риторике Москвы вызвали немедленную реакцию Вашингтона. В марте 1994 г. У. Кристофер подчеркнул, что «США не признают за Россией права на любые действия в новых независимых государствах без согласования с ООН или другими международными органами и намерены твердо выступать против попыток принуждения оных со стороны Москвы» [5, с. 265]. Американцы были убеждены, что Россия использует постсоветскую интеграцию исключительно в своих целях для создания российской сферы влияния [879, р. 37]. Посему Соединенные Штаты намеревались «зацементировать результаты дезинтеграции» Советского Союза в целях расширения своего влияния на постсоветском пространстве [893, р. 42–43]. Исходя из этого, они стали усиливать свое присутствие в СНГ. В результате на постсоветском пространстве оформились две группы стран, одна из которых ориентировалась на РФ, а другая на Запад [399, с. 9].

Приход в МИД Е. М. Примакова активизировал политику РФ на постсоветском пространстве. Уже на первой своей пресс-конференции в качестве министра иностранных дел, 12 января 1996 г., он заявил о приоритетности отношений России с СНГ в целом и с каждой страной Содружества в частности [465, с. 185]. По его мнению, суверенитет, полученный ими, не отрицает необходимости интеграционных процессов на постсоветском пространстве [465, с. 199]. При этом уже во время своей первой встречи с госсекретарем У. Кристофером в феврале 1996 г. российский министр выразил своему заокеанскому коллеге обеспокоенность американской политикой на постсоветском пространстве. По его словам, Вашингтону следовало правильно понимать сущность интеграционных процессов в регионе, поскольку планов по возрождению СССР у Москвы нет, как нет и «имперских амбиций» [465, с. 217–218].

В июне 1996 г. Е. М. Примаков вновь назвал постсоветскую интеграцию одной из главных преград на пути улучшения отношений России с Западом. Глава МИДа РФ говорил о «кровном родстве» между странами СНГ, но американцы рассуждали иначе. В Соединенных Штатах действия Москвы воспринимались как посягательство на суверенитет СНГ [511, с. 123].

В результате в российско-американских отношениях проявились ключевые сферы противоречий, связанные с развитием интеграционных процессов, проблемой искусственного разделения русских, взаимодействием Москвы и Вашингтона с СНГ, доступом к минеральным ресурсам Средней Азии и бассейна Каспийского моря [528, с. 50]. При этом прослеживалась отчетливая тенденция к их нарастанию. В 1997 г. известный американский советолог Р. Пайпс

признавал, что в будущем противоречия РФ и США на постсоветском пространстве могут еще более усилиться [844, р. 73].

В условиях роста российско-американских противоречий руководству страны было необходимо твердо и последовательно отстаивать национальные интересы в ближнем зарубежье, но делать это так, чтобы резко не осложнить отношения с Соединенными Штатами [528, с. 51]. Поэтому Москва все еще вела себя довольно осторожно, стараясь не давать лишних поводов Вашингтону для обвинения в «имперских» замашках.

Конечно, далеко не все были согласны с приматовской линией. Так, один из дипломатов, придерживавшийся козыревских взглядов, – Г. Ф. Кунадзе – вспоминал, что, будучи послом по особым поручениям, курирующим СНГ, считал постсоветскую политику руководства неверной. По его мнению, Москва не имела ни возможностей, ни морального права диктовать свою волю СНГ. Россия, наоборот, на основе разделяемых общих ценностей с Западом должна помогать постсоветским республикам стать по-настоящему демократическими и независимыми. Только тогда они будут друзьями РФ. Поняв, что его мнение не разделяется руководством, Г. Ф. Кунадзе в 1997 г. ушел из МИДа [541].

С середины 1990-х гг. в Вашингтоне стала популярной точка зрения о том, что Америка обязана помочь СНГ, иначе их жизнеспособность окажется под угрозой, чем воспользуется Москва [696, р. 52]. Не имея возможности активного вмешательства во все постсоветские государства, Вашингтон выделил для себя ключевые страны региона – Украину, Казахстан, Азербайджан [511, с. 124]. Госсекретарь М. Олбрайт обосновала данную политику задачей по управлению последствиями распада СССР [337, с. 97].

Особый интерес для США представляла Украина, которая становилась весомым раздражителем между Москвой и Вашингтоном на постсоветском пространстве. В Соединенных Штатах даже был сформулирован тезис о том, что готовность России «уважать независимость Украины» должна быть главным критерием приверженности Москвы принципам свободы и демократии [664, с. 55]. По свидетельству С. Тэлботта, еще в мае 1993 г. Б. Н. Ельцин, принимая верительные грамоты Т. Пикеринга в качестве американского посла в Москве, предъявил американцам претензии по поводу того, что Вашингтон слишком «цацкается» с украинцами, поощряя их враждебность к России [614, с. 99].

В последующие годы клубок противоречий между РФ и США на украинском направлении лишь нарастал. После решения проблемы с ядерным статусом Украины Вашингтон перешел к прямой поддержке Киева в пику Москве. В американской элите все более популяризировалась идея о необходимости противопоставления Украины России. Многие восприняли тезис Зб. Бжезинского о том, что без Украины России не хватит геополитического потенциала, чтобы вновь стать великой державой [54, с. 62]. К тому же, как верно отметили О. Г. Карпович и А. А. Гришанов, украинское руководство в полном соответствии с афоризмом «хвост виляет собакой» сумело направить активность американской дипломатии в нужное ему русло [254, с. 188].

В отличие от Украины или Молдовы «втянуть» Беларусь в свою внешнеполитическую орбиту Вашингтону не удалось. Белорусское руководство выбрало путь на тесную интеграцию с Россией. Следует подчеркнуть, что наряду с социально-экономическими и культурно-историческими факторами, объяснявшими процесс сближения Минска и Москвы, свою роль играла и геополитическая составляющая, выражавшаяся в реакции обеих сторон на действия Запада. Как отмечал американский политолог Я. Бугайский, для России Беларусь имеет такое же большое значение, как и Украина, а союзнические отношения между двумя странами являются российским стратегическим императивом в целях предотвращения создания на западной границе «санитарного кордона» – так называемой Балто-Черноморской дуги [701, р. 88]. Нельзя не согласиться с мнением, что действия США и НАТО стали одним из факторов создания Союзного государства России и Беларуси [678, р. 88].

Помимо Украины Вашингтон значительно активизировал свою политику в Центральной Азии и Закавказье. Американцы объясняли подобное решение «гуманными» намерениями: гарантировать стабильное предложение каспийской нефти на мировом рынке [597, с. 85]. За таким благовидным предлогом скрывалась куда более прозаичная причина – геополитический контроль Каспия. Бассейн Каспийского моря привлек их внимание наличием больших запасов углеводородов и геополитическим положением, которое позволяло оказывать давление на Иран, Китай и Россию. Включение региона в «сферу жизненно важных интересов» США свидетельствовало о полномасштабном сотрудничестве с этими странами [374, с. 21]. В Госдепартаменте даже было создано специальное управление по делам каспийского энергетического бассейна и учреждена должность специального советника президента и госсекретаря по вопросам энергетики Каспия, которую занял Р. Морнингстар [374, с. 30].

В качестве приоритетных партнеров США выбрали Азербайджан, Казахстан и Узбекистан. Зб. Бжезинский, например, назвал Азербайджан «важной “пробкой”, контролирующей доступ к “бутылке” с богатствами бассейна Каспийского моря и Средней Азии» [54, с. 155].

Баку, Астана и Ташкент охотно шли на сближение с Соединенными Штатами, надеясь на американские инвестиции в свои экономики, чего не могла дать Россия. С конца 1990-х гг. их регулярно посещали американские делегации, возглавляемые командующим Центральным командованием США Т. Фрэнксом с целью налаживания более тесного сотрудничества по военной линии [155, с. 46]. Тем самым каспийская политика Вашингтона дала неплохие результаты. К концу 1990-х гг. американцы смогли закрепиться в регионе. Хотя в целом с точки зрения американских интересов данный регион еще считался периферийным [799, р. 451]. Кроме того, администрация Клинтона еще признавала здесь особую роль Москвы [75, с. 56].

У самой России также не было четкой политики в Центральной Азии и Закавказье. Ее подход сочетал в себе несколько принципиально различных характеристик. Прежде всего, это жесткость, проявившаяся в стремлении сохранить страны региона в сфере своего влияния. Далее прагматизм, заключавшийся в участии российских субъектов хозяйствования в международных

проектах по освоению углеводородов Каспийского моря. Наконец, согласие на участие внерегиональных игроков в освоении природных ресурсов региона на четких, заранее оговоренных условиях [597, с. 87–89].

Что касается страновых приоритетов России, то, прежде всего, в Москве выделяли Казахстан. По мнению британского исследователя Б. Ло, лояльность Астаны была необходима РФ для установления стратегического контроля в ЦА, где свою относительную геополитическую независимость демонстрировали Узбекистан и Туркменистан [795, р. 85].

Активизация действий США на постсоветском пространстве могла означать вариант выстраивания нового санитарного кордона [511, с. 126]. Поэтому в конце 1990-х гг. Москва стала открыто выражать свое недовольство стремлением Запада нанести ущерб российским интересам, рассматривая поведение Соединенных Штатов как попытку вытеснения России либо искусственного ослабления ее позиций [226, с. 111].

Таким образом, постепенно постсоветское пространство стало одним из серьезных раздражителей в российско-американских отношениях. Основная причина заключалась в непонимании сторонами мотивов друг друга. Изначально Москва была уверена, что получит полную поддержку Вашингтона в регионе. Российское руководство считало, что США не станут посягать на российское влияние на постсоветском пространстве. Однако если администрация Буша-ст. проводила в регионе довольно осторожную политику, делая ставку на Россию и в той или иной степени учитывая ее интересы, то администрация Клинтона постепенно взяла курс на вытеснение российского влияния. В итоге к руководству России пришло осознание, что Вашингтон не готов учитывать интересы Москвы, а постсоветское пространство превращается в сферу геополитического соперничества, а не сотрудничества.

Подходы России и США к урегулированию региональных конфликтов и кризисов

Окончание Холодной войны не сделало мир бесконфликтным. Более того, количество локальных вооруженных конфликтов и острых кризисов на планете даже увеличилось. А многие из них в постбиполярный период стали серьезными раздражителями между Москвой и Вашингтоном. По справедливому замечанию профессора Калифорнийского университета Ф. Уэлинга, в постбиполярный период российско-американские отношения не стали менее сложными [904, р. 169].

В 1990-е гг. в повестке российско-американского диалога по вопросам региональной безопасности находились, прежде всего, этнополитические конфликты на Балканах и Ближнем Востоке. Если по отношению к решению одних из них Москва и Вашингтон более-менее находили точки соприкосновения и вырабатывали единую позицию, то по другим подходы российской и американской сторон существенно расходились. При этом в длительном процессе урегулирования конфликтов и кризисов позиции обеих держав нередко претерпевали серьезные изменения под влиянием целого ряда внутренних и внешних факторов.

Боснийский конфликт

Распад СФРЮ вызвал на ее территории ряд вооруженных конфликтов, которые стали объектом внимания со стороны международного сообщества. В первую очередь, среди них выделялся боснийский конфликт, занявший свою нишу в российско-американских отношениях.

В первой половине 1990-х гг. по ситуации в Боснии Вашингтон занял довольно жесткую позицию, обвинив сербов в геноциде. Поэтому многие представители американской элиты выступали за нанесение авиаударов НАТО по сербам. Например, сенатор Дж. Байден считал, что сербы начали войну в Боснии, используя тайные связи с российскими поставщиками оружия, поэтому их необходимо лишить данной возможности. Для этого в марте 1993 г. он призывал американское руководство решить проблему Боснии силой [31, с. 389].

Одновременно Вашингтон оказывал давление на Москву. Так, в апреле 1993 г. госсекретарь У. Кристофер предупреждал заместителя министра иностранных дел Г. Э. Мамедова о том, что если Россия наложит вето на проект резолюции СБ ООН об ужесточении санкций против Югославии, «это может осложнить усилия американской администрации по обеспечению поддержки в Конгрессе вопроса об оказании помощи России». При этом речь шла даже не о кредите, а лишь об обещании выделения кредита [390].

В ответ на американское давление представители российского руководства пытались лишь робко возражать, а в конечном итоге, как правило, соглашались с американцами. Так, по свидетельству С. Тэлботта, А. В. Козырев, выслушав доводы администрации Клинтона поддержать действия НАТО в Боснии против сербов, не согласился, возразив, что не стоит усугублять положение, навязывая свое мнение, как Москве следует себя вести [901, р. 76]. Однако в ходе визита У. Кристофера в Москву в мае 1993 г. стороны достигли договоренности о том, что необходимо заставить боснийских сербов выполнять план Вэнса – Оуэна [560, с. 458].

В отличие от российского руководства оппозиция придерживалась иного взгляда на проблему. Так, ЛДПР выступила за отмену санкций, введенных СБ ООН 30 мая 1992 г. против СРЮ за участие в боснийском конфликте. Отношение партии к боснийской проблеме не изменилось и в последующие годы. В Госдуме фракция ЛДПР внесла законопроект о прекращении российских санкций против Югославии, который был поддержан большинством голосов [102, с. 143]. Однако Запад проигнорировал мнение России, осуществив воздушные удары по сербским позициям в Боснии.

В связи с натовскими бомбардировками сербов 6 сентября 1995 г. ЛДПР выразила решительный протест, предложив отозвать российских послов из столиц государств-агрессоров, созвать СБ ООН, немедленно прекратить экономическую блокаду СРЮ, а также снять с поста министра иностранных дел А. В. Козырева, проводившего антирусскую политику в балканском вопросе. Инициатива либерал-демократов встретила поддержку других российских партий и во многом способствовала переводу боснийского конфликта в дипломатическое русло [102, с. 143].

МИД РФ выразил публичный протест, заявив, что «НАТО, прикрываясь заявлениями о приверженности политическому решению, на деле превращает многострадальную землю Боснии в полигон для утверждения своей “новой роли” в европейских и международных делах». В заявлении внешнеполитического ведомства России содержался призыв к дипломатическому решению проблемы в рамках международной контактной группы по Боснии, работу которой А. В. Козырев оценивал весьма высоко [61, с. 3]. Правда, с мнением министра было несогласно большинство парламентариев. Так, председатель комитета Госдумы по международным делам В. П. Лукин подчеркнул, что «у России были времена силы и времена слабости, однако и во времена слабости она могла сильно выступать на дипломатическом поприще» [61, с. 3].

В 1995 г. с российской стороны подготовкой Дейтонских соглашений занимался первый заместитель министра иностранных дел И. С. Иванов. С американской стороны его визави был заместитель госсекретаря Р. Холбрук, являвшийся другом Б. Клинтона и имевший широчайшие полномочия [377, с. 463–464]. СМИ отмечали, что за выдающиеся пробивные способности американский дипломат получил прозвища «Бульдозер» и «Разъяренный бык» [794; 871]. Действительно, он «бескомпромиссно воплощал цели американской дипломатии» [320]. Позднее сам Р. Холбрук Дейтонские переговоры назвал весьма трудными. При этом его представление о конфликтующих сторонах боснийского конфликта было чрезмерно прямолинейным и упрощенным. С точки зрения Р. Холбрука, основная доля вины лежала на сербах, затем ответственность несли хорваты, а боснийские мусульмане являлись исключительно жертвами [764, р. 262–287]. Что же касается России, то создатель Дейтонских соглашений 1995 г. объяснял ее включение в переговорный процесс по боснийскому урегулированию исключительно желанием администрации Клинтона угодить российскому руководству, которое хотело чувствовать себя значимым игроком в мировой политике [764, р. 117].

Несмотря на наличие ряда расхождений между участниками переговоров, благодаря усилиям Вашингтона и Москвы, война в Боснии была остановлена. В соответствии с заключенными договоренностями Россия получала свой сектор ответственности. В октябре 1995 г. Б. Н. Ельцин и Б. Клинтон договорились об участии российской бригады в миротворческой миссии НАТО [427, с. 162]. В рамках миротворческой миссии российский контингент тесно взаимодействовал с натовцами. По словам генерал-лейтенанта А. Г. Криволапова, руководившего оперативной группой Министерства обороны РФ в штаб-квартире НАТО, «военная часть дейтонского плана была выполнена отлично» [377, с. 480]. Проработав несколько лет в Брюсселе, он выразил убеждение, что с альянсом необходимо сотрудничать и воздействовать на натовцев изнутри, а не считать их врагами. Правда, это скорее было частное мнение генерала, которое не разделяли многие его коллеги в Министерстве обороны [377, с. 482].

Таким образом, российская дипломатия записала себе в актив заслугу в прекращении Боснийского конфликта, хотя было очевидно, что ведущую роль в заключении Дейтонских соглашений сыграли американцы.

Косовский кризис

В конце 1990-х гг. обострился этнический конфликт в населенном албанцами и сербами Косово. Край занимал 20% территории Сербии и имел важное культурно-историческое значение для сербов. Именно здесь в 1389 г. состоялась известная Косовская битва. Однако албанцы составляли большинство населения края. Примерно до 1996 г. ситуация в Косово была крайне нестабильной, правда, без масштабных вооруженных столкновений между сербами и албанцами. Но подписание в ноябре 1995 г. Дейтонских соглашений, положивших конец вооруженному противостоянию в Боснии и Герцеговине, показало слабость международных позиций СРЮ. Это стало сигналом для активизации албанских сепаратистов в крае. Они начали создавать свои структуры управления и игнорировать Белград. В октябре 1998 г. югославским силам безопасности удалось очистить край от многочисленных бандформирований. Освободительная армия Косово (ОАК) оказалась на грани поражения. В накаляющейся обстановке Запад однозначно встал на сторону косоваров, а Россия посылала сигналы президенту СРЮ С. Милошевичу о поддержке сербов. Тем самым косовская проблема шаг за шагом становилась серьезным раздражителем в отношениях Москвы и Вашингтона.

Сначала в косовском вопросе российская дипломатия чувствовала себя несколько неуверенно. Сказывалось желание РФ не обострять из-за сербов отношения с США. Однако по мере усиления давления американцев на Белград в Москве становилось все более очевидным, что за американскими декларациями о защите прав этнических меньшинств скрывается стремление Вашингтона диктовать свои условия суверенным государствам. Главным сторонником использования военной силы против СРЮ в администрации Клинтона была госсекретарь М. Олбрайт, которая считала, что боевые действия на Балканах будут непродолжительными [793, р. А1, 16].

Среди российского руководства решительным противником любого военного вмешательства в косовский конфликт был Е. М. Примаков. В апреле 1998 г. он выступил против попыток отделения Косово от Сербии и против размещения в крае «иностранных войск под чьим бы то ни было флагом». По сути, МИД РФ подошел к пониманию возросшей опасности альянса, получившего права на бесконтрольную деятельность без одобрения СБ ООН. Посему Е. М. Примаков был решительно против любого военного вмешательства в косовский конфликт, однако противостоять этому так и не смог [157, с. 36]. Российской дипломатии удалось лишь отсрочить на несколько месяцев военную операцию НАТО против Югославии. Министр иностранных дел И. С. Иванов убеждал Вашингтон не применять силу в отношении СРЮ и одновременно хотел заставить С. Милошевича быть более сговорчивым и пойти на уступки Западу. В этом вопросе глава МИД РФ получил поддержку всех ветвей российской власти. В ситуации нарастания напряженности Москва четко дала понять, что не поддержит действия Вашингтона, а в случае вынесения Соединенными Штатами вопроса о проведении военной операции на обсуждение СБ ООН применит право вето [317, с. 277]. 5 октября 1998 г. в телефонном разговоре с Б. Клинтон Б. Н. Ельцин сообщил, что любое применение силы Западом против СРЮ неприемлемо [145, с. 304].

Твердая позиция Москвы в октябре 1998 г. предотвратила военную операцию НАТО против Югославии. МИД РФ посчитал это своим достижением. Выступая спустя некоторое время в Госдуме, И. С. Иванов уверял депутатов, что на Западе возобладала российская точка зрения о политическом решении косовской проблемы [377, с. 478]. По его мнению, Запад увидел, что без РФ косовскую проблему ему не решить [377, с. 482].

Однако Запад не отказался от своих планов «дожать» сербов. В январе 1999 г. в селе Рачак на юге Косово были обнаружены 45 трупов албанцев. Глава работавшей в крае миссии ОБСЕ американец У. Уокер без проведения расследования обвинил сербское руководство в «геноциде» мирных албанцев. Вашингтон незамедлительно предъявил Белграду несколько ультиматумов. В ответ Белград объявил У. Уокера персоной нон грата. В создавшейся ситуации потребовались очередные политико-дипломатические усилия по ее разрешению. В результате в феврале – марте 1999 г. в Рамбуйе под Парижем состоялось два раунда переговоров Контактной группы при участии сербской и албанской делегаций.

США согласились на участие в конференции, курировавшейся лично М. Олбрайт, только для того, чтобы продемонстрировать всему миру нежелание Белграда решать конфликт вокруг Косово путем политического урегулирования. По ходу переговоров Запад предъявил СРЮ ультиматум – дать согласие на размещение в Косово 30-тысячного контингента НАТО. Его принятие означало для югославского руководства отказ от части суверенитета. Разумеется, С. Милошевич не пошел на подобный шаг. Тем более что отдельные российские политики (Г. Н. Селезнев) и военные (Л. Г. Ивашов) своими заявлениями давали югославам неоправданную надежду на продолжение сопротивления Западу и поддержку Москвы. Отказ Белграда был использован американцами в качестве повода для начала военной операции против Югославии.

Позиция России в переговорном процессе по косовской проблеме была достаточно противоречивой. Это объяснялось тем, что она находилась под влиянием внутренних факторов, имевших к событиям на Балканах лишь косвенное отношение. Ее решение служило не для обеспечения национальных интересов страны на международной арене, а в основном для удовлетворения различными группировками политической элиты России своих интересов внутри России [303, с. 252]. Поэтому, с одной стороны, Москва долго поддерживала применение «мер воздействия» на Югославию, полагая, что Белград «не может противостоять международным стандартам», отклонила просьбу СРЮ рассмотреть в СБ ООН угрозы НАТО нанести воздушные удары по ее территории, не возражала против максимально широкого статуса автономии «с выходом на федерацию», что приближало Косово к созданию республики. С другой стороны, российское руководство придерживалось мнения, что вмешательство во внутренние дела суверенного государства требует особой процедуры прохождения в СБ ООН, для которой единодушие постоянных членов является непременным условием.

Возможно, прав бывший посол США в СССР Дж. Мэтлок-мл. в том, что «если бы не произошло расширения НАТО (причем именно в той форме, в какой оно произошло), российское правительство было бы гораздо более

расположено оказать нажим на Слободана Милошевича, чтобы он договорился с косоварами, а в случае неудачи такой попытки – поддержать резолюцию ООН о военном вмешательстве» [385, с. 209].

Российское руководство до последнего момента делало все, чтобы не поспорить с Западом из-за Косово. Как говорил официальный представитель МИД РФ В. О. Рахманин, комментируя политику страны: «Для нас отношения с США имеют важное значение. Стратегические цели российской и американской дипломатии на Балканах совпадают» [591, с. 1]. При этом Кремль и МИД надеялись, что до военных действий в Европе не дойдет. Однако, к большому сожалению Москвы, верх в Вашингтоне одержали силы, выступавшие за войну.

Невзирая на российские протесты, администрация Клинтона начала 24 марта 1999 г. военную операцию против СРЮ, продемонстрировав РФ, что она окончательно утратила способность влиять на ход мировой политики. Американцы заставили россиян «испытать не просто чувство конфуза, а скорее шок от того, что агрессивная военная акция была предпринята Вашингтоном против дружественного России государства с полным пренебрежением к позиции Кремля» [499, с. 7]. Советник президента США по национальной безопасности С. Бергер среди принципиальных целей бомбардировок территории СРЮ прямо назвал «демонстрацию того, что НАТО – серьезная организация» [637, с. 238].

Агрессия НАТО против СРЮ привела к возмущению многих россиян. В стране поднялась мощная волна державнических настроений. Российские политические круги, включая коммунистов, националистов и либералов, восприняли военную операцию в реалистическом ключе – как выигрыш США и проигрыш РФ [798, р. 7]. Практически все российские СМИ охватили антинатовские настроения. Возле посольства Соединенных Штатов в Москве начались антиамериканские акции. Согласно данным РОМИР, 46,3% респондентов считали, что виновниками конфликта являются американцы. 90% россиян признали ошибкой бомбардировки Югославии, а 65% населения России и вовсе назвали альянс агрессором [145, с. 308–309; 656, с. 449]. В МИДе РФ начались разговоры относительно «адекватных мер», а в Министерстве обороны – о возможности силового ответа. Так, начальник Управления международного сотрудничества Министерства обороны РФ генерал-полковник Л. Г. Ивашов назвал НАТО «преступной организацией» [511, с. 112]. А на первой странице одного из выпусков газеты «Красная звезда» была напечатана статья под символическим названием «Сегодня они бомбят Югославию, а целят в Россию» [36, с. 35].

Политики всех мастей пытались набрать очки на косовском конфликте. Многие парламентарии выступили в пользу принятия «энергичных» мер Москвы по защите сербов. «Горячие головы» в России призывали граждан своей страны записываться добровольцами на Балканы, предоставить Белграду средства ПВО, а некоторые предлагали даже послать на помощь сербам российские войска, что привело бы к полномасштабному столкновению с НАТО. Госдума принимала резолюцию за резолюцией в поддержку Белграда. Думские коммунисты вели активные переговоры со Слободаном Милошевичем о создании военно-стратегического союза двух государств. Активно стал обсуждаться даже проект вхождения Югославии в союз России и Беларуси [185, с. 258–259].

Например, 14 апреля 1999 г. с подобным предложением в Госдуме выступил В. В. Жириновский [102, с. 144]. Отдельные депутаты Госдумы предлагали отдать под суд генсека альянса Х. Солану за агрессию против СРЮ [511, с. 112].

Российское руководство оказалось в непростой ситуации. Б. Н. Ельцин, Е. М. Примаков и И. С. Иванов были вынуждены вести сложную игру. По внутривнутриполитическим соображениям они делали грозные заявления в адрес Вашингтона и Брюсселя. Учитывая настроения россиян, 25 марта 1999 г. президент РФ заявил следующее: «Фактически речь идет о попытке НАТО вступить в XXI век в униформе мирового жандарма. Россия с этим никогда не согласится» [185, с. 257]. Е. М. Примаков, направлявшийся с визитом в США на заседание российско-американской комиссии по сотрудничеству, узнав о начале военной операции, приказал развернуть самолет над Атлантикой и вернулся в Москву [317, с. 274]. Вице-президенту США А. Гору он прокомментировал свое решение следующим образом: «Я не могу начинать визит в США и не могу делать посадку на американской территории» [468, с. 296]. Премьер-министр подчеркнул, что решением начать бомбардировки сербских позиций Вашингтон поставил под удар все достигнутое в отношениях между РФ и НАТО, а также ратификацию Договора СНВ-2 [463, с. 151]. По его словам, Москва понимает всю важность российско-американского сотрудничества, но не собирается покорно воспринимать действия США [317, с. 292]. Со своей стороны И. С. Иванов после начала бомбардировок СРЮ подчеркнул: «Наши западные партнеры уверяют нас, что прибегли к силе для восстановления переговорного процесса. Но если они действительно хотят переговоров, то для этого не исчерпаны мирные средства» [383]. Через СМИ он заявлял, что истинной целью бомбардировок Югославии является не борьба с режимом Милошевича, а попытка «навязать миру политический, военный и экономический диктат США», подчеркивая, что Соединенные Штаты «стремятся утвердить в XXI веке такой однопольярный миропорядок, при котором судьба народов вершилась бы из Вашингтона» [228]. Заявления Запада о «гуманитарной катастрофе», по его словам, не что иное, как «чистейшей воды подтасовка и пропаганда». В данной ситуации позиция России полностью оправдана, поскольку, по его мнению, «впервые после Второй мировой войны в Европе осуществляется агрессия против суверенного государства». И. С. Иванов отмечал, что действия НАТО – это именно агрессия, другой квалификации таким действиям нет, «и она должна быть прекращена». При этом министр констатировал, что Россия готова к равноправному сотрудничеству во всех областях с Западом [383]. Однако, несмотря на антиамериканскую и антинаатовскую риторику, реально РФ, находясь в ослабленном состоянии, ничего противопоставить Западу не могла [682, р. 588].

Критикуя поведение США, представители российского руководства, тем не менее, старались не переходить черту, чтобы окончательно не испортить отношения с Западом. Как справедливо писал американский исследователь Р. Инглиш, «несмотря на невоздержанную риторику некоторых российских официальных лиц, поведение России на международной арене в общем оставалось ответственным и ориентированным на сотрудничество» [733, р. 235]. Осознавая этот факт, американцы гневную риторику из Москвы воспринимали довольно

спокойно. Они считали, что угрозы русских были по своей сути пустыми, поскольку в конечном итоге Россия всегда принимала действия Вашингтона вне зависимости от того, нравились они им или нет [145, с. 323].

Несомненно, Кремль не собирался втягиваться в конфликт с Западом. Для страны были «в равной степени неприемлемы как неоправданные уступки в ущерб собственным интересам, так и сползание к конфронтации с США» [224, с. 14]. По мнению тогдашнего секретаря Совета безопасности РФ В. В. Путина, не стоило заикливаться на Югославии. Нужно было решать свои проблемы, а не идти на обострение конфронтации с Западом [377, с. 482]. Согласно Б. Н. Ельцину, российское руководство не симпатизировало С. Милошевичу, но при этом не разделяло силовых подходов Запада к решению косовской проблемы. Он считал, что позиция Б. Клинтона применить силу в отношении «последнего коммунистического диктатора» С. Милошевича была ошибочной. Однако президент России так думал вовсе не из-за симпатий к сербскому лидеру, а совсем по другим причинам. Б. Н. Ельцин аргументировал свою точку зрения американскому коллеге следующим образом: «Народ наш теперь будет очень плохо относиться к Америке и НАТО. Я помню, с каким трудом менял отношение простых людей и политиков здесь, в России, к США и Западу. Было очень трудно, но мне это удалось. И теперь все это терять?» [185, с. 256]. Тем самым президент России опасался, что коммунисты и националисты могут использовать балканскую карту в своих интересах, сыграв на панславянских чувствах россиян. В первую очередь, именно поэтому Б. Н. Ельцин был против военной акции НАТО [185, с. 258].

Подтверждением истинного отношения российского президента к Косовскому кризису стало решение Москвы в апреле 1999 г., в самый разгар бомбардировок Югославии, предпринять очередную попытку его урегулирования политико-дипломатическим путем. 14 апреля 1999 г. В. С. Черномырдин назначили спецпредставителем президента по югославскому урегулированию. По признанию Б. Н. Ельцина, главной целью В. С. Черномырдина было склонение сербов к переговорам с Западом. Он жестко давил на С. Милошевича, давая ему понять, что военной поддержки от России не будет, а ресурсы политической поддержки со стороны Москвы уже исчерпаны. От американцев же В. С. Черномырдин пытался добиться передачи политического механизма урегулирования Косовского кризиса в СБ ООН [185, с. 263–264]. Однако по факту он сдал все позиции РФ западным партнерам. Это подтвердил и заместитель министра иностранных дел РФ А. А. Авдеев [341, с. 27]. Очевидно, что Кремль решил ради С. Милошевича не портить окончательно отношения с Западом. Американцы были рады проделанной В. С. Черномырдиным работе, даже несмотря на нелюбезные слова в их адрес с его стороны. В конце мая 1999 г. бывший премьер-министр РФ писал в своей статье в газете «Вашингтон Пост» о том, что Соединенные Штаты, воспринимавшиеся большинством россиян в качестве демократической страны, озабоченной правами человека и предлагающей международный стандарт развития, который хотелось копировать, «потеряли моральное право считаться лидерами демократического мира, после того как их бомбы разрушили идеалы свободы и демократии в Югославии» [73,

с. 43]. Однако, скорее всего, публичная критика США должна была приглушить недовольство российской оппозиции «мягкой» позицией Кремля.

9 июня 1999 г. сербские представители и командование сил НАТО подписали соглашение о прекращении огня и выводе правительственных войск из Косово, взамен которых в край был введен натовский контингент. При этом Вашингтон не собирался благодарить Россию, поспособствовавшую завершению боевых действий. Подобное пренебрежительное отношение, в первую очередь, задело российских военных, настроенных в большинстве своем антинатовски. У них возникла идея использовать российских миротворцев из Боснии для захвата международного аэродрома «Златина» в Приштине, что и было блестяще осуществлено. Стремительный марш-бросок 200 десантников стал первым проявлением со стороны демократической России политической воли. Даже такая ограниченная акция произвела сильное впечатление на западных партнеров [341, с. 30]. Но в итоге она не принесла Москве никаких дивидендов. Оправившись от первоначального шока, Запад не смягчил свою позицию на переговорах с РФ: никакого отдельного сектора в Косово и подчинение российского контингента общему командованию НАТО [251, с. 267–269].

Москва была вынуждена согласиться. Спустя неделю, в середине июня 1999 г., Б. Н. Ельцин приехал в Кёльн на саммит G-8, тем самым поддержав своим присутствием результаты войны против СРЮ, которые были отнюдь не в пользу России [485, с. 161].

Таким образом, Косовский кризис стал своеобразным водоразделом во внешнеполитическом сознании россиян. Если до начала агрессии НАТО против Югославии Москва и Вашингтон пытались делать вид о планомерном развитии партнерских отношений, то конфликт у большинства населения страны развеял все остававшиеся иллюзии. Несмотря на продолжавшееся политическое лавирование Б. Н. Ельцина и некоторых других представителей российского руководства во время и после военной операции НАТО против СРЮ, стало понятно, что Запад не собирается считаться с национальными интересами России. Позднее это признал и сам Б. Н. Ельцин, указавший на то, что после бомбардировок Югославии рухнул весь послевоенный уклад жизни, рухнули все правила, которые были установлены ООН [185, с. 254].

Иракская проблема

В первой половине 1990-х гг. внешнеполитическая линия России на сближение с США сделала позицию Москвы в отношении Ирака проамериканской. Например, российское руководство солидаризировалось с Соединенными Штатами при нанесении американцами ударов по этой ближневосточной стране. Министр иностранных дел РФ А. В. Козырев тогда заявлял, что Вашингтон действовал в соответствии со ст. 51 Устава ООН, предусматривающей право на самооборону [440, с. 168]. Но даже во времена козыревской дипломатии Россия время от времени все же пыталась содействовать нормализации обстановки вокруг Ирака.

Часто Багдад посещали и многие представители политической оппозиции. Для них С. Хусейн был символом уходящей великодержавности,

пробуждавшим ностальгию по тем временам, когда СССР и США на равных делили сферы влияния в различных регионах [212, с. 40].

Во второй половине 1990-х гг., когда США усилили давление на режим С. Хусейна, Москва попыталась использовать все свои возможности, чтобы предотвратить силовой сценарий решения иракского вопроса. При этом он стал предметом дискуссий внутри России. Разные политические силы предлагали собственные варианты реагирования. Некоторые из них были довольно радикальные и могли вызвать конфликт с Вашингтоном. Так, 5 марта 1996 г. членом фракции ЛДПР Н. П. Астафьевым в Госдуму был внесен законопроект о приостановлении участия России в бойкоте Ирака в гуманитарных целях, где из-за санкций голодало население. Однако парламентарии его отклонили [2, с. 5].

Свой взгляд на иракскую угрозу был и у МИДа. В частности, Е. М. Примаков считал, что американцы сознательно преувеличивают угрозу, исходящую от Багдада [415, с. 362]. В этом его позиция совпадала с позицией многих представителей политической элиты страны. В России были уверены, что иракскую проблему необходимо решать исключительно дипломатическим путем. Исходя из этого, Москва была озабочена намерением США использовать силу против Ирака. Так, 3 февраля 1998 г. по инициативе фракции ЛДПР состоялось экстренное заседание Госдумы, на котором парламентарии решительно осудили действия США и приняли соответствующее постановление. Спустя несколько дней, 8–11 февраля 1998 г., состоялась поездка депутатов от ЛДПР и журналистов во главе с В. В. Жириновским в Ирак с целью предотвращения воздушных ударов по территории этой страны и доставки в страну гуманитарной помощи [102, с. 145]. Тогда Вашингтон не стал применять силу, хотя от своей позиции не отступил. По мнению М. Олбрайт, иракский курс Соединенных Штатов был правильным. Она считала необходимым свержение С. Хусейна [415, с. 374–375]. Поэтому дипломатические усилия Москвы лишь на некоторое время отсрочили воздушные удары по Ираку.

В декабре 1998 г. США и Великобритания осуществили операцию «Пустынный лис». Она была проведена с подачи руководителя Спецкомиссии ООН австралийца Р. Батлера, услужливо представившего сугубо односторонний доклад СБ ООН о нарушении Багдадом положений принятых по Ираку резолюций. Не помогли, в том числе, и телефонные разговоры Е. М. Примакова с вице-президентом США А. Гором, а И. С. Иванова с М. Олбрайт. Москва осудила действия Соединенных Штатов как нарушающие международное право и осложняющие процесс урегулирования иракской проблемы. В частности, реакция министра иностранных дел РФ И. С. Иванова была резкой и однозначной: «Никто не имеет права выступать самостоятельно от имени ООН, а тем более брать на себя роль мирового судьи» [474]. После начала военной операции у посольства США в Москве даже были организованы акции протеста. А из Вашингтона и Лондона отзывали для консультаций российских послов. Правда, данный демарш не оказал на англосаксов никакого воздействия [80].

Конечно, в провале дипломатических усилий Москвы во многом был виноват и сам С. Хусейн, который своими действиями провоцировал американцев. По словам Е. М. Примакова, «Саддам продолжал верить в свою “звезду”»,

в Провидение, наконец, в Аллаха, которые выведут его из-под удара» [466, с. 328]. Несмотря на это, Россия продолжала убеждать Багдад согласиться на сотрудничество с Организацией Объединенных Наций. В немалой степени дипломатические усилия Москвы содействовали тому, что СБ ООН, невзирая на постоянное давление Вашингтона, регулярно продлевал гуманитарную программу «Нефть в обмен на продовольствие».

Таким образом, в 1990-е гг. иракский вопрос был одним из основных треков российско-американского диалога по вопросам региональной безопасности. При этом позиция Москвы в отношении Ирака полностью зависела от уровня взаимодействия с Вашингтоном. В годы козыревской дипломатии Россия в основном поддерживала шаги США на иракском направлении. После прихода в МИД Е. М. Примакова в российском подходе к иракской проблеме произошли заметные изменения. Москва попыталась выступить посредником в ее решении, настаивая на применении исключительно дипломатических методов и средств. Однако в силу ряда причин добиться весомых результатов ни Е. М. Примакову, ни И. С. Иванову не удалось. Вашингтон целенаправленно шел к силовому сценарию решения проблемы Ирака.

В целом в ельцинскую эпоху Вашингтон часто диктовал Москве, как ей следует себя вести на постсоветском пространстве, Балканах, Ближнем Востоке и других регионах планеты, что являлось свидетельством разных ролей США и России в мировой политике, а также стремления российского руководства слушаться «старшего» партнера. И одним из главных виновников подобного положения дел был сам Б. Н. Ельцин. Как впоследствии справедливо отмечал экс-министр иностранных дел РФ И. С. Иванов, руководством страны выдвигались заведомо нереалистические задачи – такие, как установление «союзнических» отношений с Западом, к которым, однако, ни Россия, ни сами западные государства не были готовы, поскольку по-разному понимали их смысл [225, с. 15].

Г Л А В А 4

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Ведущее место в российско-американских отношениях занимают вопросы, связанные с международной и региональной безопасностью. РФ и США как две сильнейшие в военном плане державы играют главную роль в мировой политике. Во многом именно от их взаимоотношений зависят стратегическая стабильность и региональная безопасность.

В 1990-е гг. в стратегической повестке российско-американского диалога находились проблемы, касавшиеся сокращения ядерных арсеналов, противоракетной обороны и нераспространения ОМУ. Среди вопросов региональной безопасности основным противоречием между Москвой и Вашингтоном стали западные планы расширения НАТО на Восток.

Вопросы стратегической стабильности

Россия как правопреемница СССР взяла на себя все обязательства по выполнению и соблюдению международных договоров и соглашений, заключенных Советским Союзом. Не исключением стали и советско-американские договоренности в сфере стратегической и региональной безопасности, в том числе проблемы сокращения стратегических вооружений, а также нераспространения ядерного оружия.

Как известно, решающим фактором для начала диалога между Вашингтоном и Москвой по вопросам ограничения стратегических наступательных вооружений являлось достижение военно-стратегического паритета между двумя сверхдержавами. После Карибского кризиса 1962 г. обе стороны пришли к осознанию взаимного гарантированного уничтожения в случае ядерной войны. К моменту распада СССР они накопили богатый опыт сотрудничества в сфере контроля над вооружениями, ставшего основой стратегической стабильности.

Сам термин «стратегическая стабильность» закрепился в политическом дискурсе после подписания 7 декабря 1987 г. М. С. Горбачевым и Р. Рейганом Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности [625, л. 302]. В Совместном заявлении президентов СССР и США от 1 июня 1990 г. ««стратегическая стабильность» определялась как такое состояние стратегических сил, при котором отсутствуют стимулы для нанесения первого удара» [625, л. 302–303]. С тех пор данный термин активно используется политиками, военными и экспертами по обе стороны океана. Правда, по мнению М. Н. Лысенко, возглавлявшего в свое время департамент по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ, он не совсем корректен. Согласно эксперту, стабильность подразумевает под собой статус-кво, какую-либо неизменность. Однако применительно к сфере глобальной безопасности речь идет о стратегической ясности, предсказуемости, стратегической устойчивости. Поэтому, с его точки зрения, использование терминов «устойчивость» и «стратегическая

предсказуемость» представляется более верным [352]. Тем не менее большинство экспертов по-прежнему оперирует понятием «стратегическая стабильность». Будем его применять и мы.

Новое политическое мышление М. С. Горбачева, предусматривавшее прекращение советско-западной конфронтации, позволило Москве и Вашингтону начать переговорный процесс в сфере сокращения стратегических наступательных вооружений. В результате 22–23 сентября 1989 г. на встрече министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе и госсекретаря США Дж. Бейкера в Вайоминге были установлены основные принципы ведения переговоров по СНВ, которые получили название «вайомингского компромисса». Они включали в себя следующие элементы: разграничение переговоров по наступательным и оборонительным стратегическим вооружениям; приоритет сокращению межконтинентальных баллистических ракет (МБР) с разделяющимися головными частями (РГЧ) индивидуального наведения (ИН); вывод крылатых ракет за рамки понятия «стратегические вооружения»; условный зачет боеголовков для тяжелых бомбардировщиков (ТБ), на основе которого позднее возник принцип возвратного потенциала [625, л. 302–303].

Именно на основе «вайомингского компромисса» 31 июля 1991 г. в Москве М. С. Горбачевым и Дж. Бушем-ст. был подписан советско-американский Договор СНВ-1, устанавливавший предел в 6500 боезарядов для каждой из сторон [171]. Приоритетным объявлялось сокращение на 50% тяжелых МБР и ограничение их забрасываемого веса. Документ также вводил правила условного зачета крылатых ракет воздушного базирования. Сокращение стратегических наступательных вооружений предполагалось проводить посредством взаимных инспекций.

Договор СНВ-1 стал краеугольным камнем стратегического диалога между Москвой и Вашингтоном. Он ввел в практику переговорщиков такие понятия, как взаимные доверие и контроль, нацеленность на новые, каждый раз более глубокие сокращения, тем самым положив конец длительной гонке вооружений и начав процесс разоружения [520]. Его подписание вызвало эйфорию по обе стороны океана. В ходе своего обращения к американской нации 27 сентября 1991 г. Дж. Буш-ст. даже заявил, что окончание Холодной войны предоставило «беспрецедентную возможность изменить ядерную политику США и СССР, отказавшись от стратегии глобальной конфронтации» [747]. Однако в декабре 1991 г. СССР прекратил свое существование и Соединенным Штатам пришлось иметь дело с демократической Россией.

Российское руководство оправдало надежды Вашингтона. Уже 27 января 1992 г. Б. Н. Ельцин обозначил проблему контроля над советским ядерным оружием и контуры российской ядерной политики. В своем заявлении он отметил статус России в качестве правопреемницы Советского Союза и подтвердил, что Москва продолжит придерживаться всех договоренностей в сфере контроля над вооружениями. Б. Н. Ельцин также подчеркнул, что российское государство будет по-прежнему стремиться к ликвидации ЯО и других средств массового уничтожения на планете «постепенно, на паритетных началах». Кроме того, он предложил создать международное агентство по обеспечению

сокращения ядерного оружия [592]. Заинтересованность Москвы в разоружении объяснялась возможностью экономии денежных средств в кризисных условиях развития страны. При этом российское руководство рассчитывало на обоюдосторонние действия России и США в данной сфере.

Б. Н. Ельцин и А. В. Козырев неоднократно заявляли, что РФ и США имеют «общие интересы и поддерживают хорошо отрегулированные и основанные на партнерстве» отношения, благодаря чему «паритет в ядерной мощи перестал быть необходимым» [586, с. 107]. Находясь в эйфории от причастности к созданию новой международной реальности, Б. Н. Ельцин озвучил намерение дальнейшего сокращения ядерного потенциала России, включая отказ от производства тяжелых бомбардировщиков Ту-160 и Ту-95МС, крылатых ракет большой дальности воздушного и морского базирования, а также снижения вдвое количества атомных подводных лодок с баллистическими ракетами [592].

Запад с восторгом воспринял тот факт, что ядерная война перестает быть реальным страхом. Поэтому американцы не возражали против уменьшения расходов на содержание своих сил ядерного сдерживания. Так, 28 января 1992 г. Дж. Буш-ст. в ежегодном обращении к Конгрессу заявил о дальнейшем сокращении ядерного арсенала, включая снятие с вооружения МБР «Пискипер» (MX), бомбардировщика Б-2, и новых боеголовок для баллистических ракет морского базирования [746].

Несмотря на ряд недостатков Договора СНВ-1, в России и США не выступали против его ратификации, поскольку суммарные уровни стратегических наступательных вооружений были довольно высокими и при отсутствии у сторон противоракетных систем обеспечивали надежное сдерживание. При этом данный договор оказался более выгодным для американской стороны. Формально он отражал равный подход к сокращению стратегических вооружений. Однако по факту для России договор оказался неравноправным. Ведь главной целью американцев было сокращение и ограничение тяжелых и мобильных МБР (РС-20 и РС-22), являвшихся основой российских СЯС. При этом Вашингтон вывел из-под сокращений несколько тысяч своих ядерных боезарядов на ТБ [577, с. 88–89]. Дело в том, что, несмотря на все заверения друг друга в дружбе и сотрудничестве, у Соединенных Штатов имелись опасения относительно возможности возрождения российской мощи, что никак не устраивало американский истеблишмент. Ведь после завершения Холодной войны Россия по-прежнему рассматривалась вашингтонскими стратегами в качестве потенциальной опасности. Например, в феврале 1995 г. глава Пентагона У. Перри в ежегодном докладе президенту и Конгрессу указывал на необходимость сдерживания РФ путем угрозы ее критически важным объектам [924, р. 87].

Для американцев представлялось важным снизить ядерный потенциал РФ. Часть американского политико-академического сообщества считала, что слабая Россия с тысячами ядерных боеголовок может быть не менее опасной для национальной безопасности США, чем сильная Россия [923, р. 96–97]. С этой целью еще в декабре 1991 г. Вашингтон инициировал Программу совместного уменьшения угрозы (Программу Нанна – Лугара), которая предполагала финансирование американской стороной уничтожения советского

ядерного арсенала. Кроме того, данная программа была направлена на обеспечение безопасности ядерных объектов и материалов, используемых в производстве ЯО. Американцы опасались, что в условиях распада СССР ядерное оружие может попасть на черный рынок. Программа Нанна – Лугара не была лишена трудностей и недостатков. В США объясняли российские задержки с разоружением политико-экономической ситуацией [884, р. А11]. Тем не менее она содействовала тесному взаимодействию Москвы и Вашингтона в ядерной сфере. В результате ее реализации российская сторона получила финансовые средства для сокращения ЯО в рамках выполнения Договора СНВ-1, а американцам предоставилась возможность для контроля над ядерным потенциалом РФ [24, с. 60]. Только в 1990-е гг. по Программе Нанна – Лугара было уничтожено 30 000 т жидкого ракетного топлива, обеспечены демонтаж 4838 стратегических ядерных боеголовок и надежное хранение извлеченных из них ядерных материалов, демонтированы 365 баллистических ракет, 343 пусковые установки для таких ракет и 49 стратегических бомбардировщиков. Кроме того, была обеспечена поддержка увольняемым в запас офицерам, созданы возможности для конверсии российских разработок по созданию оружия массового уничтожения (ОМУ). При этом Вашингтон сокращал и собственные вооружения: за 1990-е гг. Соединенные Штаты демонтировали 13 тыс. тактических и стратегических ядерных боезарядов [43, с. 136]. Правда, в США имелось немало критиков Программы Нанна – Лугара, которые считали, что на американские средства русские модернизируют свои СЯС [919, р. 32].

Именно опасениями ядерной угрозы было продиктовано подписание сторонами Договора о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2). На фоне ослабления российского государства для Вашингтона складывалась благоприятная ситуация решить проблему потенциальной угрозы со стороны России. Сокращение МБР, особенно мобильных, существенно снижало способность РФ к нанесению ответного удара возмездия, что отвечало интересам Соединенных Штатов, планировавших в перспективе прикрыться эффективной системой противоракетной обороны.

В условиях постбиполярной эйфории российское руководство повело себя довольно легкомысленно, поддавшись неоправданным иллюзиям. В частности, Б. Н. Ельцин захотел войти в историю главным «разоруженцем». Он решил выработать Договор СНВ-2 и подготовить его к подписанию на встрече с Дж. Бушем-ст. в Вашингтоне в июне 1992 г., чем поверг опытных переговорщиков в шок. В результате специалисты оказались правы – к указанной дате не был ратифицирован ни Договор СНВ-1, ни подготовлен Договор СНВ-2 [577, с. 94]. По утверждению Дж. Бейкера, Б. Н. Ельцин предложил установить «вилку» сокращений боеголовок в ходе первого этапа в количестве 3800–4250 штук, а в ходе второго этапа – 3000–3500 [683, р. 670]. Правда, по версии А. В. Козырева, все цифры сокращений предварительно обсуждались им с американским госсекретарем [778, р. 133]. Как бы то ни было, но на встрече президентов 17 июня 1992 г. была подписана Рамочная договоренность о дальнейших существенных сокращениях стратегических наступательных вооружений, которая легла в основу Договора СНВ-2 [491, с. 437–438].

По словам А. В. Козырева, российские военные в лице министра обороны П. С. Грачева и начальника Генштаба М. П. Колесникова недолго сопротивлялись радикальным предложениям по сокращению стратегических потенциалов, включая полную ликвидацию МБР с РГЧ ИН, признав последнее средством первого удара [778, р. 132]. Представители же оппозиции придерживались иной точки зрения, заявляя, что американцы хотят разоружить Россию, чтобы затем ее покорить.

2–3 января 1993 г. состоялся визит Дж. Буш-ст. в Москву, во время которого и был подписан Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Согласно ему, к 1 января 2003 г. РФ и США обязались сократить количество ядерных боезарядов до 3000–3500 единиц, то есть примерно на 2/3 от имевшегося уровня. Кроме того, Договор СНВ-2 предусматривал ликвидацию всех МБР с РГЧ ИН. При этом стороны получали возможность преобразования тяжелых МБР в моноблочные (кроме СС-18) и иметь 100 ТБ для решения неядерных задач [169, с. 12–13]. К его тексту прилагалось три дополнительных документа: «Меморандум о зачислении боезарядов и о данных по тяжелым бомбардировщикам», «Протокол о показах и инспекциях тяжелых бомбардировщиков», «Протокол о контроле и наблюдении за ликвидацией» [625, л. 305]. При подписании договора стороны исходили из следующего: он вступит в силу после того, как Беларусь, Казахстан и Украина ратифицируют договор СНВ-1 от 1991 г. и присоединятся к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в качестве неядерных государств.

Российское руководство рассматривало подписание Договора о СНВ-2 как реальный шаг по укреплению безопасности России с учетом ее реальных экономических возможностей и потребностей. Официальная Москва считала его проявлением достигнутого уровня взаимопонимания между двумя державами. Так, Б. Н. Ельцин отмечал, что по своему масштабу и значению он превзошел все иные договоры в сфере разоружения. На момент подписания договора у РФ было 9915 боеголовок в ядерном оснащении для МБР. По заверениям российского президента, их сокращение до 3000–3500 не несло угрозы ослабления ядерного щита страны [553, с. 28]. С его подписанием, как заявил Б. Н. Ельцин, «открываются реальные перспективы для сотрудничества на базе доверия между людьми в военной форме, между людьми военной дисциплины и военного мышления» [553, с. 21–22].

В свою очередь, глава МИДа А. В. Козырев считал, что данный шаг Москвы и Вашингтона подвел черту под эпохой взаимного устрашения [127, с. 34]. При этом он подчеркивал, что сокращение ЯО с американской стороны будет больше на 2500–3000 единиц. Министр также обращал внимание на возможность России заменить 105 МБР СС-19, несших по шесть боеголовок, на ракеты с одной головной частью. Акцент был сделан и на экономической составляющей процесса сокращения ЯО в условиях старения ракетных систем. По его словам, это было дешевле, нежели поддерживать МБР в соответствующем рабочем состоянии или же менять их на новые [127, с. 32]. Однако глава МИДа РФ умолчал, что договор был несбалансированным: в то время как

Россия отказывалась от основы своих стратегических запасов, США сохраняли их. Б. Н. Ельцин и А. В. Козырев осознавали данный факт, но, находясь в плену неоправданных иллюзий, считали, что стратегический паритет утратил всякий смысл в настоящее время, когда «в политических и экономических взаимоотношениях между Соединенными Штатами и Россией произошли такие фундаментальные изменения» [639, с. 94]. Президент РФ даже подчеркивал, что финансовая поддержка уничтожения вооружений со стороны Вашингтона позволит России уничтожить свои ядерные средства параллельно с американцами, не отставая от графика [553, с. 22].

Однако договор СНВ-2 был заключен в условиях нарастания конфликта между Б. Н. Ельциным и Верховным Советом. Неудивительно, что он вызвал бурные дискуссии в политических, военных и экспертных кругах России относительно его соответствия национальным интересам страны. По сути, в РФ сформировались две принципиально противоположные позиции. Сторонники первой из них полностью отрицали необходимость его ратификации как не соответствующего национальным интересам страны. По их мнению, Договор СНВ-2 снижал оборонный потенциал страны. Они считали, что в неблагоприятной для России военно-политической обстановке американцы пытались окончательно снять для себя угрозу неприемлемого удара, чтобы единолично диктовать условия миру [105, с. 35]. Действительно, с помощью Договора СНВ-2 Вашингтон ликвидировал основу российской боевой мощи страны – МБР с РГЧ ИН [98]. Поэтому уже 12 февраля 1993 г. Комитет по обороне и безопасности Верховного Совета России предъявил три претензии к тексту договора: неясность финансирования расходов по ликвидации стратегических ядерных сил и перехода на моноблочные МБР, изменение структуры СЯС РФ, что требовало запуска программ строительства атомных подлодок и стратегических бомбардировщиков. Поэтому Верховный Совет отказался даже рассматривать вопрос о возможности ратификации СНВ-2 [625, л. 305].

Представители второй, наоборот, выступали за его ратификацию, считая, что договор способен минимизировать разницу между ядерным потенциалом РФ и потенциалом США в сложных финансово-экономических условиях, в которых оказалась Россия. Об этом говорили многие эксперты, сотрудники МИДа и Министерства обороны. В частности, на это обращал внимание первый заместитель начальника Генштаба В. М. Журбенко [285].

Действительно, ситуация с СЯС в России оставляла желать лучшего. В конце 1990-х гг. арсенал ракетных войск стратегического назначения насчитывал примерно 6600 стратегических боеголовок, размещенных на 1500 ракетах и стратегических бомбардировщиках. Суммарная мощность боеголовок составляла примерно 2700 мегатонн. На вооружении пяти ракетных армий, насчитывавших 100 000 человек, имелось около 3500 боеголовок. Однако большинство из них к тому времени устарели. Стратегическая авиация имела в наличии 66 бомбардировщиков, из которых только 6 современных ТУ-160 и 60 ТУ-95 различных модификаций. Российский ВМФ имел 34 подводные лодки, оснащенные в общей сложности 540 ракетами [33, с. 32]. Как отмечал в те годы известный эксперт в области стратегической безопасности и член Комитета Госдумы по обороне А. Г. Арбатов, недостаточный уровень

финансирования российских СЯС позволял американцам к 2010 г. получить трехкратное превосходство над Россией [15, с. 306, 356–357]. Показательным в этом плане был и призыв вице-премьера Ю. Д. Маслюкова на пресс-конференции 6 октября 1998 г. к увеличению ассигнований на стратегические силы, особенно на финансирование программы производства ракет РС-12М «Тополь-М» и наращивание их выпуска с 25 в год до 35–45 в 2000 г. [33, с. 32].

Однако, как отмечалось выше, вначале требовалась ратификация Договора СНВ-1. В результате распада СССР ядерное оружие оказалось не только на территории России, но и других бывших советских республик, ставших независимыми государствами, – Беларуси, Казахстана и Украины. Их ядерный статус наносил удар по режиму нераспространения, являвшемуся неотъемлемым элементом системы стратегической стабильности. Москва и Вашингтон были заинтересованы в том, чтобы три ННГ признали себя неядерными государствами, поэтому оказывали на них согласованное давление.

Руководство Беларуси и Казахстана проявило готовность вывести ЯО со своей территории. Киев же начал торговаться, пытаясь получить выгоду. Украинский подход к ЯО складывался под воздействием двух факторов: с одной стороны, необходимости следовать обязательствам присоединения к договору и превратиться де-юре в безъядерное государство; с другой – стремления использовать свое временное положение как де-факто ядерного государства, чтобы повысить собственный политический вес на мировой арене и укрепить национальную безопасность по отношению к России с учетом споров вокруг Крыма и Черноморского флота [159, с. 25]. Киев уверял Вашингтон, что готов отказаться от ЯО в обмен на американские гарантии безопасности, поскольку украинскую элиту беспокоила якобы антиукраинская политика России. Рассчитывали украинцы и на финансовую компенсацию. Однако администрацию Буша-ст. не устраивала невнятная позиция Украины, поэтому США давили на украинское руководство, чтобы заставить его ратифицировать Договор СНВ-1 и ДНЯО [312, с. 126].

В начале мая 1992 г. парламенты Беларуси, Казахстана и Украины ратифицировали Договор СНВ-1, а 23 мая того же года представители России, США, Украины, Беларуси и Казахстана подписали Лиссабонский протокол, по которому последние три страны приняли на себя обязательства бывшего СССР по данному договору, а также обязались присоединиться к ДНЯО в качестве безъядерных государств. Но из-за позиции Киева решение проблемы затянулось [545, с. 128–129].

США и РФ категорически не устраивал ядерный статус Украины. На тот момент позиция Вашингтона была предельно четкой – только Россия может быть наследницей советского ЯО. По свидетельству С. Тэлботта, все вопросы относительно ядерного разоружения Украины Москва и Вашингтон оговаривали вдвоем, ставя Киев перед фактом принятых решений [614, с. 157]. Это очень не нравилось украинскому руководству.

Распространение Вашингтоном Программы Нанна – Лугара на ННГ доказывало высокую заинтересованность Соединенных Штатов в решении проблемы ядерного разоружения. По свидетельству бывшего советника министра иностранных дел РФ Г. Э. Сидоровой, США активно помогали российской

стороне, ведя себя очень корректно. Для американцев три новых ядерных государства, появившихся на планете, были, как ей тогда говорил один из помощников Дж. Бейкера, «худшим из ночных кошмаров» [541]. К тому же, исходя из наличия конфликтного потенциала между Москвой и Киевом, уже администрация Буша-ст. допускала возможность российско-украинского конфликта [882, р. 127]. Поэтому Вашингтон был заинтересован в скорейшей ликвидации ядерного статуса Украины. Требования украинским руководством гарантий безопасности и материальных компенсаций за отказ от ЯО воспринимались в США как предлог для его сохранения и удержания [159, с. 27]. По признанию американской стороны, трехсторонний переговорный процесс о выводе ядерного оружия с украинской территории проходил очень трудно. Киев пытался выторговать для себя у Вашингтона и Москвы максимум возможного [842]. Тем не менее, несмотря на имевшиеся разногласия по частным вопросам, в целом ни администрация Буша-ст., ни сменившая ее администрация Клинтона, ни Конгресс не ставили под сомнение необходимость ядерного разоружения Украины [841, р. 41].

Летом 1993 г. Москвой, Вашингтоном и Киевом было достигнуто взаимопонимание сторон по проблеме ядерного разоружения Украины. Правда, по воспоминаниям Ю. В. Дубинина, С. Тэлботт, являвшийся наряду с Г. Э. Мамедовым сопредседателем рабочей группы по данной проблеме, был явно удивлен и в какой-то мере раздосадован наметившимся прогрессом. Причина заключалась в том, что именно он хотел играть в процессе разоружения ведущую роль [176, с. 67–68].

Настоящим прорывом стало подписание 14 января 1994 г. Б. Н. Ельциным, Б. Клинтонем и Л. М. Кравчуком Трехстороннего заявления о выводе ЯО из Украины в обмен на компенсацию и гарантии безопасности Киеву [611].

Успешное разрешение проблемы с советским ядерным наследием дало Москве и Вашингтону надежду на дальнейшее продвижение по пути разоружения. Так, 28 сентября 1994 г. Б. Н. Ельцин и Б. Клинтон сделали совместное заявление по вопросам стратегической стабильности и ядерной безопасности. В частности, они подтвердили намерение добиваться скорейшей ратификации Договора СНВ-2 после вступления в силу Договора СНВ-1 [558, с. 300]. Стороны также согласились относительно основополагающего значения сохранения жизнеспособности и целостности Договора по ПРО от 1972 г., а также необходимости сотрудничества в сфере разработки и внедрения систем тактической ПРО [558, с. 301]. В целом президенты подтвердили готовность совместно работать с целью развития широкого двустороннего и многостороннего сотрудничества по вопросам обеспечения ядерной безопасности по следующим направлениям:

- обмениваться информацией в вопросах предотвращения незаконной торговли ядерными материалами и предпринимать меры по укреплению режима контроля и физической защиты таких материалов;
- обмениваться информацией в отношении совокупных запасов ядерных зарядов и материалов;
- укреплять меры доверия в процессе ядерного разоружения;
- углублять сотрудничество между Минобороны и Пентагоном [558, с. 301–302].

Вторая половина 1990-х гг. прошла в обеих странах под знаком борьбы за ратификацию Договора СНВ-2, в которой были заинтересованы как Кремль, так и Белый дом. Американцы смогли сделать это быстрее, нежели россияне. В январе 1996 г. Конгресс США ратифицировал его, хотя голосование не было единодушным. Многие в Вашингтоне даже стали считать, что никакой угрозы от России уже не исходит, поэтому договоры о контроле над стратегическими вооружениями лишены смысла [427, с. 149]. Тем не менее в Вашингтоне победила точка зрения о нужности Договора СНВ-2. В администрации Клинтона посчитали, что силы «сдерживания», несмотря на их снижение более чем наполовину в его рамках, сохраняли свою значимость для предотвращения попыток России или Китая поставить под сомнение американское лидерство [195, с. 200]. Здесь следует обратить внимание, что несмотря на тот факт, что РФ в те годы по-прежнему находилась в списке главных потенциальных противников США, в качестве «примерно равного соперника» в Вашингтоне все больше начинали рассматривать КНР [86, с. 10].

В России процесс ратификации Договора СНВ-2 Госдумой затянулся. Б. Н. Ельцин трижды вносил его на ратификацию Госдумы – в 1995, 1998 и 1999 гг. 17 октября 1996 г. перед российскими депутатами даже выступал министр обороны США У. Перри, пытавшийся убедить аудиторию в важности договора для укрепления стратегической безопасности [427, с. 150]. Однако парламентарии стояли на своем. Используя в качестве предлога ситуацию вокруг Чечни, Ирака и Югославии, российские депутаты отказывались от ратификации договора. Это случилось только в апреле 2000 г. При этом В. В. Путин лично убеждал депутатов ратифицировать Договор СНВ-2 [146, с. 323].

Проблема ПРО в российско-американских отношениях

Постепенно одним из серьезных противоречий в стратегическом диалоге Москвы и Вашингтона становилась проблема противоракетной обороны. Еще в 1991 г. Конгрессом США был принят закон «О противоракетной обороне», который подтверждал отказ от программы Стратегической оборонной инициативы, но одновременно предусматривал создание и развертывание национальной системы ПРО [269, с. 39]. Исходя из того, что планы Вашингтона входили в явное противоречие с Договором по ПРО, Соединенные Штаты предложили Москве провести переговоры по внесению в него необходимых изменений и согласованию позиций сторон. Однако распад СССР не позволил сторонам обсудить данные вопросы.

Со своей стороны российское руководство, пытаясь наладить полномасштабное сотрудничество с администрацией Буша-ст., предложило американцам создать совместную глобальную систему противоракетной обороны. В частности, об этом во время Кэмп-Дэвидского саммита заявил Б. Н. Ельцин [269, с. 40]. Лидеры двух стран продолжили обсуждение указанного вопроса во время их следующей встречи 17 июня 1992 г. С этой целью президенты приняли решение создать рабочую группу по изучению возможностей создания совместной системы защиты от ракетного нападения. Но на практике Соединенные Штаты, оставшись единственной сверхдержавой в мире, не спешили

реализовывать данную идею [43, с. 137]. Более того, американцы приступили к разработке различных проектов по созданию НПРО. Как справедливо отмечала Т. В. Каширина, политика уступок советского руководства на протяжении второй половины 1980-х гг. способствовала укоренению в сознании правящих кругов Соединенных Штатов идеи по подрыву Договора по ПРО от 1972 г. [258, с. 503]. Поэтому подписание в Кэмп-Дэвиде в феврале 1992 г. «Совместного российско-американского заявления по глобальной системе защиты» американцы восприняли как принципиальное согласие Москвы на пересмотр Договора по ПРО [258, с. 504]. Дело в том, что развитие ракетных технологий в мире, в том числе в таких странах, как Иран и Северная Корея, заставило США в 1990-е гг. обратить пристальное внимание на эту угрозу. Вашингтон выступил инициатором создания систем противоракетной обороны театра военных действий [20, с. 11]. Москва отнеслась к подобным планам довольно настороженно, поскольку у нее не было четкой ясности относительно возможного разграничения стратегических и тактических систем ПРО.

Пришедшая в 1993 г. к власти администрация Клинтона продолжила курс на пересмотр системы противоракетной обороны. Она сформулировала программу развития систем ПРО в виде формулы «3+3», согласно которой три года отводилось для оценки технологических возможностей создания национальной системы противоракетной обороны и еще три года на ее непосредственное развертывание [269, с. 41].

На уровне лидеров РФ и США делались неоднократные заявления, касающиеся соблюдения сторонами Договора по ПРО. Так, в сентябре 1994 г. Б. Н. Ельцин и Б. Клинтон договорились о необходимости разграничения стратегической и тактической противоракетной обороны. Рабочие группы начали согласовывать практические аспекты данной проблемы. Однако стороны столкнулись с рядом трудностей, поскольку преследовали разные цели [258, с. 505–507].

В апреле 1996 г. Пентагон объявил о запуске программы «Национальная система противоракетной обороны», которая предусматривала более широкое развитие систем ПРО [284, с. 25–26]. При этом американская сторона пыталась убедить Москву, что своими шагами Вашингтон нисколько не нарушает положения Договора по ПРО. 23 сентября 1996 г. в Нью-Йорке Е. М. Примаков и У. Кристофер подписали Совместное заявление по проблемам разграничения стратегической и нестратегической систем противоракетной обороны [269, с. 42].

Путем невероятных усилий 21 марта 1997 г. в ходе встречи Б. Н. Ельцина и Б. Клинтона в Хельсинки было принято решение о разграничении тактических и стратегических систем ПРО. В Совместном заявлении в отношении Договора по противоракетной обороне речь шла о подтверждении сторонами соблюдения подходов к разграничению элементов стратегической и нестратегической ПРО [557, с. 92–95].

В подтверждение хельсинкских договоренностей президентов двух стран 26 сентября 1997 г. в Нью-Йорке главы внешнеполитических ведомств России, США, Беларуси, Казахстана и Украины подписали ряд соглашений, касавшихся разграничения стратегической и нестратегической систем ПРО,

а также о мерах доверия всех сторон в данной сфере [117; 425]. Комментируя их подписание, Е. М. Примаков отметил, что «подготовленные соглашения отражают положения дел по проблеме стратегической и нестратегической ПРО на сегодняшний день. Однако технологии нестратегической ПРО находятся на ранней стадии развития и, надо полагать, будут совершенствоваться. В связи с этим потребуется, очевидно, проведение в будущем консультаций в целях урегулирования возможных вопросов или озабоченностей, которые могут возникнуть у государств-участников Договора по ПРО в процессе создания систем борьбы с нестратегическими баллистическими ракетами» [259, с. 92].

Подписание соглашений позволило ликвидировать один из источников разногласий, но оставило для РФ без ответа вопрос о том, собираются ли США разворачивать национальную систему противоракетной обороны [154, с. 222]. Вскоре ситуация прояснилась. Под давлением американского ВПК и Пентагона Б. Клинтон не стал их ратифицировать, тогда как Москва сделала это в 2000 г. [269, с. 45].

В январе 1999 г. в Конгресс США был внесен на рассмотрение законопроект о НПРО, провозглашавший государственной политикой Соединенных Штатов развертывание национальной системы ПРО, как только это станет технологически возможным. Уже 20 мая 1999 г. Закон «О национальной противоракетной обороне» был принят подавляющим числом голосов в обеих палатах Конгресса, а 23 июля 1999 г. подписан Б. Клинтоном [258, с. 511]. Данные планы Вашингтон объяснял необходимостью защиты от возможной угрозы со стороны так называемых «стран-изгоев» – Ирана, КНДР, Ирака и др.

Однако Москва обратила внимание на нестыковки принятого закона с Договором по ПРО от 1972 г., который запрещал развертывание противоракетных систем применительно ко всей территории страны [269, с. 46]. Вашингтон же руководствовался своими соображениями на этот счет. Поэтому, на наш взгляд, в последовавшем вскоре отказе администрации Клинтона от развертывания НПРО сыграла не негативная реакция РФ, а скорее технические трудности с реализацией данной программы. В результате 1 сентября 2000 г. в своей речи в Джорджтаунском университете Б. Клинтон заявил, что оставляет решение вопроса о будущем НПРО следующему президенту США [284, с. 27]. При этом в Совместном заявлении Б. Н. Ельцина и Б. Клинтона от 20 июня 1999 г. в Кёльне президентами двух стран было подтверждено основополагающее значение Договора по ПРО для процесса сокращения СНВ [559]. Они условились начать обсуждение Договора по ПРО в конце лета 1999 г., что было подтверждено 27 июля 1999 г. в Совместном заявлении по итогам встречи в Вашингтоне сопредседателей Российско-американской комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству в лице премьер-министра РФ С. В. Степашина и вице-президента США А. Гора.

В целом в 1990-е гг. в российско-американском стратегическом диалоге тон задавал Вашингтон. Конечно, в процессе разоружения были заинтересованы обе стороны. Но именно Соединенные Штаты навязывали РФ свою переговорную позицию, стремясь обеспечить свою безопасность односторонним путем. Руководство России, подверженное идеализму и честолюбию, нередко

шло на поводу у американцев, сдавая переговорные позиции в угоду общечеловеческим, демократическим ценностям, за которыми на самом деле скрывались узкоэгоистические интересы Запада. Именно по этой причине на несколько лет затянулась ратификация Договора СНВ-2, который стал своеобразным «камнем преткновения» между исполнительной и законодательной ветвями власти в РФ.

Проблемы нераспространения

Наряду с вопросами сокращения стратегических наступательных потенциалов и противоракетной обороны в переговорной повестке Москвы и Вашингтона заметное место занимали проблемы нераспространения оружия массового уничтожения. В первую очередь, они касались урегулирования ситуации с ядерным наследием Советского Союза, о чем уже писалось выше, и ядерных программ Ирана и Северной Кореи.

Иранская проблема. В 1990-е гг. политическое сближение РФ и США предоставило широкие возможности для конструктивного сотрудничества в сфере нераспространения ОМУ. Данная проблема имела довольно сложный характер, поскольку далеко не все страны мира отказались от мысли его приобретения, обосновывая свое желание интересами национальной безопасности. Безусловно, логика в этом есть. История не знает случаев прямого нападения на государство, обладающее ядерным оружием. Именно поэтому в разное время им пытались обзавестись такие страны, как Бразилия, ЮАР, Ливия, Ирак, Иран и др. Некоторым странам (Индии, Пакистану, КНДР) удалось стать ядерными державами. С конца 1960-х гг. ЯО обладает и Израиль, хотя и не признает свой статус официально.

После окончания Холодной войны Москва и Вашингтон продолжали придерживаться позиции о необходимости соблюдения всеми странами мира режима нераспространения. Однако в 1990-е гг. стала наблюдаться тенденция перемещения центра ядерной опасности от развитых стран к развивающимся. И в РФ, и в США понимали, что появление новых ядерных держав чревато дестабилизацией военно-политической обстановки в мире.

Американцы выражали тревогу, что в условиях ослабления России частью ее ядерного потенциала, способного уничтожить США, могут завладеть государства, не соблюдающие международные правила, что будет представлять серьезную угрозу для национальной безопасности Соединенных Штатов [690, р. 545].

С точки зрения А. В. Козырева, проблема нераспространения ОМУ была даже более острой для России, нежели для Соединенных Штатов. Министр имел в виду потенциальные угрозы, исходящие с Юга и Востока. При этом он обращал внимание на необходимость строгого контроля за российскими ведомствами и отдельными предприятиями, стремящимися на рынки вооружений, игнорируя интересы национальной безопасности [126, с. 279]. Такая позиция полностью соответствовала американскому подходу к проблеме. В 1990-е гг. большим успехом сотрудничества РФ и США стал вывод ЯО из Беларуси, Казахстана и Украины. Однако на других направлениях Москва и Вашингтон не смогли добиться подобного результата. Например, им не

удалось отговорить Индию и Пакистан от получения ядерного статуса. Кроме того, по ряду аспектов проблемы нераспространения у России и США существовали различия, являвшиеся предметом диалога между ними. В первую очередь, это касалось ядерных программ Ирана и Северной Кореи.

В 1990-е гг. существенно расширилось российско-иранское сотрудничество. В первую очередь, это объяснялось отсутствием доступа Ирана к западным технологиям и вооружениям. Именно по этой причине Тегеран обратился к РФ, которой, в свою очередь, были необходимы рынки сбыта своей продукции. В результате Иран стал важным покупателем российских вооружений и технологий.

Известно, что иранская ядерная программа стартовала еще в шахский период, когда Тегеран являлся одним из союзников Вашингтона. Исламская революция 1979 г. привела к полному сворачиванию сотрудничества Ирана с Западом, в том числе и в ядерной сфере. С середины 1980-х гг. ИРИ начала проявлять интерес к возобновлению своей ядерной программы, мотивируя его необходимостью снижения углеводородов в топливно-энергетическом секторе страны [533, с. 50]. Однако без зарубежной помощи Тегеран не имел возможностей для ее реализации. Поэтому иранской стороной начались поиски партнеров, готовых к сотрудничеству. Среди таковых рассматривались Пакистан, Китай, КНДР и Россия.

В 1992 г. Москва и Тегеран подписали соглашение об использовании ядерной энергии в мирных целях. Оно предусматривало проектирование, строительство и эксплуатацию ядерных объектов, а также промышленное производство материалов и компонентов для их функционирования. Позднее стороны достигли договоренностей относительно обучения иранского персонала [533, с. 89].

8 января 1995 г. в Тегеране был подписан контракт на завершение строительства первого блока АЭС в Бушере [534, с. 62]. Однако планы развития иранской ядерной энергетики встретили противодействие со стороны Вашингтона. Тем самым ядерная программа Ирана стала неотъемлемой частью российско-американского диалога в сфере нераспространения ОМУ. Американцы выразили крайнее недовольство российско-иранским сотрудничеством. По их мнению, своим сотрудничеством в области атомной энергетики Москва способствовала созданию Тегераном ЯО [211, с. 40].

В 1995 г. Россия в результате жесткого американского давления фактически полностью прекратила все поставки технологий и оборудования по созданию необходимой инфраструктуры и обогащению урана в Иран [534, с. 64]. Тем не менее Вашингтон продолжал обвинять Москву в сотрудничестве с Тегераном в ядерной сфере [887, р. 160]. Американцы считали, что своими действиями РФ способствует слому режима нераспространения ОМУ. По этой причине в 1998–1999 гг. Соединенными Штатами были наложены санкции на 13 российских предприятий, обвиненных в связях с иранцами [533, с. 113].

Тем самым попытки Москвы развивать российско-иранское сотрудничество в сферах вооружений и ядерной энергетики приводили к недовольству со стороны Вашингтона. Связи РФ и ИРИ становились заложником жесткой политики Соединенных Штатов в отношении иранского режима. Поэтому американцы увязывали любое взаимодействие с Тегераном в атомной области как содействие нарушению режима нераспространения ОМУ. А российское

руководство, испытывая давление со стороны Вашингтона, было вынуждено сдерживать развитие отношений с Ираном даже в ущерб своим экономическим интересам.

Северокорейская проблема. Весьма сложной для Москвы и Вашингтона была северокорейская ядерная проблема. Свою ядерную программу КНДР начала разрабатывать еще в 1950-е гг. Однако на данном пути имелся ряд сложностей, не позволивших Пхеньяну быстро обзавестись ядерным оружием. Международное сообщество было заинтересовано в соблюдении северокорейским руководством режима нераспространения ОМУ. В результате в конце 1991 г. власти КНДР согласились заключить Соглашение о гарантиях с МАГАТЭ и принять международных инспекторов на своих ядерных объектах [601, с. 425]. Однако вскоре между Пхеньяном и агентством начались противоречия. Северокорейские власти отказались допускать инспекторов МАГАТЭ на свои ядерные объекты.

В январе 1993 г. Москва попыталась выступить в роли посредника между конфликтующими сторонами. В Пхеньяне прошли переговоры между замминистра иностранных дел России Г. Ф. Кунадзе с главой МИДа КНДР, но проблема решена не была. 12 марта 1993 г. северокорейские власти заявили о выходе из ДНЯО. В ответ СБ ООН начал рассмотрение ядерного вопроса КНДР. Ядерный кризис на Корейском полуострове стал принимать острый характер [601, с. 427].

В России с обеспокоенностью восприняли обострение ядерной проблемы. Москвой ситуация на Корейском полуострове рассматривалась в призме национальной безопасности страны. В 1993 г. российское руководство заняло однозначно негативную позицию в связи с действиями КНДР. МИД РФ сделал жесткое заявление, в котором отмечалось, что неукоснительное соблюдение ДНЯО отвечает интересам стабильности и безопасности на Корейском полуострове [601, с. 450]. Поэтому Москва прервала контакты с Пхеньяном, тем самым Россия солидаризировалась с Соединенными Штатами относительно неподобающего поведения Северной Кореи. При этом они не прекратили попыток при помощи методов «тихой дипломатии» уговорить КНДР отказаться от реализации своей ядерной программы. Однако обнаружилось, что у них практически не было рычагов политического воздействия на северокорейский режим [159, с. 24–25]. При этом по причине приостановки сотрудничества с Северной Кореей в сфере мирного использования атомной энергии российское влияние на Корейском полуострове существенно ослабло [601, с. 451].

Тем не менее в марте 1994 г. Москва выступила с инициативой созыва международной конференции по безопасности и безъядерному статусу Корейского полуострова. Российское руководство исходило из того, что выработка механизма позволит укрепить режим нераспространения ОМУ в данном регионе мира [601, с. 451]. По плану России в переговорах должны были принять участие представители КНДР, США, России, КНР, Южной Кореи, ООН и МАГАТЭ. Однако Пхеньян отверг российскую инициативу и продолжил переговоры лишь с Соединенными Штатами [622].

Благодаря усилиям КНР вскоре были возобновлены северокорейско-американские переговоры, которые стали основным механизмом поиска

компромиссного решения. В результате 21 октября 1994 г. Пхеньян и Вашингтон подписали в Женеве Рамочное соглашение по урегулированию ядерного кризиса на Корейском полуострове. В обмен на заморозку Северной Кореей своей ядерной программы США обязались к 2003 г. построить в КНДР два реактора на легкой воде, а до того момента обеспечить северокорейцев мазутом [601, с. 428]. Правда, выполнение договоренностей сторонами выполнялось трудно. Было понятно, что Соединенные Штаты не выполняют к указанному сроку своих обещаний. Американцы рассматривали КНДР как недружественное и враждебное государство. Исходя из этого, Вашингтон считал необходимым сдерживать Пхеньян силовыми, экономическими и политическими средствами. В целях давления на Северную Корею американцы были заинтересованы в создании международной коалиции. Однако на этом пути Вашингтон не всегда находил понимание со стороны других стран.

Во второй половине 1990-х гг. США пытались привлечь на собственную сторону и Россию для оказания давления на северокорейское руководство по свертыванию ядерной программы. Белый дом неоднократно посылал в Москву своих представителей для ознакомления российского руководства с нарушением КНДР ДНЯО. Однако власти РФ не выражали особого беспокойства в связи с данной проблемой [318, с. 253]. Конечно, Москва была заинтересована в том, чтобы Корейский полуостров был свободен от ОМУ. Поэтому РФ солидаризировалась с международным сообществом и осудила выход КНДР из ДНЯО и свернула сотрудничество в ядерной сфере [601, с. 448]. Однако полностью поддерживать шаги американцев в отношении КНДР Москва не спешила. Более того Россия во второй половине 1990-х гг. активизировала свою политику на северокорейском направлении, что привело к наращиванию взаимодействия Москвы и Пхеньяна. При этом каких-либо серьезных противоречий в 1990-е гг. между РФ и США по северокорейской ядерной проблеме не наблюдалось.

Расширение НАТО на Восток в контексте развития российско-американских отношений

В 1990-е гг. данная проблема стала одним из главных раздражителей в российско-американских отношениях. После распада СССР большинством россиян блок по-прежнему воспринимался как угроза национальной безопасности страны. В отличие от ряда других актуальных вопросов проблема расширения НАТО больше объединяла, нежели разъединяла различные партии, объединения, движения и группировки на политической авансцене России. Это объяснялось двумя причинами. Во-первых, за счет внешней политики всегда легче набирать очки для внутривнутриполитической борьбы, особенно в период проведения предвыборных кампаний. Во-вторых, практически все участники политической жизни страны были озабочены защитой национальных интересов России. А расширение НАТО многими воспринималось исключительно как одна из угроз национальной безопасности страны. Лишь незначительная часть представителей российских политико-экспертных кругов в начале 1990-х гг. считала, что НАТО наряду с ООН, ЕС и ОБСЕ может быть гарантом соблюдения норм международного поведения, поэтому не видела в планах

продвижения альянса на Восток какой-либо угрозы российским интересам и готова была мириться с этой тенденцией [664, с. 21].

Следует отметить, что на протяжении 1990-х гг. позиция российского руководства относительно НАТО претерпела определенные изменения. В начале десятилетия Москва не усматривала каких-либо угроз России со стороны альянса. Так, в декабре 1991 г. Б. Н. Ельцин в присутствии последнего министра обороны СССР маршала авиации Е. И. Шапошникова якобы заявил госсекретарю США Дж. Бейкеру о возможности объединения вооруженных сил СНГ с силами блока [683, р. 569]. Тогда же А. В. Козырев говорил о НАТО как об одном из механизмов стабильности в мире. Поэтому он активно выступал за построение союзнических отношений с альянсом [156, с. 120]. Вскоре после этого российское руководство и вовсе заявило, что рассматривает вопрос о вступлении в НАТО [587, с. 51]. Правда, по свидетельству А. Л. Адамишина, через несколько дней МИД уточнил, что по технической причине в ключевой фразе было пропущено слово «не». Тем самым смысл послания менялся на прямо противоположный [5, с. 348]. Однако сигналы Москвы о возможности присоединения к альянсу на этом не прекратились. Так, в 1993 г. вице-президент А. В. Руцкой предложил вступление РФ в политические, но не военные структуры НАТО. Правда, натовцами оно было отвергнуто. Несмотря на то, что подобные заявления представителей российского руководства были в значительной степени наивными, они свидетельствовали об их искреннем стремлении как можно скорее стать частью Запада [5, с. 348–349]. Но, как известно, Вашингтон всерьез не рассматривал возможность принятия России в члены альянса. Для американского истеблишмента она оставалась потенциальным противником [783, р. 563].

Противоречия между Москвой и Вашингтоном начались после того, как американцы приняли решение о расширении НАТО на Восток. Оно стало важнейшим приоритетом политики администрации Клинтона. Ее официальная позиция была озвучена советником президента по национальной безопасности Э. Лейком. В своем выступлении в Школе перспективных международных исследований вашингтонского Университета Джонса Гопкинса 21 сентября 1993 г. он прямо заявил, что, если Североатлантический альянс не расширит свою деятельность, он утратит смысл существования, а все его участники лишатся важного инструмента обеспечения евроатлантической безопасности [906]. Затем 27 сентября 1993 г. на заседании ГА ООН и 10 января 1994 г. на саммите НАТО в Брюсселе о планах расширения альянса заявил сам Б. Клинтон. При этом, по словам госсекретаря У. Кристофера, президент США дал понять, что вопрос о вступлении новых стран в блок не стоит, речь идет лишь о сроках [709, р. 19].

В период с января по сентябрь 1994 года Э. Лейку и Р. Холбруку удалось трансформировать концепцию расширения НАТО в официальную политику Вашингтона. В администрации Клинтона считали, что Москва с пониманием отнесется к расширению НАТО, поскольку в 1993 г. Б. Н. Ельцин заявил в Варшаве об отсутствии возражений относительно возможного вступления Польши в Североатлантический альянс. В январе 1994 г. во время визита Б. Клинтона в Москву президент США в беседе с российским коллегой затронул вопрос о возможном расширении НАТО и приеме Польши. Однако это вызвало

негативную реакцию у хозяина Кремля, не поддерживавшего идею поэтапного приема отдельных стран в альянс, хотя в принципе Б. Н. Ельцин не отрицал возможности большей интеграции в будущем [651, с. 240–241].

В российских политико-экспертных кругах считали, что обещания Дж. Бейкера, данные в 1990 г. М. С. Горбачеву о том, что альянс ни на дюйм не расширится на Восток, остаются в силе. Однако администрация Клинтона полагала, что обещание госсекретаря относилось к СССР, а не к России [53, с. 159]. В ноябре 1993 г. СВР для российского руководства был подготовлен доклад, в котором говорилось о нежелательности вступления в блок стран ЦВЕ [464, с. 228].

Следует признать, что многих в американском политико-академическом сообществе волновала реакция России на расширение альянса. Среди них хватало людей, которые сомневались в необходимости подобных действий. Например, Дж. Кеннан, являвшийся одним из патриархов внешнеполитической мысли, оставаясь на позициях атлантизма, подчеркивал, что после распада СССР аргументы для существования НАТО в прежнем качестве исчезли [773, р. 195]. Он считал, что его расширение в сторону российских границ лишь усилит националистические и милитаристские настроения в общественном мнении России, окажет негативное влияние на развитие российской демократии, а также восстановит атмосферу Холодной войны и сделает российскую внешнюю политику антизападной [772]. Между тем, по мнению авторитетного американского политолога Ч. Капчэна, включение России в НАТО позволило бы создать эффективную организацию коллективной безопасности и предотвратить появление новых разделительных линий в Европе, способствующих нарастанию геополитического соперничества [781, р. 76–77].

С открытым письмом к Б. Клинтону обратились патриархи американской политики Р. Макнамара, Дж. Мэтлок, П. Нитце и другие подписанты, которые назвали расширение альянса «политической ошибкой исторических пропорций» [666].

Однако верх в Вашингтоне одержали немногочисленные сторонники быстрых действий. В поддержку идеи расширения НАТО выступили такие фигуры американского истеблишмента, как бывший госсекретарь Г. Киссинджер, бывший госсекретарь Дж. Бейкер, бывший помощник президента по национальной безопасности Зб. Бжезинский, известный сенатор-республиканец Р. Лугар, бывший директор Агентства национальной безопасности У. Одом, а также авторитетные эксперты из «РЭНД корпорейшн» (Р. Асмус, Ф. Ларраби, Р. Кюглер и др.). Они полагали, что эксперимент с построением демократии в России далек от завершения, а сама Россия сохранила имперские амбиции. Так, Зб. Бжезинский оценивал продвижение НАТО на Восток как процесс заполнения вакуума безопасности между Россией и Западом, что должно окончательно подтолкнуть российскую элиту к демократическому пути развития [698, р. 82]. При этом разговоры о российской угрозе Западу он считал беспочвенными [697, р. 34].

В администрации Клинтона к ним, помимо самого президента, принадлежали вице-президент А. Гор, госсекретарь У. Кристофер, помощник госсекретаря по европейским делам Р. Холбрук, постоянный представитель США в ООН

М. Олбрайт и помощник президента по национальной безопасности Э. Лейк [651, с. 238–239]. Правда, некоторые из них придерживались осторожной позиции, выступая против форсирования процесса расширения. Так, С. Тэлботт опасался, что решение о расширении НАТО на Восток может поставить под угрозу процесс демократических и рыночных реформ в России, так как там резко усилятся позиции коммунистов и националистов [901, р. 99]. К осторожности в вопросе расширения НАТО призывало и американское посольство в Москве.

Заслуживает внимания позиция госсекретаря У. Кристофера, который изначально был сторонником расширения НАТО. Однако в октябре 1993 г. под влиянием меморандума Тэлботта, в котором критиковался процесс расширения, он изменил свою позицию [761, р. 124]. По словам У. Кристофера, он решительно выступал за ограниченное расширение НАТО, поскольку считал, что это может привести к осложнениям с Россией. Занятая У. Кристофером позиция даже привела к отчуждению между ним и Б. Клинтонем [710, р. 228].

Глава Пентагона У. Перри также высказывался за то, чтобы «отложить эту инициативу на два или три года, пока русские не будут удовлетворены своим местом в западной системе безопасности и перестанут воспринимать расширение НАТО как угрозу» [427, с. 169].

Основным аргументом американских сторонников расширения был следующий: прием в НАТО стран ЦВЕ станет необходимой мерой, чтобы не допустить возможную агрессивную политику России в будущем, если она захочет восстановить свое влияние в данном регионе. При этом саму РФ в качестве полноценного члена альянса никто видеть не хотел. Так, во время своего визита в Москву в октябре 1993 г. У. Кристофер пытался снять тревогу российского руководства в связи с предполагаемым расширением НАТО за счет восточноевропейских стран. Госсекретарь заверял Б. Н. Ельцина, что новая система безопасности в Европе непременно интегрирует в себя и Россию [62]. Правда, он говорил, что если это будет интересно самой России [551, с. 392]. На практике же американцы были готовы допустить Москву к участию лишь в программе «Партнерство во имя мира». Как вспоминал Е. М. Примаков, американцы вначале пытались убедить россиян в том, что она является возможностью «спустить на тормозах» идею о расширении НАТО [464, с. 228]. И, действительно, например, Р. Холбрук считал, что Россия должна участвовать в архитектуре европейской безопасности исключительно посредством ПВМ [763, р. 42–43]. Подключение РФ к программе «Партнерство во имя мира» поддерживал и Зб. Бжезинский, который указывал, что оно обеспечит «русским лестное признание за их страной статуса великой державы, в то же время охватывая Россию более широкой системой евразийской безопасности» [698, р. 81]. Однако саму РФ среди полноправных членов альянса Зб. Бжезинский в близлежащей перспективе не видел [697, р. 31]. На большее американцы идти не собирались. Правда, и в самой России далеко не все стремились к вступлению в блок. Так, по мнению российского эксперта А. В. Загорского, «для России нет необходимости ставить перед собой цель вступления в этот блок. Вполне достаточно ограничиться внеинституциональными формами взаимодействия с НАТО в рамках Совета североатлантического сотрудничества» [198, с. 100].

«Партнерство во имя мира» стало, с одной стороны, компромиссом между разными группами в Вашингтоне, а с другой – переходным этапом на пути к последующей трансформации Североатлантического альянса. ПВМ было использовано Вашингтоном и как инструмент введения в заблуждение относительно своих истинных намерений российской стороны, на что обращали внимание многие, в том числе и в Госдуме [394, с. 646–647]. По словам В. А. Никонова, российские депутаты узнали о решении исполнительной власти присоединиться к ней из газет [394, с. 648]. Парламентская оппозиция и вовсе назвала подписание соглашения о сотрудничестве с альянсом предательством национальных интересов России.

По мнению В. А. Никонова, Россию больше бы устроило «Партнерство» как совместная инициатива Вашингтона и Москвы, обращенная одновременно к странам альянса и ЦВЕ [394, с. 653]. На самом же деле ПВМ рассматривалось США как один из инструментов установления Pax Americana. По словам С. М. Самуйлова, РФ попросту игнорировалась как самостоятельный центр силы в Европе. «Партнерство во имя мира» давало ННГ возможность сближения с атлантическими структурами, что усиливало западное влияние на постсоветском пространстве. Они получали больше возможности для геополитического маневрирования между Западом и Россией с тем, чтобы добиться от Москвы дополнительных выгод для себя. Кроме того, ПВМ в определенной степени ослабляло действие Договора о коллективной безопасности, поскольку Россия не могла запретить его членам участвовать в данной программе [530, с. 64].

Однако в руководстве страны программа «Партнерство во имя мира» считалась важным инструментом, укрепляющим стабильность и сотрудничество в Европе. В ее рамках сотрудничество охватывало вопросы оборонных исследований, безопасности и обучения военного персонала [247]. В соглашении, подписанном А. В. Козыревым с руководством альянса 22 июня 1994 г., говорилось о том, что «это партнерство создается как выражение совместной убежденности в том, что стабильность и безопасность в Евроатлантическом регионе может быть достигнута только путем сотрудничества и совместных действий» [72]. На официальном уровне стороны подчеркивали достигнутый прогресс в отношениях РФ и НАТО и анонсировали планы масштабного сотрудничества в дальнейшем [475, с. 78].

Несмотря на подключение России к ПВМ негативная позиция Москвы относительно расширения Североатлантического альянса сохранилась. Участвуя в программе, Москва надеялась, что Запад откажется от своих планов. 1 декабря 1994 г. на заседании Североатлантического совета министров иностранных дел, где планировалось утверждение индивидуальной программы партнерства РФ с НАТО в рамках ПВМ, а также программы диалога за ее пределами, А. В. Козырев заявил, что Россия не может их немедленно утвердить, так как требуется изучение решений альянса относительно своего расширения [514, с. 46–47]. Но политика шантажа не увенчалась успехом. В российском руководстве стали быстро осознавать, что РФ дальше ПВМ не пустят [656, с. 197–198]. Поэтому в стране впервые за несколько лет возник консенсус – ни одна политическая сила не поддержала натовскую экспансию на Восток. Резко

отрицательное отношение к расширению альянса объяснялось ощущением униженности – РФ ставили перед фактом, не считая нужным учитывать ее национальные интересы. Как подчеркивала Л. Ф. Шевцова, раздражение в Москве вызывала и политика «двойных стандартов», которая явственно просматривалась в поведении Запада: с одной стороны, западные лидеры все еще обнимали Б. Н. Ельцина и говорили об успехе российских реформ, а с другой – продвигали НАТО к российским границам, что воспринималось как формирование нового «санитарного кордона» вокруг России [656, с. 198].

Отрицательное отношение к расширению НАТО объяснялось в российских политико-экспертных кругах разными причинами. Одни, ориентированные на сотрудничество с Западом, опасность расширения военного блока видели в появлении в общественном сознании россиян антизападных настроений, которые могут помешать РФ стать частью евроатлантического сообщества [375, с. 182].

Например, отрицательно оценивали планы расширения Североатлантического альянса на Восток представители общественного объединения «ЯБЛОКО». Так, по мнению В. П. Лукина, подобные шаги Запада вели к утрате всех смыслов имевшихся двусторонних и многосторонних договоренностей [665, с. 567]. Его беспокоило то, что вместо последовательного отстаивания национальных интересов страны, российская дипломатия проявляла мягкотелость, рассуждая «о “новом НАТО”, который вроде бы может расширяться на Восток в отличие от “НАТО старого”» [665, с. 568].

Другие (коммунисты и националисты), настроенные антиамерикански, усматривали в действиях Запада угрозу национальной безопасности России. Например, В. В. Жириновский постоянно говорил о нарастании опасности со стороны НАТО во главе с США, вплотную подошедшей к западным границам РФ. Логично западного поведения он объяснял тем, что Запад никогда не примет Россию: «Запад не принял Русь языческую, не принял православную, не принял коммунистическую, не примет и никакую другую. Потому что мы – русские» [190, с. 127]. Поэтому ЛДПР в качестве «асимметричных» ответных мер на расширение альянса предлагали объявить «зоной национальных интересов» РФ не только постсоветское пространство, но и территорию стран бывшего соцлагеря [187, с. 279–280].

8 сентября 1995 г. в очередной раз подчеркнул свое неприятие расширения НАТО Б. Н. Ельцин [656, с. 224]. О неприемлемости для России приближения военной инфраструктуры НАТО к российским границам за счет новых членов альянса и вступления в него бывших советских республик, в том числе и стран Балтии, в июле 1996 г. заявил министр иностранных дел Е. М. Примаков [464, с. 250]. Воспринимая Россию как великую державу со своими национальными интересами и своей долей ответственности за безопасность мира, он был ярким противником проведения новых разделительных линий в Европе и расширения НАТО на Восток [740, р. 67]. Однако в сложных для страны условиях Е. М. Примаков понимал невозможность воспрепятствовать этому процессу. Это подтверждают слова У. Кристофера, который 23 июля 1996 г. во время саммита АСЕАН по вопросам безопасности прямо заявил министру

иностранных дел России, что «вопрос о расширении НАТО с третьими странами мы не обсуждаем, равно как и предоставление разных классов членства в НАТО» [464, с. 248]. Поэтому, будучи прагматиком, Е. М. Примаков решил попытаться воздействовать на процесс расширения, чтобы минимизировать его последствия для России [464, с. 244; 614, с. 260].

Сильнее всего недовольство расширению НАТО проявилось в Госдуме. В октябре 1996 г. российские парламентарии приняли резолюцию, согласно которой расширение приведет к международному кризису. Например, спикер Госдумы Г. Н. Селезнев неоднократно предупреждал, что депутаты не ратифицируют Договор СНВ-2, если альянс расширится на Восток [514, с. 119].

После переизбрания Б. Н. Ельцина на второй срок в основу подхода администрации Клинтона к расширению НАТО легла стратегия, игнорировавшая негативную реакцию Москвы [901, р. 101]. М. Олбрайт объясняла процесс расширения альянса на Восток следующими аргументами. Во-первых, несмотря на исчезновение враждебной сверхдержавы в лице СССР, НАТО по-прежнему воспринималось на Западе в качестве основы евроатлантической безопасности, так как имелись иные вызовы и угрозы. Во-вторых, встал вопрос о заполнении вакуума, образовавшегося после распада Организации Варшавского договора. Целью американцев было создание сферы общих интересов, в которой каждой стране ЦВЕ будет гарантирована безопасность [415, с. 330]. Тем более что за скорейшее вступление в блок выступали политические элиты восточно-европейских государств, которые стремились получить американские гарантии безопасности. Поэтому Вашингтон не собирался соглашаться с требованием Москвы не расширять военную инфраструктуру НАТО на территории стран, вступающих в альянс. Как подчеркивала М. Олбрайт, американская стратегия на переговорах с РФ заключалась в том, чтобы «убедить русских, что расширение НАТО все равно произойдет, согласятся они на него или нет» [415, с. 334]. Это подтверждал и С. Тэлботт, который подчеркивал, что цель администрации Клинтона состояла в том, чтобы заставить российское руководство «впитать» или «усвоить» расширение НАТО как «одну из тех вещей, которых не избежать: к ним нужно просто привыкнуть и научиться с ними жить» [614, с. 259]. По его свидетельству, за данное решение Вашингтона Б. Н. Ельцин «откровенно обижался на Соединенные Штаты и на Клинтона лично» [614, с. 268].

Переговорный процесс по отношениям РФ и НАТО начался в середине декабря 1996 г. в Брюсселе, где российская делегация участвовала во встрече с министрами иностранных дел альянса по формуле «16+1» и в работе сессии Совета Североатлантического сотрудничества. По словам Е. М. Примакова, «хорошим предзнаменованием» мог служить тот факт, что 10 декабря 1996 г., то есть накануне встречи «16+1», Совет НАТО сделал заявление об отсутствии у Альянса «планов, намерений и причин» для продвижения ядерного оружия на Восток, а также обозначившееся к тому времени согласие альянса на модернизацию ДОВСЕ и активная позиция Франции и Германии в продвижении идеи консультаций с Россией при отсутствии фактических возражений со стороны США по этому вопросу [464, с. 262–263].

В ходе первых трех раундов переговоров, с января по март 1997 г., которые проходили в Москве и Брюсселе, российская сторона стремилась передать руководству НАТО и руководителям государств-членов альянса свой главный сигнал о том, что, во-первых, «договоренности по военному блоку вопросов должны стать неотъемлемой частью общего документа» и, во-вторых, «как бы Россия ни была заинтересована в превращении “Семерки” в “Восьмерку”, во вступлении в Лондонский и Парижский клубы, Россия не примет никакой платы за приглашение своей позиции в интересах НАТО, и эти вопросы не должны иметь никакого отношения к подготавливаемому документу и тем более включаться в него» [464, с. 267].

Встреча Б. Н. Ельцина и Б. Клинтона 20–21 марта 1997 г. в Хельсинки помогла РФ и США продвинуться вперед по вопросу расширения НАТО. Однако между этим саммитом и Парижем, где был подписан Основополагающий акт Россия – НАТО, прошли два месяца трудных переговоров по обсуждению его деталей. Характерно, что заместитель госсекретаря С. Тэлботт сравнил стратегию переговоров со стороны РФ со «сверлением зубного канала», сказав, что Москва хочет сделать эти переговоры настолько болезненными, чтобы Запад и думать забыл о следующих раундах расширения альянса [415, с. 336]. Однако американцы понимали, что «никто, кроме самого Ельцина, не будет решать, что делать с НАТО, а он решит, основываясь на своем доверии Клинтону» [614, с. 275]. В результате так и вышло. Б. Клинтон убедил российского президента в том, что возможность участия РФ в альянсе остается открытой, а партнерские отношения между НАТО и Россией будут улучшаться [614, с. 284]. Как вспоминала М. Олбрайт, «мы взяли русских измором. По ходу наших переговоров, когда они сначала занимали жесткую позицию, а потом шли на уступки, стало ясно, что Ельцин хочет подписать соглашение. И, действительно, 13 мая 1997 г. президент Клинтон и генеральный секретарь Солана смогли объявить, что оно достигнуто» [415, с. 337]. На Западе посчитали, что Основополагающий акт Россия – НАТО дал Москве институциональные возможности для участия в обсуждении проблем евроатлантической безопасности [415, с. 338]. На деле же западные партнеры Москвы навязывали российской стороне свою волю.

Реакция на хельсинкскую встречу в РФ была неоднозначной. Либеральные силы оценили ее результаты весьма высоко, назвав Б. Н. Ельцина «истинным государственным мужем». Коммунисты, наоборот, резко раскритиковали встречу, указав, что Россию унизили в Хельсинки так же, как Германию в Версале после Первой мировой войны [614, с. 290]. С критикой позиции российского руководства в Хельсинки, а также Основополагающего акта Россия – НАТО выступила и ЛДПР. По их мнению, власти проявили политическое бессилие и «прогнулись» под американцев. «ЯБЛОКО», наоборот, приветствовало его заключение, но одновременно предъявляло серьезные претензии российскому правительству и лично тогдашнему главе МИДа Е. М. Примакову, которые якобы заняли крайне негибкую позицию и едва не поставили РФ на грань конфронтации с Западом [571, с. 27].

Подписанием данного документа Москва попыталась хоть как-то сохранить лицо великой державы и на пару лет снизить остроту проблемы. Правда, как справедливо отмечал российский исследователь Ю. П. Давыдов, после подписания основополагающего акта партнерство между Россией и НАТО развивалось на верхушечном уровне и сводилось к констатации общих истин, против которых трудно что-либо возразить, но которые редко содержат созидательную программу и новые идеи [160, с. 23]. У РФ и США сохранялось разное видение европейской структуры безопасности.

12 марта 1999 г. расширение НАТО стало свершившимся фактом – Польша, Чехия и Венгрия были приняты в альянс. В результате европейская группировка блока увеличилась примерно на 360 тыс. военнослужащих и более чем 8 тыс. единиц боевой техники, включая почти 400 боевых самолетов, 3600 танков, более 4000 бронетранспортеров и боевых машин пехоты. Тем самым в Европе нарушился баланс сил [246, с. 15]. А вскоре противоречия между Россией и блоком вновь обострились. Поводом стала агрессия НАТО против Югославии в марте 1999 г., которая вызвала бурю возмущения среди российской элиты и общественности. В стране усилилась националистическая риторика, а либеральные силы, ориентированные на западную модель общественно-политического развития, оказались в сложном положении [514, с. 158]. Москва прекратила взаимодействие с НАТО.

После Косовского кризиса, как подчеркивала российский политолог Н. К. Арбатова, «...отношения РФ и НАТО вошли в стадию прагматичного минимализма и узкого выборочного сотрудничества на фоне того, что РФ оставалась в составе миротворческого контингента» [26, с. 120].

Таким образом, взаимоотношения РФ с НАТО в 1990-е гг. носили сложный и противоречивый характер. Если в начале десятилетия Североатлантический альянс рассматривался российским руководством в качестве ключевого партнера в сфере региональной безопасности, то с середины у Москвы возник кризис доверия к блоку. Это было связано с планами Вашингтона по расширению НАТО на Восток, которое рассматривалось в России как угроза национальной безопасности страны. В результате между РФ и США стали нарастать противоречия. Во второй половине 1990-х гг. российская сторона попыталась минимизировать риски, связанные с процессом расширения альянса, но, по сути, потерпела неудачу. Россия оказалась не в состоянии подкрепить свою позицию реальными действиями в силу слабости. Помимо наличия ядерного оружия других контраргументов у РФ не было. Любой конфликт с Западом для России был заведомо проигрышным. К тому же со стороны российского руководства само противодействие процессу расширения было спонтанным и непоследовательным. Во многом реакция Москвы на шаги Вашингтона имела исключительно пропагандистский характер, направленный на публику.

РАЗДЕЛ II ПУТИНСКАЯ РОССИЯ: НОВАЯ ПОПЫТКА НАЛАЖИВАНИЯ КОНСТРУКТИВНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С АМЕРИКОЙ

ГЛАВА 5 РОССИЯ И США В ПЕРИОД ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТСТВА В. В. ПУТИНА (2000–2004 ГГ.)

Приход В. В. Путина в Кремль совпал с охлаждением в российско-американских отношениях. В этом плане показательными были слушания, проведенные в январе 2000 г. Комитетом по правительственной реформе Палаты представителей Конгресса США на тему «российских угроз безопасности Соединенных Штатов в эпоху после окончания Холодной войны», где говорили о том, что, несмотря на завершение противостояния с СССР, отношения с РФ находятся в нестабильном и пугающем состоянии [332, с. 42].

Наличие кризиса в двусторонних отношениях отмечали и в России. Поступательное расширение НАТО на Восток, агрессивные действия альянса против Югославии, западная критика действий российского руководства в Чечне, американские планы создания НПРО, проникновение США в российскую сферу влияния на постсоветском пространстве, что свидетельствовало об игнорировании Западом национальных интересов РФ, вызывали серьезное раздражение в Москве.

В российском политическом истеблишменте выделялись три группы интересов в отношении Соединенных Штатов. Первая из них объединяла прозападных либералов, для которых было характерно мнение, что Россия по своему происхождению и культуре является европейским государством, а евразийская идея не более чем мираж [606, с. 59–60]. Поэтому они видели страну неотъемлемой частью Запада. Во вторую группу входили стойкие антизападники всех мастей, для которых США и Запад по-прежнему воспринимались как враг. Их основу составляли представители КПРФ, ЛДПР, неоевразийского движения. Третья группа была представлена реалистами (прагматиками, державниками) в политике, ориентирующимися на отстаивание национальных интересов РФ в трансформирующемся мире. Именно к последним принадлежал и сам президент В. В. Путин. В Госдуме державники были представлены «Единой Россией», «Родиной», а также частью КПРФ, ЛДПР, «ЯБЛОКО». Выражая настроения реалистов, министр иностранных дел

И. С. Иванов, рассуждая о российско-американских отношениях, подчеркивал необходимость «твердой защиты национальных интересов на путях партнерства и поиска взаимоприемлемых решений возникающих проблем, а не соперничества и конфронтации» [104, с. 24].

По справедливому замечанию британского исследователя М. Никольсона, В. В. Путин стал именно тем лидером, который обернул процесс разрушения российского государства вспять и начал возрождение России как великой державы [824, р. 870]. Как известно, наследство ему досталось довольно тяжелое. Ситуация была весьма сложной как внутри страны, так и на международной арене. Новый российский президент понимал, чем это может обернуться для России. По словам корреспондента британской газеты Financial Times в Москве Э. Джека, В. В. Путин являлся полной противоположностью Б. Н. Ельцина, который выбрал его в качестве своего преемника. Он «повернул страну от сложившегося при Ельцине анархического либерализма к либеральному авторитаризму» [767, р. 112]. Для этого ему были необходимы благоприятные внешние условия. Посему он хотел выстроить прагматичные, конструктивные отношения с Западом. В. В. Путин был готов идти не просто навстречу США и Европе, но даже на определенные уступки, демонстрировавшие искренние намерения России, которую воспринимал как европейскую страну [17, с. 312]. Размышляя о «российском пути», он считал, что «ничего искать не надо, все уже найдено. Это путь демократического развития. Конечно, Россия более чем разнообразная страна, но мы – часть западноевропейской культуры. И вот в этом наша ценность, на самом деле. Где бы ни жили наши люди – на Дальнем Востоке или на юге, мы – европейцы» [142, с. 155–156]. В этом плане его позиция во многом сближалась с позицией либералов. По признанию известного телеведущего В. Р. Соловьева, именно с подачи В. В. Путина в РФ ускоренными темпами стала строиться западная модель демократии [214, с. 41]. При этом у него не было перед Западом ельцинского трепета, как не было и чувства необходимости постоянно повторять слова «присяги против коммунизма» [63, с. 290].

Говоря об устремлениях нового главы российского государства на Запад, следует иметь в виду прежде всего Европу, и особенно Германию. Он считал Россию европейской страной и предлагал проект Большой Европы [59, с. 63]. При этом на начальном этапе своего президентства В. В. Путин сравнительно мало внимания уделял США. Это объяснялось малообещающей повесткой российско-американских отношений, в том плане, что он не предвидел каких-либо значительных позитивных сдвигов в ближайшем будущем. Президент РФ понимал опасность гегемонизма Соединенных Штатов, глубину их эгоизма [610, с. 114]. Правда, при этом В. В. Путин был против возобновления Россией какой-либо конфронтации с Америкой. К тому же первым, с кем он общался по телефону после назначения и.о. президента, был Б. Клинтон. По словам пресс-секретаря Белого дома Дж. Локхарта, оба лидера признали наличие разногласий между двумя странами по целому ряду вопросов, но подчеркнули, что общего между ними гораздо больше [535, с. 306].

В первый год президентства В. В. Путина Москва работала на американском направлении, учитывая фактор ноябрьских выборов в США и смены

американской администрации в январе следующего года. Кремлю было понятно, что «хромая утка» Б. Клинтон вряд ли будет предпринимать какие-либо серьезные действия на российском направлении. Тем не менее на протяжении 2000 г. состоялись 4 встречи и 9 телефонных разговоров между руководством двух стран, на которых обсуждались актуальные проблемы двустороннего и многостороннего сотрудничества. Американский президент считал, что В. В. Путин, как преемник Б. Н. Ельцина, будет продолжать прежний курс в российско-американских отношениях, который в целом устраивал Вашингтон в 1990-е гг. [266, с. 988]. Так, стороны сделали несколько заявлений и подписали ряд документов, касающихся вопросов стратегической стабильности и т.д. (3–5 июня 2000 г. в России и 6 сентября этого же года в США, на «Саммите тысячелетия»). Свое стремление к развитию конструктивных взаимоотношений Москва продемонстрировала ратификацией Госдумой 14 апреля 2000 г. Договора СНВ-2.

Главным раздражителем в российско-американских отношениях была Чечня. Для Москвы решение чеченской проблемы было вопросом сохранения целостности, а значит жизнеспособности РФ как государства. Вашингтон, наоборот, считал, что жесткие действия российского руководства в Чечне ничем неоправданы. В результате эффективной пропагандистской прочеченской кампании общественное мнение США негативно восприняло контртеррористическую операцию России, считая принятые военные меры «несоразмерными» и «неадекватными» [360, с. 160]. В связи с этим американцы обвиняли Москву в жестоких бомбардировках российской армией чеченских городов и сел, в результате чего гибнут мирные люди [788, р. 73]. На самом деле, это было очередное лукавство США. Российская сторона объявила о происках ЦРУ [360, с. 161]. Ведь американцы видели в Чечне «ахиллесову пяту» России, поэтому всячески поддерживали чеченцев, помогая подрыву целостности страны. Вашингтон настойчиво призывал Москву к переговорам с чеченскими сепаратистами. Б. Клинтон во время встреч с В. В. Путиным неединожды поднимал чеченскую тему, что серьезно омрачало их атмосферу [485, с. 179].

Разумеется, для выстраивания конструктивного сотрудничества с Вашингтоном на ближайшие годы большое значение имели ноябрьские выборы в США. Несмотря на ухудшение российско-американских отношений в конце 1990-х гг. в связи с расширением НАТО на Восток и агрессией альянса против СРЮ для руководства России более приемлемой представлялась победа кандидата от Демократической партии – вице-президента А. Гора, выступавшего за продолжение клинтоновского курса на интеграцию РФ в западное сообщество. Немаловажным был и тот факт, что его уже достаточно хорошо знали в Москве. К тому же демократы заявляли о своей готовности к компромиссам в переговорах с Россией относительно ряда спорных вопросов [566, с. 514]. Хотя при этом реальный статус РФ они определяли не иначе, как «страны, проигравшей Холодную войну» и «отсталой страны с ядерными боеголовками».

Республиканцы в предвыборных выступлениях обвиняли демократов в «мягкотелой» политике в отношении РФ, прежде всего, в пассивности в «продвижении демократии» как в самой России, так и на постсоветском пространстве в целом [566, с. 514]. Ими игнорировался тот факт, что администрации

Клинтона удалось наладить с Москвой партнерские отношения в военно-стратегических вопросах, а также добиться сбалансированного понижения уровня арсеналов ОМУ. Большой резонанс в Америке вызвали скандалы, связанные с размещением в банках США и других западных стран крупных денежных сумм, похищенных в России из средств, выделенных ей МВФ за счет американских взносов [196, с. 153–154]. Для республиканцев Россия представлялась «державой в процессе упадка». Поэтому они были готовы к жесткому противостоянию с Москвой в «духе Рейгана», если она не впишется в политику США и не будет соответствовать установленным стандартам и требованиям западного мира. К жесткому курсу на российском направлении новую администрацию призывали и многие аналитики из американских «мозговых центров». Например, экс-сотрудник ЦРУ У. Одом считал Россию ослабевшей страной, с которой не следует слишком церемониться [834, р. 59].

Особенно агрессивно были настроены так называемые «вулканы», вошедшие в окружение Дж. Буша-мл. Они заявляли, что в случае необходимости готовы к противостоянию с РФ, поскольку считали, что политика жесткого давления, имевшая успех в 1980-е гг. в отношении СССР, может быть успешной и в отношении более слабой России. Как справедливо отмечал известный российский американист А. И. Уткин, для Р. Чейни, Д. Рамсфелда, К. Райс, П. Вулфовица, Дж. Болтона и других представителей администрации Буша-мл. сближение с РФ не отвечало национальным интересам США [620, с. 696]. Так, К. Райс, консультировавшая Дж. Буша-мл. в период президентской гонки по внешнеполитическим вопросам, прямо заявляла о возможности проведения политики сдерживания РФ [901, р. 292]. По ее мнению, Россия могла быть в числе важнейших стран мира, но только при условии подобающего поведения с ее стороны [502, с. 217]. Однако В. В. Путин в глазах неоконсерваторов представал реставратором государственного контроля над экономикой и лидером жесткого типа, что воспринималось ими с недоверием и тревогой [60, с. 163–164].

Неудивительно, что старт у Москвы в отношениях с администрацией Буша-мл. получился довольно сложным. У пришедших к власти республиканцев было ярко выраженное негативное отношение к России. Неоконсерваторы, занявшие важные посты в Пентагоне, Госдепартаменте и Совете по национальной безопасности, призывали Дж. Буша-мл. отказаться от излишней «романтики», присущей администрации Клинтона, и перевести российско-американские отношения в русло прагматизма и предсказуемости [873, р. 76]. В окружении Дж. Буша-мл. В. В. Путина рассматривали как «человека из КГБ» [873, р. 77] и «продукт советского режима», что свидетельствовало об отношении новой администрации к российскому президенту и делало маловероятным установление конструктивных отношений между двумя странами. Тем более что в марте 2001 г. случился шпионский скандал, связанный с обнаружением туннеля под посольством РФ в Вашингтоне, после чего последовала высылка российских дипломатов из США [502, с. 217]. Правда, министр иностранных дел России И. С. Иванов, являвшийся сторонником сближения с Западом, предположил, что подобные действия американцев не являются чем-то экстраординарным и периодически случаются. Поэтому он призвал не заострять

на шпионской истории слишком много внимания, считая, что после ответных действий Москвы инцидент исчерпал себя и российско-американские отношения продолжили свое развитие [232].

В целом среди американской элиты, по словам Т. Грэма, росло убеждение в ненужности формирования хороших отношений с Россией, которую можно списать в анналы истории в качестве великой державы, что являлось полным заблуждением [753, р. 74]. Вашингтон был готов иметь дело с Россией как второстепенной страной на мировой арене, покорно слушающей рекомендации из Соединенных Штатов и соблюдающей американские правила поведения. В феврале 2001 г. была даже предпринята попытка упразднить отдельные «российские» подразделения и структуры Государственного департамента и Совета по национальной безопасности США, поскольку в новой американской администрации Россию рассматривали как приоритет из второго ряда, а не какой-то «особый случай» [502, с. 217].

Однако, как справедливо отмечал А. И. Уткин, стать средней державой РФ не могла даже по чисто психологической причине: «полтора миллиона жителей России органически, по воспитанию и исходя из самооценки не согласны с участью удовлетвориться судьбой средней, второстепенной державы. При всех стараниях практически невозможно имплантировать в национальное сознание граждан России согласие с второстепенным характером международной роли страны, согласие с ее маргинальностью» [620, с. 644]. Нельзя забывать того факта, что за всю свою более чем тысячелетнюю историю Россия – единственная из незападных стран, которая никогда не была колонией Запада. Наличие в русском цивилизационном коде генома независимости и приводило к нарастанию российско-американских противоречий.

В какой-то степени парадоксом было то, что, считая Россию «падающей державой», большая часть американского истеблишмента, ответственного за принятие внешнеполитических решений, была убеждена, что основная угроза национальной безопасности Соединенным Штатам по-прежнему исходит от нее [330, л. 118]. Так, советник Дж. Буша-мл. по национальной безопасности К. Райс в одном из своих первых интервью после вступления в должность заявила: «Я искренне считаю, что Россия представляет опасность для Запада вообще и для наших европейских союзников в частности. Ни они, ни мы еще не осознали в полной мере ту опасность, которую таят в себе ядерный арсенал и баллистические средства доставки Кремля» [258, с. 101–102]. Поэтому начало 2001 г. в российско-американских отношениях прошло в атмосфере определенной напряженности. Одной из причин стал и шпионский скандал, связанный с разоблачением и арестом российского «суперкрота» – ответственного сотрудника ФБР Р. Ханнсена [360, с. 161]. Этим объяснялось нежелание избранного президента США встречаться с российским коллегой. Только в мае 2001 г. Дж. Буш-мл. позвонил В. В. Путину, что наконец-то положило начало диалогу [502, с. 218]. Хотя между главами дипломатических ведомств рабочие отношения установились практически сразу же. По словам И. С. Иванова, уже во время первой встречи с К. Пауэллом в Каире в конце февраля 2001 г., госсекретарь предложил решать имевшиеся вопросы без лишних формальностей, что

пришлось российскому министру по душе, поскольку позволяло урегулировать имеющиеся проблемы [232]. К. Пауэлл был патриотом своей страны, но не являлся ястребом. Госсекретарь выступал за диалог, за продолжение переговоров по контролю над вооружениями, за взаимодействие в кризисных регионах, прежде всего на Ближнем Востоке. К тому же, в отличие от многих представителей американской элиты, он с большим уважением относился к России [222]. Такой подход разделял и И. С. Иванов. Он считал, что РФ и США как ведущие державы мира должны сотрудничать. Тем более что сфера взаимодействия Москвы и Вашингтона значительно шире, нежели пространство для противоречий. Министр был убежден, что в 1990-е гг. страны серьезно продвинулись вперед: большинство россиян перестали ощущать угрозу со стороны Америки [232]. Разногласия и недопонимание между Москвой и Вашингтоном он объяснял существующими стереотипами времен Холодной войны.

К апрелю 2001 г. администрация Буша-мл. несколько изменила свое отношение к российскому направлению. По словам советника президента по национальной безопасности К. Райс, высказанным 1 апреля членам делегации экспертов из России, о том, что США не собираются конфликтовать с РФ, а хотят наладить партнерство. По мнению А. К. Пушкиова, являвшегося участником данной встречи, причиной подобного поворота администрации Буша-мл. стало обострение американо-китайских отношений в связи со столкновением китайского истребителя с американским самолетом-разведчиком над Южно-Китайским морем [485, с. 181–182]. В Госдепартаменте также заявили, что Вашингтон должен более активно взаимодействовать с Москвой по широкому кругу вопросов. Затем, 1 мая Дж. Буш-мл. в своей речи в Университете национальной обороны подчеркнул, что двум странам нужно работать сообща в целях создания фундамента всеобщего мира [659, с. 286]. Таким образом, в отношении России Вашингтон продолжил реализовывать модель, разработанную еще администрацией Клинтона: диалог/вовлечение – критика/угрозы – диалог/обещания [650, с. 160].

Российское руководство, наоборот, хотело добиться взаимопонимания с американцами. Москва была открыта к конструктивному диалогу с новой американской администрацией и ждала соответствующих шагов со стороны Белого дома. Таким шагом стала встреча 16 июня 2001 г. В. В. Путина и Дж. Буша-мл. в замке Брдо в словенской Любляне, в результате которой между ними были установлены доверительные отношения. После двухчасовых переговоров американский президент рассыпался в комплиментах в адрес своего российского коллеги. Широко известно высказывание Дж. Буша-мл. о том, что он заглянул в глаза президента РФ и увидел его душу. По его мнению, «он открытый прямой человек, который любит свою Родину, свою семью, мы разделяем многие ценности, он замечательный руководитель. Я полагаю, что его руководство будет очень полезно для России». На совместной пресс-конференции по итогам прошедшей встречи Дж. Буш-мл. заявил, что Россия не является врагом США, более того «мы можем быть и крепкими партнерами, и друзьями больше, чем вы себе это можете представить» [552]. Позже Дж. Буш-мл., имевший привычку давать всем прозвища, стал называть Путина Пути-Путом (по аналогии с именем цыпленка из детской

книжки) [214, с. 13]. Это могло указывать на достаточно хорошее отношение хозяина Белого дома к своему российскому коллеге.

Со своей стороны В. В. Путин назвал Дж. Буша-мл. человеком, «с которым можно договариваться о чем-то, вести дело, во всяком случае есть надежда на это» [583, с. 40]. Тем самым диалог между Москвой и Вашингтоном возобновился. В результате данной встречи между лидерами двух государств был налажен двусторонний контакт, обозначены исходные позиции сторон по ключевым вопросам мировой политики и намечены ориентиры сотрудничества между Россией и США. Это нашло свое продолжение и во время следующей встречи В. В. Путина и Дж. Буша-мл. на саммите G-8 в итальянской Генуе 21–23 июля, по итогам которой было принято совместное заявление относительно стратегической стабильности.

Правда, как показало время, «дружба» президентов не привела к кардинальному улучшению российско-американских отношений. В. В. Путин неверно оценил намерения и политику Вашингтона. Такие проблемы, как расширение НАТО на Восток, НПРО, конструктивного решения не получили. Исключением стало разве что взаимодействие Москвы и Вашингтона в рамках проведения антитеррористической операции в Афганистане после терактов в США.

События 11 сентября 2001 г. открыли новую главу в российско-американских отношениях. Как отметили по горячим следам известные политологи Т. Колтон и М. Макфол: «Мы входим в новую, еще неопределенную эру взаимодействия с Россией, которая определит контуры наших отношений в будущем» [718, р. 46]. Действительно, у российского руководства было два пути реагирования на произошедшие события. Либо действовать в логике противостояния, выразив соболезнования по поводу жертв террористических атак, возложить ответственность за случившееся на Соединенные Штаты, либо оказать поддержку американцам. Кремль выбрал второе.

11 сентября 2001 г. В. В. Путин, используя прямую линию, одним из первых выразил свои соболезнования президенту Дж. Бушу-мл. На следующий день российский представитель в ООН С. В. Лавров поддержал в Совете Безопасности резолюцию об адекватном ответе мирового сообщества на террористические атаки в Нью-Йорке и Вашингтоне. Глава МИДа РФ И. С. Иванов заявил, что «необходимо объединять усилия России, США, международного сообщества, чтобы совместно противостоять тем опасным угрозам и вызовам, с которыми человечество сталкивается в XXI веке» [513]. На следующий день, 12 сентября 2001 г., он встретился с американским послом в РФ А. Вершбоу и предложил рассмотреть вопросы совместной борьбы с терроризмом в ходе встречи лидеров стран G-8 [512]. 13 сентября Москва присоединилась к усилиям Запада по борьбе с международным терроризмом [659, с. 287].

Кроме того, демонстрируя свою дружественную позицию, Москва в октябре 2001 г. пошла на закрытие своего Центра радиоэлектронной разведки в Лурдесе (Куба) и военно-морской базы в Камрани (Вьетнам), что вызвало резкие возражения со стороны коммунистов в Госдуме и критику многих комментаторов из числа так называемых патриотических кругов, заявлявших

об отсутствии у руководства страны глобальных интересов и амбиций за пределами постсоветского пространства [341, с. 135]. Начальник Генштаба А. В. Квашнин обосновывал закрытие данных объектов финансовыми издержками [341, с. 134]. Однако, понятно, что дело было не в деньгах. Этими шагами руководство РФ показывало Западу свою искреннюю готовность к сотрудничеству. Для Москвы стабилизация ситуации в Афганистане отвечала национальным интересам страны. По мнению директора ИСКРАН С. М. Рогова, при возникновении общего врага все остальные проблемы стали на некоторое время второстепенными. В случае России – это Договор по ПРО, расширение НАТО на Восток, экономические вопросы т.д. [495, с. 3].

При этом сами Соединенные Штаты особо не пытались выстраивать реальное, а не мнимое, партнерство с Россией [689]. Более того, в американских политико-академических кругах российское стремление помочь США рассматривалось отдельными экспертами как некий «торг» [766, р. 30–31]. Конечно, в свете проведения антитеррористической операции в Афганистане и занятой Россией позиции американцы значительно приглушили критику российского руководства за действия в Чечне. Вашингтон начинал войну с терроризмом, и Россия была нужна ему в качестве союзника [718, р. 58; 920, р. 66].

Дальнейшее сближение В. В. Путина и Дж. Буша-мл. произошло 13–15 ноября 2001 г. в Кроуфорде, когда американский президент пригласил российского коллегу на свое ранчо. Там лидеры двух стран катались на электрокаре, ели барбекю, носили ковбойские шляпы, подчеркивая тем самым дружеский характер этой встречи. В Совместном заявлении о новых отношениях между Россией и США говорилось о том, что ни одна из сторон не рассматривает другую в качестве противника или источника угроз. В документе подчеркивалась важность принципа верховенства закона. Это предполагало, что стороны в своих совместных действиях обязуются руководствоваться нормами международного права [555, с. 562–563]. В российских и американских СМИ понизился уровень критики в адрес друг друга, появились более благожелательные оценки деятельности двух держав. Кроме того, Соединенные Штаты пообещали России отменить поправку Джексона – Вэника, а также оказать поддержку для вступления в ВТО, способствовать реструктуризации долгов и т.д.

Кроуфордская встреча стала несомненным успехом личной дипломатии В. В. Путина, который смог предложить своему коллеге взаимовыгодную повестку отношений. А. К. Пушков охарактеризовал ее следующим образом: Россия поддерживает США в важных для американцев сферах, а они воздерживаются от действий, ставящих под угрозу российские интересы там, где это важно для РФ [485, с. 187].

В результате на несколько месяцев Москвой и Вашингтоном была заложена конструктивная модель двустороннего сотрудничества. Очевидно, что в сложившихся условиях РФ и США нуждались друг в друге в качестве партнеров для решения глобальных и региональных проблем. Это нашло отражение в Московской декларации о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки, которая была подписана во время визита Дж. Буша-мл. в Россию в мае 2002 г. В ней

говорилось о продолжении интенсивного диалога по актуальным международным и региональным проблемам как на двусторонней основе, так и в рамках международных форумов, включая СБ ООН, G-8, ОБСЕ. Стороны декларировали переход к новому формату взаимодействия, окончательно лишённого пережитков эпохи Холодной войны. Среди основных направлений сотрудничества назывались: борьба с международным терроризмом; государственное переустройство Афганистана; урегулирование региональных конфликтов на Балканах, в Приднестровье, Абхазии и Нагорном Карабахе; координация действий России и НАТО в рамках создаваемого Совета Россия – НАТО; преодоление кризиса на Ближнем Востоке [381].

В ближайшие месяцы данная повестка неоднократно упоминалась представителями руководства обеих держав в контексте развития российско-американских отношений. Так, о заинтересованности России в развитии дружественных отношений с Соединёнными Штатами В. В. Путин говорил 12 июля 2002 г. в МИДе РФ на расширенном совещании с участием послов: «Доверительное партнёрство России и США – не только в интересах наших народов. Оно оказывает позитивное воздействие на всю систему международных отношений и потому остается одним из наших безусловных приоритетов» [561, с. 740].

Со своей стороны Россия была названа в числе стратегических союзников Америки в Стратегии национальной безопасности США, принятой в 2002 г. В ней указывалось о построении новых стратегических отношений с РФ на бесконфронтационной основе [818]. Благожелательное отношение к РФ нашло отражение в публичных заявлениях представителей администрации Буша-мл. Так, в октябре 2002 г. госсекретарь К. Пауэлл, перечисляя темы, по которым у Москвы и Вашингтона имелись схожие позиции, называл следующие: терроризм, нераспространение ОМУ, сокращение ядерных арсеналов, сотрудничество по линии Россия – НАТО, экономическое взаимодействие, освоение космоса, развитие демократии [732, р. 174]. Согласно госсекретарю США, несмотря на отдельные расхождения сторон по Ираку, Ирану, Чечне, развитию демократических процессов в РФ, российско-американские отношения вышли на доверительный уровень, который позволяет успешно разрешать существующие разногласия [845, р. 34]. Тогда у некоторых наблюдателей даже возникло впечатление, что Москва вновь согласилась на роль «младшего партнера» Вашингтона [787, р. 22].

По мнению многих экспертов, в какой-то мере в начале XXI в. Россию и США сблизил «идеологический фактор» в лице консервативных элит, находящихся у власти в обеих странах, которые легче находили взаимопонимание друг с другом по таким вопросам, как борьба с международным терроризмом и предотвращение распространения ОМУ [443, с. 122]. На какой-то момент времени российско-американские отношения действительно наполнились позитивной повесткой. Можно сказать, стороны достигли своего «исторического апогея» [750, р. 318]. Хотя многим казалось, что совпадение базовых ценностей и наиболее насущных национальных интересов придали российско-американским отношениям характер долговременного стратегического союзничества

[28, с. 47]. Исходя из этого, у части российской политической элиты вновь возродились ожидания стратегического партнерства с США.

Многие в Москве понадеялись, что в обмен на российскую поддержку в борьбе с терроризмом Вашингтон прекратит критику внутривнутриполитической ситуации в РФ, а также будет расширено экономическое сотрудничество и взаимодействие в сфере безопасности. Так, вице-спикер Госдумы яблочник В. П. Лукин отмечал, что общие цели в борьбе с терроризмом могут стать прочной основой для развития партнерских отношений между Москвой и Вашингтоном. Вторым мотив к сближению с Соединенными Штатами он видел в том, что в условиях партнерских отношений с наибольшей степенью полноты и эффективности реализуются российские национальные интересы [665, с. 213–214]. В. П. Лукин подчеркивал, что вместе с Америкой Россия может быть значительно более серьезным и влиятельным игроком на международной арене, чем если будет в конфронтации с ней [665, с. 215]. По его мнению, РФ должна занять свое особое место в евроатлантическом регионе, став своеобразным мостом между Европой и Америкой [350, с. 104]. Другой видный представитель партии «ЯБЛОКО» – В. Л. Шейнис отмечал, что «главный национальный интерес России мыслится в том, чтобы возможно более органично включиться в процессы глобализации, хотя бы и не в качестве доминирующей в них силы...» [571, с. 37].

После терактов 11 сентября 2001 г. в лучшую сторону изменилось восприятие Соединенных Штатов и у российской общественности. Хотя россияне и не питали особых иллюзий относительно дружественности Америки к России. Так, в конце года, несмотря на то, что российские СМИ активно обсуждали выход Вашингтона из договора по ПРО, враждебным по отношению к РФ государством США считали 44% опрошенных, а дружественным – уже 38%. При этом только 20% россиян заявили, что плохо относятся к Америке [367, с. 131–132]. При этом суждения россиян об Америке напрямую зависели от их политических взглядов и электоральных предпочтений: например, сторонники В. В. Путина в два раза чаще высказывались в адрес США и российско-американских отношений положительно, чем сторонники Г. А. Зюганова [9, с. 150]. Но в целом трагедия в Америке не изменила отношение российской общественности к этой стране. Большинство населения России увидело за намерением США бороться с международным терроризмом иные цели, направленные на достижение их политических и экономических интересов в мире [450, с. 714]. Россияне продолжили негативно оценивать поведение Вашингтона на мировой арене, правда, эта неприязнь не распространялась на отношение к простым американцам [9, с. 145]. Но, если верить Э. Я. Баталову, «носителем» антиамериканизма в России в основном была политическая элита. Согласно ученому, антиамериканские настроения проявляли около 20–22% россиян, однако только примерно 7% являлись истинными «ненавистниками США» [39, с. 30]. Тем самым многие россияне разграничивали свое отношение к США как к стране и ее населению и поведению американского истеблишмента.

Вскоре оказалось, что надежды России на длительные конструктивные отношения с США несостоятельны. Российское руководство не приняло

во внимание реальные тенденции во внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов. Тем самым внешнеполитические инициативы Москвы не получили отклика в Вашингтоне [910, р. 68]. Дело в том, что к началу 2000-х гг. в Америке, по сути, сложился двухпартийный консенсус относительно России. Многие республиканцы и демократы были готовы к проведению жесткой политики на российском направлении в случае, если Москва будет стремиться усиливать свое влияние в мировой политике [506, с. 54, 57]. К тому же неоконсерваторы из окружения Дж. Буша-мл. решили использовать сложившуюся ситуацию для укрепления американского доминирования в мире. Так, Соединенные Штаты под предлогом борьбы с террористами осуществили крупное геополитическое наступление в Центральной Азии и на Кавказе – регионах, которые Россия считала зонами своих жизненно важных интересов.

Только «антитеррористическая повестка дня» оказалась не в состоянии «вытянуть» и стабильно удерживать российско-американские отношения на кардинально новом уровне [496, с. 24]. Москва была готова плотно сотрудничать с Вашингтоном в реальной борьбе с терроризмом, но никак не в реализации американцами идеи однополярного мира [502, с. 221]. Поэтому принятая в сентябре 2002 г. администрацией Дж. Буша-мл. Стратегия национальной безопасности не встретила в России поддержки, хотя в ней РФ называлась союзником по борьбе с терроризмом, несмотря на наличие ряда спорных вопросов в российско-американских отношениях [818]. Москва раскритиковала идею включения Вашингтоном тех или иных стран в так называемую «ось зла», поскольку это не соответствовало международному праву.

Известный американист А. И. Уткин в свое время задал вполне закономерный вопрос: что России дал новый союз с Западом? И дал на него весьма справедливый ответ: РФ понадобилась Соединенным Штатам на слишком короткое время, после чего наступили «геополитические будни». Америка воспользовалась войной с международным терроризмом для расширения своего геополитического влияния в Евразии [620, с. 672].

Наметившийся в 2001 г. прогресс в развитии российско-американских отношений во многом базировался на личных контактах между президентами Бушем и Путиным и на антитеррористическом сотрудничестве двух государств. Межгосударственные же отношения оставляли желать много лучшего, что объяснялось наличием несовпадающих взглядов сторон друг на друга [400, с. 7–8]. К примеру, американцы наложили ограничения на ввоз российской стали, приняли решение о направлении военных советников в Грузию, начали вещание на чеченском языке на Чечню посредством радиостанции «Свобода», отказали Москве в праве решающего голоса на заседаниях будущего Совета Россия – НАТО. РФ на все это ответила лишь отказом на месяц закупать куриные «ножки Буша», якобы зараженные сальмонеллезом [489, с. 126].

Когда 14 июня 2002 г. Вашингтон официально вышел из Договора по ПРО, Москва в ответ вышла из Договора СНВ-2, хотя только что подписанный Московский договор еще не был ратифицирован ни Сенатом США, ни Госдумой РФ [330, л. 120]. Тем самым стороны продолжили руководствоваться

в двусторонних отношениях принципом сотрудничества-соперничества. Поведение США привело к усилению антиамериканских настроений в России.

С приходом в Кремль В. В. Путина в коридорах власти значительно увеличилось количество выходцев из силовых структур, которые были настроены на более решительное отстаивание национальных интересов на мировой арене. С этого времени государственные СМИ РФ стали более единообразными в оценках США и их действий в мире, что содействовало формированию нужного властям общественного мнения. Несмотря на наличие альтернативных источников информации, представленных негосударственными и зарубежными СМИ, а также набиравшими силу электронными ресурсами, восприятие большинством россиян Америки формировалось под влиянием официальной точки зрения Кремля и МИДа. На телевизионном информационном поле доминирующие позиции заняли четыре федеральных канала: «Первый», «Россия 1», НТВ и «Россия 24». Государственный контроль над ведущими СМИ обеспечил эффективное создание у населения страны необходимых представлений о США. Можно полностью согласиться с мнением о том, что общественные настроения россиян «колебались вместе с тоном новостей по федеральным телеканалам» [110]. В качестве главных причин, отдаляющих США и Россию друг от друга, россияне назвали «высокомерное отношение американцев к другим народам» (38%), «стремление американских властей к расширению своего могущества» (36%) и их «нежелание считаться с интересами других стран» (32%) [109].

Правда, необходимо отметить и тот факт, что в силу относительной слабости России по целому ряду параметров мощи нередко руководство страны не могло себе позволить следовать за антиамериканскими настроениями в обществе и допускать какие-либо острые выпады против Вашингтона, чтобы не спровоцировать ненужную конфронтацию с Соединенными Штатами. Поэтому в публичной риторике высшее руководство России придерживалось сдержанной критики в адрес США. Так, в январе 2003 г. В. В. Путин, выступая в Киеве, подчеркивал хороший уровень взаимоотношений с Америкой. По его словам, РФ дорожит достигнутым. Он убеждал аудиторию в наличии эффективного диалога с Вашингтоном по разрешению актуальных международных проблем. Однако «это не значит, что наши мнения и взгляды полностью совпадают. Напротив, мы очень часто подходим к тем или иным проблемам по-разному. Но качество отношений, достаточно доверительных, не позволяет нам каких-то ухудшений межгосударственных связей» [116].

При решении проблем мировой политики Москва в отличие от Вашингтона делала акцент на роли ООН. РФ была заинтересована в сильной международной организации, в которой никто не мог бы манипулировать мнением и особенно действиями ее генсеков [152, с. 25]. Однако вашингтонские неоконны мыслили иначе. Как заявлял в свое время Дж. Болтон, являвшийся американским представителем в ООН: «Такого явления, как Объединенные Нации, не существует. Налицо международное сообщество, которым время от времени, когда это соответствует нашим интересам, руководит единственная реальная сила, что существует в мире, и это Соединенные

Штаты» [152, с. 21]. Именно подобный подход американцы и продемонстрировали в связи с иракскими событиями.

В результате американского вторжения в Ирак в марте 2003 г. российско-американские отношения значительно ухудшились. Москва осудила решение действия Вашингтона. В России считали, что не следует использовать силу, поскольку еще не исчерпан потенциал политико-дипломатических средств для решения тех задач, которые поставлены в принятых ранее резолюциях СБ ООН по Ираку [236].

Негативная реакция В. В. Путина на решение администрации Буша-мл. объяснялась как внутривнутриполитическими соображениями (начало избирательной кампании, опасения недовольства мусульманского населения страны), так и противодействием политике США со стороны Франции и Германии [258, с. 73].

В свою очередь И. С. Иванов, критикуя действия американцев, отмечал, что Вашингтону не нужно неудачу с поисками У. бен Ладена пытаться компенсировать обличением иракского режима как главного центра зла на планете [238].

С резкой критикой в адрес американцев высказались многие представители российской политической элиты. Так, агрессором Вашингтон называли лидеры КПРФ и ЛДПР. Даже яблочники раскритиковали действия Соединенных Штатов.

Большинство россиян также придерживалось откровенно антиамериканской позиции, которая была смягчена лишь после того, как российский президент заявил, что «Россия не заинтересована в поражении США» [564, с. 106].

Разница взглядов сторон на решение иракской проблемы не могла не сказаться на атмосфере двусторонних отношений. Поэтому, если, несмотря на разногласия, взаимоотношения между двумя лидерами остались доверительными, то на межгосударственном уровне события в Ираке серьезно усилили разногласия между Москвой и Вашингтоном.

В результате по обе стороны океана заговорили о «ценностном разрыве» как первопричине взаимного недоверия. Первым об этом заговорил в ноябре 2003 г. американский посол в Москве А. Вершбоу. Он назвал «ценностный разрыв» главным препятствием на пути формирования партнерства между Россией и Америкой [291, с. 265].

Снизить градус возникшей напряженности в российско-американских отношениях должны были две встречи В. В. Путина и Дж. Буша-мл. в Санкт-Петербурге (31 мая – 1 июня 2003 г.) и Кэмп-Дэвиде (23–27 сентября 2003 г.). Для президента США хорошие отношения с президентом РФ были весомым ответом на критику демократов, утверждавших о подрыве позиций США в мире из-за войны в Ираке. Ведь Дж. Буш-мл. изображал дружбу с В. В. Путиным как свое личное достижение, особенно в сравнении с Б. Клинтонем, у которого в конце 1990-х гг. испортились отношения с Б. Н. Ельциным. Поэтому для него было важно вернуть контакты с российским коллегой на доиракский уровень. Кроме того, Дж. Буш-мл. понимал, что без Москвы

Вашингтону будет трудно действовать в Евразии, особенно в сфере борьбы за нераспространение ОМУ [489, с. 129–130].

Во время визита президента США в Россию было принято совместное заявление о новых стратегических отношениях, а во время визита президента РФ в Америку лидеры двух стран обсудили широкий круг вопросов относительно борьбы с международным терроризмом, предотвращения распространения ОМУ, ситуации на Ближнем Востоке, урегулирования северокорейской ядерной проблемы, укрепления взаимодействия России и НАТО и т.д. По итогам проведенных встреч В. В. Путин назвал взаимодействие с США конкретным и прагматичным сотрудничеством [561, с. 742].

Тем самым отношения с Соединенными Штатами Москвой были выровнены, но в основном на американских условиях. Тем более что окончательно снять имевшие место противоречия в российско-американских отношениях лидерам двух стран не удалось. В частности, в 2003 г. со стороны Соединенных Штатов усилилась критика в адрес России за ее внутреннюю и внешнюю политику. Американцы обвиняли российское руководство в росте авторитаризма в стране, неэффективности и неискренности в борьбе с терроризмом на примере Чечни, попытках влиять на элиты ННГ. Со своей стороны Кремль усмотрел в американском поведении угрозу национальным интересам России. Когда выяснилось, что Вашингтон намерен осуществлять «продвижение демократии» на постсоветском пространстве и вмешиваться во внутренние дела РФ, напряженность между Москвой и Вашингтоном значительно возросла.

Осенью 2003 г. Кремль подвергся мощным нападкам со стороны значительной части американского истеблишмента в связи с арестом 25 октября олигарха М. Б. Ходорковского. Особую активность в критике российского руководства проявили члены Конгресса. Так, 9 декабря 2003 г. по предложению сенатора Р. Лугара сенатский Комитет по международным делам принял резолюцию с осуждением Кремля за арест опального олигарха. Американцы расценивали заключение М. Б. Ходорковского под стражу как политическую акцию Москвы и отступление от законности и демократии. Конгрессмены Т. Лэнтос и К. Кокс сформировали в Конгрессе российский демократический консенсус, осуждавший политику В. В. Путина внутри РФ [506, с. 68–69]. В ноябре 2003 г. и марте 2004 г. ярые русофобы, вроде заместителя министра обороны Р. Перла, сенаторов Дж. Маккейна, Дж. Либермана, К. Кокса и конгрессмена Т. Лэнтоса, предлагали исключить Россию из «большой восьмерки» по причине сворачивания демократических свобод в РФ [291, с. 267; 506, с. 69]. Правда, сам Дж. Буш-мл. публично хранил молчание относительно ареста опального олигарха вплоть до завершения судебного процесса по «делу ЮКОСа» в мае 2005 г. [330, л. 121].

В 2003–2004 гг. круг представителей властной элиты США, демонстрировавших хотя бы риторическую приверженность тезису о партнерстве и дружбе с Россией, стремительно сужался. Со стороны Вашингтона нарастало количество действий, противоречивших сделанным заявлениям и обещаниям, провозглашенным ранее принципам. К концу первого президентского срока В. В. Путина дружественность сохранилась лишь в отношениях двух

президентов [650, с. 166]. Среди американской политической элиты российский лидер стал приобретать репутацию опасного и сложного для переговоров собеседника [214, с. 17].

Одной из серьезных проблем России на американском направлении было отсутствие пророссийского лобби в США. Несмотря на то, что в Соединенных Штатах проживало около трех миллионов человек, имевших русское происхождение, они так и не смогли создать эффективные лоббирующие структуры, которые бы успешно работали на улучшение атмосферы двусторонних отношений. Этот факт стал одним из важных факторов успеха русофобии в американской политике. По сравнению с другими этническими лобби в Америке – еврейским, арабским, восточноевропейским, латиноамериканским, тайваньским и др. – русские в американской политике попросту отсутствовали, что позволяло русофобам успешно «лепить» из России образ врага.

В целях решения проблемы отсутствия лоббистских структур среди русскоязычной диаспоры Э. Ф. Лозанский предлагал следующие шаги: 1) формирование положительного образа РФ как надежного партнера и союзника США в борьбе с терроризмом и распространением оружия массового уничтожения; 2) создание специального информационного центра в Соединенных Штатах для предоставления объективной информации о текущих общественно-политических событиях в России; 3) развитие деловых, культурных, научных, образовательных и других связей между двумя странами; 4) открытие работающих на постоянной основе выставки инвестиционных проектов; 5) проведение различных организационных мероприятий, посвященных сотрудничеству и сближению двух стран; 6) работа над отменой дискриминационных по отношению к России законов [344, с. 238]. В последующие годы кое-что из предложенного российские власти попытались реализовать, но должного эффекта это не принесло.

29 марта 2004 г. произошло еще одно знаковое для российско-американских отношений событие – очередное расширение НАТО на Восток. Несмотря на несогласие Москвы, в альянс вступили семь новых государств ЦВЕ, включая Латвию, Литву и Эстонию. Тем самым Соединенные Штаты в очередной раз продемонстрировали России свое отношение к конструктивному и доверительному сотрудничеству с ней.

В результате интерес Москвы к развитию обоюдных взаимовыгодных отношений с Вашингтоном стал падать. Между странами обострились острые, фундаментальные различия в подходе сторон к формированию нового мирового порядка, решению международных проблем, пониманию сущности международного права и т.д. Поэтому, на наш взгляд, вряд ли справедлива версия журнала «Эксперт» со ссылкой якобы на осведомленный источник, что «назначение главой МИДа Лаврова означает, что “стратегическим другом” России выбрана Америка, а не Европа. Это, в свою очередь, означает, что другом номер два для России будет Китай, так как именно он является в данный момент тем центром силы, который больше всего беспокоит США. Следовательно, мы будем строить тесные партнерские отношения с ними обоими» [575]. Правда, несмотря на усилившиеся разногласия между Москвой и Вашингтоном, россияне

относились к Соединенным Штатам достаточно позитивно. По данным опросов ВЦИОМ, в 2004 г. 48% респондентов воспринимали Америку положительно, а 41% – негативно [141, с. 82].

Таким образом, в период своего первого президентства В. В. Путин хотел улучшения отношений с США. На момент его прихода в Кремль российско-американские отношения переживали очередной кризис, связанный с разным видением Москвой и Вашингтоном целого ряда актуальных проблем мировой политики и международной безопасности. Российское руководство не хотело усугублять наметившуюся конфронтацию между двумя державами. Пришедшая к власти в Соединенных Штатах администрация Дж. Буша-мл. изначально была настроена в отношении РФ агрессивно, однако события 11 сентября 2001 г. изменили отношения между Россией и США в лучшую сторону. Наличие общего врага в лице международного терроризма на время отодвинуло на задний план имевшиеся противоречия. Однако стремление американских неоконсерваторов под предлогом борьбы с террористической угрозой построить однополярный мир свело все усилия по улучшению двусторонних отношений на нет.

В 2003–2004 гг. между Москвой и Вашингтоном проявились серьезные разногласия. В первую очередь, они возникли в связи с американским вторжением в Ирак в обход СБ ООН, активизацией Соединенных Штатов на постсоветском пространстве, дальнейшим расширением НАТО на Восток. Поэтому абсолютно прав был Е. М. Примаков в том, что российско-американские отношения после 11 сентября вызвали оптимизм, но оптимизм умеренный. Для того чтобы стать надежным партнером, США было необходимо изменить свою политику в мире [472, с. 126]. Но Вашингтон пошел иным путем, что привело лишь к дальнейшему ухудшению российско-американских отношений во время второго президентского срока В. В. Путина.

Г Л А В А 6

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГОДЫ ВТОРОГО ПРЕЗИДЕНТСТВА В. В. ПУТИНА (2004–2008 гг.)

В марте 2004 г. В. В. Путин переизбрался на второй президентский срок и тем самым продолжил реализацию внутри- и внешнеполитического курса страны, ориентиры которого были намечены еще в период первого президентства. Конечно, в 2004–2008 гг. в его политике произошли изменения, вызванные рядом факторов, в том числе и действиями Вашингтона. В частности, на протяжении второго президентства В. В. Путина со стороны США существенно усилилась критика поведения российского руководства как внутри страны, так и за ее пределами. Разумеется, Россия в этом плане стремилась не отставать. Для подавляющей части политического истеблишмента двух стран оказались неприемлемыми базовые внешнеполитические принципы друг друга, критиковались конкретные действия Москвы и Вашингтона на мировой арене, национальные интересы характеризовались как неправомерные, что свидетельствовало об усилении русофобии в Соединенных Штатах и антиамериканизма в Российской Федерации. Как справедливо отметил известный российский международник А. Д. Богатуров, очарование «внезапным союзничеством» прошло, а шарм «дружбы президентов» приелся. Наступило время холодных расчетов, возвращавших атмосферу соперничества [64].

По словам С. М. Рогова, администрация Буша-мл. считала, что РФ можно и дальше ставить перед свершившимися фактами, убеждая российское руководство, что действия Вашингтона якобы не угрожают ее интересам [497, с. 94]. Однако Россию перестало устраивать фактическое положение второразрядной страны. По мнению Г. Киссинджера, с которым трудно не согласиться, «страна на протяжении всей своей истории была империей, и ее самосознание зиждется на имперских достижениях» [199, с. 13]. В какой-то степени есть доля справедливости и в словах Зб. Бжезинского о том, что российская элита «жалует, что Москва уже не находится на вершине мировой иерархии, и недовольна тем, что место теперь безоговорочно принадлежит Америке» [55, с. 138]. При этом, как отмечал Г. Киссинджер, не в интересах США доводить Россию до состояния «осажденной крепости», когда русские решат, что им нужно показать все, на что они способны [199, с. 14].

Действительно, по мере выхода из затяжного системного кризиса 1990-х гг. стали усиливаться великодержавные амбиции РФ. У российских властей возникла уверенность, что страна перестала быть слабой. В этом плане российское руководство руководствовалось принципом, нашедшим свое отражение в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной в 2000 г., о необходимости «усиления позиции России как великого государства – одного из влиятельных центров многополярного мира» [283, с. 88].

Благоприятная конъюнктура на энергетических рынках способствовала превращению России в энергетическую сверхдержаву. По времени это совпало с неудачной попыткой Вашингтона окончательно установить Pax Americana, не считаясь с мнением мирового сообщества. С середины 2000-х гг. в российском политико-академическом сообществе стало значительно увеличиваться число людей, которые считали, что у американцев не получилось установить глобальную гегемонию. По мнению А. К. Пушкиова, однополярный «момент» окончательно закончился где-то в 2003–2004 гг., когда Вашингтон переоценил свои возможности, принявшись менять политические режимы на Ближнем Востоке [486, с. 43]. Процесс ослабления Америки в мире отмечали и другие эксперты – например, С. А. Караганов, А. Г. Арбатов, А. М. Мигранян [365, с. 8–9]. Это повлекло за собой активизацию российской дипломатии на международной арене. Хотя в российском экспертном сообществе далеко не все разделяли мнение об ослаблении США. Например, известный американист В. А. Кременюк считал, что запас прочности глобального доминирования Соединенных Штатов не позволяет говорить об опасности эрозии их положения в мире [314, с. 45]. А. И. Уткин также был убежден, что минимум при жизни еще одного поколения США останутся самой сильной державой [620]. С. М. Рогов придерживался точки зрения, что именно в начале 2000-х гг. Америка достигла пика своего могущества и о его закате говорить рано [365, с. 9–10].

В публичной риторике представителей политической элиты России жестко критиковалось и осуждалось внешнеполитическое поведение США в мире, особенно на Большом Ближнем Востоке. Правда, порой абсолютно справедливая критика действий Вашингтона переходила все разумные границы и в патриотическом угаре в вину американцам ставился даже Афганистан, хотя в 2001 г. Москва поддержала антитеррористические усилия администрации Буша-мл. в этой стране. Другое дело, что оккупационный период у западной коалиции не задался. Однако это не стало чем-то неожиданным, не зря Афганистан называют «кладбищем империй».

Важнейшим пунктом, по которому позиции Москвы и Вашингтона разошлись, стала американская политика демократизации мира. У России и США сложилось различное понимание того, как сочетаются западные нормы демократии с традиционализмом той или иной страны, а также в том, правомерно ли насильственное внешнее вмешательство и насаждение демократии [650, с. 167–168]. Вмешательство Вашингтона во внутреннюю политику суверенных государств вызывало нарастающую критику с российской стороны. С середины 2000-х гг. в России увеличилась частота использования термина «вашиingtonский обком», который стал символом глобального надгосударственного властного органа, подконтрольного США и руководящего всеми событиями в мире в обход основных международно-правовых институтов [542, с. 49]. Кстати, на это обращали внимание и в самой Америке. Как признавал американский политолог М. Мэнделбаум, своими действиями Соединенные Штаты вызывали чувство страха в мире [800, р. 147]. По его словам, население других стран все сильнее выражало недовольство доминирующей ролью США на мировой арене [800, р. 145].

Москва последовательно выступала за многополярный мир, отстаивая право суверенных государств на свой собственный путь развития, отвергала гегемонию и диктат даже во имя демократии. В действовавшей Концепции внешней политики РФ, утвержденной в 2000 г., говорилось о том, что Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений на основе взаимного учета интересов и коллективного решения ключевых проблем [278].

Постепенно Москва стала снова ощущать свое величие на международной арене, вновь обретать потерянное достоинство и гордость. РФ начала оперировать такими категориями, как сфера влияния и держава, диктующая свои условия в том или ином регионе мира. Россия была доминирующей силой в прошлом и должна была вернуть этот статус [248]. 12 июля 2004 г. в своем выступлении на совещании послов в МИДе В. В. Путин заявил, что «мы должны использовать любую возможность участия России в формировании справедливого миропорядка, отвечающего интересам безопасности и социально-экономического развития нашего государства» [131]. А спустя два года, в 2006 г., на подобном мероприятии он впервые упомянул об ответственности России за глобальное развитие и призвал привести политическое влияние страны в мире в соответствие с ее возросшими экономическими возможностями [103, с. 265]. Кремль все больше утверждался во мнении, что выстраиваемый Вашингтоном международный порядок нарушает национальные интересы РФ и что разрушение этого миропорядка отвечает объективным законам развития человечества [53, с. 294]. Тем самым, как подчеркивал британский политолог Р. Саква, РФ не отказалась от стремления к участию в формировании нового мирового порядка [881, р. 252]. Правда, в Вашингтоне многие представители политико-академического сообщества сомневались, что Россия станет той великой державой, какой она всегда хотела быть [878, р. 492]. Ее по-прежнему изображали то страной «неудавшейся демократии» и авторитаризма, то просто отстающим в демократизации государством, способным или быть полезным США, или нанести ущерб американским интересам и поэтому тоже достойным внимания [63, с. 265]. Тем не менее в 2006 г. В. В. Путин окончательно превратился в глазах значительной части американской элиты в главного врага США и их интересов в мире [214, с. 260]. Лишь президент Дж. Буш-мл. продолжал поддерживать «дух дружбы» в отношениях руководителей государств. Большинство членов его администрации стояли на позициях резкой критики РФ и были готовы к новому противостоянию. Американские политологи выступили с критическим докладом по России, в котором говорилось о «неверном пути» развития страны и о необходимости свести отношения с ней до минимума [342, с. 208].

В нарастании противоречий американцы обвиняли Москву, позиционируя свои действия исключительно как прогрессивные и конструктивные, направленные на сближение с РФ и стабилизацию международных отношений [342, с. 209]. В связи с ухудшением атмосферы российско-американских отношений 10 февраля 2007 г. В. В. Путин на международной конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене заявил о неприемлемости однополярного мира, о гипертрофированном использовании Вашингтоном военной

силы, нарушении норм международного права со стороны США. По его словам, однополярный мир «в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри» [119]. Речь российского президента стала настоящим шоком для Запада. Многие сочли это выступление даже началом новой Холодной войны. По свидетельству А. К. Пушкина, после речи российского президента на него никто не смотрел. Например, А. Меркель глядела в сторону. Генсек НАТО Я. де Хооп Схеффер нервно стучал по столу. Глава Пентагона Р. Гейтс прятал глаза. Лишь сенатор Дж. Маккейн смотрел на В. В. Путина с таким видом, будто в этот момент и в самом деле началась война [485, с. 220]. Это объяснялось пониманием аудитории, что российский президент представил альтернативную западной геополитическую доктрину.

Действительно, мюнхенская речь Путина стала справедливым требованием изменения американского миропорядка. Правда, Белый дом отреагировал на нее относительно спокойно. Это объяснялось обострением положения в Ираке и Афганистане, поэтому дальнейшее обострение российско-американских отношений не отвечало интересам Вашингтона. Наоборот, Соединенным Штатам требовалось содействие России по ряду актуальных проблем мировой политики и международной безопасности.

В опубликованном весной 2007 г. МИДом Обзоре внешней политики Российской Федерации подчеркивалась приоритетность отношений с США, поскольку от их состояния зависела ситуация в области международной безопасности и стратегической стабильности, эффективность усилий мирового сообщества в борьбе с новыми вызовами и угрозами, а также создание благоприятных внешних условий для решения задач социально-экономического развития страны. Одновременно с этим обращалось внимание на стремление Вашингтона выстроить их по схеме ведущего и ведомого. Указывалось и на существенную разницу в видении мироустройства: «американского однополярного и российского, основанного на многополярности – примате международного взаимодействия в решении глобальных проблем, опоре на международное право и многосторонние институты, прежде всего ООН» [413]. Американцы восприняли данный обзор как непродуктивный документ, не позволяющий осуществлять полноценное сотрудничество между РФ и США [214, с. 356].

Внешнеполитическая активизация Российской Федерации встретила раздражение в США. На официальном уровне Вашингтон признавал Россию великой державой, без которой невозможно решить многие важнейшие проблемы, прежде всего в сфере безопасности. На деле же американская элита рассматривала РФ как страну, проигравшую Холодную войну, слабую политически и экономически, а значит обязанную подчиняться и вести себя по американским правилам. Госсекретарь США К. Райс усмотрела главную проблему российско-американских отношений в неспособности Москвы примириться с западнцентричным миропорядком, установившимся после окончания Холодной войны [868, р. 693].

Таким образом, позиционирование России в качестве независимого центра силы шло вразрез с американскими ожиданиями «послушной России» и вызывало нарастание конфликтного потенциала в двусторонних отношениях.

По-прежнему серьезной проблемой для Москвы в плане снижения остроты и противоречий с Вашингтоном оставалось отсутствие в Америке эффективного пророссийского лобби. Частично это объяснялось непониманием у руководства России важности данного аспекта для успешного развития российско-американских отношений. На территории США не было российских экспертных структур – по примеру Московского Центра Карнеги в России. Российские власти на лоббизм денег тратить не хотели, а крупный российский бизнес поступал как раз наоборот, лоббируя свои интересы в РФ с помощью нагнетания за рубежом антироссийских настроений [63, с. 265]. Конечно, определенные шаги по формированию позитивного имиджа РФ в США предпринимались. Но они имели импульсивный, несистемный и временный характер, что не давало нужного результата. В Вашингтоне устраивались ежегодные российские форумы, в воскресных выпусках газеты «Washington Post» появилась вкладка о России, организовывались лекции и встречи представителей российского делового и политического сообществ в Америке. Так, в Соединенных Штатах выступали Е. Т. Гайдар, К. И. Косачев, С. Б. Иванов, А. С. Волошин, С. В. Кириенко, М. В. Маргелов, А. Н. Илларионов, В. А. Рыжков и др. Нельзя не назвать и российских экспертов, многие из которых являлись глубокими знатоками России и Америки. В качестве примера можно указать на С. А. Караганова, В. А. Никонова, Д. В. Тренина, Л. Ф. Шевцову. Их выступления привлекали внимание американских коллег. Своими выступлениями они реально влияли на то, что и как думали в США о РФ. Именно благодаря им американцы получали возможность лучше понять логику российского политического поведения [214, с. 69–71].

В 2004 г. стартовал Международный дискуссионный клуб «Валдай», ставший важной площадкой для общения представителей политико-академических сообществ России и других стран. Его постоянными участниками явились и многие американские эксперты, получившие возможность общения с представителями российского руководства, в том числе и самим В. В. Путиным.

В 2006 г. администрация президента России заключила контракт с американской лоббистской компанией «Кетчум» по созданию положительного имиджа страны [627, с. 469]. Однако эффект оказался незначительным. Образ РФ в США по-прежнему оставлял желать лучшего.

В числе подобных шагов можно назвать и запуск в 2005 г. англоязычного телеканала «Russia Today», а также проведение совместно с соотечественниками тематических семинаров, выставок русского искусства и других мероприятий. Однако, как справедливо отмечали отдельные эксперты, влияние на американских домохозяек, безработных и фермеров, смотрящих телевизор, на что было направлено создание «Russia Today», не принесет России необходимых результатов в плане улучшения имиджа страны в США. Москве нужно влияние среди американского истеблишмента, формирующего государственную политику США. Для этого в Вашингтоне требовались свои агенты влияния, которые бы позитивно или хотя бы нейтрально относились

к России [306]. Среди таковых отдельные исследователи называли российских соотечественников; деловое сообщество; прагматиков, заинтересованных в двустороннем сотрудничестве; представителей различных религиозных конфессий; русофилов [516, с. 75].

Следует отметить, что Россию недолго любили многие эксперты, занимавшиеся ей профессионально. Именно они во многом формировали американское мнение о Российской Федерации. По признанию некоторых из них, они начали заниматься Россией в молодости под влиянием чтения русской литературы и разговоров о «загадочной русской душе». Однако ожидания, по их словам, не оправдались [214, с. 188–189]. В результате их оценки России оказывались крайне тенденциозными.

Конечно, американцы формировали свое мнение о России не только на основе экспертных оценок. В США начали проводить периодические опросы с целью выяснения, кто является «самым влиятельным русским» в Америке, т.е. кто из живущих там русских в наибольшей степени влиял на формирование имиджа России в Соединенных Штатах. На первых местах в этом рейтинге всегда были российские знаменитости – П. В. Буре, М. Н. Барышников, А. С. Курникова, М. Ю. Шарапова и другие [214, с. 187].

С другой стороны, следует учесть, что создать пророссийское лобби в Америке Москве было крайне проблематично в силу недавнего исторического прошлого двух стран. Главной преградой на этом пути была русофобия политического истеблишмента Соединенных Штатов. Несмотря на завершение Холодной войны и провозглашение российским руководством прозападного курса, среди американской элиты оставались люди скептически и даже враждебно относившиеся к РФ. Россия воспринималась истеблишментом США в качестве побежденной страны, которую американские стратеги пытались перестроить по своим планам. Когда же этого сделать не удалось, Вашингтон стал все больше разочаровываться в посткоммунистической России, усиливая критику российского руководства за коррупцию и нарушения прав человека. Как утверждал А. Вершбоу, занимавший пост американского посла в Москве с октября 2001 по июль 2005 г., Россия не стремится установить хорошие отношения с Соединенными Штатами, а российская оппозиция Кремлю недееспособна [214, с. 196].

В период второго президентства В. В. Путина «фактор демократии» стал определяющим в российско-американских отношениях. Хотя на уровне президентов двух стран все еще поддерживался дух дружбы и стремления к сотрудничеству по всем направлениям, у Вашингтона нарастали серьезные претензии к российскому руководству по причине сворачивания демократии и роста авторитаризма в России. Как известно, реализация внешнеполитического курса США зависела не только от Белого дома, но и Конгресса. И часть американского истеблишмента не разделяла позиции Дж. Буша-мл. по России. Одним из поводов для критики со стороны Вашингтона стало усиление централизации в управлении страной и замедление стимулов для развития рыночных механизмов в российской экономике [506, с. 66]. По оценкам аналитических организаций, индекс РФ в 2000-е гг. в США претерпел серьезные изменения. Если

в 1993–2003 гг. Россия относилась к категории «частично свободных», то с 2004 г. – «несвободных» стран [307, с. 16]. В результате Вашингтон активизировал свои действия по «демократизации» РФ. Так, выступая на слушаниях в Сенате в феврале 2005 г., К. Райс заявила, что США расширят финансирование российских демократических реформ [341, с. 198]. По мнению Г. Киссинджера, Америке следует отстаивать демократические ценности и защищать права человека. Но одновременно Вашингтон не должен пытаться изменить внутривнутриполитическую ситуацию в РФ путем угроз и вмешательства, так как подобные действия приведут к перманентному кризису в двусторонних отношениях [265, с. 180].

С этого времени позиции сторонников России в политико-академическом истеблишменте США стали ухудшаться. По мнению многих американских политиков и экспертов, Москва стала все больше отворачиваться от демократии. Кремль не только отказался от дальнейшего развития демократических институтов в стране, но и начал целенаправленный демонтаж созданных ранее демократических структур [40, с. 325]. Для американского восприятия путинской России стало характерным мнение, высказанное известным советологом, профессором Гарвардского университета Р. Пайпсом о том, что наблюдается возвращение к диктату всевластного государства и обществу с преобладанием антилиберальных настроений [843, р. 13–15]. Разумеется, с подобной трансформацией РФ американский истеблишмент мириться не собирался. Интерес к России как к потенциальному союзнику в Вашингтоне стал стремительно падать и одновременно начали расти антироссийские настроения. Так, в сентябре 2004 г. сенаторы Дж. Маккейн и Дж. Байден инициировали подготовку письма, подписанного сотней ведущих западных политиков и экспертов, к лидерам стран Запада. В нем говорилось, что Россия скатывается к авторитаризму, а российское руководство обвинялось в милитаризме и имперскости, в связи с чем рекомендовалось снизить взаимодействие с властями РФ [506, с. 70]. По этим же причинам указанные сенаторы неоднократно предлагали исключить Российскую Федерацию из G-8. Например, 17 февраля 2005 г. была принята сенатская резолюция о членстве РФ в «группе восьми». 14 мая 2005 г. аналогичная резолюция была принята Палатой представителей по инициативе конгрессмена К. Кокса, где говорилось о том, что американское руководство должно предложить другим членам «восьмерки» приостановить российское членство в группе, если Москва не будет придерживаться норм свободного, демократического общества. Подобное заявление сделал и сенатор Дж. Либерман, охарактеризовавший данные резолюции «ответом на действия президента Путина по подрыву демократии в России» [506, с. 70–71]. Это свидетельствовало о том, что для американской элиты принципы демократии и права человека являются фундаментальной основой политической культуры Соединенных Штатов [214, с. 145]. Поэтому, с точки зрения американского истеблишмента, действия Кремля ведут к дестабилизации страны, потере ею международной легитимности и угрозе для мирового сообщества [214, с. 57]. Как писал главный редактор авторитетного еженедельника «Ньюсвик» Ф. Закария, если бы РФ и КНР стали либеральными демократиями в западном духе, то международное соперничество не исчезло бы, но обстановка в мире была бы более спокойной [200, с. 89].

Лишь единицы американских экспертов, как, например, К. Лэйн, призывали руководство США не вмешиваться во внутренние дела РФ и признать за ней право на свою сферу интересов на постсоветском пространстве в целях налаживания хороших отношений с Москвой [785, р. 188].

Перестав смотреть на Россию как на демократическую страну, Вашингтон изменил свое отношение к ней. Трения между российским руководством и американским истеблишментом набирали обороты, что ухудшало атмосферу двусторонних отношений. Характерным подтверждением этому стали слова С. Б. Иванова, высказанные в 2004 г. в неформальном разговоре с экспертами из США, о том, что непонятно, в каком положении страны находятся по отношению друг к другу – не враги, но уж точно не союзники [214, с. 168]. При этом многие в российских политико-экспертных кругах понимали, что на особую дружбу с американцами рассчитывать не стоит. Они осознавали, что Россия не являлась американским союзником, вроде Германии или Франции, по-сему она должна быть готова к тому, что «ее объявят врагом народа, и тогда возврат к Холодной войне станет неизбежным» в случае жесткого отстаивания своих интересов, расхлывшихся с позицией США [314, с. 80].

Недовольство внутриполитическими процессами, происходившими в России, по укреплению вертикали власти высказывали не только представители Конгресса и американских экспертных кругов, но и члены администрации Буша-мл. Например, в преддверии своего первого официального визита в Москву в качестве госсекретаря в апреле 2005 г. К. Райс в интервью СМИ раскритиковала процесс демократизации в России. По ее словам, «тенденции в области демократии не являются оптимистичными. Централизация власти в руках президента за счет уравнивающих институтов, таких как дума или независимая судебная система, действительно очень беспокоит. Отсутствие независимых СМИ нас очень беспокоит» [276].

В начале 2005 г., перед очередной встречей с В. В. Путиным в Братиславе Дж. Буш-мл. высказал несколько критических замечаний в адрес российского президента, на которые последний отреагировал довольно агрессивно [87, с. 490]. В мае 2005 г. состоялся визит Дж. Буша-мл. в Москву на 60-летний юбилей победы в Великой Отечественной войне. В России американский президент вел себя нейтрально, нигде не выступал и, как обычно, не говорил комплименты в адрес В. В. Путина. К тому же он встретился с российскими правозащитниками и группой активистов гражданского общества. Тогда же Дж. Буш-мл. посетил Грузию и страны Балтии, где вел себя гораздо активнее. Подобное поведение президента США показало Кремлю, что российско-американские отношения движутся в кризисном направлении [214, с. 173].

В 2005 г. после вынесения приговора М. Б. Ходорковскому сенаторы Дж. Байден, Б. Обама, Дж. Маккейн, Р. Вилкерс, Б. Карден, а также конгрессмены Р. Вилкерс, Т. Лантос внесли в Сенат и Палату представителей резолюции, в которых «дело олигарха» было названо политически мотивированным, а сам бизнесмен незаконно осужденным.

Вашингтон открыто взял курс давления на Москву. В связи с принятием в России закона о НПО в декабре 2005 г. помощник госсекретаря по вопросам

демократии, прав человека и труда Б. Лоуэнкрон заявил, что российское руководство действует наперекор демократическим тенденциям в мире, подвергая гражданское общество страны возрастающему давлению. В связи с этим Палата представителей и Сенат приняли резолюции, предложенные конгрессменом Г. Хайдом и сенатором Дж. Маккейном соответственно, в которых содержалось обращение к правительству РФ отозвать и переписать закон о НПО [506, с. 67, 71].

Следующим событием, омрачившим российско-американские отношения, стал разгон правоохранительными органами первого гей-парада в Москве в мае 2006 г. Вашингтон не преминул обвинить российские власти в очередном нарушении прав человека. Разумеется, руководство РФ расценило американскую позицию как вмешательство во внутренние дела страны. В определенной степени разногласия отразились даже на личных отношениях президентов. Подтверждением этому стало довольно прохладное поздравление в июле 2006 г. В. В. Путиным Дж. Буша-мл. с шестидесятилетием [214, с. 273].

В 2006 г. в американском политико-академическом сообществе критика России усилилась в связи с ее вступлением на пост председателя «большой восьмерки» и проведением ее саммита в Санкт-Петербурге. К вышеназванным предложениям американских законодателей об исключении России отдельные представители политико-академического сообщества США рекомендовали Дж. Бушу-мл. не ехать на саммит, а также ужесточить политику в отношении Москвы. Так, в марте 2006 г. сенатор Р. Лугар призвал американского президента во время визита в Санкт-Петербург поставить вопрос о демократии в России [506, с. 75, 77]. Однако подобная позиция не нашла понимания в Белом доме. И тема исключения России из G-8 исчезла из политической повестки Соединенных Штатов до начала избирательной кампании Дж. Маккейна в 2008 г. [214, с. 128]. В частности, в конце 2007 г. с жесткой критикой российского поведения на мировой арене выступили сенаторы Дж. Маккейн и Х. Клинтон, планировавшие побороться за пост президента США на выборах 2008 г. В частности, Дж. Маккейн призвал Россию к «ответственности», заявив, что российское руководство должно изменить свое поведение как внутри страны, так и на мировой арене, в соответствии с демократическими ценностями. Только в этом случае возможно реальное партнерство между РФ и США. В противном случае Москва столкнется с консолидированными странами НАТО, отстаивающими принципы свободы и демократии [805]. Со своей стороны Х. Клинтон обвинила В. В. Путина в подавлении демократических свобод внутри страны и использовании энергетического фактора в качестве инструмента давления на соседние государства, отметила вмешательство Москвы в дела ННГ и препятствие соблюдению режимов нераспространения ОМУ [715].

Нельзя не согласиться с мнением известного американиста В. А. Кременюка в том, что к концу 2000-х гг. РФ утратила приоритетное значение для США. Американский истеблишмент стал воспринимать Россию в качестве региональной державы, представлявшей интерес в зависимости от степени ее влияния на решение тех или иных глобальных или региональных проблем. Вашингтон не рассматривал РФ как державу, претендующую на мировое лидерство.

Россия больше не воспринималась ни как потенциальный противник, ни как потенциальный союзник. Поэтому внешнеполитическая стратегия Соединенных Штатов на российском направлении сочетала в себе элементы соперничества и сотрудничества. Вашингтон нуждался во взаимодействии с Москвой по вопросам борьбы с нераспространением ОМУ, борьбы с международным терроризмом, решения глобальных проблем и т.д. Что касается противоречий, то здесь США были готовы оказывать России решительное противодействие.

Главным для американского истеблишмента на российском направлении было добиться управляемости РФ как объекта внешней политики США и вернуть Россию на путь демократии в ее западном понимании [590, с. 58].

Однако для Кремля статус «проигравшей стороны» был более неприемлем, поэтому Москва стремилась вести себя как великая держава, пусть и уступающая США по целому ряду показателей. РФ возвращалась в глобальную политику, и Вашингтон должен был это признать [650, с. 167]. Правда, некоторые представители российских политико-экспертных кругов сомневались в великодержавном статусе страны, отмечая отсутствие необходимых атрибутов. Так, по словам А. С. Черняева, работавшего помощником М. С. Горбачева, международный авторитет России представлялся иллюзорным. Он считал, что «Великая Россия» существовала только в устах российского руководства. В реальной жизни РФ не может играть конструктивной и влиятельной роли в мировом процессе [640, с. 52–53].

Несмотря на наличие подобных точек зрения, Москва все чаще стала проявлять независимую позицию по многим проблемам мировой повестки. Прозападный курс начал терять поддержку у руководства страны, политической элиты и общественности. По красноречивому выражению Э. Качинса, «русские стали вести себя как русские» [780]. Как подчеркивал С. В. Лавров, «Россия не претендует на какие-то особые права в международных отношениях. Но у нас попросту нет оснований быть в роли ведомого. Полное равноправие, в том числе в анализе угроз и принятии решений, – это необходимый минимум» [327, с. 50]. При этом министр считал, что в российско-американских отношениях нет конфронтационной предопределенности, не позволяющей говорить о какой-либо новой Холодной войны [327, с. 51].

Отрицание Вашингтоном великодержавного статуса России вызывало среди россиян крайне негативную реакцию [290, с. 19]. Согласно социологическим опросам, в 2006 г. 35% респондентов считали, что России нужно вернуть статус сверхдержавы и занять место среди государств-лидеров на мировой арене, тогда как не желали подобной глобальной роли для страны только 7% [359, с. 7–8].

У большинства представителей российского руководства, политических элит, экспертного сообщества и общественности с каждым годом усиливалась обида на Соединенные Штаты. Москва была открыта для конструктивного диалога с Вашингтоном, к обмену мнениями по самому широкому кругу переговорной повестки и к совместным действиям по борьбе с глобальными и региональными вызовами и угрозами. Однако американцы лишь на словах призывали к сотрудничеству. На деле же США продолжали придерживаться конфронтационного курса в отношении РФ. Независимая Россия не вписывалась

в глобальные планы американской элиты. Поэтому Вашингтон отказывался принимать данный факт. Так, в Стратегии национальной безопасности США, появившейся в марте 2006 г., прямо указывалось на то, что характер отношений с Россией будет напрямую зависеть от российской внутренней и внешней политики. В документе подчеркивалось, что препятствование Москвой развития демократии внутри РФ и за ее пределами приведет к ухудшению российско-американских отношений [819]. В американском истеблишменте действия российского руководства по укреплению властных структур рассматривали как попытки В. В. Путина «консолидировать автократическое правление», что вызвало резкую критику в Соединенных Штатах. Так, 17 мая 2007 г. глава комитета по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США Т. Лэнтос заявил, что при правлении В. В. Путина возникла опасность «возвращения России в авторитарное прошлое». По его словам, Кремль преследует оппозиционных политиков, независимых журналистов и всех тех, кто не согласен с его политикой [335]. В Вашингтоне считали, что если Россия видит себя союзницей США в борьбе с международным терроризмом, она должна соответствовать критериям демократического государства. Однако если для американцев демократия, сложившаяся в стране за два столетия, являлась наивысшей ценностью, то для россиян она по опросам Института общественного мнения РОМИР оказалась только на 18 месте в числе приоритетов, пропустив вперед уровень жизни, безопасность, здоровье, образование и иные показатели. Всего 3% респондентов поставили демократию на первое место [335]. Более того, что касается общественных настроений, то здесь нарастала подозрительность насчет намерений США в отношении России. Многие россияне стали склоняться к мысли, что Соединенные Штаты стремятся ослабить Россию и, в конечном счете, подчинить своим интересам [544].

В ответ на американскую критику, связанные с Кремлем политтехнологи в рамках стратегического противоборства с США стали разрабатывать новые концепции развития страны. Как справедливо отметил В. В. Согрин, в отличие от одобренной В. В. Путиным на встрече с Дж. Бушем-мл. в Кроуфорде 13 ноября 2001 г. концепции «новых отношений», подчеркивавшей приверженность двух стран общим ценностям демократии и свободного рынка, эти концепции обосновывали «уникальность российской цивилизации», ее евразийский характер и защищали придуманную модель «суверенной демократии» как для России, так и для других стран [566, с. 518]. Стала утверждаться мысль, что РФ имеет демократическую политическую систему, но является индустриальным обществом незападного типа, «а значит, по определению, обществом авторитарным» [620, с. 522–523]. Можно согласиться с В. И. Батюком в том, что во второй половине 2000-х гг. в российско-американские отношения вернулся идеологический конфликт, имевший место во времена существования СССР [45, с. 165].

Руководству России приходилось учитывать позиции политических партий и общественных движений, поскольку они прямо или косвенно отражали определенные настроения и устремления различных сегментов элиты и населения. Ряд внешнеполитических шагов Кремля нашли поддержку у значительной части политических сил и общественности страны.

Полностью политику официальной Москвы поддержала «Единая Россия», являвшаяся партией власти. Следует отметить, что внешнеполитические установки единороссов целиком совпадали с правительственным курсом. Поэтому неудивительно, что они уделяли важное значение развитию российско-американских отношений. Представители партии подчеркивали необходимость сотрудничества с Вашингтоном, но не ценой односторонних уступок. Среди членов «Единой России» оказалось немало людей, профессионально разбиравшихся в процессах мировой политики. Поэтому некоторые из них давали довольно грамотные рекомендации относительно взаимодействия с США. Как отмечал В. А. Никонов, «Америку бессмысленно осуждать, а тем более пытаться ее поменять. Она такая, какая есть, и иной в обозримом будущем не станет. Ее надо понимать и с учетом этого понимания строить свою политику» [393, с. 225]. Эксперт видел кризис внешнеполитической стратегии Вашингтона. Администрация Буша-мл. не предусмотрела негативной реакции мирового сообщества на свою интервенционистскую политику, а также последствий иракской кампании [393, с. 190]. Однако, как считали единороссы, предпринимая попытки изменить ситуацию в благоприятную для себя сторону, американцы делают мир еще более нестабильным. Поскольку фракция «Единой России» являлась крупнейшей в Госдуме, правительство и Кремль получали необходимую поддержку от парламентариев в своей внешнеполитической деятельности вне зависимости от того, о чем шла речь – улучшении или обострении отношений с зарубежными партнерами, в том числе и США.

Созданная в октябре 2006 г. партия «Справедливая Россия» придерживалась мнения о важности активной внешней политики страны и развития взаимовыгодных и равноправных отношений со всеми государствами и международными организациями. Относительно взаимодействия с Западом справедливороссы отмечали нарастание для РФ военной угрозы со стороны НАТО. С точки зрения «Справедливой России», была крайне актуальна нормализация российско-западных отношений путем выработки взаимных мер доверия. Однако Запад пытался заставить РФ пойти на уступки по своим правилам игры. В своих выступлениях, заявлениях и публикациях члены «Справедливой России» отмечали стремление правящих кругов США навязать всему человечеству американские ценности вопреки традиционным устоям других стран и народов. Так, лидер партии С. М. Миронов, ратуя за развитие конструктивных российско-американских отношений, неоднократно критиковал внешнюю политику Вашингтона. Тем самым «Справедливая Россия» разделяла официальную позицию руководства РФ относительно взаимодействия с Соединенными Штатами.

В целом курс Кремля на более жесткое отстаивание Россией национальных интересов на международной арене поддержали и ведущие оппозиционные партии, имевшие свои парламентские фракции. Так, КПРФ, являясь партией, представляющей так называемую системную оппозицию, признавала определенные успехи российского руководства на международной арене, акцентируя при этом внимание на недочетах во внешней политике. Согласно коммунистам, в 2000-е гг. попытки Соединенных Штатов и их союзников

навязать «новый мировой порядок» другим государствам (в том числе России), претендующим на самостоятельную роль в мировой политике, вызвали закономерную защитную реакцию с их стороны [219, с. 315, 336]. Войны США в Афганистане, Ираке, а также угрозы в адрес Ирана только усилили рост антиамериканских настроений в мире [219, с. 289]. Таким образом, с точки зрения Г. А. Зюганова, непродуманные действия Вашингтона на международной арене привели к кризису проекта создания однополюсного миропорядка [220, с. 79].

ЛДПР позиционировала себя как ведущая оппозиционная партия в Госдуме. Внешнеполитическая риторика ее руководителей не отличалась постоянностью. По словам В. В. Жириновского, партия всегда выступала «за нейтральную внешнюю политику», чтобы «Россия никогда не участвовала в мировых конфликтах, никому бы не оказывала помощь, а развивала собственную страну, экономику» [356]. Что касается российско-американских отношений, то лидер партии продолжал чередовать гневные тирады в адрес Вашингтона с заявлениями вроде того, что «с нашей стороны никогда не было негативного отношения к Америке» [356]. Например, в одной из своих предвыборных речей в преддверии парламентских выборов 2007 г. В. В. Жириновский назвал главными врагами России Великобританию и США [165]. Тогда как в мае 2007 г. в одном из своих интервью американской русскоязычной газете он заявил следующее: «Мы бы хотели, чтобы отношения между нашими странами были более теплыми, чтобы наши граждане, те, кто сейчас проживает в Америке, с удовольствием, возвращались обратно в Россию. Чтобы возник мост дружбы между нашими странами. Желательно, чтобы появился и стратегический союз “Вашингтон – Москва”, поскольку у нас два конкурента – Евросоюз и Китай. США без союза с Россией будет очень тяжело конкурировать с Евросоюзом и противостоять Китаю. Поэтому мы выступаем за самые широкие отношения, без каких-либо предубеждений, Холодная война давно закончилась. Россия сегодня совсем другая страна, с которой возможно обо всем договориться. Америка не должна бояться России. Мы должны сотрудничать по всем направлениям: и с политической, и с бизнес элитой, депутатами, спортсменами, учеными, работать на благо наших стран, чтобы навсегда забыть то плохое, что было во время Холодной войны, следить, чтобы перспективы для нашего взаимного сотрудничества были выгодными» [356]. При этом по ключевым внешнеполитическим вопросам ЛДПР, как правило, поддерживала решения российского руководства.

Однако либеральная часть политических сил выступила против действий Кремля, увидев в этом отход от демократических принципов. Так, «ЯБЛОКО» стало рассматривать российско-американские отношения не только сквозь призму учета сторонами национальных интересов друг друга и соблюдения норм международного права, но и соблюдения принципов демократии. Согласно яблочникам, в значительной степени вина за ухудшение российско-американских отношений лежит на обеих сторонах. Например, по мнению А. Г. Арбатова, «когда между Москвой и Вашингтоном в течение многих лет не подписываются серьезные договоры, есть основания для беспокойства. Почти по каждому международному вопросу, когда дело доходит до

конкретики, стороны занимают разные позиции. Примерами могут служить Чечня, Иран, КНДР, Украина, Грузия, расширение НАТО, заключение договоров по стратегическим вооружениям» [249]. Поэтому яблочники пытались донести не только до руководства России, но и до Вашингтона, свое видение развития российско-американских отношений. Например, в марте 2008 г. лидер партии Г. А. Явлинский встретился с госсекретарем К. Райс и министром обороны Р. Гейтсом в американском посольстве в Москве и предложил им свое понимание двустороннего взаимодействия [667]. Однако во второй половине 2000-х гг. «ЯБЛОКО» уже не располагало серьезным влиянием на широкие слои общественности и властные структуры. Как подчеркивал В. А. Никонов, либеральная традиция не имела в России глубоких исторических корней. Основная причина этого заключалась в том, что либералы всегда стояли на общедемократических, а не на национальных позициях [392, с. 219].

Еще один представитель либерального спектра – Союз правых сил – не разделял позицию российского руководства на ужесточение внешнеполитического курса на американском направлении. СПС продолжал интерпретировать международную ситуацию на основе «Декларации об основах внешнеполитической концепции политической партии “Союз правых сил”», принятой на съезде партии 14 декабря 2001 г. По мнению членов партии, основным внешним вызовом для РФ был терроризм. Поэтому с целью успешного противодействия данной угрозе Россия должна на любых условиях присоединиться к Западу [451, с. 145]. Для СПС внешнеполитическим приоритетом оставался Запад как основной политический и экономический партнер. В связи с этим «особый путь» РФ являлся бесперспективной и крайне опасной идеологией [451, с. 147]. Руководство партии (Н. Белых, А. Б. Чубайс, Б. Е. Немцов, И. Хакамада, Е. Т. Гайдар) солидаризировалось с западной позицией относительно критики российских властей по сворачиванию демократии в России. Однако, несмотря на это, сторонники СПС не были готовы идти на серьезный конфликт с Кремлем. Дело в том, что электорат Союза правых сил представлял собой состоявшихся людей, вполне довольных своей жизнью и не имеющих серьезных претензий к власти.

В целом вполне справедливым был вывод о том, что партии, не имевшие представительства в Госдуме, являлись своеобразными политическими клубами по интересам или группами давления [392, с. 221].

Таким образом, различия сторон в подходах к демократизации России легли в основу российско-американских разногласий и стали основным препятствием для формирования взаимовыгодного партнерства двух стран.

Одной из сфер, где Москва и Вашингтон пытались осуществлять сотрудничество, оставалась борьба с международным терроризмом. Для России террористическая проблема по-прежнему находилась в центре внимания. Об ее актуальности свидетельствовали трагические события, продолжавшие будоражить страну. Например, 1 сентября 2004 г. террористы захватили школу с более чем 1100 заложниками в североосетинском городе Беслан. Данный террористический акт стал одним из самых страшных терактов в истории РФ. В те сентябрьские дни симпатии международного сообщества к России были как никогда высоки. Как считал Н. В. Злобин, Москва могла воспользоваться

ситуацией и потребовать от США ряд политических уступок. И, скорее всего, Дж. Буш-мл. не смог бы отказать [214, с. 92].

Свидетельством важности проблемы противодействия международному терроризму были многочисленные встречи и мероприятия, на которых обсуждались вопросы противодействия террористической угрозе. Например, 1 июня 2005 г. состоялось первое совместное заседание Комитета по международным делам Госдумы РФ и Комитета по международным отношениям Палаты представителей Конгресса США, по итогам которого было подписано Совместное заявление о противодействии терроризму и незаконному обороту наркотиков. Однако, несмотря на осуществление российско-американского сотрудничества в вопросах борьбы с терроризмом, даже здесь у сторон проявлялись разногласия. В первую очередь речь шла о том, кого считать террористами? Особенно тогда, когда проблема касалась Северного Кавказа. По словам В. В. Путина, после отдельных случаев, связанных с деятельностью боевиков на Северном Кавказе, у российской стороны сложилось впечатление, что «американские партнеры на словах говорят о поддержке России, говорят о готовности к сотрудничеству, в том числе в борьбе с терроризмом, а на самом деле используют этих террористов для раскачивания внутривосточной ситуации в России» [583, с. 43]. Вашингтон же ссылаясь на то, что США поддерживают не террористов, а политическую оппозицию [583, с. 46]. Кроме того, Москва возлагала ответственность на Вашингтон за ситуацию в Ираке, ставшем после американского вторжения одним из анклавов терроризма, дестабилизирующем весь ближневосточный регион. Не лучше обстояло дело и в Афганистане.

Таким образом, осуществляя сотрудничество по борьбе с международным терроризмом, Российская Федерация и Соединенные Штаты нередко по-разному подходили к определению того, кто является террористом, а кто – нет. Безусловно, проявляющиеся отличия не способствовали решению данной проблемы.

В апреле 2008 г. в Сочи состоялась заключительная встреча В. В. Путина и Дж. Буша-мл. в качестве президентов. На ней была подписана Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений [161]. При этом оба президента признали существование ряда противоречий, некоторые из них имели весьма острый характер. На этот счет В. В. Путин заявил следующее: «Между нашими странами были и остаются пока разногласия по целому ряду вопросов. Вместе с тем поиск общих знаменателей продолжается. Тем не менее нам с Джорджем, я уже об этом сказал, удалось построить работу так, чтобы расхождения по одним вопросам не оказывали негативного влияния на состояние дел в целом на других областях, где у нас есть продвижение вперед и сближение позиций. Тем самым укреплялась устойчивость всей конструкции российско-американских отношений» [101]. По ее итогам отдельные наблюдатели констатировали предел «личной дипломатии», которую пропагандировали оба лидера на протяжении восьми лет их президентства [748, р. 3].

Согласимся с тем, что в 2004–2008 гг. Москва не смогла достичь конструктивного сотрудничества с Вашингтоном. Российско-американское взаимодействие развивалось исключительно в рамках узкой военно-политической

модели. Каждая встреча на высшем уровне лишь укрепляла такое направление его развития [214, с. 164]. С июня 2001 по апрель 2008 г. состоялись 24 официальные и неформальные встречи В. В. Путина и Дж. Буша-мл. [521, с. 14]. Однако многие из них не принесли России позитивных результатов. Как считал Н. В. Злобин, к концу своего второго президентского срока В. В. Путин не смог улучшить ни репутацию России, ни свой личный имидж в США [214, с. 8]. Основная причина заключалась в американской позиции. Хотя сами американцы пытались переложить вину на русских. Позднее Дж. Буш-мл. возмущенно отмечал, что к концу своего президентства его российский коллега стал более агрессивным в отстаивании интересов России [704, р. 432].

Более того в рассматриваемый период российско-американские отношения по вине американцев стремительно ухудшались. США не пытались понять Россию, игнорируя ее национальные интересы, что заставляло российское руководство реагировать в конфронтационном ключе. Сотрудничество Москвы и Вашингтона в таких важных для обеспечения международной безопасности сферах как борьба с терроризмом, сокращение СНВ, нераспространение ОМУ уступало место нарастающей конфронтации. Между ними все существеннее проявлялась разница интересов и потенциалов. Это выражалось в ужесточении публичной риторики сторон в адрес друг друга.

Главной причиной охлаждения российско-американских отношений стало разное видение сторонами формирующегося нового миропорядка и их места в нем. Возвращавшаяся в глобальную политику Россия начала активно противодействовать США по всем направлениям как внутри страны, так и за ее пределами. Тем самым Москва и Вашингтон снова не оправдали надежды друг друга, что и привело к очередному периоду ухудшения отношений, за которым последовала кратковременная «перезагрузка» времен Д. А. Медведева и Б. Обамы.

Г Л А В А 7
ПЕРИОД «ПЕРЕЗАГРУЗКИ»
В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
В ГОДЫ ПРЕЗИДЕНТСТВА Д. А. МЕДВЕДЕВА
(2008–2012 гг.)

К моменту прихода в Кремль Д. А. Медведева российско-американские отношения находились в глубоком кризисе. Между Москвой и Вашингтоном имелись серьезные разногласия по целому ряду актуальных проблем мировой политики. Прежде всего, они касались разного видения РФ и США своего места и роли в мире. К концу 2000-х гг. усилившаяся экономически Россия стала позиционировать себя в качестве самостоятельного центра силы и ставить под сомнение единоличное лидерство Америки [63, с. 92]. Как подчеркивал профессор Колумбийского университета Р. Легволд, российское руководство вполне обоснованно требовало предоставления Москве реального голоса при обсуждении актуальных проблем мировой повестки, а также возможности самостоятельно определять национальные интересы страны [789, р. 83]. Со своей стороны США не собирались уступать мирового лидерства и пытались сдержать всех своих потенциальных конкурентов. По справедливому мнению американского политолога Т. Грэма, взаимоотношения двух держав были осложнены двумя существенными несоответствиями: 1) несовпадением приоритетов – для РФ Соединенные Штаты занимали более важное место, чем для Америки – Россия; 2) в американском госаппарате властные полномочия и ответственность распространялись на более низкий уровень, нежели в российском, что нередко влекло за собой наличие хороших отношений между руководством (Дж. Буш-мл. – В. Путин) при сложностях на межгосударственном уровне в целом [153].

Известно, что в 2000-е гг. российское руководство проявляло заинтересованность в сотрудничестве с Вашингтоном, особенно в сфере безопасности, но исключительно на равноправной основе. Этот подход нашел свое отражение в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной 15 июля 2008 г. Она была разработана еще в период президентства В. В. Путина, поэтому налицо просматривалась преемственность внешнеполитического курса Д. А. Медведева. Подчеркивание того, что «приоритеты российской внешней политики с учетом возросшей роли страны в международных делах, повышения ее ответственности за происходящее в мире и открывшихся в связи с этим возможностей участвовать не только в реализации международной повестки дня, но и в ее формировании» [279], однозначно свидетельствовало о восприятии российским руководством России в качестве великой державы. Хотя сам термин «великая держава» в данном документе не употребляется, чтобы избежать ассоциаций с имперскими амбициями страны. Тем самым отныне Москва не собиралась оглядываться на мировое сообщество при реализации своих внешнеполитических целей.

Относительно сотрудничества с США в Концепции указывалось, что РФ заинтересована во всех сферах взаимодействия с Америкой. Поэтому Москва выступила за «достижение новых договоренностей с Соединенными Штатами в сфере разоружения и контроля над вооружениями в интересах сохранения преемственности этого процесса, укрепления мер доверия и транспарентности в области космической деятельности и противоракетной обороны, а также по вопросам нераспространения оружия массового уничтожения, безопасного развития мирной ядерной энергетики, наращивания сотрудничества в сфере противодействия терроризму и другим вызовам и угрозам, урегулирования региональных конфликтов» [279]. В долгосрочной перспективе заинтересованность РФ проявлялась и в подведении под российско-американские отношения солидной экономической базы, а также в обеспечении «совместной выработки культуры управления разногласиями на основе прагматизма и соблюдения баланса интересов, что позволит обеспечить большую стабильность и предсказуемость российско-американских отношений» [279]. Однако США продолжали проводить в отношении России политику сдерживания, что усиливало конфронтационную составляющую в двусторонних отношениях. Госсекретарь К. Райс, называя Россию великой державой с богатой историей, одновременно призывала российское руководство следовать «правильным» курсом цивилизованных государств. Она подчеркивала, что именно от демократической трансформации РФ зависит, какими будут российско-американские отношения в дальнейшем [869].

Тем не менее после прихода в Кремль Д. А. Медведева у многих появились ожидания возможного «потепления» в российско-американских отношениях «с учетом либерального имиджа и якобы большей гибкости нового российского президента» по сравнению с В. В. Путиным, раскритиковавшим США в феврале 2007 г. в своей мюнхенской речи. Однако вскоре новый хозяин Кремля столкнулся с первым серьезным вызовом со стороны Запада. Речь шла об агрессии Грузии против Южной Осетии. Тогда Вашингтон всецело поддержал режим М. Н. Саакашвили. Политический истеблишмент США практически единогласно осудил Россию, публично «вылив» антироссийский поток лжи. Так, Дж. Буш-мл. заявил, что «Россия должна заплатить за свое ужасающее поведение» [569, с. 82–83]. А госсекретарь США К. Райс, выступая 18 сентября 2008 г. в германском Фонде Маршалла, обвинив Москву в агрессии, объявила, что Вашингтон не позволит РФ реализовать свои планы в регионе [885]. Она возложила всю ответственность за кризис между двумя державами на Москву. Так, министр обороны Р. Гейтс на пресс-конференции 14 августа 2008 г. заявил, что «действия России на прошлой неделе поставили под сомнение все предпосылки нашего стратегического диалога и будут иметь далеко идущие последствия для взаимоотношений в будущем – это касается и двусторонних отношений, и контактов с НАТО» [143, с. 231]. Как верно подметил Р. Саква, Пятидневная война продемонстрировала столкновение масштабных «геополитических пластов» в Евразии в лице РФ и атлантического сообщества [880, р. 607]. В Вашингтоне оценивали атмосферу, сложившуюся в двусторонних отношениях после Пятидневной войны, как удручающую. По мнению

К. Райс, это был печальный конец того пути, начало которому было положено на встрече Дж. Буша-мл. и В. В. Путина в Словении в 2001 г. [868, р. 686].

Не отставали в своих антироссийских высказываниях и претенденты на Белый дом. Например, достаточно жестко раскритиковала Москву Х. Клинтон, уверенная в том, что за «вторжением» в Грузию стоял В. В. Путин, который использовал удобный момент, чтобы устранить ситуацию, которая его не устраивала [267, с. 296]. Кандидат на пост президента от республиканцев сенатор Дж. Маккейн в ультимативной форме потребовал, чтобы РФ «незамедлительно и без всяких условий» прекратила огонь и отвела войска с территории Грузии. Кандидат от демократов сенатор Б. Обама занял более гибкую позицию, призвав воюющие стороны к «сдержанности» и отказу от эскалации конфликта [194, с. 40]. Правда, подвергшись жесткому давлению со стороны американского истеблишмента, Б. Обама был вынужден несколько ужесточить свою позицию, заявив, что РФ подорвала грузинский суверенитет [775]. В целом именно после Пятидневной войны Россия стала «острой темой» для кандидатов. До августовских событий она не являлась сколько-нибудь значимой проблемой у претендентов на Белый дом. Так, Дж. Маккейн, считавший РФ противником США, выступал за ужесточение политики Вашингтона в ее отношении. У него было крайне негативное, порой враждебное, восприятие России и В. В. Путина. В представлении сенатора РФ возглавляла «клика бывших разведчиков», желавших взять реванш за развал СССР [342, с. 186]. Дж. Маккейн допускал возможность конструктивного российско-американского взаимодействия только в случае «правильного» поведения Москвы: «... Мы также должны расширить программы поддержки свободы и законности в России и сделать акцент на том, что реальное партнерство остается возможным для Москвы, если она этого захочет, но при условии, что она будет ответственным актором как в международных отношениях, так и внутри страны» [653].

Б. Обама высказывался в отношении России более осторожно и расплывчато, нежели Дж. Маккейн. Во время первых телевизионных дебатов он позволял довольно резкие высказывания в адрес Москвы, отмечая при этом наличие у двух держав общих интересов, особенно в сфере нераспространения ОМУ. В ходе вторых дебатов Б. Обама подчеркнул, что центральным вопросом для Соединенных Штатов на ближайшие годы станет «восстающая Россия», а также пообещал помогать соседям РФ в их противостоянии российскому давлению [581, с. 257–258]. Но общий его внешнеполитический посыл был следующим: работать со всеми, кто необходим Америке для решения актуальных проблем [653]. Поэтому он и его команда считали, что необходимо наладить взаимодействие с Москвой. Так, в сентябре 2008 г. на слушаниях в Конгрессе, посвященных российско-американским отношениям после событий в Закавказье, будущий посол в России М. Макфол, являвшийся тогда одним из негласных советников Б. Обамы, раскритиковал политику администрации Буша-мл. в отношении РФ и призвал Вашингтон к диалогу с Д. А. Медведевым [917]. Эксперт верил в возможность сближения США и РФ на основе взаимных интересов и общих ценностей [807, с. 423].

Поведение США, особенно реакция на события 7–8 августа 2008 г., вызвали у российского руководства «кризис доверия» в отношении американской

политической элиты. Подтверждением стали слова В. В. Путина в интервью телеканалу CNN 28 августа о том, что после начала Грузией боевых действий в Южной Осетии российские власти обратились к Вашингтону с призывом остановить М. Н. Саакашвили. Об этом В. В. Путин лично просил Дж. Буша-мл. во время их личной встречи в Пекине. Однако, несмотря на заверения американского президента в том, что «война никому не нужна», реально для предотвращения эскалации конфликта американцами ничего сделано не было [569, с. 82]. Со своей стороны президент Д. А. Медведев на встрече с представителями общественных организаций в Кремле 19 сентября 2008 г. прямо обвинил Соединенные Штаты не только в содействии агрессии Грузии против Южной Осетии, но и во вмешательстве во внутренние дела России [130]. А 31 августа 2008 г. российский президент публично заявил, что РФ не может принять такое однополярное мироустройство, в котором все решения принимаются одной страной, даже такой серьезной и авторитетной, как Соединенные Штаты Америки. Подобный мир неустойчив и грозит конфликтами [289, с. 479].

Эти настроения отразились и на российской общественности. Большинство россиян усмотрели основную причину конфликта в Закавказье в агрессивном экспансионизме США, от которых исходит главная угроза национальным интересам России на постсоветском пространстве. Так, согласно опросам ВЦИОМ, с июня по сентябрь 2008 г. позитивное отношение россиян к Соединенным Штатам сократилось в два раза: с 47 до 22%, тем самым достигнув минимума за десять лет. 65% граждан РФ воспринимали Америку негативно. Неудивительно, что 37% респондентов оценили текущие российско-американские отношения как «напряженные». При этом более трети россиян (39%) полагали, что после смены главы Белого дома российско-американские отношения не изменятся, 8% были уверены в их ухудшении [118]. По словам Л. Н. Гарусовой, нараставший антиамериканизм питал в российском обществе настроения ксенофобии и изоляционизма, а также отрицательно воздействовал на двусторонние отношения между РФ и США [141, с. 85]. Правда, 18% опрошенных сделали оптимистичный прогноз улучшения отношений, 35% – затруднились ответить [118]. В декабре количество респондентов, считавших, что после вступления Б. Обамы в должность российско-американские отношения улучшатся, увеличилось до 38%. 32% были убеждены, что изменений не произойдет, 5% прогнозировали их ухудшение, а 24% затруднились ответить. Менее других были склонны верить в улучшение отношений между РФ и США сторонники КПРФ (38%). Сторонники ЛДПР (37%) отмечали, что изменений в российско-американских отношениях не произойдет. Их улучшение, «снижение агрессии» и «более лояльная политика» – прогноз, наиболее характерный для сторонников «Справедливой России» (16%) [508].

В своем первом послании Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г., оглашенном в день президентских выборов в США, Д. А. Медведев вновь осудил действия США во время грузинской агрессии против Южной Осетии, подчеркнув, что конфликт на Кавказе был использован Вашингтоном как предлог для ускоренного навязывания Европе американской системы ПРО. При этом он подчеркнул, что «у нас нет проблем с американским

народом, у нас нет врожденного антиамериканизма. И мы надеемся, что нашими партнерами, новой администрацией Соединенных Штатов Америки, будет сделан выбор в пользу полноценных отношений с Россией» [457].

Следует отметить, что российское руководство допустило определенные просчеты относительно результатов президентских выборов в США. Дело в том, что российский истеблишмент мало верил в возможность победы в Америке «небелого» кандидата. В связи с этим в Москве с наибольшей вероятностью ожидался успех сенатора Дж. Маккейна, что сказалось на превентивных действиях российской дипломатии, ожидавшей жесткой реакции со стороны Вашингтона. Этим объяснялась и та поспешность, с которой РФ признала независимость Абхазии и Южной Осетии, нанеся урон внешнеполитическому имиджу страны [194, с. 41]. Кроме того, многие представители российских политико-экспертных кругов не связывали особых надежд с победившим в итоге Б. Обамой. В руководстве РФ сохранялась неопределенность в оценках ситуации и перспектив отношений с США. Негативный опыт попыток найти взаимоприемлемую формулу сотрудничества с администрацией Буша-мл. был перенесен на отношение к новой администрации. Многие помнили о том, что в свое время он являлся одним из соавторов сенатской резолюции о скорейшем вступлении Грузии и Украины в НАТО. Прекрасно знали об отношении к России и кандидата на пост вице-президента Дж. Байдена, на протяжении многих лет возглавлявшего сенатский комитет по международным отношениям. Помнили, как в августе 2008 г. он резко осудил действия РФ в отношении Тбилиси, пообещав Москве «монументальное стратегическое поражение» и пригрозив наложить на нее санкции и сорвать сочинскую Олимпиаду [596, с. 337]. Тем самым в Москве отмечалось, что позиция нового руководства США не сулит существенного смягчения позиций Вашингтона по острым вопросам российско-американских отношений. Ведь политика США в отношении России носит, по сути, двухпартийный характер, а американская политическая машина довольно инерционная. К тому же многие понимали, что Б. Обама будет зависеть от Конгресса и влиятельных лоббистских групп [569, с. 81, 83]. Как справедливо отмечал известный российский политолог А. Д. Богатуров: «События августа 2008 г. слишком глубоко повлияли на российскую элиту, чтобы она безоговорочно и разом вернулась к линии на достижение согласия с Вашингтоном просто потому, что “с Америкой надо дружить”» [66]. По его словам, постепенно российское руководство пришло к мысли о необязательности партнерства с США. Оно стало считать, что сотрудничать с Вашингтоном нужно, но это не должно быть самоцелью. Если можно достичь соблюдения национальных интересов РФ путем взаимодействия с Западом, то это прекрасно. Однако если по каким-либо причинам сотрудничество с ним не получится, то Россия должна идти своим путем, т.е. Москва отказывалась от безусловной ориентации на сотрудничество с США. Американское направление продолжало считаться важным среди внешнеполитических приоритетов страны, но теперь РФ стремилась обусловить его необходимостью учета важных для себя требований – в частности, в вопросах безопасности в Европе [66].

Конечно, победа Б. Обамы вызвала некоторую эйфорию у части представителей российских политических и экспертных кругов. В основном это были либерально настроенные люди, считавшие, что место России находится среди западных держав, и надеявшиеся на выстраивание дружественных и равноправных отношений с США при новом хозяине Белого дома. Хотя до ноябрьских выборов большинство экспертов считало, что победу одержит Дж. Маккейн. По этой причине многие в Москве внутренне уже были готовы к усилению противостояния с Вашингтоном в традициях Холодной войны. Дело в том, что у представителей российского истеблишмента были различные представления о роли и месте России в мире. Многие российские бизнесмены и политики видели страну частью западного сообщества. Другие представители политических кругов и бюрократического аппарата хотели для РФ регионального или глобального лидерства по примеру Америки. Третьи пропагандировали идеи евразийства.

Феномен «обамамании» в определенной степени затронул и российскую общественность, смягчив антиамериканские настроения. В течение последних лет в сознание россиян возвращались полузабытые образы Америки как агрессивной державы, развязывающей войны и навязывающей всему миру свою псевдодемократию [217, с. 60]. Однако победа чернокожего сенатора в определенной степени изменила мировосприятие граждан России. Так, в ноябре 2008 г. 39% респондентов полагали, что избранный президентом Б. Обама более дружественно настроен в отношении РФ, нежели ушедший Дж. Буш-мл., поэтому связывали с ним надежды на улучшение российско-американских отношений. Согласно социологическим опросам, 57% россиян разделяли мнение о необходимости установления партнерских отношений с Соединенными Штатами [450, с. 718].

Вызвав озабоченность на Западе жесткими антиамериканскими заявлениями, российское руководство решило несколько смягчить ситуацию. Так, в середине ноября 2008 г., находясь с визитом в США с целью участия в саммите G-20, посвященном глобальному финансовому кризису, который подорвал веру человечества в либеральную модель экономического развития, основанную на Вашингтонском консенсусе, Д. А. Медведев заявил, что приветствует избрание Б. Обамы на пост президента [581, с. 260]. Правда, в своем выступлении в Совете по международным делам в Вашингтоне президент России подчеркнул, что «мы ничего делать не будем до тех пор, пока Америка не сделает первый шаг. Если этот шаг будет такой неудачный, как сегодня предполагается, нам придется действовать. Но мне кажется, что у нас сейчас есть очень хорошие возможности к тому, чтобы эту проблему развязать» [114].

Приход в Белый дом Б. Обамы значительно активизировал российско-американские отношения. С 20 января 2009 г. по 7 мая 2012 г. президенты двух стран встречались воочию 18 раз на различных саммитах и 20 разговаривали по телефону, когда обсуждали весь комплекс двусторонних и мировых проблем. В результате в эти годы российско-американские отношения существенно улучшились. Хотя осенью 2008 г. многие наблюдатели сомневались, что президенты РФ и США подружатся [217, с. 60].

После прихода к власти Б. Обамы завышенные ожидания от Вашингтона проявились и у части российской общественности. Так, россияне стало несколько меньше беспокоить усиление военно-политического влияния Америки в мире, развертывание Вашингтоном системы ПРО в Восточной Европе, а также ухудшение российско-американских отношений. На США стали смотреть не столько со страхом, сколько вновь с надеждой, особенно с учетом необходимости совместных усилий по выходу из глобального кризиса [433, с. 6]. В СМИ западный образ жизни подавался как норма для россиян. Конечно, критичные материалы о США из информационного пространства никуда не исчезли, но их стало значительно меньше.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на то, что Москва неоднократно открыто декларировала свою готовность к конструктивному диалогу с Вашингтоном, временное улучшение российско-американских отношений, получившее название «перезагрузки» (reset), произошло в первую очередь благодаря принятому решению со стороны администрации Обамы. Это стало возможным в силу того, что Белый дом нуждался в сотрудничестве с РФ по таким важным направлениям, как соблюдение режима нераспространения ОМУ, Афганистан и иранская ядерная программа. Было очевидно, что получить необходимую поддержку Вашингтон мог, лишь пойдя на отказ от жесткой риторики в адрес Москвы. Как подчеркивала 13 января 2009 г. сенатор Х. Клинтон при рассмотрении ее кандидатуры на должность госсекретаря в комитете по международным делам Сената, Вашингтону нужно активное сотрудничество с российским правительством в контексте решения стратегических вопросов, с отстаиванием при этом собственных ценностей и международных норм. По ее словам, «нам необходимо совместно сотрудничать с Россией по важным вопросам безопасности и экономики, таким как терроризм, распространение ядерного оружия, изменение климата, реформа финансовых рынков» [825, р. 21]. Уже 29 января она направила С. В. Лаврову послание с изложением американской позиции и возможными направлениями для конструктивного сотрудничества. Подход к России Х. Клинтон нашел поддержку у министра обороны Р. Гейтса, который был готов к взаимодействию с РФ на американских условиях. В начале февраля письмо Д. А. Медведеву написал Б. Обама, перечислив возможные сферы сотрудничества [143, с. 442]. При этом президент США не считал Россию сверхдержавой или даже великой державой, так как, несмотря на наличие серьезного ядерного арсенала, она в отличие от Америки не обладала масштабной сетью союзников и военных баз по всему миру, дававших возможность проецировать свою мощь на международной арене [833, р. 459].

В понимании американцев сущность политики «перезагрузки» заключалась в том, чтобы найти сферы взаимовыгодного сотрудничества, но при этом твердо отстаивать свое мнение в спорных для обеих держав вопросах и поддерживать демократию и права человека в России [267, с. 289]. Как считал Зб. Бжезинский, имевший определенное влияние на администрацию Обамы, для Америки было принципиально, чтобы РФ выстроила партнерские отношения с Западом, основанные на общих политических и экономических ценностях [56, с. 211]. Политолог считал, что российские власти, связанные

с силовыми ведомствами, ностальгирующие по имперскому прошлому и вызывающие к национализму, укорененному в народном сознании, мешают РФ сблизиться с Западом [56, с. 221].

Тем самым с американской стороны в рамках предложенной «перезагрузки» речь шла не о том, чтобы стать «добрыми друзьями» с Россией, а о том, чтобы привлечь Москву к решению тех проблем, где она может сыграть ту или иную роль, и предложить ей приемлемые условия взаимодействия [313, с. 7]. Сам термин «перезагрузка» первым употребил 7 февраля 2009 г. в своей речи на 45-й Мюнхенской конференции по международной безопасности вице-президент США Дж. Байден, отметивший, что пора перезагрузить российско-американские отношения, пересмотрев ряд направлений двустороннего сотрудничества, указав на ряд проблем мировой политики, по которым позиции двух стран совпадали и расходились [858]. Присутствовавший там вице-премьер РФ С. Б. Иванов расценил его предложение в качестве «позитивного сигнала». Правда, его комментарий содержал скрытую озабоченность, поскольку многое зависело от того, что были намерены предпринять Соединенные Штаты [581, с. 262]. Ведь Дж. Байден не предложил скольконибудь приемлемых для Москвы способов решения ни одной из имевшихся проблем российско-американских отношений, что позволило бы говорить о возможных путях поиска компромиссных решений [315, с. 8–9]. Однако американцы хотели сыграть на публику и показать всем свои «добрые» намерения касательно Москвы.

В феврале 2009 г. замглавы МИДа РФ А. В. Грушко позитивно оценил намерения администрации Обамы пойти на улучшение двусторонних отношений. В одном из своих интервью дипломат отметил, что «сигналы, которые мы сегодня получаем, внушают оптимизм и дают надежду на то, что Россия и США возобновят серьезный, ориентированный на достижение конкретных результатов диалог по ключевым проблемам безопасности и стратегической стабильности, в том числе по вопросам контроля над вооружениями и разоружения» [661].

Идея улучшения российско-американских отношений нашла поддержку у части политико-академического сообщества США. Например, представители «Комиссии по изучению политики США в отношении России» под председательством сенатора-демократа Г. Харта и сенатора-республиканца Ч. Хейгела в марте 2009 г. представили в администрацию Обамы свои предложения по налаживанию конструктивного диалога с РФ. Члены Комиссии считали, что у обеих стран сходства на решения мировых проблем имелось больше, нежели разногласий [167].

Вскоре госсекретарь Х. Клинтон решила использовать идею «перезагрузки» в качестве способа встраивания разногласий между Россией и США в программу двустороннего взаимодействия наряду с областями, представляющими взаимный интерес. Поэтому во время встречи с С. В. Лавровым в марте 2009 г. в Женеве она преподнесла ему кнопку «перезагрузки», оказавшуюся, правда, кнопкой с ошибочной надписью «перегрузка» [267, с. 290–291]. Кстати, в подписанном 1 апреля 2009 г. в Лондоне совместном заявлении

Д. А. Медведева и Б. Обамы, провозглашавшем намерение двух государств строить отношения на основе «многих общих интересов» и решимость совместно работать над укреплением стратегической стабильности и международной безопасности, противостоять глобальным вызовам современности и решать возникающие разногласия в духе взаимного уважения и признания интересов друг друга, термин «партнерство» вообще не использовался [439]. Тем самым это событие скорее символизировало намерения американцев нормализовать российско-американские отношения, чем конкретизировало цели и пути их достижения. Поэтому многие в России небезосновательно рассматривали поведение Вашингтона скорее как лукавство и двойные стандарты. Российское руководство никогда не воспринимало «перезагрузку» как свое детище и подчеркивало, что ее инициатором была американская сторона. Как признавался замминистра иностранных дел РФ С. А. Рябов: «Никогда я не был сторонником употребления термина “перезагрузка”, хотя он неплохо вписался в медийное пространство с подачи американцев» [518]. Более того, проводя аналогию с информационными технологиями, дипломат выражал справедливые опасения, подтвердившиеся спустя несколько лет, что перезагрузка может не только вернуть систему к старому состоянию, но и наполнить ее вирусами [519]. Но в целом российское руководство позитивно оценило стремление Вашингтона улучшить российско-американские отношения.

Как бы то ни было, Кремль был настроен на диалог и выстраивание конструктивных отношений с Соединенными Штатами. Бывший министр иностранных дел РФ И. С. Иванов назвал три основные предпосылки, подтолкнувшие Москву пойти навстречу американцам. Во-первых, осенью 2008 г. Россия оказалась перед угрозой внешнеполитической изоляции, поскольку российскую политику, направленную на признание Абхазии и Южной Осетии, не поддержало ни одно сколько-нибудь значимое государство, включая союзников по СНГ, ОДКБ, ШОС и БРИК, а уровень российско-американской напряженности достиг критической отметки. Во-вторых, РФ все больше стала ощущать последствия глобального финансово-экономического кризиса и конфронтация с США могла негативно отразиться на экономике страны. В-третьих, провозглашенная российским руководством «модернизация», предполагающая переход форсированными темпами от модели сырьевой экономики к инновационному типу развития, в условиях конфронтации с Западом, имеющим наибольший потенциал в этой сфере, была нереализуема [223, с. 25–26]. Поэтому после прихода в Белый дом Б. Обамы характер и тон высказываний Д. А. Медведева о США стали более благожелательными для Вашингтона. В частности, он дал позитивную оценку своей встрече с Б. Обамой на саммите G-20 в Лондоне в апреле 2009 г. В утвержденной 12 мая 2009 г. президентом Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года подчеркивалось стремление страны к выстраиванию равноправного и полноценного стратегического партнерства с США на основе совпадающих интересов в сферах разоружения и контроля над вооружениями, решения вопросов нераспространения ОМУ, антитеррористического сотрудничества, урегулирования региональных конфликтов [409]. При этом в ней говорилось о том, что

центральным элементом стабильной системы международных отношений является ООН [409].

Во время визита Б. Обамы в Москву (6–8 июля 2009 г.) президенты двух стран приняли несколько совместных заявлений, которые должны были определить повестку российско-американских отношений на ближайшие годы. Так, стороны заключили межправительственное соглашение о предоставлении воздушного пространства страны для транспортировки в Афганистан военных грузов и персонала; сделали совместное заявление по вопросу дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений; совместные заявления по проблеме ПРО, Афганистану и сотрудничеству в ядерной сфере. Кроме того, двумя президентами было принято решение о создании Российско-американской двусторонней президентской комиссии, насчитывавшей 18 рабочих групп по широкому спектру вопросов двустороннего сотрудничества, которая задумывалась как обновленный вариант существовавшей в 1990-е гг. Комиссии Гор – Черномырдин [581, с. 266]. Ее целью стало проведение различных мероприятий в таких областях, как ядерная безопасность, энергетика, борьба с наркотрафиком, здравоохранение, образование, культура и т.д. [439].

По итогам встречи лидеры двух стран признали, что у них разные точки зрения по ряду актуальных вопросов, но оба готовы работать над их разрешением. В частности, Д. А. Медведев подчеркнул: «Наша страна хотела бы достичь такого уровня взаимодействия с Соединенными Штатами Америки, который будет реально достоин XXI века, который будет обеспечивать международный мир и безопасность», но «российско-американские отношения, а точнее достигнутый на сегодня их уровень не соответствует их потенциалу, не соответствует возможностям двух стран» [554]. Следует отметить, что спустя год Д. А. Медведев достаточно высоко оценивал успехи налаживания взаимопонимания между двумя державами [361]. Со временем у президентов РФ и США, по словам Х. Клинтон, сложились хорошие личные отношения, ставшие основой для дальнейшего сотрудничества [267, с. 294]. По утверждению самого Б. Обамы, Д. А. Медведев произвел на него приятное впечатление современного политика, заинтересованного в позитивном развитии российско-американских отношений. Американский президент сделал вывод о том, что они с его российским коллегой во многом очень похожи. Однако, как подчеркивал Б. Обама в мемуарах, реальной властью в РФ по-прежнему обладал В. В. Путин, занимавший тогда пост премьер-министра [833, р. 337, 341]. По словам американского президента, отношения с последним у него не сложились с их самой первой встречи в Ново-Огарёво. Б. Обама сравнил своего собеседника, с одной стороны, с чикагским гангстером, «воспитанным по законам улиц», а с другой – с инстаграм-подростком, любующимся своими фото в стиле мачо, хотя физически он выглядел для него «непримечательным» [833, р. 466]. Подобного мнения придерживались и члены его администрации. Так, Дж. Байден считал В. В. Путина «человеком без души», недостойным доверия со стороны американцев [688, р. 94]. При этом американский вице-президент разделял позицию Б. Обамы по стремлению найти общий язык с российским руководством [688, р. 93]. Госсекретарь Х. Клинтон называла его «жестким человеком»,

преклоняющимся перед могуществом российских самодержцев, с «чрезмерной мачо-театральностью» и великодержавными амбициями [714, р. 201, 327]. Она оценивала В. В. Путина сквозь призму прошлого российского лидера. По ее словам, «КГБ научил Путина относиться ко всем с подозрением» [716, р. 329].

Действительно, Д. А. Медведев воспринимался американцами в качестве более позитивно настроенного государственного деятеля к США, нежели В. В. Путин. Как утверждал М. Макфол, новый президент России был приверженцем политики «перезагрузки», а также либерализации и демократизации страны. Поэтому Д. А. Медведев и Б. Обама быстро достигли личного взаимопонимания [807, р. 420].

Однако и Д. А. Медведев, и В. В. Путин сходились во мнении, что нужно содействовать улучшению отношений с США [581, с. 302]. Так, премьер-министр РФ во время встречи с Б. Обамой 7 июля 2009 г. в Ново-Огарёво выразил «умеренный оптимизм» относительно развития российско-американских отношений, заявив, что Москва заинтересована в «конструктивной и надежной работе» с Вашингтоном [581, с. 265]. На наш взгляд, царившие в окружении Д. А. Медведева настроения касательно развития российско-американских отношений четко отразил известный американист В. А. Кременюк: «Нельзя ни на минуту забывать о важности для России выстраивания стабильных, приемлемых и партнерских отношений с Вашингтоном. От этого зависят не только многие аспекты международного положения страны, но и развитие ее экономики, технологической оснастки, научных достижений. Короче, отношения с США должны рассматриваться на уровне главных проблем национальной безопасности, как одна из ее самых серьезных и ответственных категорий» [313, с. 3].

В своих заявлениях Д. А. Медведев неоднократно подчеркивал, что в обоюдных интересах необходимо сделать двусторонние отношения по-настоящему партнерскими. Первая его речь в ООН 24 сентября 2009 г. многими была оценена как одна из самых проамериканских речей российского лидера в истории [596, с. 349]. В ней он хвалил Б. Обаму за его шаги на мировой арене. В частности, российский президент приветствовал намерение своего американского коллеги отказаться от политики единоличного доминирования США в мире [129]. Слова Д. А. Медведева, сказанные с трибуны ООН и перед студентами Питтсбургского университета, многие расценили как его отказ от линии, долгое время проводившейся российским руководством в отношении Соединенных Штатов. Однако С. В. Лавров практически сразу внес пояснения, дав понять, что Россия не собирается менять свою позицию по ряду важных вопросов, но настроена на сотрудничество [596, с. 350].

По мнению Д. А. Медведева, конструктивное партнерство намного важнее, нежели получение каких-либо односторонних преимуществ. Поэтому на американском направлении российская сторона выступала за широкомасштабное взаимодействие по всей двусторонней и многосторонней повестке дня на равноправной основе с учетом интересов друг друга. Москва была настроена не только на решение проблем международной безопасности, но и расширение торгово-экономического сотрудничества с Вашингтоном. В сфере безопасности для российского руководства приоритетом были следующие вопросы:

американские планы по созданию ПРО, сокращение СНВ, нераспространение ОМУ, в том числе иранская и северокорейская ядерные программы, а также борьба с международным терроризмом, создание новой архитектуры евроатлантической безопасности, включая постсоветское пространство, и урегулирование региональных конфликтов.

Среди конкретных шагов Москвы навстречу Вашингтону в рамках политики «перезагрузки» можно отметить следующие действия. Во-первых, российское руководство дало разрешение США на транзит военных грузов в Афганистан. Это объяснялось тем, что американские войска находились там в составе международных сил по решению СБ ООН и боролись с терроризмом. А России вблизи своих южных границ очаг напряженности в виде нестабильного и подконтрольного террористам Афганистана был совершенно не нужен. Поэтому, несмотря на некоторые расхождения с американцами по афганскому вопросу, содействие Вашингтону в плане транзита полностью отвечало национальным интересам России. Американское присутствие в Афганистане играло стабилизирующую роль для всего центральноазиатского региона, поэтому в Москве считали возможным оказывать США ограниченную, но немаловажную поддержку (вплоть до создания транспортно-логистического центра НАТО в Ульяновске) [223, с. 27–28]. Во-вторых, Москва всецело поддержала Вашингтон относительно возобновления диалога по сокращению стратегических наступательных вооружений, полностью замороженного несколькими годами ранее. Д. А. Медведев и Б. Обама договорились начать переговоры по дальнейшему сокращению СНВ 1 апреля 2009 г. на встрече в Лондоне [556]. Переговоры привели к выработке Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-3), который был подписан Д. А. Медведевым и Б. Обамой 8 апреля 2010 г. в Праге.

Исходя из складывавшейся ситуации, в конце 2009 г. С. В. Лавров оценил итоги российско-американских отношений следующим образом: «По существу, мы в начале процесса возвращения наших отношений к норме, которая учитывала бы в том числе и нашу совместную ответственность за судьбы мира. Яркой иллюстрацией сложности и важности этой задачи служат переговоры по новому Договору о СНВ» [240]. В результате Кремль пошел навстречу США по важным для американцев проблемам. Например, Москва поддержала умеренные экономические санкции против Ирана, чего от нее добивался Вашингтон. Кроме того, на слушаниях в Госдуме С. В. Лавров сумел убедить парламентариев, что партнерские отношения с США и НАТО по Афганистану соответствуют интересам Москвы, поскольку исламистский терроризм в этой стране представляет непосредственную угрозу национальной безопасности РФ [566, с. 530–531].

В российских политических кругах «перезагрузка» была встречена по-разному. Так, внешнеполитические установки «Единой России», как партии власти, полностью совпадали с правительственным курсом. Поэтому неудивительно, что единороссы поддержали линию Кремля на улучшение отношений с США. «Единая Россия» имела международные связи с Республиканской и

Демократической партиями США, рассчитывая на межпарламентский диалог [49, с. 1]. Кстати, за это партия подверглась осуждению со стороны несистем-ной оппозиции за якобы участие в мероприятиях, финансируемых Американским агентством по международному развитию (USAID) [49, с. 1].

Среди многих членов «Единой России» были заметны позитивные настроения относительно перспектив российско-американских отношений. Так, в начале 2009 г. депутат С. А. Марков отмечал, что «при Обаме отношения между Россией и США будут иметь более позитивный фон, чем это было при администрации Джорджа Буша-младшего. В этом нет никаких сомнений» [661]. В то же время многие единороссы понимали, что пойти на улучшение отношений с Москвой Вашингтон подтолкнула международная ситуация. Они считали, что именно кризис внешнеполитической стратегии заставил американский истеблишмент пойти на изменение своего поведения в мире. Но с приходом в Белый дом Б. Обамы стратегические цели США остались прежними. Вашингтон сохранил нацеленность на «глобальное и региональное военное доминирование, обеспечение военных союзов по всему миру» [486, с. 22]. Однако, избрав Б. Обаму, Америка отказалась от претензии на единоличную гегемонию. В условиях серьезного кризиса американцы признали, что будущее – за многополюсным миром [486, с. 43–44]. Именно по этой причине администрация Обамы пошла на «перезагрузку» российско-американских отношений. Однако со стороны Вашингтона она носила поверхностный характер. Идти на кардинальный пересмотр своих подходов при новой риторике и разговорах о сотрудничестве американцы не собирались. Просто «России предлагалось отказаться от своего понимания национальных интересов, как бы “купив” ее согласие на стратегические уступки» [485, с. 272].

«Справедливая Россия» предлагала нормализацию российско-западных отношений путем выработки взаимных мер доверия. Лидер партии С. М. Миронов выступал за конструктивные отношения между странами, так как РФ и США имели ряд вопросов, требующих совместного решения. Среди них называлась борьба с международным терроризмом, разоружение, нераспространение ОМУ, ликвидация наркотрафика и т.д. Однако, по мнению политика, у России имеются свои национальные интересы. Поэтому Москва должна и будет реагировать строго симметрично на действия американцев [334].

Представители системной оппозиции в лице КПрФ и ЛДПР, поддерживая улучшение российско-американских отношений, критически восприняли ряд шагов официальной Москвы, расценив их как односторонние уступки Вашингтону. Например, это касалось заключения и ратификации межправительственного соглашения о транзите военной техники и вооружения США в Афганистан через территорию России [629], а также Договора СНВ-3. Согласно позиции ЛДПР, Россия, по сути, осуществляла тыловое обеспечение деятельности Запада по ведению войны в Афганистане. При том, что усиление американского воинского контингента в регионе небезопасно для России [630, с. 72].

Либеральные круги приветствовали сближение России и США. Особо следует отметить позицию РОДП «ЯБЛОКО» как наиболее заметной политической силы среди либералов в 2008–2012 гг. Еще в марте 2008 г. во время

встречи с госсекретарем К. Райс и министром обороны Р. Гейтсом в американском посольстве лидер партии Г. А. Явлинский предложил свое видение российско-американских отношений. Политик заявил, что за прошедшие после окончания Холодной войны РФ и США так и не стали союзниками. Он обращал внимание на ряд серьезных проблем, в частности истечение срока договора СНВ-1 и выход Вашингтона из договора по ПРО от 1972 г., которые регулировали отношения между двумя странами в сфере стратегических вооружений. По мнению Г. А. Явлинского, их исчезновение вело к угрозе нарастания новой гонки вооружений и, как следствие, глобальной нестабильности [667].

Яблочники пытались донести не только до руководства России, но и до Вашингтона свое видение развития российско-американских отношений. С этой целью представители партии «ЯБЛОКО» стремились обсуждать двустороннюю повестку с американцами напрямую. Например, председатель партии в 2008–2015 гг. С. С. Митрохин объяснял свои встречи с представителями США тем, что политик должен встречаться с представителями других государств в целях решения актуальных внешнеполитических вопросов. Бывшего американского посла в Москве М. Макфола он и вовсе назвал своим другом. С. С. Митрохин сообщал: «Когда я был депутатом Мосгордумы, ко мне приходил Макфол и советовался со мной. Он тогда был уже известным в Америке специалистом по России. Он спрашивал у меня советов, что должны делать США, как они должны выстраивать свою политику. И я давал инструкции» [372].

На встрече с Б. Обамой в июле 2009 г. С. С. Митрохин подчеркивал, что на российско-американские отношения «ЯБЛОКО» смотрело под совершенно другим ракурсом, нежели руководство России, увлекающееся неоимперскими подходами. Политик подчеркивал, что наступило благоприятное время для наполнения конкретным содержанием идеи стратегического партнерства Москвы и Вашингтона. Под ним С. С. Митрохин понимал сотрудничество в сфере решения международных и глобальных проблем по многим направлениям. По его словам, «от США сегодня во многом зависит, будут ли глобальные амбиции России реализованы через сотрудничество с Западом или через конфронтацию с ним. От конфронтации проиграет не только Запад, но и российская демократия, которая не может развиваться в удушливом климате антизападничества, антиамериканизма и борьбы с окружающим миром по всем фронтам» [373].

Процесс «перезагрузки» содействовал значительному улучшению отношения россиян к Америке. В 2010 г. 46% граждан России считали отношения между двумя державами нормальными и спокойными, 16% оценивали их в качестве добрососедских, 7% считали их дружественными. Негативную оценку российско-американским отношениям давали только 23% россиян: 17% называли их прохладными, 5% – напряженными, 1% – враждебными [11, с. 105].

Российское руководство понимало под «перезагрузкой» невмешательство Вашингтона в российскую «сферу интересов» на постсоветском пространстве и активно пыталось использовать улучшение двусторонних отношений для усиления своего влияния в этом регионе. Конечно, Вашингтон не признал и не мог признать за этой территорией статуса особой «сферы влияния» Москвы. Например, Х. Клинтон считала, что В. В. Путин стремился

«восстановить утраченную империю» и «ресоветизировать периферию России» [714, р. 210, 215]. Однако в Вашингтоне стали внимательнее прислушиваться к российским озабоченностям. Например, администрация Обамы проявляла большую сдержанность в оказании военно-технической помощи. Поэтому абстрагирование Белого дома от президентской кампании на Украине, где за пост президента боролись В. А. Ющенко и В. Ф. Янукович, было расценено Кремлем как еще один шаг навстречу Российской Федерации.

Летом 2010 г. «перезагрузка» выдержала тест на прочность шпионским скандалом, связанным с разоблачением в США российских нелегалов [837, р. 284]. Директор ЦРУ Л. Панетта подозревал Москву в попытках под прикрытием улучшения российско-американских отношений получить разведанные о Соединенных Штатах путем вербовки граждан страны [807, р. 280]. Его больше всего заботило, как быстро и безопасно вывезти из России сотрудника СВР полковника А. Н. Потеева, который возглавлял 4-й (американский) отдел Управления нелегальной разведки. Именно он сдал американцам российских нелегалов [143, с. 551]. 27 июня «нелегалов» арестовали, однако «раскручивать» данный эпизод не стали. Стороны разрешили щепетильную ситуацию путем обмена, как это имело место в годы Холодной войны – российские власти помиловали ученого И. В. Сулягина, обвиненного в шпионаже на Запад, американцы тоже не пошли на принцип, депортировав группу заподозренных в шпионаже россиян [662].

В итоге, выступая в июле 2010 г. перед российскими послами в МИДе РФ, Д. А. Медведев высоко оценил развитие отношений с администрацией Обамы, предложив их в качестве примера при построении контактов с другими государствами [361]. Позитивную оценку развитию двусторонних отношений 1 сентября 2010 г. дал и С. В. Лавров, подчеркнувший факт наличия между Москвой и Вашингтоном не только расхождений во взглядах на решение актуальных проблем, но и совпадения позиций [327, с. 312].

Несмотря на снижение в российско-американских отношениях напряженности, противоречия двух стран сохранились из-за их расхождений по целому ряду вопросов. Как признавал М. Макфол, считавший себя одним из творцов политики «перезагрузки», в Вашингтоне по-прежнему рассматривали Россию стратегической угрозой номер один [807, р. 195]. Неудивительно, что Москва высказала свою настороженность по поводу изданной в мае 2010 г. Стратегии национальной безопасности США, где РФ, по сути, отводилось второстепенное место (наряду с Бразилией, Индонезией и ЮАР) в системе внешнеполитических приоритетов Вашингтона и при этом подчеркивалось желание видеть Россию страной, «уважающей международное право и соблюдающей территориальную целостность своих соседей» [820]. Тем не менее Российская Федерация не называлась в числе стран, представлявших угрозу для США, в отличие от Ирана или Китая. Более того, в Стратегии национальной безопасности подчеркивалось стремление Соединенных Штатов к «построению стабильных, содержательных, многосторонних отношений с Россией, основанных на общих интересах» [820, р. 44]. В военной стратегии «Поддерживая глобальное лидерство США. Приоритеты обороны XXI века», обнародованной

в январе 2012 г., Россия упоминалось только один раз, причем в качестве партнера, а не военной угрозы [900].

Тем не менее в период «перезагрузки» Россия и США разошлись во взглядах относительно внутренней политики, а также ряда региональных проблем, что стало существенно подрывать ее атмосферу. Например, резонансным стало административное задержание в январе 2011 г. одного из лидеров несистемной оппозиции – Б. Е. Немцова. Госдума призвала Вашингтон уважать суверенитет РФ, в том числе решения ее правоохранительных и судебных структур в отношении лиц, совершающих правонарушения. В частности, депутат от «Единой России» А. А. Козловский, курирующий вопросы российско-американских отношений, заявил о том, что у него вызвало недоумение и разочарование заявление представителя Совета национальной безопасности США и Госдепартамента М. Хаммера, вставшего на защиту арестованного на пятнадцать суток оппозиционного политика Б. Е. Немцова за неповиновение милиции во время акции 31 декабря 2010 г. на Триумфальной площади [163]. Его коллега по фракции – С. А. Марков выразил мнение, что своим заявлением Госдепартамент имел целью подорвать курс Б. Обамы на «перезагрузку» с Россией. Депутат даже высказал предположение, что данным шагом внешнеполитическое ведомство США пыталось расчистить дорогу для его главы Х. Клинтон, чтобы именно она, а не действующий президент, баллотировалась на следующих президентских выборах от Демократической партии [357].

Среди внешнеполитических разногласий Москвы и Вашингтона можно упомянуть события так называемой «арабской весны». Развитие ситуации в ближневосточном регионе было воспринято Москвой и Вашингтоном диаметрально противоположно. Если по Ливии РФ пошла на уступки Западу, то после свержения режима Каддафи российское руководство изменило свою позицию и не позволило совершить американцам подобное в Сирии. После военной операции НАТО в Ливии новыми разногласиями сменилось сотрудничество Москвы и Вашингтона по иранской ядерной проблеме.

Даже успешно продвигавшееся сотрудничество по Афганистану «споткнулось» о проблему распространения наркотиков. Тогда как в Москве считали правильным радикально бороться с афганской наркоугрозой, уничтожая посевы опиумного мака и предлагая крестьянам развивать другие отрасли сельского хозяйства, в Вашингтоне были уверены в необходимости поддержки афганских аграриев, для которых производство опиатов является единственной возможностью добычи средств к существованию [426].

Проблемы российско-американского взаимопонимания касались и других регионов планеты. Так, Соединенные Штаты не отказались от усиления своего влияния в Европе, что автоматически означало снижение веса России в большой европейской политике. Поэтому известная инициатива Д. А. Медведева о формировании новой архитектуры безопасности в Европе была отвергнута США и НАТО еще на старте «перезагрузки». Дело в том, что существующая натоцентрическая система европейской безопасности (в которой России нет места) вполне устраивала Запад [44, с. 25].

Так, в начале апреля 2011 г. на традиционном Всемирном российском форуме в Вашингтоне председатель комитета Госдумы по международным делам К. И. Косачев заявил, что, несмотря на «успех перезагрузки», у России накопилось немало претензий к США. Среди них он назвал ПРО, расширение НАТО, Ирак, Афганистан, Ливию, Косово, Грузию, лоббирование маршрутов транспортировки энергоносителей в обход России, а также противодействие «сотрудничеству РФ с Ираном, Венесуэлой и Сирией» [50, с. 8]. В дискуссию с российским парламентарием вступил один из идеологов американских неоконсерваторов Р. Перл, обрушившийся с ответными нападка на Россию. По его словам, серьезными препятствиями для развития российско-американского сотрудничества стали чрезмерная централизация власти, отсутствие свободы прессы и несоблюдение законов в РФ. В ответ на данные обвинения депутат-единоросс С. А. Марков назвал Р. Перла расистом и русофобом [50, с. 8].

Неудивительно, что наличие серьезных противоречий между РФ и США по целому ряду вопросов признал Д. А. Медведев 27 мая 2011 г. на встрече с Б. Обамой во время саммита во французском Довилле [596, с. 380].

Однако, конечно, наибольшим раздражителем для России стало открытое вмешательство Вашингтона во внутривнутриполитическую жизнь РФ. Ярким примером стала открытая поддержка американцами протестных выступлений в Москве в декабре 2011 г. после прошедших выборов в Госдуму VI созыва. Прежде всего, в организации и финансировании протестных настроений в РФ активное участие принимало русофобское крыло Демократической партии [358, с. 63]. Активно в работу по поддержке НКО и НПО включился М. Макфол, ставший в январе 2012 г. новым послом США в Москве, чем вызвал к себе недовольство со стороны российских властей [358, с. 8, 195]. Как отметил В. В. Путин: «Я посмотрел на первую реакцию наших американских партнеров. Первое, что сделала госсекретарь, сказала, что они нечестные и несправедливые, хотя еще не получила даже материалов наблюдателей Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ». И далее продолжил: «Она задала тон некоторым нашим деятелям внутри страны, дала сигнал. Они этот сигнал услышали и при поддержке Госдепа США начали активную работу» [482]. В 2012 г. администрация США даже создала специальный фонд для поддержки демократии в России. Как отмечала официальный представитель Госдепартамента США В. Нуланд: «У нас есть созданный с одобрения госсекретаря и Конгресса новый фонд по укреплению гражданского и информационного общества и защите прав человека в России... Он также предназначен для работы с НПО – то есть для расширения диалога с американскими НПО, поддержки молодых политических лидеров. Его объем составляет около 50 млн долларов, которые были переведены из ликвидированного российско-американского инвестфонда» [66]. Разумеется, подобное поведение американцев не могло сохранить достигнутый двумя годами ранее уровень взаимодействия. Стало очевидно, что «перезагрузка» достаточно быстро идет к своему завершению. Отдельные эксперты, например, С. А. Караганов, и вовсе прямо называли ее ошибкой с никому не нужной повесткой дня, унаследованной от прошлого [505, с. 183].

Следует отметить, что характерно, представители обеих держав достаточно спокойно рассуждали об изменении атмосферы двусторонних отношений в сторону их похолодания. Так, по словам С. А. Рябкова, у российской стороны не было иллюзий относительно безоблачного взаимодействия с США: «“Перезагрузка” – это, в принципе, одномоментный процесс, она не может продолжаться бесконечно» [518]. Председатель думского комитета по международным делам в 2011–2016 гг., член фракции «Единой России», известный телеведущий А. К. Пушкин оценивал «разрядку» в качестве временного изменения обеими сторонами, остающимися стратегическими противниками, тактики взаимодействия для достижения поставленных целей. США увидели в России лишь временного партнера, необходимого для решения афганской ситуации и иранской ядерной проблемы. В свою очередь, российская сторона воспринимала Соединенные Штаты лишь как возможный источник инвестиций в российскую экономику и как временного партнера в решении других важных вопросов, таких, например, как вступление в ВТО [487]. Поддержка США была очень важна для Москвы, за что Д. А. Медведев был благодарен Б. Обаме [115]. Россия хотела вывести торгово-экономические отношения на принципиально новый уровень. Однако ожидания Москвы не оправдались ни в политике, ни в экономике. Поэтому, как справедливо отмечал А. К. Пушкин, рано или поздно «перезагрузка» должна была завершиться [487]. А отдельные комментаторы и вовсе считали ее неудачным экспериментом [340, с. 139]. Действительно, «перезагрузка» могла иметь шансы на успех, если бы РФ и США были готовы довести до логического завершения формирование устойчивой основы российско-американских отношений [186, с. 173]. Однако сторонами был избран селективный подход для сотрудничества, что и привело к ее свертыванию.

В целом российское руководство достаточно скромно оценивало результаты «перезагрузки». Несмотря на то, что на саммите по ядерной безопасности в Сеуле 26 марта 2012 г. Д. А. Медведев назвал период 2009–2011 гг. как «лучшие три года в истории взаимоотношений между Россией и США за последнее десятилетие», добавив, что «удалось многое сделать, начиная Договором об ограничении стратегических наступательных вооружений и заканчивая нашим сотрудничеством по наиболее чувствительным международным вопросам» [115], результаты «перезагрузки» оставляли желать лучшего. Как заявил В. В. Путин: «За последние годы сделано немало в развитии российско-американских отношений. Но все-таки решить вопрос о фундаментальном изменении матрицы этих отношений пока не удалось, они по-прежнему подвержены приливам и отливам. Такая неустойчивость партнерства с Америкой – отчасти следствие живучести известных стереотипов и фобий. Наглядный пример – как Россию воспринимают на Капитолийском холме» [479]. Согласно ему, «в отношениях с США мы были бы готовы пойти действительно далеко, совершить качественный прорыв, однако при условии, что американцы на деле будут руководствоваться принципами равноправного и взаимоуважительного партнерства» [479]. Как известно, этого не произошло. Соединенные Штаты оказались не готовы к налаживанию равноправного российско-американского

сотрудничества. Поэтому понятно, почему 6 марта 2012 г. на одном из брифингов официальный представитель МИДа РФ А. К. Лукашевич заявил буквально следующее: ««Перезагрузка» – не наш термин и не наш тезис. Мы всегда исходили и продолжаем исходить из того, что Россия налаживает с США реальное равноправное стратегическое партнерство, взаимоуважительный диалог при учете интересов и позиций друг друга», пояснив, что этот термин скорее относится к тому курсу, который проводила администрация Обамы [426].

Для Вашингтона крах «перезагрузки» стал неприятностью. Однако администрация Обамы и не надеялась, что «перезагрузка» приведет к еще одному российско-американскому «медовому месяцу», как в начале 1990-х гг. [807, р. 80]. При этом, разумеется, вины за собой в нарастании новой конфронтации американцы не видели. Так, заместитель советника президента по национальной безопасности Б. Родс, являясь сторонником политики «перезагрузки», обвинял в ее крахе руководство России [866, р. 152]. Правда, конкурент Б. Обамы на президентских выборах 2012 г. М. Ромни в октябре 2011 г. прямо заявлял, что с «перезагрузкой» пора заканчивать и Вашингтону нужно показать свою силу русским [1, с. 312].

По мнению другого представителя американской элиты – М. Макфола, бывшего в 2012–2014 гг. американским послом в РФ, у «перезагрузки» были ограниченные цели, большинство из которых было достигнуто, в связи с чем к 2012 г. это понятие перестало отражать суть российско-американских отношений [581, с. 256]. Как подчеркивал американский эксперт Н. К. Гвоздев, партнерству противоречили политические реалии в обеих странах. Ни Москва, ни Вашингтон не могли согласиться на него в том виде, как его видела противоположная сторона. Еще в январе 2010 г. политолог считал, что продолжение «иллюзорного партнерства» между двумя странами приведет стороны лишь к новым разочарованиям [727]. Ключевым же фактором краха политики «перезагрузки», по убеждению М. Макфола, стало возвращение В. В. Путина на пост президента РФ. В целях укрепления своей власти внутри страны США якобы снова понадобились президенту России в качестве внешнего врага [807, р. 416]. Поэтому М. Макфол был уверен, что если бы не произошло возвращения В. В. Путина в Кремль, не было бы и нарастания напряженности между Москвой и Вашингтоном [807, р. 414]. Подобной точки зрения на судьбу «перезагрузки» придерживался и министр обороны Р. Гейтс. Для него В. В. Путин был человеком из прошлого, обуреваемым «тоской по утраченной империи, былой славе и прежнем могуществе» России [143, с. 713]. Глава Пентагона считал, что, хотя Д. А. Медведев являлся президентом, Россией по-прежнему руководил В. В. Путин, который был противником демократии, а его правительство представляло собой группу «олигархов под контролем российских спецслужб» [143, с. 555].

Таким образом, в годы президентства Д. А. Медведева ключевыми аспектами взаимодействия Москвы и Вашингтона стали следующие направления: трансформация мирового порядка; сокращение стратегических наступательных вооружений и противоракетная оборона; укрепление режима нераспространения оружия массового уничтожения; борьба с международным

терроризмом, включая сотрудничество по Афганистану; ситуация на Ближнем Востоке после начала «арабской весны»; постсоветское пространство. При этом внешняя политика России на американском направлении по-прежнему носила реагирующий характер на поведение Соединенных Штатов. Москва неоднократно подчеркивала свою готовность к развитию равноправных конструктивных российско-американских отношений. Однако их временное улучшение в большей степени зависело от Вашингтона. Именно необходимость администрации Обамы в налаживании взаимодействия с РФ для решения стоящих перед Соединенными Штатами проблем мировой повестки привела к так называемой «перезагрузке».

Данный период российско-американских отношений оказался наполненным рядом позитивных для Москвы результатов – подписание и ратификация Договора СНВ-3, отмена поправки Джексона – Вэника, поддержка России при вступлении в ВТО. К сожалению, наличие ряда глубинных противоречий, лежащих в их основе, спустя несколько лет более-менее конструктивного взаимодействия вновь привело к нагнетанию атмосферы противостояния Вашингтона и Москвы. По сути, «перезагрузка» по ряду причин была изначально обречена на неудачу. Экзистенциальные противоречия между двумя странами оказались неподвластны конъюнктурным веяниям, возобладавшим в политических кругах США в конце 2000-х гг. Последовавшие вскоре события привели Соединенные Штаты и Российскую Федерацию к новому витку противостояния, еще более напряженному, чем в начале президентства Д. А. Медведева.

Г Л А В А 8

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЯХ В 2000–2012 гг.

В 2000-е гг. между РФ и США обострились противоречия в ряде регионов мира, а также относительно урегулирования региональных конфликтов и кризисов. Как подчеркивал М. В. Братерский, в рассматриваемый период Соединенные Штаты в своей внешнеполитической деятельности все больше оперировали такими категориями, как права человека, индивидуальные права и свободы. Тем самым, если в каком-либо государстве они нарушались, американцы считали, что они имеют полное моральное право на вмешательство путем применения силы [73, с. 41–42]. Российская Федерация не разделяла данный подход, утверждая, что необходимо строго придерживаться норм международного права. Как результат, это приводило Москву и Вашингтон к разногласиям, которые все больше начинали напоминать традиционное геополитическое соперничество великих держав за расширение и сохранение сфер влияния. Как справедливо отмечал В. И. Батюк, «отсутствие какого бы то ни было режима по региональным аспектам российско-американских отношений делает данную сферу двусторонних отношений источником нестабильности – как для двусторонних взаимоотношений двух великих держав, так и для военно-политической обстановки в Евразии в целом» [45, с. 147].

Прежде всего, в 2000-е гг. в повестке российско-американских отношений находились проблемы постсоветского пространства, Афганистана и Ирака. В начале 2010-х гг. в фокусе мировой политики оказался Ближний Восток, где началась так называемая «арабская весна».

Постсоветское пространство

В плане приоритетности региональной политики для России выделялось постсоветское пространство, где в 2000-е гг. развернулось российско-американское соперничество. При этом следует отметить, что данный регион представлял собой конгломерат отдельно взятых государств, по-разному настроенных друг к другу. Порой соседние страны занимали по отношению друг к другу враждебные позиции, предъявляли претензии, что не позволяло говорить о каком-либо единстве или целостности постсоветского пространства, несмотря на появление ряда интеграционных объединений.

Важным инструментом российского влияния в регионе выступала одинаковая идентичность народов, культурно, исторически и социально связанных с Россией. По мнению британского исследователя Дж. Шерра, постсоветское пространство – «это разделенный мир, к которому принадлежат не только государства, но и разные сообщества, отраслевые интересы и транснациональные связи» [660, с. 14]. Поэтому общая идентичность позволяла России удерживать постсоветское пространство в орбите своего геополитического влияния.

Однако на рубеже веков неожиданной проблемой для Москвы стало ослабление российского влияния в регионе. Следует отметить, что на протяжении долгого времени российское руководство, называя постсоветское пространство приоритетной сферой, не уделяло должного внимания процессам нациостроительства и формирования национальной идентичности в СНГ. Вместо того, чтобы проводить эффективную социокультурную политику в этих странах, используя опыт дореволюционного и советского периодов, российская элита предпочитала «не замечать» радикально-националистических, антироссийских тенденций в культуре, в СМИ и в системе образования государств Балтии и СНГ. Расчет российской элиты только на экономические инструменты влияния не оправдался [331, с. 94].

В 2000-е гг. РФ стала проявлять повышенную внешнеполитическую активность на постсоветском пространстве. Даже отдельные представители либеральных кругов страны, например, А. Б. Чубайс, стали говорить о необходимости «либерального империализма» [526, с. 84]. Однако действия Москвы встретили противодействие со стороны США, также пытавшихся закрепиться в регионе. Запад перестал рассматривать постсоветское пространство как сферу жизненно важных национальных интересов России и включил это пространство в сферу своего влияния, своих глобальных интересов [331, с. 95]. В американском истеблишменте считали, что РФ пытается самоутвердиться за счет СНГ, восстановить статус великой державы [700, р. 201]. Поэтому необходимо решительно препятствовать планам Кремля [272, с. 308]. Для американцев было характерно убеждение в экспансионистской сущности внешнеполитического поведения России [700, р. 27]. Тем самым американцы стали все больше воспринимать соперничество с Россией на постсоветском пространстве как «игру с нулевой суммой», где идущая с Запада «демократия» противостоит «русскому неоимпериализму» [47, с. 61]. По мнению Зб. Бжезинского, которое разделяют многие представители американского политико-академического сообщества, у России экспансионизм заложен на генетическом уровне. Русское величие якобы зиждется исключительно на расширении территории. По этой причине Москва пыталась сохранить свое влияние над народами, входившими в Российскую империю, а затем в СССР [55, с. 62].

Москва не скрывала своей обеспокоенности в связи с проникновением Соединенных Штатов на постсоветское пространство, которое российский политический истеблишмент считал жизненно важной сферой национальных интересов страны. В то же время, по мнению А. А. Ирхина, значительная часть российской элиты, причастной к процессу принятия решений и их реализации, не желала выходить из положения западной полупериферии, обеспечивавшей ей сверхкомфортный уровень существования [245, с. 193]. Это говорило об ее компрадорском характере и объясняло нежелание бросать вызов Западу.

США же решили окончательно установить однополярный миропорядок, в том числе и за счет ущемления национальных интересов России. В 2000-е гг. внешнеполитический арсенал Вашингтона пополнился таким эффективным инструментом, как цветные революции. По мнению российского эксперта Д. А. Егорченкова, они позволяли Соединенным Штатам не применять

вооруженные силы, избегать негативных издержек от горячей фазы боевых действий и добиваться своих целей [183, с. 28].

На постсоветском пространстве американцы с их помощью попытались осуществить геополитическое вытеснение России. Как известно, начиная с 2003 г. в ряде ННГ произошла смена правящих элит на еще более антироссийские режимы. Прозападные политические силы получили существенную поддержку со стороны таких правительственных и неправительственных структур, как Национальный демократический институт при Демократической партии, Международный республиканский институт при Республиканской партии, Госдепартамент, Агентство США по международному развитию, «Фридом хаус» и Институт «Открытое общество» Дж. Сороса [47, с. 63].

Конечно, рассматривая феномен цветных революций, нельзя все приписывать исключительно внешнему фактору. Здесь согласимся с точкой зрения ряда исследователей, подчеркивающих роль внутренних проблем, которые создали необходимые условия для социальных протестов, вылившихся в свержение прежних властей в Грузии, Украине и Кыргызстане [27, с. 40–41; 608, с. 8; 738, р. 34]. Основная причина возникновения цветных революций заключалась в «грубых политических и экономических просчетах лидеров государств Содружества по отношению к своему собственному населению <...> в результате чего во многих странах СНГ население в своем большинстве обнищало и утратило веру в будущее. Это и породило питательную почву для революций в виде широкого недовольства масс» [529, с. 70].

Безусловно, увеличение проамериканских режимов на постсоветском пространстве было на руку Вашингтону. Поэтому США приветствовали «демократический выбор» ряда ННГ. Ни для кого не секрет, что американцы активно работали с населением и элитами постсоветских стран. Однако несмотря на то, что демократизация региона отвечала интересам США, все же не следует чрезмерно преувеличивать способности американцев по свержению неугодных режимов [738, р. 25]. Конечно, американская поддержка оппозиции сыграла значительную роль в цветных революциях, но не главную. В противном случае они успешно осуществились бы и в других постсоветских странах, чего не произошло. Например, непреодолимым препятствием для Запада оказалась Беларусь. Официальный Минск продолжал придерживаться четкой ориентации на Россию, являясь ближайшим союзником Москвы. Однако США не оставляли попыток добиться нужного для себя результата на белорусском направлении. С целью давления на «авторитарный режим Лукашенко» в 2004 г. Вашингтон принял «Акт о демократии в Беларуси», предусматривавший введение экономических санкций против Минска [686]. Председатель Комитета Госдумы по делам СНГ и связям с соотечественниками А. А. Кокошин назвал его «подтверждением жесткой позиции Запада в отношении ряда стран Содружества» [6]. Свидетельством негативного отношения со стороны Вашингтона к Минску стало и заявление К. Райс в 2005 г., когда она назвала Беларусь «последней диктатурой» в Европе [867].

Приход к власти прозападных сил в Тбилиси и Киеве подавался Вашингтоном Москве в ненавязчивой форме как якобы соответствующее российским

интересам укрепление демократии и стабильности в «ближайшем зарубежье» [529, с. 81]. Очевидно, что это было очередное лукавство со стороны американцев. Так, победа украинской оппозиции оценивалась в Вашингтоне как геополитическое поражение Кремля, стремившегося к воссозданию новой империи. Ведь, по словам М. Макфола, Оранжевая революция стала самой большой внешнеполитической катастрофой Кремля, поскольку в случае прихода к власти В. Ф. Януковича российское влияние значительно усилилось бы на всем постсоветском пространстве [808]. Как отмечал известный американский политик и публицист П. Бьюкенен, «Украина превратилась в объект геостратегического значения не из-за России, а скорее благодаря американским политикам, которые не в состоянии избавиться от менталитета “холодной войны” и стремятся зажать Россию в клещи, перетянув на свою сторону каждую из бывших советских республик» [89, с. 135]. Многие представители американской политической элиты рассматривали Оранжевую революцию как шанс распространить западное влияние дальше на Восток, в том числе на саму Россию [706, р. 82–83]. Как считал Зб. Бжезинский, дружелюбная, но прозападная Украина поможет подтолкнуть Россию в том же направлении. И напротив, зависящая от РФ Украина еще больше подтолкнет Москву к имперской модели поведения [56, с. 228].

Закреплением в Закавказье Вашингтон стремился сдержать Россию, трансформировать по своей модели регион и получить доступ к энергоресурсам [679, р. 139]. Поэтому американцы стали всячески поддерживать режим Саакашвили, что в августе 2008 г. привело к Пятидневной войне, которая к их огорчению внесла «существенные коррективы как в определении места России в новом полицентричном миропорядке, так и в понимании геополитических реалий современного мира» [138, с. 445]. Ведь после победы над Грузией РФ стала возвращать себе статус великой державы, способной на равных конкурировать с другими великими державами, независимо от их статуса и военно-политической мощи [138, с. 446]. Правда, необходимо признать, что Россия, выиграв геополитически, проиграла информационно [880, р. 590]. Запад организовал мощнейшую кампанию по поводу якобы допущенного российским руководством непропорционального ответа на действия Грузии. Позже отдельные западные СМИ признали, что именно Тбилиси начал боевые действия. Но к тому времени главное было сделано – широкая публика осталась в убеждении, что виноваты русские [501, с. 223–224, 235–236, 238, 243–245, 256].

Одновременно, как подчеркивали отдельные комментаторы, военная операция против Грузии не вызвала ни у политического, ни у военного руководства РФ победной эйфории, что свидетельствовало о серьезных проблемах в российской армии [340, с. 21].

В России цветные революции рассматривались как попытки США сменить политические режимы в СНГ на антироссийские, что создавало угрозу национальной безопасности страны [290, с. 220]. Для РФ было крайне невыгодно иметь по соседству прозападные страны, готовые разместить на своих территориях военную инфраструктуру США и НАТО. Например, Украина как причерноморское государство всегда представляла интерес для Москвы со стратегической точки зрения. По словам Н. А. Нарочницкой, «великой державой Россию сделали именно выходы к морям» [388, с. 160].

Неудивительно, что Кремль оказался крайне недоволен прозападным курсом пришедших к власти в результате цветных революций политических элит в Грузии и Украине. Это привело к изменению внешнеполитической линии РФ в отношении стран постсоветского пространства, в чем американцы усмотрели дополнительные признаки российского «неоимпериализма». Например, когда в конце 2005 г. Москва увеличила цену природного газа для Киева, Вашингтон расценил это как использование «энергетического оружия». В частности, госсекретарь К. Райс раскритиковала Кремль за использование цены на природный газ в политических целях, заявив, что «так дела не делаются». По ее мнению, подобные действия России не отвечали требованиям, предъявляемым к членам «большой восьмерки» [870]. Вице-президент Р. Чейни в своих высказываниях в адрес Москвы был еще более категоричен, назвав действия Кремля в отношении Украины и Грузии запугиванием и шантажом [918]. Кроме того, он обвинил российское руководство в нарушении прав человека, деструктивном поведении на международной арене и сотрудничестве с Ираном, Сирией, КНДР и Беларусью [708].

Обвинения со стороны Вашингтона в использовании Кремлем «энергетического оружия» звучали и во время следующих газовых конфликтов между Россией и Украиной, например, в начале 2009 г. [730]. Тогда США еще не являлись прямым конкурентом РФ на углеродном рынке Европы, поэтому действовали, в первую очередь, исходя из своих политических установок, согласно которым экспорт российских энергоносителей усиливал геополитические позиции Москвы. Соответственно, его было необходимо сдерживать.

Еще одним районом соперничества Москвы и Вашингтона стала Центральная Азия. Присутствие США в регионе после окончания активной фазы контртеррористической операции в Афганистане стало вызывать у России все большее недовольство. Многие из числа депутатов Госдумы и российской общественности задавали вопрос: насколько это соответствует национальным интересам РФ? Однако представители российского руководства в первое время публично не выказывали своего беспокойства на этот счет. Вероятно, они еще надеялись на добропорядочность американцев и верили в возможность конструктивного сотрудничества с Вашингтоном. Так, И. С. Иванов, выступая в Госдуме в рамках «Правительственного часа» 13 марта 2002 г., отреагировал на возмущение парламентариев следующим образом: необходимо не сотрясать воздух громкими заявлениями и при этом ничего не делать, а реально работать по упрочению российских позиций в центральноазиатских республиках по всем направлениям сотрудничества. В противном случае это будут делать другие, в том числе США [124].

Следует признать, что в условиях террористической угрозы, нестабильности на Северном Кавказе в начале 2000-х гг. военное присутствие США в Центральной Азии отвечало российским интересам, поскольку оно являлось одним из факторов сдерживания исламского радикализма [529, с. 98]. Однако вскоре позиция российского руководства изменилась. Появление на долгосрочной основе в ЦА военных баз НАТО вместе с прозападной ориентацией грузинского и украинского руководства стали вызывать

у Москвы все больше опасений относительно возникавшей угрозы юго-западным рубежам РФ [758, р. 50]. И для них были все основания. Согласно заявлению помощника госсекретаря по делам Европы и Евразии Э. Джоунса, сделанному во время турне по центральноазиатскому региону в январе 2002 г., «когда конфликт завершится, мы не уйдем из Центральной Азии. Во всех пяти странах мы должны расширять постоянную поддержку демократических институтов, местных неправительственных организаций и независимых организаций, и независимых средств массовой информации. Сотрудничая со странами региона в борьбе с терроризмом, мы должны усилить акцент на соблюдение прав человека» [155, с. 46].

После Грузии и Украины Кремль был обеспокоен и возможностью осуществления в среднеазиатских государствах цветных революций, инспирированных Вашингтоном. Примером стали события в Кыргызстане и Узбекистане в 2005 г. В силу того, что пришедший к власти в Бишкеке К. С. Бакиев не стал дистанцироваться от России, свержение режима А. А. Акаева не рассматривалось как открытый антироссийский шаг [581, с. 158]. Что же касается попытки свержения режима И. А. Каримова, то неудача в Андижане рассматривалась как потеря для интересов США в регионе и выгода Кремля [581, с. 161]. Это неудивительно, поскольку Москва испытывала откровенный дискомфорт от военного присутствия американцев в Центральной Азии. Кроме того, Соединенные Штаты смешали в своей политике принципы распространения демократии с поиском выгод для себя в геэкономическом плане, что не могло не вызвать раздражения у российской элиты [76, с. 69–70]. Как известно, в рамках американской стратегии закрепления в данном регионе в США появился проект Большой Центральной Азии. Его автор – профессор С. Ф. Старр допускал, что РФ и КНР подобные планы американцев не понравятся, и это приведет к нарастанию противоречий [895, р. 176]. Однако администрация Буша-мл. пришла к заключению, что, несмотря на наличие тесных связей между Россией и центральноазиатскими странами, Москва более не обладает монополией на проведение в данном регионе своей политики [75, с. 62].

Россия была заинтересована в обеспечении безопасности своих южных границ путем купирования имевшихся угроз, доступа к природным ресурсам региона и маршрутам их транспортировки, защите интересов этнических русских и сохранении Центральной Азии в сфере своего культурного влияния [75, с. 62–63]. Проблемы исламского экстремизма, особенно с учетом нестабильной ситуации на Северном Кавказе, и наркотрафика заставили Москву подключиться к поиску их решений во взаимодействии со среднеазиатскими республиками и Китаем. Результатом стало участие РФ в Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества. Оно рассматривалось российским руководством в том числе и как возможность противодействия западному влиянию в регионе. Например, в июле 2005 г. в Астане участниками саммита ШОС был поставлен вопрос о сроках нахождения в центральноазиатских странах американских баз, что привело к усилению напряженности с США [256, с. 14]. Тем самым организация стала превращаться в одну из составляющих рождающегося многополярного мира

[180, с. 53]. Многие стали воспринимать организацию в качестве альтернативы или даже противовеса Западу [368, с. 161]. В этом плане можно полностью согласиться с точкой зрения известного российского востоковеда С. Г. Лузянина, который подчеркивал, что идеологической основой ШОС стала официально не декларируемая доктрина «сдерживания» Запада [347, с. 336].

С середины 2000-х гг. Россия на постсоветском пространстве к удивлению американцев, привыкших к ее пассивности, стала занимать более активную позицию. Однако, к сожалению, она не смогла предложить ННГ свою эффективную повестку, которая бы их заинтересовала, а не испугала российскими имперскими амбициями. На подобных фантомных страхах постсоветских элит продолжали активно играть американцы. Так, К. Райс объясняла основные противоречия между Москвой и Вашингтоном необоснованными претензиями России на постсоветское пространство и регион ЦВЕ, тогда как данные страны имели полное право самостоятельно выбирать дальнейшие пути своего развития [868, р. 693].

В период «перезагрузки» на постсоветском пространстве наметился временный отход от жесткого противостояния РФ и США [497, с. 96]. В начале 2010-х гг. Вашингтон уделял меньшее внимание региону и ключевым странам вроде Украины. Это объяснялось не только «перезагрузкой» с РФ, но и сосредоточенностью администрации Обамы на проблемах Большого Ближнего Востока и АТР [814, р. 65].

Вашингтон, согласно формулировке вице-президента США Дж. Байдена, отказался от «большой игры» за влияние на постсоветском пространстве, поступился стратегией «продвижения» демократии и сделал упор на обеспечение стабильности региона [563, с. 236].

При этом Соединенные Штаты продолжали критиковать поведение России на постсоветском пространстве. Так, госсекретарь Х. Клинтон интерпретировала интеграционную политику Москвы как стремление В. В. Путина восстановить былую мощь России путем установления контроля над своими соседями [267, с. 283]. По ее мнению, российский проект создания Таможенного союза не что иное, как попытка Кремля воссоздать утраченную ранее империю [267, с. 296]. Она была уверена, что истинная политика В. В. Путина заключается в поглощении постсоветских государств – Таможенный союз и Евразийский союз являются лишь прикрытием имперских амбиций Москвы [267, с. 299]. Поэтому необходимо «найти действенные способы замедлить или предотвратить это» [713].

Возможно, как отмечал В. И. Батюк, урегулированию российско-американских разногласий на постсоветском пространстве могла бы способствовать его «финляндизация» – отказ от продвижения НАТО на Восток в обмен на обязательства Кремля уважать независимость бывших советских республик [47, с. 73]. Однако ни Москва, ни Вашингтон не пошли на подобный шаг, поскольку все еще надеялись одержать верх в геополитической борьбе за регион.

Таким образом, в 2000-е гг. усиление американского влияния на постсоветском пространстве вызывало у Москвы значительное беспокойство. Российская элита считала данный регион сферой своих жизненно важных интересов. Однако предложить какую-либо интересную для ННГ повестку Россия

не смогла. Это привело к укреплению американских позиций в ряде постсоветских государств и ослаблению российского влияния в регионе. Тем не менее к концу 2000-х – началу 2010-х гг. РФ удалось несколько упрочить свое место на постсоветском пространстве. При этом геополитическая борьба с Вашингтоном никуда не исчезла.

Афганская проблема

В 2000-е гг. в центре мировой политики оказалась борьба с международным терроризмом. После терактов 11 сентября 2001 г. Россия и США стали партнерами по борьбе с этой угрозой, что дало основания говорить о позитивных сдвигах в российско-американских отношениях. Взаимодействие с Соединенными Штатами в данной сфере полностью соответствовало национальным интересам РФ. Как подчеркивал американский политолог Дж. Айкенберри, Москва умело воспользовалась создавшейся ситуацией для решения своих проблем [766, р. 30]. Действительно, сотрудничество с Соединенными Штатами в борьбе с терроризмом позволяло включить в него «головную боль» Кремля – чеченских боевиков, которые к тому времени уже стали неотъемлемой частью международного терроризма, и смягчить жесткую критику Западом действий Москвы в Чечне [566, с. 515]. При этом среди российской политической и военной элиты не было единой точки зрения относительно степени участия страны в антитеррористической операции. Позицию В. В. Путина однозначно поддержала прозападная часть российского истеблишмента. Это порядка 10–15% от всей российской элиты [620, с. 653]. Остальные заняли либо нейтральную, либо антиамериканскую позицию. Например, у российских военных вызывало тревогу использование НАТО территории центральноазиатских государств, которые рассматривались в качестве сферы влияния Москвы [659, с. 288]. Тем не менее в начале октября 2001 г. министр обороны РФ С. Б. Иванов заявил, что Россия поддерживает любые усилия, направленные против международного терроризма [258, с. 103].

Довольно сильными антиамериканские настроения были у российских парламентариев. Так, на встрече В. В. Путина с лидерами Федерального Собрания в сентябре 2001 г. 18 ее участников высказались за нейтралитет в предстоявшей антитеррористической операции в Афганистане, один (В. В. Жириновский) – за поддержку талибов и лишь двое (Г. А. Явлинский и Б. Е. Немцов) – за совместные действия с Соединенными Штатами [657, с. 45]. Так, с точки зрения Б. Е. Немцова, в результате событий 11 сентября 2001 г. возник уникальный шанс для России стать частью Запада, который нельзя вновь упустить, как это случилось в 1945 и 1989 гг. [620, с. 653]. Г. А. Зюганов и вовсе поставил В. В. Путина в один ряд с одиозными для него М. С. Горбачевым и Б. Н. Ельциным. По мнению лидера КПРФ, «страна проигрывает с треском почти все... Путин почти полностью сдает все наследство тысячелетней державы» [657, с. 46].

Достаточно высокой оказалась поддержка американцев в крупных российских мегаполисах. Так, 85% москвичей выразили мнение, что «нападение на Соединенные Штаты равнозначно нападению на все человечество» [718, р. 46].

24 сентября, выступая по телевидению, президент В. В. Путин сформулировал российскую позицию окончательно, заявив о готовности вступить в анти-террористическую коалицию, но без участия в боевых операциях [659, с. 292].

Следует отметить, что администрация Буша-мл. попыталась рассеять опасения по поводу американских намерений в Центральной Азии. В частности, в интервью «Известиям» К. Райс заявила, что США руководствуются «духом Любяны и Женевы», что они не намерены вытеснить Россию из Центральной Азии и признают, что у России есть свои интересы в этом регионе. А в начале ноября 2001 г. Москву посетил министр обороны США Д. Рамсфелд, чтобы заручиться российским согласием на расширение американского военного присутствия в бывших советских республиках [258, с. 103]. При этом сами политические элиты государств Центральной Азии были непротив нахождения баз Североатлантического альянса в регионе. Как пишет Дж. Буш-мл. в своих мемуарах, одним из важнейших шагов наметившего сотрудничества было обещание В. В. Путина договориться с руководством Узбекистана и Таджикистана об их согласии на переброску через их территорию американских военнослужащих в Афганистан [87, с. 235]. Кроме того, по словам Д. Рамсфелда, Москва была готова поделиться с американцами важными разведданными, имевшимися у нее со времен войны СССР в Афганистане [875, р. 167].

Действительно, в рамках борьбы с международным терроризмом Кремль согласился открыть воздушное пространство РФ для транспортной авиации НАТО, наладить обмен разведывательной информацией между российскими и американскими спецслужбами, осуществлять поставки вооружений силам Северного альянса, не возражать против появления американских баз в Центральной Азии. Так, с согласия Москвы Вашингтон получил в свое распоряжение авиабазы Ханабад и Кокайды в Узбекистане, Манас в Кыргызстане, Душанбе и Куляб в Таджикистане, что позволило американцам контролировать воздушное пространство всего региона [155, с. 44]. В. В. Путин пошел на этот шаг, несмотря на перспективу нахождения военного контингента НАТО в российской зоне влияния. Тем самым Москва стала более важным партнером США, чем Западная Европа [618, с. 39]. Этим руководство РФ показывало Западу свою искреннюю готовность к сотрудничеству.

Бесспорно, в Афганистане РФ оказала США существенную помощь. Как известно, именно вооруженный российским оружием Северный альянс проделал в ходе военной операции, двигаясь с севера на юг страны (Мазари-Шариф, Кабул, Кандагар), большую часть «грязной» работы за американцев. Это привело к стремительному поражению талибов в ноябре – декабре 2001 г. [620, с. 660]. Британский политолог А. Ливен даже назвал роль России центральной в антитеррористической коалиции несмотря на то, что российские войска непосредственно не приняли участия в боевых действиях на территории Афганистана [791, р. 251].

Таким образом, когда США потребовалась российская поддержка в операции против афганских талибов, Россия попала в число партнеров США по борьбе с терроризмом, что дало основания говорить о позитивных сдвигах в российско-американских отношениях, которых тщетно ожидали на протяжении предшествующих десяти лет [443, с. 109–110].

После завершения активной фазы контртеррористической операции отношение Москвы к развитию ситуации в Афганистане было двойственным. С одной стороны, российское руководство опасалось дестабилизации ситуации в центральноазиатском регионе в том случае, если американцы уйдут из Афганистана до того, как государственная власть в Афганистане окрепнет, чтобы контролировать страну [1, с. 368]. С другой стороны, чем дольше продолжалось американское присутствие в Центральной Азии, тем труднее Москве было отстаивать свои национальные интересы в регионе. Поэтому шаги России навстречу США по решению афганской проблемы сдерживались геополитическим соперничеством двух держав за влияние [581, с. 277]. Во время рабочей поездки Б. Обамы в Москву в июле 2009 г. было подписано соглашение о транспортировке через российскую территорию военных грузов. Российское руководство предоставило американцам возможность использовать аэропорт «Восточный» близ Ульяновска для транзита транспортных самолетов (до 30 в сутки) НАТО в Афганистан [563, с. 236]. Для Б. Обамы стало приятным сюрпризом, когда Д. А. Медведев неожиданно предложил расширить логистический маршрут для переброски невоенных грузов в Афганистан [581, с. 264]. При этом в начале 2010-х гг. Москва обвиняла Запад в ошибках и недоработках в процессе стабилизации обстановки в Афганистане, что могло привести после вывода натовского контингента к источнику опасных угроз для региона [1, с. 370–371].

К тому же позицию Кремля относительно сотрудничества с США по Афганистану разделяли далеко не все представители российского истеблишмента. Так, в начале 2011 г. фракция КПРФ голосовала в Госдуме против ратификации российско-американского межправительственного соглашения о транзите военной техники и вооружения США в Афганистан через территорию России. По словам бывшего тогда первым заместителем председателя комитета Госдумы по международным делам, секретаря ЦК КПРФ Л. И. Калашникова: «Это соглашение не только обслуживает натовскую политику в отношении Афганистана, но и представляет абсолютную одностороннюю уступку в этом вопросе со стороны РФ» [629].

Тем не менее можно отметить, что к моменту истечения президентского срока Д. А. Медведева российско-американское сотрудничество по Афганистану стало одним из важнейших достижений «перезагрузки» после подписания Договора СНВ-3 [581, с. 279]. Это объяснялось осознанием важности борьбы с терроризмом, что и подвигло российское руководство поддержать Соединенные Штаты в Афганистане.

Иракская проблема

Принципиально иной, нежели афганская проблема, была ситуация вокруг Ирака. Ближний Восток стал одним из приоритетных направлений внешней политики неоконсерваторов. Исходя из этого, иракская проблема в российско-американских отношениях приобрела дополнительную остроту. Решение Вашингтона осуществить вторжение в эту страну стало причиной серьезных разногласий между РФ и США [883].

В администрации Буша-мл. было немало сторонников использования силы для решения иракского вопроса, находившегося в международной

повестке с начала 1990-х гг. Уже на первом заседании Совета национальной безопасности в январе 2001 г. вице-президент Р. Чейни и министр обороны Д. Рамсфелд инициировали обсуждение «проблемы Ирака» [922, р. 213]. В последующие месяцы Вашингтон стал наращивать в ООН планомерное давление на режим С. Хусейна.

Летом 2002 г. Багдад согласился на возобновление международного мониторинга за своими разоруженческими программами, что было расценено Москвой как важный шаг в направлении решения иракского вопроса политико-дипломатическими методами. Однако Вашингтон возобновил психологическую подготовку военной операции против Ирака. Так, один из видных представителей неоконсерваторов, занимавший с 2001 по 2005 г. должность замминистра обороны США, П. Вулфовиц говорил о необходимости свержения иракского режима, поскольку Ирак следует превратить в «первую арабскую демократию». После терактов 11 сентября 2001 г. он потребовал нанести удар по Ираку, однако тогда в американском руководстве победило мнение тех, кто выбрал объектом удара не Ирак, а Афганистан [466, с. 335].

Однако иракская проблема не исчезла из внешнеполитического фокуса США. Вашингтон занялся поисками поводов для проведения военной операции против Ирака. Официальные лица США, не имея прямых доказательств, во всеуслышание заявляли о тесных связях Багдада с аль-Каидой. При этом, по словам С. Риттера, работавшего в конце 1990-х гг. в качестве инспектора в Спецкомиссии ООН, Вашингтон опирался на данные, которые сама американская разведка считала сомнительными [872, р. 290].

Потерпев фиаско с версиями об обладании Ираком ОМУ и его связями с аль-Каидой, Вашингтон все больше стал мотивировать свои действия стремлением демократизации не только этой страны, но и всего Большого Ближнего Востока. Дж. Буш-мл. был убежден в необходимости «распространения свободы» по всему миру [928, р. 88]. По его мнению, Ирак вполне «созрел» для своей демократизации [704, р. 232]. Эту идею поддерживали «ястребы» в его администрации – Р. Чейни, Д. Рамсфелд, П. Вулфовиц, Дж. Болтон и др.

Однако на этапе подготовки военной операции ее не поддержали даже многие американские союзники в регионе – Турция, Саудовская Аравия, Кувейт, Иордания. Категорически против военных действий высказалось руководство Германии и Франции. Правда, администрация Буш-мл. особо не опасалась «одиошества» Америки, поскольку ее члены были уверены в американском могуществе [927, р. 81].

Другое дело, отношение к военной операции внутри самих Соединенных Штатов. Целый ряд американских политиков и экспертов были против военного вторжения в Ирак без одобрения СБ ООН. Не разделяли намерений Белого дома и многие рядовые американцы. По этой причине Вашингтон решил не пренебрегать мнением мирового сообщества и попытаться получить его одобрение. Так, 12 сентября 2002 г. Дж. Буш-мл., выступая в ООН, использовал весь набор традиционных аргументов в пользу удара по «ненавистному режиму Саддама Хусейна» и призвал Совет Безопасности добиваться от Ирака выполнения более десятка резолюций, принятых по этой стране [470, с. 134].

Учитывая решительный настрой Вашингтона на использование силы, Россия активизировала свои дипломатические усилия, чтобы склонить Багдад к возвращению в страну Спецкомиссии ООН. 16 сентября 2002 г. иракское руководство уведомило генсека организации К. Аннана о готовности вернуть инспекторов без всяких условий. В результате Вашингтон лишился прямого предложения для военного удара по Ираку [470, с. 134].

8 ноября 2002 г. СБ ООН единогласно принял резолюцию 1441, которая предполагала начало новых инспекций в этой ближневосточной стране и исключала возможность автоматического применения военной силы, чего добились США и против чего категорически выступала РФ [865]. В ней подтверждалось уважение суверенитета и территориальной целостности Ирака. Принятие резолюции 1441 позволило инспекторам возобновить свою работу в этой стране. Однако вскоре Белый дом заявил о ее нарушении С. Хусейном. Дж. Буш-мл. отметил, что будет добиваться принятия новой резолюции СБ ООН, санкционирующей применение силы против Ирака. Американцы даже предлагали РФ компенсацию за поддержку, включая заверения о возврате России иракского долга в размере 8 млрд долл., а также обещали допустить российские компании к восстановлению послевоенного Ирака и даже отменить «поправку Джексона – Вэника» [145, с. 394]. Российское руководство отказалось от этого предложения. При этом оно до последнего надеялось, что вопрос о военной операции против Ирака не будет поставлен в СБ ООН. Москва считала, что не следует вносить подобную резолюцию, поскольку еще не исчерпан потенциал политико-дипломатических средств для решения тех задач, которые поставлены в принятых резолюциях [236].

9 января 2003 г. глава Спецкомиссии ООН Х. Бликс проинформировал членов Совета Безопасности ООН, что международным инспекторам не удалось найти в Ираке доказательств производства или наличия ОМУ. Вашингтон остался недоволен результатами инспекций. Комментируя американскую позицию, глава МИДа РФ И. С. Иванов отмечал, что относительно Ирака у международного сообщества, согласно всем резолюциям СБ ООН, есть конкретные цели и задачи – ликвидация ОМУ, если оно там будет обнаружено. А если нет, то все санкции против Ирака необходимо снимать. Смена режима Саддама Хусейна в этих документах нигде не фигурировала [238]. В конце января 2003 г. президент В. В. Путин допускал изменение Россией своей позиции в процессе обсуждения проблемы с другими постоянными членами СБ ООН, если Ирак будет сопротивляться проверкам со стороны международного сообщества [116]. Однако на сей раз Багдад не давал для этого повода, в связи с чем РФ продолжала настаивать на дипломатическом урегулировании иракской проблемы.

По словам экс-госсекретаря М. Олбрайт, никакой непосредственной угрозы для США от Ирака не исходило [416, с. 114]. Но Дж. Буш-мл. искренне верил, что он обеспечит безопасность Америки, начав военную операцию против режима С. Хусейна. 1 февраля 2003 г. американский президент и британский премьер-министр Т. Блэр выступили с обвинением в адрес Ирака в отказе разоружаться и выполнять требования соответствующих резолюций СБ ООН. 5 февраля 2003 г. госсекретарь США К. Пауэлл на заседании СБ ООН

представил доклад, посвященный иракской проблеме [3]. В присутствии сидевшего рядом с ним директора ЦРУ Дж. Тенета он, сам того не зная, зачитал длинный список ложных обвинений, включая утверждение о том, что Багдад якобы обладает передвижными лабораториями по производству биологического оружия, которое угрожает не только Ближнему Востоку, но и всему миру [416, с. 114; 912, р. 67]. Однако К. Пауэллу не удалось убедить мировое сообщество в обоснованности американских доводов. 8 февраля 2003 г. министр обороны США Д. Рамсфелд подверг резкой критике позицию ООН по Ираку, заявив, что она не принимает решительных мер для пресечения террористической деятельности Багдада.

За три недели до начала американской операции против Ирака Е. М. Примаков встретился с С. Хусейном, которому передал устное послание В. В. Путина с призывом уйти с поста президента и обратиться к иракскому парламенту с предложением провести в стране демократические выборы. По словам Е. М. Примакова, поручая ему эту миссию, президент России сказал, что, возможно, это последний шанс предотвратить начало военных действий США против Ирака. Однако в ответ С. Хусейн стал обвинять Москву в том, что русские вновь, как и во время войны в 1991 г., его обманывают [466, с. 331–332].

Одновременно Россия продолжала диалог с Соединенными Штатами, пытаясь убедить американцев отказаться от военного вторжения в Ирак. Так, с этой целью накануне войны в Вашингтон прилетал глава президентской администрации А. С. Волошин. Однако его поездка также оказалась безуспешной. При этом на встрече с американскими экспертами (Л. Ароном, Н. В. Злобиным, Р. Перлом, Ф. Хилл, Р. Сикорским и Э. Эппелбаум) он заверил собеседников, что разногласия по Ираку не приведут к конфликту между РФ и США или охлаждению отношений между двумя президентами [214, с. 86–87].

Наряду с Москвой решительными противниками проведения военной операции в Ираке были Берлин и Париж. 10 февраля 2003 г. Россия, Германия и Франция приняли совместное заявление по Ираку, в котором подчеркивалось, что резолюция 1441 дает все основания для завершения процесса иракского разоружения. Но 24 февраля 2003 г. США совместно с Великобританией и Испанией представили на рассмотрение в СБ ООН новый проект резолюции по Ираку, где Багдад обвинялся в невыполнении условий резолюции 1441, что давало возможность применить силу [145, с. 394].

На пресс-конференции 5 марта 2003 г. И. С. Иванов вместе со своими немецким и французским коллегами объявил о решении ее заблокировать. Глава МИДа РФ заявил о важности соблюдения всеми членами мирового сообщества принципов международного права. 19 марта 2003 г. на экстренном заседании СБ ООН министры иностранных дел России, Франции и Германии осудили решение Вашингтона о начале военной операции в Ираке. Возможно, это стало ошибкой российской дипломатии. Публичное обещание применить право вето привело к тому, что Вашингтон просто отказался от всякого сотрудничества в рамках ООН и стал действовать односторонне. С другой стороны, американские неокконы в любом случае были настроены на свержение режима С. Хусейна.

20 марта 2003 г. началась военная операция «Иракская свобода». В результате вторжения в Ирак напряженность в российско-американских отношениях усилилась. В первые же дни войны руководство РФ публично осудило действия Вашингтона, назвав их серьезной политической ошибкой. Так, В. В. Путин считал военную операцию незаконной и создающей угрозу международной стабильности. Премьер-министр М. М. Касьянов высказал сожаление, что иракский кризис начал решаться без одобрения СБ ООН, и пообещал оказать помощь иракским беженцам [108]. А министр иностранных дел И. С. Иванов назвал решение американского руководства ошибкой, которая разрушит антитеррористическую коалицию и приведет к тяжелым последствиям, в том числе для самих Соединенных Штатов [292].

С критикой действий Вашингтона выступили и российские парламентарии, сделав ряд громких заявлений. Например, заместитель председателя Госдумы Л. К. Слиска подчеркнула, что «мы должны сохранить честь флага и сделать заявление, осуждающее агрессию» [292]. Яблочник В. П. Лукин, также занимавший пост вице-спикера, тоже раскритиковал действия Вашингтона в отношении Ирака. Правда, при этом политик обратил внимание и на вторую сторону данной проблемы – одиозный режим С. Хусейна [665, с. 462]. Поэтому В. П. Лукин все же призывал не идти на жесткую конфронтацию с американцами, поскольку РФ была к ней не готова, и она не отвечала национальным интересам страны.

Позиция других парламентариев была на порядок жестче. Так, глава комитета Госдумы по международным делам Д. О. Рогозин призвал коллег воздержаться от поездок в Америку и другие страны, которые участвуют в войне против Ирака. По его мнению, война «носит характер общенациональной угрозы для Российской Федерации в частности и для мира в целом» [108]. Довольно жесткой была реакция фракции ЛДПР. В. В. Жириновский прямо назвал США агрессором [418, с. 26]. А. В. Митрофанов даже призвал российское руководство немедленно начать поставки Ираку вооружений. Получили известность его популистские слова о необходимости решительных действий против США: «Назначьте меня командующим ракетными войсками стратегического назначения – и я через неделю все решу. У нас есть потенциал втроекратно уничтожить Америку, и мы это можем доказать» [371].

Из-за несогласия с американским вторжением в Ирак парламентарии решили отложить ратификацию Договора СНП, подписанного 24 мая 2002 г., и предложили увеличить военные расходы России до 3,5% ВВП. Глава комитета Совета Федерации по международным делам М. В. Маргелов высказался за срочный созыв Генассамблеи ООН, подчеркнув, что говорить сейчас о срочном созыве СБ вряд ли имеет смысл. По его словам, «России сегодня надо продолжать работать в рамках ООН с нашими американскими партнерами с тем, чтобы убедить их в необходимости в срочнейшем порядке вернуть обсуждение этой проблемы в рамки ООН и, естественно, обсудить послевоенное обустройство Ирака» [108].

Ситуация вокруг Ирака еще более усилила антиамериканские настроения в России. В опросах общественного мнения более 90% респондентов выразили свое негативное отношение к военной кампании США, хотя и не выказали

особых симпатий к С. Хусейну [145, с. 395]. Позиция россиян была несколько смягчена только после того, как 3 апреля 2003 г. В. В. Путин заявил, что «Россия не заинтересована в поражении США» в Ираке [564, с. 106]. В 2004 г., по данным опросов ВЦИОМ, 48% респондентов воспринимали Америку положительно, а 41% – негативно [141, с. 82]. В сентябре 2005 г., по данным ВЦИОМ, две трети граждан РФ (68%) оценивали российско-американские отношения положительно – как дружественные (12%), добрососедские (14%) или нормальные, спокойные (42%). Отрицательные оценки отношениям Москвы и Вашингтона давали 27% опрошенных, в том числе 19% характеризовали их как «прохладные». Если в 2003–2004 гг. положительные оценки преобладали над отрицательными не очень заметно, то в 2005 г. доминирование стало более чем двукратным (в 2003 г. +51 и –45%, в 2004 г. +48 и –41%, в 2005 г. +68 и –27%). При этом речь шла не о каком-то новом подъеме в двусторонних отношениях, а скорее просто о снижении негативных оценок политики Соединенных Штатов, весьма широко распространившихся в России в результате вторжения американцев в Ирак [507].

Безусловно, иракская проблема сказалась на атмосфере российско-американских отношений. Расхождения между Москвой и Вашингтоном по поводу Ирака продемонстрировали, что идея стратегического партнерства оказалась наивной. Если между лидерами двух стран взаимоотношения остались доверительными, то на межгосударственном уровне вторжение в Ирак усилило разногласия между Москвой и Вашингтоном. Российское руководство по-прежнему считало, что администрация Буша повела себя неправильно, начав новую войну в Персидском заливе. Известен факт телефонного звонка В. В. Путина Дж. Бушу-мл. 24 марта 2003 г., в котором президент России предупредил своего коллегу об огромных трудностях впереди [928, р. 404]. По окончании встречи с президентом Египта Х. Мубараком в Каире 17 июля 2003 г. министр иностранных дел РФ И. С. Иванов заявил, что Россия не изменила своей позиции относительно военного вторжения США и по-прежнему считает его ошибкой [441].

Как показало время, российское руководство оказалось право. После свержения режима С. Хусейна в Ираке началась гражданская война. Страна на несколько лет погрузилась в хаос. Американцы не справились с полицейской миссией в Ираке. Иракская политика администрации Буша-мл. стала предметом острых дискуссий в политических кругах США. Однако к концу 2000-х гг. острота иракской проблемы в российско-американских отношениях существенно снизилась, и она была практически снята с повестки дня.

Ливийский кризис

В начале 2010-х гг. по ближневосточному региону прокатилась волна революций, получившая название «арабская весна». Она затронула ряд стран – Тунис, Египет, Ливию, Сирию. США в той или иной степени оказались причастны к данным событиям. Особо заметным стало их вовлечение в развитие ситуации в Ливии и Сирии. Вашингтон, прикрываясь демократизацией, попытался использовать «арабскую весну» для усиления своих позиций в мире, после ряда провалов в Афганистане и Ираке.

Внешний фактор в лице Запада стал определяющим для свержения режима Каддафи в Ливии. В 2011 г. страна оказалась охвачена протестными настроениями, вылившимися в кровавое противостояние с режимом Каддафи. В Бенгази оппозицией был образован Переходный национальный совет, с которым Запад вступил в контакт. Тем временем ситуация в стране продолжала ухудшаться, в результате чего она стала предметом рассмотрения в СБ ООН. 26 февраля 2011 г. была принята резолюция 1970, в соответствии с которой против Ливии вводилось оружейное эмбарго, накладывался запрет на международные поездки семьи Каддафи, а также замораживались их зарубежные активы. Россия поддержала данную резолюцию. При этом российский постпред в ООН В. И. Чуркин заявил, что Москва считает «категорически неприемлемым применение военной силы против мирных демонстраций и любые другие проявления насилия... Урегулирование сложившейся в Ливии ситуации возможно исключительно в случае ее перевода в политическое русло» [643, с. 305].

Однако ливийский конфликт продолжал развиваться по конфронтационному сценарию, что потребовало нового рассмотрения в СБ ООН. Началась работа над ее проектом. США предложили взять контроль над стратегическими объектами в Ливии. При этом, по мнению В. И. Чуркина, имея Афганистан и Ирак, ввязываться в еще одну войну американцы не хотели.

17 марта СБ ООН была принята резолюция 1973, ставшая одним из самых спорных решений. Считается, что решающую роль в ее принятии сыграла официальный представитель США в ООН С. Райс [729]. Данная резолюция уполномочивала государства-члены принимать «все необходимые меры» для защиты гражданского населения, исключая любую возможность пребывания иностранных оккупационных сил на ливийской территории. Кроме того, вводился запрет на все полеты в ливийском воздушном пространстве. Для этого государства-члены могли принимать все необходимые меры для обеспечения соблюдения запрета на полеты. Американцы при обсуждении проекта резолюции откровенно предупредили, что установление бесполетной зоны означает уничтожение ливийских средств ПВО, но речи о посылке оккупационных сил не идет. В результате при голосовании в СБ ООН РФ, КНР, ЮАР, Ливан и ФРГ воздержались. При этом Россия выступила против чрезмерного использования силы. В своем выступлении после принятия резолюции 1973 В. И. Чуркин пояснил российскую позицию: «Российская Федерация воздержалась по представленному проекту резолюции по Ливии исходя из ряда принципиальных соображений. Наша позиция в отношении однозначной неприемлемости применения силы против мирного населения Ливии остается неизменной. <...> Исходим из того, что соответствующие требования, содержащиеся в единогласно принятой в 2011 году резолюции 1970 Совета Безопасности, должны быть полностью и скорейшим образом выполнены ливийскими властями. До сих пор этого сделано не было. <...> Еще раз подчеркну: мы последовательно и твердо выступаем за безусловное обеспечение защиты гражданских лиц. Руководствуясь именно этим базовым принципом и общими гуманитарными ценностями с соавторами проекта и другими членами Совета Безопасности, Россия не воспрепятствовала принятию

резолуции. Однако мы убеждены, что кратчайший путь к надежной безопасности мирного населения и долгосрочной стабилизации обстановки в Ливии – незамедлительное прекращение огня...» [643, с. 307–308].

Но события в Ливии стали развиваться именно по тому сценарию, против которого выступала РФ. Используя резолюцию 1973, НАТО оказала прямую поддержку Переходному национальному совету, начав бомбардировки правительственных позиций [73, с. 43]. Хотя изначально в администрации Обамы не было единства мнений относительно применения силы. Так, вице-президент Дж. Байден, министр обороны Р. Гейтс, советник президента по национальной безопасности Т. Донилен и его заместитель Д. Макдоноу, глава администрации президента У. Дэйли, председатель объединенного комитета начальников штабов М. Маллен, советник президента по борьбе с терроризмом Дж. Бреннан предостерегали от военного вмешательства. Госсекретарь Х. Клинтон, посол в ООН С. Райс и сотрудники Совета по национальной безопасности Б. Роудс и С. Пауэр, наоборот, настаивали на «энергичных действиях» в Ливии [143, с. 686–687]. Однако, например, на позицию главы Пентагона влияли чисто прагматические факторы. Р. Гейтс считал, что вооруженные силы США «были изнурены двумя текущими войнами (в Афганистане и Ираке. – А. К.), а кризис в Ливии грозил перерасти в затяжной конфликт» [143, с. 687].

Вскоре в нарушение резолюции 1970 последовали поставки ливийской оппозиции оружия. Спустя несколько месяцев судьба М. Каддафи оказалась предрешена – он был схвачен повстанцами и зверски убит. Х. Клинтон, видя эти жуткие кадры, проявила неподдельную радость.

Злоупотребление Западом резолюции СБ ООН 1973 по Ливии стало сильнейшим разочарованием для Москвы. В очередной раз российское руководство почувствовало себя обманутым. В конце марта 2011 г. Д. А. Медведев в беседе с главой Пентагона Р. Гейтсом выразил опасения, что распад Ливии дестабилизирует ближневосточный регион, а террористы создадут угрозу Северному Кавказу [143, с. 711]. Хотя, как известно, относительно принятия резолюции СБ ООН 1973 по Ливии взгляды Д. А. Медведева и В. В. Путина, назвавшего действия НАТО «крестовым походом», кардинально разошлись. М. Макфол даже посчитал, что данный факт привел к их размолвке, после чего Д. А. Медведев якобы утратил доверие у В. В. Путина [807, р. 225–227].

В российских политических кругах также далеко не все поддержали позицию Кремля по Ливии. Так, в марте 2011 г. фракция ЛДПР голосовала против заявления Госдумы, поддерживавшего решение президента Д. А. Медведева по ливийской ситуации. В. В. Жириновский заявлял, что вторжение в эту страну является планом Запада по «переформатированию» исламского мира [102, с. 147]. Он был уверен, что в Ливии европейцы свергли М. Каддафи под руководством Вашингтона [418, с. 53]. Ливийский лидер был готов дружить с РФ. Но в Кремле этого не хотели и неграмотно проводили внешнюю политику. Поэтому, с точки зрения ЛДПР, Россия потеряла там огромные деньги и рабочие места [630, с. 45].

20 декабря 2011 г. на закрытых консультациях СБ ООН состоялось обсуждение событий в Ливии. В своем выступлении В. И. Чуркин, обратив внимание на погибших гражданских лиц, заявил, что необходимо провести

расследование действий НАТО в ливийской кампании. В ответ, не найдя достояных аргументов, американский постпред С. Райс обвинила своего российского коллегу в «дешевом трюкачестве» [643, с. 310–311].

В результате, прямое вмешательство западных стран, в том числе США, в гражданский конфликт на стороне ливийской оппозиции привело к мучительной гибели М. Каддафи и хаосу в некогда довольно благополучной стране. Свои действия Запад обосновал резолюцией СБ ООН на использование силы. Именно после Ливии в Москве окончательно поняли, что Запад ради достижения своих целей готов манипулировать решениями СБ ООН.

Таким образом, 2000-е – начало 2010-х гг. стали периодом нарастания российско-американских противоречий по ряду региональных вопросов. Наиболее резкой оказалась реакция Москвы на действия Вашингтона на постсоветском пространстве, где после очередного расширения НАТО на Восток возникла новая геополитическая ситуация, в целом весьма неблагоприятная для России. Пытаясь закрепить успех, американцы попытались не позволить РФ монополизировать регион. В ряде случаев им сопутствовал успех. В результате цветных революций в Грузии и на Украине к власти пришли прозападные режимы. Однако во второй половине 2000-х гг. России удалось несколько укрепить свои позиции на постсоветском пространстве, в том числе и путем демонстрации силы в августе 2008 г. К тому же первая администрация Обамы снизила активность в регионе по причине стремления наладить отношения с Россией и переноса внешнеполитических приоритетов в АТР.

Консолидирующим фактором была борьба с международным терроризмом. Теракты 11 сентября 2001 г. сделали терроризм одной из главных проблем мировой политики. Появление общего врага на время сблизило Москву и Вашингтон. Россия поддержала усилия США в рамках проведения антитеррористической операции в Афганистане, откуда исходила угроза дестабилизации Центральной Азии и Северного Кавказа. Однако в дальнейшем действия Соединенных Штатов в регионе неоднократно становились объектом критики со стороны РФ. В первую очередь, это объяснялось тем, что борьбу с терроризмом американцы пытались использовать в целях укрепления своего геополитического влияния в Центральной Азии.

В 2000-е гг. весомым раздражителем выступал иракский фактор. Москва и Вашингтон кардинально разошлись относительно решения проблемы Ирака. Российская сторона решительно выступала за дипломатические средства регулирования иракской проблемы, а администрация Буша-мл. настаивала на силовом варианте, который в итоге и реализовала. Для американских неоконсерваторов Ирак был средством для окончательного утверждения однополярного миропорядка, который однозначно не устраивал Россию.

Решение ливийской проблемы путем прямого военного вмешательства НАТО вызвало у Москвы чувство обмана и разочарования в сотрудничестве с Западом, который по-прежнему предпочитал играть на мировой арене по своим правилам.

Г Л А В А 9

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В 2000-е – начале 2010-х гг. проблемы стратегической стабильности и региональной безопасности продолжали занимать центральное место в российско-американских отношениях. Россия по-прежнему продолжала выступать за сокращение стратегических наступательных вооружений, соблюдение режима нераспространения ОМУ, против развертывания систем противоракетной обороны и расширения НАТО. У Соединенных Штатов было свое видение относительно указанных проблем, что вело к нарастанию противоречий между Москвой и Вашингтоном.

Стратегическая стабильность

США и РФ как две сильнейшие в военном плане ядерные державы планеты были заинтересованы в международной безопасности. Однако пути ее сохранения у них были разные, что привело к противоречиям, негативно влиявшим на стратегическую стабильность.

После прихода в Кремль В. В. Путина Россия продолжила придерживаться курса, направленного на сокращение своего ядерного арсенала. Однако непременным условием Москвы были аналогичные действия со стороны Вашингтона. В процессе разоружения главным для российского руководства являлось сохранение стратегической стабильности в ракетно-ядерной сфере [278]. Свидетельством приверженности Кремля разоруженческой повестке стала долгожданная ратификация Госдумой в апреле 2000 г. Договора СНВ-2. К слову, она была воспринята в стране неоднозначно. Если одни представители политико-экспертных кругов приветствовали данный шаг, то другие называли бездумным поступком [535, с. 82]. Последние считали, что выполнение договора снизит обороноспособность государства. Например, по словам председателя Комитета по международным делам Госдумы РФ Д. О. Рогозина, Договор СНВ-2 был вреден для страны, поскольку предполагал уничтожение всех МБР с разделяющимися головными частями индивидуального наведения [500, с. 327].

В российском руководстве понимали, что отказ от его ратификации приведет к ненужному нарастанию напряженности с Вашингтоном, поэтому искали пути, чтобы минимизировать для себя ущерб. Выход был найден в виде включения в текст законопроекта о ратификации оговорки о том, что Россия будет соблюдать Договор СНВ-2 в случае, если США сохранят действие Договора о ПРО и не будут расширять НАТО [500, с. 327–328]. Вполне возможно, к этому времени в Москве догадывались, что американцы не собирались выполнять ни того, ни другого. Следовательно, от выполнения Договора СНВ-2 также можно было отказаться.

После выхода Вашингтона из Договора по ПРО В. В. Путина очень беспокоила необходимость скорейшего правового оформления договоренностей, достигнутых с Дж. Бушем-мл. на встрече в Кроуфорде по вопросу о сокращениях стратегических наступательных вооружений [588]. В результате они были оформлены в Договор об ограничении стратегических наступательных потенциалов (СНП), подписанный 24 мая 2002 г. во время официального визита Дж. Буша-мл. в РФ. Согласно ему, количество ядерных зарядов каждой из сторон сокращалось до 1700–2200 единиц в течение ближайших десяти лет [170].

Представители российского руководства публично подчеркивали большое значение данного договора. Так, в январе 2003 г. И. С. Иванов оценил его как документ будущего, отвечающий национальным интересам двух стран в сфере поддержания глобальной безопасности и стабильности. По мнению главы МИДа РФ, выход американцев из Договора по ПРО, а также планы Вашингтона по развертыванию первого позиционного района НПРО вызывают сожаление и снижают взаимное доверие, но не должны закрывать дорогу к диалогу между Москвой и Вашингтоном [239]. Тем самым министр иностранных дел России продолжал верить в здравый смысл американского руководства.

Однако на деле Договору о СНП были присущи серьезные недостатки. В частности, не предусматривалось соответствующего контроля над сокращением ядерных потенциалов, а США имели возможность не уничтожать, а складировать свои сокращаемые боезаряды [170]. Одно время американцы даже предлагали засчитывать в согласованные цифры ядерных боезарядов наряду с МБР только стратегические подводные лодки, находящиеся на боевом дежурстве в океане, но не стоящие в базах [19, с. 9]. Как справедливо отмечал А. Г. Арбатов, поскольку Москва и Вашингтон не смогли договориться о правилах засчета и мерах верификации, Договор СНП так и не стал полноценным соглашением в сфере стратегической стабильности [19, с. 9].

Понимая данный факт, российское руководство стремилось к заключению нового договора в сфере сокращения стратегических вооружений, который пришел бы на смену Договору СНВ-1, но администрация Буша-мл. проявляла в этом вопросе безразличие. Например, 20 ноября 2004 г. во время саммита АТЭС в чилийском Сантьяго В. В. Путин и Дж. Буш-мл. обсудили совместную работу в интересах укрепления международной безопасности и стратегической стабильности, противодействие новым глобальным вызовам и угрозам. При этом американская сторона преуменьшала значение договоров, направленных на сокращение СНВ. Вашингтон исходил из того, что в строгом контроле над ядерным арсеналом России нет особой необходимости, поскольку он и так уменьшается и ослабевает [671]. Правда, когда в РФ началась масштабная программа модернизации СЯС, предусматривавшая постановку на боевое дежурство МБР «Тополь-М» и «Булава», многие в США забили тревогу, усмотрев в этом угрозу для Америки [874, р. 94].

Администрация Обамы имела свой взгляд на проблему стратегической стабильности. В отличие от республиканцев демократы проявили интерес к переговорам по сокращению СНВ. Восемь раундов переговоров, прошедших с мая по ноябрь 2009 г., между рабочими группами двух стран

под руководством А. И. Антонова и Р. Готтемюллер прошли во вполне дружеской атмосфере, несмотря на ряд спорных моментов [146, с. 344].

В ходе визита американского президента в Москву в июле 2009 г. был подписан документ о сокращении стратегического наступательного вооружения, ставшего предпосылкой для официального договора, подписанного в следующем году. В своем выступлении на 64-й сессии Генассамблеи ООН 23 сентября 2009 г. Б. Обама заявил, что Соединенные Штаты намерены достичь нового соглашения с РФ в сфере сокращения стратегических вооружений, а также ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний [857]. Последний, подписанный еще в 1996 г., «завис» из-за отказа США от его ратификации.

Продолжавшиеся меньше года переговоры привели к выработке Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-3), который был подписан Д. А. Медведевым и Б. Обамой 8 апреля 2010 г. в Праге. В соответствии с ним, через семь лет после его вступления в силу РФ и США должны были иметь на вооружении по 1550 развернутых ядерных боезарядов и по 700 стратегических носителей [46]. При этом, по словам Р. Гейтса, в момент церемонии подписания договора российские военные якобы провели учения по нанесению имитационного ядерного удара по США. В Вашингтоне посчитали, что за этой демонстрацией силы стоял В. В. Путин [143, с. 547].

Ратификационными грамотами С. В. Лавров и Х. Клинтон обменялись в феврале 2011 г., а срок договора составил 10 лет с возможностью продления еще на пять лет.

Заключение Договора СНВ-3 рассматривалось российским руководством в качестве крупного внешнеполитического достижения. По словам С. В. Лаврова, «это справедливый, сбалансированный, абсолютно паритетный документ. Из него изъяты любые односторонние преимущества той или иной стороне, чем грешил старый Договор о СНВ, истекший 5 декабря прошлого года. Нынешний Договор учитывает также различные конфигурации ядерных сил России и США, с тем чтобы не было в итоге какого-либо дисбаланса ни по содержанию ядерной триады, ни по мерам транспарентности и верификации» [579]. Москва исходила из того, что прорыв на переговорах по СНВ откроет новые возможности для перераспределения политических и интеллектуальных ресурсов на те области двусторонних отношений, где наблюдается отставание [46]. Хотя в обеих странах нашлось немало критиков договора.

В РФ против договора выступали многие представители КПРФ, ЛДПР, а также ряд экспертов в области безопасности. Так, при обсуждении данного вопроса в Госдуме В. В. Жириновский достаточно грубо высказался в адрес американских политиков и депутата-единоросса С. А. Маркова. В частности, когда последний сделал замечание лидеру ЛДПР по поводу недопустимости его оценок в отношении американцев, вице-спикер Госдумы назвал коллегу американским «шпионом» и призвал молчать [191]. Коммунист

Л. И. Калашников также голосовал против ратификации Договора о СНВ-3, поскольку считал, что он приведет к дальнейшей гонке вооружений [150].

Однако в целом Договор СНВ-3 отвечал обоюдным интересам, юридически закрепив их планы по реструктуризации стратегических ядерных носителей и возродив практически утраченные механизмы верификации сокращений. Кроме того, его подписание создало предпосылки для расширения российско-американского сотрудничества в атомной сфере в целом. Так, в 2011 г. в силу вступило Соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии («Соглашение 1-2-3»), открывшее американский рынок для российских компаний атомной энергетики [223, с. 27]. Правовая база для взаимодействия двух стран в области мирного атома была заложена еще в 2008 г. В. В. Путиным и Дж. Бушем-мл., но после «пятидневной войны» договор был отозван из Конгресса администрацией США. Однако 10 мая 2010 г. Б. Обама направил его на ратификацию в Конгресс, и 10 декабря Конгресс ратифицировал договор [66]. Тем самым заключение Договора СНВ-3 стало одним из самых весомых достижений эпохи «перезагрузки».

Противоракетная оборона

В рассматриваемый период наибольшую остроту в российско-американском диалоге в сфере стратегической стабильности приобрела проблема противоракетной обороны. Позиции РФ и США относительно ПРО кардинально разошлись. Если в Москве настаивали на соблюдении договоренностей по противоракетной обороне, то в Вашингтоне усиливались голоса тех, кто выступал за выход из договора от 1972 г. Особенно много сторонников создания систем НПРО было среди республиканцев. Администрация Буша-мл. не видела никакой необходимости в сохранении Договора по ПРО. Например, министр обороны США Д. Рамсфелд считал, что данный договор «не является и никогда не был основой или краеугольным камнем стратегической стабильности», хотя до этого американские высокопоставленные лица утверждали обратное [13, с. 103]. По мнению главы Пентагона, планы по развертыванию системы национальной противоракетной обороны могут вызывать тревогу только у тех государств, которые сами вынашивают агрессивные замыслы [195, с. 203].

Сам Дж. Буш-мл. исходил из убеждения, что планы Соединенных Штатов по созданию НПРО не должны восприниматься Россией как угроза, поскольку Вашингтон действует открыто. Так, в ходе своей первой после инаугурации пресс-конференции американский президент заявил о намерении предоставить Москве максимум информации об этих планах, что, по его мнению, поспособствует уменьшению озабоченности у российского руководства [330, л. 119]. Дж. Буш-мл. считал Договор по ПРО пережитком Холодной войны [588].

В российских политических кругах планы американской стороны вызвали разнообразные чувства – от озабоченности и досады до неприкрытого раздражения. Так, один из видных членов фракции ЛДПР в Госдуме А. В. Митрофанов отмечал, что «если американцы в одностороннем порядке выйдут из Договора по ПРО, Россия должна сразу же разорвать Договор СНВ-2», который

был ратифицирован российскими парламентариями только при условии выполнения Вашингтоном всех положений Договора по ПРО. Депутат предлагал и другие радикальные шаги. По его мнению, в ответ на действия американцев Россия должна сломать режим нераспространения ракетных технологий путем наращивания не только своего потенциала, но и продавая ракетное оружие странам, желающим и могущим его купить [582].

В российском информационном пространстве встречались мнения о том, что не стоит героически упираться против выхода Вашингтона из Договора по ПРО, раз американцы так хотят. Например, известный тележурналист М. В. Леонтьев подчеркивал: «Если мы действительно можем недорого прорвать эту систему, – а это так, – то у нас просто возникает огромный рынок. И в первую очередь политический. Мы можем предоставить эти услуги странам, которые не могут этого сделать пока. А это – все, кроме нас и США» [341, с. 43]. По его убеждению, выход США из договора развязывает России руки «с точки зрения снятия с себя всяческой ответственности за глобальное разоружение» [341, с. 54].

Заявления представителей российского руководства были более сдержанными. Тем не менее, поскольку Москва рассматривала Договор по ПРО от 1972 г. в качестве одного из столпов всей архитектуры международной безопасности [278], то идея о выходе из него вызывала у них острую реакцию. Поэтому они также неоднократно подчеркивали, что выход США из договора вынудит РФ отказаться от более 30 подписанных договоров в сфере безопасности, в том числе СНВ-1 и СНВ-2, что может привести к разрушению договорной базы в области контроля над вооружениями [651, с. 302]. Так, министр иностранных дел РФ И. С. Иванов объяснял действия Вашингтона стремлением уйти в отрыв по части современных технологий через бюджетное финансирование серьезных военных программ в целях утверждения в качестве лидера в военной области [232]. В ходе своего визита в Вашингтон в апреле 2000 г. он подчеркивал, что если угрозы, под предлогом которых Соединенные Штаты собираются развертывать НПРО «и могут существовать, а речь идет об угрозах потенциальных, а не реальных сегодняшнего дня, то мы исходим из того, что решать данную проблему надо не путем слома действующих договоров и соглашений, тем более такого базового, как Договор по ПРО 1972 года, а иными путями» [148]. Об этом же в феврале 2001 г. на 37-й Международной конференции по безопасности в Мюнхене говорил секретарь Совбеза РФ С. Б. Иванов, который заявил, что создание американской НПРО может привести к новому витку гонки вооружений. По его мнению, «Россия и США должны начать конструктивный диалог по сокращению стратегических оборонных вооружений сверх уровня, определенного последними договорами» [538].

В Москве до последнего рассчитывали, что российско-американское сотрудничество в антитеррористической коалиции и общее потепление отношений заставит Вашингтон отказаться от планов строительства национальной противоракетной обороны, но тщетно. Следует отметить, что решение Вашингтона о выходе США из договора означало победу «ястребов» в администрации Буша-мл. Как свидетельствовал А. К. Пушков, если госсекретарь К. Пауэлл настаивал на том, что Соединенные Штаты не должны

в одностороннем порядке выходить из Договора по ПРО, то группа Рамсфелда – Вулфовица – Перла и примкнувшая к ним К. Райс требовали скорейшего выхода [489, с. 113]. Это было поручено заместителю госсекретаря по вопросам разоружения и нераспространения ОМУ Дж. Болтону, который с большим энтузиазмом принялся за дело [691, р. 53].

К встрече В. В. Путина и Дж. Буша-мл. в Кроуфорде в ноябре 2001 г. российская сторона в силу осознания того факта, что Вашингтон однозначно выйдет из Договора по ПРО, смягчила свою позицию. Продолжая настаивать на важности его сохранения, российский президент предложил своему коллеге согласие РФ на выход США из Договора по ПРО в обмен на сохранение основных принципов стратегической стабильности, прежде всего системы контроля над вооружениями [625, л. 310].

13 декабря 2001 г. Белый дом официально уведомил Кремль о выходе из Договора по ПРО. Реакция российского руководства внешне оказалась относительно спокойной, что объяснялось его предварительным информированием госсекретарем К. Пауэллом в ходе визита в РФ [588]. В. В. Путин хоть и назвал это решение американцев ошибочным, но подчеркнул, что оно не стало для России полной неожиданностью. По его словам, «Россия, так же, как и США, в отличие от других ядерных держав, давно располагает эффективной системой преодоления противоракетной обороны. Поэтому я с полной уверенностью могу заявить, что принятое президентом США решение не создает угрозы национальной безопасности Российской Федерации» [205]. Кстати, подобного мнения придерживался и бывший глава Пентагона У. Перри, считавший, что у русских достаточно средств, чтобы преодолеть любую систему НПРО [838, р. 39].

Тем не менее за внешним спокойствием скрывалась глубокая озабоченность российского руководства действиями Вашингтона. Было понятно, что создание американцами ПРО приведет к новой гонке вооружений, к которой Россия явно не готова. Поэтому, как видно из неоднократных высказываний представителей российских властей, Москва затаила большую обиду на американцев. В качестве примера можно привести слова В. В. Путина, сказанные на Валдайском форуме в Сочи в 2015 г.: «Под предлогом ракетно-ядерной угрозы со стороны Ирана, как мы знаем, разрушена фундаментальная основа современной международной безопасности – Договор об ограничении противоракетной обороны. США в одностороннем порядке из него вышли. Сегодня, кстати, иранская ядерная проблема решена, никакой угрозы со стороны Ирана не было, как мы говорили, и нет. Причина, вроде бы побудившая наших американских партнеров строить систему противоракетной обороны, исчезла. И мы вправе были бы ожидать, что и работа над развитием ПРО США прекратится. А что на самом деле? Ничего подобного не происходит, наоборот – все продолжается... Нас, да и весь мир, пытались в очередной раз ввести в заблуждение просто. А сказать совсем проще – обманывали. Дело не в гипотетической иранской ядерной угрозе, которой и не было никогда. Дело – в попытке разрушить стратегический баланс, изменить соотношение сил в свою пользу таким образом, чтобы не просто доминировать, а иметь возможность диктовать свою волю всем: и своим геополитическим конкурентам, да думаю, и своим союзникам» [203].

Правда, подобные рассуждения российского руководства получили публичность позднее, уже в иных геополитических условиях. В начале 2000-х гг. риторика Москвы была иной. Так, тогдашний министр иностранных дел И. С. Иванов выступал за проявление сдержанности в ответ на шаги американцев. Собственную позицию он объяснял так: «Вашингтон воспользовался своим правом и в одностороннем порядке вышел из Договора по ПРО. Помешать мы не могли. Значит, было два пути. Или хлопнуть дверью – и тогда разругаться, пойти на конфронтацию. Или постараться не прервать диалог, достичь такой договоренности, которая пусть даже не в полной мере, но компенсировала бы отсутствие Договора по ПРО и позволяла бы продвигаться по пути сокращения стратегических наступательных потенциалов. Мы выбрали второй путь» [238].

После выхода США из Договора по ПРО противоракетная оборона окончательно заняла центральное место среди основных противоречий между двумя странами в стратегическом диалоге. Как справедливо подчеркивала Н. И. Бубнова, Вашингтон одновременно подорвал основу стратегической стабильности и открыл двери гонке в области стратегических оборонительных вооружений, которая, в свою очередь, повлекла за собой наращивание стратегических наступательных систем [83, с. 171].

Позиция Москвы относительно противоракетной обороны включала в себя две составляющие: попытки найти компромиссное решение, заключавшееся в построении совместной системы ПРО, и действия по противодействию планам Вашингтона. Так, россияне допускали возможность развития взаимовыгодного двустороннего сотрудничества с американцами по противоракетной обороне. Под ним понималась минимизация негативного влияния американской ПРО на российский потенциал сдерживания. Вашингтон же под возможным сотрудничеством с Москвой подразумевал коммерциализацию проектов российско-американского сотрудничества в сфере ПРО [13, с. 110–111]. Тем не менее, несмотря на различное понимание сторонами сущности взаимодействия, в 2002 г. была создана российско-американская Рабочая группа по вопросам ПРО под руководством глав внешнеполитических ведомств и министров обороны [13, с. 112].

Вскоре на первый план в российско-американских отношениях вышла проблема развертывания элементов ПРО в Восточной Европе. Намерения Вашингтона напрямую затрагивали именно российские СЯС, что нарушало сложившийся военно-политический баланс. Планы администрации Буша-мл. по развертыванию в Польше и Чехии элементов противоракетной обороны имели дестабилизирующий характер и нарушали принципы российско-американской Декларации о новых стратегических отношениях от 2002 г. [20, с. 14].

Разумеется, Москва не могла проигнорировать подобные намерения Вашингтона, несмотря на всю незначительность угрозы для российских СЯС. Ведь американская ПРО – это программа с «открытым продолжением». Другими словами, американцы не давали никаких гарантий, что в перспективе количество радаров и противоракет не увеличится [20, с. 16]. Поэтому российское руководство акцентировало внимание американской стороны на своей озабоченности данными планами. Так, в феврале 2007 г. В. В. Путин выразил

сомнение в том, что «системы ПРО, разворачиваемые в странах Восточной Европы, нацелены на предотвращение угрозы, исходящей со стороны Ирана либо каких-то террористов» [477]. По его мнению, американские планы, «имеют [к России] прямое отношение и вызовут соответствующую реакцию <...> этот ответ будет асимметричным, но в высшей степени эффективным» [477].

Резкой критике планы Вашингтона по развертыванию элементов ПРО в Восточной Европе В. В. Путин подверг и в своем выступлении в Мюнхене 10 февраля 2007 г. Намерения США были расценены им как нарушение баланса сил в мире, влекущее новый виток гонки вооружений. При этом российский президент вновь подчеркнул, что в качестве ответных мер РФ может начать разработку новых видов наступательных вооружений [119].

Однако уже спустя неделю, 19 февраля 2007 г., на совместной пресс-конференции премьер-министр Польши Я. Качиньский и премьер-министр Чехии М. Тополанек выразили готовность своих стран участвовать в планах США по развертыванию ПРО. Тем самым вопрос, волнующий Москву, остался на повестке дня стратегической безопасности.

Параллельно Москва пыталась найти компромиссные решения данной проблемы. В частности, 14–15 мая 2007 г. проблемы ПРО обсуждались С. В. Лавровым и К. Райс во время ее визита в Москву. А 7 июня 2007 г. во время встречи с Дж. Бушем-мл. на полях саммита G-8 в немецком Хайлигендамме В. В. Путин предложил совместное использование радиолокационной станции в азербайджанской Габале, которая значительно эффективнее, нежели РЛС на территории Чехии, для предотвращения иранской ракетной угрозы [284, с. 135]. Затем 1–2 июля 2007 г. на неформальной встрече В. В. Путина и Дж. Буша-мл. в американском Кеннебанкпорте российский президент предложил совместно использовать не только Габалинскую РЛС, но и строящуюся РЛС в Армавире. Однако американская сторона проигнорировала данное предложение, что свидетельствовало о лукавстве американцев, которые лишь прикрывались разговорами о ракетной угрозе со стороны Ирана или КНДР, а сами вынашивали далеко идущие планы, подрывавшие стратегическую стабильность. В Кеннебанкпорте В. В. Путин и Дж. Буш-мл. приняли только Заявление о начале реализации совместной инициативы по укреплению режима ДНЯО и развитию международного сотрудничества в области ядерной энергетики.

После этого к проблеме ПРО стороны обращались еще неоднократно: например, 8–9 сентября 2007 г. во время разговора В. В. Путина и Дж. Буша-мл. на саммите АТЭС в Сиднее, а также 12–13 октября 2007 г., когда в Россию состоялся визит госсекретаря К. Райс и министра обороны Р. Гейтса для обсуждения вопросов стратегической безопасности. В частности, американцы привезли в Москву предложения о том, что не будут ставить ракеты-перехватчики на боевое дежурство до тех пор, пока Иран не продемонстрирует свое обладание баллистическими ракетами. Однако В. В. Путин продолжал настаивать на том, что американские планы по ПРО представляют угрозу для РФ [143, с. 221–222].

В марте 2008 г. К. Райс и Р. Гейтс вновь посетили Москву с целью переговоров по стратегической безопасности с В. В. Путиным, С. В. Лавровым и А. Э. Сердюковым. Однако, по сути, реального прогресса добиться не удалось,

хотя на совместной пресс-конференции после встречи обе стороны характеризовали переговоры как «плодотворные и позитивные» [143, с. 225–226].

В апреле 2008 г. в Сочи В. В. Путин повторил свое предложение Дж. Бушу-мл. относительно создания совместной системы ПРО [161]. Однако Вашингтон вновь его проигнорировал. В сочинской Декларации о стратегических рамках российско-американских отношений от 6 апреля 2008 г., принятой по итогам встречи двух президентов, нашли отражение серьезные разногласия между Москвой и Вашингтоном по проблеме ПРО и выводе ударных средств в космос, над преодолением которых сторонам предстояло работать дальше [259, с. 95]. Однако прогресса в этом направлении не было. Обе стороны не смогли договориться и во время встречи Д. А. Медведева с Дж. Бушем-мл. на полях саммита G-8 7 июля 2008 г. в Японии [258, с. 518].

Неудивительно, что, не встретив у американцев понимания, Россия стала демонстрировать Соединенным Штатам возможные меры противодействия планам по размещению элементов ПРО в Восточной Европе. Однако, стремясь продемонстрировать американцам внешнеполитическую жесткость в ответ на их неконструктивную политику по ПРО, Москва размышляла над мерами, которые в наименьшей степени затрагивали американскую безопасность из-за их геостратегического положения – ДОВСЕ и РСМД [20, с. 18]. Россия выразила также готовность пойти на размещение ракетных комплексов «Искандер» и средств электронной борьбы в Калининградской области, а также на ряд других шагов. Именно о подобных мерах военно-технического противодействия США и НАТО заявил 5 ноября 2008 г. президент Д. А. Медведев в своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации [457].

Администрация Обамы, решившая пересмотреть внешнеполитическое наследие Дж. Буша-мл., изменила подход к решению проблем обеспечения стратегической безопасности. Белому дому было известно, что Кремль увязывал переговоры по ограничению СНВ с проблемой противоракетной обороны. Выступая 20 апреля 2009 г. в Университете Хельсинки, Д. А. Медведев пояснил позицию российской стороны. По его словам, одним из условий достижения соглашения с Соединенными Штатами о дальнейшем ядерном разоружении должна быть увязка на переговорах взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений. Он отметил: «Нас очень беспокоит перспектива одностороннего развертывания противоракетных систем, которая ломает существующую ныне систему противовесов в этой сфере и самым решительным образом осложняет перспективу ядерного разоружения» [134].

В июле 2009 г. во время своего рабочего визита в Москву Б. Обама пообещал Д. А. Медведеву пересмотреть планы по ПРО [581, с. 272]. Помимо встреч с российским руководством президент США имел контакты с представителями российского политического сообщества. Например, 7 июля 2009 г. председатель партии «ЯБЛОКО» С. С. Митрохин на встрече с Б. Обамой, обсуждая планы размещения американского ПРО в Европе, убеждал собеседника в неоправданности этого проекта. По его словам, Иран не выступает против ПРО. Наоборот, как только разговоры о противоракетной обороне утихают, Тегеран напоминает о себе ракетными испытаниями или агрессивными

заявлениями. В связи с этим возникает вопрос: зачем он так делает? С точки зрения С. С. Митрохина, «Иран понимает, что проект размещения ПРО в Европе является яблоком раздора между Россией и США. Поэтому данный проект ему выгоден. Чем более сильна конфронтация между США и Россией, тем увереннее чувствует себя Иран и тем он сильнее. Чем более тесным является взаимодействие ядерных сверхдержав, тем более Иран готов к уступкам» [373]. Тем самым представители российской оппозиции давали понять Б. Обаме, что Москва и Вашингтон должны выстраивать партнерские отношения.

В сентябре Белый дом отказался от размещения на территории Польши и Чехии третьего позиционного района системы противоракетной обороны, что вызвало недовольство правящих кругов этих стран. Вместо этого администрация Обамы предложила так называемый четырехэтапный подход к развитию ПРО до 2020 г. Однако российско-американского сотрудничества в практической плоскости так и не получилось. Например, когда в декабре 2009 г. премьер-министр РФ В. В. Путин заявил, что Москва хотела бы получить доступ к информации о системе ПРО США, для американцев это стало неприятной неожиданностью [596, с. 352].

Учитывая проявившуюся неопределенность, Москва вновь потребовала от Вашингтона гарантий, что система ПРО не будет угрожать СЯС РФ. У российского руководства был повод сомневаться в искренних намерениях США. Оно настаивало на создании общей системы противоракетной обороны. Так, на саммите Совета Россия – НАТО в Лиссабоне 20 ноября 2010 г. российская сторона выдвинула предложение по созданию совместной секторальной противоракетной обороны [162]. Ее суть заключалась в том, что ракеты, летящие через территорию РФ в сторону членов Североатлантического альянса, уничтожались бы российской стороной. В свою очередь, натовцы должны были уничтожать ракеты, направленные на Россию, летящие через территорию стран-членов блока. Кроме того, стороны не должны направлять объекты ПРО друг против друга [284, с. 137]. Но предложения России относительно создания совместной системы ПРО по-прежнему отвергались американцами. Переговоры в Сочи 4 июля 2011 г. на саммите Совета Россия – НАТО не принесли российской стороне конкретных результатов [550]. А глава Пентагона Р. Гейтс во время своего визита в Москву в марте 2011 г. заявил, что Сенат не ратифицирует подобное соглашение, а страны Балтии никогда не согласятся с российской ответственностью за свою безопасность [143, с. 712]. Окончательно стало понятно, что Вашингтон не собирается подписывать соглашение по ПРО с Россией во время встречи Д. А. Медведева с Б. Обамой в Гонолулу в ноябре 2011 г. Там президент США лишь подтвердил открытость и заинтересованность в улучшении российско-американского диалога по ключевым вопросам безопасности [894]. Поэтому в политическом истеблишменте РФ утвердилась мысль о том, что на самом деле система противоракетной обороны создается не против Ирана и КНДР, как утверждали американцы, а против России. Например, первый заместитель председателя комитета Госдумы по международным делам Л. И. Калашников критиковал деятельность руководства РФ за его позицию по противоракетной обороне в российско-американских

отношениях. По его словам, если не ограничить гонку вооружений в области ПРО, то «впервые за многие десятилетия суверенитет и само существование нашей страны окажется под непосредственной угрозой» [29]. В связи с этим все чаще со стороны Москвы стали раздаваться голоса о возможности выхода из Договора СНВ-3 [581, с. 275–276]. Так, 9 июня 2011 г. об этом заявил официальный представитель МИДа РФ А. К. Лукашевич [78].

Москва попыталась получить от Вашингтона юридически обязывающие гарантии «ненаправленности» американской ПРО на ракетные системы России. Фактически переговоры по ЕвроПРО 4 июля 2011 г. в Сочи во время встречи Д. А. Медведева с руководством НАТО, а также визиты С. В. Лаврова в Вашингтон (11–13 июля 2011 г.), постоянного представителя России при НАТО Д. О. Рогозина и заместителя министра иностранных дел России С. А. Рябкова в США (21–26 июля 2011 г.) стали поиском формулы сохранения Пражского договора [625, л. 344]. Однако из-за позиции американцев прийти к компромиссу не удалось.

Москве были нужны гарантии. Российский президент считал, что «... эти обязательства ... надо сформулировать таким образом, чтобы Россия не на основе обещаний, каких-то заверений, а по объективным, а именно военно-техническим критериям могла судить, как действия Соединенных Штатов, НАТО в области противоракетной обороны соотносятся с их декларациями ... не ущемляются ли наши интересы, не взламывается ли стратегический ядерный паритет» [209]. А поскольку Запад отказывался их давать, то Москва вынуждена принимать адекватные меры. Поэтому 23 ноября 2011 г. Д. А. Медведев вновь заявил о возможности размещения «Искандеров» в Калининградской области. Он объяснил это тем, что ЕвроПРО «через относительно короткий промежуток – пять, шесть, может быть, восемь лет – способна ослабить наш потенциал сдерживания» [209].

Таким образом, с российской стороны шло реагирование на позицию США и НАТО. По словам С. А. Рябкова: «Мы не раскручиваем гонку вооружений, мы реагируем на происходящее. Первые шаги сделаны. РЛС в Калининградской области введена. Президент Д. А. Медведев упомянул также о возможности развертывания в Калининградской области ракетных комплексов “Искандер”. Я хотел бы подчеркнуть, что смысл идеи, лежащей в основе обращения президента, – это подтолкнуть американцев к переговорам. Если не получится, то последуют другие меры, вплоть до выхода из договора об СНВ. Мы не хотели бы этого развития» [518].

Поведение американской стороны вынуждало Москву по-прежнему опираться на СЯС РФ. Как отмечал в феврале 2012 г. В. В. Путин: «Мы ни при каких условиях не откажемся от потенциала стратегического сдерживания и будем его укреплять... В структуре Вооруженных Сил сохранится роль и значение сил ядерного сдерживания. Во всяком случае до тех пор, пока у нас не появятся другие виды оружия, ударные комплексы нового поколения» [478].

4–5 февраля 2012 г. на Мюнхенской конференции по безопасности С. В. Лавров констатировал отсутствие прогресса на переговорах по ЕвроПРО. Тем самым стороны остались на своих позициях по проблеме противоракетной

обороны. Подтверждением стали слова Х. Клинтон, которая 7 марта 2012 г. заявила, что у Москвы нет права вето на размещение американских систем ПРО в Европе [625, л. 345].

Тем не менее диалог по ПРО с американцами нельзя назвать совсем уж бесплодным для России. Ведь, учитывая недовольство Москвы, в 2009 г. Вашингтон пересмотрел свою программу противоракетной обороны, отказавшись от третьего позиционного района в Польше и Чехии. Как подчеркивал председатель думского комитета по международным делам А. К. Пушков, за время «перезагрузки» администрацией Обамы был сделан только один единственный шаг навстречу России – это отказ от размещения противоракет в Польше и радара в Чехии. Правда, вскоре оказалось, что разместить противоракеты – хоть и меньшего радиуса действия – американцы все равно намеревались – в той же Польше, а также в Румынии [638]. Кроме того, известен эпизод, случайно ставший достоянием общественности в 2012 г., когда Б. Обама обещал Д. А. Медведеву проявить большую гибкость по ПРО после переизбрания на пост президента США [21, с. 6–7].

Таким образом, в 2000-е – начале 2010-х гг. в сфере стратегической стабильности фактор противоракетной обороны являлся главным раздражителем между Москвой и Вашингтоном.

Проблема нераспространения ОМУ

Важное место в российско-американских отношениях продолжали занимать вопросы нераспространения ОМУ, которые неоднократно обсуждались во время встреч представителей двух стран.

В 2000-е гг. режим нераспространения оказался под угрозой в связи с наличием ядерных и ракетных программ Ирана и Северной Кореи, а также потенциальной возможности попадания оружия массового уничтожения в руки террористов, что являлось постоянным предметом обсуждения Москвы и Вашингтона.

В начале 2000-х гг. в США продолжали считать Россию уязвимой страной в плане возможного распространения ОМУ. Американцы опасались, что огромный российский ядерный потенциал не находится под надежным контролем [920, р. 68]. Следовательно, Соединенные Штаты должны позаботиться о минимизации рисков завладения террористами и другими государствами российским арсеналом ОМУ [920, р. 68]. По мнению многих представителей американского политико-академического сообщества, Программа Нанна – Лугара не решала данную проблему полностью. Они, на наш взгляд, абсолютно безосновательно, высказывали опасения, что в случае ухудшения отношений между Москвой и Вашингтоном российское ОМУ и его элементы, а также специалисты в ядерной сфере станут доступны для стран «оси зла» и международных террористов [771, р. 40; 838, р. 33].

В целом в 2000-е гг. Москвой и Вашингтоном активно принимались заявления, касающиеся вопросов ядерного нераспространения, поскольку обе державы были в этом заинтересованы. Так, 24 февраля 2005 г. на встрече в Братиславе В. В. Путин и Дж. Буш-мл. заявили о сотрудничестве по вопросам

безопасности в ядерной сфере, а также достигли договоренности о сотрудничестве в области усиления контроля над переносными зенитными ракетными комплексами. Спустя два месяца, 19–20 апреля 2005 г., вопросы, касающиеся нераспространения ОМУ, были обсуждены в Москве К. Райс с В. В. Путиным и С. В. Лавровым. Затем на саммите «большой восьмерки», проходившем 14–17 июля 2006 г. в Санкт-Петербурге, В. В. Путин и Дж. Буш-мл. приняли совместное заявление относительно сотрудничества в мирном использовании атомной энергии и противодействии распространению ЯО, а также совместное заявление о борьбе с актами ядерного терроризма. Ну, и наконец, во время неформальной встречи Дж. Буша-мл. и В. В. Путина в американском Кеннебанкпорте 1–2 июля 2007 г. было принято Заявление о начале реализации совместной инициативы по укреплению режима ДНЯО и развитию международного сотрудничества в области ядерной энергетики путем создания глобальной инфраструктуры ядерной энергетики, которая должна позволить государствам развивать эту отрасль без размещения на своей территории чувствительных элементов ядерного топливного цикла.

Несмотря на принимаемые СБ ООН резолюции и заявления о приверженности сохранения режима нераспространения, РФ и США были далеко не едины в своих подходах к решению наиболее острых проблем в данной сфере. Например, они по-разному смотрели на решение иранской и северокорейской проблем. Если американская позиция заключалась в чрезмерной жесткости в отношении Тегерана и Пхеньяна, то линия России представляла собой своеобразное балансирование, с одной стороны, между Соединенными Штатами и, с другой – ИРИ и КНДР [23, с. 17].

Иранская ядерная проблема

Озабоченность мирового сообщества ядерной программой Ирана объяснялась опасениями того, что Иран рано или поздно пойдет по корейскому пути. Подобный шаг ИРИ привел бы к краху ДНЯО со всеми вытекающими последствиями для мировой стабильности. Конечно, на протяжении двух десятилетий своими действиями Тегеран не раз давал поводы для обвинений в нарушении условий режима нераспространения. Россия и США как две ведущие ядерные державы были заинтересованы в решении иранской проблемы. Однако взгляды Москвы и Вашингтона не всегда и не во всем совпадали относительно сотрудничества с Ираном.

Для американцев Иран с конца 1970-х гг. являлся врагом, тогда как Россия, выступая против обретения Тегераном ЯО, была заинтересована в развитии российско-иранских отношений, в том числе в военно-технической сфере и сфере мирного атома. Неудивительно, что ИРИ периодически становилась раздражителем между РФ и США. Так, 3 ноября 2000 г. Москва уведомила Вашингтон об отказе России от выполнения соглашения о прекращении поставок российских вооружений в Иран от 1995 г., поскольку американская сторона нарушила договоренность относительно конфиденциальности, допустив публикацию его положений в СМИ.

В 2000-е гг. на фоне усиливавшегося давления Запада на Тегеран наблюдалась постепенная активизация российско-иранского сотрудничества. Стороны договорились осуществлять взаимодействие не только в сфере атомной энергетики, но и в военной сфере. РФ согласилась выступить партнером ИРИ по реализации проекта перевооружения иранской армии, что стало свидетельством достаточно лояльной политики Москвы по отношению к Тегерану в ядерном вопросе [547, с. 123–124]. В связи с этим во время встречи в рамках саммита G-8 (8 июня 2004 г., Си-Айленд, США) В. В. Путин заявил Дж. Бушу-мл. о нежелании Москвы прекращать сотрудничество с ИРИ, что вызвало недовольство Вашингтона. Администрация Буша-мл. играла на обострение в иранском вопросе, выступая за ужесточение режима санкций. Задачей американской дипломатии было не допустить блокирования РФ резолюции по Ирану в СБ ООН. Ей были посвящены визиты К. Райс в Москву в октябре 2005 и 2006 г. В результате переговоров С. В. Лавров заверил коллегу в том, что Россия не станет препятствовать принятию этой резолюции [792]. При этом Кремль не свернул сотрудничество с Тегераном, в том числе и в сфере обороны. Вашингтон традиционно реагировал на него вводом санкций в отношении российских структур, заподозренных в поставках Ирану военной продукции или продукции двойного назначения. Разумеется, Москва выражала протест. Так, 4 августа 2006 г. МИД РФ назвал неприемлемыми введенные Госдепартаментом США санкции против российских госкорпораций «Рособоронэкспорт» и «Сухой» по обвинениям в сотрудничестве с ИРИ в сфере распространения ОМУ. Однако 28 декабря 2006 г. США ввели новые санкции против Рособоронэкспорта, а также Конструкторского бюро приборостроения и Конструкторского бюро машиностроения по обвинениям в содействии оборонным программам Ирана и Сирии. Тем не менее российско-иранское сотрудничество продолжилось. 16 января 2007 г. РФ завершила поставки Тегерану зенитно-ракетных комплексов Тор-М1, что вызвало негативную реакцию Вашингтона.

Россия, с одной стороны, выступала за «замораживание» полного топливного цикла обогащения урана Ираном, что совпадало с позицией США. Правда, «замораживания» Москва требовала лишь на время выяснения недопониманий Тегерана с МАГАТЭ. Одновременно Москва была против жестких санкций и применения военной силы против ИРИ. Более всего РФ отвергала жесткие санкции за ее счет – мирное ядерное сотрудничество, поставки вооружений [23, с. 149]. В российском руководстве считали, что переговоры с Ираном должны были вестись на основе принципа «разумной достаточности» без какого-либо санкционного давления и тем более политики смены режима, чем грешили американцы [23, с. 154].

В Вашингтоне многие считали, что Москва хотела бы предотвратить как военный вариант решения ядерной проблемы Ирана, который обсуждали в американских политических кругах, так и получение Тегераном ядерного оружия. Однако некоторые представители американской элиты придерживались мнения, что часть российского истеблишмента с некоторым злорадством наблюдает за бессилием Запада в этом вопросе и тайно поддерживает иранское руководство в противостоянии с США. Они утверждали, что Москва

заинтересована в «небольшом и контролируемом распространении ядерного оружия», чтобы уменьшить доминирование Соединенных Штатов в мире. По их убеждению, снижение американского лидерства было для российского руководства, в том числе лично для В. В. Путина, большим приоритетом, нежели нераспространение ЯО [214, с. 258–260].

23 декабря 2006 г. СБ ООН проголосовал за введение экономических санкций против Ирана [143, с. 244]. Первоначально Тегеран соглашался на ведение переговоров. Затем иранцы стали выдвигать альтернативные предложения к уже достигнутым соглашениям. Это объяснялось тем, что в Тегеране были серьезно озабочены стремлением Запада ликвидировать теократический режим [693, р. 924]. По мнению А. Г. Арбатова, России необходимо было занять более твердую и принципиальную позицию по иранской ядерной программе, чтобы обеспечить выполнение Тегераном резолюций СБ ООН в целях предотвращения войны в регионе, соблюдения режима нераспространения и получения сильных позиций страны на международной арене [23, с. 289].

Администрация Обамы продолжала политику давления на Иран. В сентябре 2009 г. на саммите G-20 в Питтсбурге Б. Обама заручился поддержкой Д. А. Медведева относительно санкций против ИРИ. За несколько дней до его открытия Тегеран уведомил МАГАТЭ о строительстве нового завода по обогащению урана в районе города Кум. Иранцы решили сыграть на опережение, поскольку западные разведки уже обладали данной информацией. Лидеры США, Великобритании и Франции публично осудили действия Тегерана и пригрозили ИРИ новыми санкциями. Д. А. Медведев дал Ирану несколько дней на доказательство своих мирных намерений и выступил за немедленный допуск инспекторов МАГАТЭ на стройку. Тем самым российский президент, по сути, солидаризировался со своими западными коллегами. Согласие Д. А. Медведева с тем, что санкции против ИРИ возможны, многими в мире было воспринято в качестве ответного жеста благодарности за пересмотр администрацией Обамы планов по ПРО. В ответ на его позицию иранский президент М. Ахмадинежад упрекнул Москву в непоследовательности, от которой в Тегеране «ожидали большего» [147].

В последующие несколько месяцев переговоры между Москвой и Вашингтоном по иранскому вопросу продолжились. В результате в июне 2010 г. РФ проголосовала в СБ ООН за принятие резолюции 1929, согласно которой против Ирана вводился очередной пакет санкций [886]. Кроме того, Москва расторгла контракт на поставку Тегерану комплексов С-300, что вызвало одобрение Вашингтона [581, с. 281].

Таким образом, иранская проблема являлась одной из серьезных проблем в российско-американском диалоге в сфере нераспространения ОМУ. Обе державы были заинтересованы в соблюдении данного режима, однако нередко по-разному видели пути решения ядерной программы Ирана.

Северокорейская ядерная проблема

В 2000-е гг. Москва активизировала свою политику на северокорейском направлении. В феврале 2000 г. в Пхеньяне состоялся визит министра иностранных дел РФ И. С. Иванова, а в июле – В. В. Путина. Затем в 2001 и 2002 гг.

прошли визиты в Москву Ким Чен Ира. Контакты высшего руководства двух стран помогли восстановить нормальный уровень российско-северокорейских отношений и прорвать международную изоляцию КНДР [598, с. 84].

Приход в 2001 г. к власти администрации Буша-мл. прервал процесс реализации женеvских договоренностей. Вашингтон отказался от выполнения своих обязательств по Женевскому соглашению 1994 г. и включил КНДР в «ось зла», начав жесткое политическое и финансовое давление на Пхеньян [598, с. 85]. Американцы требовали от Северной Кореи прекращения реализации всех ядерных и ракетных программ и разоружения. В ответ КНДР вышла в 2003 г. из ДНЯО, выслала из страны инспекторов МАГАТЭ и запустила графитовый реактор в Нёнбёне [601, с. 429].

В условиях ядерного обострения у Пхеньяна ухудшились отношения не только с Вашингтоном, но и Москвой. Со стороны северокорейского руководства стало выказываться недовольство российской позицией по ядерной программе КНДР. Между двумя государствами были прекращены контакты на высшем уровне. Как утверждал российский исследователь Г. Д. Толорая, у российского руководства явно «душа не лежала» к сохранению близости к северокорейскому режиму, чьи провокационные действия служили дополнительным раздражителем в и без того непростых отношениях России с Западом [598, с. 85].

Тем не менее на Корейском полуострове ситуация требовала реагирования со стороны международного сообщества. Российская сторона предложила «пакетное решение» ядерного кризиса, которое предусматривало политическое урегулирование северокорейской ядерной проблемы на основе многосторонних договоренностей. В августе 2003 г. начались шестисторонние переговоры с участием РФ, США, КНР, Японии Южной и Северной Корей. Идея многостороннего формата была взята американцами для создания единого фронта против КНДР. Россия принимала активное участие в работе переговоров, сыграв заметную роль в поиске решений северокорейской ядерной проблемы. Это стало серьезным достижением российской дипломатии.

В 2003–2008 гг. состоялось шесть раундов шестисторонних переговоров. Однако их результаты носили временный характер, поскольку в указанные годы ядерный кризис лишь набирал свои обороты. Шестисторонние переговоры неоднократно прерывались и не один раз находились на грани полного срыва. В феврале 2005 г. Пхеньян объявил об обладании ядерным оружием. Северокорейцы категорически отвергали американское требование о прекращении всех видов ядерной деятельности [601, с. 430].

В результате упорной работы «шестерки» к сентябрю 2005 г. удалось добиться рамочных договоренностей, зафиксированных в Совместном заявлении участников переговоров, о денуклеаризации Корейского полуострова мирным путем [601, с. 430]. Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров назвал итоги переговоров «большим успехом всей “шестерки”». В Вашингтоне, напротив, их оценили довольно сдержанно. По словам главы американской делегации на шестисторонних переговорах К. Хилла, «переговоры не могут продолжаться бесконечно. Невозможно вечно сидеть за столом переговоров, которые проходят раунд за раундом, но не приносят ощутимых результатов» [601, с. 433–434].

По сути, жесткая позиция США привела к прекращению переговорного процесса в рамках «шестерки». Своим поведением американцы спровоцировали северокорейцев на отход от согласия приостановить ядерные и ракетные испытания. Ситуация на Корейском полуострове вновь стала накаляться. В начале июля 2006 г. КНДР осуществила серию ракетных испытаний. 15 июля СБ ООН единогласно принял резолюцию 1695, которая осуждала действия Северной Кореи и вводила против нее санкции. Россия, поддержав ее принятие, исходила из желания, как можно скорее добиться возвращения КНДР в режим моратория на испытания баллистических ракет и возобновления шестисторонних переговоров в целях дипломатического урегулирования северокорейской ядерной проблемы [406]. По словам С. В. Лаврова, данная резолюция стала достаточно твердой, но взвешенной реакцией Совета Безопасности ООН. МИД РФ отмечал, что северокорейское руководство предприняло действия в нарушение моратория на ракетные пуски. Российская сторона призвала КНДР к сдержанности и соблюдению взятых на себя обязательств в ракетной области. Однако Пхеньян продолжил проводить свою линию, шедшую вразрез с ранее достигнутыми договоренностями [601, с. 452]. В октябре 2006 г. Северная Корея осуществила еще один ядерный взрыв, вызвавший новую волну напряженности. В. В. Путин заявил, что данные «действия наносят ущерб нашим отношениям с КНДР», министр обороны С. Б. Иванов подчеркнул, что «факт испытания вызывает опасения и негодование» [601, с. 453]. Ряд российских экспертов и политиков, например, А. Г. Арбатов обвинили Пхеньян в угрозе миру и интересам РФ [1, с. 342]. Неудивительно, что Россия солидаризировалась с решением СБ ООН о принятии резолюции 1718 с осуждением ядерного взрыва и введении санкций против Северной Кореи [531]. Международное сообщество требовало от КНДР приостановить свою ракетную программу и восстановить мораторий на запуски баллистических ракет, а также ограничить поставки Пхеньяну продукции и технологий, которые могут быть использованы в военных целях. В ответ Северная Корея пообещала отказаться от ядерных вооружений, как только перестанет ощущать угрозу со стороны США [668].

Конкретные шаги по реанимации шестисторонних переговоров предприняла КНР. В результате китайских усилий в декабре 2006 г. они возобновились. Основные противоречия вновь проявились вокруг американского и северокорейского видения разрешения ядерной проблемы [601, с. 438–439].

Официальная Москва, не приемля и осуждая действия КНДР, считала, что любое государство в мире нуждается в обеспечении своей безопасности. Однако ни для кого не секрет, что США хотели сменить режим в Северной Корее. Поэтому РФ придерживалась позиции, что шестисторонний формат переговоров является наиболее оптимальным вариантом ядерного урегулирования на Корейском полуострове. По мнению В. В. Путина, «нельзя прерывать переговорный процесс, нужно любой ценой сохранить его и иметь всегда, чтобы в конце туннеля был какой-то свет» [601, с. 454].

Исходя из своей позиции, российская сторона приняла конструктивное участие в выработке принятого 13 февраля 2007 г. Плана первоначальных действий по реализации Совместного заявления «шестерки» от 19 сентября 2005 г.,

который предусматривал создание рабочих групп по различным направлениям и фиксировал очередность шагов со стороны КНДР, США и других участников переговоров по ликвидации кризиса [601, с. 454]. Это создало впечатление возможностей позитивного решения северокорейской ядерной проблемы в ходе длительного переговорного процесса. Однако в 2008 г. шестисторонние переговоры были заморожены. Они не привели к решению проблемы. Основная причина неудачи заключалась в расхождении позиций среди участников «шестерки» и отсутствии компромиссных решений. С каждым годом ракетно-ядерное оружие воспринималось Пхеньяном в качестве все более весомого аргумента на переговорах с Вашингтоном. Американцы, не заинтересованные в распространении ЯО, рассматривали ситуацию на Корейском полуострове как один из аргументов своего присутствия в АТР. Для России разрешение конфликтной ситуации вокруг Кореи отвечало интересам национальной безопасности. Однако решить проблему в одиночку Москва объективно не могла.

В 2009–2010 гг. случился новый всплеск напряженности на Корейском полуострове. 25 мая 2009 г. КНДР произвела ядерное испытание, реакцией на которое стало экстренное заседание СБ ООН. Его члены единодушно осудили действия Пхеньяна, заявив, что Пхеньян нарушил условия резолюции 1718. Неизбежным результатом стало принятие СБ ООН новой резолюции – 1874, которая предусматривала введение дополнительных санкций [531].

В августе 2011 г. в Улан-Удэ состоялась встреча Д. А. Медведева с Ким Чен Иром, на которой была достигнута договоренность о возможности возвращения Пхеньяна в шестисторонние переговоры. Однако США и Южная Корея заблокировали идею возобновления шестисторонних переговоров выдвиганием особых «условий» [598, с. 85].

Следовательно, в рассматриваемый период северокорейская ядерная проблема оставалась в повестке международного сообщества. А Москва и Вашингтон демонстрировали не только единодушие во время ее обсуждения в рамках СБ ООН, но и порой придерживались разных подходов к ее решению.

Проблема НАТО в российско-американских отношениях

В 2000-е гг. проблема взаимодействия с НАТО осталась во внешнеполитической повестке РФ. В планах Запада было дальнейшее расширение блока. Кандидатами на вступление в альянс значился целый ряд восточноевропейских стран. Москву крайне тревожило приближение НАТО к российским границам. Вашингтон же заявлял о том, что Североатлантический альянс никому не угрожает и является надежным гарантом европейской безопасности.

Уже во время первой встречи В. В. Путина и Дж. Буша-мл. 16 июня 2001 г. в Словении американский президент убеждал своего коллегу, что расширение НАТО – это «разумный процесс, а страны, в него входящие, выполняют определенные обязательства». Президент РФ, заинтересованный в налаживании конструктивного сотрудничества с Западом, не стал обострять ситуацию. Поэтому он, хоть и раскритиковал альянс за его военную составляющую и продвижение к российским границам, подчеркнул, что «Россия не относится к НАТО как враждебной организации, сотрудничает с ней на основе

постоянного договора и других инструментов» [540]. Однако, по мнению В. В. Путина, до тех пор, пока НАТО остается военной организацией, у Москвы будут возникать вопросы относительно того, зачем альянс расширяется к российским границам и насколько это оправданно [651, с. 302].

Сближение Москвы и Вашингтона на фоне борьбы с международным терроризмом поспособствовало возобновлению контактов между РФ и НАТО, прерванных российской стороной в связи с агрессией против СРЮ. Демонстрируя свои искренние намерения, Кремль даже предложил Белому дому создать на основе альянса новую организацию безопасности в Европе с глобальными функциями. По сути, речь шла о трансформации блока путем вступления в него РФ. В Москве подчеркивали, что это не только улучшит отношения РФ с Западом, но и укрепит евроатлантическую безопасность. Однако у западных партнеров вдруг обнаружилось этому довольно много препятствий [214, с. 251]. Как вспоминал сам В. В. Путин, «ведь был момент, когда ваш покорный слуга просто высказал предположение: а может быть, нам и в НАТО вступить? Но нет, в НАТО такая страна не нужна. Нет. Спрашивается, а что еще-то? Мы-то считали, что мы уже вот, свои, извините, как у нас в народе говорят, буржуинские. Чего еще? Противостояния идеологического больше нет. В чем проблема? Видимо, проблема в геополитических интересах и надменном отношении к другим. Вот в чем проблема, в самоуверенности» [201].

Конечно, как справедливо подчеркивал А. И. Уткин, России было выгодно войти в новый – «наднатовский» альянс, хотя бы частично гарантирующий ее внутреннюю целостность и безопасность границ [620, с. 662]. Однако на Западе вопрос о членстве России в НАТО никогда всерьез не рассматривался. В Вашингтоне отвергли идею британского премьер-министра Т. Блэра о принятии РФ в альянс [791, р. 253]. На наш взгляд, настроения американских элит отчетливо выразил Зб. Бжезинский. По его мнению, «вступление в НАТО России с ее нынешней авторитарной и крайне коррумпированной политической обстановкой, а также сепаратными планами силовых ведомств попросту уничтожит НАТО как сплоченный альянс демократических государств» [56, с. 223; 57, с. 61]. К тому же в Вашингтоне считали, что двум военно-стратегическим гигантам «не место в одной берлоге», что полноценное принятие РФ в Североатлантический альянс подорвет фактическое единоначалие, создаст фактор нежелательной напряженности, в определенной степени свяжет руки Вашингтону в проведении его глобальной политики [620, с. 665].

При этом процесс расширения альянса на Восток продолжался, что рассматривалось Москвой как угроза национальной безопасности [814, р. 159]. Впоследствии многие представители американского истеблишмента считали это ошибкой. Например, подобного мнения придерживался Р. Гейтс. С его точки зрения, поспешное расширение НАТО в 2000-е гг. было политическим актом, а не тщательно продуманным стратегическим ходом. Тем самым подрывались цели альянса и игнорировались национальные интересы России [143, с. 214–215]. Действительно, место РФ за рамками евроатлантической системы безопасности вызвало у Москвы ряд негативных реакций, включая ощущение

враждебности и исключенности, что впоследствии привело к стремлению пересмотра несправедливого международного порядка [526, с. 85].

Вместо выражений признательности России за поддержку в борьбе с терроризмом Вашингтон наметил ноябрь 2002 г. как время принятия решения относительно очередного расширения НАТО в восточном направлении, включая государства Балтии [620, с. 665–666]. Присутствовавший на бухарестском форуме стран НАТО и государств-претендентов на вступление в Североатлантический альянс заместитель госсекретаря США Р. Армитидж с благосклонностью высказался за вступление Литвы, Латвии и Эстонии, а также не планировавшихся ранее Болгарии и Румынии. Хотя американцы, учитывая активное участие РФ в антитеррористической коалиции, могли без особого вреда для своих национальных интересов объявить мораторий на приближение блока к российским границам [620, с. 669]. Для российского руководства данное решение стало еще одним подтверждением практики игнорирования Соединенными Штатами интересов страны.

Идея о создании Совета Россия – НАТО, в рамках которого Москва могла бы обсуждать острые международные вопросы вместе с девятнадцатью членами Североатлантического альянса, не могла считаться полноценной заменой полноправному членству РФ в блоке.

В русле декоративной политики 28 мая 2002 г. на натовской военно-воздушной базе Пратика ди Маре (неподалеку от Рима) политическими лидерами альянса и России было подписано соглашение, отразившее опасения Вашингтона предоставить Москве полноправное членство в Североатлантическом союзе. Россия не стала членом альянса, и на нее не распространяется договор о коллективной безопасности, согласно которому все члены НАТО обязуются приходить на защиту друг друга в случае необходимости. Кроме того, в соглашении не было никаких взаимосдерживающих обязательств сторон. Там не указано, что НАТО должна уважать волю Москвы, или что Россия должна ограничить свободу своих решений, а значит, в зависимости от ситуации, каждая сторона поведет себя согласно собственным критериям: НАТО не будет обращать внимания на Россию, и наоборот [620, с. 667]. Поэтому, несмотря на согласие российского руководства на создание нового совещательного органа, в стране стало нарастать осознание того, что она не столь уж важна и привлекательна для Запада. Неудивительно, что наблюдая подобное отношение к РФ, даже российские либералы поменяли свои взгляды. Так, если в начале 2000-х гг. в качестве стратегической цели России они видели вхождение в НАТО и ее превращение из военного блока в перспективный политический союз евроатлантической безопасности. Однако в сентябре 2003 г. А. Б. Чубайс, мнение которого являлось определяющим для политики СПС, высказался против вступления РФ в альянс. По его словам, «России в XXI веке необходимо стать стержнем объединения стран СНГ в “либеральную империю” и замкнуть цепочку великих государств в XXI веке – Японию, США и Европу. Но в НАТО и ЕС нам вступать не надо ни при каких обстоятельствах. Мы туда не поместимся ни экономически, ни географически, ни политически» [451, с. 147].

Несмотря на возражения Москвы, расширение НАТО за счет семи новых членов произошло в 2004 г., что лишь подтвердило факт восприятия западными элитами как потенциального противника. Несмотря на то, что в этот раз среди российской элиты и общественности не наблюдалось той остроты реакции, как в 1990-е гг., в стране стал нарастать рост недоверия и недовольства в адрес США и НАТО. Апогеем антиамериканских настроений стала речь В. В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 г. Однако американцы продолжили обострять ситуацию. В апреле 2007 г. Дж. Буш-мл. подписал «Акт о консолидации свободы», который закладывал политико-правовую основу для вступления Украины и Грузии в НАТО [103, с. 264].

Первый заместитель председателя правительства РФ С. Б. Иванов упрекал Запад в обмане. По его словам, во время первой волны расширения НАТО Москва была уверена, что военная инфраструктура НАТО не будет развернута в новых государствах-членах. Однако РФ оказалась обманута [335]. Правда, российский представитель при НАТО Д. О. Рогозин считал, что блок не представляет собой прямой угрозы для РФ. Более того, по его оценке, альянс более не является эффективной военно-политической организацией [501, с. 190].

В апреле 2008 г. прошел Бухарестский саммит НАТО, на котором К. Райс четко обозначила место России в постбиполярном мире как страны, проигравшей Холодную войну [868, р. 676]. Поэтому американцы не собирались учитывать возражения российской стороны относительно своих действий на мировой арене. В этом контексте администрация Буша-мл. пыталась протолкнуть Украину и Грузию в блок. Как заявил Дж. Буш-мл., если Киев и Тбилиси захотят получить план для членства в НАТО, «я не могу сказать “нет”» [868, р. 673]. При этом в годы президентства В. А. Ющенко большинство украинцев выступало против вступления страны в НАТО [814, р. 39–40]. В качестве одного из подтверждений американской позиции можно привести спор Н. В. Злобина с заместителем госсекретаря США в 2005–2008 гг. Н. Бернсом по поводу вступления Украины в НАТО. На замечания эксперта по поводу целесообразности данного шага с учетом того, что большинство ее населения было не согласно, американский чиновник ответил, что украинцы не понимают своей выгоды и им нужно объяснить преимущества членства в этой организации [214, с. 272].

В Москве членство Грузии и Украины в НАТО называли той красной линией, пересечение которой вызовет незамедлительный ответ. Российская сторона предупредила, что это является для РФ «прямой угрозой» и «будет иметь самые серьезные последствия для общеевропейской безопасности» [103, с. 264]. Для российского руководства вступление Украины в альянс было категорически неприемлемо, поскольку создавало бы в России комплекс разделенной нации, лишало ряда важных военных объектов, затрудняло торгово-экономические отношения и транзит через украинскую территорию, могло повлечь прямое противостояние с Западом [23, с. 118–119]. Поэтому В. В. Путин дал четко понять, что вступление постсоветских государств в Североатлантический альянс несет непосредственную угрозу национальной безопасности России, в связи с чем с ее стороны последуют жесткие действия.

Соединенные Штаты, хоть и не смогли добиться реализации «программы-максимум» по предоставлению Киеву и Тбилиси плана для членства, тем не менее продавили беспрецедентную декларацию о том, что у Украины и Грузии есть все шансы стать членами НАТО. Таким образом приехавшему в Бухарест В. В. Путину наглядно показали, «кто победил в Холодной войне», без четкого осознания возможных геополитических последствий [254, с. 193]. Когда же Россия частично усилилась, Запад начал беспокоиться по поводу новой российской угрозы [810, р. 85].

«Пятидневная война», спровоцированная Грузией, в августе 2008 г. сняла с повестки дня вопрос о приеме в альянс этой страны [676, р. 1151]. НАТО не рискнула оказать Тбилиси военную поддержку. Что касается Украины, то Киев в конце 2000-х – начале 2010-х гг. сам отказался от вступления в НАТО, поскольку значительная часть украинцев была против членства в данном блоке. При этом при президентстве В. Ф. Януковича Украина продолжала активно взаимодействовать с евроатлантическими структурами и странами Запада. При этом Киев заявил о внеблоковом статусе Украины [814, р. 66].

Вашингтон не отказался от своих планов расширения НАТО. Так, выступая 18 сентября 2008 г. в Фонде Дж. Маршалла, госсекретарь США К. Райс сказала: «Мы открыли двери НАТО для любого суверенного, демократического государства в Европе, которое может соответствовать критериям членства. Мы поддерживаем право всех стран, освободившихся от коммунизма, избрать тот путь развития, которым они хотят следовать, и те институты, к которым они хотят присоединиться. И эти исторические усилия увенчались успехом. Почти половина наших союзников по НАТО – это бывшие поработанные страны» [47, с. 71].

Кратковременный период «перезагрузки» в российско-американских отношениях не снял накопившиеся между Москвой и Вашингтоном противоречия. Несмотря на новые шаги руководства России навстречу США и НАТО по Афганистану, американцы не собирались учитывать российскую позицию. Так, в ходе своего турне по странам Восточной Европы и Кавказа в июле 2010 г. госсекретарь Х. Клинтон подчеркнула, что для Украины и Грузии «двери в НАТО остаются открытыми» [47, с. 71]. В Вашингтоне считали, что Москва пыталась ослабить влияние НАТО на постсоветском пространстве путем недопущения присоединения ННГ к альянсу, а также их дестабилизации [702, р. 4].

В российских политических кругах также были разные взгляды на российско-натовские отношения в меняющихся условиях – от достаточно жестких до весьма умеренных. Так, либерал А. Г. Арбатов предлагал избегать прямого сопротивления расширению НАТО, но при этом блокировать те его аспекты, которые прямо противоречат национальным интересам России. Одновременно через различные каналы сотрудничества сделать фактическую роль России более значимой, чем у большинства «старых» и тем более «новых» членов альянса [23, с. 121]. С его точки зрения, РФ могла эффективно противодействовать расширению НАТО на постсоветском пространстве путем позиционирования себя как гаранта территориальной целостности и суверенитета ННГ, уважая их государственность и развивая взаимовыгодные и равноправные отношения

с ними [23, с. 288]. Однако, на наш взгляд, реализовать данные предложения было проблематично из-за позиции Запада.

В целом Россия не смогла добиться дипломатическими средствами учета Соединенными Штатами своих национальных интересов. Вашингтон упорно их игнорировал, пытаясь успокоить российское руководство определенными полумерами, вроде создания Совета Россия – НАТО. Одновременно американцы продвигали свою линию на расширение НАТО. После вступления в альянс семи новых членов в 2004 г. США были готовы принять в состав альянса Грузию и Украину, что было категорически неприемлемо для Москвы. В результате данные постсоветские государства не вошли в НАТО, но стали еще одним раздражителем в российско-американских отношениях.

Таким образом, к концу 2000-х гг. система ограничения и сокращения вооружений оказалась почти полностью демонтированной. РФ и США стояли на пороге возобновления гонки вооружений. Вина за это лежала на Вашингтоне. Администрация Буша-мл. проводила разрушительную политику в сфере стратегической стабильности. Выйдя из Договора по ПРО, она тем самым вызвала крах Договора СНВ-2, рамочного соглашения по СНВ-3, соглашения о разграничении стратегической и тактической систем противоракетной обороны от 1997 г. и завела в тупик ДВЗЯИ от 1996 г. [20, с. 6].

Администрация Обамы сделала проблему ядерного разоружения одним из краеугольных камней политики «перезагрузки» с Россией. Это дало свои плоды. Москва и Вашингтон подписали Договор СНВ-3. При этом, несмотря на изменение американской позиции, между сторонами остались серьезные противоречия, касавшиеся вопросов противоракетной обороны, что влияло на стратегическую стабильность.

На протяжении 2000-х – начала 2010-х гг. у России и США сохранялись разные подходы к решению проблемы нераспространения ОМУ. Особенно это касалось иранской и северокорейской ядерных программ. Если для Вашингтона был характерен жесткий подход к Тегерану и Пхеньяну, основывавшийся на санкциях и силовом давлении, то Москва, выступая против создания ИРИ и КНДР ядерного оружия, придерживалась более мягких позиций, пытаясь выстраивать с указанными странами конструктивные, взаимовыгодные отношения.

В сфере региональной безопасности в Европе на повестке дня российско-американских отношений по-прежнему находилась проблема НАТО. Москва и Вашингтон кардинально расходились в подходах к соблюдению евроатлантической безопасности. При этом в 2000-е гг. Россия не только не стала ее частью, но и не смогла помешать очередному расширению НАТО, за исключением принятия в ряды альянса Грузии и Украины, где российский фактор сыграл свою роль.

РАЗДЕЛ III РОССИЙСКИЙ ВЫЗОВ АМЕРИКАНСКОМУ ДОМИНИРОВАНИЮ В МИРЕ

ГЛАВА 10 ПОДХОД РОССИИ К ОТНОШЕНИЯМ С США В ПЕРИОД ТРЕТЬЕГО ПРЕЗИДЕНТСТВА В. В. ПУТИНА (2012–2018 гг.)

Возвращение В. В. Путина в Кремль в качестве президента России произошло 7 мая 2012 г. в результате победы на выборах, состоявшихся 4 марта того же года. В период его третьего президентства России на американском направлении пришлось иметь дело с администрациями Обамы и Трампа.

За шесть лет, к 2018 г., российско-американские отношения опустились на низшую точку своего развития на тот момент. Это стало результатом расхождений по целому ряду актуальных проблем международного развития. К этому времени в Москве окончательно решили, что Россия способна более активно участвовать в формировании мировой повестки. Как отмечал В. О. Печатнов, во внешней политике страны стали проявляться такие константы национального самосознания, как великодержавный менталитет, отстаивание своей самобытности, самостоятельности и государственного суверенитета, а также обостренное восприятие уязвимости перед лицом реальных и гипотетических угроз безопасности [434, с. 18].

Уже в 2012 г. многие представители российской интеллектуальной элиты считали, что «Запад, во-первых, ослаблен, во-вторых, с ним уже нет столь глубоких противоречий» [343, с. 23]. Поэтому Россия может более активно вести себя на международной арене. По словам британского эксперта Р. Саквы, РФ стала позиционировать себя не как противница западного мира, а скорее как его дополнение. Согласно британскому ученому, это своеобразный тип неоревизионизма, который подразумевает не изменение фундаментальных основ миропорядка, а обеспечение отношения к России как к равной державе [525, с. 24]. РФ считает себя великой державой и альтернативным, хотя и не обязательно враждебным, цивилизационным и геополитическим центром в мировой политике [525, с. 55]. Поэтому Кремль, оставаясь ответственным участником мирового сообщества, способным играть конструктивную роль на международной арене, избрал более активную линию поведения в отношениях с Западом, нежели это было раньше [877, р. 28]. При этом в ряде случаев российские шаги по-прежнему характеризовались половинчатостью.

Например, А. Г. Дугин вполне обоснованно объяснил это тем, что путинский режим состоял из двух частей – либералов и консерваторов [51, с. 132].

Изменение внешнеполитического поведения Россией стало результатом возраставшей убежденности В. В. Путина и части его окружения в угрозе политической стабильности и безопасности РФ со стороны Запада. В Москве считали, что действия США по продвижению либеральной демократии несовместимы с российскими национальными интересами. Подобные настроения становились доминирующими как среди политической элиты, так и общественности страны.

Уже первые внешнеполитические шаги В. В. Путина после его возвращения на пост президента продемонстрировали более жесткую линию на американском направлении. Например, спустя десять дней после своей инаугурации, 18 мая 2012 г., он отменил визит в США на саммит G-8, отправив вместо себя ставшего премьер-министром Д. А. Медведева. Правда, 18 июня 2012 г. его встреча с Б. Обамой все же состоялась в мексиканском городе Лос-Кабосе. Лидеры двух стран провели переговоры на полях саммита G-20. Игнорирование президентом РФ «большой восьмерки» и участие в «большой двадцатке» свидетельствовало о начинавшихся изменениях во внешнеполитических приоритетах страны. По сути, российский лидер показывал свое отношение к Западу, отдавая предпочтение так называемым новым центрам силы в формирующемся полицентричном мире.

Бесспорно, подобная позиция российского руководства стала реакцией на действия ведущих западных стран в отношении РФ. Свой взгляд на отношения с Западом В. В. Путин выразил в вышедшей незадолго до президентских выборов статье «Россия и меняющийся мир», в которой назвал политику Вашингтона на постсоветском пространстве и попытки вмешательства во внутренние дела России в качестве одной из главных проблем развития российско-американских отношений [479]. По словам П. Бьюкенена, мотивы президента РФ были просты и понятны. Он хотел уважения, которого заслуживает великая держава, поэтому был готов играть с позиций жесткой силы [89, с. 154]. Подобную оценку внешней политике России дал и профессор Джорджтаунского университета Ч. Капчэн [782, р. 2].

В годы третьего президентства В. В. Путина взаимодействие РФ и США характеризовалось двумя основными тенденциями. С одной стороны, продолжалось поступательное развитие двусторонних отношений. В частности, Москвой и Вашингтоном был подписан ряд межгосударственных соглашений, в том числе Соглашение между РФ и США об упрощении визовых формальностей для граждан Российской Федерации и граждан Соединенных Штатов Америки, направленное на создание более благоприятных условий для взаимных поездок граждан России и США, а также на дальнейшее развитие экономических, культурных, научных, гуманитарных связей между двумя государствами [623].

С другой стороны, между ними стали нарастать противоречия. В Соединенных Штатах стремительно усиливалось недоверие к российскому руководству [493, с. 397]. Как отмечал Р. Пайпс, «Россия одержима тем, чтобы ее признали “великой державой”» [419, с. 32]. Другой патриарх советологии – Зб. Бжезинский считал В. В. Путина заложником имперской ностальгии. На самом же

деле, по мнению политолога, России необходимо «сближение с Западом, иначе она проиграет все Китаю» [57, с. 84, 87]. При этом вину за ухудшение двусторонней атмосферы в Вашингтоне возлагали на Москву. Так, по словам одного высокопоставленного чиновника из администрации Обамы, «очень сложно навести мосты между США и Россией, когда главная цель Путина состоит в том, чтобы расстроить планы Соединенных Штатов» [581, с. 288].

В РФ конфликтовать с США не хотели, однако отступить от своих принципиальных позиций Кремль также не собирался. Российское руководство отныне не собиралось подстраиваться под американцев. По словам британского журналиста Э. Лукаса, для путинской России характерен ревизионизм – она «не согласна с нынешним положением международных дел, считает, что такое положение было достигнуто обманом и подлостью» [348, с. 90–91]. Не собирались отступить от своей доминирующей роли в мире и американцы [503, с. 69].

В первый год третьего президентства В. В. Путина основным драйвером ухудшения российско-американских отношений стало вмешательство американцев во внутренние дела РФ. Прежде всего, вашингтонский истеблишмент был крайне недоволен самим фактом его возвращения на пост президента. Безусловно, американцы предпочли бы видеть в Кремле по-прежнему либерала Д. А. Медведева, с которым связывали движение России в «правильном» направлении. Фигура Путина, наоборот, ассоциировалась с автократизмом и имперским экспансионизмом. Как писал бывший посол США в Москве М. Макфол, путинский режим является автократией, поэтому с ним необходимо бороться всеми силами [806]. Подобные взгляды были характерны для большинства представителей политико-академического сообщества Соединенных Штатов.

Ярко выраженная враждебность Вашингтона в отношении Кремля наконец заставила руководство РФ пойти на ряд антиамериканских шагов. Реагируя на многолетнее вмешательство американцев во внутривнутриполитическую жизнь России под прикрытием гуманитарных программ, на российской территории была прекращена деятельность Агентства по международному развитию (USAID). Серьезные вопросы у Москвы вызывала активность АМР в российских регионах, особенно на Северном Кавказе. По словам официального представителя МИД РФ А. К. Лукашевича, «Россия теперь входит в число “новых доноров” и отказывается от статуса получателя помощи развитию во всех международных организациях. Российское же гражданское общество стало вполне зрелым и не нуждается во “внешнем руководстве”» [274].

Российским властям было давно известно, что значительная часть политической оппозиции оплачивается из-за рубежа. Ее представители, по сути, работали в интересах США, что, наконец, перестало устраивать Кремль [493, с. 364]. 3 июля 2012 г. Госдума приняла поправки к закону «О некоммерческих организациях», ужесточившие контроль над деятельностью НКО, финансируемые из-за рубежа. Подобные организации, занимающиеся политической деятельностью на российской территории, получили статус иностранных агентов [183, с. 92]. С. В. Лавров в интервью телеканалу RTVI отметил, что в РФ действуют порядка 220 тыс. НКО, из которых 180 наделены статусом иностранных агентов, финансируемых из-за рубежа [363, с. 393].

12 декабря 2012 г. в послании Федеральному Собранию В. В. Путин подчеркнул, что Россия разделяет универсальные демократические принципы. Однако, по его словам, «российская демократия – это власть именно российского народа с его собственными традициями народного самоуправления, а вовсе не реализация стандартов, навязанных нам извне» [454].

Следующим заметным шагом на пути сползания двух стран к новой конфронтации стало принятие Конгрессом США 6 декабря 2012 г. Акта Магнитского. Данный законопроект был внесен на рассмотрение сенаторами Б. Кардином и Дж. Маккейном в мае 2011 г., а 14 декабря 2012 г. закон вступил в силу. Он предусматривал персональные визовые и финансовые санкции против 18 российских чиновников. В ответ Госдума предприняла зеркальный ответ, приняв 21 декабря 2012 г. так называемый «Закон Димы Яковлева», вводящий запрет на усыновление американскими семьями российских детей. Данный закон давал право МИДу РФ осуществлять меры воздействия на американцев, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека. В российский «стоп-лист» были включены 18 американцев, которым запрещался въезд на территорию России, а также арестовывались их активы и запрещались имущественные сделки. По словам депутата от «Единой России» В. А. Никонова, «в ответный список вошли люди, причастные к делу Бута, к легализации пыток в тюрьме Гуантанамо, и насколько я понимаю, судьи, фактически закрывшие глаза на убийства российских детей, усыновленных семейными парами из США» [395]. Американцы заявили о передергивании и фальсифицировании фактов относительно усыновления российских детей гражданами Соединенных Штатов [70, с. 10]. Кроме того, «Закон Димы Яковлева» запрещал деятельность на территории РФ некоммерческих организаций, получивших американские деньги, или осуществлявших деятельность, представлявшую угрозу национальным интересам России [401].

Российский ученый Н. В. Загладин назвал действия обеих сторон своеобразным перформенсом: «Москва и Вашингтон “играют” в продолжение Холодной войны, хотя в действительности ее не ведут и не способны вести» [197, с. 94]. В действительности, по его мнению, налицо было серьезное взаимное непонимание. В Москве состояние российско-американских отношений воспринималось как весьма значимая константа внешней политики, связанная с обеспечением безопасности страны. В силу «зеркального восприятия», приписывающего потенциальному оппоненту собственные воззрения, в руководстве РФ предполагали, что и для Соединенных Штатов отношения с Россией имели высокую степень значимости. Соответственно любые действия Вашингтона, способные ухудшить двусторонние отношения, рассматривались как демонстрация принципиальной, глубоко укорененной враждебности, имеющей геополитические основы [197, с. 95].

Актом Магнитского Соединенные Штаты не ограничились. Главным для администрации Обамы являлось недопущение усиления РФ в мире [510, с. 187]. При этом Вашингтон действовал в отношении Москвы прагматически. Администрация Обамы выступала за сотрудничество с Россией по весьма широкому кругу вопросов международной безопасности. Одновременно Белый

дом шел на уступки республиканцам по отдельным проблемам российско-американских отношений, порой демонстрируя истерические реакции (как в случае со «списком Магнитского») [197, с. 95]. Шаг за шагом американцы усиливали действия по нанесению репутационного ущерба российскому руководству как внутри страны, так и за рубежом. Его попытались выставить как угнетателя своего народа, лишённого гражданских прав и свобод [354, с. 285]. Как отмечал В. В. Путин, образ России за рубежом «формируется не нами, поэтому он часто искажен и не отражает ни реальную ситуацию в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, в науку, культуру, да и позиция нашей страны в международных делах сейчас освещается как-то однобоко» [1, с. 162].

Стремление РФ играть более заметную роль на международной арене было выражено С. В. Лавровым, который подчеркивал, что в сложившемся мироустройстве проявляются серьезные тектонические сдвиги. Россия не собирается оставаться в стороне, а намерена принимать самое активное участие в жизни планеты [326, с. 3]. В новой Концепции внешней политики России, утвержденной 12 февраля 2013 г., подчеркивалось, что идет формирование «полицентричной международной системы». В меняющихся условиях РФ «выстраивает отношения с США с учетом значительного потенциала развития взаимовыгодного торгово-инвестиционного, научно-технического и иного сотрудничества, а также особой ответственности обоих государств за глобальную стратегическую стабильность и состояние международной безопасности в целом» [280]. При этом Россия позиционировала себя как оплот стабильности во все более турбулентном мире. Действия же США назывались одной из причин нарастающей нестабильности на международной арене. Поэтому Москва намеревалась защищать свои интересы, в том числе «противодействовать введению односторонних экстерриториальных санкций США против российских юридических и физических лиц» [280]. Тем самым на официальном уровне руководством страны констатировалось прекращение длительного процесса одностороннего сближения РФ с Западом [336].

Новую линию поведения во взаимоотношениях с Вашингтоном Москва продемонстрировала в связи с ситуацией вокруг беглого сотрудника АНБ Э. Сноудена. 1 августа ему было предоставлено политическое убежище. Американцы расценили этот шаг в качестве враждебной политической акции и объявили о замораживании диалога с Россией из-за «дела Эдварда Сноудена». В результате 9 августа 2013 г. Белый дом отменил запланированный российско-американский саммит в Москве. На пресс-конференции Б. Обама подчеркнул необходимость переоценки внешнеполитической позиции РФ и понимания ключевых вопросов и интересов двусторонних отношений [855]. В Соединенных Штатах считали, что американцы пытались наладить конструктивные отношения с русскими, тогда как они стремились вернуться к мышлению эпохи Холодной войны [199, с. 31]. Поэтому Вашингтон начал политическую кампанию по дискредитации России. В это время одним из объектов для нападок была выбрана Олимпиада в Сочи.

Для Москвы проведение данного спортивного мероприятия было средством доказать миру, что страна стала другой [503, с. 76]. Русофобы всех

мастей, пытаясь нанести ущерб имиджу РФ, стали призывать к бойкоту Олимпиады, нарушая все принципы олимпийского движения и политизируя спорт. По причине якобы систематических нарушений прав человека в России Б. Обама в числе ряда других западных лидеров отказался от посещения Сочи. Однако Олимпийские игры прошли успешно. В результате имидж РФ в мире не только не пострадал, но, наоборот, усилился. Кстати, госсекретарь Дж. Керри, страстный поклонник хоккея, посетил игру американской сборной и подчеркнул, что несмотря на нагнетание в западных СМИ всевозможных страхов с безопасностью в Сочи все в порядке [262, с. 15–16].

В Москве все больше убеждались в мысли о том, что Вашингтон пытается сдержать Россию [164, с. 103]. Поэтому в стране нарастали антиамериканские настроения. Как отмечал В. В. Согрин, «антиамериканизм стал чуть ли не лейтмотивом внешнеполитической пропаганды в российских средствах массовой информации» [565, с. 130]. Поэтому 12 декабря 2013 г. в послании Федеральному Собранию В. В. Путин, имея в виду в первую очередь США, подчеркнул, что «ни у кого не должно быть иллюзий относительно возможности добиться военного превосходства над Россией. Мы этого никогда не допустим. Россия ответит на все эти вызовы: и политические, и технологические. Весь необходимый потенциал у нас для этого есть» [455]. Конечно, для Москвы конфликт с Соединенными Штатами был определенным риском, от результата которого будет зависеть будущее российского политического режима [164, с. 103]. Однако соглашаться на уступки, как прежде, Россия не собиралась. По словам С. В. Лаврова, «Запад однозначно показывает, что дело не в том, что он хочет попытаться изменить политику Российской Федерации, что само по себе иллюзорно, а он хочет сменить режим» [627, с. 485]. В итоге занятая российским руководством твердая позиция вела к углублению противоречий с США, не готовых принимать в расчет великодержавные национальные интересы РФ.

Начавшийся украинский кризис нанес новый удар по российско-американским отношениям. Атмосфера между Москвой и Вашингтоном еще более накалилась и стала напоминать период Холодной войны в моменты ее обострения. Тем не менее после предпринятых Россией действий относительно Крыма и Донбасса администрация Обамы не пошла на прямую конфронтацию с Москвой. США попытались продолжать взаимодействие с РФ там, где требовалось участие русских, например, по ядерной программе Ирана. Одновременно Вашингтон стал усиливать давление на Россию из-за Украины [707]. Назначение новым американским послом в Москве специалиста по «цветным революциям» Дж. Теффта многие в российских политико-экспертных кругах даже расценили как курс Вашингтона на дальнейшее ухудшение отношений с Россией в контексте очередной попытки организации переворота [627, с. 495].

Основным инструментом Вашингтона выступили адресные и секторальные санкции. Последние касались топливно-энергетического сектора, высоких технологий, оборонной промышленности. Санкции затронули металлургическую и горнодобывающую сферы, а также машиностроение. При этом администрация Обамы не пошла на отключение российских банков от SWIFT – Международной межбанковской системы передачи информации и осуществления платежей.

В марте 2014 г. Б. Обама, выступая в Гааге на саммите по ядерной безопасности, подчеркнул, что западные страны готовы пойти на жесткие антироссийские санкции в сфере энергетики, финансов, экспорта вооружений, если Москва не прекратит свою «агрессию» против Украины [854]. Подобные заявления делал и вице-президент Дж. Байден. Так, выступая в конце апреля 2014 г. в Атлантическом совете в Вашингтоне, он отметил, что введение антироссийских санкций стало логичным следствием нарушения Москвой принципа нерушимости европейских границ [859].

Многие в Соединенных Штатах считали, что они сработают. По мнению Д. Саймса, многие в американском истеблишменте верили, что западные санкции работают. Они были уверены, что Россия, столкнувшись с трудностями, пойдет на серьезные уступки и может быть даже произойдет смена российского руководства [524, с. 199]. Например, как отмечал в январе 2015 г. Р. Пайпс, «нет никаких сомнений в эффективности санкций. Очевидно, что Россия оказалась жертвой очень серьезного затяжного экономического кризиса. В условиях, когда над ней нависли такие серьезные проблемы, Кремль не сможет позволить себе продолжать вмешательство в дела Украины, сопротивляясь давлению Запада» [419, с. 150–151]. В подтверждение подобных настроений в феврале 2015 г. в интервью CNN Б. Обама подчеркнул, что Вашингтон намерен и дальше использовать силовые и несиловые средства для влияния на Россию, стремясь побуждать ее изменить курс [847].

Однако санкционная политика Вашингтона не дала ожидаемого эффекта. Российское руководство на уступки американцам не пошло. Даже сам Б. Обама признавался, что не верил в изменение внешнеполитического курса РФ под воздействием американского давления [199, с. 46]. По мнению А. Г. Арбатова, жесткая реакция американского президента на действия российского руководства объяснялась давлением вашингтонских «ястребов» [21, с. 15]. Правда, при этом нельзя не согласиться, что в связи с Украиной личная злоба и неприязнь Б. Обамы к В. В. Путину еще более усилились [568, с. 127]. Однако, как уверял Ф. Закария, цель Вашингтона не заключалась в крахе путинского режима, поскольку на его место все равно не придет прозападная либеральная демократия. Задача США – «сдерживать агрессивные инстинкты Москвы в надежде, что с течением времени она будет развиваться в более кооперативном ключе» [199, с. 61].

В связи с Украиной у западного истеблишмента обострилась политическая шизофрения. С одной стороны, многие его представители были уверены в слабости и крахе России перед лицом коллективного Запада. Например, Б. Обама считал РФ относительно слабой страной, которая не может изменить или ослабить Америку [908]. А с другой стороны, западные политико-экспертные круги, воспринимая Россию в качестве реваншистской державы, пытающейся воссоздать свою сферу влияния и утраченную империю, возродили к жизни «принцип домино», по которому Москва сначала захватит Украину, а потом Прибалтику, Польшу и т. д. [498]. Страхи перед русскими нашли отражение даже в заявлениях Б. Обамы. Так, в своей брюссельской речи 27 марта 2014 г. он заявил, что Запад не ищет конфликта с Россией. Однако в связи

с российским экспансионизмом США готовы увеличить свое военное присутствие в Балтийском регионе и в Польше [856].

В появившейся в феврале 2015 г. Стратегии национальной безопасности США Россия, наряду с вирусом Эбола и международным терроризмом, впервые была названа «угрозой номер один» для Соединенных Штатов. В ней утверждалось, что Вашингтон готов сотрудничать с Москвой в сферах, представляющих общий интерес, но при условии, если Кремль будет уважать «суверенитет и демократическое развитие соседних государств» [821]. Поэтому русофобские круги в Вашингтоне стали выступать за необходимость жесткого ответа Москве и увеличения поддержки постсоветским государствам, в первую очередь Украине и Грузии, чтобы у Кремля впредь не возникало «экспансионистских намерений» [840]. Например, Х. Клинтон, выступая в сентябре 2015 г. в Институте Брукинга, призвала к более активным действиям, направленным против «российской агрессии» [731]. А Дж. Байден с трибуны украинской Верховной Рады в декабре 2015 г. заявил, что до тех пор, пока будет продолжаться «российская агрессия на Украине, США будут оказывать давление на Россию [860].

Подобные заявления требовали адекватной реакции со стороны российского руководства. Однако на фоне русофобской истерии в Америке позиция официальной Москвы в отношении Запада оставалась довольно сдержанной, без каких-либо призывов к конфронтации. В России наиболее раскованным и популярным выразителем антиамериканских взглядов в публичном поле продолжал оставаться В. В. Жириновский. Его многочисленные выступления изобиловали такими оценками США, как «мерзкая страна, весь мир ненавидит ее, весь мир сжигает американские флаги»; «американская демократия сворачивается, как военная держава Америка рухнула»; «нам придется нанести превентивный удар, уничтожить несколько государств, чтобы Барак Обама наконец-то понял, что нам нельзя угрожать»; «Европа будет в руинах, первыми будут стерты с лица Земли Прибалтика и Польша» [448, с. 62–63]. Однако представители российского руководства в лице президента, премьер-министра и министра иностранных дел не позволяли себе подобных высказываний, оставаясь дипломатично корректными и все еще продолжая называть американцев партнерами. При этом, конечно, они обращали внимание аудитории на свое видение развития международной жизни. Так, выступая 24 октября 2014 г. на заседании Валдайского международного клуба, В. В. Путин в качестве основной проблемы однополярного миропорядка, который хотели создать США, назвал «навязывание собственных рецептов как универсальных». По его словам, при однополярности суверенитет государств становится зависимым от степени лояльности Соединенным Штатам. Одновременно она не позволяет решить глобальные проблемы (наркотрафик, международный терроризм и т.п.) и не приводит к росту управляемости глобальными процессами. С точки зрения президента России ключевые игроки на международной арене должны договориться о согласовании базовых интересов, о разумном самоограничении, показать пример позитивного ответственного лидерства [202].

В апреле 2015 г. В. В. Путин в качестве основных условий нормализации российско-американских отношений назвал «уважение к России и уважение ее интересов» [384, с. 56]. Однако Вашингтон слова президента РФ проигнорировал. В результате ухудшение двусторонних отношений продолжилось. В сентябре 2015 г. в своих выступлениях на открытии юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи, посвященной 70-летию ООН, Б. Обама и В. В. Путин фактически обвинили друг друга в нарушении международного права и дестабилизации миропорядка [85, с. 140].

В условиях нарастания конфронтации руководство РФ по-прежнему придерживалось позиции ответчика. Москве приходилось реагировать на антироссийскую риторику и действия Запада. Например, в Стратегии национальной безопасности России, утвержденной 31 декабря 2015 г., говорилось, что «проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах. Реализуемая ими политика сдерживания России предусматривает оказание на нее политического, экономического, военного и информационного давления» [407].

В силу русского характера сопротивление РФ западному давлению становилось лишь сильнее. У российского руководства возобладал державный консерватизм с антиамериканскими настроениями при жестко настроенном парламенте и слабой либеральной оппозицией за стенами Госдумы [21, с. 16]. В результате агрессивных намерений Запада в стране значительно усилились «оборонные настроения». Политики и публицисты, которые еще недавно считались маргиналами, на глазах превращались чуть ли не в главных выразителей общественного мнения и трансляторов позиции властей. А представители официальных структур стали намного чаще апеллировать не только к внешнеполитическому реализму, но и обращаться к нравственно-ценностным атрибутам, подчеркивая разительные отличия между русским миром и западной культурой [509, с. 32].

В эфире федеральных телеканалов и радиостанций разгорелись острые дебаты между представителями различных политических сил относительно международной ситуации и внешней политики страны. Тем самым РФ активно включилась в информационную борьбу с Западом. США стали главным объектом нападков со стороны коммунистов, консерваторов и националистов. Их образ подавался исключительно в негативной коннотации. Некоторые эксперты пытались давать Америке более нейтральные характеристики. В основном это делали специалисты из числа ученых и журналистов, профессионально занимающихся изучением США. Либералы и зарубежные эксперты пытались как-то защищать американцев, объяснять их логику поведения в мире. Они призывали Россию вернуться к европейскому пути своего развития и «занять ожидающую ее нишу в сообществе демократических стран европейской цивилизации», забыв о «третьеримстве» и мифическом «балансирстве» между Европой и Азией [21, с. 16]. Правда, в жарких спорах с оппонентами либералы, как правило, всегда проигрывали. Симпатии аудитории оставались на стороне критиков Соединенных Штатов, что свидетельствовало о нарастании антиамериканизма в стране. По словам известного российского общественного деятеля

и публициста Н. В. Старикова, приглашение на общественно-политические ток-шоу и другие передачи либералов и западных экспертов выступало в некотором смысле в качестве своеобразной «прививки» населения. По его словам, «люди смотрят и видят, на чей стороне правда, получая иммунитет в информационной войне» [576, с. 17]. Однако слушаться российских ультрапатриотов Кремль также не собирался, поскольку это привело бы к прямому военному конфликту с Западом, к которому в середине 2010-х гг. страна была не готова. Подтверждением этому стали слова В. В. Путина, который 12 января 2016 г. в интервью немецкому изданию «Bild» подчеркнул, что Россия не претендует «на роль какой-то супердержавы. Это очень дорого и ни к чему» нам [384, с. 14]. Хотя к этому времени РФ смогла восстановить свою мощь, которая была утрачена в результате распада СССР. Так, известный российский политолог С. А. Караганов даже считал, что «у наших партнеров происходит привыкание к тому, что Россия будет действовать так, как действует сейчас, исходя из своих интересов, и интересы эти нужно уважать» [253].

30 ноября 2016 г. В. В. Путин утвердил новую Концепцию внешней политики России, в которой были учтены изменения международной повестки, особенно украинский кризис, в качестве ориентира внешнеполитического поведения страны на мировой арене [281]. В ней подчеркивалась необходимость проведения сбалансированной политики, выстраивания партнерских отношений со всеми ключевыми акторами международной жизни. В документе отмечалось, что мир становится полицентричным, а агрессивная политика Запада является одной из главных угроз современности. По сравнению с деструктивными действиями западных государств в Концепции обращалось внимание на то, что внешняя политика РФ «является открытой и предсказуемой, характеризуется последовательностью, преемственностью и отражает уникальную, сформированную веками роль России как уравнивающего фактора в международных делах и развитии мировой цивилизации». РФ выступает «за укрепление международной безопасности, стабильности на стратегическом и региональном уровнях» [281]. Москва подчеркивала признание роли ООН в качестве ведущего центра регулирования международных отношений и координации мировой политики.

Одновременно в Концепции указывалось на проводимый США курс на сдерживание России, оказание на нее политического, экономического, информационного и иного давления, что, безусловно, подрывало региональную и глобальную стабильность, а также наносило ущерб долгосрочным интересам всех сторон. В документе подчеркивалось, что «Россия не признает экстерриториального осуществления США своей юрисдикции вне рамок международного права, не приемлет попыток оказания военного, политического, экономического или иного давления и оставляет за собой право жестко реагировать на недружественные действия, в том числе путем укрепления национальной обороны и принятия зеркальных или асимметричных мер» [281]. Поэтому выстраивание взаимовыгодных отношений с Соединенными Штатами, в которых заинтересована Российская Федерация, учитывая особую ответственность обоих государств за глобальную стратегическую стабильность и состояние международной безопасности в целом, возможно

только «на основе равноправия, взаимного уважения интересов и невмешательства во внутренние дела друг друга» [281].

К сожалению, Вашингтон имел свое видение развития российско-американских отношений, избрав модель «сеньор – вассал», что, разумеется, не устраивало Москву. Россия не приняла «игру по американским правилам» и стала противодействовать попыткам американцев оказания военного, политического, экономического и иного давления, что разгоняло конфронтацию. При этом российское руководство, придерживаясь прагматичной модели поведения, не стремилось к эскалации напряженности между РФ и Западом [675]. Тем не менее целый ряд американских военных, например М. Милли, Дж. Данфорд, Ф. Бридлав, Д. Джеймс, прямо назвали путинскую Россию главной угрозой национальной безопасности США [138, с. 451].

Одновременно Москва ускорила свой «поворот на Восток», активизируя сотрудничество со странами незападного мира. Многие представители российского политико-академического сообщества оценили его как объективную реальность. Например, известный политолог и депутат Госдумы В. А. Никонов отмечал, что современную Россию необходимо рассматривать не как страну европейскую или евразийскую, а как страну евротихоокеанскую [393, с. 335]. По словам экспертов из РСМД, ставка азиатских партнеров РФ на прагматизм и кооперацию вкупе с отказом от рассмотрения Москвы как стороны, ответственной за украинский кризис, оказалась крайне выгодна для страны на фоне резкого охлаждения отношений с Западом [615, с. 30]. Однако всем очевидно, что во многом Восток стал внешнеполитическим приоритетом по причине конфронтации с Западом. Согласно известному востоковеду С. И. Луневу, украинский кризис показал российскому руководству «пределы развития взаимоотношений с Западом и важность сотрудничества со сверхкрупными азиатскими державами, ибо Китай, Индия, Бразилия недовольны монопольным положением Севера в мировой экономической и политической системе». По справедливому мнению ученого, Россию и азиатские державы сближает и «неприятие однополярного мира, признаки которого еще сохраняются» [351, с. 91]. Однако при этом РФ важно было не оказаться в статусе ведомого партнера в альянсе с Китаем или Индией. Кроме того, переориентация России на Восток лишь частично компенсировала результаты разрыва связей с Западом [494].

Тем не менее активное сближение РФ со странами Востока и Юга разительно отличалось от происходящего на западном направлении. В это время Конгресс США существенно осложнил деятельность российских дипломатических представительств на территориях, находящихся в американской юрисдикции. Из Соединенных Штатов выслали 35 российских дипломатов по обвинению в разведывательной деятельности из Посольства в Вашингтоне и Представительства в Сан-Франциско, а также закрыты дипломатические учреждения в штатах Мэриленд и Нью-Йорк. Одновременно американцы обвинили Москву в притеснении американских дипломатов и организаций, работающих в Москве. Налицо оказывалась политика двойных стандартов, согласно которой Россия должна принимать любые действия США, потому что они «правильные», и не пытаться отвечать. Исходя из этого, необходимо признать, что

американский истеблишмент воспринимал двусторонние отношения не как конфликт двух держав, а как конфликт демократии и авторитаризма. По их мнению, только после демократизации России все проблемы и противоречия исчезнут сами собой [398, с. 282].

Несмотря на стремительную деградацию двусторонних отношений, в России еще продолжали верить в возможность нормализации диалога между Москвой и Вашингтоном. Например, осенью 2016 г. часть российской элиты и экспертного сообщества страны связывала надежды на улучшение атмосферы российско-американских отношений с очередными президентскими выборами в США, которые состоялись 8 ноября 2016 г. Известно, что некоторые российские парламентарии стоя аплодировали новости о победе Д. Трампа на выборах [17, с. 316]. А часть представителей российского истеблишмента даже присутствовала на инаугурации американского президента. Они надеялись, что в двусторонних отношениях начнется новая «оттепель» [580, с. 304]. Дело в том, что республиканец Д. Трамп строил свою линию как отрицание внешней политики Б. Обамы. В этом контексте он говорил и о необходимости нормализации отношений с Россией [199, с. 67]. И, действительно, некоторые шаги в данном направлении были сделаны. Так, Д. Трамп выбрал в качестве своего советника по национальной безопасности отставного генерал-лейтенанта М. Флинна, ранее являвшегося главой Разведывательного управления Министерства обороны США, который установил контакт с российским послом С. И. Кисляком для выработки стратегии по налаживанию двусторонних отношений [580, с. 296].

Разумеется, Москве импонировало, что Д. Трамп и во время предвыборной гонки, и после победы на выборах неоднократно выражал несогласие с попытками Вашингтона проводить смену режимов и обещал положить этому конец [695]. Например, советник президента России С. Ю. Глазьев считал, что «Трамп, как прагматичный человек, отменит антироссийские санкции, которые наносят ущерб и американскому бизнесу» [311, с. 35]. Определенные надежды вселял телефонный разговор В. В. Путина с Д. Трампом по случаю избрания последнего президентом США, в котором собеседники высказались за нормализацию двусторонних отношений и конструктивное взаимодействие по самому широкому спектру проблем [593].

Однако многие в России понимали, что преодолеть американский политический мейнстрим, пресловутое «глубинное государство», Д. Трампу, несмотря на все его лестные заявления в адрес В. В. Путина и РФ и при всем его гипотетическом желании, будет очень сложно. Так в итоге оно и получилось.

В самом начале 2017 г. Б. Обама подписал указ о продлении антироссийских санкций, чтобы Д. Трамп не смог их отменить [417, с. 68]. Уходящая администрация продолжала извращаться в русофобии. Лишь госсекретарь Дж. Керри постарался дистанцироваться от последнего всплеска антироссийской истерии, предпочтя не делать каких-либо непродуманных заявлений [417, с. 69].

Тем временем публичные высказывания Д. Трампа о возможности договориться с Москвой по актуальным проблемам двусторонней и мировой повесток, как и ожидалось, встретили сопротивление со стороны ярых русофобов в Вашингтоне. В соответствии со своим «деловым подходом» новый президент

планировал с опорой на Россию «навалиться» на Китай, который считал главной угрозой для Америки. Однако планы Д. Трампа были нарушены беспрецедентной атакой антитрампистов, избравших российскую тему в качестве инструмента выдавливания его из Белого дома [612, с. 38–39]. Последние стали навешивать всевозможные ярлыки на всех, кто выступал за налаживание диалога с РФ или имел какое-либо отношение к России в прошлом. Уже первые недели работы администрации Трампа показали, что либерально ориентированные СМИ, явные оппоненты нового президента в американском истеблишменте и скрытые противники внутри исполнительной власти эффективно блокировали попытки Белого дома перейти к конструктивному диалогу с Москвой [626, с. 550]. Так, серьезному прессингу подвергся Р. Тиллерсон, ставший первым госсекретарем в администрации Трампа. Как известно, во время своей работы в ExxonMobil он сотрудничал с представителями российских нефтяных компаний, а также имел контакты с российскими официальными лицами, в том числе с В. В. Путиным и главой Роснефти И. И. Сечиным. За это он и подвергся осуждению со стороны русофобов, увидевших русский след [803]. В итоге при утверждении на должность Р. Тиллерсон пообещал сенаторам сохранить антироссийские санкции до тех пор, пока Москва не откажется от проведения «неправильной» политики [829, р. 212].

Тем самым новая администрация пошла на поводу у русофобов и из уст ее представителей стали звучать реплики о «необходимости призвать Россию к ответу», не обозначая, однако, в чем, собственно, этот ответ должен состоять [14, с. 265]. Это доказывало, что в годы президентства Трампа Москве пришлось иметь дело именно с «глубинным государством», которое выиграло позиционную войну с избранным президентом-популистом. Американское общественное мнение также разошлось с Белым домом в оценках развития отношений с Россией. Если Д. Трамп считал возможным иметь дело с РФ, то население США находилось под сильным влиянием русофобских настроений, пропагандируемых большинством американской элиты и СМИ [449, с. 310]. Неудивительно, что уже в первые недели своего нахождения у власти он был вынужден оправдываться за многие высказывания по поводу России и В. В. Путина [449, с. 319].

Враждебная повестка российско-американских отношений после прихода в Белый дом Д. Трампа делала их все более токсичными. Количество алармистских заявлений увеличивалось. Россию стали обвинять во вмешательстве в американские выборы 2016 г. В политических кругах Соединенных Штатов крепло убеждение, что В. В. Путин приказал российским хакерам подорвать доверие американского общества к демократическому процессу в Америке, очернить Х. Клинтон, причинить ущерб ее «избирабельности» [549, с. 279].

В ответ на обвинения во вмешательстве в американские выборы В. В. Путин во время своей пресс-конференции в конце декабря 2016 г. заявил, что «проигравшая сторона всегда ищет виноватых на стороне, лучше бы искали в самих себе эти проблемы» [417, с. 64].

Американская элита создала миф о злонамеренном «российском вмешательстве» в электоральные процессы в США. Для одних из ее представителей во всем виноваты русские. Другие, признавая, что Россия вмешивалась

в президентские выборы, все же считали, что главную роль в определении их исхода сыграли внутренние факторы. Например, Ф. Хилл, которая, по ее словам, не склонна «во всем винить русских», тем не менее считала, что «Россия стала частью нашей внутренней политики, чего на самом деле не было в течение длительного периода времени». Это тоже не положительный момент. Предполагаемое вмешательство российских спецслужб вызвало огромный внутренний кризис в США и нанесло невероятный ущерб двусторонним отношениям [8].

4 мая 2017 г. в Конгрессе США был создан комитет по противодействию «скрытому влиянию России». Тем самым «российское вмешательство» в американские выборы стало новым раздражителем в двусторонней повестке Москвы и Вашингтона. Американцы обвиняли русских, русские – оправдывались, заявляя, что подобного не делали. Так, по словам С. В. Лаврова, российская сторона предложила Соединенным Штатам предать гласности переписку, которая осуществлялась между Москвой и Вашингтоном с октября 2016 г. по январь 2017 г. по каналу, специально установленному на случай появления рисков в киберпространстве [122].

Необходимо подчеркнуть, что обвинения РФ во влиянии на американские выборы указывали как минимум на два факта. Во-первых, если допустить, что это действительно имело место, то Россия является намного более могущественной державой, чем ее оценивают американцы. Правда, возникает вопрос: почему победил Д. Трамп, а не какой-нибудь другой политик, относящийся к РФ более дружелюбно? Во-вторых, данные обвинения дискредитируют системы информационной безопасности США [233, с. 51].

В 2017 – первой половине 2018 г. обе стороны попытались выстроить некое подобие диалога по актуальным проблемам российско-американских отношений. Однако имевшие место встречи представителей России и США носили декоративный характер. В качестве примера можно привести состоявшуюся на полях G-20 в Гамбурге 7–8 июля 2017 г. встречу В. В. Путина и Д. Трампа, не принесшую ощутимого эффекта. 11–12 сентября 2017 г. прошла встреча С. А. Рябкова и Т. Шэннона, в ходе которой обсуждались вопросы стратегической стабильности и кибербезопасности. С 11 по 24 октября того же года проходила 14-я сессия российско-американской двусторонней консультативной комиссии по СНВ, которая тоже не дала весомых результатов. Это свидетельствовало о том, что видимость двустороннего диалога была, а конкретных позитивных результатов не было.

Разочаровывающие итоги первого года президентства Трампа для Москвы были связаны с тем, что российское руководство ожидало смены курса и уступок только со стороны США, имея уверенность в правильности своей политики после 2012 г. [17, с. 319]. Однако Вашингтон подобных надежд не оправдал. «Рашагейт» фактически парализовал деятельность администрации Трампа на российском направлении. Под нажимом массивной кампании против России в связи с ее якобы вмешательством в президентские выборы США налаживание отношений с Москвой было отложено в «долгий ящик» [17, с. 317].

Основная причина «пробуксовки» российско-американских отношений при Д. Трампе заключалась в позиции «глубинного государства», которое не позволило сделать президенту США конструктивные шаги навстречу Москве.

Конгресс, СМИ, вашингтонские аналитические центры безжалостно критиковали любые, даже самые скромные попытки Д. Трампа улучшить двусторонние отношения с Россией [288].

Антитрамписты заставляли администрацию Трампа проявлять жесткость на российском направлении, что, кстати, нашло свое отражение в концептуальных документах, касавшихся национальной безопасности и обороны Соединенных Штатов. Так, в принятой в декабре 2017 г. администрацией Трампа Стратегии национальной безопасности США Россия была названа «ревизионистской» державой, бросающей вызов американским интересам, стремящейся нанести ущерб процветанию и безопасности Соединенных Штатов. Москву обвинили в подрывных действиях в мире, намерении расколоть НАТО и ЕС, а также в стремлении к территориальной экспансии и создании угроз для соседних стран. При этом в свойственной американцам манере в документе говорилось о том, что США намерены взаимодействовать со своими соперниками, однако будут делать это с позиции силы, прежде всего, исходя из того факта, что военная мощь США является «непревзойденной» и полностью интегрированной с вооруженными силами американских союзников [822].

В другом концептуальном документе – Оборонной стратегии США, – появившемся в 2018 г., указывалось, что РФ как ревизионистская держава стремится перестроить мировой порядок, изменить региональные системы безопасности, а также препятствует демократизации соседних с ней стран [899]. Тем самым конфронтационная модель взаимодействия Москвы и Вашингтона в 2017–2018 гг. продолжала набирать обороты, о чем свидетельствовали концептуальные документы администрации Трампа.

В апреле 2018 г. сам Д. Трамп довольно точно оценил российско-американскую напряженность следующим образом: «Наши отношения с Россией хуже, чем когда-либо, включая период Холодной войны» [836].

В подобной ситуации российские сторонники выстраивания конструктивного взаимодействия и противники конфронтации с США предлагали отказаться от демонизации «глубинного государства» и начать работать с ним. Например, по мнению А. В. Картунова, оно «состоит из рационально мыслящих профессионалов, с которыми всегда легче иметь дело, чем с любителями-романтиками. При всех своих недостатках именно “глубинное государство” ограничивает наиболее экзотические и потенциально самые опасные внешнеполитические чудачества Дональда Трампа» [288].

Однако одних намерений российской стороны мало, необходимо желание к взаимодействию обоих партнеров. К сожалению, представители «глубинного государства» были готовы разговаривать с Москвой исключительно на своих условиях, с позиции силы, без учета российских интересов. Попытки американской правящей элиты изменить Россию в соответствии со своими представлениями о либеральном миропорядке исключили нормализацию двусторонних отношений [877, р. 402–403]. Вашингтон был готов сотрудничать только в рамках модели доминирования, на что российское руководство было не готово.

В марте 2018 г. В. В. Путин отметил, что «наша политика никогда не будет основываться на претензиях на исключительность, мы защищаем свои

интересы и уважаем интересы других стран, руководствуемся международным правом, считаем незыблемой ключевую роль ООН. Именно такие принципы и подходы позволяют нам выстраивать прочные, добрые и равноправные отношения с абсолютным большинством государств мира» [456]. Подобный подход Москва желала видеть и по отношению к себе. Разумеется, американская элита, в которой преобладали русофобы, строила свою стратегию на российском направлении иначе – на основе силового давления. В результате эскалация напряженности в двусторонних отношениях лишь набирала обороты. Для изменения ситуации в лучшую сторону России не хватало факторов влияния на американскую элиту и общественность. Даже тот факт, что в июне 2018 г. более 80 тысяч американцев посетили чемпионат мира по футболу и своими глазами увидели российскую действительность, которая разительно отличалась от сюжетов о России на американском телевидении [628, с. 53], не смогла изменить ситуацию в лучшую сторону, так как несколько десятков тысяч футбольных болельщиков, проникшихся РФ, для трехсотмиллионной страны – это «капля в море» пиара, пропаганды и имиджа.

Таким образом, в период третьего президентства В. В. Путина политика России на американском направлении по-прежнему носила реагирующий характер. В 2012–2018 гг. Кремлю пришлось иметь дело с администрациями Обамы и Трампа. За шесть лет двусторонние отношения достигли низшей точки своего развития. Причиной конфронтации между Москвой и Вашингтоном стала твердая позиция России в отстаивании национальных интересов страны, что усилило российско-американский антагонизм. Жесткий ответ Кремля на антироссийскую политику Запада заставил часть американского истеблишмента вновь увидеть в России серьезную геополитическую величину, а не страну второго сорта, как многие считали в Америке. Однако это лишь усилило геополитическое противостояние.

В отличие от РФ, избравшей реализм в качестве основы своей внешней политики и руководствовавшейся на мировой арене принципами международного права, США перешли на идеологические позиции, поставив во главу угла достижение неких идеалов на основе своей исключительности, и попытались заставить всех остальных участников международного сообщества играть по американским правилам.

Основными триггерами стремительного ухудшения двусторонних отношений в рассматриваемый период стали украинский и сирийский кризисы, а также расхождения по другим вопросам международной политики и преобладание русофобских настроений среди представителей американской элиты. В результате, несмотря на наличие общих интересов у Москвы и Вашингтона на мировой арене, по вине США конструктивное партнерство оказалось замороженным.

Г Л А В А 11

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ЧЕТВЕРТОГО ПРЕЗИДЕНТСТВА В. В. ПУТИНА (2018–2024 гг.)

В период четвертого президентства В. В. Путина России на американском треке пришлось иметь дело с администрациями Трампа и Байдена. Характерной особенностью атмосферы двусторонних отношений в 2018–2023 гг. стал поступательный рост напряженности, вылившейся в открытую конфронтацию. Несмотря на попытки российского руководства, конструктивного диалога у Москвы и Вашингтона не получилось. В годы нахождения в Белом доме Д. Трампа этому мешала сложившаяся в Соединенных Штатах внутривнутриполитическая обстановка, когда «глубинное государство» всячески препятствовало американскому президенту вести обсуждение актуальных вопросов мировой и двусторонней повесток с Москвой. С лета 2018 до конца 2020 г. В. В. Путин и Д. Трамп провели 2 встречи и 10 телефонных разговоров. По словам Ф. Закария, сам Д. Трамп оценивал двусторонние отношения следующим образом: «Наши отношения с Россией никогда не были хуже, чем сегодня, благодаря многолетней глупости и бестолковости США» [199, с. 72].

После прихода в Белый дом Дж. Байдена ситуация не изменилась. Более того, с 2022 г. атмосфера конфронтации между Россией и США еще более накалилась. В 2021–2022 гг. В. В. Путин и Дж. Байден 1 раз встретились, 1 раз провели встречу в формате видеоконференции и 5 раз разговаривали по телефону. После начала СВО на Украине В. В. Путин и Дж. Байден оборвали личные контакты. Теперь коммуникация Москвы и Вашингтона осуществляется исключительно на уровне представителей военных ведомств и спецслужб двух стран.

Основной причиной ухудшения российско-американских отношений в последние годы являлось взаимное недоверие, которое вело к неверному толкованию сторонами действий друг друга по всему спектру направлений их взаимодействия. В политических кругах и среди общественности двух стран их негативный образ лишь усиливался. Это вело Москву и Вашингтон к шагам, еще более усиливавшим напряженность между ними. К тому же до президентских выборов в России в марте 2018 г. среди политической элиты США было широко распространено убеждение о слабости путинского режима. Подобные взгляды позволяли особо не задумываться о выстраивании отношений с Москвой. Массовая поддержка В. В. Путина полностью опровергла эти оценки, заставив отдельных политиков и экспертов задуматься о коррекции восприятия российской действительности. Правда, многие представители Демократической партии, например, сенаторы Б. Сандерс, Э. Уоррен и бывший вице-президент Дж. Байден, претендовавшие на пост президента США, продолжали неверно оценивать Россию и В. В. Путина, не понимали российской специфики,

преувеличивали угрозы и демонстрировали тупиковость в выстраивании российско-американских отношений [628, с. 53–58].

Для российских политико-экспертных кругов было характерно глубокое убеждение в стремлении Запада расчлениить и подчинить страну. У многих складывается ощущение изоляции России [231, с. 354]. Так, в ответ на продолжавшееся враждебное поведение Запада в отношении РФ 4 июня 2018 г. В. В. Путин был вынужден подписать закон «О мерах противодействия на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств», который позволил РФ вводить ответные контрсанкции [402]. При этом, осознавая, что напряженность между РФ и США оказывает негативное влияние на международную ситуацию, российское руководство выступало за исправление сложившейся ситуации. Об этом неоднократно подчеркивали в Москве.

Россия была готова к обсуждению всей повестки российско-американского взаимодействия. Шагом в этом направлении стала двусторонняя встреча В. В. Путина и Д. Трампа в Хельсинки 16 июля 2018 г. В ходе встречи президенты обсудили ключевые вопросы двусторонних отношений. В столице Финляндии между главами государств сложилась вполне доверительная атмосфера. Однако к позитивному прорыву в российско-американских отношениях это не привело. Критики Д. Трампа считали, что опытный В. В. Путин переиграл плохо подготовленного и импульсивного президента США [584, с. 144]. Так, его пресс-конференция в Хельсинки была воспринята американским истеблишментом как одно из самых постыдных президентских выступлений [199, с. 72]. Ведь американский истеблишмент по-прежнему видел в России всего лишь краткосрочный вызов Соединенным Штатам. «Агрессивность» РФ объяснялась исключительно иррациональным поведением самого В. В. Путина, ностальгирующего по утраченной советской мощи. На деле же представители американских политико-экспертных кругов были ошибочно убеждены, что внешнеполитические амбиции России не соответствуют ее реальным возможностям [728, р. 16]. Поэтому Вашингтон продолжал проводить в отношении РФ недружественный курс. Американцы целенаправленно ужесточали санкционную политику на российском направлении и обвиняли русских в дестабилизации миропорядка.

В России взгляд на США был иной. Москва отказывалась возводить Америку в статус «врага». В выступлениях российских высших должностных лиц американцев все еще называли партнерами. Действительно, В. В. Путин по-прежнему был готов к предметным переговорам с Д. Трампом. Он рассчитывал на встречу с американским президентом на полях саммита «большой двадцатки», который проходил с 30 ноября по 1 декабря 2018 г. в Буэнос-Айресе. В Москве предполагали, что в столице Аргентины лидеры РФ и США обсудят двустороннюю проблематику и попытаются найти выход из того тупика, в котором оказались российско-американские отношения. По мнению В. В. Путина, подобная встреча давно назрела, особенно с учетом намерения Вашингтона выйти из ДРСМД. Однако их переговоры на саммите G-20 не состоялись из-за инцидента в Керченском проливе, где российские пограничники задержали три украинских военных корабля, нарушивших государственную границу России. Под этим предлогом Д. Трамп отменил встречу. Хотя на самом деле

основная причина его отказа заключалась в ведущемся спецпрокурором Р. Мюллером расследовании связей американского президента с Москвой. В итоге лидеры РФ и США лишь кратко пообщались «на ногах». Разумеется, в подобном формате обсудить назревшие проблемы оказалось невозможно [484].

В сложившихся условиях ожидать каких-либо прорывных итогов от переговоров представителей Москвы и Вашингтона было наивно. У двух стран наблюдались разногласия по большинству вопросов как двусторонней, так и многосторонней повестки дня. Вместе с тем их встречи наглядно демонстрировали, что стороны пытались вместе искать решения для сближения своих позиций там, где это казалось возможным. Хотя, по признанию российских переговорщиков, вывести российско-американские отношения из углублявшегося кризиса крайне сложно.

Тем временем проблемы между Россией и Соединенными Штатами по широкой двусторонней и международной повесткам продолжали накапливаться. В конце 2010-х гг. среди основных разногласий между Москвой и Вашингтоном выделялись следующие: возвращение российской дипломатической собственности, решение визовых проблем, контроль над вооружениями, способы урегулирования ситуации на Корейском полуострове, ситуация в Венесуэле, участие Китая в переговорах по стратегической стабильности, сирийский и украинский кризисы и, конечно же, «российское вмешательство» в американские выборы. Углубление противоречий по указанным проблемам свидетельствовало о дальнейшем отдалении России и США. Особенно усердствовали на Капитолийском холме. Например, 12 марта 2019 г. Палата представителей Конгресса США одобрила законопроект, который запрещал Белому дому признавать «де-юре» или «де-факто» российский суверенитет над Крымом [420]. В результате русофобия в Америке набирала обороты.

Разумеется, в Москве нарастало недовольство действиями США. Так, в марте 2019 г. С. В. Лавров в очередной раз подчеркнул, что «сегодня мы сталкиваемся с агрессивным эгоцентризмом внешней политики, вызванным требованиями исключительных прав определять “правила” мирового порядка и судьбу наций, стран и целых регионов» [125].

В период президентства Трампа традиционной темой, постоянно поднимавшейся американцами на переговорах с представителями России, были их бездоказательные рассуждения о «российском вмешательстве» в американские выборы. В Москве к подобным обвинениям относились с определенной иронией. Чтобы развеять мифы о «российском следе», представители российского руководства неоднократно заявляли о готовности предать гласности переписку, которая осуществлялась между Москвой и Вашингтоном с октября 2016 по январь 2017 г. по специально установленному на случай проявления рисков в киберпространстве каналу [617]. Однако американцы на это всегда возражали, что указывало на необоснованность американских обвинений.

Весной 2019 г. у России появилась надежда на возможность улучшения российско-американских отношений. На это указывали и некоторые обнадеживающие тенденции в рядах американского истеблишмента. В это время отдельные его представители, в частности экс-госсекретарь Дж. Шульц, бывший министр обороны У. Перри и бывший сенатор С. Нанн, публично выступили за пересмотр

политики Вашингтона в отношении России. Они предложили создать двухпартийную группу в Конгрессе, которая бы содействовала улучшению двусторонних отношений. Кроме того, они призвали Д. Трампа и В. В. Путина выступить с совместной декларацией, осуждающей применение ядерного оружия [891].

Следующим шагом в данном направлении стал тайный визит в Москву в апреле 2019 г. специального помощника президента США по европейским и российским делам Ф. Хилл. Она провела переговоры с помощником президента РФ Ю. В. Ушаковым, а также сотрудниками МИД и представителями Совета безопасности России, с которыми обсудила широкий круг вопросов, включая ситуацию в Сирии и Венесуэле [641]. Правда, скорее всего, Ф. Хилл пыталась лишь «прозондировать почву» относительно намерений русских на международной арене и предостеречь российское руководство от неоправданных, с точки зрения американцев, действий.

Тем не менее в Кремле рассчитывали, что вердикт комиссии спецпрокурора Р. Мюллера об отсутствии какого-либо сговора между Россией и администрацией Трампа позволит последней начать проводить более конструктивную политику на российском направлении. Ведь, по мнению В. В. Путина, у Москвы и Вашингтона имелись общие интересы: «в сфере сохранения стратегической стабильности, нераспространения оружия массового уничтожения, разрешения региональных кризисов, борьба с организованной преступностью, борьба за решение экологических проблем, с бедностью в мире, с другими угрозами современности, да и, собственно говоря, некоторые вопросы экономического характера» [113]. Так, 14 мая 2019 г. С. В. Лавров по итогам переговоров с госсекретарем М. Помпео заявил о необходимости скорейшего выхода из затянувшегося кризиса в российско-американских отношениях [325]. По его словам, «Россия заинтересована в нормализации нашего диалога. Мы убеждены, что это вполне возможно и реально, если вести дело на основе взаимного уважения и взаимного учета интересов» [328].

Очередная попытка прояснения позиций сторон по текущей повестке мировой политики была предпринята 28–29 июня 2019 г. на полях саммита G-20 в японской Осаке, где состоялась новая встреча В. В. Путина с Д. Трампом. С российской стороны в ней приняли участие помимо самого президента России его помощник Ю. В. Ушаков, министр иностранных дел С. В. Лавров, министр финансов А. Г. Силуанов, пресс-секретарь президента Д. С. Песков. С американской стороны – Д. Трамп, госсекретарь М. Помпео, помощник президента по национальной безопасности Дж. Болтон, министр финансов С. Мнучин, специальный помощник президента по европейским и российским делам Ф. Хилл, пресс-секретарь Белого дома С. Гришэм, а также дочь Трампа Иванка и ее муж, старший советник президента США Дж. Кушнер. На встрече обсуждался ряд острых вопросов, касавшихся Венесуэлы, Ирана, Сирии и Украины, а также затрагивалась проблема контроля над вооружениями [12]. Оба лидера согласились, что улучшение российско-американских отношений отвечает интересам каждой из держав. В. В. Путин положительно прокомментировал переговоры с Д. Трампом. По его словам, главным на них было обсудить то, что он хотел, в том числе проблемы ядерного разоружения, что и произошло

[273, с. 1]. Однако при этом президенты РФ и США не приняли никаких совместных деклараций, которые предполагали бы начало двусторонних консультаций по решению наиболее актуальных проблем. И, действительно, как показало время, переговоры не стали прорывными. По всем трекам взаимодействия деградация российско-американских отношений лишь усиливалась. Контакты представителей двух стран продолжались, но они не приносили Москве необходимого результата, несмотря на призывы ряда американских деятелей их улучшить. Например, о важности диалога с Россией говорил видный эксперт по российско-американским отношениям Т. Грэм и бывший американский посол в РФ Дж. Хантсман [754]. Так, Т. Грэм предложил руководству США сделать шаг назад и на основе взаимных компромиссов понизить уровень конфликтности между двумя державами. Ведь российско-американское сотрудничество имеет огромное значение для решения глобальных проблем. Поэтому Т. Грэм считал, что Соединенным Штатам нужна на российском направлении «более сбалансированная стратегия сдерживаемой конкуренции» [754].

Однако подобные предложения не имели массового характера. Большинство представителей американского истеблишмента придерживались русофобских настроений. Стремление России усилить свои позиции на международной арене воспринималось в Вашингтоне крайне негативно и вызывало стойкое противодействие. Американцы считали, что Россия существенно расширила масштабы гибридной войны, особенно в киберпространстве, против своих противников [199, с. 69]. Русофобские настроения американского истеблишмента определяли общий подход Соединенных Штатов к России и российско-американским отношениям.

Тем не менее российская дипломатия прилагала колоссальные усилия по урегулированию спорных вопросов текущей повестки дня. Так, во время своего визита в США в сентябре 2019 г. С. В. Лавров попытался донести до американской стороны позицию Москвы по Сирии, Венесуэле, Северной Корее и контролю над вооружениями. Российский министр в очередной раз обратил внимание, что военного решения сирийского конфликта нет. В этом с ним согласился его визави – госсекретарь М. Помпео. Кроме того, С. В. Лавров выступил против вмешательства Запада в венесуэльский кризис. Касаясь корейской темы, он обратил внимание на ошибочность принятия односторонних санкций в отношении Пхеньяна. Свое мнение глава МИДа РФ выразил также по проблеме сокращения и ограничения стратегических наступательных вооружений, заявив, что Россия готова к продлению СНВ-3 и предложила американцам «любые варианты». По итогам проведенных переговоров с Д. Трампом и М. Помпео С. В. Лавров выразил надежду в том, что он был услышан американской стороной [617].

В декабре 2019 г. состоялся еще один визит главы МИДа РФ в Вашингтон, где состоялись его встречи с президентом Д. Трампом и госсекретарем М. Помпео, на которых обсуждались вопросы стратегической стабильности, глобальной безопасности, положение дел в сфере контроля над вооружениями и нераспространения. По итогам переговоров руководитель российского внешнеполитического ведомства дал им позитивную оценку. По его мнению, Д. Трамп понимал выгоду добрых отношений между РФ и США при наличии

целого ряда серьезных проблем. По словам С. В. Лаврова, «у нас нет оснований сомневаться, что Дональд Трамп искренне понимает выгоду для американцев, американского бизнеса, США в целом и для ситуации в мире от добрых отношений между Российской Федерацией и США» [423]. Однако, согласно министру иностранных дел РФ, «не все в США разделяют такой настрой и [они] пытаются всячески затормозить нормализацию наших отношений, пытаются обкладывать Россию все новыми и новыми санкциями» [617]. Поэтому, оценивая декабрьские переговоры, глава МИДа РФ констатировал, что «с обеих сторон есть нацеленность на то, чтобы в тех областях, где мы можем взаимовыгодно и результативно работать, делать больше, прилагать больше усилий для того, чтобы достигать конкретных результатов» [122].

О важности улучшения двусторонних отношений неоднократно публично заявляли и другие официальные лица Соединенных Штатов. Так, вручая 5 февраля 2020 г. верительные грамоты президенту В. В. Путину, новый посол США в России Дж. Салливан отметил необходимость улучшения двусторонних отношений, которые, по его словам, достигли низшей точки своего развития с момента окончания Холодной войны [458]. Однако, несмотря на подобные заявления, атмосфера между Москвой и Вашингтоном на протяжении 2020 г. продолжала ухудшаться. При этом, как подчеркивал Д. В. Тренин, у российской стороны практически отсутствовали возможности воздействия на американцев в целях уменьшения «токсичности» России в американской политике [605, с. 164]. Тем не менее Россия демонстрировала в адрес США жесты доброй воли. Например, в условиях захлестнувшей мир пандемии коронавируса РФ поставила в Америку, а конкретно в Нью-Йорк, партию медицинского оборудования и средств для борьбы с COVID-19. При этом Москва не обуславливала свои гуманитарные действия какими-либо встречными требованиями или просьбами [414, с. 7–8].

Тем не менее расхождения по целому спектру проблем двусторонней повестки и ситуации на международной арене оставались неразрешенными, что вело стороны лишь к усилению недоверия и раздражению относительно действий друг друга. Любое взаимодействие с Россией рассматривалось в Вашингтоне как уступка России, требующая предварительных шагов Москвы навстречу американским требованиям [605, с. 163].

Абсолютно точно ситуацию обрисовал С. В. Лавров, подчеркнувший, что в последние годы Запад постепенно стал осознавать, что Россия является самостоятельной державой со своими национальными интересами, «которые она готова честно и равноправно сопрягать с национальными интересами любой другой страны на основе международного права, но которая никогда не будет брать под козырек». Но Запад все равно пытается «лишить Россию права самостоятельно определять свое будущее» [323].

Таким образом, при президентстве Д. Трампа улучшения российско-американских отношений не произошло. Наоборот, их атмосфера существенно ухудшилась. Правда, Москва винила в этом не столько президента США, сколько «глубинное государство». Так, в бюджете США на 2021 г. на «противодействие влиянию России» и «ее попыткам посеять недоверие к демократическим институтам во всем мире» было выделено 290 млн долл. При этом бюджет

предусматривал продление различных санкций и запретов в отношении Москвы. Например, на «финансирование любой деятельности, которая признавала бы суверенитет Российской Федерации над Крымом и способствовала достижению стратегических целей правительства России, которые могут угрожать интересам национальной безопасности Соединенных Штатов» [268].

В ноябре 2020 г. в США состоялись одни из самых скандальных президентских выборов, на которых победу одержал демократ Дж. Байден. Практически сразу же стало понятно, что новая администрация США будет более жестко противодействовать России. Ее представителями РФ воспринималась как препятствие. На их позицию в отношении Москвы оказывает влияние транслируемый официальными лицами и культивируемый массовой культурой и СМИ образ России как геополитического и идеологического оппонента или даже врага [567, с. 151]. Об этом можно было судить по заявлениям ее сотрудников – Э. Блинкена, Л. Остина, В. Нуланд и др. [382]. Многие из них были достаточно хорошо знакомы российским коллегам, поскольку уже работали на различных руководящих постах в предыдущих администрациях [429]. При этом некоторых из них можно назвать откровенными русофобами. Среди них выделялись занявший пост госсекретаря Э. Блинкен, ставший помощником президента по национальной безопасности Дж. Салливан, заместитель госсекретаря по политическим вопросам В. Нуланд, старший директор по делам России и Центральной Азии Госдепартамента А. Кендалл Тейлор, заместитель министра обороны К. Хикс, координатор по правам человека и демократии Ш. Калатил и др. [309, с. 218]. Так, Э. Блинкен был одним из архитекторов санкционной политики в отношении России. В июне 2014 г. он, занимая тогда пост заместителя госсекретаря, обещал Москве серьезные издержки за свои «неправильные» действия, в частности присоединение Крыма [726]. В 2017 г. в интервью PBS он обозначил свой подход к отношениям с Россией как прагматичное сотрудничество по ряду актуальных для Вашингтона вопросов и сдерживание в целом [905]. Ставшая его заместителем по политическим вопросам В. Нуланд также предлагала вводить новые санкции и создавать глобальный фронт для сдерживания «военной агрессии» РФ. По сути, ее назначение являлось одним из сигналов того, что существенного улучшения российско-американских отношений ожидать не стоило [734]. К тому же в Москве хорошо было известно негативное отношение к России и самого Дж. Байдена, который входил более тридцати лет в состав сенатского Комитета по международным делам, а с 1997 г. возглавлял там фракцию демократов, поэтому был достаточно компетентен во внешнеполитических вопросах [527, с. 27–28]. Но при этом не любил «режим Путина». Еще в начале 2018 г. в статье «Как противостоять Кремлю» на страницах авторитетного внешнеполитического журнала «Foreign Affairs» он нарисовал «ужасающую» картину путинской России как «тирании», засасывающей страну в бездну [687]. Поэтому, как отмечал посол России в США А. И. Антонов, российская сторона готова «к прагматичному и взаимовыгодному диалогу в той мере, в какой на это настроена американская сторона. <...> При этом мы далеки от радужных ожиданий. Если и будут какие-то перемены на российском направлении, то не по существу, а скорее

в нюансах. Системное сдерживание России остается альфой и омегой американской политики» [242].

Исходя из того, что российский фактор стал одним из заметных во внутриполитической борьбе, победа Дж. Байдена устраивала большинство представителей политической элиты США. В этом контексте рассматривались и события 6 января 2021 г., когда сторонники Д. Трампа, не согласные с результатами выборов, предприняли штурм Капитолия. Реагируя на данные события, спикер Палаты представителей Н. Пелоси назвала их «подарком Владимиру Путину, потому что он хочет подорвать демократию в нашей стране и во всем мире» [725].

Проблему отношений с Россией в новой администрации США назвали одной из ключевых. Уже в первом телефонном разговоре с В. В. Путиным, состоявшемся 26 января 2021 г., Дж. Байден затронул тему ареста оппозиционера А. А. Навального [421]. Рассказывая о беседе с российским лидером, президент США заявил следующее: «Я дал понять президенту Путину в манере, крайне отличной от моего предшественника, что дни, когда Соединенные Штаты отступали перед лицом агрессивных действий России – вмешательства в наши выборы, кибератаки, отравления своих граждан, – прошли». И продолжил: «Мы без колебаний повысим цену для России и будем защищать наши жизненные интересы и наш народ. И мы будем более эффективны в отношениях с Россией, когда будем работать в коалиции и в координации с другими партнерами-единомышленниками» [422]. Подобный подход к выстраиванию отношений с Москвой в очередной раз указывал на попытку вмешательства США во внутренние дела России. Однако американцы считали, что обсуждение российской политической системы и деятельности оппозиции – вещи вполне нормальные и правильные. Так, решение Мосгорсуда по делу А. А. Навального прокомментировали многие американские конгрессмены, как республиканцы, так и демократы. Все они безоговорочно осудили Кремль. А сенатор-республиканец М. Ромни даже решил опередить администрацию Байдена в деле наказания Кремля. В частности, он заявил о внесении законопроекта об антироссийских санкциях в связи с приговором А. А. Навальному [430].

Конечно, представители исполнительной власти США также разразились обвинениями в адрес российского «произвола». Например, помощник президента по национальной безопасности Дж. Салливан написал в Twitter: «Господин Навальный должен быть немедленно освобожден, а организаторы возмутительной атаки на его жизнь должны понести ответственность. Атаки Кремля против господина Навального не просто нарушение прав человека, но и оскорбление русских людей, которые хотят быть услышанными». По мнению госсекретаря Э. Блинкена, «Навальный – голос многих миллионов россиян, и их голос должен быть услышан». После разгона манифестантов 23 января 2021 г. Госдепартамент также поспешил осудить действия российских властей: «США решительно осуждают сегодняшнее использование жесткой тактики против мирных протестующих и журналистов в России. Мы призываем Россию отпустить всех, кто был задержан за реализацию своих прав, в том числе Алексея Навального, и тщательно изучить обстоятельства его отравления». Подобную оценку дала и пресс-секретарь посольства США в Москве Р. Росс: «Российские

власти арестовывают мирных протестующих и журналистов – похоже, это подготовленная кампания по подавлению свободы слова и собраний. Это в логике ограничений последних лет, когда принимались ограничительные меры против гражданского общества, независимых СМИ, политической оппозиции» [389, с. 1]. В ответ российский МИД раскритиковал реакцию Соединенных Штатов: «Посольство США в Москве не в первый раз демонстрирует пренебрежение дипломатическими нормами и правилами, активно размещая в социальных сетях сообщения в поддержку несогласованных протестных акций в российских городах. По сути, речь идет о поощрении насильственных действий, лицемерно объявляемых мирным протестом, в которые организаторы цинично вовлекают даже несовершеннолетних» [389, с. 1].

Одновременно американскими русофобами была предпринята попытка вновь обвинить Россию во «вмешательстве» теперь уже в американские выборы 2020 г. [389, с. 1]. Правда, в целом, как отмечали О. Г. Карпович и А. А. Гришанов, темпы деградации двусторонних отношений по сравнению со вторым сроком Б. Обамы и президентством Д. Трампа несколько замедлились [255, с. 35].

В США продолжали усиливаться откровенно русофобские тенденции. С помощью антироссийской риторики в стране строятся карьеры, пишутся книги-бестселлеры и выбиваются бюджеты на самые разные проекты. По сути, на теме демонизации Москвы существует целая индустрия, объединяющая политиков, представителей бизнеса, журналистов и часть «творческой интеллигенции» [255, с. 37]. Например, эксперты из влиятельного Атлантического совета рекомендовали администрации усилить поддержку Киева и ужесточить политику в отношении Москвы [680]. Однако в Белом доме считали, что Вашингтон должен продолжать «дипломатическое взаимодействие с нашими противниками и конкурентами там, где это отвечает нашим интересам и способствует безопасности американского народа». Именно поэтому 16 апреля 2021 г., выступая в Белом доме, Дж. Байден предложил В. В. Путину провести личную встречу, подчеркнув необходимость деэскалации и диалога между странами. В своей речи он оценил перспективы американо-российских отношений. На этот раз тон его выступления был достаточно примирительным. Однако Дж. Байден не исключил, что, если Москва продолжит «вмешиваться» во внутренние дела Соединенных Штатов, Вашингтон ответит новыми жесткими мерами [853]. По сути, это была шизофреническая позиция Вашингтона, никоим образом не устраивающая Россию своим подходом к выстраиванию двустороннего взаимодействия. Тем не менее Москва, подтверждая свою конструктивную позицию, согласилась на встречу глав государств, которая состоялась 16 июня 2021 г. в Женеве.

Главная цель В. В. Путина заключалась в том, чтобы провести для администрации Байдена красные линии, касавшиеся жизненно важных интересов России. Поэтому ему было важно изложить президенту США основные проблемы безопасности РФ и попытаться восстановить основные каналы связи для предотвращения углубления конфронтации. Конечно, главной красной линией для Москвы выступало включение Украины в НАТО [353].

В ходе разговора В. В. Путин и Дж. Байден обсудили вопросы двусторонних отношений, проблему стратегической стабильности, украинский кризис. Так, они договорились начать консультации о дальнейшей судьбе Договора СНВ-3. Относительно Украины оба президента согласились, что в основе урегулирования конфликта должны лежать Минские соглашения. Разумеется, Дж. Байден не мог не затронуть тему «нарушения» прав человека в России, подняв вопрос об аресте А. А. Навального.

На пресс-конференции по итогам переговоров В. В. Путин заявил журналистам, что подробно чувствительные вопросы не обсуждались, однако подчеркнул, что обе стороны понимают друг друга, когда о них заходит речь. Президент РФ отметил, что «в целом нам понятно, о чем говорят наши американские партнеры, им понятно, о чем мы говорим, когда речь ведем о “красных линиях”. Но должен вам сказать откровенно, что так подробно расставлять акценты и что-то делить, до этого мы не дошли» [370]. При этом В. В. Путин признался, что разговор с Дж. Байденом был открытым, без давления сторон друг на друга.

Следует отметить, что у экспертного сообщества переговоры двух лидеров не вызвали каких-либо позитивных ожиданий изначально. В итоге так оно и вышло. Встреча не решила ни одной острой проблемы, находящейся на повестке дня российско-американских отношений [684]. Никаких обязательств на встрече в Женеве лидерами РФ и США высказано не было. Как показали пресс-конференции президентов, «оба использовали такие слова, как «конструктивный» и «позитивный», чтобы описать свою четырехчасовую встречу. Но, как и ожидалось, из переговоров почти ничего не вышло, кроме согласия вернуть российского и американского послов в Вашингтон и Москву, а также продолжить обсуждение вопросов, начиная от ядерного оружия и заканчивая ситуацией на Украине [907]. Как прокомментировал итоги встречи С. Пайфер из Института Брукингса: «Женевский саммит – это не новый старт или впечатляющий прорыв. Это попытка лучше наладить сложные отношения, которые останутся таковыми еще какое-то время» [353].

По словам пресс-секретаря президента РФ Д. С. Пескова, «мы с самого начала предостерегали от завышенных ожиданий в связи с этим саммитом. Но сейчас можем сказать, в первую очередь основываясь на оценке самого президента, что прошел он, скорее, со знаком “плюс”. Он результативный с точки зрения того, что лидеры имели возможность прямо изложить свои позиции, более или менее понять, где можно взаимодействовать и где в настоящий момент взаимодействие не получится в связи с категорическим расхождением во взглядах» [144].

Таким образом, в условиях ухудшения российско-американских отношений встреча в Женеве стала позитивным эпизодом. От нее изначально никто не ожидал многого, но переговоры двух лидеров прошли успешно. Они выслушали друг друга, прояснили наиболее болезненные точки для каждой из сторон и обозначили свои интересы. Но, к сожалению, США не захотели услышать Россию. В Москве считали, что российско-американские отношения должны опираться на баланс интересов, прагматизм и взаимную выгоду. Вашингтон же продолжал пытаться навязать свою волю РФ, обвиняя ее

в «неправильном» пути развития, «нарушении» прав человека, экспансионизме и «вмешательстве» в американские выборы. В результате стороны не принимали аргументы друг друга, что делало взаимодействие России и США «токсичным». Это нашло свое отражение в новой Стратегии национальной безопасности РФ, где США были идентифицированы российским руководством в качестве угрозы, сопоставимой с терроризмом и экстремизмом, поскольку они продвигают «чуждые идеалы и ценности» [408].

Вашингтон продолжил движение по пути эскалации напряженности с Соединенные Штаты, вооружая напрямую и через своих сателлитов киевский режим, а также совершая иные антироссийские действия, прощупывали Москву, пытаясь выяснить решимость России относительно применения силового ответа. При этом американцы, учитывая опыт войны с Грузией и антитеррористическую операцию в Сирии, допускали подобную возможность. Вот почему с осени 2021 г. западные СМИ были переполнены слухами о грядущей российской «агрессии» против Украины.

Конец 2021 – начало 2022 г. прошли в атмосфере беспрецедентного нагнетания Вашингтоном истерии о неминуемом нападении России на Украину. Американцы искусственно раздували истерию вокруг так называемого планируемого российского вторжения, называли даже даты этого «вторжения», а параллельно вместе с союзниками накачивали оружием Украину.

7 декабря 2021 г. состоялся разговор В. В. Путина и Дж. Байдена в онлайн-формате. Президенты говорили о двусторонних отношениях, стратегической стабильности и Украине. Дж. Байден обвинил Москву в эскалации напряженности на российско-украинской границе и пригрозил санкциями. Со своей стороны В. В. Путин переложил всю ответственность за развитие ситуации на НАТО.

Тем не менее, учитывая нарастание напряженности, Москва предприняла очередную попытку решить проблему европейской безопасности и соблюдения своих национальных интересов. Так, 10 декабря 2021 г. МИД РФ представил российские инициативы по снижению напряженности в Европе, включающие возобновление диалога между оборонными ведомствами по линиям Россия – США и Россия – НАТО, а также требование юридического закрепления договоренности о неразмещении США и другими членами альянса ударных систем вооружений, создающих угрозу Российской Федерации, на территории соседних с ней стран, вне зависимости от их членства в блоке [207]. 15 декабря 2021 г. во время встречи с помощником госсекретаря США К. Донфрид заместитель министра иностранных дел РФ С. А. Рябков передал ей проекты договоров с США и НАТО о гарантиях безопасности. В них речь шла об отказе от дальнейшего расширения НАТО; об отзыве «бухарестской формулы» о том, что «Украина и Грузия станут членами НАТО»; об отказе от создания военных баз на территории постсоветских государств, не являющихся членами альянса, включая использование их инфраструктуры для ведения любой военной деятельности; о возврате военных потенциалов, в том числе ударных, и инфраструктуры НАТО к состоянию на 1997 г., когда был подписан основополагающий акт Россия – НАТО [168; 562].

Действия российского руководства получили высокую оценку в политико-экспертных кругах страны. Например, первый заместитель председателя думского Комитета по международным делам В. А. Никонов назвал проекты договоров с США и НАТО о гарантиях безопасности сильным ходом российской дипломатии, способным внести изменения в правила игры на мировой арене. Парламентарий считал, что условия Москвы могут вернуть Вашингтон к необходимости исполнения основополагающего акта Россия – НАТО, заключенного в 1997 г., а также вынудить американцев убрать ЯО из Европы, что станет важным шагом к деэскалации и возвращению к статус-кво, предложенными Россией [543].

Запад взял время на раздумья. А 30 декабря 2021 г. состоялся телефонный разговор В. В. Путина и Дж. Байдена, в ходе которого президенты договорились, что переговоры по гарантиям безопасности будут проходить по трем трекам: двусторонние консультации РФ и США в Женеве, РФ и НАТО – в Брюсселе, а также в Вене – в рамках ОБСЕ [594].

С 10 по 14 января 2022 г. в Женеве и Брюсселе прошли три раунда переговоров России с США, НАТО и ОБСЕ по гарантиям безопасности. Замминистра иностранных дел РФ С. А. Рябков оценивал их как сложный, профессиональный, конкретный разговор, без сглаживания острых углов. У него сложилось впечатление, что «американская сторона очень серьезно подошла к российским предложениям, провела их углубленную проработку» [100]. Однако его визави, У. Шерман на своей пресс-конференции заявила, что РФ не может навязывать США, НАТО и каким-либо странам, как им вести внешнюю политику: «Мы не позволим никому закрыть дверь натовской “политики открытых дверей”, которая всегда стояла в центре деятельности альянса. Мы не будем принимать решения о судьбе Украины без Украины, о Европе без Европы, о НАТО без НАТО» [100]. Правда, относительно требований Москвы дать правовые гарантии, что у границ РФ не будут размещены ударные средства, способные поражать цели на российской территории, заместитель госсекретаря США дала понять, что компромисс все же может быть достигнут [100].

Комментируя ход переговоров, депутат В. А. Никонов назвал российские предложения приглашением США «к равноправному разговору, к тому, чтобы нас не только выслушали, но и услышали». И предположил, что в этот раз американцы «нас слушали. Хотя бы потому, что у нас с ними сейчас ситуация военно-стратегического паритета» [135].

21 января 2022 г. российские предложения о гарантиях безопасности обсудили в Женеве главы внешнеполитических ведомств двух стран – С. В. Лавров и Э. Блинкен. При этом еще накануне встречи госсекретарь США заявил журналистам, что не ожидает никакого прорыва на переговорах. По их завершении министр иностранных дел России дипломатично отметил, что разговор с Э. Блинкеном был откровенным и полезным [136].

Однако, как известно, переговоры ни к чему не привели. Запад проигнорировал озабоченность Москвы относительно учета ее интересов в мире. Конструктивного западного ответа на российские инициативы не последовало. Вашингтон и Брюссель попытались их «замылить». В своем ответе США

подчеркнули согласие обсудить с РФ проблемы международной и региональной безопасности, при этом одновременно обвинив ее в нарушении основополагающих принципов международного права. Американская позиция заключалась в обеспокоенности действиями России, затрагивающими вопросы безопасности в евроатлантическом регионе [445].

17 февраля 2022 г. приглашенному в МИД России послу США Дж. Салливану была передана российская реакция на ранее полученный американский ответ по гарантиям безопасности, которая констатировала тот факт, что Вашингтон не дал конструктивного ответа на основные элементы подготовленного Москвой проекта договора с Соединенными Штатами о гарантиях безопасности, тогда как выдвинутые РФ положения имели для нее принципиальное значение. Российская сторона обращала внимание, что американцы проигнорировали пакетный характер российских предложений, намеренно выбрав «удобные» темы, к тому же «перекрутив» их в сторону создания для себя преимуществ. Исходя из этого, Россия выразила обоснованные сомнения в том, что в Вашингтоне действительно привержены исправлению ситуации в области европейской безопасности. Тем более что НАТО наращивало активность у российских границ. Запад обходил ограничения ДОВСЕ и весьма вольно трактовал положения Основополагающего акта Россия – НАТО об отказе от «дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил». При этом США игнорировали национальные интересы и озабоченности РФ, не желая давать твердых, юридически обязывающих гарантий обеспечения безопасности России. В силу этого неудивительно, что Москва дала понять Вашингтону о готовности обеспечивать свою безопасность путем реализации мер военно-технического характера [404].

По словам председателя комитета Госдумы по международным делам Л. Э. Слуцкого, «Россия в своей реакции на ответ американской стороны по гарантиям безопасности привела четкие аргументы и обозначила снова те «красные линии», которые Запад не может продолжать игнорировать. От этого зависит общемировая стабильность и безопасность» [339].

В результате 24 февраля 2022 г. В. В. Путин принял решение начать специальную военную операцию на Украине. Это стало очередным доказательством трансформации современного миропорядка, заключающейся в уходе от западноцентризма. По справедливому мнению И. С. Иванова, «“точка невозврата” в трансформации международной системы уже пройдена, и вернуть ее в прежнее равновесное состояние не представляется возможным» [227, с. 22].

Начав СВО, Россия бросила прямой вызов США как доминирующей державе в мире. Учитывая серьезное ухудшение российско-американских отношений, ЛДПР в апреле 2022 г. предложила на законодательном уровне закрепить за США статус «главный противник Российской Федерации» [95]. Однако в российском истеблишменте далеко не все были настроены столь радикально. Известно, что именно элиты принимают решения на государственном уровне, отождествляя свои интересы с интересами страны. Национальные элиты в России еще окончательно не сформировались даже к настоящему

моменту. Здесь, конечно, мощным катализатором стал украинский кризис и особенно специальная военная операция. СВО ускорила данный процесс, выжив многих из тех, кто занимает антигосударственную позицию. Ведь не секрет, что часть представителей российского истеблишмента не отождествляет собственные интересы с интересами своей страны и народа. Они готовы в любой момент уехать из России, если почувствуют себя в ней дискомфортно. По этой причине выводят деньги в зарубежные банки и покупают собственность за границей. И, когда началась СВО, многие так и сделали. Другое дело, что у отдельных представителей российской квази-элиты такую возможность отнял сам Запад, поддавшись неистовой русофобии, внося их в санкционные списки, заморозив активы и даже отобрав собственность. Однако были и те, кто считал, что Россия не готова к столкновению с Западом на поле боя. Например, часть российского политико-экспертного сообщества была уверена, что российскому руководству не следует начинать боевые действия на Украине, поскольку в результате страна превратится в изгоя. По их мнению, необходимо было продолжать переговоры с Западом, пытаясь дипломатическим путем отстаивать интересы России.

Можно полагать, что американцы смогли втянуть РФ в вооруженный конфликт. Для Вашингтона он представляется выгодным во всех смыслах. С помощью украинского кризиса Соединенные Штаты рассчитывали консолидировать Запад и укрепить свое лидерство в нем, а также ослабить Россию. Однако после начала СВО в РФ не произошло существенного снижения общественной поддержки власти со стороны общества, не оправдались надежды Запада на быстрый подъем протестных настроений и активизацию внесистемной политической оппозиции [227, с. 18]. Тем не менее, будучи не заинтересованными в установлении мира на Украине, американцы запретили Киеву переговоры с Москвой [241].

Углубление российско-американской конфронтации нашло подтверждение в публичной риторике представителей руководства двух стран. Так, в преддверии своего визита в Европу в марте 2022 г. Дж. Байден считал российскую позицию проигрышной [432]. Как верно отметил С. В. Лавров, «коллективный Запад во главе с США открыто стремится к победе над Россией “на поле боя”. США и их союзники готовы принести Украину в жертву ради своих геополитических целей. Для их достижения они накачивают страну оружием, а это ведет к эскалации и затягиванию конфликта» [241]. Президент США не верил в успех В. В. Путина на Украине, которой помогает весь «цивилизованный» мир. 26 марта 2022 г., выступая в Варшаве, Дж. Байден в духе квази-религиозной риторики представил международную ситуацию как борьбу «демократии и автократии, свободы и репрессии», где победу непременно одержит демократический мир [909].

Западные элиты, ослепленные русофобией, обрадовались, когда подвели Москву к началу специальной военной операции. На Западе полагали, что теперь коллективными усилиями с помощью санкций и западного оружия руками украинских националистов с русскими будет покончено. Отсюда, по словам В. В. Путина, и пошел известный лозунг: «Нанести России стратегическое

поражение на поле боя» [235]. Типичной для американского истеблишмента является позиция известного политолога Ф. Закария, который был уверен, что «самая большая проблема России не в том, что она проигрывает войну в Украине, а в том, что она проигрывает XXI век» [199, с. 89].

Однако, как показало время, западные попытки добиться изоляции России и универсализации своих санкций в отношении Москвы натолкнулись на упорное сопротивление большинства государств глобального Юга, которые рассматривают конфликт между Россией и Западом в том числе и как возможность для укрепления собственных позиций в мировых делах и не готовы присоединяться к решениям, уже принятым от их имени, но без их участия [227, с. 28].

Российское руководство, окончательно разочаровавшись в конструктивном подходе США к выстраиванию двусторонних отношений, усилило критику Вашингтона. Так, 17 июня 2022 г. В. В. Путин, выступая на 25-м Петербургском международном экономическом форуме, подчеркнул, что «Соединенные Штаты, провозгласив победу в Холодной войне, объявили себя посланниками Господа на Земле, у которых нет никаких обязательств, а есть только интересы, причем эти интересы объявляются священными» [578]. Об этом же глава российского государства говорил в октябре 2023 г. на пленарном заседании Валдайского международного клуба. Там В. В. Путин вновь отметил, что американцы «не просто устанавливают произвольно такие “правила”, но и поучают при этом, кто и как должен их исполнять, кто и как должен вообще себя вести» [201]. РФ подобное положение дел в мировой политике не устраивает. При взгляде из Москвы созданный после окончания Холодной войны миропорядок выглядит несправедливым и неэффективным, а потому подлежащим замене. Как подчеркивает В. Г. Барановский, Россия оказалась отстраненной Западом от создания проекта международной архитектуры. В результате были проигнорированы законные интересы страны, обусловленные ее тысячелетней историей, культурой, географией, экономическими интересами и императивами безопасности [35, с. 386]. По словам В. В. Путина, «Россия была, есть и будет одной из основ мировой системы, готовой к конструктивному взаимодействию со всеми, кто стремится к миру и процветанию, готовой к жесткому противодействию тем, кто исповедует принципы диктата и насилия. Мы уверены, что прагматизм и здравый смысл восторжествуют, а многополярный мир утвердится» [201]. На протяжении многих лет РФ мирилась с постбиполярным миропорядком как с данностью, но в сущности не признавала его. С укреплением ее экономического и военного потенциала в России началось усиление негативистского импульса в отношении Запада, который подвергся обвинению в намерении поставить под угрозу национальную безопасность страны [35, с. 386].

Президенту РФ вторили министр иностранных дел С. В. Лавров и другие должностные лица страны. По мнению главы МИДа, основной причиной деградации международной обстановки является стремление коллективного Запада во главе с США обеспечить себе глобальное доминирование, хотя это и невозможно по объективным причинам [241].

Именно в подобном контексте следует рассматривать стремительно ухудшающиеся российско-американские отношения. Как отметил российский

посол в США А. И. Антонов, многие представители американского истеблишмента выводят «свою политику из неких божественных предначертаний о своей исключительности» [243]. Исходя из этого, Вашингтон отказывается от равноправного диалога с Москвой. При этом представители администрации Байдена периодически заявляют о незаинтересованности Вашингтона в полном разрыве дипломатических отношений с Россией. На деле же американцы всячески способствуют этому. По убеждению советника президента США по национальной безопасности Дж. Салливана, эпоха после Холодной войны окончательно завершилась и наступает новый этап мирового развития, где Америка будет играть важную роль [898]. Представители американского истеблишмента, особенно члены Конгресса США, порой соревнуются друг с другом в нагнетании русофобской истерии. Все шаги Вашингтона были нацелены на усиление военно-политического давления на РФ, создание военных баз по периметру российских границ, вооружение киевского режима и т.д. [140]. Неудивительно, что в последние годы общение российской стороны с Белым домом и Госдепартаментом оказалось сведено фактически к минимуму. Как справедливо отметил посол А. И. Антонов, «американские официальные лица готовы встречаться с нами только по тем вопросам, которые выгодны Вашингтону» [243]. Другими словами, американцы являются приверженцами формулы ограниченного взаимодействия с Москвой в рамках осуществления политики сдерживания РФ и стремления нанести ей стратегическое поражение. В принятой в октябре 2022 г. администрацией Байдена Стратегии национальной безопасности Россия названа ревизионистской державой, представляющей непосредственную и постоянную угрозу европейской архитектуре безопасности и являющейся источником нестабильности во всем мире. Поэтому США в качестве приоритетной задачи посчитали необходимым продолжать политику ее сдерживания, в том числе и путем влияния через страны глобального Юга, с которыми РФ активно налаживает двусторонние связи. Кроме того, Вашингтон намерен укреплять возможности НАТО для противостояния России в контексте политики комплексного сдерживания, включая ядерное [823].

В Стратегии Москва обвиняется в нарушении норм международного порядка. При этом среди американских глобальных приоритетов Россия была помещена на второе место после КНР. Одновременно американские стратеги подчеркивают готовность Соединенных Штатов развивать прагматичное взаимодействие с РФ во взаимовыгодных сферах двусторонних отношений [823].

В последние годы центром русофобских настроений является Конгресс. Во многом это объясняется тем, что озабоченные своими партийными рейтингами сенаторы и конгрессмены не в состоянии идти против антироссийски настроенного общественного мнения, которое они же сами и формируют. На них оказывают влияние и представители различных лоббистских структур, большинство из которых настроены против России [255, с. 37–38].

В сентябре 2022 г. в интервью журналу «Newsweek» С. В. Лавров возложил всю вину за заморозку российско-американского межгосударственного диалога на США. По его словам, «поддерживать нормальное общение с Вашингтоном, декларирующим в качестве цели нанесение России

стратегического поражения, объективно не получается» [241]. В июне 2023 г. глава МИДа прямо обвинил американцев в стремлении «расшатать внутривнутриполитическую стабильность и в нашей стране, особенно в контексте президентских выборов следующего года» [324]. Поэтому РФ продолжит развивать отношения с теми странами и объединениями, которые готовы к взаимовыгодному, равноправному сотрудничеству.

В новой Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной в марте 2023 г., Россия впервые охарактеризована как «самобытное государство-цивилизация». В документе подчеркнута, что «место России в мире определяется наличием у нее значительных ресурсов во всех сферах жизнедеятельности, ее статусом постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (ООН), участника ведущих межгосударственных организаций и объединений, одной из двух крупнейших ядерных держав, государства – правопреемника (правопродолжателя) Союза ССР» [282]. Поэтому РФ является одним из суверенных центров мира и выполняет «исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы, обеспечению условий для мирного, поступательного развития человечества на основе объединительной и конструктивной повестки дня» [282].

США, считая самостоятельную внешнюю политику России угрозой западной гегемонии, развязали против нее гибридную войну, пытаются ослабить РФ. Как отметил А. И. Антонов, главной целью Вашингтона является «ослабление России, препятствование уверенному курсу на построение справедливого многополярного мира» [243].

Следует признать, что, несмотря на все свои очевидные слабости и ограничения, Соединенные Штаты по-прежнему остаются важной для международной системы державой, без участия которой (тем более при ее активном противодействии) решение многих региональных и глобальных проблем не представляется возможным. Как считает И. С. Иванов, уникальные позиции Америки в современном мире определяются не столько силой самих США, сколько неготовностью других влиятельных игроков мировой политики взять на себя трудную роль основных архитекторов нового мирового порядка [227, с. 34].

Однако сегодня таким игроком на наших глазах становится РФ, бросившая вызов американскому гегемонизму. Раньше Россия практически никогда не пыталась выступить в качестве источника и проводника своей философии международной политики, отличной от Запада и воплощающей уникальный опыт и мировоззрение. Из истории известны всего лишь два исключения: инициативы Александра I в ходе Венского конгресса и новое политическое мышление М. С. Горбачева [71]. Можно согласиться с мнением о том, что современная Россия осознает свою идентичность и привыкает вести себя жестко на мировой арене. Такая позиция встречает поддержку со стороны тех участников международного сообщества, кто не хочет мириться с установлением нового миропорядка по западным правилам [536, л. 318]. По словам С. В. Лаврова, Запад «не хочет допустить переход к многополярности. Тем самым идет против естественного, объективного хода истории и пытается удержать

глобальное доминирование, которое ускользает». Россия, проявившая решимость не допустить ущемления своих интересов, интересов великой державы, стала препятствием для американского гегемонизма. Поэтому пропорционально твердости российского курса на отстаивание своей идентичности, своих интересов, возрастала и степень враждебности Соединенных Штатов [123]. При этом Россия не считает себя врагом Запада, не изолируется от него и не имеет по отношению к нему враждебных намерений. Российское руководство еще надеется на прагматичное взаимодействие с западными странами в будущем, когда их элиты «осознают бесперспективность своей конфронтационной политики и гегемонистских амбиций, примут во внимание сложные реалии многополярного мира» [282].

В настоящий момент, с одной стороны, Россия вынуждена учитывать роль Соединенных Штатов в мире в качестве одного из влиятельных центров силы, а с другой – как «главного вдохновителя, организатора и исполнителя агрессивной антироссийской политики коллективного Запада, источника основных рисков для безопасности Российской Федерации, международного мира, сбалансированного, справедливого и поступательного развития человечества» [282].

Москва настаивает на взаимодействии с Вашингтоном на основе баланса интересов сторон. Однако формирование подобной модели отношений сегодня представляется мало реалистичной. Американские элиты не готовы отказаться от политики глобального доминирования и перейти к политике учета национальных интересов других стран, включая Россию. Как показали выступления претендентов на выдвижение в кандидаты на пост президента США (например, Н. Хейли), РФ по-прежнему воспринимается как «исчадие ада». Конечно, при таком подходе никакого улучшения российско-американских отношений быть не может. Как отметил 25 июля 2023 г. депутат Госдумы от Единой России А. Р. Толмачев, «причина ухудшения отношений между нашими странами – агрессивная, неокOLONиальная по своей природе политика Америки по отношению ко всему миру. Ее не исправить переговорами. Вашингтон постоянно пытается учить Россию, как жить. До тех пор пока это будет продолжаться, ни о каком добрососедстве говорить невозможно. На данном этапе нет никакого смысла вести переговоры со страной, которая хронически не исполняет договоренности и влезает в дела других государств. Поэтому сейчас мы просто будем делать свое дело без учета национальных интересов и реакций из-за океана» [91]. О необходимости изменения американским руководством своего отношения к России напомнил в ноябре 2023 г. и Д. С. Песков. По его словам, «Президент России Владимир Путин неоднократно заявлял, что он готов к любым контактам». Однако для этого «как минимум глава США должен будет в какое-то время поменять свою позицию и занять более конструктивную позицию в отношении двусторонних отношений, и тогда будут вызревать условия для такой встречи» [428].

Таким образом, в 2018–2024 гг. российское руководство продолжало выступать за то, чтобы межгосударственные связи РФ с США выстраивались на основе взаимного уважения. Однако по вине Вашингтона атмосфера

российско-американских отношений продолжала ухудшаться. Президент Д. Трамп так и не смог нормализовать двусторонний диалог, несмотря на все свои заявления. Причина заключалась в антироссийских позициях американского истеблишмента.

С учетом сложившейся в Америке русофобской атмосферы официальная Москва в 2020 г. уже не надеялась на результаты американских выборов в контексте выправления отношений между двумя державами. Поэтому антироссийские действия администрации Байдена не стали для российского руководства неожиданностью. Предпринятые в 2021 г. попытки путем переговоров добиться конструктивного решения накопившихся между Москвой и Вашингтоном проблем к успеху не привели. Американцы пытались заставить россиян играть по американским правилам, но из этого ничего не получилось. В ответ на внешнеполитические шаги США Россия стала действовать асимметрично, расчетливо и зачастую успешно. Одним из примеров является начало СВО на Украине, за которой наблюдает весь мир, поскольку РФ своими действиями трансформирует постбиполярный миропорядок. Как подчеркивает Т. А. Шаклеина, в Америке понимают, что именно действия России «могут сыграть решающую роль для серьезного поворота в процессе строительства незападоцентричного мирового порядка» [649, с. 53].

Тем самым можно констатировать, что за прошедшие шесть лет Вашингтону не удалось заставить Москву существенно изменить курс внутри- и внешнеполитического развития РФ в желательном для него направлении. Более того, Россия стала активнее продвигать свою информационную повестку, собственную интерпретацию происходящих событий. В результате люди стали получать альтернативную информацию западным нарративам. Хотя, конечно, если внутри страны власти смогли склонить общественное мнение на свою сторону, получив поддержку населения по всем внешнеполитическим решениям, то в мире, в том числе и во многих государствах, не относящихся к Западу, продолжают доминировать западные версии развития международной ситуации.

Говоря о перспективах российско-американских отношений, стоит согласиться с мнением А. В. Фененко в том, что Москве следует ожидать усиление враждебности со стороны Вашингтона. «Не нужно считать, что завтра в Белом доме появится новая администрация, которая захочет пойти с Россией на диалог. Этого не произойдет. Заметьте: на протяжении нескольких десятилетий мы от каждой новой команды в США ожидали учета интересов России и равноправного диалога. И с каждой такой командой вывод был один – хуже, чем при этом президенте, быть не может. Последовательная тенденция на ухудшение отношений между Россией и США сохранялась все 30 лет. Результатом стал военный конфликт» [600]. На наш взгляд, с подобным заключением, к сожалению, трудно поспорить.

Тем не менее факт остается фактом, что во многом благодаря действиям Российской Федерации на наших глазах завершается эпоха западного доминирования на мировой арене.

Г Л А В А 12

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ И КОНФЛИКТОВ НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В 2010-е – первой половине 2020-х гг. российско-американские отношения оказались в атмосфере конфронтации. К 2022 г. они достигли дна своего развития за весь постбиполярный период. После возвращения В. В. Путина в Кремль Москва начала более активное возвращение в мировую политику в качестве глобального игрока и как никогда заинтересована в укреплении своих позиций в стратегически важных регионах планеты. Позиция РФ заключалась в отстаивании основополагающих принципов международного права. Она решительно отвергала политику вмешательства во внутренние дела независимых государств, чем давно занимались США.

Вашингтон увидел в действиях РФ вызов своему доминированию в мире и вознамерился поставить ее на «свое место». Западные элиты по-прежнему мыслили императивами 1990-х гг., когда решили, что Россия никогда не встанет с колен, будет деградировать и не вернется в стан великих держав [388, с. 162]. Поэтому активизация внешнеполитических действий Москвы была воспринята на Западе, с одной стороны, как «безумие» Путина, а с другой стороны, как реваншизм и экспансионизм, которым необходимо дать жесткий ответ. Как отмечал сотрудник Института Брукингса Р. Каган, именно от России и КНР исходит наибольшая угроза либеральному миропорядку [769]. Нельзя не согласиться и с мнением авторитетного российского политолога С. А. Караганова, что РФ стала символом поднимающегося не-Запада. Поэтому «не осадить Россию означает де-факто признать поражение того миропорядка, который “победивший” Запад строил более 20 лет после окончания Холодной войны» [505, с. 184]. Для Москвы же ставки в противостоянии с Вашингтоном оказались еще выше. Если РФ проиграет в конфронтации с США, то потерпит реальное поражение, которое подорвет основы российской государственности [505, с. 185].

Обеспокоенность России тем, что она по всему периметру своих границ окружена американскими и натовскими базами, а на постсоветском пространстве идут постоянные конфликты различной этиологии, спровоцированные коллективным Западом, в Вашингтоне не принимается во внимание. Признать, что у РФ тоже есть свои национальные интересы и свои зоны безопасности, американский истеблишмент не может [363, с. 113]. Когда Россия под руководством В. В. Путина стала бороться за свой суверенитет и статус глобальной державы, восстанавливать оборону страны, возрождать традиционные ценности и собирать «русский мир» – США и их союзники возродили атмосферу Холодной войны. Запад встал на путь изоляции и сдерживания РФ, стал разрушать российскую экономику санкциями и пытаться девальвировать ее ядерный

потенциал за счет развертывания системы ПРО и высокоточных стратегических неядерных вооружений [17, с. 311]. Одновременно США развязали против России информационную войну, прибегнув к тактике избирательной фактологии, фальсификации данных и замалчиванию собственных преступлений перед человечеством [233, с. 45]. Мировое информационное пространство оказалось заполнено фейками, очерняющими образ РФ.

В последние десять лет наиболее острые противоречия между Москвой и Вашингтоном были связаны с ситуацией на постсоветском пространстве, особенно вокруг Украины, а также с событиями в Сирии. Как известно, англосаксонская модель разрешения конфликтов заключается в полном принятии западных стандартов поведения [1, с. 72]. Исходя из этого, американцы готовы использовать любые инструменты для достижения поставленных целей. Российская модель предлагает свое видение мирного разрешения имеющихся конфликтов. РФ не навязывает собственное мировоззрение их участникам [1, с. 78]. А применение силы, по мнению Москвы, возможно только в результате решений СБ ООН. В противоположность американской позиции, согласно авторитетному мнению министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, Россия твердо придерживается принципа: «Мы не свергаем режимы и не меняем президентов суверенных стран» [151, с. 10]. Как заявил С. В. Лавров на заседании комиссии генсовета партии «Единая Россия» по международному сотрудничеству и поддержке соотечественников за рубежом, «не прекращается порочная практика вмешательства во внутренние дела суверенных стран, формы такого вмешательства самые разнообразные, включая угрозы, шантаж, организацию цветных революций» [324].

Глубокие противоречия между Москвой и Вашингтоном отрицательно сказались на решении целого ряда глобальных и региональных проблем, по которым ранее у сторон имелись определенные наработки. Согласимся с мнением С. М. Маркедоновым о том, что причиной всплеска российско-американских противоречий стала асимметрия восприятия обеими сторонами национальных приоритетов [509, с. 37]. Между тем угрозы углубления нестабильности в горячих точках планеты требуют хотя бы минимального уровня контактов России и США там, где это возможно. Конечно, в сложившихся конфронтационных условиях, по словам бывшего министра иностранных дел РФ И. С. Иванова, «речь может идти не о согласовании каких-то единых позиций в урегулировании региональных проблем, а об обмене информацией в первую очередь для недопущения прямого столкновения России и Запада в тех или иных региональных кризисных ситуациях» [227, с. 94].

Постсоветское пространство

В рассматриваемый период постсоветское пространство оставалось самым острым противоречием между Россией и США. Более того, соперничество за влияние в регионе еще более ужесточилось. Москва и Вашингтон проводили свою политику на постсоветском пространстве в условиях конфронтации друг с другом. В результате доминирующим становился фактор неопределенности. Новые вызовы и угрозы безопасности потребовали от российской дипломатии

быстрых и адекватных ответов, которые бы их парировали [363, с. 598]. В условиях наращивания попыток США установить свой контроль над регионом Россия активизировала свою политику в целях противодействия американским попыткам установления «санитарного кордона» вокруг российских границ [252, с. 141]. Однако на данном направлении Москва столкнулась с рядом трудностей. Многие российские либералы были уверены, что у России не получится доминирования на постсоветском пространстве, о чем мечтает российская политическая элита [435, с. 38]. Отдельные представители патриотических кругов также подчеркивали у РФ проблемы в регионе. Так, по мнению Л. Г. Ивашова, постсоветское пространство отворачивается от Москвы, что свидетельствует о провале политики России. Большинство ННГ ищет себе покровителей в лице США, КНР, Турции и Ирана [231, с. 419]. Действительно, в чем-то отставной генерал прав. Многие постсоветские элиты стремились сблизиться с альтернативными РФ центрами силы. Американцы учитывали данный факт и всячески содействовали подобным тенденциям [10]. Одним из недостатков политики Москвы была работа только с действующим руководством бывших союзных республик, практически полностью игнорировалась оппозиция, пусть даже ненастроенная на сохранение связей с Россией [252, с. 141].

Еще за год до начала украинского кризиса в Соединенных Штатах стали воспринимать решительные действия Российской Федерации на постсоветском пространстве как попытки восстановления империи [74, с. 46]. Это противоречило американским планам по глобальному доминированию в мире. Именно по этой причине Вашингтон отказался признавать постсоветское пространство российской сферой влияния и негативно воспринимал попытки Москвы начать реинтеграционные процессы в регионе [48, с. 8; 494].

США пытались блокировать усилия российского руководства, направленные на развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве, различными средствами, в том числе путем использования внутривнутриполитической напряженности в ННГ [510, с. 214]. Учитывая данный фактор, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. цветные революции были поставлены в разряд приоритетных угроз национальной безопасности России [407].

В 2020 г. Запад предпринял очередную попытку вмешательства во внутренние дела Беларуси, которая, к слову, никогда не представляла собой для США ценный геоэкономический «актив», а воспринималась как пространство, которое не должно контролироваться Россией [181, с. 55]. Как заявил в октябре 2018 г. помощник госсекретаря США по Восточной Европе У. Митчелл, выступая в Атлантическом совете, национальный суверенитет и территориальная целостность таких государств, как Украина, Грузия и даже Беларусь, являются самым надежным оплотом против русского неоимпериализма [926]. Поэтому после начала украинского кризиса, когда Минск стал международной переговорной площадкой, Запад нескольких лет пытался заигрывать с белорусским руководством. В американском истеблишменте даже стали считать Беларусь «все более неохотным союзником» Москвы и всячески нагнетали страхи ее возможного «поглощения» Россией [925]. К примеру, бывший посол США

на Украине Дж. Хербст указывал на готовность Вашингтона разговаривать с Минском и даже поддерживать А. Г. Лукашенко, «который пытается справиться с российской угрозой» [755]. В одном из докладов РЭНД даже давался прогноз, что Беларусь в ближайшем времени выйдет из Союза с РФ. Поэтому лучшее, что может сделать Кремль, – это договориться с Западом о закреплении нейтрального статуса своего «стратегического партнера» [669]. Тем самым у американских экспертов создавалось впечатление, что Беларусь воспринимается в США не просто как страна, находящаяся в регионе столкновения двух ведущих геополитических противников, а исключительно в качестве ресурса ведения войны с Россией [755]. Как подчеркивал посол Соединенных Штатов в Беларуси в 1994–1997 гг. К. Яловиц, Минск в определенной степени используют, чтобы досадить Москве из-за ее активности в Латинской Америке: «США были очень расстроены тем, что русские сделали в Венесуэле, которую мы считаем своего рода “задним двором”. Господин Болтон, в некотором смысле, платит той же монетой России, демонстрируя, что Соединенные Штаты проявляют большой интерес к тем странам, которые соседствуют с Россией» [182].

Однако после президентских выборов, состоявшихся в августе 2020 г., Запад вновь усилил давление на Беларусь. В республике начались уличные протесты и стычки с органами правопорядка. Выступления против властей финансировались и координировались западными кураторами. По мнению российских экспертов Д. Г. Евстафьева и А. В. Манойло, попытка поствыборного переворота в Беларуси не укладывается целиком в классическую модель цветной революции. Это попытка «верхушечного» госпереворота, когда лидера страны должны были сместить люди из его окружения, предварительно обговорив все детали с организаторами смены режима – с Вашингтоном, а технологии цветной революции играли лишь роль инструментов формирования политического фона и инструментов легитимизации переворота в дополнение к тому, что были средством для отвлечения внимания А. Г. Лукашенко и Москвы на «негодный объект» [181, с. 55, 57]. Консолидация белорусского общества и власти, твердая позиция главы государства не позволили дестабилизировать страну и планы Запада в очередной раз провалились. Результатом же стало еще более тесное сближение Беларуси и России.

Одновременно Запад попытался сделать РФ главной причиной этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве. Согласно американскому видению ситуации, они остаются неразрешенными исключительно из-за позиции Москвы. Это не выдерживает никакой критики, поскольку именно Россия играет в данном регионе важную стабилизирующую роль. Без нее постсоветское пространство могло легко превратиться в «территорию хаоса». Поэтому РФ меньше, чем кто бы то ни был, заинтересована в эскалации конфликтов у своих границ [331, с. 98]. Например, Россия играла очень большую роль в Приднестровском и Нагорно-Карабахском конфликтах. Благодаря российскому посредничеству конфликтующие стороны не только прекращали военные действия, но и садились за стол переговоров.

В то же время вмешательство США в этнополитические конфликты вело к эскалации или к пролонгированию их на продолжительный период [647, с. 14]. Вашингтону не нравилось российское военное присутствие в Приднестровье и Нагорном Карабахе [429; 631, с. 232]. Так, в 2020-е гг. Запад попытался достичь лидерства в модерировании переговорного процесса и при этом минимизировать влияние Москвы на карабахское урегулирование [362, с. 319]. США решили играть в этом конфликте роль «справедливого полицейского», который помогает сторонам достичь мира и может оказать дипломатическое давление на одну из сторон, если та откровенно нарушает правила [215]. Что касается Приднестровья, то необоснованные обвинения России в якобы готовящемся плане по «дестабилизации ситуации» в Молдове, а также продолжающиеся требования «покинуть регион» в адрес российских военных в условиях набирающей обороты российско-западной конфронтации делают ситуацию вокруг приднестровского урегулирования крайне напряженной [362, с. 327].

Однако наибольшей остроты российско-американские противоречия достигли в связи с событиями на Украине. Именно они стали одним из главных факторов, оказавших влияние на атмосферу двусторонних отношений.

Украинский кризис

События 2014 г. на Украине стали серьезным ударом по позициям РФ на постсоветском пространстве. Запад давно пытался оторвать Украину от России, «вырвать» ее из орбиты внешней политики Москвы. Переворот в Киеве стал шагом именно в этом направлении.

В начале 2010-х гг. Украина оказалась на перекрестке усилившейся геополитической борьбы между Россией и Западом. Как справедливо отмечал К. П. Курылев, Украина стала территорией, где пересеклись как военно-политические, так и экономические сферы интересов РФ и США [321, с. 179]. Вашингтон увидел в украинском кризисе не только угрозу европейской стабильности, но и шанс вдохнуть новую жизнь в постепенно увядающее американское глобальное лидерство [186, с. 174].

Москву категорически не устраивала прозападная Украина [488, с. 180]. Поэтому государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г. был расценен Кремлем как действия Вашингтона по созданию антироссийского плацдарма [488, с. 79–81; 604, с. 19; 811]. По словам Р. Гейтса, в Москве с самого начала восприняли происходящее в Киеве как российско-американское «прокси-противостояние» [743, р. 281]. Подобные оценки были сделаны, исходя из выступлений помощника госсекретаря США В. Нуланд, сенатора Дж. Маккейна и американского посла в Киеве Дж. Пайетта, заявившего после свержения В. Ф. Януковича, что «этот день войдет в учебники истории» [811]. К тому же в феврале 2014 г. в России даже возникли некоторые опасения, что так называемый евромайдан может оживить антиправительственные акции в Москве, затихшие после всплеска в 2011–2012 гг. [609, с. 12]. В частности, Г. Киссинджер считал, что в киевских событиях Кремль видел «генеральную репетицию того, что мы хотели бы сделать в Москве», т.е. сменить режим [265, с. 199].

Ставки России и Запада в украинском вопросе оказались чрезвычайно велики, хотя для Москвы они, безусловно, были намного выше, что недооценили в Вашингтоне и Брюсселе [22]. В американском руководстве явно не прогнозировали столь жесткой реакции Москвы на украинские события. Американцы предполагали, взяв под контроль Киев, контролировать всю страну [570, с. 133–134]. Но в России восприняли ситуацию на Украине как экзистенциальный вызов, что предопределило соответствующее поведение российского руководства [393, с. 333]. Очевидно, что Россия не могла остаться в стороне от украинских событий в то время, когда жителям регионов, которые исторически россияне считают своими, несмотря на их нахождение в составе Украины, насаждались чуждые ценности и принципы. Комментируя внешнеполитическое поведение РФ, тогдашний председатель Комитета Госдумы по международным делам А. К. Пушкин подчеркивал, что главной причиной жесткой реакции Москвы на украинскую ситуацию стало то, что фактически у нее не было иного варианта, кроме как избрать собственную повестку дня. По его словам, «у России слишком обширная сумма внешнеполитических интересов, отличных от интересов США, чтобы мы могли пожертвовать ими в пользу американских» [338].

Уже в марте 2014 г. Вашингтон устами Б. Обамы, Дж. Керри и иных официальных лиц США обвинил Москву в агрессии под «надуманными» предлогами [262, с. 18]. Пытаясь облагоразумить российское руководство, американцы пугали Россию изоляцией на мировой арене, уходом американского бизнеса и обрушением рубля. «Партия войны» в Вашингтоне навязывала Белому дому решения, которые вели к эскалации напряженности между РФ и США [89, с. 150].

14 марта 2014 г. состоялась встреча госсекретаря США Дж. Керри и министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, на которой главы внешнеполитических ведомств обсудили украинский кризис, но так и не пришли к согласию относительно Крыма [329]. Как известно, большинство крымчан считали себя русскими и 16 марта провели референдум, на котором 96,77% проголосовало за присоединение к РФ. В. В. Путин, говоря о мотивах действий Москвы, на первый план поставил предотвращение контроля НАТО над Крымом, где могли появиться натовские военно-морские базы [911, р. 50–51]. Выступая 1 июля 2014 г. на совещании послов и постоянных представителей России, он подчеркнул, что Москва не могла допустить, чтобы «был существенно ограничен наш доступ к акватории Черного моря, чтобы на крымскую землю, в Севастополь <...> достаточно быстро, пришли бы войска НАТО и был кардинально изменен баланс сил в Причерноморье. То есть практически все, за что Россия боролась начиная с петровских времен, а может быть, и раньше, историки знают лучше, – все это фактически было бы вычеркнуто» [384, с. 102–103].

Позиция руководства страны по Крыму имела колоссальную поддержку в российском обществе, что признали многие западные эксперты [814, р. 84]. Например, как отмечали Р. Менон и Ю. Румер, в июле 2014 г. рейтинг поддержки В. В. Путина составлял 85%. При этом 64% опрошенных россиян считали, что эскалация украинского кризиса произошла по вине Запада [814,

р. 88]. Многие разделяли мнение о том, что Украина нужна американцам, чтобы не допустить дальнейшего возвышения России как мощной евразийской державы. Поэтому в условиях западной атаки на Русский мир население должно консолидироваться вокруг фигуры В. В. Путина [576, с. 23, 25]. Лишь часть российского либерального сообщества приняла западную точку зрения на происходящие на Украине события [435, с. 166]. Что касается мирового сообщества, то, как подчеркивал В. Г. Барановский, по части аргументации присоединения Крыма Россия проиграла, нанеся удар по международному праву и общепризнанным стандартам международно-политического поведения. Но по части эффективности предпринятых ею практических действий, бесспорно, одержала победу [34, с. 587]. При этом данный шаг привел к окончательной потере Украины, которая стала инструментом в руках Запада в начавшейся прокси-войне против РФ [355]. По сути, пользуясь выражением Б. А. Шмелева из Института экономики РАН, можно отметить, что Москва была поставлена перед необходимостью выбора между плохим вариантом развития ситуации вокруг Украины и очень плохим. Она оказалась в ситуации политического цугцванга. Присоединение Крыма к РФ являлось нарушением взятых ранее Москвой обязательств перед Киевом, что, конечно, было плохим шагом. Но пассивное созерцание за развитием событий на Украине было еще хуже. Анти-российски настроенная Украина подрывала геополитические позиции РФ на постсоветском пространстве [616].

Российская поддержка Донбасса также мотивировалась необходимостью удержать Украину от вступления в НАТО [604, с. 209]. При этом Москва опасалась идти на эскалацию ситуации. В пользу этого свидетельствовала неготовность российского руководства признать независимость ДНР и ЛНР [509, с. 41]. Западу же была выгодна война России с Украиной [178, с. 189]. Бесспорно, кризис российско-украинских отношений в геополитическом плане стал серьезным успехом Соединенных Штатов, которым удалось втянуть Москву в вооруженный конфликт [546, с. 346].

С точки зрения Запада, Москва нарушила международное право, отторгнув у соседней страны в трудной для нее ситуации часть территории и поддержав сепаратистов на Донбассе [85, с. 138]. Она не только нарушила Будапештский меморандум 1994 г., но и Хельсинкский Заключительный акт 1975 г., лежащий в основе европейской безопасности [814, р. 98–99]. Правда, при этом западный истеблишмент забывал про то, что последний документ не только гарантировал послевоенные границы в Европе, но и предоставлял народам право на самоопределение. Но для Запада было важно сделать из РФ врага. Так, эксперты РЭНД связывали украинский кризис с геополитическими интересами, утверждая, что Россия «напала» на Украину для того, чтобы дестабилизировать ее, получить геополитические «выгоды» и консолидировать свою сферу влияния. По их мнению, «Москва сфабриковала волнения на Украине, чтобы оправдать неспровоцированное нападение, нарушив международные обязательства. Кремль стремится укрепить свою сферу влияния, дестабилизируя соседей» [692].

Действия РФ в Крыму и поддержка Донбасса поставили перед американцами вопрос об их способности добиваться поставленных целей и поддерживать нормы и принципы миропорядка. Поэтому Вашингтон стремился пресечь «своеволие» России, что привело к нарастанию конфронтации в российско-американских отношениях [572, с. 82]. На Западе стали «трубить» о гибридной агрессии со стороны России, о стремлении В. В. Путина дестабилизировать и расчленить Украину в целях реализации своих неоимперских амбиций. Например, как утверждал американский эксперт Р. Аллисон, находящаяся под контролем России Новороссия должна была стать буферной зоной между ней и Украиной для препятствования продвижению натовской инфраструктуры к российским границам [677, р. 1272]. В западных политических кругах безосновательно утверждали о наличии на Донбассе российских войск и военной техники. Официальный представитель Госдепартамента Дж. Псаки убеждала мировую общественность о наличии «доказательств» якобы поставок Россией сепаратистам вооружений и присутствия на Украине российских военнослужащих [262, с. 222, 228]. Об этом неоднократно заявляла и В. Нуланд, напрямую причастная к госперевороту в Киеве [262, с. 209]. Как, например, утверждали Р. Менон и Ю. Румер, участие в боевых действиях российских военнослужащих привело к значительным потерям украинцев, что заставило Киев подписать соглашение о прекращении огня с «сепаратистами» при российском посредничестве [814, р. 86].

Запад взял курс на изоляцию РФ и дискредитацию В. В. Путина [152, с. 172]. В ответ на включение Крыма в состав России Запад ввел первый пакет антироссийских санкций, приостановил членство России в «большой восьмерке» и военное сотрудничество по линии НАТО – Россия. Представители Вашингтона, в частности, В. Нуланд, объявили о полной международной изоляции РФ и призвали Москву пойти на уступки, или «ей придется столкнуться с еще большей изоляцией и экономическими издержками» [262, с. 149]. Поскольку Москва не пошла на уступки американцам, в последующие месяцы США неоднократно вводили новые санкции в отношении Российской Федерации. Одновременно Вашингтон объявил о поддержке Украины в связи с «циничным натиском Путина» [688, р. 18]. В частности, вице-президент Дж. Байден во время посещения Киева 22 апреля 2014 г. заявил о предоставлении американской помощи в размере 50 млн долл. [99].

В конце августа 2014 г. Б. Обама также заявил о том, что на Украине «находятся российские боевые части с российским оружием и на российских танках. Это факты, которые можно доказать». При этом достоверные факты и доказательства так и не были представлены мировой общественности, что свидетельствовало об американской стратегии дезинформации, когда многократное повторение ложных фактов должно убедить аудиторию в их правдивости [363, с. 227]. И, нужно признать, это работало. Западное общественное мнение оказалось подвержено многочисленным фейкам и поверило в «агрессивность» Кремля, что позволяло политическим элитам и дальше раскручивать русофобскую истерию.

18 декабря 2014 г. Б. Обама подписал Закон о поддержке свободы Украины, который предусматривал введение целого ряда санкций против России [914]. Кроме того, среди части элиты США появились разговоры о необходимости предоставления Киеву оружия для сопротивления «российской агрессии» и усиления антироссийских санкций [57, с. 101; 89, с. 150]. Например, аналитики из РЭНД еще в 2015 г. рекомендовали руководству США в целях сдерживания РФ разместить натовские войска в Польше и балтийских государствах, а также начать поставки вооружений украинской армии [723]. За предоставление украинцам летального вооружения активно выступал сенатор Дж. Маккейн, считавший, что это приведет к возрастанию цены вторжения на Украину для Москвы [804]. Русофобски настроенный сенатор Л. Грэм также отмечал, что военная помощь вряд ли обеспечит успех Киеву, но позволит «сделать хоть что-то перед лицом российской агрессии» [199, с. 65].

Однако Запад не смог заставить Кремль «ни отказаться от Крыма, ни сдать ДНР и ЛНР». Москва под напором Вашингтона не изменила свою политику [488, с. 125, 159]. Россия пошла на ряд ответных шагов, в том числе введение контрсанкций, в отношении западных государств, а российское общество и элиты, наоборот, объединились вокруг руководства страны. Отрыв Украины от России посчитали неприемлемым не только представители российской политической элиты, но и большинство простых россиян [572, с. 77]. Ведь в отличие от США для России Украина не просто страна-соседка на постсоветском пространстве. Для русских она имеет значительно большее значение, обусловленное общим прошлым, религией, семейно-родственными связями. Поэтому по справедливому замечанию известного американского политолога Дж. Миршаймера, ни один российский лидер не будет спокойно наблюдать за «уходом» Украины в западном направлении. Запад, который несет значительную часть ответственности за украинский кризис, намеренно игнорировал сферу национальных интересов России, о которых неоднократно заявлял В. В. Путин [811]. Неудивительно, что на фоне украинского кризиса отношение российской общественности к Западу резко ухудшилось. Так, в 2015 г. к США негативно относился 81% опрошенных россиян, а количество считающих Америку враждебной страной составило 42% [393, с. 335]. В сложившейся ситуации отдельные политики и эксперты даже рекомендовали Москве жестче отстаивать свои позиции, не боясь реакции Запада, так как, по их мнению, война с Российской Федерацией была не выгодна ни Америке, ни Европе [230, с. 19–20].

Однако, присоединив Крым и оказывая поддержку Донбассу, российское руководство не собиралось оккупировать Украину и выступало за скорейшее урегулирование украинского кризиса на основе компромисса, устраивающего все конфликтующие стороны [509, с. 41]. Именно по этой причине Россия, наряду с Германией и Францией, стала гарантом Минских соглашений – пакета документов, принятого в 2014–2015 гг. в целях урегулирования ситуации на юго-востоке Украины [444]. Тем не менее Вашингтон считал именно Москву виновной в эскалации украинского кризиса. Так, вице-президент США Дж. Байден называл В. В. Путина «демагогом и ревизионистом», обвиняя

Кремль в агрессивной политике по расколу Украины и «грубых нарушениях подписанных им соглашений» [688, р. 185–187]. Правда, госсекретарь Дж. Керри в обвинениях России был несколько мягче, сожалея о ее «деструктивных» действиях на украинском направлении [774, р. 438]. При этом, как подчеркивали многие причастные к принятию решений в Вашингтоне лица, у администрации Обамы отсутствовала четкая стратегия по Украине. К тому же сам президент был достаточно скептически настроен относительно возможности трансформации Украины в нужном для Запада направлении [743, р. 281].

В отличие от Москвы Вашингтон официально не принимал участия в подготовке и заключении Минских договоренностей, но координировал позицию Берлина и Парижа. В опубликованном тогда Белым домом заявлении подчеркивалось, что США приветствуют подписание соглашения и надеются на выполнение сторонами всех обязательств. Госсекретарь Дж. Керри даже заявил, что Вашингтон готов отменить антироссийские санкции при условии, если Минские соглашения будут выполнены. Со своей стороны С. В. Лавров на совместной пресс-конференции после его встречи в Сочи с Дж. Керри в мае 2015 г. отметил, что РФ и США договорились влиять на стороны конфликта, побуждая их к выполнению взятых на себя обязательств [82, с. 288–289]. Москва настаивала на неукоснительном выполнении резолюции СБ ООН 2202, которая утвердила Минские соглашения. Однако, как известно, договоренности не выполнялись, в первую очередь Киевом, а на Западе все чаще в срыве договоренностей обвиняли Россию, не являвшуюся прямой стороной конфликта.

Подпитывая украинский кризис, США преследовали несколько целей – превратить Украину в военно-политический плацдарм у российских границ, укрепить влияние над Европой, поссорить ЕС с РФ [546, с. 394–395]. С американской стороны украинское направление курировали откровенные русофобы. Так, в 2016 г. переговоры с помощником президента РФ В. Ю. Сурковым по урегулированию ситуации на Донбассе были поручены В. Нуланд, известной своей русофобской позицией [866, р. 235]. Данное решение Белого дома свидетельствовало о незаинтересованности администрации Обамы в скорейшем урегулировании украинского кризиса. Поэтому неудивительно, что по мере его развития количество противоречий между Москвой и Вашингтоном лишь нарастало. Как подчеркивали М. В. Братерский и Д. В. Суслов, после присоединения Крыма и оказания поддержки Донбассу степень неприятия в Соединенных Штатах «путинской России» достигла таких масштабов, которые исключили возможность улучшения российско-американских отношений до тех пор, пока в РФ у власти будет находиться нынешнее руководство. Поэтому Вашингтон решил «игнорировать» Москву в глобальной политике и жестко противодействовать ей на постсоветском пространстве и в Европе путем жесткого политико-дипломатического сдерживания России и экономического давления [74, с. 48].

В результате по ходу развития украинского кризиса Москва столкнулась с высокой степенью консолидации Запада относительно российской политики на Украине. По сути, расчеты российского руководства на то, что

экономические связи страны с крупнейшими государствами ЕС, особенно ФРГ, возобладают над евроатлантическим единством Запада, не оправдались [615, с. 26].

Администрация Обамы поступательно предпринимала шаг за шагом антироссийские действия, которые, по замыслу американских стратегов, должны были заставить Москву пойти на условия Запада. Так, США и ЕС ввели секторальные санкции против России. Удар был нанесен по энергетическому, банковскому и оборонному секторам. В военном бюджете США на 2017 г. Б. Обама из-за событий на Украине ограничил взаимодействие Пентагона с Россией [412]. Выдавая желаемое за действительное, президент США объявил, что «российская экономика разорвана в клочья». Конечно, определенный ущерб экономике России был нанесен. Падение цен на нефть в два раза также сыграло негативную роль. В результате российская экономика, сильно пострадавшая во время последнего глобального кризиса, оказалась в стагнации [498]. Однако ее обвала, на что рассчитывали американцы, не произошло.

Уходя из Белого дома, Б. Обама подписал указ о продлении на год антироссийских санкций. Правда, в годы его президентства Вашингтон не спешил оказывать Киеву серьезную военную или экономическую поддержку, не наращивал американский воинский контингент в Европе и не ставил вопрос о вступлении Украины в НАТО.

Пришедший к власти Д. Трамп заявил о возможности улучшения российско-американских отношений. 28 января 2017 г. он провел первый телефонный разговор с В. В. Путиным, в ходе которого президентами была обсуждена и ситуация на Украине [94]. Для Д. Трампа Украина не являлась значимым приоритетом. Тем не менее на протяжении его президентства она оставалась в российско-американском диалоге одной из центральных тем. В. В. Путин и Д. Трамп постоянно касались украинского кризиса во время личных встреч. Так, 7 июля 2017 г. на полях саммита G-20 в Гамбурге они обсудили размещение полицейской миссии на Донбассе и создание дипломатического канала по разрешению украинского кризиса (канал Сурков – Волкер) [532]. Тема Украины также поднималась ими 16 июля 2018 г. во время двусторонней встречи в Хельсинки [333]. Однако из-за противодействия американского истеблишмента урегулировать его не удалось. Более того, американское давление на Москву из-за Украины стало усиливаться. В июле 2017 г. на введенную должность спецпредставителя по Украине в Госдепартаменте был назначен «ястреб» К. Волкер, который заявлял, что Россия является стороной украинского конфликта [82, с. 296]. Его деятельность привела лишь к нарастанию взаимонепонимания. Например, российскую сторону не устраивало предложение К. Волкера о вводе на Донбасс ооновского контингента, роспуске всех структур, обеспечивавших жизнедеятельность самопровозглашенных ДНР и ЛНР, а вместо них создать международную администрацию, что поможет урегулировать кризис, а уже затем провести выборы. По словам С. В. Лаврова, «после ввода оккупационных сил для оккупационной администрации выборы станут уже “косметическим” делом» [122].

Как справедливо подчеркивал К. П. Курылев, в Москве были уверены в том, что именно у Вашингтона находятся главные рычаги давления на Киев [321, с. 183]. Однако «глубинное государство» в США было заинтересовано в развитии конфликта. Даже многие члены администрации Трампа, не говоря уже о его политических противниках в американском истеблишменте, занимали неконструктивную позицию относительно урегулирования ситуации на Украине. Например, ставшие весной 2018 г. госсекретарем М. Помпео и советником президента по национальной безопасности Дж. Болтон были известны своей жесткой позицией по украинскому вопросу и считали Россию «государством-агрессором» [82, с. 296]. Тем самым в годы президентства Трампа Украина продолжала оставаться одним из инструментов американской недружественной политики, направленной против России. Так, 12 июня 2020 г. НАТО признало Киев в качестве партнера с расширенными возможностями, означающими, что они будут повышать совместимость войск, улучшать логистику и командные связи [363, с. 401]. А в бюджете США на 2021 г. отдельным пунктом было прописано оказание военной помощи Украине, на которую планировали потратить 250 млн долл., в том числе 75 млн долл. на поставку украинцам летального оружия [633].

После прихода в Белый дом Дж. Байдена ситуация на украинском направлении стала еще более обостряться. В отличие от Д. Трампа для нового американского президента Украина являлась одним из внешнеполитических приоритетов. Уже 26 февраля 2021 г. Дж. Байден заявил, что США никогда не признают Крым частью Российской Федерации. По его словам, Россия присоединением Крыма в 2014 г. «нарушила международное право, нормы, по которым современные страны взаимодействуют друг с другом, а также суверенитет и территориальную целостность соседней Украины» [32]. Тем самым он дал понять, что его администрация не отойдет от той стратегии в отношении России, которую осуществляли его предшественники в Белом доме. Курс Вашингтона должен был колебаться между санкциями за «плохое» поведение Москвы и сотрудничеством там, где это отвечало американским интересам [652, с. 388].

Со своей стороны Россия в целях демонстрации Западу своей решимости использовать вооруженную силу, если последует провокация со стороны Украины, на протяжении 2021 г. осуществляла военные учения с передислокацией ряда воинских подразделений. Вашингтон публично критиковал Москву за подобные действия.

13 апреля 2021 г. Дж. Байден и В. В. Путин обсудили по телефону глобальные и региональные темы. В разговоре американский президент подчеркнул приверженность Соединенных Штатов поддержке суверенитета и территориальной целостности Украины и выразил озабоченность внезапным наращиванием Россией военных возможностей в Крыму и на российско-украинской границе [481]. На деле же американцы продолжали вооружать режим Зеленского для военного столкновения с Москвой. Запад давал понять украинскому руководству, что оно может рассчитывать на моральную и материальную поддержку. Так, накануне встречи В. В. Путина и Дж. Байдена в Женеве состоялся саммит НАТО в Брюсселе. По его итогам 14 июня

2021 г. было сделано заявление о поддержке Киева и возможности вступления Украины в альянс [208].

В Женеве В. В. Путин дал четко понять, что Россия не собирается брать на себя дополнительные обязательства по Украине, кроме содействия в реализации Минских соглашений. Кстати, тогда Дж. Байден согласился с тем, что в основе украинского урегулирования должны лежать договоренности, заключенные в Минске [144].

В последующие месяцы острота в российско-американских отношениях по поводу Украины оставалась на высоком уровне. 11–13 октября 2021 г. с целью обсуждения вопросов урегулирования украинского кризиса Москву посетила заместитель госсекретаря В. Нуланд, известная своей русофобской позицией. Летом 2020 г. она жестко критиковала администрацию Трампа за чрезмерную мягкость по отношению к РФ и утверждала, что введенные антироссийские санкции не слишком эффективны и «не впечатляют Кремль». По ее мнению, говорить с Россией нужно, только используя метод кнута и пряника [832]. Поэтому ее визит вызвал интерес у многих наблюдателей. С точки зрения Ф. А. Лукьянова, настойчивость, с которой она стремилась приехать в РФ, была связана с желанием администрации Байдена выяснить, каковы реальные перспективы обострения российско-украинских отношений. Эскалация Белому дому совершенно не нужна, поскольку вся деятельность предшествующих месяцев показывает: администрация четко определилась с приоритетами. Приоритетом номер один, кратно превосходящим по значимости все остальное, является сдерживание КНР. Во время переговоров В. Нуланд подтвердила, что конфликт на Донбассе можно урегулировать только на основе Минских соглашений. Это указывало на то, что администрация Байдена была заинтересована в том, чтобы обстановка между Россией и Украиной, в особенности вокруг Донбасса, оставалась в ближайшее время стабильной, без серьезных эскалаций [624].

Однако с осени 2021 г. в западных СМИ стали муссироваться слухи о скором российском вторжении на Украину. Западные издания называли разные даты начала военной операции, что искусственно создавало дополнительную напряженность между РФ и Западом. Например, один из представителей американских русофобских кругов профессор К. Хартвелл выразил обеспокоенность из-за того, что Запад якобы «жертвует» Украину России. Также он заявил об опасности Москвы и ее внешней политики. Поэтому К. Хартвелл призывал западные страны «выступить единым фронтом против России» [760].

Вплоть до середины февраля 2022 г. российская сторона всячески отвергала заявления о планируемом вторжении на Украину, обвиняя США и Запад в попытках обесценить предложения Москвы по гарантиям безопасности [404]. Так, первый заместитель председателя Комитета Госдумы по международным делам В. А. Никонов назвал поведение американских властей тратой денег налогоплательщиков на фантазии о своих фобиях вместо разработки плана по нормализации российско-американских отношений [135]. Как известно, на фоне нагнетания Западом слухов о возможной «агрессии» РФ против Украины Москва в декабре 2021 г. предложила Вашингтону и Брюсселю

начать диалог о новых договоренностях по европейской безопасности. Российские предложения преследовали цель обеспечить национальную безопасность страны и возродить общеевропейскую безопасность, которая из-за действий США и НАТО утратила свою функциональность.

В январе 2022 г. прошло несколько раундов переговоров, которые не дали Москве положительного результата. Так, в телефонном разговоре В. В. Путина и Дж. Байдена, состоявшемся 12 февраля 2022 г. по инициативе американской стороны, президент России высказал сожаление по поводу американского ответа на российские предложения по гарантиям безопасности. Он подробно изложил своему коллеге принципиальные подходы российской стороны к решению вопросов, от которых реально зависит национальная безопасность страны [79]. В. В. Путин обратил внимание Дж. Байдена на опасности милитаризации Украины, накачку Киева современным оружием, чем целенаправленно занимается Запад, тем самым поощряя возможные провокации украинских силовиков как в отношении Донбасса, так и в отношении Крыма [79]. В ответ президент США заявил, что является приверженцем дипломатического пути разрешения ситуации вокруг Украины, и в этой связи изложил целый ряд соображений, которые, на его взгляд, учитывали многие из российских озабоченностей и инициатив, изложенных и переданных Москвой Вашингтону и Брюсселю в проектах документов по гарантиям безопасности [79]. Как видим, с американской стороны последовал типичный уход от решения проблемы. Американцы продолжали пускать пыль в глаза, милитаризируя киевский режим.

В итоге Москву вынудили к превентивным действиям. 24 февраля 2022 г., начав спецоперацию, РФ нанесла упреждающий удар на Украине, так как, по мнению Кремля, Киев планировал широкомасштабное наступление на Донбассе [388, с. 329]. Начало СВО стало шоком для Запада, привыкшего к активной позиции [261, с. 161].

Для дискредитации России Вашингтон стал навязывать международному сообществу свою интерпретацию случившегося. По словам американского посла в России Л. Трейси, неоправданную и неспровоцированную войну против Украины развязало российское руководство [244]. При этом американцы были уверены в скором поражении РФ, поскольку им удалось консолидировать Запад на антироссийской основе. Вашингтон планировал загнать Россию в угол затяжным вооруженным конфликтом на Украине. Однако американский план провалился. Коллективный Запад стал заложником украинской ситуации [261, с. 161–162].

Проведя несколько успешных атак, в начале апреля 2022 г. Россия, идя навстречу Киеву, была готова прекратить СВО. Однако проект стамбульских соглашений, согласно которым Украина становилась нейтральным государством в обмен на российские гарантии безопасности, был отклонен администрацией Байдена. Поэтому упреки в адрес россиян относительно отсутствия доброй воли несостоятельны. РФ даже прекратила боевые действия и осуществила передислокацию своих вооруженных сил, чем воспользовался Запад [654]. Именно Вашингтон настоял на продолжении конфликта, пообещав Киеву военную

поддержку. Тем самым еще одна попытка Москвы договориться была отвергнута Западом. Соединенные Штаты сколотили коалицию «Рамштайн» для поддержки Украины, которая является неустойчивой, но насчитывает порядка 50 стран и не один раз принимала конкретные решения о поставке вооружений украинцам [35, с. 387].

Своими действиями Вашингтон лишь способствует усилению напряженности на Украине. Американцы по-прежнему уверены в возможности победить Россию руками украинцев. Так, по мнению госсекретаря Э. Блинкена, высказанному 2 июня 2023 г. в Хельсинки, «российские вооруженные силы, их вооружение и военная техника, командование, стратегия, тактика и моральный дух – пример провала, несмотря на то что Москва наносит разрушительный, неизбирательный и безвозмездный ущерб Украине и украинцам. По оценкам, только за последние шесть месяцев в России погибло более 100 000 человек, поскольку Путин отправляет волну за волной россиян в мясорубку собственного производства. Тем временем санкции и экспортный контроль, введенные Соединенными Штатами, Европейским Союзом и другими партнерами по всему миру, серьезно подорвали российскую военную машину и оборонный экспорт, отбросив их назад на долгие годы» [42]. Американские военные также подчеркивали неизбежность победы Киева в условиях слабости РФ, низкого морального духа российских военных и некомпетентности российского командования. Ведь по состоянию на 26 октября 2023 г. Вашингтон предоставил режиму Зеленского только военной помощи с начала СВО в размере 43,9 млрд долл. А всего администрация Байдена добилась от Конгресса ассигнований на помощь Украине в размере 113 млрд долл., причем 62 млрд долл. из этой суммы поступило Пентагону, который использует эти деньги для заключения контрактов американскими ВПК для пополнения поставок, которые он отправил Киеву из своих собственных запасов [42].

Неудивительно, что Москва главным виновником происходящего на Украине считает Вашингтон. По словам С. В. Лаврова, «мы не видим ни малейшей заинтересованности ни США, ни НАТО в том, чтобы пойти на справедливое урегулирование нынешнего украинского конфликта. Там не хотят даже слышать о наших озабоченностях, не хотят всерьез разговаривать об устранении фундаментальных противоречий. Наоборот, Запад всячески ведет дело к эскалации украинского кризиса. Это сейчас создает дополнительные стратегические риски» [123].

Как отметил в октябре 2023 г. В. В. Путин, «украинский кризис ... это не территориальный конфликт и даже не установление регионального геополитического баланса. Вопрос гораздо шире и фундаментальнее: речь о принципах, на которых будет базироваться новое мироустройство». По его словам, «Западу всегда нужен враг ... борьбой с которым можно объяснить необходимость силовых действий и экспансии», а также сохранить контроль гегемона внутри западноцентричной системы. Если есть враг, на роль которого назначили Россию, необходимо сплочение вокруг лидера, коим являются США. Именно американцы довели украинский кризис до острой фазы, чтобы объединить вокруг себя своих союзников и сателлитов [201].

Сегодня обе стороны конфликта объективно заинтересованы в снижении эскалационных рисков и в сокращении ресурсных, финансовых и политических издержек, связанных с продолжением их противостояния [831]. К концу 2023 г. большинство представителей американского истеблишмента избавились от иллюзий о возможности нанесения поражения РФ в ходе российско-украинского конфликта. Согласно многим авторитетным экспертам, таким, как Ю. Румер, Ф. Закария, Э. С. Вайс, Р. Хаас, Э. Капчэн и др., он слишком затянулся. Считается, что Украина отвлекает американские ресурсы от других внешнеполитических приоритетов Соединенных Штатов. Например, республиканское большинство в Палате представителей довольно скептически относится к идее Белого дома оказывать Киеву помощь до бесконечности и в неограниченных масштабах [42]. Как отмечал И. С. Иванов, в настоящее время в США отсутствует сколько-нибудь продуманная стратегия по отношению к российско-украинскому конфликту. В своих практических решениях администрация Байдена часто фактически следует за киевским руководством, постепенно повышая степень своей вовлеченности в конфликт (поставки вооружений, предоставление разведывательной информации, участие в планировании операций ВСУ) [227, с. 51].

Со своей стороны Россия по-прежнему готова рассмотреть любые серьезные предложения о переговорах. Однако, как подчеркнул С. В. Лавров, «мы готовы договариваться, но договариваться с учетом тех реалий, которые сейчас сложились на земле, и с учетом нашей позиции, которая всем хорошо известна, с учетом наших интересов, интересов нашей безопасности, интересов недопущения создания на границах России враждебного нацистского режима, который открыто продекларировал цель истребления всего русского на тех землях, которые и в Крыму, и в Новороссии осваивались, обустривались и обживались русскими людьми столетиями» [654].

Таким образом, украинский кризис обнажил всю глубину имеющихся противоречий между РФ и США. События на Украине стали мощным катализатором стремительного ухудшения российско-американских отношений. За десять лет, прошедших с начала украинского кризиса, Запад, ведомый США, и Россия совершили целый ряд действий, исключивших возможность быстрого возврата к докризисным временам. При этом именно Соединенные Штаты и НАТО вынудили РФ отреагировать на их враждебное поведение, представлявшее угрозу безопасности страны. Вашингтон, по сути, одобрил государственный переворот в стране, которую Москва считает сферой своих национальных интересов. Учитывая факт превращения Украины в антироссийское государство, западный инструмент в прокси-войне против РФ, Российская Федерация вынужденно пошла на нарушение территориальной целостности Украины и поддержку, сначала косвенно, а затем прямо, населения Донбасса, бросившего вызов новым киевским властям, находящимся под внешним управлением.

К 2022 г. Россия и Запад шаг за шагом свернули стратегический диалог, демонтировав систему европейской безопасности путем отказа от переговоров в пользу демонстрации силы. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что на протяжении всего периода развития украинского кризиса Москва

неоднократно заявляла о готовности к взаимодействию с Западом. Последние попытки российская дипломатия на этом направлении предприняла в январе 2022 г. Однако игнорирование Вашингтоном и Брюсселем интересов национальной безопасности России заставило Кремль пойти на начало СВО.

Как справедливо считает Н. А. Нарочницкая, если Россия доведет «свое дело на Украине до логического конца, Запад продолжит какое-то время биться в истерику, но мир будет уже другим: многие вздохнут с облегчением, и мировая политическая энергетика начнет оживляться. Все постепенно осмелеют. У США останется большая военная и финансовая мощь, но все регионы, страны, цивилизации получают огромный импульс к более самостоятельной политике» [388, с. 317].

Сегодня на Западе, по словам В. В. Путина, пришло осознание того, что нанести РФ поражение на Украине представляется маловероятным и даже невозможным. «И пришло понимание, что вместо стратегического поражения они сталкиваются с бессилием, причем с бессилием, несмотря на то, что они полагались на мощь всемогущих Соединенных Штатов» [235]. И с этим трудно не согласиться.

Сирийский кризис

Наряду с украинским кризисом сферой острых противоречий между Россией и США стала Сирия. После начала сирийского конфликта весной 2011 г. Москва и Вашингтон кардинально разошлись в оценках происходящего в этой ближневосточной стране. Американцы, пользуясь случаем, попытались убрать негодный им режим Асада. Так, госсекретарь Х. Клинтон считала Сирию серьезной проблемой, которую необходимо решить [714, р. 461]. Российское руководство, помня о Ливии, решило приложить все усилия, чтобы не допустить подобного развития событий. Как заявил премьер-министр РФ В. В. Путин: «Нельзя допустить, чтобы “ливийский сценарий” кто-то попытался реализовать в Сирии. Усилия международного сообщества должны быть направлены прежде всего на достижение межсирийского примирения. Важно добиться скорейшего прекращения насилия, откуда бы оно ни исходило, запустить наконец общенациональный диалог – без предварительных условий, без иностранного вмешательства и при уважении суверенитета страны... Очень рассчитываю, что США и другие страны учтут печальный опыт и не попытаются задействовать без санкции СБ ООН силовой сценарий в Сирии» [479].

РФ совместно с КНР несколько раз блокировали антисирийские проекты резолюций СБ ООН, которые предлагали ввод санкций против Сирии или отставку Б. Асада. По мнению российской стороны, западные предложения не отвечали принципам международного права. Российский представитель в ООН В. И. Чуркин несколько раз отмечал, что одобрение проектов подготовленных резолюций привело бы к иностранной военной интервенции в САР [250]. Тем самым, выступив в поддержку Дамаска, Москва стала защищать не режим Асада, а «существующий международный порядок, основанный на принципах международного права», поскольку «если с ним будет покончено, мир действительно погрузится в хаос, где доминирует только право силы» [602].

Вашингтон же продолжал придерживаться мнения о необходимости свержения режима Асада. Об этом публично заявляли многие высокопоставленные лица США – например, Дж. Керри, Ч. Хейгел и др. [828, р. 22; 830, р. 175]. Как отмечала М. С. Ходынская-Голенищева, непосредственно участвовавшая в переговорах по Сирии в Женеве, в Соединенных Штатах рассматривали переговорный процесс как еще один инструмент для смещения Б. Асада. Это проявлялось как в публичной риторике, так и практических действиях. Американцы крайне избирательно подходили к цитированию итогового документа «Женевы-1», вольно интерпретируя его текст в поддержку своей позиции [636, с. 153].

Тем временем ситуация в Сирии продолжала обостряться. По мере эскалации сирийского конфликта противоречия в российско-американских отношениях относительно САР лишь усиливались. Например, весной – летом 2013 г. Вашингтон принял решение о поставках вооружений так называемой умеренной сирийской оппозиции, противостоящей режиму Асада [663, с. 316]. Москва расценила этот шаг американцев крайне негативно, поскольку американская помощь стала поступать не только умеренным, но и радикальным исламистам. Хотя во время визита в Москву 7 мая 2013 г. Дж. Керри заявлял о наличии общих интересов в Сирии, высоко оценив Женевское коммюнике [262, с. 7, 9].

17–18 июня 2013 г. на саммите G-8 в британском городе Лох-Эрне российская позиция по урегулированию сирийского кризиса, представленная президентом В. В. Путиным, была подвергнута критике. Так, достаточно резко в отношении Москвы высказывалась советник президента по национальной безопасности С. Райс [446, с. 23]. В результате сирийский конфликт в российско-американских отношениях стал все больше напоминать пресловутую «игру с нулевой суммой», пока РФ и США не достигли компромисса относительно уничтожения химического оружия в САР [212, с. 195].

В августе 2013 г. в г. Гута была осуществлена химическая атака, вину за которую Вашингтон возложил на сирийское правительство. Данный инцидент существенно увеличил шансы на военное вторжение США. По вопросу применения силы против режима Асада администрация Обамы разделилась на сторонников и противников данного шага. Так, решительно выступала за военные действия в Сирии советник президента по национальной безопасности С. Райс [774, р. 533]. При этом она не возражала против переговоров с Москвой по сирийской проблеме [774, р. 527]. Дж. Керри, напротив, проявлял осторожность в данном вопросе.

Российские официальные лица обвинили Запад во лжи. Так, помощник президента России Ю. В. Ушаков прямо заявил: «Американцы пытались представить нам информацию о применении химического оружия режимом [Асада], но, честно говоря, мы считаем это неубедительным. Мы не хотим напоминать про [позорное вранье] госсекретаря Пауэлла [в ООН про якобы имеющееся ОМП], но факты, на наш взгляд, выглядят неубедительно». А председатель Комитета по международным делам Госдумы А. К. Пушков был еще резче в своих высказываниях: «Данные о применении Асадом

химического оружия сфабрикованы там же, где была состряпана ложь об оружии массового уничтожения Саддама Хусейна. Обама идет по пути Джорджа У. Буша» [493, с. 458].

В сентябре 2013 г. Москва, одновременно с критикой в адрес Вашингтона, выступила с инициативой ликвидации сирийского химического оружия [460]. В. В. Путин призвал Вашингтон обойтись без применения силы в САР, поскольку силовые акции приводят лишь к бессмысленным жертвам и не дают необходимого результата США [848].

14 сентября 2013 г. С. В. Лавров и Дж. Керри на встрече в Женеве выработали план дальнейших действий, который подразумевал его уничтожение к середине следующего года под международным контролем [403]. При этом госсекретарь США отметил, что решение о применении военной силы против Дамаска еще не исключается как на основании решения СБ ООН, так и Белого дома [862].

Шаги Москвы по урегулированию острой ситуации в Сирии произвели сильное впечатление как внутри России, так и в мире. Чувства национальной гордости продемонстрировали и патриоты, и часть либералов. Правда, отдельные представители российского либерального сообщества, поддерживавшие позицию Запада, осудили вовлечение страны в сирийские дела. Например, по мнению А. А. Пионтковского, «Сирия для путинской России – гораздо больше, чем Сирия». По мнению публициста, она стала средством возвращения российским руководством былого величия, утраченного в результате поражения СССР в Холодной войне [435, с. 26]. Действительно, решительность Москвы продемонстрировала возросшие возможности РФ в качестве серьезного игрока на международной арене. В Вашингтоне Б. Обама даже подвергся критике со стороны части русофобски настроенной элиты, обвинившей президента в том, что он пошел на поводу у В. В. Путина [717].

27 сентября СБ ООН принял резолюцию 2118 [915]. Тем самым ликвидация химического оружия стала успешным примером ограниченного российско-американского сотрудничества в рамках конфликта в Сирии. Российская инициатива позволила Белому дому избежать проведения боевой операции против Дамаска, переключив внимание американцев с военной ситуации в САР на проблему ликвидации химического оружия [663, с. 320].

22 января 2014 г. в швейцарском Монтрё начала свою работу конференция «Женева-2». В ней приняли участие делегации 39 стран, а также ООН, ЕС, Лиги арабских государств и Организации исламского сотрудничества. Для Москвы и Вашингтона она стала еще одной попыткой взаимодействия по разрешению сирийского кризиса. В итоге «Женева-2» не принесла существенных результатов, но была важна в том плане, что России и США впервые удалось усадить конфликтующие стороны за стол переговоров. В это время на первый план у Вашингтона и Москвы вышла борьба против ИГИЛ [797, р. 277], во многом выпестованном американцами в противовес «Аль-Каиде», но в 2013 г. вышедшем из-под контроля своих кураторов. Однако решение Соединенных Штатов в рамках созданной им коалиции по борьбе с исламистами наносить с 23 сентября 2014 г. воздушные удары по территории Сирии без согласования своих действий с Дамаском вызвало у российского руководства подозрения

относительно стремления американцев таким образом ослабить позиции режима Асада в его борьбе с антиправительственной оппозицией, пользующейся поддержкой Вашингтона [300, с. 781].

30 сентября 2015 г. Россия, продолжая поддерживать Дамаск дипломатическими средствами, начала по просьбе сирийского правительства на территории САР военную операцию против ИГИЛ и других террористических группировок. Совет Федерации Российской Федерации дал президенту свое согласие на использование вооруженных сил в Сирии [539]. Очевидно, что кроме борьбы с терроризмом действия РФ в САР стали ответом на давление коллективного Запада в связи с украинским кризисом, ставшим к тому времени основным раздражителем в российско-западных отношениях. Согласимся с А. Стент, что своим присутствием на сирийской территории Москва показывала мировому сообществу, что сфера национальных интересов РФ не ограничивается исключительно постсоветским пространством [896]. Действительно, началом военной операции российское руководство демонстрировало свою роль и место в системе региональной и глобальной безопасности [672]. К тому же в Москве считали, что успех сирийской операции поможет усилить позиции России на украинском направлении. По словам В. Г. Барановского, «выйти из украинского тупика через сирийскую дверь» не удалось, но операция оказалась достаточно результативной [34, с. 589].

Администрация Обамы отреагировала на действия РФ в САР неоднозначно. Сначала американцы пытались игнорировать данный факт. Они предполагали, что русские увязнут в сирийской «трясине» [801, р. 148]. Однако по мере успехов Москвы Соединенные Штаты стали опасаться утраты своей политической инициативы в Сирии. Отдельные наблюдатели усмотрели в складывавшейся ситуации начало прокси-войны между РФ и США [685]. Как утверждал американский исследователь Д. Гордон, Россия своими действиями добивалась от Соединенных Штатов признания равноправного участия в регулировании сирийского кризиса [751].

С одной стороны, после начала военной операции России в Сирии возник опосредованный российско-американский конфликт и были значительно повышены ставки в противостоянии РФ и США [896]. Осознавая данный факт, уже 30 сентября 2015 г. главами внешнеполитических ведомств РФ и США была достигнута договоренностей об обмене информацией между военными структурами двух стран во избежание непредвиденных инцидентов [861]. Вслед за этим сторонами был подписан меморандум об обеспечении безопасности полетов [137].

Москва и Вашингтон стали обмениваться обвинениями в адрес друг друга относительно истинных намерений. Русофобы в Вашингтоне квалифицировали военную операцию России в Сирии как проявление «имперского экспансионизма» Москвы, неразрывно связанную с «агрессивными» действиями Кремля в других регионах, в том числе на Украине. Так, министр обороны США Э. Картер обвинил Москву в том, что она «подливает масло в огонь» сирийского кризиса, на что С. В. Лавров справедливо ответил, что Россия полностью соблюдает международное право [366].

По мере возрастания успехов ВКС РФ в Сирии США, по сути, развернули против России информационную войну с целью дискредитации ее успехов. Представители Госдепартамента, Пентагона, а также СМИ существенно увеличили количество фейковых заявлений о якобы имеющих место бомбардировках российской авиацией мирного населения [300, с. 783].

С другой стороны, военная операция России в САР повлекла за собой переговоры в Вене, начавшиеся 23 октября 2015 г. с предварительной встречи глав внешнеполитических ведомств РФ, США, Турции и Саудовской Аравии. В течение недели к ним присоединились представители еще тринадцати стран, а также ООН, ЕС и ЛАГ. Тем самым была создана Международная группа поддержки Сирии, сопредседателями которой стали Россия и Соединенные Штаты. Однако переговорный процесс натолкнулся на ряд трудностей, как между сирийцами, так и между Москвой и Вашингтоном.

Препятствия для налаживания российско-американского сотрудничества в Сирии во многом были обусловлены инерцией двусторонних отношений и отсутствием доверия, нежели столкновением стратегических интересов. Так, в американских СМИ развернулась мощная антироссийская кампания по поводу якобы грубых нарушений Россией гуманитарного права при штурме Алеппо. Американцы плодили фейки, выдавая их за правду, а правдивую информацию никто на Западе ни слушать, ни знать не хотел [417, с. 66]. Тем не менее российское руководство неизменно выражало готовность к взаимодействию по вопросам, представляющим обоюдный интерес. Поэтому, несмотря на низкий уровень двусторонних отношений, РФ и США продолжали контактировать по САР [634, с. 100]. Правда, предпринятые в феврале 2016 г. на венских переговорах Москвой и Вашингтоном попытки достичь политического урегулирования в Сирии в конечном итоге так и не увенчались успехом. 22 февраля 2016 г. С. В. Лавров и Дж. Керри приняли совместное заявление, в котором говорилось о наступлении режима прекращения огня с 27 февраля. Однако уже через два дня госсекретарь США заранее возложил вину за возможный срыв перемирия на Россию и Иран, заявив, что принятый в таком случае «план Б» будет «более конфронтационным» [263]. 26 февраля СБ ООН была принята резолюция 2268, требовавшая от всех участников конфликта соблюдать условия российско-американского соглашения [916].

10 сентября 2016 г. Москва и Вашингтон достигли новых договоренностей о прекращении огня в Сирии. Дж. Керри оценил их как «возможный поворотный момент» в сирийском конфликте [863]. Однако вскоре стороны обвинили друг друга в срыве договоренностей. 3 октября 2016 г. официальный представитель Госдепартамента Дж. Кирби объявил о приостановке Вашингтоном практически всех двусторонних каналов связи с Москвой, созданных для поддержания режима прекращения боевых действий в Сирии [929].

В конце октября 2016 г. В. В. Путин назвал Запад главным виновником в эскалации сирийского конфликта. Он был убежден, что «в ситуации, которая сложилась в регионе в целом и в Сирии в частности, ответственность несут, прежде всего, наши западные партнеры, и в первую очередь, конечно, США и их союзники, в том числе, конечно, и ведущие европейские страны» [204].

Видя позицию американцев, в условиях предстоящей смены американской администрации в связи с президентскими выборами российское руководство перестало связывать какие-либо надежды на компромиссное решение сирийской проблемы с командой Обамы и переориентировалось на ее урегулирование путем сотрудничества с Турцией и Ираном [634, с. 214].

После прихода в Белый дом Д. Трампа у Москвы появилась надежда на возобновление переговорного процесса по Сирии. Однако новая администрация США была готова сотрудничать с РФ на своих условиях. При этом взгляды Д. Трампа на ситуацию в САР были непостоянны и подвержены влиянию президентского окружения. Позиция Р. Тиллерсона и сменившего его в апреле 2018 г. М. Помпео по отношению к сирийскому урегулированию в целом соответствовала настроениям американской элиты. Так, Р. Тиллерсон считал, что Россию можно было попробовать убедить отказаться от поддержки Б. Асада, дав понять, что подобная политика ей невыгодна, она лишь усиливает позиции Ирана [829, р. 252]. Советник президента по национальной безопасности генерал М. Флинн, наоборот, выступал за конструктивное сотрудничество с Россией по Сирии [745]. Однако он занимал свой пост всего чуть более трех недель. Обвинения в связях с русскими вынудили его уйти в отставку. Преемником стал генерал Г. Макмастер, который занял более жесткую позицию в отношении России [796]. Он считал необходимым свержение режима Асада [739].

В целом же и сам американский президент и его команда находились под давлением и критикой разных групп, представлявших политический истеблишмент страны, поэтому были вынуждены придерживаться жесткого курса в отношении Москвы и Дамаска. Отсюда та зигзагообразность внешнеполитического поведения администрации Трампа на сирийском направлении.

С одной стороны, Д. Трамп проявил готовность сотрудничать с Москвой в целях разгрома ИГИЛ. Это снижало необходимость свержения режима Асада, который также боролся с террористами. В России многие положительно восприняли намерения Белого дома [548]. Однако эти надежды не оправдались. В июле 2017 г., после встречи Д. Трампа с В. В. Путиным в Гамбурге, Вашингтон наполнился слухами о том, что администрация прекращает поддержку сирийской «умеренной оппозиции», что было воспринято как победа Москвы [768]. Тем более что российские официальные лица подчеркивали наличие сотрудничества в Сирии по отдельным направлениям [517].

Действительно, 9 июля 2017 г. РФ, США и Иордания договорились о формировании на юго-западе САР зоны деэскалации, которая включала три провинции – Дераа, Эль-Кунейтру и Сувейду [149].

16 июля 2018 г. на двусторонней встрече в Хельсинки В. В. Путин в очередной раз отметил, что мирное урегулирование сирийского конфликта могло бы стать примером плодотворной работы двух держав в гуманитарной сфере [462].

С другой стороны, ярким примером подхода администрации Трампа к Сирии стала ее реакция на инцидент 4 апреля 2017 г. в пригороде Идлиба – Хан-Шейхуне, связанный с применением химического оружия. В произошедшем эпизоде США обвинили режим Асада и в целях возмездия нанесли

ракетный удар по авиабазе сирийских ВВС Шайрат. В ответ С. В. Лавров заявил, что СБ ООН должен осудить действия Вашингтона. Правда, официальная позиция Кремля оказалась более сдержанной. Через год ситуация повторилась. Д. Трамп, якобы из-за осуществленной 7 апреля 2018 г. режимом Асада химической атаки в г. Дума, приказал нанести еще один удар по целям в Сирии. При этом, как справедливо отмечал С. Тэлмон, никаких оснований у президента США для этого не было [902, р. 658–659]. Москва вновь осудила действия Вашингтона, обвинив противостоящие Дамаску силы в желании обострить ситуацию. При этом администрация Трампа не желала прямого военного столкновения с Россией из-за Сирии. Хотя М. Помпео, ставший госсекретарем в апреле 2018 г., придерживался более жесткой позиции в отношении САР, которую он считал «несостоявшимся государством», нежели уволенный Р. Тиллерсон. Новый глава американского внешнеполитического ведомства выступил за усиление давления на режим Асада [827, р. 17]. Одновременно М. Помпео критиковал Москву за поддержку Дамаска, что якобы мешает завершить сирийский конфликт [827, р. 164]. Подобных, если не больших, ястребиных взглядов придерживался известный неокон Дж. Болтон, сменивший в апреле 2018 года Г. Макмастера на посту советника президента по национальной безопасности. Не отставала и американский постпред в ООН Н. Хейли, которая, например, в апреле 2018 г. набросилась на РФ, прибегнув к эмоциональным выражениям вроде «настал момент истины», «Россия смешала авторитет Совета с грязью» и «варварские атаки» [4, с. 11].

Сирийский фактор проявился и в принятии в августе 2017 г. Закона о противодействии противникам Америки посредством санкций, который вводил антироссийские санкции за оказание Москвой помощи САР в разработке или производстве химического, биологического или ядерного оружия, баллистических или крылатых ракет, а также за предоставление «дестабилизирующего количества и типов» современных обычных вооружений [757]. Вместе с тем в ноябре 2017 г. В. В. Путин и Д. Трамп на саммите АТЭС во вьетнамском Дананге «подтвердили свою решимость нанести поражение ИГИЛ в Сирии» [210].

В этот период значительно активизировалось взаимодействие между представителями дипломатических и военных ведомств РФ и США. Особенно между начальником российского Генштаба В. В. Герасимовым и начальником ОКНШ Дж. Данфордом. Стороны разделили зоны ответственности в области борьбы с ИГИЛ. Москва и Вашингтон выстроили стабильную систему обеспечения безопасности в Сирии. Как справедливо подчеркивала М. С. Ходынская-Голенищева, взаимодействие между двумя державами по стратегическим вопросам, даже в условиях негативной динамики российско-американских отношений, оказалось не только возможным, но и продуктивным [635, с. 533].

В конце 2017 г. военная операция России в САР в основном была завершена. Большая часть российских военнослужащих вернулась домой, но сирийские власти сдали РФ в аренду базы в Хмеймиме и Тартусе, что укрепило позиции Москвы в ближневосточном регионе. Американское военное присутствие на сирийской территории на незаконных основаниях также сохранилось.

В целом же Вашингтон и Москва были не прочь завершить сирийский конфликт, но каждый на своих условиях, что вызывало у них разногласия [300, с. 785]. В 2018 г. заместитель министра иностранных дел РФ С. А. Рябков прокомментировал их следующими словами: «Мы, скорее, находились в ситуации перманентного спора, иногда довольно горячего, по практически всему спектру вопросов, начиная от задач обеспечения политического урегулирования в Сирии, до всего того, что относится к “сирийскому химическому досье”» [589].

На переговорах по сирийскому урегулированию РФ и США подтверждали общую позицию, которая заключалась в отказе от военного решения проблемы и ставке на политический процесс в рамках начавшей работу в Женеве Конституционного комитета, состоящего из трех частей: представителей сирийского правительства, оппозиции и гражданского общества. Так, 14 мая 2019 г. на встрече в Сочи С. В. Лавров и М. Помпео указали на необходимость уважения суверенитета и территориальной целостности САР и исполнении Резолюции 2254 СБ ООН [121]. В декабре 2019 г., будучи с визитом в Вашингтоне, российский министр подчеркивал наличие контактов по линии внешнеполитических и военных ведомств [122]. Со своей стороны госсекретарь М. Помпео на переговорах с С. В. Лавровым выражал заинтересованность в достижении результата Комитета в работе над конституционной реформой в Сирии, как это предусмотрено резолюцией СБ ООН. Тем не менее военно-политическая ситуация в САР продолжала оставаться нестабильной, находясь во внешнеполитическом фокусе Москвы и Вашингтона.

При администрации Байдена обе стороны продолжили критиковать друг друга относительно занимаемых позиций по сирийскому вопросу. Многие представители американского руководства еще при назначении на свои должности по уже сложившейся традиции придерживались мнения о деструктивной роли России в САР. Ярким примером стала представитель США в ООН Л. Томас-Гринфилд [826, р. 64]. Принимая в расчет данный факт, российским дипломатам было трудно рассчитывать на понимание со стороны американцев. Правда, в 2021 г. Москва и Вашингтон все же более-менее конструктивно сотрудничали в процессе деконфликтинга. Хотя периодически и обменивались критическими высказываниями о его нарушениях [107; 786, р. 75].

После усиления российско-американской конфронтации в связи с началом СВО обвинения сторонами друг друга относительно действий в Сирии заметно участились. Так, американцы считали, что Москва препятствовала работе Конституционного комитета по причинам, не связанным с Сирией [852], якобы ставя «свои узкие интересы и интересы режима Асада выше мира, стабильности и постоянно растущих гуманитарных потребностей сирийцев» [851]. Представитель США в ООН Л. Томас-Гринфилд прямо обвиняла РФ в неуважении к СБ ООН и сирийцам [736].

Российская сторона назвала обвинения американцев в адрес России «вопиющим проявлением политического цинизма» [120]. РФ обвинила Запад в нежелании искать компромиссы и стремлении продолжать политизировать гуманитарные вопросы оказания комплексной помощи сирийцам [405].

Итак, в 2010-е – начале 2020-х гг. Сирия оказалась одной из серьезных сфер противоречий в российско-американских отношениях. Москва и Вашингтон преследовали противоположные цели в этой ближневосточной стране и по-разному видели пути разрешения сирийского кризиса.

Таким образом, стремительное возвращение России в мировую политику привело к нарастанию противоречий с Соединенными Штатами. Вашингтон был не готов к учету российских интересов в мире и считал поведение Москвы внешнеполитическим ревизионизмом, с которым нужно покончить, заставив играть русских по установленным правилам в рамках западнотричного миропорядка. Россия с этим была категорически не согласна и выступала за соблюдение норм и принципов международного права и полицентричное мироустройство. Противоположные подходы обеих держав к поведению на мировой арене привели к обострению российско-американского соперничества, особенно сильно проявившегося на постсоветском пространстве, включая ситуацию вокруг Украины, и в Сирии.

Во многом именно в украинском и сирийском кризисах зародились очертания нового незападного миропорядка. После 2014 г. Запад попытался «обуздать» Россию, сделав из нее международного изгоя, но у него ничего не получилось. Как справедливо подчеркивает известный израильский эксперт Я. Кедми, США все больше проигрывают Российской Федерации в стратегическом плане [261, с. 149]. Современный мир на три четверти состоит не из западных стран, которые все больше тяготеют американским диктатом и принимают позицию РФ, которая отстаивает свою национальную безопасность и свои национальные интересы, особенно на постсоветском пространстве.

Г Л А В А 13

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОМ ДИАЛОГЕ

В период третьего и четвертого президентств В. В. Путина проблемы международной и региональной безопасности приобрели в российско-американских отношениях небывалую остроту. Это объясняется началом новой конфронтации между Москвой и Вашингтоном. До начала 2022 г. стороны с разной долей успеха пытались вести диалог по вопросам стратегической стабильности, проблеме нераспространения ОМУ, кибербезопасности, а также взаимодействия по линии РФ – НАТО. Однако враждебная политика коллективного Запада в отношении России вынудила Кремль начать 24 февраля 2022 г. специальную военную операцию на Украине, после чего практически все контакты между Россией и США прекратились, что сделало ситуацию в мире более опасной.

Стратегическая стабильность

В 2010-е – начале 2020-х гг. в сфере глобальной безопасности по-прежнему центральное место занимали вопросы ядерного разоружения. К началу второго десятилетия XXI века Москва и Вашингтон достигли здесь впечатляющих результатов. Как подчеркивал замминистра иностранных дел РФ С. А. Рябков, «то, чего достигли Россия и США в этой сфере, сложно было себе представить еще пару десятилетий назад» [237].

В 2010-е гг. Москва продолжала придерживаться прежней позиции о необходимости дальнейшего сокращения ОМУ. Российская Федерация выступила с несколькими конструктивными инициативами, призванными стабилизировать процесс в сфере разоружения, обеспечить его дальнейшее поступательное развитие и не допустить полного развала всей системы договоренностей в области стратегической стабильности. Так, в валдайской речи в 2014 г. В. В. Путин заявил о необходимости продолжения переговоров по сокращению ядерных арсеналов, подчеркнув, что РФ готова «к самому серьезному предметному разговору по вопросам ядерного разоружения, но именно к серьезному – как говорится, без двойных стандартов» [202]. К сожалению, призыв Москвы не был услышан Вашингтоном. Согласимся с академиком А. Г. Арбатовым в том, что процесс переговоров по сокращению и нераспространению ядерного оружия зашел в глубокий тупик [19, с. 5].

Администрация Трампа не была расположена к конструктивному диалогу с Москвой по контролю над вооружениями. Поэтому Вашингтон, по сути, разгромил эту систему во всех ее составляющих, включая разоруженческую [17, с. 11]. В 2018 г. руководитель департамента по нераспространению и контролю над вооружениями В. И. Ермаков даже публично заявил, что не видит

шансов для заключения новых соглашений в сфере разоружения. Позиция российской стороны объяснялась тем, что США не соблюдали Договор СНВ-3 [146, с. 10]. Тем не менее Россия продолжала прилагать усилия, чтобы побудить Соединенные Штаты занять более конструктивную позицию. Так, меры по контролю над вооружениями были ключевым пунктом повестки переговоров С. В. Лаврова с Д. Трампом и М. Помпео в Вашингтоне в декабре 2019 г. Ведь у РФ не было никакой ясности относительно перспектив продления Договора СНВ-3. Как подчеркивал министр иностранных дел, «ситуация очень серьезная». Россия заинтересована в сохранении стратегической стабильности, поэтому «мы предложили Вашингтону любые варианты продления СНВ-3» [423]. Однако администрация Трампа настаивала на привлечении КНР к переговорам. Китай, обладавший значительно меньшим ядерным потенциалом, нежели Россия и США, не собирался в них участвовать. По словам А. Г. Арбатова, «чтобы привлечь Китай к переговорам, он должен знать, что от них получит в военном отношении. Просто так Пекин не согласится зафиксировать свое нынешнее отставание от США и России по тем или иным системам оружия, которые станут предметом договоренности [423]. В Москве с пониманием относились к позиции Пекина и не настаивали. Так, весной 2020 г. С. А. Рябков заявил, что Москва с большим уважением воспринимает логику китайской стороны в том, что она не готова участвовать в такого рода переговорах. По его словам, «мы солидарны с Китаем в том, что, прежде чем браться за какие-то сомнительные и вряд ли достижимые цели, лучше в качестве первоочередного шага сохранить то, что есть» [414, с. 12].

В отличие от США РФ была готова без каких-либо предварительных условий к продлению Договора СНВ-3. Конечно, Москва была не против добиться для себя дополнительных политических дивидендов, но вряд ли можно согласиться с мнением А. Гольца о том, что российское руководство сознательно тянуло с началом переговоров о продлении Договора СНВ-3. В частности, речь идет о якобы имевшем место зондаже администрации Обамы, принятом летом 2016 г., о возможности его немедленного продления, отвергнутом Россией [146, с. 9]. При этом российская сторона собиралась работать над укреплением своей безопасности [237].

Конечно, Москва была очень недовольна позицией, которую заняла администрация Трампа. В марте 2020 г. МИД РФ устами замминистра С. А. Рябкова раскритиковал безответственную политику Вашингтона, которая разрушает всю систему договоренностей в сфере стратегической стабильности [237]. Другими словами, наблюдая масштабную программу перевооружения СЯС США, в Москве все больше убеждались, что американцы не заинтересованы в сохранении контроля над вооружениями в качестве инструмента обеспечения глобальной безопасности [414, с. 14]. Другими словами, наблюдая масштабную программу перевооружения СЯС США, в Москве все больше убеждались, что американцы не заинтересованы в сохранении контроля над вооружениями в качестве инструмента обеспечения глобальной безопасности [414, с. 14].

Администрация Байдена придерживалась иной позиции по вопросу сокращения стратегических наступательных вооружений, нежели Д. Трамп. Уже в первом телефонном разговоре госсекретаря Э. Блинкена с С. В. Лавровым были обсуждены вопросы продления Договора СНВ-3, а также заключения нового соглашения по контролю над вооружениями с привлечением Китая [58].

На встрече в Женеве 16 июня 2021 г. В. В. Путин и Дж. Байден заявили о запуске комплексного двустороннего диалога по стратегической стабильности, подтвердив, что в ядерной войне не может быть победителей и она недопустима. Как отметил на пресс-конференции президент РФ, на обеих странах лежит особая ответственность за стратегическую стабильность в мире, исходя хотя бы из того, что они являются крупнейшими ядерными державами [461].

В рамках достигнутых договоренностей в июле 2021 г. в Женеве состоялся первый раунд российско-американских переговоров по стратегической стабильности. Российскую делегацию возглавлял заместитель министра иностранных дел С. А. Рябков, американскую – первый заместитель госсекретаря У. Шерман. Россия в письменном виде передала США свои предложения по работе в области стратегической стабильности. При этом российский дипломат подчеркнул наличие расхождений в подходах Москвы и Вашингтона, но, по его словам, «встреча для того и проводится, чтобы запустить процесс и углубленно проанализировать то, где у нас есть расхождения, попробовать нащупать направления для совместной работы, где есть некоторая перспектива» [93].

Однако с осени 2021 г. атмосфера российско-американских отношений стала стремительно ухудшаться. В условиях нарастающей конфронтации Москва обратилась к США и НАТО со своими предложениями гарантий безопасности. Вопросы контроля над вооружениями были включены российской стороной в комплексный, пакетный подход к урегулированию проблемы гарантий безопасности. Тем самым Россия предложила интегрированный подход к стратегической проблематике путем выработки нового «уравнения безопасности» [404].

Вашингтон предложил «незамедлительно» заняться в рамках диалога по стратегической стабильности разработкой «мер в развитие ДСНВ». Однако при этом американская сторона фокусировала внимание исключительно на ЯО, что расходилось с подходом РФ. С точки зрения Москвы, подобный односторонний взгляд на стратегическую стабильность противоречил договоренностям, достигнутым на российско-американской встрече 16 июня 2021 г. в Женеве относительно комплексного характера стратегического диалога, призванного заложить основу будущего контроля над вооружениями и мер по снижению рисков [404].

После начала Россией СВО на Украине российско-американский стратегический диалог прервался. Запад вознамерился нанести РФ стратегическое поражение. Однако, по словам С. В. Лаврова, не так давно американцы вспомнили про контроль над ядерными вооружениями и стали направлять российской стороне сигналы о якобы имеющейся у них готовности возобновить диалог по этим вопросам. Одновременно они предложили обособить переговоры

по стратегической стабильности от общего военно-политического контекста, являющегося «непримиримо-враждебным по отношению к нам» [123].

В условиях ведомой Вашингтоном гибридной войны против России мы не видим каких-либо оснований не только для дополнительных совместных мер в области контроля над вооружениями и снижения стратегических рисков, но и в целом для какого-либо разговора с Соединенными Штатами о стратегической стабильности [123].

Таким образом, абсолютно верным представляется утверждение о том, что сегодня контроль над вооружениями сдерживается общей негативной динамикой российско-западных отношений [34, с. 627].

Роль ядерного сдерживания в обеспечении национальной безопасности России

В сфере стратегической стабильности огромную роль играет ядерное сдерживание, которое позволяет сохранять стратегическое статус-кво. Однако нередко у сторон возникает соблазн получить стратегическое преимущество над оппонентом, что негативно сказывается на глобальной безопасности.

Уже с 2012 г. в российско-американских отношениях стало наблюдаться снижение взаимопонимания, что шаг за шагом вело стороны к эскалации напряженности. По мнению О. Н. Барабанова и Р. Вайтца, из-за украинского конфликта Программа Нанна – Лугара, на которую в свое время возлагались большие надежды, не смогла привести к укреплению доверия между Москвой и Вашингтоном в ядерной сфере [368, с. 283]. Тенденцию к нарастанию недоверия в октябре 2014 г. отметил В. В. Путин, обративший внимание экспертного сообщества на то, что «мы вновь скатываемся к тем временам, когда не баланс интересов и взаимных гарантий, а страх, баланс взаимоуничтожения удерживает страны от прямого столкновения. За неимением правовых и политических инструментов оружие возвращается в центр глобальной повестки, оно применяется где угодно и как угодно, без всяких санкций Совбеза ООН» [202]. К слову, западные СМИ оценили эти слова российского президента, как «одно из самых важных внешнеполитических заявлений» [699].

Еще в феврале 2012 г. В. В. Путин акцентировал внимание на роли ЯО в качестве гарантии национальной безопасности страны, подчеркнув следующее: «Мы ни при каких условиях не откажемся от потенциала стратегического сдерживания и будем его укреплять» [478]. Бесспорно, мощные ядерные силы были нужны, чтобы избавить РФ от давления извне за счет превосходства в обычных вооруженных силах [343, с. 54]. В подтверждение своих слов В. В. Путин обнародовал программу модернизации СЯС РФ за счет постановки на боевое дежурство к 2020 г. 400 современных МБР и 8 атомных подводных лодок [478]. Речь шла о шести типах наземных межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок – РС-24 «Ярс», легкой ракете «Рубеж», тяжелой ракете шахтного базирования, МБР железнодорожного базирования, БРПЛ «Синева» и БРПЛ «Булава-30». Правда, отдельные эксперты достаточно критически восприняли подобную программу модернизации СЯС. По их мнению, подобный «карнавал» разработки, производства

и развертывания ядерного оружия чрезмерно затратен для бюджета страны. К тому же количество и разнообразие ядерного оружия не влияют на безопасность страны. Многотипность программ и систем вооружений, наоборот, ведет к распылению ресурсов и, как следствие, к снижению общей военной эффективности стратегического потенциала [21, с. 4–5].

Для России на повестке дня оставалась задача поддержания паритета с США в области стратегических наступательных вооружений [343, с. 89]. Так, в послании В. В. Путина Федеральному Собранию в декабре 2013 г. говорилось о том, что «увеличение зарубежными странами потенциала стратегических высокоточных систем в неядерном исполнении в сочетании с наращиванием возможностей систем ПРО может свести на нет все ранее достигнутые договоренности в области ограничения и сокращения стратегических ядерных вооружений, привести к нарушению так называемого стратегического баланса сил». И далее президент России продолжил: «Ни у кого не должно быть иллюзий относительно возможности добиться военного превосходства над Россией. Мы этого никогда не допустим. Россия ответит на все эти вызовы: и политические, и технологические. Весь необходимый потенциал у нас для этого есть» [455].

В условиях нарастания российско-американской конфронтации Москву беспокоила возможность перерастания напряженности в реальную ядерную войну [368, с. 276]. В августе 2014 г. в одном из своих интервью В. В. Путин напомнил Западу, что «Россия является одной из крупнейших ядерных держав» [19, с. 12]. При этом Москва не собиралась использовать свой ядерный арсенал без крайней необходимости. В Военной доктрине России, принятой в 2014 г., содержалась прежняя формулировка относительно применения ЯО: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства» [106].

В октябре 2016 г. В. В. Путин, выступая на Валдайском форуме, еще раз подчеркнул, что «ядерное оружие является фактором сдерживания и фактором обеспечения мира и безопасности во всем мире» и его нельзя «рассматривать как фактор какой бы то ни было потенциальной агрессии» [204].

По мере нарастания российско-американских противоречий у Москвы стало возникать впечатление, что американцы допускали определенные сценарии, где, на их взгляд, у них получится одержать верх при обмене ядерными ударами. Подобное категорически на концептуальном уровне не устраивало Россию. Как отмечал С. А. Рябков, «мы за то, чтобы тезис о недопустимости ядерной войны и невозможности достичь в ней победы был подтвержден прямо и недвусмысленно и по возможности усилен путем акцента на то, что современные технологии в этой сфере делают развязывание такой войны еще более опасным, чем раньше» [237].

Тем самым ядерное сдерживание остается главным фактором стратегической стабильности. Его роль возрастает в условиях сбоя процесса

разоружения и нераспространения, а также обострения военно-политической ситуации в мире.

Противоракетная оборона

Одной из основных причин кризиса в сфере стратегической стабильности служили разногласия Москвы и Вашингтона относительно проблемы ПРО. После заключения Договора СНВ-3 российское руководство продолжало осуществлять попытки найти приемлемые модели сотрудничества в сфере противоракетной обороны с США и НАТО. Однако крах политики «перезагрузки» еще более обострил проблему ПРО. Несмотря на совместное заявление В. В. Путина и Б. Обамы на саммите G-20 в мексиканском Лос-Кабосе 18 июня 2012 г. о поиске путей разрешения противоречий в области противоракетной обороны, последующие переговоры как по линии Совета Россия – НАТО (январь и май 2013 г., январь 2014 г.), так и министерств обороны РФ и США (декабрь 2013 г.) к достижению компромисса не привели. Не случилось прогресса в этой сфере и на встрече В. В. Путина и Б. Обамы на полях саммита G-8 17 июня 2013 г. в североирландском Лох-Эрне, а также 9 августа 2013 г. на встрече глав внешнеполитических ведомств и обороны двух стран в Вашингтоне [284, с. 139].

В начале 2013 г. администрация Обамы сделала шаг навстречу Москве, отказавшись от реализации четвертой фазы «Европейского поэтапного адаптивного плана» развертывания противоракетной обороны. Он предусматривал использование самых эффективных ракет-перехватчиков СМ-3 Блок ПБ, обладавших повышенной скоростью и дальностью действия, на кораблях в северных морях и наземных базах в Восточной Европе, что вызывало беспокойство РФ, поскольку давал американцам большие возможности по перехвату российских МБР. Несмотря на то, что данные решения официально Вашингтон обосновывал техническими причинами, было понятно, что они адресуются российскому руководству. Однако, как отмечал А. Г. Арбатов, в Москве по политическим мотивам данную уступку Вашингтона сочли недостаточной [18, с. 7; 21, с. 6–7].

Наращение конфронтации в российско-американских отношениях после начала украинского кризиса окончательно свернуло диалог двух стран в сфере противоракетной обороны. В Военной доктрине России, принятой в 2014 г., «создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере» заняло четвертое место в списке военных опасностей для страны, пропустив вперед такие угрозы, как расширение НАТО, глобальная и региональная дестабилизация и наращивание иностранных военных группировок вокруг РФ [106]. Этот факт свидетельствовал о серьезном внимании, которое российское руководство уделяло проблеме ПРО. При этом еще в октябре 2013 г. В. В. Путин упразднил межведомственную рабочую группу под руководством вице-преьера Д. О. Рогозина, которая отвечала за переговоры по вопросу создания совместной противоракетной системы [21, с. 9]. В Кремле окончательно поняли, что американцы попросту водили российскую сторону за нос в вопросе о ПРО.

Как видно из неоднократных высказываний российского руководства, Москва затаила большую обиду на Вашингтон. В качестве примера можно привести слова В. В. Путина на Валдайском форуме в Сочи в 2015 г. Президент РФ отметил, что «под предлогом ракетно-ядерной угрозы со стороны Ирана, как мы знаем, разрушена фундаментальная основа современной международной безопасности – Договор об ограничении противоракетной обороны. США в одностороннем порядке из него вышли. Сегодня, кстати, иранская ядерная проблема решена, никакой угрозы со стороны Ирана не было, как мы говорили, и нет. Причина, вроде бы побудившая наших американских партнеров строить систему противоракетной обороны, исчезла. И мы вправе были бы ожидать, что и работа над развитием ПРО США прекратится. А что на самом деле? Ничего подобного не происходит, наоборот – все продолжается... Нас, да и весь мир, пытались в очередной раз ввести в заблуждение просто. А сказать совсем попроще – обманывали. Дело не в гипотетической иранской ядерной угрозе, которой и не было никогда. Дело – в попытке разрушить стратегический баланс, изменить соотношение сил в свою пользу таким образом, чтобы не просто доминировать, а иметь возможность диктовать свою волю всем: и своим геополитическим конкурентам, да думаю, и своим союзникам» [203]. Таким образом, в Москве больше не верят американцам, что они создают противоракетную оборону для защиты от третьих стран, а не от России.

После ввода в 2016 г. американцами в эксплуатацию наземного компонента ПРО Иджис в Румынии со стороны Москвы возросли обвинения в адрес Запада относительно возможности использования данной системы для запуска крылатых ракет средней дальности типа «Томагавк». Российские обвинения в адрес США нарастали по мере ухудшения российско-американских отношений. В частности, на пленарном заседании Восточного экономического форума в сентябре 2019 г. В. В. Путин отметил, что «пусковые установки “Мк-41” способны не только на то, чтобы их использовали для противоракет в системе ПРО, но и для пуска ударных ракетных систем» [436].

Очевидно, что проблема противоракетной обороны по-прежнему являлась актуальной для России в плане обеспечения национальной безопасности. Тем более она обострилась на фоне ухудшения российско-западных отношений. Так, в декабре 2021 г. на расширенном заседании коллегии Министерства обороны РФ В. В. Путин предупредил Запад об опасности развертывания элементов ПРО на территории Украины [483].

Таким образом, проблема противоракетной обороны продолжала оставаться для России одним из раздражителей в сфере стратегической стабильности.

Крах Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности

Одним из острых проявлений кризиса глобальной системы контроля над ядерным оружием стала проблема советско-американского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), подписанного М.С. Горбачевым и Р. Рейганом 8 декабря 1987 г. Согласно ДРСМД СССР ликвидировал вдвое больше ракет, чем США, – 1836 против 859, включая 200 новейших оперативно-тактических ракет «Ока» [20, с. 8].

В 2010-е гг. Москва и Вашингтон стали обмениваться обвинениями в адрес друг друга относительно нарушения ДРСМД. Следует отметить, что для американцев он не являлся приоритетным, так как из-за недостижимости запрещенных классов ракет до американской территории непосредственно не затрагивал безопасность США. Поэтому они провоцировали Москву с целью его нарушения. Так, в 2014 г. Б. Обама направил В. В. Путину письмо, в котором было указано, что Россия нарушила ДРСМД, проведя испытательный пуск крылатой ракеты наземного базирования 9 М729, дальность полета которой составила более 500 км [626, с. 459]. Москва отвергла обвинения Вашингтона, указав, что КРНБ 9М729 не разрабатывалась для пусков на запрещенную по ДРСМД дальность и не испытывалась на такие дистанции, а значит, полностью соответствует международным обязательствам России. Одновременно она предъявила свои претензии американцам. В частности, российская сторона указала на использование американцами для испытаний системы ПРО в качестве мишеней баллистических ракет «Гера», являющихся аналогом ракет средней дальности. Также нарушением считали американские ударные БПЛА «Предатор» с дальностью полета свыше 500 км [18, с. 11].

Для России договор имел большое значение. Ведь размещение американских ракет средней и меньшей дальности в Европе и Азии представляло прямую угрозу стране. Однако, несмотря на данный факт, полезность ДРСМД неоднократно скептически оценивалась многими представителями российского руководства, элиты и экспертного сообщества [18, с. 5].

С точки зрения А. Г. Арбатова, в России в основе критики данного договора лежали идеологические и политические мотивы. Эксперт считал, что ДРСМД положил начало концу гонки вооружений и Холодной войны в целом. Однако в современной России наблюдается острое неприятие того, каким образом завершилась конфронтация между СССР и Западом. Поэтому отношение многих в стране к ДРСМД «воплощает в себе неприятие той истории, отрицание договоров по разоружению как средства обеспечения безопасности государства. В то же время это отношение отражает популярность наращивания военной мощи, и в первую очередь ядерного оружия, восстановления глобального статуса РФ и расширения ее геополитического пространства» [18, с. 10].

Тем не менее на официальном уровне в 2010-е гг. российская позиция заключалась в необходимости выполнения положений ДРСМД. Поэтому Москва была недовольна игнорированием Вашингтоном российских претензий к американцам. Конечно, стороны проводили консультации в двустороннем формате. Однако в результате контрпродуктивной позиции Соединенных Штатов ни по одному из проблемных вопросов прогресса достигнуто не было. США вели целенаправленную работу по обеспечению себе военного преимущества над РФ в обход ДРСМД с перспективой выхода из договора. Они голословно обвиняли российскую сторону в нарушениях и проявляли полное нежелание предпринимать шаги по снятию российских озабоченностей.

В результате дело дошло до того, что 20 октября 2018 г. Д. Трамп заявил, что в связи с «многолетними нарушениями» Россией ДРСМД и неучастием в нем Китая США намерены выйти из него и начать разработку ракет

соответствующих классов. А 4 декабря 2018 г. американцы выдвинули ультиматум о «возвращении» РФ к «полному и проверяемому соблюдению Договора», т.е. ликвидировать все КРНБ 9М729, их ПУ и вспомогательное оборудование. Иначе Вашингтон приостановит выполнение ДРСМД и начнет выход из него. При этом госсекретарь М. Помпео среди причин, подталкивающих Соединенные Штаты к денонсации, назвал наличие ракет средней и меньшей дальности у КНР, Ирана и КНДР [172].

Россия предпринимала последовательные политико-дипломатические и переговорные усилия по сохранению ДРСМД, используя как двусторонние переговоры, так и площадку ООН. По инициативе Москвы 15 января 2019 г. в Женеве состоялась российско-американская встреча межведомственных делегаций на уровне заместителей глав внешнеполитических ведомств. Представители России хотели достичь урегулирования взаимных претензий сторон на основе транспарентности шагов относительно объектов обвинений (ракеты 9М729 и универсальных пусковых установок Мк-41) в нарушении договора, чтобы его спасти [172].

Однако российские инициативы были отвергнуты американцами. Они не захотели вникать в сущность и нюансы предложений Москвы, оказались не готовыми вести разговор на основе принципов равноправия и включаться в конструктивный диалог. По итогам состоявшихся переговоров С. А. Рябков заявил, что американская делегация «даже не попыталась сблизить позиции сторон». В свою очередь заместитель госсекретаря А. Томпсон в очередной раз обвинила РФ в нарушении договора и подтвердила, что США начнут процесс выхода из данного договора, если русские не уничтожат ракету 9М729 [396, с. 30–31].

Несмотря на сигналы со стороны РФ о целесообразности продолжить диалог, готовности к этому Вашингтоном проявлено не было. Союзники по НАТО вопреки интересам общеевропейской и собственной национальной безопасности поддержали американцев. Так, 23 января 2019 г. американцы и практически все их союзники по альянсу проигнорировали организованное Россией мероприятие по демонстрации устройства и технических характеристик ракеты 9М729 и ее пусковой установки [404].

В итоге 1 февраля 2019 г. Д. Трамп объявил о начале выхода США из договора и разработке запрещенных им классов ракет. В ответ 2 февраля 2019 г. В. В. Путин заявил о том, что Россия вынуждена дать «зеркальный» ответ на действия Соединенных Штатов, включая приостановление выполнения ДРСМД и осуществление НИОКР в ракетостроении в целях поддержания баланса сил в данной сфере. При этом российский президент подчеркнул, что РФ не будет размещать подобные системы в Европе или Азии, пока там не появятся американские ракеты данных классов. Тем самым Москвой был введен односторонний мораторий на развертывание подобных средств.

4 марта 2019 г. В. В. Путин подписал Указ о приостановлении Россией выполнения ДРСМД, что затем было закреплено в соответствующем законе от 3 июля 2019 г. [172].

В последовавших после этого контактах американцы не проявляли какого-либо интереса к обсуждению возможных путей сохранения договора. Как итог, 2 августа 2019 г. он прекратил свое действие, а США перешли к испытаниям ранее запрещенных классов ракет, чем лишь подтвердили обвинения России. При этом Запад продолжал упорно твердить, что в конце ДРСМД виноваты русские. Так, в Лондонской декларации, опубликованной 3–4 декабря 2019 г. руководителями НАТО по итогам своей встречи в британской столице, утверждалось: «Мы принимаем и будем продолжать взвешенно и ответственно принимать меры в ответ на развертывание Россией новых ракет средней дальности, которые привели к прекращению действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и создают значительные риски для евроатлантической безопасности» [346].

В России прекращение действия ДРСМД воспринималось как сознательный слом Западом системы региональной безопасности. С российской точки зрения, ракеты средней и меньшей дальности являются необходимым компонентом нового «уравнения безопасности», которое следует совместно выработать России и США. Поэтому в 2019–2021 гг. Москва предприняла ряд попыток, направленных на поддержание диалога и принятие обязательств в ракетной сфере, чтобы не допустить ее окончательного краха. Однако конструктивной реакции коллективного Запада на российские предложения не последовало. В НАТО были уверены, что русские хитрят по поводу своей ракеты 9М729, которая имеет вариативную дальность, т.е. ее можно запускать и на большую и на меньшую дальность [423]. Исходя из этого, например, в заявлении саммита Североатлантического альянса от 14 июня 2021 г. было акцентировано, что инициатива России о встречных мораториях «не заслуживает доверия» [172].

В рамках российско-американского диалога по стратегической стабильности, перезапущенного в июле 2021 г. после женевской встречи В. В. Путина и Дж. Байдена, представители Соединенных Штатов заявили, что готовы к обсуждению проблематики РСМД. Однако в Вашингтоне считали, что российское предложение о взаимных мораториях «не решает проблему».

Но вскоре диалог был свернут из-за ситуации вокруг украинского кризиса. Запад отверг основные требования «пакетной» инициативы Москвы по гарантиям безопасности, связанные с необходимостью прекратить агрессивную экспансию НАТО, сопровождающуюся превращением Украины во враждебный антироссийский плацдарм. А после начала Россией специальной военной операции Вашингтон «заморозил» под предлогом «российской агрессии» дальнейшее обсуждение проблематики стратегической стабильности, включая и вопросы, касающиеся ракет средней и меньшей дальности [172].

Таким образом, в 2010-е гг. РФ и США шли по пути разрушения ДРСМД. Исходя из географического фактора, наибольшую пользу от его действия имела Россия, а не Америка. Поэтому в условиях нарастания российско-американских противоречий Вашингтон пытался спровоцировать Москву нарушить данный договор, чтобы «развязать себе руки». Однако РФ, заинтересованная в его сохранении, вела себя достаточно ответственно по выполнению его

положений. В итоге, если администрация Обамы не решилась на его разрушение, то Д. Трамп сделал это достаточно легко. Москва расценила данный шаг Вашингтона как слом одного из важнейших элементов системы региональной безопасности. Попытки российской стороны урегулировать проблему с администрацией Байдена не увенчались успехом.

Проблема кибербезопасности

Стремительное развитие информационных технологий в конце XX – первой четверти XXI в. сделало киберпространство одной из наиболее значимых сфер жизнедеятельности человечества. При этом оно стало ареной как сотрудничества, так и соперничества между различными акторами мировой политики, в том числе РФ и США. Недаром в 2010 г. известный британский журнал «The Economist» назвал киберпространство «пятой сферой войны, после земли, моря, воздуха и космоса» [921]. Однако в отличие обычного или ядерного оружия киберсредства непрозрачны и непредсказуемы, что делает их дестабилизирующим инструментом [213].

Сегодня РФ и США (наряду с КНР) являются ведущими кибердержавами, поэтому их отношения в области информационной безопасности принципиально важны для всего мирового сообщества. Однако в условиях нарастания российско-американских противоречий информационное пространство все больше становилось ареной противостояния. По свидетельству А. В. Крутских, Вашингтон практически всегда находился в активной оппозиции мирным инициативам Москвы в области обеспечения международной информационной безопасности. Любое политическое продвижение к компромиссам давалось с большим дипломатическим трудом [319, с. 201]. Наивысшей точкой двустороннего взаимодействия можно считать «Совместное заявление президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки о новой области сотрудничества в укреплении доверия», которое было подписано в 2013 г. на полях саммита G-8 в североирландском Лох-Эрне. Оно включало в себя три документа, оговаривающих создание между Москвой и Вашингтоном прямых линий связи по предотвращению эскалации киберинцидентов, обмен информацией между кураторами вопросов национальной безопасности и группами экстренной готовности к инцидентам [213].

Стороны начали проводить межведомственные консультации в сфере кибербезопасности. Однако после воссоединения Крыма с Россией американцы перестали в них участвовать до 2016 г., когда состоялась женевская встреча по вопросам обеспечения международной информационной безопасности [92]. Правда, вскоре двусторонний диалог вновь прервался. На этот раз причиной стали обвинения Вашингтона в адрес Москвы о вмешательстве в президентские выборы 2016 г. Представители американской элиты, не имея убедительных доказательств, наперебой утверждали о «русских хакерах», действия которых были якобы санкционированы Кремлем.

В 2017 г. Россия предложила США создать рабочую группу по обеспечению кибербезопасности, направив запрос о налаживании взаимодействия для предотвращения киберугроз и укрепления доверия между странами

в цифровой среде, а также организовать консультации «по противодействию криминальным электронным взломам». Однако в условиях русофобской истерии, захлестнувшей Америку, в связи с «вмешательством» России в президентские выборы в США, из-за чего якобы Х. Клинтон потерпела поражение, в Вашингтоне не отреагировали на российские предложения. По ее словам, именно российское «вмешательство» не позволило ей одержать победу [716, р. 326]. Х. Клинтон была уверена, что это Кремль санкционировал действия хакеров якобы из-за того, что В. В. Путин затаил на нее глубокую обиду и поэтому приложил все усилия, чтобы она не стала президентом США [716, р. 333]. В подобных обвинениях Москвы она была не одинока. Так, советник президента Д. Трампа по национальной безопасности генерал Г. Макмастер обвинил РФ в использовании различных инструментов, в том числе социальных сетей, против американского народа и демократического строя [809, р. 46].

Отказ Вашингтона от российских предложений свидетельствовал об отсутствии действительного беспокойства по поводу угрозы, исходящей от так называемых «русских хакеров», которые якобы наводнили фейками социальные сети в ряде колеблющихся штатов: Висконсине, Мичигане и Пенсильвании [83, с. 174]. В свою очередь, это подтверждало лукавство американцев. Однако после надуманного обвинения со стороны Вашингтона в адрес Москвы о «российском вмешательстве» в американские выборы перспективы достижения двусторонних договоренностей в сфере кибербезопасности практически сошли на нет [84, с. 28].

Тем не менее Москва продолжала прилагать усилия по активизации российско-американского сотрудничества в целях обеспечения глобальной кибербезопасности. Так, 25 сентября 2020 г. С. В. Лавров озвучил заявление В. В. Путина о комплексной программе мер по восстановлению двустороннего диалога в области международной информационной безопасности [206]. Оно стало следствием растущего числа обвинений со стороны политических кругов США в российском вмешательстве в американские выборы. Однако США не поддержали путинское предложение [213].

После прихода в Белый дом Дж. Байдена в Москве вновь появились некоторые надежды на возрождение диалога в сфере кибербезопасности. В частности, согласно совместному заявлению двух президентов по итогам женеvской встречи в июне 2021 г., было принято решение начать «интегрированный двусторонний диалог о стратегической стабильности», который позволит заложить основу для будущих мер по контролю над вооружениями и снижению рисков [362, с. 152]. На пресс-конференции по итогам встречи с Дж. Байденом В. В. Путин отметил, что тогда, как РФ отвечала на американские запросы о кибератаках на свои объекты, США за последние полтора года не ответили ни на один из 80 таких запросов из России [461].

В данном контексте в июле 2021 г. была создана рабочая группа в области кибербезопасности. В октябре 2021 г. РФ и США внесли на рассмотрение ГА ООН проект совместной резолюции об ответственном поведении государств в киберпространстве, которая и была принята в декабре 2021 г. [175].

Однако, к сожалению, наладить конструктивное взаимодействие в сфере кибербезопасности Москве не удалось. Российские инициативы не нашли должного отклика со стороны Вашингтона. В одностороннем порядке Вашингтон вышел в 2022 г. из рабочей группы в сфере кибербезопасности, а также отказался от дальнейшего обсуждения с РФ вопросов безопасности объектов критической информационной инфраструктуры [319, с. 203].

24 февраля 2022 г. по сообщению телеканала NBC президенту США Дж. Байдену был представлен ряд вариантов проведения Соединенными Штатами массированных кибератак, направленных на подрыв способности России поддерживать военную операцию на Украине [362, с. 350]. В условиях СВО Соединенные Штаты на практике реализуют свои агрессивные планы и не скрывают, что их киберкомандование проводит операции против России. Хорошо известно, что Вашингтон причастен к активной вербовке хакеров-наемников, тренировке так называемой украинской «IT-армии», что США задействуют ИКТ-потенциалы своих союзников и частных компаний для осуществления атак на российскую информационную и другую критическую инфраструктуру [319, с. 204]. По заявлениям министра обороны России С. К. Шойгу, «работает практически вся натовская спутниковая группировка. По нашим оценкам, больше 70 военных и свыше 200 гражданских спутников работают на то, чтобы разведывать месторасположение наших подразделений» [362, с. 339–340]. Несколько тысяч терминалов Starlink американской компании SpaceX, установленных на территории Украины, позволяют ВСУ управлять БПЛА, получать разведданные, поддерживать связь и т.д. [362, с. 340].

Число компьютерных атак извне возрастает и достигло нескольких сотен тысяч в неделю после начала СВО на Украине [192]. Ударам с применением новейших ИКТ подверглись российские государственные учреждения, объекты критической и социальной инфраструктуры, системы жизнеобеспечения. Массовый характер приняла утечка баз личных данных россиян, в том числе банковской информации.

Инициировав антироссийские санкции, США фактически «милитаризировали» технологическую сферу. Транснациональные корпорации Meta, Google, Apple, Amazon и другие крупные IT-компании заняли активную антироссийскую позицию и активно участвуют в милитаризации цифрового пространства. Как подчеркивал специальный представитель президента России в области международного сотрудничества по информационной безопасности А. В. Крутских, отключение от международной платежной системы SWIFT российских банков в рамках очередного пакета антироссийских санкций, как и сами санкции в принципе, разве это не покушение на суверенитет государства [319, с. 193]?

Таким образом, попытки России наладить диалог с США в сфере кибербезопасности заканчивались неудачей. Причиной служила неконструктивная позиция Вашингтона, пытавшегося диктовать Москве свои условия. Единичные примеры взаимодействия сторон в конечном итоге всегда становились жертвами русофобского курса Соединенных Штатов.

Проблема нераспространения

В 2010-е – начале 2020-х гг. проблема нераспространения ОМУ оставалась в повестке российско-американского диалога. Однако, как справедливо отметили О. Н. Барабанов и Р. Вайтц, украинский кризис существенно осложнил взаимодействие РФ и США в сфере режима нераспространения [368, с. 285]. Западные партнеры стали отказываться слушать российских коллег, пытались навязать свою позицию.

С обеих сторон стали раздаваться взаимные обвинения в нарушении ДНЯО. В частности, в Вашингтоне Россию критиковали за намерение разместить на территории Крыма стратегические бомбардировщики Ту-22М3. В свою очередь, в Москве указывали на грубое нарушение американцами положений ДНЯО во время так называемых «совместных ядерных миссий» НАТО, когда в ходе учений альянса военные из неядерных стран-членов блока обучались навыкам, связанным с применением ЯО, принимали участие в операциях, имитирующих использование ядерного оружия, для которых, помимо прочего, задействовались авиабазы и наземные сооружения соответствующих неядерных государств, а также их авианосцы с приданными им экипажами [83, с. 171].

Москва разделяет задачу построения безъядерного мира. Однако, по словам С. В. Лаврова, «полная ликвидация ядерного оружия возможна только в контексте всеобщего и полного разоружения в условиях обеспечения равной и неделимой безопасности для всех, в том числе и для обладателей ядерного оружия, в соответствии с ДНЯО» [128].

Критически важным для сохранения режима ядерного нераспространения в Москве считали вступление в силу ДВЗЯИ. По мнению российской стороны, ответственность за то, что он до сих пор не работает, несут 8 государств, которые его не ратифицировали. Особенно деструктивной является позиция Соединенных Штатов, которые в своих ядерных доктринальных документах напрямую указали, что не будут добиваться его ратификации. Это ставит под угрозу судьбу этого важнейшего документа [128].

Среди острых вопросов режима нераспространения ОМУ оставались северокорейская и иранская ядерные проблемы, по решению которых у РФ и США наблюдались как совпадения позиций, так и заметные расхождения.

Фактор КНДР в российско-американском диалоге относительно проблемы нераспространения

Во втором десятилетии XXI века российская позиция по северокорейской ядерной проблеме заключалась в неукоснительном выполнении резолюций СБ ООН, касавшихся ядерной программы КНДР. В феврале и декабре 2012 г. Пхеньян в их нарушение осуществил ракетные пуски, чем вновь осложнил ситуацию в регионе. Москва оказалась вынуждена, хотя и с оговорками, присоединиться к мерам международного сообщества по наказанию КНДР. При этом она фактически самоустранилась от выработки текста резолюции СБ ООН 2087 по поводу запуска спутника: проект согласовывался между Китаем и США. Однако после очередного ядерного испытания, осуществленного Пхеньяном 12 февраля 2013 г., Москва выступила с достаточно резким

официальным заявлением, в котором говорилось, что подобные действия несомненно заслуживают осуждения и адекватной реакции со стороны международного сообщества [598, с. 85–86]. 9 апреля С. В. Лавров в своем интервью телеканалу RTVI осудил Пхеньян, который «откровенно и вызывающе нарушает резолюцию СБ ООН», а на следующий день во время встречи с Дж. Керри в Лондоне публично выразил полную солидарность с американской позицией [1, с. 352–353]. В итоге Москва присоединилась к санкциям против Пхеньяна, проголосовав за резолюцию 2094 [531]. При этом российское руководство проявляло определенное понимание относительно стремления КНДР обзавестись собственным ЯО в целях обеспечения безопасности страны. В Москве осознавали, что Пхеньян из-за отсутствия доверия к Вашингтону хотел иметь ядерное оружие для самозащиты. Комментируя ситуацию вокруг Сирии на саммите G-20 в Санкт-Петербурге в сентябре 2013 г., В. В. Путин подчеркнул, что создается впечатление, когда более сильное государство по своему усмотрению может применить силу по отношению к более слабому. И резюмировал: «Вот в этих условиях попробуйте убедить северокорейцев отказаться от ядерной программы» [598, с. 86].

В ноябре 2013 г. В. В. Путин высказался за скорейшее возобновление шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблеме без каких-либо предварительных условий. По его словам, самым главным является «разблокирование этих переговоров, их возобновление, начало, и все препятствия, которые мешают началу этого процесса, должны быть устранены. Если мы будем постоянно выдвигать предварительные условия для начала переговоров, они могут никогда не начаться». При этом президент добавил, что Россия будет поддерживать только мирный процесс и те средства, которые ведут к положительным результатам, а не к конфликтам, трагедиям и разрушениям [480].

В последующие годы Москва продолжила придерживаться позиции о необходимости возобновления шестисторонних переговоров. Как подчеркнул в сентябре 2015 г. замминистра иностранных дел РФ И. В. Моргулов, «не оправдывая наличие у Пхеньяна ракетно-ядерных программ, отношение к которым Россия ясно выразила своим голосованием в Совете Безопасности ООН за соответствующие резолюции, мы, тем не менее, считаем, что для решения ядерной проблемы Корейского полуострова необходимо прежде всего устранить ее первопричины» [378].

Однако в марте и ноябре 2016 г. Москва согласилась с необходимостью ужесточения международных санкций в отношении КНДР в связи с очередными ядерными испытаниями, осуществленными Пхеньяном. С российской точки зрения, выраженной главой комитета Совета Федерации по международным делам К. И. Косачевым, они нарушали ДВЗЯИ и угрожали национальной безопасности РФ. В этом его поддержал глава комитета Госдумы по обороне адмирал В. П. Комоедов, по словам которого, «если бы мы не были соседями, можно было бы еще вздохнуть, но сейчас вздыхать, наверное, не стоит» [369]. Представители американского истеблишмента, в том числе Х. Клинтон и Д. Трамп, также назвали возможные испытания водородной бомбы опасными

и провокационными действиями со стороны властей КНДР, призвав международное сообщество к решительному сдерживанию Пхеньяна [369].

В 2017 г. Россия поддержала четыре резолюции СБ ООН, усиливавшие санкции против Северной Кореи [531]. При этом РФ продолжала настаивать на возобновлении межкорейского диалога и прямого диалога между Вашингтоном и Пхеньяном. Так, 6 сентября на встрече В. В. Путина с южнокорейским президентом Мун Чжэ Ином на полях Восточного экономического форума российский президент заявил, что «РФ не признает ядерный статус Северной Кореи», одновременно подтвердив свою позицию о бессмысленности санкций против КНДР и о необходимости вовлечения Пхеньяна в диалог [622].

Как видно из обозначенных позиций Москвы и Вашингтона по ситуации на Корейском полуострове, обе державы выступали за необходимость последовательного продвижения по пути денуклеаризации и достижения долгосрочной нормализации в данном регионе. Однако методы их достижения у РФ и США отличались. В частности, российское руководство не поддерживало введение постоянных санкций против Пхеньяна и односторонних санкций со стороны отдельных государств. С точки зрения Москвы, это может негативно отразиться на усилиях международного сообщества по решению северокорейской ядерной проблемы. Россия настаивала на снижении военной напряженности на Корейском полуострове. Для этого Пхеньян должен отказаться от ракетно-ядерных испытаний, а Вашингтон и Сеул снизить масштабность и интенсивность американо-южнокорейских учений, после чего КНДР и США должны приступить к прямым переговорам. По словам замминистра иностранных дел РФ И. В. Моргулова, Россия против наличия у Северной Кореи ЯО, и неоднократно заявляла Пхеньяну о необходимости отказа от ядерных программ [379]. Однако, как подчеркивал В. В. Путин, добросовестное выполнение КНДР своих обязательств должно сопровождаться встречными шагами международного сообщества по снижению санкционного давления на Пхеньян [595]. Об этом же говорил и С. В. Лавров с М. Помпео на переговорах в Вашингтоне в декабре 2019 г. Глава внешнеполитического ведомства РФ отметил, что «санкций против КНДР было принято уже предостаточно. Может быть, даже больше, чем достаточно, если еще иметь в виду односторонние санкции, которые были приняты сверх решений Совета Безопасности ООН. Мы считаем, что, поскольку в каждой резолюции, которая вводила санкции по линии Совета Безопасности ООН, содержалась констатация необходимости и политического процесса, то здесь надо проявить гибкость» [122]. С точки зрения российской стороны, Вашингтон должен пойти навстречу Пхеньяну в ответ на то, что он уже сделал, заморозив на долгое время испытания и не дождавшись каких-либо позитивных действий в ответ [122].

Позиция Москвы однозначна: урегулирование ядерной проблемы Корейского полуострова возможно исключительно дипломатическим путем на основе диалога между всеми заинтересованными сторонами [128]. Подобного мнения РФ продолжает придерживаться и по сей день. Тем более что в условиях проведения СВО наблюдается российско-северокорейское сближение.

Иранская ядерная программа

Россия последовательно выступала за соблюдение Ираном режима нераспространения ОМУ. В течение более десяти лет Москва совместно с другими заинтересованными международными игроками готовила ядерную сделку с Тегераном.

Заключение 14 июля 2015 г. Ираном и «шестеркой» (Россия, США, Великобритания, Франция, Германия, КНР и представитель ЕС) Совместного всеобъемлющего плана действий стало важным шагом по дипломатическому решению иранской ядерной проблемы [17, с. 291]. Помимо основной части СВПД содержал пять развернутых технических приложений: обязательства Тегерана в рамках его ядерной программы; порядок отмены антииранских санкций СБ ООН и односторонних рестрикций США и ЕС; перечень сфер возможного сотрудничества с ИРИ в области мирного использования атомной энергии; модальности функционирования Совместной комиссии «шестерки» и Ирана; последовательность взаимных шагов «шестерки» и Ирана.

Участники «ядерной сделки» с Ираном считали, что она может стать моделью для урегулирования подобных кризисов в будущем. Поэтому 20 июля 2015 г. СБ ООН единогласно принял одобряющую СВПД резолюцию 2231. 15 декабря 2015 г. внеочередная сессия Совета управляющих МАГАТЭ приняла резолюцию по Ирану, подготовленную «шестеркой» на основе российского проекта. Резолюция закрывала досье по «предполагаемым исследованиям» Тегерана военно-ядерной направленности, отменяла действие всех предыдущих резолюций Совета управляющих по иранскому вопросу, определяла четкую перспективу полного закрытия данной темы в Агентстве, а также закладывала юридическую основу проверочной деятельности МАГАТЭ в ИРИ на период реализации СВПД.

Начало практической реализации СВПД стало возможным после того, как МАГАТЭ подтвердило, что Тегеран привел свою ядерную программу в соответствие с указанным планом. 18 октября 2015 г. он вступил в силу. Практическая реализация СВПД началась 16 января 2016 г. В ответ на шаги Тегерана в ядерной области последовала отмена практически всех действовавших резолюций СБ ООН, а также целого ряда односторонних санкций США (в основном финансовых, а также экстерриториального характера и затрагивающих интересы третьих стран) и всех рестриктивных мер со стороны ЕС [410].

Россия была настроена содействовать обеспечению устойчивости СВПД. По проблеме иранской ядерной программы российская позиция оставалась постоянной и неизменной в отличие от Вашингтона. По словам российского дипломата В. А. Чижова, «эта сделка, которая явилась результатом многолетних переговоров и была подписана в 2015 году, она представляет собой дипломатический успех всего международного сообщества, не только тех стран, которые непосредственно ее подписывали. Это хрупкий компромисс, основанный на тонком, детальном учете нюансов позиций всех сторон» [642]. Администрация Обамы рассматривала СВПД как несомненный дипломатический успех, позволивший существенно продвинуться вперед в процессе решения ядерной программы Ирана.

Следует подчеркнуть, что официальная Москва никогда не испытывала особого беспокойства по поводу иранской ядерной программы и верила в ее мирный характер. Поэтому РФ расширяла сотрудничество с ИРИ, укрепляя ее политические позиции [17, с. 300]. С точки зрения американского исследователя М. Милани, Тегеран весьма заинтересован в российско-иранском сближении, поскольку РФ является противовесом США в ближневосточном регионе и выступает за построение полицентричного миропорядка [816].

В мае 2018 г. администрация Трампа вышла из ядерной сделки с Тегераном и допустила ряд грубых нарушений резолюции СБ ООН 2231. Соединенные Штаты вновь перешли к политике «максимального давления» в отношении Ирана. Москва осудила поведение американцев, настаивая, чтобы США перестали подрывать консенсусные решения СБ ООН и вернулись к неукоснительному выполнению всех своих международных обязательств по данной проблеме. В российском руководстве были убеждены, что американская политика давления не заставит Тегеран пойти на переговоры с американцами на условиях Вашингтона.

14 мая 2019 г. иранская ядерная программа обсуждалась на переговорах С. В. Лаврова с М. Помпео в Сочи. Российская сторона пыталась донести до своих американских партнеров, что позиция Соединенных Штатов приведет лишь к усугублению кризиса.

В Москве считали, что СВПД отвечает интересам всего мирового сообщества. Ведь его выполнение позволило снять все имеющиеся у МАГАТЭ вопросы к Ирану, создать режим максимальной прозрачности ядерной программы Тегерана, подтвердить законные права этой страны на освоение и развитие технологий мирного атома под контролем Агентства [128].

Администрация Байдена заявила о возможности возвращения США в ядерную сделку с США. Во многом это было обусловлено преемственностью внешнеполитического курса Обамы. Москва приветствовала подобные намерения Вашингтона.

С апреля 2021 по август 2022 г. участниками переговоров в Вене было проведено около десятка раундов в разных форматах, где Россия внесла значительный вклад в реанимирование СВПД. Российский подход предусматривал встречное движение Вашингтона и Тегерана к выполнению всех требований совместного плана без каких-либо исключений. Реакция западных переговорщиков в Вене свидетельствовала о полном понимании справедливости российской позиции [275]. Перезапуск планировали осуществить после промежуточных выборов в Конгресс США 8 ноября 2022 г. Однако осенью ситуация резко изменилась. Проявились негативные факторы, не связанные напрямую с ядерной проблемой ИРИ. Одним из поводов торможения реанимации ядерной сделки стало усиливавшееся военно-техническое сотрудничество России и Ирана, что вызвало недовольство США и ЕС. Другим фактором явились массовые антиправительственные волнения, начавшиеся в середине сентября в Иране. В ответ на их подавление Запад ввел новые санкции против ИРИ и приостановил процесс восстановления СВПД.

Несмотря на то, что администрация Байдена неоднократно делала заявления о заинтересованности в реанимации ядерной сделки, с ноября 2022 г. Вашингтон, по сути, от нее отказался, сделав своей приоритетной задачей противодействие российско-иранскому сотрудничеству. К тому же после ноябрьских выборов в Конгресс в Палате представителей усилились позиции республиканцев, большинство из которых являются противниками СВПД.

При этом в условиях ухудшения отношений между РФ и Западом именно Москву Вашингтон стал обвинять в торможении «перезапуска» СВПД, что не соответствует действительности [275].

Конечно, для сегодняшней России ядерная сделка уже не является одной из приоритетных международных тем. Во внешнеполитической повестке Москвы все большее место занимает проблема российско-иранских отношений [523]. Правда, это не означает, что РФ заинтересована в приобретении Тегераном ЯО уже в силу своих интересов национальной безопасности. Однако позицию Вашингтона на в отношении Ирана в РФ не разделяют.

Фактор НАТО в российско-американских отношениях

В 2010-е гг. – первой половине 2020-х гг. образ НАТО в России имел устойчивую негативную коннотацию. Это объяснялось ухудшением общей атмосферы российско-западных отношений. Так, согласно данным ВЦИОМ, в 2013 г. 68% россиян считали, что НАТО представляло серьезную угрозу национальной безопасности России. 25% придерживались более осторожной позиции на этот счет. И только 6% респондентов видели в Североатлантическом альянсе партнера и союзника, а 3% опрошенных полагали, что РФ должна стремиться к вступлению в НАТО [90, с. 666]. По мере нарастания между Россией и Западом противоречий негативное отношение к альянсу только усиливалось. НАТО воспринималось как американский инструмент в Европе, представляющий непосредственную угрозу национальной безопасности РФ. Ярким подтверждением этому стали действия Запада в отношении России после начала украинского кризиса. С марта 2014 г. НАТО приостановило проведение встреч с представителями России, а 7 августа 2014 г. генсек альянса А. Фог Расмуссен, находясь в Киеве, заявил, что Североатлантический блок прекращает сотрудничество с Москвой [509, с. 31]. Тем самым руководство блока отчетливо продемонстрировало свой антироссийский курс. Как подчеркивал В. В. Путин, выступая 1 июля 2014 г. на совещании послов и постоянных представителей России, «Россию в последние два десятилетия наши партнеры убеждали в добрых намерениях, готовности совместно выстраивать стратегическое сотрудничество. Однако параллельно, раз за разом расширяли НАТО, придвигали свое подконтрольное военно-политическое пространство все ближе и ближе к нашим границам. А на наши законные вопросы “Не считаете ли возможным и нужным с нами обсудить эти проблемы?” – “Нет, вас это не касается”. Тем, кто продолжает заявлять о своей исключительности, активно не нравится независимая политика России. События на Украине это подтвердили. Как подтвердили они и то, что наполненная двойными стандартами модель взаимоотношений с Россией не работает» [384, с. 104].

Киев, поддерживаемый западными странами, стал проводить откровенно антироссийский внешнеполитический курс, превращаясь в послушный военно-политический инструмент Вашингтона на постсоветском пространстве. Соединенные Штаты планировали украинскими руками разобраться с Россией, которая бросила вызов американскому доминированию в мире. Ощущая американскую и европейскую поддержку, украинские власти вновь вынесли на повестку дня вопрос о членстве страны в НАТО. Подобный сценарий, превращавший Украину в западный плацдарм для давления на РФ, категорически не устраивал Москву. Украинское членство в альянсе являлось для российского руководства четко прочерченной красной линией, о чем прекрасно знали на Западе. Это отмечали многие американские эксперты, которых не заподозришь в каких-либо симпатиях в отношении России. Например, как подчеркивал Р. Пайпс, Украина «должна оставаться нейтральной и не двигаться резко в сторону Запада». Ведь для РФ движение Киева в западном направлении неприемлемо [419, с. 149]. Подобную точку зрения разделял и Зб. Бжезинский, который отмечал, что для России гарантии невступления Украины в НАТО «очень важно с психологической и стратегической точек зрения» [57, с. 103].

Наращение российско-западных противоречий заставило ряд представителей американских политико-академических кругов признать ошибкой США тот факт, что в свое время Россию не включили в евроатлантические структуры. Так, М. Макфол именно этим объяснял реваншистские настроения Москвы [807, р. 48–49]. Дж. Болтон также считал ошибкой, что в свое время Запад не интегрировал РФ в НАТО [69].

Сознательное игнорирование США и НАТО российских интересов вело к дальнейшему нарастанию напряженности между Москвой и Вашингтоном с Брюсселем. Наибольшая острота возникала вокруг Украины. В 2020-е гг. именно украинский конфликт углублял российско-натовские противоречия. Так, Брюссельский саммит НАТО, состоявшийся 14 июня 2021 г., подтвердил намерение Запада оказывать поддержку Киеву и возможность вступления Украины в альянс [208]. В организации подчеркивают прекращение всякого сотрудничества с Россией, но остаются открытыми для политического диалога. В НАТО решили, что пока РФ не продемонстрирует соблюдение международного права и своих международных обязательств и ответственности, возврата к «обычным делам» между сторонами не будет [476]. Генсек НАТО Й. Столтенберг обрисовал линию поведения коллективного Запада в отношении Москвы следующими словами: «Главный сигнал, который мы пошлем России: она не способна нас разделить. Альянс един в нашем послании: оборона и сдерживание в сочетании с диалогом». При этом он призвал «не начинать холодной войны» [431]. При этом своими действиями и заявлениями Запад давал понять Киеву, что украинские власти могут рассчитывать на моральную и материальную поддержку США и НАТО. В результате в регионе еще быстрее стала нарастать конфронтация.

В складывавшейся ситуации 7 декабря 2021 г. В. В. Путин и Дж. Байден в закрытом формате по видеосвязи обсудили текущие аспекты развития российско-американских отношений, в том числе проблемы украинского

урегулирования. Как известно, в ходе переговоров президент РФ заявил о существовании «красных линий», имея в виду продвижение НАТО на Восток и размещение на украинской территории и территории иных сопредельных с Россией государств систем оружия, представляющих угрозу российской безопасности, а также о необходимости предоставления Западом Москве гарантий не расширения Североатлантического альянса на Восток. Однако, по словам пресс-секретаря российского президента Д. С. Пескова, Дж. Байден заявил о своей неготовности признавать очерченные В. В. Путиным красные линии [158].

Тем не менее спустя неделю Москва представила Западу свои инициативы по снижению напряженности в Европе. Они включали возобновление диалога между оборонными ведомствами по линиям Россия – США и Россия – НАТО, а также требование юридического закрепления договоренности о неразмещении членами альянса ударных систем вооружений, создающих угрозу РФ, на территории соседних с ней стран, вне зависимости от их членства в блоке. Это был императив, от которого Москва отказываться не собиралась [459].

Москва рассчитывала на достаточно быстрый результат на переговорах о гарантиях безопасности с США и НАТО. По словам С. А. Рябкова, срочная потребность в запуске переговорного процесса возникла из-за резкого изменения ситуации в сфере региональной безопасности [193].

Однако обсуждение с американцами в январе 2022 г. проблем региональной безопасности показало, что у Вашингтона отсутствовало понимание императивности их решения в устраивающем Россию ключе. Ведь, У. Шерман, возглавлявшая американскую делегацию на переговорах, заявила, что США не могут согласиться с российским требованием об ограничении на прием в альянс новых членов. И подчеркнула: «Мы никому не позволим прекратить политику открытых дверей в НАТО, которая всегда была центральной для альянса» [459]. В результате Москва пришла к выводу, что серьезные переговоры с Западом невозможны. С российской точки зрения, политика «открытых дверей НАТО» противоречит базовым обязательствам, принятым в рамках СБСЕ/ОБСЕ, прежде всего обязательству «не укреплять свою безопасность за счет безопасности других» [404].

В феврале 2022 г. Москва еще раз призвала США и НАТО вернуться к выполнению международных обязательств в сфере поддержания мира и безопасности [404]. Однако американцы не захотели услышать российские тревоги, что привело к началу специальной военной операции на Украине.

В условиях СВО альянс активизировал поддержку Украины, начав интенсивные поставки вооружений, обучение украинских военнослужащих и посыл своих военных советников. Тем самым НАТО, по сути, ввязалась в вооруженный конфликт с Россией. На мадридском саммите НАТО 28–30 июня 2022 г., где была утверждена новая Стратегическая концепция блока, Россию назвали «самой существенной и прямой угрозой безопасности государств-членов Альянса, а также миру и стабильности на Евроатлантическом пространстве» [585].

В свою очередь, в России НАТО также воспринимается как угроза национальной безопасности страны. Как справедливо отметил в октябре 2023 г. В. В. Путин, «НАТО на самом деле это прежде всего инструмент внешней политики США. Вот они спровоцировали конфликт до острой фазы на Украине, объединили вокруг себя своих союзников и сателлитов на самом деле, потребовали от них принять меры в борьбе с Россией. Те пошли на принятие этих мер, и сразу Соединенные Штаты воспользовались этой ситуацией в экономической сфере, навязали свои энергоносители дорогие, приняли у себя решения, связанные с повышением привлекательности своей экономики и своих рынков» [201].

Итак, фактор НАТО оставался одним из ведущих раздражителей в российско-американских отношениях. Попытки РФ наладить конструктивное взаимодействие с альянсом успеха не имели. США предпочитали не слышать российских доводов и аргументов, касавшихся обеспечения региональной безопасности. В результате непонимания сторонами друг друга между Россией и США стали накапливаться противоречия, вылившиеся после начала украинского кризиса в прямую конфронтацию. Продолжение игнорирования Западом российских требований национальной безопасности привело к эскалации напряженности. В итоге Москва была вынуждена начать специальную военную операцию на Украине, которая стала полем битвы в прокси-войне между Россией и НАТО.

Таким образом, в 2010-е – первой половине 2020-х гг. наблюдалась эрозия систем международной и региональной безопасности. Российская сторона была готова вести содержательный диалог по каждой конкретной проблеме, а не просто обмениваться взаимными упреками и обвинениями или пытаться, как американцы, навязать односторонние решения. Однако Москва наталкивалась на непонимание Вашингтона. Американский истеблишмент стремился заставить Россию принять западные правила игры в мировой политике. Несогласие российского руководства с подобной моделью поведения и деструктивная позиция США вели к усилению противоречий между двумя странами. В силу чего, очевидно, что на данном этапе шансы на заключение каких-либо договоренностей равняются нулю, и это, к сожалению, негативно влияет на стратегическую стабильность и региональную безопасность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории внешней политики посткоммунистической России Соединенные Штаты Америки традиционно занимают одно из центральных мест. За прошедшие три десятилетия с момента окончания Холодной войны российско-американские отношения проделали зигзагообразный путь от стадии «дружбы и партнерства» вновь к состоянию конфронтации.

После распада СССР Россия в качестве его правопреемницы сохранила внешние атрибуты великой державы. Однако в условиях кризиса российской государственности она утратила свое место на мировой арене. Основная причина этого – субъективный фактор. В начале 1990-х гг. руководство страны взяло курс на сближение с Западом, который привел к РФ к зависимому положению от США. Дело в том, что российская элита сформировала завышенные ожидания от развития взаимодействия с Соединенными Штатами. Для российских демократов, оказавшихся у власти, Америка казалась эталоном успешного современного государства. Поэтому Москва с легкостью приняла принципы Вашингтонского консенсуса. Российское руководство хотело сделать Россию страной, похожей на Соединенные Штаты, решившись на радикальные рыночные реформы по западным рецептам.

В первой половине 1990-х гг. РФ признала западный миропорядок, стремясь действовать по установленным американцами правилам. А отношения с США стали наиболее приоритетными и чуть ли не определяющими во внешнеполитической деятельности России. Москва надеялась на развитие «стратегического партнерства» с Вашингтоном. При этом у российского руководства не было четкого видения роли и места страны на мировой арене. Если президент Б. Н. Ельцин предпочитал мыслить глобальными категориями, мечтая о совместном российско-американском управлении постбиполярным миропорядком, то министр иностранных дел А. В. Козырев был готов видеть РФ в одном ряду с Францией или Канадой. Отсутствие четкой линии поведения на американском направлении приводило к внешнеполитическим ошибкам и международным провалам.

Ельцинский режим использовал российско-американское «стратегическое партнерство» не только во внешнеполитических целях, но и в качестве одного из инструментов внутривнутриполитической борьбы с коммунистами и националистами, стоявшими на антиамериканских позициях. Кремль надеялся, что взаимовыгодное сотрудничество с Вашингтоном поможет стране выйти из системного кризиса, что позволит Б. Н. Ельцину и его сторонникам укрепить свои позиции внутри РФ.

Надеясь на американскую помощь, российское руководство одновременно настаивало на равных отношениях с Америкой. Разумеется, ожидать от Соединенных Штатов подобного отношения в условиях ослабления российского государства было верхом наивности со стороны Москвы. Вашингтон был готов помогать России лишь настолько, насколько это отвечало американским интересам.

По факту в 1990-е гг. РФ практически ничего не получила из обещанного американцами. Представители американской элиты смотрели на Россию как на побежденного врага. Этим и объяснялось отношение Вашингтона к ельцинской России. Тем самым США упустили возможность ее вовлечения в западный мир, куда стремились многие россияне в 1990-е гг. Вместо этого за фальшивыми заверениями российского руководства в «дружбе» Вашингтон по максимуму воспользовался слабостью Москвы для усиления своего доминирования на международной арене. Это не могло не вызвать возмущения и раздражения значительной части политической элиты РФ, не считавшей себя проигравшей в Холодной войне стороной. Однако на Западе России дали понять, что ее полномасштабная интеграция в западные структуры невозможна.

В результате с середины 1990-х гг. в РФ стали усиливаться антиамериканские настроения, а российское руководство начало более активно выражать свое несогласие с действиями США. Во многом это было связано с приходом в МИД Е. М. Примакова, который выступал за построение многополярного мира и достойное место России в нем. Однако в большинстве случаев Москва ограничивалась лишь публичной демонстрацией излишне эмоциональной реакции на действия США на международной арене. На большее российское руководство во второй половине 1990-х гг. было неспособно. У страны не хватало геополитической мощи. Тем более что сам Б. Н. Ельцин продолжал придерживаться прозападной ориентации. Поэтому важнейшие внешнеполитические задачи РФ по всей повестке российско-американских отношений так и не были решены. На протяжении второго президентства Б. Н. Ельцина Россия продолжала терять остатки своего бывшего мирового могущества.

В целом в ельцинскую эпоху для российской модели взаимодействия с Соединенными Штатами были характерны следующие признаки: дипломатический диалог; невероятные односторонние уступки в пользу Вашингтона по наиболее актуальным проблемам, постепенно сменившиеся попытками отстаивания своих национальных интересов, что привело к появлению противоречий между Москвой и Вашингтоном; дружественная риторика со стороны высшего руководства страны; антиамериканская позиция большинства парламентариев и оппозиции; поступательное усиление антиамериканизма среди общественности.

К моменту прихода в Кремль В. В. Путина российско-американские отношения находились в кризисе в связи с неоправдавшимися надеждами сторон в отношении друг друга. Однако в начале 2000-х гг. российское руководство предприняло новую попытку сближения с Западом на основе борьбы с общим врагом – международным терроризмом. В. В. Путин предложил руководству Соединенных Штатов полномасштабное сотрудничество. Россия ценой определенных уступок попыталась выстроить с США по-настоящему партнерские отношения, устранив из них фактор недоверия. Однако выстроить конструктивное взаимодействие с Вашингтоном Москва так и не смогла. Наличие общего врага в лице международного терроризма лишь на время отодвинуло на задний план имевшиеся между двумя державами противоречия. Интенсивный диалог лидеров двух держав не приносил российской стороне ощутимых результатов на практике. Стремление американских неоконсерваторов утвердить

однополярный миропорядок привело к дальнейшему росту противоречий между РФ и США. Былая эйфория от «дружбы» с Америкой у большинства российской элиты и населения сменилась разочарованием и усилением антиамериканизма в стране. Многие россияне во всех бедах и проблемах стали усматривать происки так называемого «Вашингтонского обкома». С помощью различных средств пропаганды антиамериканские настроения получили довольно широкое распространение в российском обществе.

Возвращавшаяся в большую мировую политику Россия начала предпринимать попытки противодействия США по всем направлениям как внутри страны, так и за ее пределами. Путинская Россия стала настаивать на признании себя великой державой на международной арене с тысячелетней самобытной историей, которая сама формирует свою внешнюю политику без кого-либо давления и вмешательства во внутренние дела со стороны.

Американский истеблишмент видел Россию совсем иначе. США не отказались от идеи навязать ей свои правила поведения. Из этого и вытекали фундаментальные противоречия, недопонимание друг друга, недоверие и обиды. Отражением нараставших между двумя державами противоречий и расхождений по всей повестке российско-американских отношений стала путинская речь на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 г. Его слова послужили сигналом Западу о том, что РФ более не намерена играть по американским правилам и «напрашиваться» на сотрудничество, если американцы не проявляют к нему искреннего интереса. Вашингтон расценил речь президента России как проявление ревизионистских настроений.

Однако в 2000-е гг. Москва не располагала широким арсеналом внешнеполитических инструментов, кроме статуса постоянного члена СБ ООН и ядерного оружия, для нивелирования действий Вашингтона. Российская дипломатия далеко не всегда могла в военно-политическом ключе достаточно эффективно в диалоге с американцами отстаивать национальные интересы страны. Соединенные Штаты продолжили проводить прежнюю линию на российском направлении, что двусторонние отношения на низшую точку их развития за последние двадцать лет.

В годы президентства Д. А. Медведева внешняя политика России на американском направлении по-прежнему носила реагирующий характер на действия Соединенных Штатов. При этом Москва неоднократно подчеркивала свою готовность к развитию равноправных конструктивных российско-американских отношений. Однако их временное улучшение в большей степени зависело от Вашингтона. Именно необходимость администрации Обамы в налаживании взаимодействия с РФ для решения стоящих перед США проблем мировой повестки привела к так называемой «перезагрузке». Данный период российско-американских отношений оказался наполненным рядом позитивных для Москвы результатов. Но, к сожалению, наличие ряда глубинных противоречий, лежащих в их основе, спустя несколько лет более-менее конструктивного взаимодействия вновь привело к нагнетанию атмосферы противостояния Вашингтона и Москвы. По сути, «перезагрузка» по целому ряду причин оказалась изначально обречена на неудачу. Экзистенциальные противоречия

между двумя державами оказались неподвластны конъюнктурным веяниям, возобладавшими в политических кругах США в конце 2000-х гг., когда команда Обамы пыталась преодолеть негативное внешнеполитическое наследие администрации Буша-мл., в том числе и за счет улучшения отношений с РФ.

Возвращение В. В. Путина в Кремль привело к изменению линии поведения России на американском направлении. В годы его третьего президентства Москва продолжала выступать за равноправное и конструктивное сотрудничество с США, исходя из ключевого влияния российско-американских отношений на международную ситуацию. В 2012–2018 гг. Кремлю приходилось иметь дело с администрациями Обамы и Трампа. Как и прежде, Россия реагировала на действия Соединенных Штатов. На протяжении шести лет двустороннее взаимодействие шло по нисходящей линии. Между Москвой и Вашингтоном наблюдалось полное взаимонепонимание практически по всем вопросам двусторонней и многосторонней повесток. Причиной российско-американской конфронтации была жесткая позиция руководства РФ в отстаивании национальных интересов страны. В отличие от России, избравшей прагматичный реализм в качестве основы своей внешней политики и руководствовавшейся на мировой арене принципами международного права, Соединенные Штаты перешли на идеологические позиции, поставив во главу угла достижение неких идеалов, и попытались заставить всех остальных участников международного сообщества играть по американским правилам.

В годы четвертого президентства В. В. Путина Москва продолжала выступать за выстраивание межгосударственных связей РФ с США на основе взаимного уважения. Однако по вине Вашингтона атмосфера двусторонних отношений продолжала ухудшаться по причине русофобских настроений американской элиты. Президент Д. Трамп, несмотря на все свои заявления о необходимости их улучшения, так и не смог этого сделать. Более того в 2018–2020 гг. они продолжали ухудшаться.

Приход к власти администрации Байдена не изменил данную негативную тенденцию. Среди ее членов оказалось достаточно русофобов, мечтающих нанести стратегическое поражение России. Предпринятые в 2021 г. попытки путем переговоров добиться конструктивного решения накопившихся между Москвой и Вашингтоном проблем к успеху не привели. Американцы стремились заставить россиян играть по американским правилам, но из этого ничего не получилось. К середине 2010-х гг. в Соединенных Штатах все больше стало проявляться осознание того факта, что РФ не собирается реформативаться под американское видение миропорядка. Поэтому американцы решили приложить усилия для трансформации политического режима в России. В ответ на подобные внешнеполитические шаги США Россия стала действовать асимметрично, расчетливо и зачастую довольно успешно. Одним из таких примеров стала специальная военная операция на Украине, за которой сегодня наблюдает весь мир, поскольку РФ своими действиями трансформирует постбиполярный миропорядок. На наших глазах формируется полицентричный мир, в котором Россия претендует на роль одного из заметных геополитических игроков.

В постбиполярный период одними из наиболее сильных раздражителей в российско-американских отношениях были противоречия по региональным проблемам. Сотрудничество двух держав по их разрешению могло придать формирующемуся миропорядку устойчивость и предсказуемость, особенно там, где интересы Москвы и Вашингтона более-менее совпадали. Однако, как правило, исходя из прямо противоположного понимания сущности мирового порядка, Москва и Вашингтон, расходятся практически во всем, что касается урегулирования кризисов и конфликтов на нашей планете. Они придерживаются принципиально разных подходов и методов к решению кризисных ситуаций. Это результат кардинально отличающихся взглядов на мироустройство и роль лидерства. Если Москва традиционно выступала против однополярного миропорядка, то в Вашингтоне не рассматривали Россию в качестве равной державы и не воспринимали российские интересы. При этом постепенно действия российского руководства стали вызывать все большее раздражение американского истеблишмента.

Первые региональные противоречия у России и США проявились на Балканах. В Боснийском конфликте Москва выступила на стороне православных сербов, тогда как Вашингтон симпатизировал их противникам. Однако РФ не смогла защитить «сербских братьев». В первой половине 1990-х гг. российское руководство, предпринимая те или иные шаги на Балканах, всегда ориентировалось на Вашингтон, что свидетельствовало об отсутствии самостоятельной линии во внешней политике. Соединенные Штаты навязывали Москве свое видение развития ситуации в балканском регионе. В большинстве случаев российские власти шли на уступки американцам, что вызывало справедливые нарекания в адрес исполнительной власти страны со стороны российской оппозиции, занимавшей антизападные позиции.

В середине 1990-х гг. российская дипломатия записала себе в актив заслугу в прекращении Боснийского конфликта, хотя, очевидно, что ведущую роль в заключении Дейтонских соглашений сыграли американцы.

Серьезно подорвал доверие в российско-американских отношениях Косовский кризис 1998–1999 гг. Москва и Вашингтон кардинально разошлись относительно путей его урегулирования. Если россияне настаивали исключительно на дипломатических методах, то американцы искали предлоги для использования силы против сербов. Неудивительно, что агрессия НАТО против Югославии вызвала всплеск антиамериканских настроений в России, которые были вынуждены учитывать прозападно настроенные представители высшего руководства страны, в том числе и сам Б. Н. Ельцин. Запад грубо нарушил принципы международного права, на которых строилась Ялтинско-Потсдамская система международных отношений. В действиях Вашингтона Москва увидела стремление США к ее слому при полном игнорировании позиции РФ. Символами несогласия России стали примаковский разворот над Атлантикой и марш-бросок российских десантников из Боснии на прищтинский аэродром. Примером же сглаживания возникших российско-западных разногласий со стороны Кремля стала посредническая миссия В. С. Черномырдина.

В XXI веке острота балканской проблемы в российско-американских отношениях снизилась. Тем не менее разногласия между Москвой и Вашингтоном на Балканах, в том числе и относительно статуса Косово, сохранились.

Следующим регионом, находившимся в переговорной повестке российско-американских отношений, был Ближний Восток, имевший ряд острых конфликтов, требовавших своего решения.

В 1990-е – первой половине 2000-х гг. противоречия между Москвой и Вашингтоном касались, прежде всего, ситуации вокруг Ирака. Российская сторона последовательно выступала за политико-дипломатическое урегулирование иракской проблемы на основе резолюций СБ ООН. Соединенные Штаты придерживались силового варианта в отношении режима С. Хусейна. Несовпадение позиций РФ и США приводило к нарастанию противоречий между ними. Дипломатические усилия Москвы имели временное действие. В декабре 1998 г. американцы осуществили операцию «Пустынный лис», в ходе которой подвергли ракетно-бомбовым ударам иракскую территорию. Реакция России была резкой и однозначной, однако Соединенные Штаты, по сути, проигнорировали российскую позицию и продолжили свою внешнеполитическую линию в отношении Ирака.

После прихода к власти администрации Буша-мл. иракская проблема в российско-американских отношениях приобрела еще большую остроту. Москва продолжала выступать исключительно за ее дипломатическое урегулирование. Вашингтон же был нацелен на силовой сценарий в отношении Багдада. В результате 20 марта 2003 г. администрация Буша-мл. начала военную операцию «Иракская свобода». Российское руководство публично осудило поведение Соединенных Штатов. Иракская авантюра неоконсерваторов подвела черту под краткосрочным периодом российско-американского сближения на фоне борьбы с международным терроризмом. Однако идти на прямую конфронтацию с США из-за Ирака Москва не собиралась. Свержение режима С. Хусейна по сути сняло иракскую проблему с двусторонней повестки. Хотя американское поведение стало очередным доказательством разных подходов сторон к пониманию сущности миропорядка.

После событий 11 сентября 2001 г. РФ и США пошли на сближение друг с другом под влиянием борьбы с международным терроризмом. Москва поддержала действия Вашингтона в Афганистане, будучи заинтересованной в нанесении поражения террористам и поддерживавшим их талибам. Успех Запада в антитеррористической операции значительно снижал уровень террористической угрозы южным рубежам страны. Российская сторона оказывала содействие США и НАТО в Афганистане. Однако со временем Москва стала разочаровываться в американской политике в данном регионе, поскольку стабилизации ситуации не произошло. Американцы вместо борьбы с терроризмом стали пытаться усилить свои геополитические позиции, что вызвало сожаление у РФ.

В начале 2010-х гг. Ближний Восток оказался в условиях «арабской весны». В России получили известность различные оценки причастности Соединенных Штатов к ближневосточным событиям. В любом случае наибольшее вмешательство американцев наблюдалось в Ливии и Сирии. Именно западный фактор стал определяющим при свержении режима Каддафи. Действия

Запада стали возможны благодаря своеобразной трактовке решений СБ ООН, что создало у Москвы ощущение обмана. Именно этот факт заставил российское руководство занять твердую позицию по поддержке Сирии. В 2010-е гг. сирийский кризис стал серьезным раздражителем в российско-американских отношениях. В Сирии Москва и Вашингтон преследовали противоположные цели и по-разному видели пути разрешения сирийского кризиса. Конфликт интересов сторон развивался по пути эскалации. Если американцы пытались свергнуть режим Асада, то РФ настаивала на соблюдении принципов и норм международного права. Действия обеих сторон в САР стали попытками формирования противоположных моделей мироустройства – полицентричного и западноцентричного. В Сирии Россия продемонстрировала всему международному сообществу свою изменившуюся роль в глобальной политике. Поддержав Дамаск, Москва получила в лице САР ценный геополитический актив в противостоянии с Западом.

Очевидно, что окончательное урегулирование сирийского кризиса невозможно без участия США и РФ. Однако сегодня Москва и Вашингтон являются основными антагонистами, что не позволяет им договориться.

Для России особое место занимают противоречия с США, касающиеся постсоветского пространства. В 1990-е гг. политика РФ в регионе во многом зависела от взаимоотношений с Соединенными Штатами. Москва ожидала, что американцы не будут посягать на сферу российского влияния на постсоветском пространстве. Однако постепенно к российскому руководству пришло осознание, что Вашингтон не готов учитывать интересы Москвы, а данный регион превращается в сферу геополитического соперничества.

В 2000-е гг. постсоветское пространство становится ареной жесткого геополитического противоборства России и США. К этому времени Вашингтон смог усилить свои позиции в ряде новых независимых государств. Несколько постсоветских стран оказалось под внешним управлением со стороны Америки, в том числе в результате цветных революций. Это вызвало ответную реакцию Москвы, которая увидела в них угрозу своим национальным интересам. Однако, когда Россия попыталась вернуть свое влияние в регионе, она натолкнулась на серьезное противодействие со стороны Запада. Кроме того, на руку Соединенным Штатам играло и то, что многие представители политических элит ННГ испытывали недовольство российской политикой в отношении их стран и были не прочь установить более тесные отношения с Америкой. Одним из эффективных инструментов продвижения американских интересов стали цветные революции, с помощью которых американцы окончательно переориентировали Грузию и Украину на себя.

В 2010-е гг. Москва активизировала свои действия на постсоветском пространстве, выдвинув идею евразийской интеграции. Проектируя Евразийский союз, Кремль особо рассчитывал на участие в нем Украины. Однако политика лавирования Киева между Западом и Россией привела к государственному перевороту, окончательной переориентации страны на США и ЕС и российско-украинскому конфликту. Тем самым в американской орбите влияния оказались Украина, Грузия, Молдова, частично Азербайджан, Армения и

Узбекистан. На Россию ориентируются члены ЕАЭС (Беларусь, Казахстан, Киргизия, до 2018 г. Армения), а также Таджикистан, что подтверждает геополитическую фрагментацию постсоветского пространства и делает его источником нестабильности.

Свидетельством этому являются этнополитические конфликты в Закавказье, Центральной Азии, Приднестровье и Украине. Своими решительными действиями в ответ на авантюру режима Саакашвили в августе 2008 г. Россия впервые продемонстрировала США, что более не собирается ограничиваться только публичной риторикой в отстаивании своих национальных интересов, но и готова на применение силы. Пятидневная война стала первым серьезным шагом Москвы по ревизии американоцентричного миропорядка.

Однако наибольшую остроту в российско-американских отношениях приобрел украинский кризис. Уже десять лет они находятся в конфронтационном состоянии, напоминая худшие времена Холодной войны. Украинский кризис обнажил всю глубину имеющихся противоречий между Россией и США. События на Украине стали мощным катализатором стремительного ухудшения российско-американских отношений. Именно диаметрально противоположные подходы РФ и Запада к решению украинского кризиса существенно изменили международную ситуацию, обострив и без того уже сложные отношения между Москвой и Вашингтоном. Для Российской Федерации происходящее на Украине стало экзистенциальным вызовом. В результате Соединенные Штаты вынудили Россию начать СВО. Украина стала полем битвы между РФ и Западом. Представляется, что затягивая российско-украинский конфликт, Соединенные Штаты надеются ослабить и изолировать РФ, чтобы она перестала претендовать на роль великой державы. Тем самым сегодня на Украине во многом решается судьба будущего мироустройства.

Одной из важных составляющих российско-американских отношений была проблема сохранения стратегической стабильности, которая включала в себя ряд вопросов: сокращение стратегических наступательных вооружений, противоракетная оборона, нераспространение ОМУ, кибербезопасность.

На протяжении трех последних десятилетий Россия и США вели диалог относительно сокращения стратегических наступательных вооружений, что нашло свое отражение в заключении целого ряда договоренностей, в том числе договоров – СНВ-1, СНВ-2 и СНВ-3. Вашингтон и Москва были заинтересованы в завершении дорогостоящей гонки вооружений и поступательного снижения своих огромных ядерных арсеналов, накопленных за годы Холодной войны. В постбиполярный период обе стороны в своей оборонной стратегии стали руководствоваться принципом «ядерной достаточности», что позволяло значительно снизить уровни стратегических ядерных сил. Понимание данного факта привело к подписанию договоров о сокращении стратегических наступательных вооружений. При этом Москва и Вашингтон нередко придерживались различных путей и методов решения данной проблемы. Обе стороны по-прежнему не доверяли друг другу, рассматривая партнера по переговорам в качестве потенциального противника и делая ставку на стратегию ядерного сдерживания. К тому же в российских и американских военно-политических

кругах хватало противников разоружения, что тормозило данный процесс. Поэтому успехи в сфере стратегического разоружения случались в периоды российско-американского сближения, а неудачи – в годы похолодания. С середины 2010-х гг. процесс сокращения наступательных вооружений оказался в кризисе. Несмотря на продление на пять лет в 2021 г. администрацией Байдена действия Договора СНВ-3, за что всегда выступала РФ, стратегическая стабильность оказалась в зоне риска. Намерение коллективного Запада нанести России стратегическое поражение вынудило российское руководство пойти на приостановку участия страны в Договоре СНВ-3, что является вполне оправданным решением, поскольку проблемы сокращения стратегических наступательных вооружений не могут быть оторваны от других проблем обеспечения национальной безопасности России.

Одной из главных причин кризиса в сфере стратегической безопасности стали односторонние шаги Вашингтона по созданию противоракетной обороны. Москва осудила выход администрации Буша-мл. из Договора по ПРО, считая его одним из краеугольных элементов системы стратегической стабильности. Россия справедливо рассматривала развертывание американцами систем противоракетной обороны в качестве угрозы своей национальной безопасности и дестабилизирующим фактором процесса разоружения, ведущим к гонке вооружений. К сожалению, позиция американской стороны не позволила РФ и США достичь взаимоприемлемого компромисса по проблеме ПРО. Нарастание конфронтации в российско-американских отношениях после начала украинского кризиса окончательно свернуло их диалог в сфере противоракетной обороны.

Начиная с конца 1990-х гг., в переговорной повестке российско-американских отношений оказалась проблема соблюдения сторонами ДРСМД. По мере нарастания противоречий между Россией и Соединенными Штатами обоюдные обвинения в нарушении положений договора лишь усилились, достигнув пика в 2010-е гг. Несомненно, что, исходя из географического фактора, наибольшую пользу от действия ДРСМД имела РФ, а не США. Несмотря на данный факт, периодически российская сторона намекала американцам на возможность выхода из договора. Однако подобные заявления выступали всего лишь средством политико-дипломатического давления на Вашингтон в переговорном процессе по проблеме стратегической стабильности. Подтверждением стала реакция Москвы на попытки Соединенных Штатов обойти договор, а затем на их выход из него, что было расценено как шаг к слому системы региональной безопасности.

На протяжении трех десятилетий в российско-американской переговорной повестке заметное место занимала проблема нераспространения ядерного оружия. В первую очередь, внимание Москвы и Вашингтона было приковано к решению корейской и иранской ядерной проблемы.

В 1990-е гг. политическое сближение РФ и США предоставило им широкие возможности для конструктивного сотрудничества в сфере нераспространения ОМУ. И в Москве, и в Вашингтоне понимали, что появление новых ядерных держав чревато дестабилизацией военно-политической обстановки в мире. Так, при обсуждении с американскими представителями в ООН и на двусторонних

переговорах корейской проблемы Россия всегда выступала за денуклеаризацию Корейского полуострова. При этом Москва придерживалась точки зрения об исключительно дипломатическом урегулировании данной проблемы на основе принципов и норм международного права. В подобном плане российское руководство, заинтересованное в соблюдении режима нераспространения ОМУ, не поддерживало намерений Вашингтона оказывать жесткое силовое давление на КНДР. По мнению Москвы, решение северокорейской ядерной проблемы возможно только путем предоставления великими державами Пхеньяну политических гарантий безопасности в рамках норм международного права. Поэтому действовать для ее урегулирования необходимо исключительно дипломатическими, а не силовыми, как привык Вашингтон, методами.

На протяжении тридцати лет одной из актуальных международных проблем в повестке российско-американского переговорного процесса является Иран. Иранский ядерный узел стал еще одним «вектором напряженности» для международного сообщества, которое опасается, что Тегеран рано или поздно может пойти по корейскому пути и обзавестись ядерным оружием.

С 1990-х гг. набирает обороты российско-иранское сотрудничество, в том числе и в сфере мирного атома, что вызывает недовольство американцев, усматривающих в действиях Тегерана стремление обзавестись ядерным оружием. Поэтому в ельцинский период Москва была вынуждена идти на уступки Вашингтону даже в ущерб своим экономическим интересам. В 2000-е гг. на фоне усиливавшегося давления Запада на ИРИ наблюдалась постепенная активизация российско-иранского взаимодействия. Администрация Буша-мл. играла на обострение проблемы, тогда как Москва выступала за ее дипломатическое урегулирование. Обе державы были заинтересованы в соблюдении Ираном режима нераспространения ОМУ, однако нередко по-разному видели пути решения иранской ядерной программы.

В первой половине 2010-х гг. РФ и США совместно с другими заинтересованными участниками международного сообщества принимали участие в подготовке «ядерной сделки» с ИРИ. В результате в 2015 г. приняли СВПД, который должен был привести к дипломатическому решению иранской ядерной программы, что отвечало интересам, как Москвы, так и Вашингтона. Однако в 2018 г. администрация Трампа вышла из договоренностей, ужесточив санкционный режим против Тегерана. РФ осудила поведение американцев, считая, что своими действиями Соединенные Штаты сами разрушают режим нераспространения, толкая иранцев на его нарушения. Поэтому иранская ядерная программа до сих пор остается неразрешенной. Сегодня в условиях российско-западной конфронтации для России ядерная сделка уже не является одной из приоритетных международных тем. Во внешнеполитической повестке страны все большее место занимает проблема динамичного развития российско-иранских отношений. Хотя, конечно, это не означает, что РФ заинтересована в приобретении Тегераном ядерного оружия.

Стремительное развитие информационных технологий в конце XX – первой четверти XXI в. привело к появлению новой среды сотрудничества и соперничества. Попытки России наладить диалог с США в сфере

кибербезопасности практически всегда заканчивались неудачей. Причиной служила неконструктивная позиция Вашингтона, пытавшегося диктовать Москве свои условия. Единичные примеры взаимодействия сторон в конечном итоге становились жертвами русофобского курса Соединенных Штатов.

В постбиполярный период одним из ведущих раздражителей для России стал фактор НАТО. В целом Москва всегда была против расширения блока, поскольку воспринимала его как угрозу своей национальной безопасности. У российского руководства имелись все основания считать подобным образом. Ведь, несмотря на все разговоры в Брюсселе о трансформации Североатлантического альянса, он оставался именно военно-политическим блоком. В Москве понимали, что НАТО является внешнеполитическим инструментом Вашингтона в Евразии, поэтому приближение его инфраструктуры к границам страны несет для РФ серьезную угрозу. Правда, в 1990-е – начале 2000-х гг. российская политика в отношении НАТО впадала в крайности: от категорического отказа принять расширение альянса до публичных заявлений о возможном вступлении в него самой России. К тому же до конца 1990-х гг. у российского истеблишмента не было консолидированной позиции по проблеме расширения НАТО. Москва попыталась достичь с Западом компромиссного решения, чтобы минимизировать свой ущерб от продвижения блока на Восток. Однако, как показало время, заключенные договоренности носили временный характер и не сняли с повестки дня рисков для национальной безопасности России.

Попытки Москвы наладить конструктивное взаимодействие с НАТО не увенчались успехом. Коллективный Запад шел на сотрудничество с РФ только там, где это было ему выгодно, как, например, в случае с Афганистаном. В остальном же Вашингтон предпочитал не слышать российских доводов и аргументов, касавшихся в том числе и обеспечения национальной безопасности. В результате непонимания сторонами друг друга между Россией и США стали стремительно накапливаться противоречия, вылившиеся после начала украинского кризиса в прямую нарастающую конфронтацию. Игнорирование Западом российских требований национальной безопасности привело к началу специальной военной операции на Украине, которая сегодня стала полем битвы в прокси-войне между РФ и НАТО.

В целом следует подчеркнуть, что Москва постоянно проявляла готовность к равноправному и конструктивному диалогу с Вашингтоном. Однако Соединенные Штаты, по сути, игнорировали российские предложения, стремясь навязать России свои правила поведения. Поэтому Москва была вынуждена предпринимать ответные шаги как зеркального, так и асимметричного характера. Это привело к нарастанию противоречий между ними, которые завершились прямой конфронтацией. Коллективный Запад увидел вызов со стороны России, которая выступает за утверждение полицентричного мира, с чем категорически не соглашается Вашингтон.

Представляется, что на протяжении обозримого будущего российско-американские отношения будут оставаться в конфронтационном состоянии в силу наличия принципиальной несовместимости базовых ценностей друг друга и кардинальных расхождений по самой широкой повестке мировой политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. XXI век: перекрестки мировой политики / В. И. Анненков [и др.] ; отв. ред. М. А. Неймарк. – М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2014. – 424 с.
2. 30 лет ЛДПР. Отчет о работе фракции ЛДПР в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. – М. : Издание Государственной Думы, 2020. – 160 с.
3. 4701-е заседание Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. 5 февраля 2003 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N03/236/02/PDF/N0323602.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 21.07.2022.
4. 8228-е заседание Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. 10 апреля 2018 г. Предварительный отчет (S/PV.8228) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N18/101/89/PDF/N1810189.pdf>. – Дата доступа: 21.07.2022.
5. Адамишин, А. Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки / А. Л. Адамишин. – М. : Весь Мир, 2016. – 448 с.
6. «Акт о демократии в Белоруссии» является частью беспрецедентной кампании давления Запада на эту страну – Кокошин [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 21.10.2004. – Режим доступа: <https://ria.ru/20041021/713348.html>. – Дата доступа: 07.12.2023.
7. Алексеева, Т. А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): политическая теория и международные отношения / Т. А. Алексеева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2018. – 623 с.
8. Альбац, Е. Д-р Фиона Хилл: русский след в американской мечте [Электронный ресурс] / Е. Альбац // The New Times. – 26.01.2022. – Режим доступа: <https://newtimes.ru/articles/detail/207902>. – Дата доступа: 17.02.2022.
9. Америка: взгляд из России. До и после 11 сентября. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2001. – 318 с.
10. Анашкина, Е. Б. Фактор постсоветского пространства в российско-американских отношениях [Электронный ресурс] / Е. Б. Анашкина // Россия и Америка в XXI веке : электронный научный журнал. – 2015. – № 3. – Режим доступа: <https://rusus.ru/?act=read&id=459>. – Дата доступа: 17.02.2020.
11. Андреев, Р. В. Антиамериканизм в современной России: общие тенденции и специфические черты / Р. В. Андреев // Вестник Пермского университета. Сер.: Политология. – 2011. – № 3 (15). – С. 99–106.
12. Антипова, А. Встреча Путина и Трампа на G20 в Осаке. Главное [Электронный ресурс] / А. Антипова // РБК. – 2019. – 28 июня. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/28/06/2019/5d15d6519a7947a262e1eafb>. – Дата доступа: 10.05.2021.
13. Антонов, А. И. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы / А. И. Антонов. – М. : РОССПЭН ; ПИР–Центр, 2012. – 245 с.
14. Антонович, И. И. США: «очевидная судьба» в неочевидном мире / И. И. Антонович. – Минск : Вышэйшая школа, 2020. – 303 с.
15. Арбатов, А. Безопасность: российский выбор / А. Арбатов. – М. : ЭПИцентр, 1999. – 528 с.

16. Арбатов, А. Г. Россия и Запад глазами друг друга [Электронный ресурс] / А. Г. Арбатов // ЯБЛОКО. – Режим доступа: <https://www.yabloko.ru/Publ/Articles/arbato-15.html>. – Дата доступа: 03.01.2023.
17. Арбатов, А. Г. Стратегическая стабильность – оружие и дипломатия / А. Г. Арбатов. – М. : Весь Мир, 2021. – 432 с.
18. Арбатов, А. Договор о ракетах средней дальности – 30 лет спустя / А. Арбатов // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61, № 9. – С. 5–15.
19. Арбатов, А. Контроль над ядерным оружием: конец истории? / А. Арбатов // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 5. – С. 5–18.
20. Арбатов, А. Россия – США – Евросоюз: проблемы ПРО и РСМД / А. Арбатов // Современная Европа. – 2008. – № 3. – С. 5–21.
21. Арбатов, А. Смена приоритетов для выхода из стратегического тупика / А. Арбатов // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 6. – С. 3–17.
22. Арбатов, А. Украина и реальная политика [Электронный ресурс] / А. Арбатов // Независимая газета. – 25.06.2014. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2014-06-25/5_ukraina.html. – Дата доступа: 17.02.2016.
23. Арбатов, А. Уравнение безопасности / А. Арбатов. – М. : РОДП «ЯБЛОКО», 2010. – 296 с.
24. Арбатов, А. Ядерные опасности новой эры: перспективы ядерного выбора России и США / А. Арбатов, С. Миллер. – М. : Весь Мир, 2021. – 80 с.
25. Арбатов, Г. А. Российско-американские отношения: проблемы и задачи / Г. А. Арбатов // США – экономика, политика, идеология. – 1994. – № 12. – С. 3–12.
26. Арбатова, Н. К. Национальные интересы и внешняя политика России: европейское направление (1991–1999) / Н. К. Арбатова. – М. : ИМЭМО, 2005. – 185 с.
27. Арель, Д. Украина выбирает запад, но без востока / Д. Арель // Pro et Contra. – 2005. – Зима. – Т. 9, № 1. – С. 39–51.
28. Арон, Л. США и Россия: отношения сквозь призму идеологий / Л. Арон // Россия в глобальной политике. – 2006. – Май – июнь. – Т. 4, № 3. – С. 44–61.
29. Артамонов, С. Через 4 года американская ПРО сможет блокировать ответный удар России [Электронный ресурс] / С. Артамонов // Свободная пресса. – 07.06.2011. – Режим доступа: <https://svpressa.ru/society/article/44300/>. – Дата доступа: 25.08.2022.
30. Бажанов, Е. П. Эволюция российской внешней политики в 90-е годы / Е. П. Бажанов // Дипломатический вестник. – 1997. – № 2. – С. 59–60.
31. Байден, Дж. Сдержанность обещания. В жизни и политике / Дж. Байден. – М. : Эксмо, 2021. – 544 с.
32. Байден заявил, что США никогда не признают Крым российским [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 26.02.2021. – Режим доступа: <https://ria.ru/20210226/bayden-1599132019.html>. – Дата доступа: 17.03.2021.
33. Балугев, Д. Г. Завоевание будущего: внешняя политика России на рубеже веков / Д. Г. Балугев. – Нижний Новгород : ИСИ ННГУ, 1999. – 122 с.
34. Барановский, В. Г. Международный ландшафт: эпоха перемен. Избранная аналитика / В. Г. Барановский. – М. : Весь Мир, 2021. – 720 с.
35. Барановский, В. Г. Региональное измерение международных отношений / В. Г. Барановский // Международные отношения: грани настоящего и будущего / под ред. И. С. Иванова [и др.]. – М. : НП РСМД, 2023. – С. 359–389.
36. Барановский, В. Косово. Российские интересы слишком значительны / В. Барановский // Международная жизнь. – 1999. – № 6. – С. 34–46.
37. Барсенков, А. С. Внешняя политика России на начальном этапе становления новой государственности (1991–1993) / А. С. Барсенков // Вестник Московского университета. Сер. 25, Международные отношения и мировая политика. – 2013. – № 4. – С. 75–105.

38. Барышев, А. П. Идеология и мировая политика / А. П. Барышев. – М. : ОГИ, 2015. – 1368 с.
39. Баталов, Э. Я. Любим ли мы Америку / Э. Я. Баталов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 2. – С. 18–32.
40. Баталов, Э. Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века / Э. Я. Баталов. – М. : Прогресс-традиция, 2010. – 622 с.
41. Баталов, Э. Я. Россия и США: соперники или соратники? Об опыте недавнего прошлого и возможных перспективах на будущее / Э. Я. Баталов, В. А. Кременюк // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 6. – С. 19–36.
42. Батюк, В. И. Американская политико-академическая элита о завершении конфликта на Украине [Электронный ресурс] / В. И. Батюк // Россия и Америка в XXI веке : электронный научный журнал. – 2024. – № 1. – Режим доступа: <https://rusus.jes.su/s207054760029795-1-1/>. – Дата доступа: 17.02.2024.
43. Батюк, В. И. Российско-американские отношения в 1990-е годы: итоги и уроки / В. И. Батюк // Политика. – 2000. – Лето. – № 2. – С. 134–147.
44. Батюк, В. И. Российско-американский диалог по региональным проблемам в XXI веке: итоги и перспективы / В. И. Батюк // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2009. – № 8. – С. 17–32.
45. Батюк, В. И. Трудное партнерство. Двусторонние режимы и институты в российско-американских отношениях после окончания «Холодной войны» / В. И. Батюк. – М. : Прометей, 2008. – 212 с.
46. Батюк, В. Механизмы Российско-Американского партнерства [Электронный ресурс] / В. Батюк // Международная жизнь. – 2010. – № 6. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/254>. – Дата доступа: 30.08.2018.
47. Батюк, В. Политика США на постсоветском пространстве после окончания холодной войны / В. Батюк // Международная жизнь. – 2011. – № 8. – С. 61–74.
48. Бахлова, О. В. Политика России и США на постсоветском пространстве как фактор управления интеграционными процессами в регионе / О. В. Бахлова // Социально-политические науки. – 2017. – № 3. – С. 7–11.
49. Бекбулатова, Т. «Единая Россия» не состоялась и не участвовала / Т. Бекбулатова, Е. Черненко // Коммерсантъ. – 22.09.2012. – № 178. – С. 1.
50. Белянинов, К. Российско-американским отношениям далеко до высшего уровня / К. Белянинов // Коммерсантъ. – 04.04.2011. – № 57/П. – С. 8.
51. Беседы о будущем, которого пока нет. Россия и мир в XXI веке / авт.-сост.: А. Г. Быстрицкий, М. Санаи. – М. : Вече, 2020. – 224 с.
52. Бешлосс, М. Р. На самом высоком уровне. Закулисная история окончания «холодной войны» / М. Р. Бешлосс, С. Тэлботт. – М. : АО «Все для вас», 1994. – 398 с.
53. Бёрнс, У. Невидимая сила. Как работает американская дипломатия / У. Бёрнс. – М. : Альпина Паблшер, 2020. – 688 с.
54. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М. : Международные отношения, 2005. – 256 с.
55. Бжезинский, З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / З. Бжезинский. – М. : Международные отношения, 2004. – 288 с.
56. Бжезинский, З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / З. Бжезинский. – М. : АСТ, 2013. – 288 с.
57. Бжезинский, З. Украинский шанс для России / З. Бжезинский. – М. : Алгоритм, 2015. – 240 с.
58. Блинкен и Лавров обсудили необходимость нового договора по контролю над вооружениями [Электронный режим] // Независимая газета. – 04.02.2021. – Режим доступа: <https://www.ng.ru/news/701703.html>. – Дата доступа: 25.03.2022.

59. Бло, И. Россия Путина / И. Бло. – М. : Книжный мир, 2016. – 240 с.
60. Блохин, К. В. Крестоносцы холодной войны. Американский неоконсерватизм: идеология и практика глобальной гегемонии / К. В. Блохин. – М. : Весь Мир, 2016. – 176 с.
61. Бовт, Г. Имперская политика бывает лишь во времена императоров / Г. Бовт // Коммерсантъ. – 13.09.1995. – № 168. – С. 3.
62. Бовт, Г. Кристофер считает, что Россия должна помочь себе сама [Электронный ресурс] / Г. Бовт, С. Цехмистренко // Коммерсантъ. – 23.10.1993. – № 204. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/62849>. – Дата доступа: 20.10.2023.
63. Богатуров, А. Д. Международные отношения и внешняя политика России / А. Д. Богатуров. – М. : Аспект Пресс, 2017. – 480 с.
64. Богатуров, А. Д. Очарование «внезапного союзничества» прошло [Электронный ресурс] / А. Д. Богатуров // Независимая газета. – 11.02.2005. – Режим доступа: https://www.ng.ru/politics/2005-02-11/2_usa.html. – Дата доступа: 12.02.2018.
65. Богатуров, А. После Империи: демократизм и державность во внешней политике России / А. Богатуров, М. Кожокин, К. Плешаков. – М. : РНФ, 1992. – 56 с.
66. Богатуров, А. Равновесие недоверия. Приоритеты России на фоне смены власти в США [Электронный ресурс] / А. Богатуров // Международные процессы. – 2009. – Сентябрь–Декабрь. – Т. 7, № 3. – Режим доступа: <http://intertrends.ru/old/twenty-first/004.htm>. – Дата доступа: 28.08.2018.
67. Богатуров, А. Три поколения внешнеполитических доктрин России / А. Богатуров // Международные процессы. – 2007. – Январь – Апрель. – Т. 5, № 1. – С. 54–69.
68. Богатуров, А. Эволюция доктринальных основ внешней политики России / А. Богатуров, О. Лебедева, А. Бобров // Международная жизнь. – 2022. – № 2. – С. 8–25.
69. Болтон считает, что политика Байдена лишь оттягивает поражение Украины [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 14.08.2023. – Режим доступа: <https://www.ng.ru/news/773941.html>. – Дата доступа: 15.08.2023.
70. Бом, М. Ошибка президента Путина / М. Бом. – М. : Алгоритм, 2015. – 240 с.
71. Бордачев, Т. Что такое «справедливый международный порядок»? [Электронный ресурс] / Т. Бордачев // РСМД. – 2023. – 28 июля. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/chto-takoe-spravedlivyy-mezhhdunarodnyy-poryadok/>. – Дата доступа: 25.08.2023.
72. Братерский, А. Россия и НАТО: как удержаться от войны [Электронный ресурс] / А. Братерский // Газета.ru. – 2019. – 22 июня. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2019/06/22_a_12434671.shtml. – Дата доступа: 08.07.2023.
73. Братерский, М. В. Американский и российский подходы к проблеме миротворчества: либеральная идеология против этатизма / М. В. Братерский // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2017. – № 2. – С. 39–51.
74. Братерский, М. В. Переход к конфронтации (отношения США – РФ) / М. В. Братерский, Д. В. Суслов // Запад – Восток – Россия 2014. Ежегодник / отв. ред.: В. Г. Хорос, Д. Б. Малышева. – М. : ИМЭМО РАН, 2015. – С. 43–49.
75. Братерский, М. В. Политика США в Средней Азии: итоги десятилетия / М. В. Братерский // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 9. – С. 55–64.
76. Братерский, М. Политика США в Центральной Азии и интересы России / М. Братерский // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – № 4. – С. 64–72.
77. Брейтвейт, Р. Горби. Крах советской империи / Р. Брейтвейт, Д. Мэтлок, С. Тэлботт. – М. : Родина, 2021. – 400 с.
78. Брифинг официального представителя МИД России А. К. Лукашевича, 9 июня 2011 г. [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской

Федерации. – 09.06.2011. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/1750251/. – Дата доступа: 22.04.2022.

79. Брифинг помощника Президента России Юрия Ушакова по итогам телефонного разговора Владимира Путина и Джозефа Байдена. 12 февраля 2022 года [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/catalog/countries/US/events/67761>. – Дата доступа: 08.10.2023.

80. Бричкина, Л. Иванов International [Электронный ресурс] / Л. Бричкина // Профиль. – 19.04.1999. – Режим доступа: <https://profile.ru/archive/ivanov-international-104604/>. – Дата доступа: 31.12.2021.

81. Брутенц, К. Н. Закат американской гегемонии / К. Н. Брутенц. – М. : Международные отношения, 2009. – 512 с.

82. Бубнова, Н. И. Военно-политический курс США во втором десятилетии XXI века / Н. И. Бубнова. – М. : Политическая энциклопедия, 2021. – 647 с.

83. Бубнова, Н. И. Российско-американские отношения в сфере контроля над вооружениями: выйти из клинча / Н. И. Бубнова // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 3 (54). – С. 161–178.

84. Бубнова, Н. И. Страновые стратегии «индивидуального покрова» в новой ядерной доктрине США / Н. И. Бубнова // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11, № 6. – С. 21–39.

85. Бубнова, Н. Охлаждение в российско-западных отношениях. Назад в будущее? / Н. Бубнова // Международные процессы. – 2015. – Октябрь-декабрь. – Т. 13, № 4. – С. 135–152.

86. Бужинский, Е. П. Ядерная политика США в XXI веке: преемственность и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа / Е. П. Бужинский, В. А. Веселов // Вестник Московского университета. Сер. 25, Международные отношения и мировая политика. – 2018. – № 3. – С. 3–47.

87. Буш, Дж. Ключевые решения / Дж. Буш. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 543 с.

88. Буш, Дж. Мир стал другим / Дж. Буш, Б. Скоукрофт. – М. : Международные отношения, 2004. – 502 с.

89. Бьюкенен, П. Секреты глобального путинизма / П. Бьюкенен. – М. : Алгоритм, 2015. – 224 с.

90. Бызов, Л. Украинский кризис и внешнеполитические приоритеты российского общества / Л. Бызов // Россия и мир: анатомия современных процессов : сб. ст. / под ред. Е. А. Нарочницкой. – М. : Международные отношения, 2014. – С. 654–670.

91. В Госдуме назвали главную причину кризиса в отношениях России и США [Электронный ресурс] // Известия. – 2023. – 26 июля. – Режим доступа: <https://iz.ru/1549857/2023-07-26/v-gosdume-nazvali-glavnuiu-prichinu-krizisa-v-otnosheniakh-rossii-i-ssha>. – Дата доступа: 25.12.2023.

92. В Женеве завершилась российско-американская встреча высокого уровня по проблематике международной информационной безопасности [Электронный ресурс] // Сайт Совета Безопасности Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/news/1068.html>. – Дата доступа: 25.08.2021.

93. В Женеве прошли российско-американские консультации по стратегической стабильности [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 28.07.2021. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/30960>. – Дата доступа: 25.08.2021.

94. В Кремле позитивно оценили телефонный разговор Путина и Трампа [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2017. – 30 января. – Режим доступа: <https://ria.ru/20170130/1486762776.html>. – Дата доступа: 17.02.2022.

95. В ЛДПР предложили законодательно назвать США «главным противником России» [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2022. – 22 апреля. – Режим доступа: <https://ria.ru/amp/20220422/ssha-1784979692.html>. – Дата доступа: 22.06.2022.
96. Валовой, Д. В. От Сталина и Рузвельта до Путина и Буша / Д. В. Валовой. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. – 448 с.
97. Ванкуверская декларация. 4 апреля 1993 г. // Внешняя политика России : сб. документов. 1993 : в 2 кн. / редкол.: В. Д. Средин (пред.) [и др.] ; Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М. : Международные отношения, 2000. – Кн. 1 : Январь – май. – С. 417–420.
98. Винокуров, В. И. Какой должна стать внешняя политика России [Электронный ресурс] / В. И. Винокуров // Независимое военное обозрение. – 31.03.2017. – Режим доступа: https://nvo.ng.ru/concepts/2017-03-31/1_942_politics.html. – Дата доступа: 25.08.2023.
99. Вице-президент США Джозеф Байден встретился с и.о. президента и депутатами Верховной Рады Украины [Электронный ресурс] // Первый канал. – 2014. – 22 апреля. – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2014-04-22/48676-vitse_prezident_ssha_dzhozef_bayden_vstretilsya_s_i_o_prezidenta_i_deputatami_verhovnoy_rady_ukrainy. – Дата доступа: 22.04.2022.
100. Вишнякова, В. В чем Россия и США сошлись на переговорах в Женеве [Электронный ресурс] / В. Вишнякова, П. Хомшиашвили // РБК. – 2022. – 11 января. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/11/01/2022/61dc6fa79a79475be04dc9c0>. – Дата доступа: 15.08.2023.
101. Владимир Путин и Джордж Буш подводят итоги совместной работы [Электронный ресурс] // Первый канал. – 2008. – 6 апреля. – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2008-04-06/193438-vladimir_putin_i_dzhordzh_bush_podvodyat_itogi_sovmestnoy_raboty. – Дата доступа: 28.12.2023.
102. Внешнеполитическая доктрина ЛДПР: приглашение к размышлениям / Е. В. Афанасьева [и др.] ; под ред. В. В. Жириновского. – М. : Институт мировых цивилизаций, 2019. – 384 с.
103. Внешняя политика России. 1991–2016 / Т. А. Шаклеина [и др.] ; под общ. ред. А. В. Торкунова. – М. : МГИМО-Университет, 2017. – 538 с.
104. Внешняя политика России на современном этапе. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации И. С. Иванова // Десять лет внешней политики России : материалы Первого Конвента Российской ассоциации международных исследований / под ред. А. В. Торкунова. – М. : РОССПЭН, 2003. – С. 19–25.
105. Внешняя политика СССР и России 1985–1995 (к десятилетию перестройки) : материалы конференции. 20 апреля 1995 г. / Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд) ; Внешнеполитическая ассоциация. – М. : Апрель-85, 1995. – 112 с.
106. Военная доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс] : утверждена Президентом РФ 25.12.2014 № 2976 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.
107. Военные РФ в Сирии остановили двигавшуюся по несогласованному маршруту колонну техники США [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2021. – 13 мая. – Режим доступа: <https://tass.ru/armiya-i-opk/11369555>. – Дата доступа: 03.10.2022.
108. Война в Ираке: реакция России [Электронный ресурс] // НИУ «Высшая школа экономики». – 2003. – 20 марта. – Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177770962.html>. – Дата доступа: 21.07.2022.

109. Волков, Д. История российского антиамериканизма: почему в России стали считать США врагом [Электронный ресурс] / Д. Волков // Московский Центр Карнеги. – 08.06.2015. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/60220>. – Дата доступа: 06.12.2022.
110. Волков, Д. Почему мы не любим Америку [Электронный ресурс] / Д. Волков // Ведомости. – 24.04.2016. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/04/25/638889-pochemu-mi-ne-lyubim-ameriku>. – Дата доступа: 06.12.2022.
111. Володин, А. Мистер «Yes» о развале СССР, или Череда достижений экс-министра [Электронный ресурс] / А. Володин // Военное обозрение. – 2013. – 22 марта. – Режим доступа: <https://topwar.ru/25712-mister-yes-o-razvale-sssr-ili-chereda-dostizheniy-eks-ministra.html>. – Дата доступа: 22.06.2022.
112. Встреча Бориса Ельцина и Билла Клинтона в Стамбуле. Расшифровка. Стамбул, Турция. 19 ноября 1999 года [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 01.09.2018. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3730724>. – Дата доступа: 31.05.2023.
113. Встреча с госсекретарем США Майклом Помпео. Сочи. 14 мая 2019 года [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/60519>. – Дата доступа: 08.10.2023.
114. Встреча с представителями Совета по международным отношениям. Вашингтон, 16 ноября 2008 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/2092>. – Дата доступа: 02.08.2018.
115. Встреча с Президентом США Бараком Обамой. 26 марта 2012 года, Сеул [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/14840>. – Дата доступа: 27.08.2018.
116. Вступительное слово и ответы на вопросы президента В. В. Путина на встрече со студентами и преподавателями Национального университета им. Т. Шевченко, Киев, 28 января 2003 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 30.01.2003. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1747759/. – Дата доступа: 02.02.2022.
117. Второе согласованное заявление в связи с Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны от 26 мая 1972 года. 26 сентября 1997 г. // Внешняя политика России : сб. документов. 1997 / редкол.: Е. П. Гусаров (пред.) [и др.] ; Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М. : Международные отношения, 2001. – С. 302–305.
118. ВЦИОМ: Позитивное отношение россиян к США снизилось почти в три раза [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. – 2008. – 24 октября. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1074146.html>. – Дата доступа: 17.08.2018.
119. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 г. Мюнхен [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>. – Дата доступа: 29.07.2018.
120. Выступление и. о. Постоянного представителя Д. А. Полянского по мотивам голосования по подготовленному Ирландией и Норвегией проекту резолюции СБ ООН о продлении трансграничного механизма оказания гуманитарной помощи Сирии. 8 июля 2022 г. [Электронный ресурс] // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. – Режим доступа: <https://russiaun.ru/ru/news/080722p>. – Дата доступа: 03.10.2022.
121. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров

с Государственным секретарем США М. Помпео, Сочи, 14 мая 2019 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/vizity-ministra/-/asset_publisher/ICoYBGcCUgTR/content/id/3646994. – Дата доступа: 17.02.2020.

122. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам визита в США, Вашингтон, 10 декабря 2019 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/tv/?id=1479019&lang=ru>. – Дата доступа: 17.02.2020.

123. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2023 году, Москва, 18 января 2024 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1926392/. – Дата доступа: 17.02.2024.

124. Выступление министра иностранных дел России И. С. Иванова в Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации в рамках «Правительственного часа» 13 марта 2002 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 15.03.2002. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1693163/>. – Дата доступа: 02.02.2022.

125. Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на Конференции по разоружению, Женева, 20 марта 2019 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches//asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/3579552?p_p_id=101_INSTANCE_7OvQR5KJWVmR&_101_INSTANCE_7OvQR5KJWVmR_languageId=ru_RU. – Дата доступа: 10.04.2019.

126. Выступление министра иностранных дел Российской Федерации А. В. Козырева на совместном заседании палат Верховного Совета Российской Федерации. 12 февраля 1993 г. // Внешняя политика России : сб. документов. 1993 : в 2 кн. / редкол.: В. Д. Средин (пред.) [и др.] ; Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М. : Международные отношения, 2000. – Кн. 1 : Январь – май. – С. 276–283.

127. Выступление министра иностранных дел Российской Федерации А. В. Козырева перед российскими моряками в Североморске. 9 января 1993 г. // Внешняя политика России : сб. документов. 1993 : в 2 кн. / редкол.: В. Д. Средин (пред.) [и др.] ; Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М. : Международные отношения, 2000. – Кн. 1 : Январь – май. – С. 31–34.

128. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на Московской конференции по нераспространению по теме «Внешнеполитические приоритеты Российской Федерации в сфере контроля над вооружениями и нераспространения в контексте изменений в глобальной архитектуре безопасности» Москва, 8 ноября 2019 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1475160/. – Дата доступа: 18.04.2023.

129. Выступление на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк. 24 сентября 2009 года // Сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/5552>. – Дата доступа: 30.08.2018.

130. Выступление на встрече с представителями общественных организаций. 19 сентября 2008 года. Москва, Большой Кремлевский дворец [Электронный ресурс] // Сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://archive.is/WFKxx#selection-1207.0-1207.34>. – Дата доступа: 15.08.2018.

131. Выступление президента России В. В. Путина на пленарном заседании совещания послов и постоянных представителей России, Москва, Министерство иностранных дел, 12 июля 2004 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 13.07.2004. – Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1745717/. – Дата доступа: 25.05.2016.

132. Выступление президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина на заседании Совета Безопасности ООН на высшем уровне в Нью-Йорке. 31 января 1992 г. // Внешняя политика России : сб. документов. 1990–1992 / ред.: Л. И. Гецелевич [и др.] ; Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М. : Международные отношения, 1996. – С. 214–218.

133. Выступление президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина на совместном заседании палат Конгресса США в Вашингтоне. 17 июня 1992 г. // Внешняя политика России : сб. документов. 1993 : в 2 кн. / редкол.: В. Д. Средин (пред.) [и др.] ; Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М. : Международные отношения, 2000. – Кн. 1 : Январь – май. – С. 426–431.

134. Выступление Президента РФ Д. А. Медведева в Университете Хельсинки и ответы на вопросы аудитории. Хельсинки. 20 апреля 2009 [Электронный ресурс] // Официальный сайт президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/3805>. – Дата доступа: 25.05.2020.

135. Вячеслав Никонов: США следует разработать хоть один сценарий улучшения отношений с Россией [Электронный ресурс] // Комитет Государственной думы по международным делам. – 17.01.2022. – Режим доступа: <https://interkomitet.ru/blog/2022/01/17/vyacheslav-nikonov-ssha-sleduet-razrabotat-hot-odin-stsenarij-uluchsheniya-otnoshenij-s-rossiej/>. – Дата доступа: 02.10.2023.

136. Гаврилов, Д. «Россия не собирается нападать на Украину» как прошли переговоры Лаврова и Блинкена [Электронный ресурс] / Д. Гаврилов, М. Кокорева // Forbes. – 2022. – 21 января. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/society/453213-rossia-ne-sobiraetsa-napadat-na-ukrainu-kak-prosli-peregovory-lavrova-i-blinkena>. – Дата доступа: 28.01.2022.

137. Гаврилов, Ю. Пилоты разойдутся в небе [Электронный ресурс] / Ю. Гаврилов // Российская газета. – 2015. – 20 октября. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/10/20/konashenkov-site.html>. – Дата доступа: 30.12.2019.

138. Гаджиев, К. С. Великая трансформация через призму осевого времени / К. С. Гаджиев. – М. : Международные отношения, 2021. – 680 с.

139. Гайдар, Е. Дни поражений и побед / Е. Гайдар. – М. : Вагриус, 1996. – 365 с.

140. Гамов, А. Вячеслав Никонов: Если США хотят сближения с Россией – пусть ищут пути. Нам от них ничего не нужно [Электронный ресурс] / А. Гамов // Русский мир. – 18.06.2022. – Режим доступа: <https://russkiymir.ru/publications/302109/>. – Дата доступа: 02.10.2023.

141. Гарусова, Л. Н. Российско-американские отношения и феномен антиамериканизма в постсоветской России / Л. Н. Гарусова // Россия и АТР. – 2010. – № 1. – С. 78–87.

142. Геворкян, Н. От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным / Н. Геворкян, Н. Тимакова, А. Колесников. – М. : Вагриус, 2000. – 192 с.

143. Гейтс, Р. Долг. Мемуары министра войны / Р. Гейтс. – М. : АСТ, 2014. – 800 с.

144. Герейханова, А. Лидеры России и США провели переговоры в Женеве [Электронный ресурс] / А. Герейханова // Российская газета. – 16.06.2021. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/06/16/lidery-rossii-i-ssha-proveli-peregovory-v-zheneve.html>. – Дата доступа: 25.08.2021.

145. Голдгейер, Дж. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны» / Дж. Голдгейер, М. Макфол. – М. : Международные отношения, 2009. – 520 с.
146. Гольц, А. Пережить холодную войну. Опыт дипломатии / А. Гольц. – М. : АСТ, 2021. – 368 с.
147. Гордеев, В. Женева пахнет миром. В Швейцарии прошли переговоры по ядерной проблеме Ирана [Электронный ресурс] / В. Гордеев // Lenta.Ru. – 2009. – 2 октября. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2009/10/02/iran/>. – Дата доступа: 25.05.2023.
148. Горностаев, Д. Россия свою позицию по ПРО не меняет [Электронный ресурс] / Д. Горностаев // Независимое военное обозрение. – 27.04.2000. – Режим доступа: https://www.ng.ru/politics/2000-04-27/1_pro.html. – Дата доступа: 176.02.2019.
149. Госдеп сообщил о договоренности между США и Россией по Сирии [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2020. – 3 марта. – Режим доступа: <https://ria.ru/20170708/1498099252.html>. – Дата доступа: 21.10.2021.
150. Госдума ратифицировала договор с США об СНВ [Электронный ресурс] // Интернет-газета «Вслух.ру». – 25.01.2011. – Режим доступа: https://vsluh.ru/novosti/obshchestvo/gosduma-ratifikirovala-dogovor-s-ssha-ob-snv_210224/. – Дата доступа: 25.08.2022.
151. Гришаева, Л. Е. Историческая роль ООН в современном мире / Л. Е. Гришаева // Дипломатическая служба. – 2021. – № 1(94). – С. 6–21.
152. Громыко, А. А. Уроки мировой политики: порядок или правопорядок? / А. А. Громыко. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. – 240 с.
153. Грэм, Т. Взгляд поверх геополитических баталий [Электронный ресурс] / Т. Грэм // Россия в глобальной политике. – 2008. – Сентябрь/Октябрь. – № 5. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11635. – Дата доступа: 20.08.2018.
154. Гудби, Д. Неразделенная Европа. Новая логика мира в американо-российских отношениях / Д. Гудби. – М. : Международные отношения, 2000. – 336 с.
155. Гусейнова, М. А. Новые тенденции в политике США в Центральной Азии и Закавказье / М. А. Гусейнова // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2003. – № 2. – С. 43–60.
156. Гуськова, Е. Ю. Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985–1995) / Е. Ю. Гуськова ; отв. ред. З. В. Клименко. – СПб. : Владимир Даль, 2022. – 462 с.
157. Гуськова, Е. Ю. Продолжающийся балканский кризис и политика России / Е. Ю. Гуськова // Обозреватель. – 1999. – № 12. – С. 34–40.
158. Давление на журналистов, пытки в России и «кто, если не Путин» / Дмитрий Песков. Интервью [Электронный ресурс] // RTVI. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ZgCyEf0bPYg>. – Дата доступа: 20.04.2022.
159. Давыдов, В. Ф. Россия и США: перед вызовом ядерного распространения / В. Ф. Давыдов // США – экономика, политика, идеология. – 1994. – № 1. – С. 18–27.
160. Давыдов, Ю. П. Россия – НАТО: в поисках перспективы / Ю. П. Давыдов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 1. – С. 20–33.
161. Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений: Принята в Сочи 6 апреля 2008 года по итогам российско-американских переговоров [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/3964>. – Дата доступа: 25.05.2023.
162. Декларация по итогам встречи на высшем уровне в Лиссабоне: обнародована главами государств и правительств, участвовавшими в заседании Североатлантического совета в Лиссабоне. 20 ноября 2010 г. [Электронный ресурс] // НАТО. – Режим

доступа: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68828.htm?selectedLocale=ru/. – Дата доступа: 31.05.2019.

163. Депутаты Госдумы призывают США уважать суверенитет России [Электронный ресурс] // Правда.Ру. – 04.01.2011. – Режим доступа: https://www.pravda.ru/news/world/1890783-v_glavnom_khranilische_ssha_mozhet_ostatsja_neft_kotoraja_budet/. – Дата доступа: 31.12.2023.

164. Дженсен, Д. Путин и США. Вашингтонский дневник / Д. Дженсен. – М. : Алгоритм, 2015. – 256 с.

165. Джохадзе, И. Джокер Жириновского [Электронный ресурс] / И. Джохадзе // ИА Росбалт. – 2007. – 18 сентября. – Режим доступа: <https://www.rosbalt.ru/main/2007/09/18/414443.html>. – Дата доступа: 17.02.2022.

166. Дипломат Юлий Воронцов. Сборник воспоминаний / ред.-сост. В. Н. Казимиров. – М. : Междунар. отношения, 2009. – 264 с.

167. Дмитриев, А. «Пророссийского лобби в Америке нет, а вот антироссийское – есть» [Электронный ресурс] / А. Дмитриев // Republic. – 2009. – 6 июля. – Режим доступа: <https://republic.ru/posts/10805>. – Дата доступа: 12.12.2023.

168. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 17.12.2021. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/. – Дата доступа: 22.12.2021.

169. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. 3 января 1993 г. // Внешняя политика России : сб. документов. 1993 : в 2 кн. / редкол.: В. Д. Средин (пред.) [и др.] ; Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М. : Международные отношения, 2000. – Кн. 1 : Январь – май. – С. 10–20.

170. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных потенциалов. 24 мая 2002 года [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/3476>. – Дата доступа: 22.05.2012.

171. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). Москва, 31 июля 1991 г. [Электронный ресурс] // СНВ-сайт. – Режим доступа: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/start-11a.htm>. – Дата доступа: 18.04.2023.

172. Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности: к истории вопроса, причинам прекращения действия и актуальной ситуации «пост-ДРСМД». 04.04.2023 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/situacia-vokrug-dogovora-o-rsmd/1861628/. – Дата доступа: 18.04.2023.

173. Домрин, А. Конституционный процесс 1993 года и США. К 20-летию принятия Конституции РФ / А. Домрин // Конституционный вестник. – 2013. – № 3 (21). – С. 219–253.

174. Домрин, А. США и конституционный переворот 1993 года в России / А. Домрин // Свободная мысль. – 2015. – № 2. – С. 41–54.

175. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности и поощрение ответственного поведения государств в сфере применения информационно-коммуникационных технологий. А/С.1/76/L.13. Семьдесят шестая сессия. Первый комитет. 8 октября 2021 г. [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://documents.un.org/doc/undoc/ld/n21/281/04/pdf/n2128104.pdf?token=SCHjKKA5wgJcyvLvbd&fe=true>. – Дата доступа: 18.04.2022.

176. Дубинин, Ю. В. Дипломатический марафон / Ю. В. Дубинин. – М. : Колос, 2009. – 232 с.
177. Дугин, А. Г. Геополитика России : учебное пособие для вузов / А. Г. Дугин. – М. : Академический проект ; Гуадеамус, 2012. – 424 с.
178. Дугин, А. Г. Новая формула Путина. Основы этической политики / А. Г. Дугин. – М. : Алгоритм, 2014. – 240 с.
179. Дугин, А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России / А. Г. Дугин. – М. : Арктогея-центр, 1997. – 925 с.
180. Дугин, А. Г. ШОС, ОДКБ, ЕвразЭС как инструменты создания нового мироустройства / А. Г. Дугин // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2010. – № 3. – С. 53–56.
181. Евстафьев, Д. Г. Генезис современных цветных революций (на примере Венесуэлы и Белоруссии) / Д. Г. Евстафьев, А. В. Манойло // Дипломатическая служба. – 2021. – № 1. – С. 50–61.
182. Егисман, В. Визит Джона Болтона в Беларусь – важный сигнал [Электронный ресурс] / В. Егисман // Голос Америки. – 2019. – 29 августа. – Режим доступа: <https://www.golos-ameriki.ru/a/experts-on-bolton-visit-to-belarus/5062136.html#player-start-time=12.238559>. – Дата доступа: 31.08.2019.
183. Егорченков, Д. Необъявленная война. Россия в огненном кольце / Д. Егорченков. – СПб. : Питер, 2018. – 320 с.
184. Ельцин, Б. Н. Записки Президента / Б. Н. Ельцин. – М. : Огонек, 1994. – 415 с.
185. Ельцин, Б. Н. Президентский марафон: размышления, воспоминания, впечатления... / Б. Н. Ельцин. – М. : РОССПЭН, 2008. – 383 с.
186. Ефременко, Д. В. Посттравматическая Россия: Социально-политические трансформации в условиях неравновесной динамики международных отношений / Д. В. Ефременко. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 224 с.
187. Жириновский, В. В. Геополитика и русский вопрос / В. В. Жириновский. – М. : Изд. дом «Галерея», 1998. – 494 с.
188. Жириновский, В. В. Иван – запахни душу! / В. В. Жириновский. – М. : Изд-во ЛДПР, 2002. – 175 с.
189. Жириновский, В. В. Краткий очерк истории ЛДПР / В. В. Жириновский. – М. : Изд. дом «Галерея», 1998. – 470 с.
190. Жириновский, В. В. Мысли и афоризмы. 20 лет ЛДПР / В. В. Жириновский. – М. : Изд-во ЛДПР, 2010. – 269 с.
191. Жириновский депутату Маркину: «Иди к Кондолизе Райс, ей в одном месте что-нибудь поцелуй» [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 2010. – 24 декабря. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/170772>. – Дата доступа: 31.12.2023.
192. За 2022 год в России отражено 50 тысяч кибератак [Электронный ресурс] // Вести.Ru. – 19.01.2023. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/hitech/article/3156029>. – Дата доступа: 17.02.2023.
193. Забродин, А. «Мы слишком долго «уговаривали» наших собеседников». Замглавы МИД России Сергей Рябков – о предстоящих переговорах с американцами по гарантиям безопасности, дипломатическом конфликте с США и перспективах встречи президентов [Электронный ресурс] / А. Забродин // Известия. – 2022. – 6 января. – Режим доступа: <https://iz.ru/1273627/aleksei-zabrodin/my-slishkom-dolgo-ugovarivali-nashikh-sobesednikov>. – Дата доступа: 17.02.2022.
194. Загладин, Н. Предвыборная кампания в США: «русский вопрос» / Н. Загладин // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 4. – С. 35–43.
195. Загладин, Н. В. США: общество, власть, политика / Н. В. Загладин. – М. : Русское слово – РС, 2001. – 238 с.

196. Загладин, Н. В. США: от Клинтона – к Бушу / Н. В. Загладин // Беларуская думка. – 2001. – № 8. – С. 148–158.
197. Загладин, Н. США: на рубеже нового этапа развития. / Н. Загладин // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 88–97.
198. Загорский, А. В. Россия перед европейским вызовом / А. В. Загорский, М. Р. Лукас. – М. : Международные отношения, 1993. – 256 с.
199. Закария, Ф. Бои тяжеловесов. Глобальная политическая арена / Ф. Закария. – М. : Родина, 2024. – 224 с.
200. Закария, Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Ф. Закария. – М. : Ладомир, 2004. – LIV+327 с.
201. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Сочи. 5 октября 2023 года [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444>. – Дата доступа: 06.10.2023.
202. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 24 октября 2014 года [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860>. – Дата доступа: 30.10.2014.
203. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 22 октября 2015 года [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50548>. – Дата доступа: 22.07.2017.
204. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 27 октября 2016 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/53151>. – Дата доступа: 06.10.2023.
205. Заявление в связи с объявлением США о выходе в одностороннем порядке из Договора по ПРО 1972 года [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – 13.12.2001. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21444>. – Дата доступа: 25.10.2019.
206. Заявление Владимира Путина о комплексной программе мер по восстановлению российско-американского сотрудничества в области международной информационной безопасности [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – 25.09.2020. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64086>. – Дата доступа: 18.10.2021.
207. Заявление МИД России о диалоге с США и другими странами Запада относительно выработки гарантий безопасности [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 10.12.2021. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1789855/. – Дата доступа: 12.12.2021.
208. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Брюсселе [Электронный ресурс] // НАТО. Организация североатлантического договора. – 2021. – 14 июня. – Режим доступа: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=ru. – Дата доступа: 22.06.2021.
209. Заявление Президента в связи с ситуацией, которая сложилась вокруг системы ПРО стран НАТО в Европе. 23 ноября 2011 года. Московская область, Горки [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/13637/print>. – Дата доступа: 18.04.2018.
210. Заявление президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. 11 ноября 2017 года [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5252>. – Дата доступа: 18.04.2018.
211. Зведре, Е. К. Анализ: Становление системы экспортного контроля в России. Участие России в международном сотрудничестве в области нераспространения и экспортного контроля / Е. К. Зведре // Ядерный контроль. – 2001. – № 1. – С. 32–45.

212. Звягельская, И. Ближневосточный клинч: конфликты на Ближнем Востоке и политика России / И. Звягельская. – М. : Аспект Пресс, 2014. – 208 с.
213. Зиновьева, Е. Международная информационная безопасность в двусторонних отношениях России и США [Электронный ресурс] / Е. Зиновьева // РСМД. – 2023. – 22 февраля. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnaya-informatsionnaya-bezopasnost-v-dvustoronnikh-otnosheniyakh-rossii-i-ssha/>. – Дата доступа: 18.04.2023.
214. Злобин, Н. В. Противостояние: Россия – США / Н. В. Злобин, В. Р. Соловьев. – М. : Эксмо, 2009. – 528 с.
215. Золян, М. Пустые места. Почему Запад смог потеснить Россию в переговорах по Карабаху [Электронный ресурс] / М. Золян // Carnegie Politika. – 27.10.2022. – Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/politika/88271>. – Дата доступа: 10.10.2023.
216. Зубок, В. М. Коллапс. Гибель Советского Союза / В. М. Зубок. – М. : АСТ ; ОГИЗ, 2023. – 656 с.
217. Зыгарь, М. Если враг оказался друг / М. Зыгарь // Коммерсантъ Власть. – 17.11.2008. – № 45. – С. 60.
218. Зюганов, Г. А. География победы. Основы российской геополитики / Г. А. Зюганов. – М., 1998. – 319 с.
219. Зюганов, Г. А. Глобальное порабощение России, или «Глобализация по-американски» / Г. А. Зюганов. – М. : Эксмо, 2011. – 352 с.
220. Зюганов, Г. А. Защищая наш мир. О внешнеполитической доктрине КПРФ / Г. А. Зюганов. – М. : Изд-во ИТРК, 2006. – 240 с.
221. Зюганов, Г. А. Империя США: двести лет «американской мечты» / Г. А. Зюганов // Наш современник. – 1994. – № 8. – С. 105–115.
222. Иванов, И. Патриот, но не ястреб. Экс-глава МИД РФ Игорь Иванов о кончине Колина Пауэлла [Электронный ресурс] / И. Иванов // Коммерсантъ. – 18.10.2021. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5039530>. – Дата доступа: 03.01.2022.
223. Иванов, И. «Перезагрузка» в российско-американских отношениях: тактический шаг или стратегический выбор? / И. Иванов // Международная жизнь. – 2012. – № 9. – С. 22–33.
224. Иванов, И. С. Внешняя политика России и мир. Статьи и выступления / И. С. Иванов. – М. : МГИМО (У) ; РОССПЭН, 2000. – 352 с.
225. Иванов, И. С. Европейский вектор внешней политики современной России / И. С. Иванов. – М. : Изд-во «Э», 2018. – 424 с.
226. Иванов, И. С. Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны / И. С. Иванов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 382 с.
227. Иванов, И. С. Перестройка международной системы: состояние и перспективы / И. С. Иванов // Международные отношения: грани настоящего и будущего / под ред. И. С. Иванова [и др.]. – М. : НП РСМД, 2023. – С. 5–126.
228. Иванов, Игорь. Бывший секретарь Совета безопасности РФ, бывший министр иностранных дел РФ [Электронный ресурс] // Lenta.Ru. – Режим доступа: <https://lenta.ru/lib/14161074/full/>. – Дата доступа: 02.02.2022.
229. Иванов: ситуация вокруг Ирака может привести к расколу антитеррористической коалиции [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 21.03.2003. – Режим доступа: <https://ria.ru/20030321/352065.html>. – Дата доступа: 02.02.2022.
230. Ивашов, Л. Г. Радикальная доктрина Новороссии / Л. Г. Ивашов. – М. : Алгоритм, 2014. – 224 с.
231. Ивашов, Л. Геополитическая драма России. Выживет ли Россия в XXI веке? / Л. Ивашов. – М. : Аргументы Недели, 2021. – 528 с.

232. Из интервью министра иностранных дел Российской Федерации И. С. Иванова еженедельнику «Совершенно секретно», опубликованного в августовском (2001 г.) номере газеты под заголовком: «Игорь Иванов: “Я не раскрываю секреты”» [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 10.08.2001. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/position_word_order/1688701/. – Дата доступа: 04.02.2022.

233. Ильин, А. Русофобия / А. Ильин. – СПб. : Питер, 2018. – 320 с.

234. Илюхин, В. И. Нация – государство – безопасность (вопросы теории и практики) / В. И. Илюхин. – М. : ЦентрКнига, 1999. – 131 с.

235. Интервью Дмитрию Киселеву. Владимир Путин ответил на вопросы Дмитрию Киселеву. Москва, Кремль. 13 марта 2024 года [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73648>. – Дата доступа: 13.03.2024.

236. Интервью заместителя министра иностранных дел России Ю. В. Федотова интернет-изданию «Страна.Ru», опубликованное 10 сентября 2002 года под заголовком «Российский приоритет – укрепление международной стабильности при сохранении центральной роли ООН» [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 10.09.2002. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1688123/. – Дата доступа: 04.02.2022.

237. Интервью заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С. А. Рябкова газете «Коммерсант», опубликованное 5 марта 2020 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/situacia-vokrug-dogovora-o-rsmd/1429002/. – Дата доступа: 17.02.2022.

238. Интервью министра иностранных дел России И. С. Иванова газете «Труд-7», опубликованное 23 января 2003 года под заголовком «Игорь Иванов: мы стали мыслить более прагматично» [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 23.01.2003. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1611546/. – Дата доступа: 04.02.2022.

239. Интервью министра иностранных дел России И. С. Иванова еженедельнику «Итоги», опубликованное 28 января 2003 года под заголовком «Внешняя политика – дело внутреннее» [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 28.01.2003. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1743321/. – Дата доступа: 04.02.2022.

240. Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова агентству «Интерфакс», 25 декабря 2009 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/267850. – Дата доступа: 25.08.2018.

241. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова журналу «Ньюсвик», 21 сентября 2022 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/maps/us/1830540/>. – Дата доступа: 18.04.2023.

242. Интервью Посла России в США А. И. Антонова информационному агентству «Россия сегодня», 21 января 2021 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 25.01.2021. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/maps/us/-/asset_publisher/unVXBbj4Z6e8/content/id/4542076. – Дата доступа: 26.01.2021.

243. Интервью Посла России в США А. И. Антонова «Российской газете», 5 сентября 2022 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/maps/us/1828648/>. – Дата доступа: 18.04.2023.

244. Интервью посла США в РФ Линн Трейси ток-шоу «Грани времени» («Радио Свободная Европа/Радио Свобода»). Рига, Латвия, 12 октября 2023 года [Электронный ресурс] // Посольство и консульства США в Российской Федерации. – Режим доступа: <https://ru.usembassy.gov/ru/ambassador-tracy-interview-with-rfe-rl-grani-vremeni-ru/>. – Дата доступа: 11.11.2023.

245. Ирхин, А. А. Интеграция постсоветского пространства в контексте геополитических интересов Украины / А. А. Ирхин // Вісник СевНТУ: зб. наук. пр. – 2010. – Вип. 112. Сер. Політологія. – С. 191–197.

246. История военной стратегии России / В. О. Дайнес [и др.] ; под ред. В. А. Золотарева. – М. : Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. – 592 с.

247. К годовщине подписания протокола об основах сотрудничества России и НАТО «Партнерство во имя мира» [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 22.06.2002. – Режим доступа: <https://ria.ru/20020622/179052.html>. – Дата доступа: 08.07.2023.

248. Каган, Р. Россия и Китай угрожают миру [Электронный ресурс] / Р. Каган // ИНОСМИ.РУ. – 28.01.2008. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/world/20080128/239199.html>. – Дата доступа: 01.07.2016.

249. Как на самом деле выглядят сегодня российско-американские отношения и чего нам нужно опасаться? [Электронный ресурс] // Партия ЯБЛОКО. – 2005. – 1 марта. – Режим доступа: https://www.yabloko.ru/Publ/2005/2005_03/050304_rr_argbatov.html. – Дата доступа: 03.01.2022.

250. Как Россия блокировала резолюции СБ ООН по Сирии. Досье [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2018. – 11 апреля. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/5113763>. – Дата доступа: 17.02.2019.

251. Как Чернобырдин спасал Россию / под ред. В. Дорофеева ; ред.-сост.: А. Соловьев, В. Башкирова. – М. : Коммерсантъ ; Эксмо, 2011. – 352 с.

252. Каламанов, В. А. Матрица миропорядка – 2050: Политологический прогноз будущей системы международных отношений / В. А. Каламанов. – М. : ЛЕНАНД, 2021. – 304 с.

253. Караганов, С. А. «Мир находится в предвоенном состоянии» [Электронный ресурс] / С. А. Караганов // Россия в глобальной политике. – 2016. – 17 февраля. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Mir-nakhoditsya-v-predvoennom-sostoyanii-17999>. – Дата доступа: 17.02.2016.

254. Карпович, О. Г. Долгий путь – куда? Есть ли у США стратегия на украинском направлении / О. Г. Карпович, А. А. Гришанов // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, № 2. – С. 184–198.

255. Карпович, О. Российско-американские отношения при администрации Дж. Байдена: надежды и реальность / О. Карпович, А. Гришанов // Международная жизнь. – 2022. – № 2. – С. 34–47.

256. Каукунов, А. Внутренние противоречия Шанхайской организации сотрудничества / А. Каукунов // Центральная Азия и Кавказ. – 2013. – Т. 16, Вып. 2. – С. 7–18.

257. Каширина, Т. В. Внешнеполитический курс России на американском направлении в 2000–2004 годах / Т. В. Каширина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2010. – № 3. – С. 134–137.

258. Каширина, Т. В. Проблема ограничения и сокращения стратегических вооружений в американо-советских/российских отношениях в 1969–2010 годах / Т. В. Каширина. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2013. – 593 с.

259. Каширина, Т. В. Проблема сокращения стратегических наступательных и оборонительных вооружений в российско-американских отношениях постсоветского периода / Т. В. Каширина // Новая и новейшая история. – 2014. – № 3. – С. 91–103.

260. Каширина, Т. В. Проблемы российско-американских отношений в 1992–1996 годах / Т. В. Каширина // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. – 2010. – № 4–5. – С. 113–117.
261. Кедми, Я. Война против России. Окончательное решение «русского вопроса» / Я. Кедми. – М. : Яуза-пресс, 2023. – 224 с.
262. Керри, Дж. О России с «любовью» / Дж. Керри. – М. : Алгоритм, 2015. – 256 с.
263. Керри: план «Б», возможно, конфронтационное соглашения о перемирии [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2016. – 24 февраля. – Режим доступа: https://ria.ru/syria_peace/20160224/1380018639.html. – Дата доступа: 18.04.2018.
264. Киссинджер, Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – М. : Ладомир, 1997. – 848 с.
265. Киссинджер, Г. Понять Путина. Политика здравого смысла / Г. Киссинджер. – М. : Алгоритм, 2015. – 208 с.
266. Клинтон, Б. Моя жизнь / Б. Клинтон. – М. : Альпина Паблицер, 2005. – 1120 с.
267. Клинтон, Х. Тяжелые времена / Х. Клинтон. – М. : Эксмо, 2016. – 736 с.
268. Когалов, Ю. США выделили 290 млн долларов на «противодействие влиянию России» [Электронный ресурс] / Ю. Когалов // Российская газета. – 28.12.2020. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/12/28/ssha-vydilili-290-mln-dollarov-na-protivodejstvie-vliianiiu-rossii.html>. Дата доступа: 23.12.2021.
269. Козин, В. П. Эволюция противоракетной обороны США и позиция России (1945–2013) / В. П. Козин. – М. : РИСИ, 2013. – 384 с.
270. Козырев, А. В. Преображение / А. В. Козырев. – М. : Международные отношения, 1994. – 336 с.
271. Козырев, А. Стратегия партнерства / А. Козырев // Международная жизнь. – 1994. – № 5. – С. 5–15.
272. Колеров, М. Война: внешняя политика России и политическая борьба. Статьи 1999–2009 / М. Колеров. – М. : REGNUM, 2009. – 332 с.
273. Колесников, А. Владимир Путин и Дональд Трамп провели нетелефонный разговор / А. Колесников // Коммерсантъ. – 29.06.2019. – № 112. – С. 1.
274. Комментарий официального представителя МИД России А. К. Лукашевича о прекращении деятельности в Российской Федерации Агентства США по международному развитию (USAID). 19.09.2012 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/1625294/?lang=ru. – Дата обращения: 03.10.2023.
275. Комментарий официального представителя МИД России М. В. Захаровой в связи с инсинуациями на Западе по поводу российских требований в контексте переговоров по СВПД. 15.03.2022 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804399/. – Дата доступа: 19.11.2023.
276. Кондолиза Райс добралась до Москвы [Электронный ресурс] // LENTA.RU. – 19 апреля 2005. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2005/04/19/rice1/>. – Дата обращения: 10.05.2006.
277. Концепция внешней политики Российской Федерации // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в 4 т. / сост. Т. А. Шаплина ; редкол.: А. В. Торкунов [и др.]. – М. : МГИМО, РАМИ, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование.)», 2002. – Т. IV : Документы. – С. 19–50.
278. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 28 июня 2000 года [Электронный ресурс] // Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901764263>. – Дата доступа: 19.07.2016.
279. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. Президентом Российской Федерации от 15 июля 2008 г. № Пр-1440 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2021.

280. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. Президентом Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. № Пр-251 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.
281. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. Президентом Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № Пр-640 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.
282. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. Президентом Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № Пр-229 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2023.
283. Концепция национальной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации № 24 от 10 января 2000 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия : в 4 т. / сост. Т. А. Шаклеина ; редкол.: А. В. Торкунов [и др.]. – М. : МГИМО, РАМИ, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование.)», 2002. – Т. IV : Документы. – С. 75–90.
284. Кобышев, В. Н. Система противоракетной обороны США: прошлое, настоящее, будущее / В. Н. Кобышев, А. А. Сергунин, В. И. Шацкая. – СПб. : Изд-во «Аврора», 2015. – 168 с.
285. Корецкий, А. Слушания по СНВ-2. Сокращать надо, потому что содержать не на что [Электронный ресурс] / А. Корецкий // Коммерсантъ. – 20.07.1995. – № 134. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/113705>. – Дата доступа: 11.05.2023.
286. Кортунов, А. В. Дезинтеграция Советского Союза и политика США / А. В. Кортунов. – М. : РНФ, 1993. – 156 с.
287. Кортунов, А. В. США и Россия. К более зрелой фазе отношений / А. В. Кортунов // Международная жизнь. – 1994. – № 11. – С. 45–55.
288. Кортунов, А. Российские подходы к США: кто удивил, тот победил [Электронный ресурс] / А. Кортунов // РСМД. – 2018. – 1 февраля. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskie-podkhody-k-ssha-cto-udivil-tot-pobedil/>. – Дата доступа: 25.08.2023.
289. Кортунов, С. В. Национальная идентичность: постижение смысла / С. В. Кортунов. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 589 с.
290. Кортунов, С. В. Россия в мировой политике после кризиса / С. В. Кортунов. – М. : Красная звезда, 2011. – 476 с.
291. Кортунов, С. В. Современная внешняя политика России: стратегия избирательной вовлеченности / С. В. Кортунов. – М. : Изд. дом. Гос. ун-та – ВШЭ, 2009. – 604 с.
292. Корченкова, Н. Уровень угрозы: красный / Н. Корченкова // Коммерсантъ. – 2015. – 17 дек. – С. 4.
293. Косов, А. П. Внешнеполитическая мысль России о трансформации современной системы международных отношений / А. П. Косов // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сборник научных статей. Вып. 3 / сост. и науч. ред. Е. А. Достанко ; редкол.: А. М. Байчоров (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2015. – С. 152–168.
294. Косов, А. П. Научные центры изучения внешней политики США в Советском Союзе и России / А. П. Косов // Актуальные проблемы новой и новейшей истории Европы и США : материалы респ. науч. конф., Минск, 31 марта 2005 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол.: Г. А. Космач (науч. ред.). – Минск, 2005. – С. 184–188.
295. Косов, А. П. Проблемы изучения внешней политики США второй половины XX века в советской американистике / А. П. Косов // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2005. – № 4 (38). – С. 40–45.
296. Косов, А. П. Российская внешнеполитическая мысль о феномене глобализации в современном мире / А. П. Косов // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова» : сборник научных трудов. – 2017. – Т. 23. – С. 59–67.

297. Косов, А. П. Российская историография о месте России в мире в контексте развития украинского кризиса / А. П. Косов // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. Вып. 16 : в 2 ч. – Минск : РИВШ, 2016. – Ч. 1. – С. 161–169.
298. Косов, А. П. Российские исследователи о внешней политике США после окончания «холодной войны» / А. П. Косов // Журнал международного права и международных отношений. – 2007. – № 2. – С. 50–55.
299. Косов, А. П. Российские оценки влияния украинского кризиса на отношения России и США в 2014–2016 гг. / А. П. Косов // Наукові праці : науковий журнал / Чорном. нац. ун-т ім. Петра Могили ; редкол.: Ю. В. Котляр (голова) [та ін.]. – Миколаїв, 2017. – Т. 292. Сер.: Історія. – Вип. 280. – С. 68–74.
300. Косов, А. П. Сирийский фактор в российско-американских отношениях (2011–2018 гг.) / А. П. Косов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 775–789.
301. Косов, А. П. Современная российская американистика: изучение внешней политики США второй половины XX века / А. П. Косов // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2007. – № 2 (44). – С. 17–23.
302. Косов, А. П. США в современном мире: оценки российских консерваторов / А. П. Косов // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова» : сборник научных трудов. – 2016. – Т. 21. – С. 75–83.
303. Косово: международные аспекты кризиса / под ред. Д. Тренина и Е. Степановой. – М. : Гендальф, 1999. – 309 с.
304. Косолапов, Н. Становление субъекта российской внешней политики / Н. Косолапов // Pro et Contra. – 2001. – Зима – Весна. – Т. 6, № 1–2. – С. 7–30.
305. Костиков, В. Роман с президентом: записки пресс-секретаря / В. Костиков. – М. : Вагриус, 1997. – 351 с.
306. Костяев, С. Как нам вырастить себе Бжезинского [Электронный ресурс] / С. Костяев // Независимая газета. – 29.08.2006. – Режим доступа: https://www.ng.ru/ideas/2006-08-29/9_bzhezinski.html. – Дата доступа: 25.09.2023.
307. Костяев, С. С. Имидж России в США: анализ экзогенных и эндогенных факторов / С. С. Костяев // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2015. – № 2 (18). – С. 14–21.
308. Кох, А. Андрей Козырев: настоящий камикадзе [Электронный ресурс] / А. Кох, П. Авен // Forbes. – 2011. – 28 сентября. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/ekonomika/lyudi/74501-andrei-kozyrev-nastoyashchii-kamikadze>. – Дата доступа: 18.04.2022.
309. Кочетков, А. П. Администрация Байдена и возрастание угроз безопасности России со стороны США / А. П. Кочетков // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 61. – С. 216–224.
310. Коэн, С. Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России / С. Коэн. – М. : АИРО-XX, 2001. – 303 с.
311. Крайз, С. Придуманный мир Путина. О чем молчат в России / С. Крайз. – М. : Алгоритм, 2017. – 224 с.
312. Крапівін, О. В. Політика США щодо України на початку її незалежності / О. В. Крапівін // Вісник Донецького університету. – 2008. – Сер. Б: Гуманітарні науки. – Вип. 1. – С. 124–133.
313. Кременюк, В. А. Новая категория: система взаимодействия между Россией и США / В. А. Кременюк // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2009. – № 12. – С. 3–16.

314. Кременюк, В. А. Россия и США в новых условиях / В. А. Кременюк. – М. : ИСКРАН, 2005. – 91 с.
315. Кременюк, В. А. Россия и США после Афганистана: сотрудничество и/или соперничество? / В. А. Кременюк // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – № 1. – С. 3–16.
316. Кременюк, В. А. Россия – США: первые уроки Балканского кризиса 1999 г. / В. А. Кременюк // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2000. – № 1. – С. 5–15.
317. Кременюк, В. А. Уроки холодной войны / В. А. Кременюк. – М. : Аспект Пресс, 2015. – 319 с.
318. Крупянко, М. И. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок» / М. И. Крупянко, Л. Г. Арешидзе. – М. : Международные отношения, 2010. – 448 с.
319. Крутских, А. В. Угрозы безопасности в цифровой среде и международное сотрудничество в области цифровой безопасности / А. В. Крутских // Международные отношения: грани настоящего и будущего / под ред. И. С. Иванова [и др.]. – М. : НП РСМД, 2023. – С. 190–204.
320. Куге, А. Каким запомнился Балканам американский дипломат Ричард Холбрук [Электронный ресурс] / А. Куге // Радио Свобода. – 2010. – 16 декабря. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/2250265.html>. – Дата доступа: 02.02.2022.
321. Курылев, К. П. Украинский кризис и международная безопасность / К. П. Курылев. – М. : ЛЕНАНД, 2018. – 272 с.
322. Кэмп-Дэвидская декларация Президента Буша и Президента Ельцина о новых отношениях // Дипломатический вестник. – 1992. – № 4–5. – Спецвыпуск. – С. 12.
323. Лавров назвал главное событие для внешней политики России за 15 лет [Электронный ресурс] // RT. – 2020. – 10 декабря. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/news/811102-lavrov-nazval-glavnoe-sobytie-politiki>. – Дата доступа: 18.04.2022.
324. Лавров назвал расшатывание ситуации в России целью США на 2024 год [Электронный ресурс] // Известия. – 2023. – 19 июня. – Режим доступа: <https://iz.ru/1530977/2023-06-19/lavrov-nazval-rasshatyvanie-situatcii-v-rossii-tceliu-ssha-na-2024-god>. – Дата доступа: 22.06.2023.
325. Лавров призвал устранить напряженность в отношениях между Россией и США [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 14.05.2019. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190514/1553487573.html?in=t>. – Дата доступа: 22.06.2021.
326. Лавров, С. В. Внешнеполитическая философия России / С. В. Лавров // Международная жизнь. – 2013. – № 3. – С. 1–8.
327. Лавров, С. В. Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире / С. В. Лавров. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 896 с.
328. Лавров сообщил, что договорился с Помпео о шагах по нормализации отношений между РФ и США [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2019. – 14 мая. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/6429021>. – Дата доступа: 10.10.2019.
329. Лаврову и Керри не удалось договориться по Крыму // BBC News. Русская служба [Электронный ресурс]. – 2014. – 14 марта. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2014/03/140314_ukraine_london_meeting. – Дата доступа: 20.04.2022.
330. Ланко, Д. А. «Региональный подход» в международной политике: сравнительный анализ российской и американской внешнеполитической практики 2000–2008 гг. : дис. ... д-ра политических наук ; Санкт-Петербургский государственный университет / Д. А. Ланко. – СПб., 2015. – 358 л.

331. Лапкин, В. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роли внешнеполитических факторов / В. Лапкин, В. Пантин // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – Т. 60, № 12. – С. 92–103.
332. Лапшина, И. К. Динамика восприятия России в общественном мнении США по опросам службы Гэллапа, 2014–2019 / И. К. Лапшина // *Американский ежегодник 2020* / отв. ред. В. В. Согрин ; Ин-т всеобщей истории РАН. – М. : Весь Мир, 2020. – С. 38–52.
333. Латухина, К. Мяч в игре. Владимир Путин и Дональд Трамп нашли общее среди противоречий и различий [Электронный ресурс] / К. Латухина // *Российская газета*. – 16.07.2018. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/07/16/kak-proshla-vstrecha-vladimira-putina-i-donald-trampa-v-helsinki.html>. – Дата доступа: 17.02.2022.
334. Лаукканен, А. Сергей Миронов о своем президентстве, Конституции и отношениях с США [Электронный ресурс] / А. Лаукканен // *Голос Америки*. – 2012. – 31 января. – Режим доступа: <https://www.golosameriki.com/a/russia-election-mironov-2012-01-31-138387364/250443.html>. – Дата доступа: 25.08.2022.
335. Лебедев, В. Благородная Россия и сильная Америка [Электронный ресурс] / В. Лебедев // *Русская Америка*. – 2007. – № 382. – Режим доступа: [https://www.rusamny.com/archives/382/t02\(382\).htm](https://www.rusamny.com/archives/382/t02(382).htm). – Дата доступа: 24.12.2023.
336. Лебедева, О. В. Концепция внешней политики России 2023: стратегия многополярного мира [Электронный ресурс] / О. В. Лебедева, А. К. Бобров // РСМД. – 02.05.2023. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kontseptsiyavneshney-politiki-rossii-2023-strategiya-mnogopolyarnogo-mira/>. – Дата доступа: 10.05.2023.
337. Левяш, И. Я. Глобальный мир и геополитика: культурно-цивилизационное измерение : в 2 кн. / И. Я. Левяш. – Минск : Беларуская навука, 2012. – Кн. 2. – 409 с.
338. Лекция Алексея Пушкова на Дне дипломатии на ФМП [Электронный ресурс] // *Viperson*. – 2016. – 19 февраля. – Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/lektsiya-alekseya-pushkova-na-dne-diplomatii-na-fmp>. – Дата доступа: 20.02.2016.
339. Леонид Слуцкий: «Россия в своей реакции на ответ американской стороны по гарантиям безопасности привела четкие аргументы» // Сайт Леонида Эдуардовича Слуцкого. – 17.02.2022. – Режим доступа: <https://slutsky.ru/live/leonid-slutskij-rossiya-v-svoej-reaktsii-na-otvet-amerikanskoj-storony-po-garantiyam-bezopasnosti-privela-chetkie-argumenty/>. – Дата доступа: 25.08.2022.
340. Леонтьев, М. В. Новый 37-й? Однако... / М. В. Леонтьев. – М. : Алгоритм, 2013. – 224 с.
341. Леонтьев, М. Однако, здравствуйте / М. Леонтьев. – М. : Яуза, Эксмо, 2005. – 256 с.
342. Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США / Т. А. Алексеева [и др.] ; отв. ред. А. Д. Богатуров, Т. А. Шаклеина. – М. : КРАСАНД, 2010. – 352 с.
343. Лики силы. Интеллектуальная элита России и мира о главном вопросе мировой политики США / П. В. Андреев [и др.] ; под ред. С. А. Караганова, Т. В. Бордачева. – М. : Международные отношения, 2013. – 272 с.
344. Лозанский, Э. Ф. Этнос и лоббизм в США. О перспективах российского лобби в Америке / Э. Ф. Лозанский. – М. : Международные отношения, 2004. – 272 с.
345. Ломагин, Н. А. Новые независимые государства как сфера интересов России и США / Н. А. Ломагин // *Pro et Contra*. – 2000. – Осень. – Т. 5, № 2. – С. 65–85.
346. Лондонская декларация, опубликованная руководителями НАТО на встрече в Лондоне, 3–4 декабря 2019 г. [Электронный ресурс] // *North Atlantic Treaty Organization*. – 2019. – 04 декабря. – Режим доступа: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_171584.htm?selectedLocale=ru. – Дата доступа: 25.06.2022.

347. Лузянин, С. Г. Восточная политика Владимира Путина: Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.) / С. Г. Лузянин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 447 с.
348. Лукас, Э. С Путиным или без? Что ждет Россию через десять лет / Э. Лукас. – М. : Алгоритм, 2014. – 224 с.
349. Лукин, В. П. Дипломат – это человек, который свою природную глупость скрывает за профессиональной вежливостью [Электронный ресурс] / В. П. Лукин // Российский совет по международным делам. – 2020. – 6 октября. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/diplomat-eto-chelovek-kotoryu-svoyu-prigodnuyu-glupost-skryvaet-za-professionalnoy-vezhlivostyu/>. – Дата доступа: 30.06.2022.
350. Лукин, В. Российский мост через Атлантику. Как нам объединить Европу и Америку / В. Лукин // Россия в глобальной политике. – 2002. – Ноябрь/декабрь. – № 1. – С. 100–106.
351. Лунев, С. И. Азиатские гиганты и украинский вопрос / С. И. Лунев // Запад – Восток – Россия 2014. Ежегодник / отв. ред. В. Г. Хорос, Д. Б. Малышева. – М. : ИМЭМО РАН, 2015. – С. 87–91.
352. Лысенко, М. Н. Баланс стратегических оборонительных и наступательных вооружений в новых условиях. Будущее договорного процесса сокращения вооружений [Электронный ресурс] / М. Н. Лысенко // СНВ-сайт. – Режим доступа: <https://www.armscontrol.ru/course/lectures/lysenko.htm>. – Дата доступа: 18.04.2023.
353. Макарычев, М. Иностранные наблюдатели подвели итоги женевского саммита [Электронный ресурс] / М. Макарычев // Российская газета. – 16.06.2021. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/06/16/inostrannye-nabliudateli-podveli-itogi-zhenevskogo-sammita.html>. – Дата доступа: 11.07.2023.
354. Малькевич, В. Л. Россия и США: обреченные быть вместе? / В. Л. Малькевич. – М. : О-во сохранения лит. наследия, 2018. – 416 с.
355. Манкофф, Дж. Как Путин получил Крым и потерял Украину [Электронный ресурс] / Дж. Манкофф // Россия в глобальной политике. – 02.05.2014. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Poslednee-territorialnoe-priobretenie-RossiiKak-Putin-poluchil-Krym-i-poteryal-Ukrainu-16611>. – Дата доступа: 18.04.2018.
356. Мар, А. В. Жириновский: «Россия и Америка должны тесно сотрудничать друг с другом». Эксклюзивное интервью лидера ЛДПР, вице-спикера Государственной Думы Российской Федерации В. В. Жириновского издателю и главному редактору газеты «Русская Америка, NY» Аркадию Мару [Электронный ресурс] / А. Мар // Русская Америка. – 2007. – № 382. – Режим доступа: [https://www.rusamny.com/archives/382/t01\(382\).htm](https://www.rusamny.com/archives/382/t01(382).htm). – Дата доступа: 24.12.2023.
357. Марков: заявление Госдепа нанесло сильный удар по Немцову и его «партии» [Электронный ресурс] // Правда.Ру. – 04.01.2011. – Режим доступа: <https://www.pravda.ru/news/politics/1929974-baiden/>. – Дата доступа: 31.12.2023.
358. Марков, С. А. «Гибридная война» против России / С. А. Марков. – М. : Алгоритм, 2015. – 208 с.
359. Маруев, А. Геостратегия России / А. Маруев // Обозреватель-Observer. – 2007. – № 1. – С. 5–13.
360. Матвеев, И. Б. Шпионские скандалы как постсоветское наследство в российско-американских отношениях / И. Б. Матвеев // Десять лет внешней политики России : материалы Первого Конвента Российской ассоциации международных исследований / под ред. А. В. Торкунова. – М. : РОССПЭН, 2003. – С. 157–162.
361. Медведев, Д. Российская дипломатия: защита национальных интересов и действие комплексной модернизации страны [Электронный ресурс] / Д. Медведев //

Международная жизнь. – 2010. – № 8. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/284>. – Дата доступа: 30.08.2018.

362. Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция / А. Г. Арбатов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Арбатов [и др.]. – М. : Весь Мир, 2023. – 432 с.

363. Международная политика и безопасность: новые контуры современного мира / А. В. Борисов [и др.] ; под ред. О. П. Иванова. – М. : Квант Медиа, 2021. – 624 с.

364. Мигранян, А. М. Россия в поисках идентичности (1985–1995) / А. М. Мигранян. – М. : Международные отношения, 1997. – 416 с.

365. Мигранян, А. М. Россия и США: фактор Путина / А. М. Мигранян. – М. : Алгоритм, 2016. – 272 с.

366. МИД: Россия не согласна с оценкой Пентагона ее действий в Сирии // РИА Новости [Электронный ресурс]. – 01.10.2015. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20151001/1294747720.html?inj=1>. – Дата доступа: 06.08.2018.

367. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / под ред. В. А. Колосова. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 304 с.

368. Мир на взводе: пружина разжимается / Х. Алтынай [и др.] ; под ред. Ф. А. Лукьянова. – М. : Изд-во «Э», 2015. – 384 с.

369. Мировая реакция на заявление КНДР об испытании водородной бомбы [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2016. – 6 января. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2572770>. – Дата доступа: 28.10.2023.

370. Мисливская, Г. Путин: РФ и США понимают друг друга, когда речь идет о «красных линиях» [Электронный ресурс] / Г. Мисливская // Российская газета. – 16.06.2021. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/06/16/putin-rf-i-ssha-ponimaiut-drug-drugakogda-rech-idet-o-krasnyh-liniiah.html>. – Дата доступа: 15.06.2022.

371. Митрофанов Алексей Валентинович [Электронный ресурс] // Перебежчик. – Режим доступа: <http://perebezhchik.ru/person/mitrofanov-aleksey-valentinovich/>. – Дата доступа: 03.10.2022.

372. Митрохин рассказал на РСН, как ходил в посольство США давать инструкции [Электронный ресурс] // LIFE. – 2016. – 11 марта. – Режим доступа: <https://life.ru/p/861864>. – Дата доступа: 06.01.2023.

373. Митрохин, С. С. Текст выступления Сергея Митрохина на встрече с президентом США Бараком Обамой [Электронный ресурс] / С. С. Митрохин // Партия Яблоко. – 2009. – 7 июля. – Режим доступа: https://www.yabloko.ru/news/2009/07/07_1. – Дата доступа: 06.01.2023.

374. Митяева, Е. В. Развитие ситуации в Каспийском регионе и интересы США / Е. В. Митяева // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 11. – С. 21–31.

375. Михайлов, И. В. Проблема расширения НАТО в российско-американских отношениях / И. В. Михайлов // Американский ежегодник 2020 / отв. ред. В. В. Согрин ; Ин-т всеобщей истории РАН. – М. : Изд-во «Весь Мир», 2020. – С. 176–183.

376. Млечин, Л. М. Примаков / Л. М. Млечин. – М. : Молодая гвардия, 2015. – 528 с.

377. Млечин, Л. Секреты российской дипломатии. От Громыко до Лаврова / Л. Млечин. – М. : Аргументы недели, 2020. – 608 с.

378. Моргулов: контактов по ядерной проблеме КНДР недостаточно [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2015. – 18 сентября. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2274236>. – Дата доступа: 03.12.2023.

379. Москва не исключает начала прямых переговоров между Вашингтоном и Пхеньяном [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2017. – 27 ноября. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/4760612>. – Дата доступа: 03.12.2023.

380. Московская декларация. 14 января 1994 г. // Внешняя политика России : Сборник документов. 1994 : в 2 кн. / редкол.: В. Д. Средин (пред.) [и др.] ; Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М. : Международные отношения, 2000. – Кн. 1 : Январь – май. – С. 12–15.
381. Московская декларация о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки. Москва, 24 мая 2002 г. // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3477>. – Дата доступа: 15.05.2018.
382. Мухин, В. США определились, где будут противодействовать России [Электронный режим] / В. Мухин // Независимая газета. – 21.01.2021. – Режим доступа: https://www.ng.ru/armies/2021-01-21/2_8063_usa.html. – Дата доступа: 25.03.2022.
383. «Мы в моральном плане выше американцев» [Электронный ресурс] // Gazeta.Ru. – 25.03.1999. – Режим доступа: https://gazeta.lenta.ru/daynews/032599/20reaction_Printed.htm. – Дата доступа: 02.02.2022.
384. Мысли о России. Президент о самом важном. – М. : Центрполиграф, 2016. – 192 с.
385. Мэтлок, Дж. Сверхдержавные иллюзии. Как мифы и ложные идеи завели Америку не в ту сторону – и как вернуться в реальность / Дж. Мэтлок. – М. : Международные отношения, 2011. – 384 с.
386. Мэтлок, Дж. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза / Дж. Мэтлок. – М. : Рудомино, 2003. – 579 с.
387. Нарочницкая, Н. А. Борьба за поствизантийское пространство / Н. А. Нарочницкая // Наш современник. – 1997. – № 4. – С. 231–244.
388. Нарочницкая, Н. А. Украинский рубеж. История и геополитика / Н. А. Нарочницкая. – М. : Вече, 2023. – 432 с.
389. Наумов, А. Джо Байден определился с друзьями и врагами / А. Наумов // Коммерсантъ. – 25.01.2021. – № 11. – С. 1.
390. «Нельзя ложиться под американцев». Россия враждует почти со всем миром. Кто виноват и что будет дальше? [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 2018. – 15 мая. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2018/05/15/adamishin/>. – Дата доступа: 05.01.2023.
391. Никифоров, К. В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап) / К. В. Никифоров. – М. : Институт славяноведения РАН, 1999. – 262 с.
392. Никонов, В. А. Код политики / В. А. Никонов. – М. : Вагриус, 2006. – 240 с.
393. Никонов, В. А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? / В. А. Никонов. – М. : Изд-во «Э», 2015. – 672 с.
394. Никонов, В. А. Эпоха перемен: Россия 90-х глазами консерватора / В. А. Никонов. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – 888 с.
395. Никонов указывает на симметричность российского ответа США [Электронный ресурс] // Единая Россия. – 2013. – 13 апреля. – Режим доступа: <https://er.ru/activity/news/nikonov-ukazyvaet-na-simmetrichnost-rossijskogo-otveta-ssha>. – Дата доступа: 02.10.2023.
396. Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир / С. М. Гаврилова [и др.] ; отв. ред. О. П. Иванов. – М. : Проспект, 2021. – 416 с.
397. Новиков, Д. В. Реализация Государственной Думой представительной функции в сфере внешней политики : автореф. дис. ... канд. политических наук : 23.00.02 / Д. В. Новиков ; Дальневост. гос. ун-т. – Владивосток, 2009. – 21 с.
398. Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / А. Г. Аксененок [и др.]; под ред. А. В. Лукина. – М.: Международные отношения, 2018. – 592 с.

399. Новые независимые государства: сравнительные итоги социально-экономического развития / Л. Б. Вардомский [и др.] ; под ред. Л. Б. Вардомского. – М. : Ин-т экономики РАН, 2012. – 60 с.

400. Носов, М. Г. Россия и Запад после 11 сентября 2001 года / М. Г. Носов, С. М. Рогов, Н. П. Шмелев // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 6. – С. 3–18.

401. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

402. О мерах противодействия на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств [Электронный ресурс] : федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

403. О переговорах Министра иностранных дел России С. В. Лаврова с Госсекретарем США Дж. Керри [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2013. – 14 сентября. – Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/96678. – Дата доступа: 15.05.2018.

404. О передаче письменной реакции на ответ американской стороны по гарантиям безопасности. 17.02.2022 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/situacia-vokrug-dogovora-o-rsmd/1799157/. – Дата доступа: 25.06.2022.

405. О принятии резолюции Совета Безопасности ООН по международному гуманитарному содействию в Сирии, включая трансграничный механизм. 14 июля 2022 г. [Электронный ресурс] // Постоянное представительство России при ООН. – Режим доступа: https://russiaun.ru/ru/news/140722_tm. – Дата доступа: 03.10.2022.

406. О резолюции Совета Безопасности ООН в связи с ракетными испытаниями КНДР [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 16.07.2006. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/1601559/. – Дата доступа: 03.12.2023.

407. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

408. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2023.

409. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ, 12 мая 2009 г., № 537 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2021.

410. О ходе выполнения Совместного всеобъемлющего плана действий по обеспечению мирного характера иранской ядерной программы [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticskoe-dos-e/krizisnoe-uregulirovanie-regionalnye-konflikty/o-hode-vypolnenia-sovmestnogo-vseob-emlusego-plana-dejstvij-po-obespeceniu-mirnogo-haraktera-iranskoj-adernoj-programmy/. – Дата доступа: 25.06.2022.

411. Об основных положениях Военной доктрины Российской Федерации : Указ Президента РФ, 2 ноября 1993 г., № 1833 [Электронный ресурс] // Гарант. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/6302237/>. – Дата доступа: 17.02.2017.

412. Обама подписал закон о военном бюджете США [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 2016. – 24 декабря. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/542880>. – Дата доступа: 11.05.2017.
413. Обзор внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 27.03.2007. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/tv/?id=1676553&lang=ru>. – Дата доступа: 28.12.2023.
414. Оганесян, А. Политический стриптиз, который мы наблюдаем на фоне пандемии коронавируса, малопривлекателен, хочется отвернуться / А. Оганесян, С. Рябков // Международная жизнь. – 2020. – № 4. – С. 4–17.
415. Олбрайт, М. Госпожа госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт / М. Олбрайт. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2004. – 688 с.
416. Олбрайт, М. Ирак: непредвиденные последствия / М. Олбрайт // Россия и мусульманский мир. – 2007. – № 11. – С. 111–122.
417. Орлов, А. Наследие Президента Обамы / А. Орлов // Международная жизнь. – 2017. – № 2. – С. 60–72.
418. Отчет о работе фракции ЛДПР в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации в 2016 году. – М. : Издание Государственной Думы, 2017. – 96 с.
419. Пайпс, Р. Два пути России / Р. Пайпс. – М. : Алгоритм, 2015. – 224 с.
420. Палата представителей США одобрила запрет на признание Крыма частью России [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 12.03.2019. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190312/1551738629.html>. – Дата доступа: 30.04.2019.
421. Паниев, Ю. Байден «не сдерживался» в разговоре с Путиным... [Электронный режим] / Ю. Паниев // Независимая газета. – 31.01.2021. – Режим доступа: https://www.ng.ru/week/2021-01-31/8_8070_week3.html. – Дата доступа: 25.03.2022.
422. Паниев, Ю. Байден провозгласил переворот в политике Вашингтона в отношении Москвы [Электронный режим] / Ю. Паниев // Независимая газета. – 05.02.2021. – Режим доступа: https://www.ng.ru/world/2021-02-05/100_biden050221.html. – Дата доступа: 25.03.2022.
423. Паниев, Ю. Визит средней и меньшей дальности [Электронный ресурс] / Ю. Паниев // Независимая газета. – 11.12.2019. – Режим доступа: https://www.ng.ru/world/2019-12-11/1_7749_usa.html. – Дата доступа: 25.05.2021.
424. Пашковский, П. И. Внешнеполитическая деятельность Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации : дис. ... д-ра политических наук : 5.5.4 – международные отношения / П. И. Пашковский ; Крым. федер. ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2021. – 555 л.
425. Первое согласованное заявление в связи с Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны от 26 мая 1972 года. 26 сентября 1997 г. // Внешняя политика России : сб. документов. 1997 / редкол.: Е. П. Гусаров (пред.) [и др.] ; Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М. : Международные отношения, 2001. – С. 300–301.
426. Перегрузка России и США: продолжению быть? [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 06.03.2012. – Режим доступа: <http://ria.ru/analytics/20120306/585738803.html>. – Дата доступа: 18.04.2021.
427. Перри, У. Мой путь по краю ядерной бездны / У. Перри. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 279 с.
428. Песков назвал условия для возможности контактов Байдена с Путиным [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2023. – 5 ноября. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/19207687>. – Дата доступа: 11.11.2023.

429. Петров, Г. Байден отдает внешнюю политику команде Обамы [Электронный режим] / Г. Петров // Независимая газета. – 23.11.2020. – Режим доступа: https://www.ng.ru/world/2020-11-23/6_8021_usa.html. – Дата доступа: 25.03.2022.
430. Петров, Г. В Сенате США хотят раньше Госдепа ввести санкции из-за Навального [Электронный режим] / Г. Петров // Независимая газета. – 03.02.2021. – Режим доступа: https://www.ng.ru/world/2021-02-03/2_8073_usa.html. – Дата доступа: 25.03.2022.
431. Петров, Г. На саммите НАТО решили не начинать новой холодной войны [Электронный ресурс] / Г. Петров // Независимая газета. – 14.06.2021. – Режим доступа: https://www.ng.ru/world/2021-06-14/6_8172_nato.html. – Дата доступа: 15.06.2021.
432. Петров, Г. США не верят в успех переговоров Киева и Москвы [Электронный режим] / Г. Петров // Независимая газета. – 22.03.2022. – Режим доступа: https://www.ng.ru/world/2022-03-22/1_8397_negotiation.html. – Дата доступа: 25.03.2022.
433. Петухов, В. В. Внешнеполитические приоритеты массового сознания россиян / В. В. Петухов // Социологические исследования. – 2010. – № 11. – С. 4–13.
434. Печатнов, В. О. О некоторых константах взаимного восприятия России/СССР и США / В. О. Печатнов // Американский ежегодник 2020 / отв. ред. В. В. Согрин ; Ин-т всеобщей истории РАН. – М. : Весь Мир, 2020. – С. 13–20.
435. Пионтковский, А. А. Призрак России. Кремлевское царство теней / А. А. Пионтковский. – М. : Алгоритм, 2015. – 256 с.
436. Пленарное заседание Восточного экономического форума [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – 05.09.2019. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61451>. – Дата доступа: 17.02.2021.
437. Плохий, С. Последняя империя. Падение Советского Союза / С. Плохий. – М. : АСТ, CORPUS, 2016. – 624 с.
438. Подберезкин, А. И. Геостратегическое положение и безопасность России / А. И. Подберезкин // Свободная мысль. – 1996. – № 7. – С. 86–101.
439. Подлесный, П. Т. Эволюция российско-американских отношений после холодной войны: от «партнерства» к новой конфронтации (1992–2015 годы) [Электронный ресурс] / П. Т. Подлесный // Россия и Америка в XXI веке : электронный научный журнал. – 2015. – № 3. – Режим доступа: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=456>. – Дата доступа: 11.08.2018.
440. Подцероб, А. Б. Россия и кризисные ситуации вокруг Ирака: история и современность / А. Б. Подцероб // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 5(14). – С. 163–172.
441. Позиция России в отношении войны в Ираке не изменилась [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 17.07.2003. – Режим доступа: <https://ria.ru/20030717/408303.html>. – Дата доступа: 21.07.2022.
442. Политика в современной России. Курс лекций / С. Караганов [и др.] ; под ред. В. А. Никонова. – М. : Издательский дом Международного университета в Москве, 2005. – 168 с.
443. Политика США в меняющемся мире / В. И. Батюк [и др.] ; отв. ред. П. Т. Подлесный. – М. : Наука, 2004. – 333 с.
444. Полный текст Минских соглашений [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 12.02.2015. – Режим доступа: <https://ria.ru/20150212/1047311428.html>. – Дата доступа: 30.04.2021.
445. Полный текст ответов США и НАТО России по безопасности [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 02.02.2022. – Режим доступа: https://www.ng.ru/world/2022-02-%2002/100_mir02022022_1.html. – Дата доступа: 18.04.2022.

446. Попов, А. А. Вторая администрация Барака Обамы / А. А. Попов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – № 6. – С. 17–40.
447. Попов, Г. Реформы Бориса Ельцина: создание российского номенклатурно-олигархического постиндустриализма / Г. Попов. – М. : Международный ун-т в Москве, 2012. – 752 с.
448. Попов, Н. П. Общественное мнение в России и США о российско-американских отношениях / Н. П. Попов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2015. – Май-июнь. – № 3. – С. 55–67.
449. Попов, Н. П. Россия – Америка: «Прямая связь». Воспоминания американиста и советолога / Н. П. Попов. – М. : КнигИздат, 2020. – 324 с.
450. Поршакова, А. А. США: взгляд из России / А. А. Поршакова // Дэвис, Д. Э. Кривые зеркала / Д. Э. Дэвис, Ю. П. Трани. – М. : Вагриус, 2009. – С. 667–719.
451. Поскребышева, Е. С. Внешнеполитическая стратегия «Союза правых сил» и прогнозы Национального разведывательного совета США: сравнительный анализ / Е. С. Поскребышева, С. В. Старкин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2 (8) : в 3 ч. – Тамбов : Грамота. – Ч. III. – С. 144–148.
452. Послание Президента Российской Федерации от 16.02.1995 г. б/н. «О ответственности государственной власти в России» [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7521>. – Дата доступа: 25.10.2015.
453. Послание Президента Российской Федерации от 17.02.1998 г. б/н [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/20941/page/1>. – Дата доступа: 27.10.2018.
454. Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2012 г. б/н [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699>. – Дата доступа: 02.08.2023.
455. Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2013 г. б/н [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057>. – Дата доступа: 02.08.2023.
456. Послание Президента Российской Федерации от 01.03.2018 г. б/н [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902>. – Дата доступа: 17.02.2021.
457. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, Большой Кремлевский дворец, 5 ноября 2008 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1968>. – Дата доступа: 02.08.2018.
458. Посол США в России озвучил свою приоритетную задачу [Электронный ресурс] // Вести.Ru. – 2020. – 8 февраля. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/1282775>. – Дата доступа: 25.12.2020.
459. Постникова, Е. Расстались при своем: к чему Россия и США пришли в Женеве [Электронный ресурс] / Е. Постникова // Известия. – 2022. – 11 января. – Режим доступа: <https://iz.ru/1275202/ekaterina-postnikova/rasstalis-pri-svoem-k-chemu-rossiia-i-ssha-prishli-v-zheneve>. – Дата доступа: 17.02.2022.
460. Предложение России по Сирии: реакция мирового сообщества [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2013. – 10 сентября. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/674855>. – Дата доступа: 18.10.2018.
461. Пресс-конференция по итогам российско-американских переговоров. Женевы, 16 июня 2021 года [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/65870>. – Дата доступа: 25.07.2021.

462. Пресс-конференция по итогам переговоров президентов России и США. Владимир Путин и Дональд Трамп сделали заявления для прессы и ответили на вопросы журналистов [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – 2018. – 16 июля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/58017>. – Дата доступа: 11.11.2018.
463. Примаков, Е. Восемь месяцев плюс... / Е. Примаков. – М. : Мысль, 2002. – 239 с.
464. Примаков, Е. Годы в большой политике / Е. Примаков. – М. : Коллекция «Совершенно секретно», 1999. – 448 с.
465. Примаков, Е. М. Встречи на перекрестках / Е. М. Примаков. – М. : Центрполиграф, 2015. – 607 с.
466. Примаков, Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами / Е. М. Примаков. – М. : Центрполиграф, 2016. – 415 с.
467. Примаков, Е. М. Международные отношения накануне XXI века / Е. М. Примаков // Международная жизнь. – 1996. – № 10. – С. 3–13.
468. Примаков, Е. М. Минное поле политики / Е. М. Примаков. – М. : Молодая гвардия, 2006. – 361 с.
469. Примаков, Е. М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость / Е. М. Примаков. – М. : ИИК «Российская газета», 2009. – 239 с.
470. Примаков, Е. М. Мир после 11 сентября / Е. М. Примаков. – М. : Мысль, 2002. – 190 с.
471. Примаков, Е. М. На горизонте – многополюсный мир / Е. М. Примаков // Международная жизнь. – 1996. – № 5. – С. 30–42 ; № 6. – С. 36–47.
472. Примаков, Е. М. Россия: долговечно ли сближение с США? / Е. М. Примаков // Международная жизнь. – 2002. – № 11. – С. 113–126.
473. Примаков, Е. М. США – не сверхдержава / Е. М. Примаков // Время новостей. – 2001. – 26 марта. – С. 6.
474. Прозорова, Г. К. Иракский кризис и Россия [Электронный ресурс] / Г. К. Прозорова // Дипломатический ежегодник. – М., 1999. – Режим доступа: <http://www.middleeast.org.ua/articles/19.htm>. – Дата доступа: 21.07.2022.
475. Протокол по итогам обсуждения между Российской Федерацией и НАТО. 22 июня 1994 г. // Внешняя политика России : сб. документов. 1994 : в 2 кн. / редкол.: В. Д. Средин (пред.) [и др.] ; Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М. : Международные отношения, 2000. – Кн. 2 : Июнь – декабрь. – С. 77–78.
476. Пундор, И. Угрозы от России и Китая, война с терроризмом, поддержка Украины: главные тезисы с саммита НАТО [Электронный ресурс] / И. Пундор // 24 канал. – 2021. – 14 июня. – Режим доступа: https://24tv.ua/ru/sammit-nato-brjussele-14-ijunja-2021-glavnye-novosti-belarus_n1656797. – Дата доступа: 17.06.2021.
477. Путин: аргументы за размещение системы ПРО в Европе несостоятельны [Электронный ресурс] // РИА Новости – 01.02.2007. – Режим доступа: <https://ria.ru/20070201/60044160.html>. – Дата доступа: 17.02.2021.
478. Путин В. В. Быть сильными: гарантия национальной безопасности для России [Электронный ресурс] / В. В. Путин // Российская газета. – 2012. – 20 февраля. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>. – Дата доступа: 07.08.2018.
479. Путин, В. В. Россия и меняющийся мир [Электронный ресурс] / В. В. Путин // Московские новости. – 27.02.2012. – Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/78738>. – Дата доступа: 07.08.2018.
480. Путин выступил за возобновление шестисторонних переговоров по ядерной проблеме КНДР [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2013. – 12 ноября. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/744436>. – Дата доступа: 03.12.2023.

481. Путин и Байден провели телефонный разговор [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 13.04.2021. – Режим доступа: <https://ria.ru/20210413/razgovor-1728132456.html>. – Дата доступа: 30.04.2021.
482. Путин обвиняет США в провоцировании протестов [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба. – 2011. – 8 декабря. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/russia/2011/12/111208_putin_opposition_protests. – Дата доступа: 11.06.2021.
483. Путин предупредил об опасности развертывания систем ПРО США на Украине [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2021. – 21 декабря. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/13257885?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru. – Дата доступа: 17.02.2022.
484. Путин рассказал о разговоре с Трампом на саммите «Большой двадцатки» [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 01.12.2018. – Режим доступа: <https://ria.ru/20181201/1536966955.html>. – Дата доступа: 08.10.2023.
485. Пушков, А. К. Глобальные шахматы. Русская партия / А. К. Пушков. – М. : Эксмо, 2018. – 352 с.
486. Пушков, А. К. Гроссмейстеры Зазеркалья / А. К. Пушков. – М. : Эксмо ; Алгоритм, 2009. – 272 с.
487. Пушков, А. К. Идти и жевать жвачку одновременно? Есть ли будущее у перезагрузки [Электронный ресурс] / А. К. Пушков // Россия в глобальной политике. – 2010. – № 6. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Itdi-i-zhevat-zhvachku-odnovremenno-15057>. – Дата доступа: 15.08.2018.
488. Пушков, А. К. Противостояние. Обама против Путина / А. К. Пушков. – М. : Алгоритм, 2016. – 240 с.
489. Пушков, А. К. Путинские качели. Постскрипtum: десять лет в окружении / А. К. Пушков. – М. : Алгоритм, 2009. – 304 с.
490. Пушков назвал пережиток прошлого, от которого России пора избавиться [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 25.01.2021. – Режим доступа: <https://ria.ru/20210125/pushkov-1594409157.html>. – Дата доступа: 25.01.2021.
491. Рамочная договоренность. 17 июня 1992 г. // Внешняя политика России : сб. документов. 1990–1992 / редкол.: Л. И. Гецелевич (пред.) [и др.] ; Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М. : Международные отношения, 1996. – С. 437–438.
492. Рар, А. Россия – Запад. Кто кого? / А. Рар. – М. : Изд-во «Э», 2016. – 352 с.
493. Робертс, П. К. Как Америка была потеряна: от 9/11 к полицейскому государству / П. К. Робертс. – М. : Кучково поле, 2016. – 640 с.
494. Рогов, С. Ждет ли Россию новая холодная война с Западом? [Электронный ресурс] / С. Рогов // Независимая газета. – 2014. – 25 марта. – Режим доступа: http://www.ng.ru/stsenarii/2014-03-25/9_cold_war.html. – Дата доступа: 23.05.2016.
495. Рогов, С. М. Возможен ли российско-американский союз? Мы не должны таскать каштаны из огня для США / С. М. Рогов // Российская Федерация сегодня. – 2001. – № 21. – С. 2–3.
496. Рогов, С. М. Новый этап в российско-американских отношениях / С. М. Рогов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2001. – № 12. – С. 3–24.
497. Рогов, С. М. Политика США и российско-американские отношения в начале XXI века / С. М. Рогов // Внешняя политика России: 2000–2020 : в 3 т. / под общ. ред. И. С. Иванова ; РСМД. – М. : Аспект Пресс, 2012. – Т. 1. – С. 84–111.
498. Рогов, С. Реинкарнация холодной войны [Электронный ресурс] / С. Рогов // Независимая газета. – 2015. – 25 февраля. – Режим доступа: http://www.ng.ru/stsenarii/2015-02-25/9_coldwar.html. – Дата доступа: 23.05.2016.

499. Рогоза, С. Л. Засекреченные войны. 1950–2000 гг. / С. Л. Рогоза, Н. Б. Ачкасов. – М. : АСТ ; СПб. : Полигон, 2004. – 558 с.
500. Рогозин, Д. О. Враг народа / Д. О. Рогозин. – М. : Алгоритм, 2008. – 448 с.
501. Рогозин, Д. О. НАТО точка ру / Д. О. Рогозин. – М. : Эксмо ; Алгоритм, 2009. – 288 с.
502. Романов, П. Россия и Запад на качелях истории: от Ельцина до Путина / П. Романов. – СПб. : Пальмира ; М. : Книга по Требованию, 2017. – 479 с.
503. Романов, П. Россия и Запад: От Медведева до Путина / П. Романов. – М. : Т8 Издательские Технологии ; СПб. : Пальмира, 2020. – 190 с.
504. Российско-американские отношения в 1992–1996 годах. Справка [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 04.04.2011. – Режим доступа: <https://ria.ru/20110404/360851191.html>. – Дата доступа: 14.09.2022.
505. Россия в глобальной политике. Новые правила игры без правил / А. Г. Арбатов [и др.] ; под ред. Ф. А. Лукьянова. – М. : Эксмо, 2015. – 384 с.
506. Россия в современной системе обеспечения глобальной стабильности: политика и восприятие / Т. А. Алексеева [и др.] ; отв. ред. А. А. Кокошин. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 208 с.
507. Россия и Америка: «Иракский кризис» наконец преодолен? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – 2005. – 15 сентября. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-i-amerika-irakskij-krizis-nakonecz-preodolen>. – Дата доступа: 21.07.2022.
508. Россия и Америка при Медведеве и Обаме: перспективы двусторонних отношений [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – 2008. – 8 декабря. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-i-amerika-pri-medvedeve-i-obame-perspektivy-dvustoronnikh-otnoshenij>. – Дата доступа: 21.07.2022.
509. Россия и мир в 2020 году: контуры тревожного будущего / А. О. Безруков [и др.] ; под ред. А. О. Безрукова и А. А. Сушенцова. – М. : Эксмо, 2015. – 384 с.
510. Россия и США в XXI веке. Особенности отношений / Э. Я. Баталов [и др.] ; под ред. Т. А. Шаклеиной. – М. : Аспект Пресс, 2020. – 352 с.
511. Россия и США после «холодной войны» / Ю. П. Давыдов [и др.] ; отв. ред. В. А. Кременюк. – М. : Наука, 1999. – 143 с.
512. Россия предлагает экстренно созвать G8 [Электронный ресурс] // NEWSru.com. – 2001. – 12 сентября. – Режим доступа: <https://www.newsru.com/russia/12sep2001/g8.html>. – Дата доступа: 02.02.2022.
513. Россия призывает создать глобальную систему противодействия международному терроризму [Электронный ресурс] // NEWSru.com. – 2001. – 12 сентября. – Режим доступа: <https://www.newsru.com/russia/12sep2001/ivanov.html>. – Дата доступа: 02.02.2022.
514. Россия – США – НАТО: динамика современных взаимоотношений и возможности преодоления кризиса доверия / Д. Г. Балуев [и др.] ; под ред. О. А. Колобова. – М. ; Н. Новгород : АВН РФ, РАЕАС, ИСИ ННГУ, 2000. – 243 с.
515. Рубби, А. Ельцинада: первое десятилетие постсоветской России / А. Рубби. – М. : Международные отношения, 2004. – 477 с.
516. Рудакова, Е. Российское лобби в США: проблемы и перспективы / Е. Рудакова // Власть. – 2011. – № 5. – С. 74–77.
517. Рябков: взаимодействие России и США по Сирии улучшилось [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2017. – 30 июля. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/4450567>. – Дата доступа: 30.11.2018.
518. Рябков, С. Год был неплохим, жаловаться не приходится [Электронный ресурс] / С. Рябков // Международная жизнь. – 2011. – № 12. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/num/2011/12>. – Дата доступа: 30.08.2018.

519. Рябков, С. Не обернется ли «перезагрузка» российско-американских отношений возвратом на старую страницу... [Электронный ресурс] / С. Рябков // Международная жизнь. – 2009. – № 5. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/95>. – Дата доступа: 29.08.2018.
520. Савельев, А. СНВ-1: договор на все времена [Электронный ресурс] / А. Савельев // РИА Новости. – 2021. – 30 июля. – Режим доступа: <https://ria.ru/amp/20210730/dogovor-1742368224.html>. – Дата доступа: 11.05.2023.
521. Савойский, А. Взлет и падение российско-американских отношений. Обзор событий последних десятилетий до Женева / А. Савойский // Международная жизнь. – 2021. – № 6. – С. 14–21.
522. Савойский, А. Г. Хроника событий экономической дипломатии в российско-американских отношениях (1990–2010) / А. Г. Савойский. – М. ; Пятигорск : РИА-КМВ, 2011. – 124 с.
523. Сажин, В. Судьба СВПД «висит на волоске» – конец истории? [Электронный ресурс] / В. Сажин // Международная жизнь. – 24.01.2023. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/38685>. – Дата доступа: 19.11.2023.
524. Саймс, Д. Путин и Запад. Не учите Россию жить! / Д. Саймс. – М. : Алгоритм, 2015. – 240 с.
525. Саква, Р. Линия фронта – Украина. Кризис на приграничных территориях / Р. Саква. – М. : Центрполиграф, 2015. – 415 с.
526. Саква, Р. Россия против остальных. Кризис мирового порядка после окончания холодной войны / Р. Саква. – М. : Весь Мир, 2020. – 414 с.
527. Самуйлов, С. М. О кадровом составе и особенностях внешнеполитической команды демократов / С. М. Самуйлов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2021. – № 5. – С. 25–50.
528. Самуйлов, С. М. Политика США в отношении СНГ / С. М. Самуйлов // США – экономика, политика, идеология. – 1998. – № 10. – С. 41–51.
529. Самуйлов, С. М. Эволюция политики США в отношении СНГ / С. М. Самуйлов. – М. : ИСКРАН, 2005. – 106 с.
530. Самуйлов, С. М. Этапы политики США в отношении СНГ / С. М. Самуйлов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2005. – № 3. – С. 61–83.
531. Санкции ООН в отношении КНДР. Досье [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2017. – 23 декабря. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/4837818>. – Дата доступа: 03.12.2023.
532. Сапронова, Ю. Первая встреча Трампа и Путина: что известно о договоренностях лидеров [Электронный ресурс] / Ю. Сапронова // РБК. – 2017. – 07 июля. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/07/07/2017/595fd56e9a7947757ac6f707>. – Дата доступа: 17.02.2022.
533. Саруханян, С. Н. Ядерный фактор в российско-иранских отношениях / С. Н. Саруханян. – М. : Ин-т Ближнего Востока, 2007. – 248 с.
534. Сафранчук, И. А. Ядерные и ракетные программы Ирана и сотрудничество с Россией / И. А. Сафранчук // Экспортный контроль в России: политика и практика : сборник статей / под ред. Д. Г. Евстафьева и В. А. Орлова ; ПИР-Центр. – М., 2000. – С. 56–79.
535. Сафрончук, В. С. Политика и дипломатия / В. С. Сафрончук. – М. : ИТРК, 2011. – 368 с.
536. Саямов, Ю. Н. Эволюция международных отношений в динамике глобальных трансформаций : дис. ... д-ра политических наук по спец.: 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования / Ю. Н. Саямов ; Московский государственный лингвистический университет. – М., 2022. – 396 л.

537. Свидерский, А. А. Личность первого президента РФ Б. Н. Ельцина в создании и формировании российско-американских отношений / А. А. Свидерский // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. – 2018. – № 2. – С. 75–82.

538. Секретарь Совбеза Иванов: Америку надо заставить [Электронный ресурс] // РБК. – 2001. – 4 февраля. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/04/02/2001/5703b2339a7947783a5a1a47>. – Дата доступа: 01.06.2022.

539. Сенаторы единогласно одобрили использование российских Вооруженных сил на территории Сирии [Электронный ресурс] // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – 2015. – 30 сентября. – Режим доступа: http://council.gov.ru/events/main_themes/59272/. – Дата доступа: 17.02.2021.

540. Сидорова, Г. Внешняя политика как спецоперация. История дипломатии Путина, часть 1 [Электронный ресурс] / Г. Сидорова // Радио Свобода. – 2020. – 2 января. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/30347687.html>. – Дата доступа: 07.07.2022.

541. Сидорова, Г. Под крышей МИДа [Электронный ресурс] / Г. Сидорова // Радио Свобода. – 2016. – 15 мая. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/27734915.html>. – Дата доступа: 15.06.2022.

542. Сидорова, Е. А. Феномен антиамериканизма в России / Е. А. Сидорова // Правовое государство: теория и практика. – 2012. – № 4. – С. 46–51.

543. «Сильный ход»: Вячеслав Никонов оценил проекты договоров с США и НАТО о гарантиях безопасности [Электронный ресурс] // Ассоциация журналистов и СМИ Зарубежья. – 2021. – 18 декабря. – Режим доступа: <https://amedia.press/news/silnyj-hod-vjacheslav-nikonov-ocenil-proekty-dogovorov-s-ssha-i-nato-o-garantijah-bezopasnosti/>. – Дата доступа: 02.10.2023.

544. Симонов, В. Гуд-бай, г-н посол [Электронный ресурс] / В. Симонов // РИА Новости. – 20.07.2005. – Режим доступа: <https://ria.ru/20050720/40939921.html>. – Дата доступа: 22.06.2021.

545. Системная история международных отношений. Опять разделенный мир. 1980–2018 : учебное пособие для вузов / А. Д. Богатуров [и др.] ; под ред. А. Д. Богатурова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2019. – 362 с.

546. Скалепов, А. Н. Тектоника украинского кризиса / А. Н. Скалепов. – М. : Проспект, 2023. – 432 с.

547. Слободян, Н. В. Сполучені Штати Америки та Російська Федерація в Перській затоці: союзники – суперники / Н. В. Слободян. – Київ : ООО «Поліграф плюс», 2014. – 396 с.

548. Слуцкий: Россия и США могут образовать коалицию в Сирии [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 29.01.2017. 29 января. – Режим доступа: <https://ria.ru/20170129/1486708450.html>. – Дата доступа: 17.02.2018.

549. Снайдер, Т. Дорога к несвободе. Россия, Европа, Америка / Т. Снайдер. – М. : АСТ ; CORPUS, 2021. – 416 с.

550. Совет Россия – НАТО делает успехи в Сочи. 4 июля 2011 г. [Электронный ресурс] // НАТО. – Режим доступа: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_76039.htm?selectedLocale=ru. – Дата доступа: 31.05.2019.

551. Совместная пресс-конференция министра иностранных дел Российской Федерации А. В. Козырева и государственного секретаря США У. Кристофера. 22 октября 1993 г. // Внешняя политика России : сборник документов. 1993 : в 2 кн. / редкол.: В. Д. Средин (пред.) [и др.] ; Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М. : Международные отношения, 2000. – Кн. 2 : Июнь – декабрь. – С. 388–393.

552. Совместная пресс-конференция Президента Российской Федерации В. В. Путина и Президента Соединенных Штатов Америки Дж. Буша. 16 июня 2001 года,

Любляна [Электронный ресурс] // Наследие. – Режим доступа: http://www.old.nasledie.ru/politvne/18_25/article.php?art=13. – Дата доступа: 01.07.2017.

553. Совместная пресс-конференция президентов России и США. 3 января 1993 г. // Внешняя политика России : сб. документов. 1993 : в 2 кн. / редкол.: В. Д. Средин (пред.) [и др.] ; Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М. : Международные отношения, 2000. – Кн. 1 : Январь – май. – С. 21–29.

554. Совместная пресс-конференция с Президентом Соединенных Штатов Америки Б. Обамой по итогам российско-американских переговоров. Москва, Кремль. 6 июля 2009 года [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/82/events/4733>. – Дата доступа: 25.08.2018.

555. Совместное заявление президента Российской Федерации В. В. Путина и президента Соединенных Штатов Америки Дж. Буша о новых отношениях между Россией и США. Вашингтон. 13 ноября 2001 г. // Системная история международных отношений. 1945–2003 : в 4 т. / А. Д. Богатуров [и др.]. – М. : НОФМО, 2004. – Т. 4 : Документы. – С. 562–563.

556. Совместное заявление президента РФ Д. А. Медведева и президента США Б. Обамы относительно переговоров по дальнейшим сокращениям стратегических наступательных вооружений. 1 апреля 2009 г. [Электронный ресурс] // Сайт президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/167>. – Дата доступа: 25.05.2020.

557. Совместное заявление президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в отношении Договора по противоракетной обороне. 21 марта 1997 г. // Внешняя политика России : сб. документов. 1997 / редкол.: Е. П. Гусаров (пред.) [и др.] ; Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М. : Международные отношения, 2001. – С. 92–95.

558. Совместное заявление президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки по вопросам стратегической стабильности и ядерной безопасности. 28 сентября 1994 г. Внешняя политика России : сб. документов. 1994 : в 2 кн. / редкол.: В. Д. Средин (пред.) [и др.] ; Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М. : Международные отношения, 2000. – Кн. 2 : Июнь – декабрь. – С. 299–302.

559. Совместное заявление США и Российской Федерации, касающееся стратегических наступательных и оборонительных вооружений и дальнейшего укрепления стратегической стабильности: принято президентами РФ и США 20 июня 1999 г. в Кёльне [Электронный ресурс] // СНВ-сайт. – Режим доступа: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/0620cologne.htm>. – Дата доступа: 03.10.2021.

560. Совместное российско-американское сообщение для печати. 5 мая 1993 г. // Внешняя политика России : сборник документов. 1993 : в 2 кн. / редкол.: В. Д. Средин (пред.) [и др.] ; Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М. : Международные отношения, 2000. – Кн. 1 : Январь – май. – С. 457–458.

561. Современные международные отношения и мировая политика : учебник / отв. ред. А. В. Торкунов. – М. : Просвещение, 2004. – 991 с.

562. Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств-членов Организации Североатлантического договора [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 17.12.2021. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/. – Дата доступа: 22.12.2021.

563. Согрин, В. В. Американская цивилизация / В. В. Согрин. – М. : Весь Мир, 2020. – 256 с.

564. Согрин, В. В. Внешняя политика Дж. Буша-младшего. Генезис. Эволюция. Итоги / В. В. Согрин // Новая и новейшая история. – 2014. – № 2. – С. 92–111.

565. Согрин, В. В. Меняющееся восприятие США в постсоветской России / В. В. Согрин // *Общественные науки и современность*. – 2013. – № 6. – С. 121–133.
566. Согрин, В. В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя / В. В. Согрин. – М. : Весь Мир, 2015. – 592 с.
567. Соколышник, Л. Перспективы отношений России и США в правление Дж. Байдена. Идеологическое и политическое измерения / Л. Соколышник, Д. Суслов // *Международные процессы*. – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 148–165.
568. Соловьев, В. Разрыв шаблона / В. Соловьев. – М. : Эксмо, 2015. – 320 с.
569. Соловьев, Э. Американский комплекс в российской внешней политике / Э. Соловьев // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2009. – № 5. – С. 81–87.
570. Соловьев, Э. Г. Геополитические аспекты кризиса на Украине / Э. Г. Соловьев // *Украинский кризис: причины, эволюция, уроки* : сб. науч. ст. : в 2 ч. / под общей ред. Б. А. Шмелева // *Вестник научной информации*. – М. : ИЭ РАН, 2014. – № 2. – Ч. 1. – С. 123–134.
571. Соловьев, Э. Г. Национальные интересы и основные политические силы современной России / Э. Г. Соловьев. – М. : Наука, 2004. – 198 с.
572. Соловьев, Э. «Смена режима» на Украине и проблемы эволюции российско-американских отношений / Э. Соловьев // *Международная жизнь*. – 2014. – № 10. – С. 74–86.
573. Сообщение о визите президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина в США. 27 сентября 1994 г. // *Внешняя политика России* : сб. документов. 1994 : в 2 кн. / редкол.: В. Д. Средин (пред.) [и др.] ; Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М. : Международные отношения, 2000. – Кн. 2 : Июнь – декабрь. – С. 294–299.
574. Сообщение о визите президента США Б. Клинтона в Россию. 12 января 1994 г. // *Внешняя политика России* : сб. документов. 1994 : в 2 кн. / редкол.: В. Д. Средин (пред.) [и др.] ; Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М. : Международные отношения, 2000. – Кн. 1 : Январь – май. – С. 9–12.
575. Ставка на сильных [Электронный ресурс] / О. Власова [и др.] // *Эксперт*. – 2004. – 15–22 марта. – № 10 (411). – Режим доступа: https://expert.ru/expert/2004/10/10ex-tema-1_30788/. – Дата доступа: 31.01.2022.
576. Стариков, Н. Лаконизмы: Политика. Власть. Общество / Н. Стариков. – СПб. : Питер, 2016. – 176 с.
577. Стародубов, В. П. Россия – США. Глобальная зависимость / В. П. Стародубов. – М. : Молодая гвардия, 2004. – 256 с.
578. Стенограмма: О чем рассказал Владимир Путин на пленарном заседании ПМЭФ-2022 [Электронный ресурс] // *Российская газета*. – 2022. – 17 июня. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/06/17/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-naplenarnom-zasedanii-pmef-2022.html>. – Дата доступа: 25.04.2022.
579. Стенограмма ответов Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в рамках «правительственного часа» по актуальным вопросам внешней политики России, Москва, 19 мая 2010 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 20.05.2010. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/tv/?id=1708897&lang=ru>. – Дата доступа: 11.11.2023.
580. Стент, А. Мир Путина: Россия и ее лидер глазами Запада / А. Стент. – М. : Интеллектуальная Литература, 2020. – 390 с.
581. Стент, А. Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений / А. Стент. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 464 с.

582. Стефанов, С. Алексей Митрофанов: Они строят щит – мы будем наращивать меч [Электронный ресурс] / С. Стефанов // Pravda.Ru. – 05.06.2001. – Режим доступа: https://www.pravda.ru/politics/802880-aleksei_mitrofanov_oni_strojat_schit_my_budem_naraschivat_mech/. – Дата доступа: 10.06.2022.
583. Стоун, О. Интервью с Владимиром Путиным / О. Стоун. – М. : Альпина Паблишер, 2017. – 350 с.
584. Стоун, О. Нерассказанная история США. Новая глава 2012–2018: Самые драматичные моменты мировой истории от второго срока Обамы до первых лет президентства Трампа / О. Стоун, П. Кузник. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. – 192 с.
585. Стратегическая концепция НАТО [Электронный ресурс] // Организация Североатлантического договора. – 29.06.2022. – Режим доступа: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf. – Дата доступа: 11.07.2022.
586. Стратегические ядерные вооружения в истории международных отношений XX–XXI веков / С. В. Воробьев [и др.] ; под ред. С. В. Воробьева. – 3-е изд. – М. : ИТК «Дашков и К», 2021. – 278 с.
587. Страус, А. НАТО. С Россией или без нее? / А. Страус // Международная жизнь. – 1998. – № 4. – С. 51–61.
588. США вышли из Договора по ПРО [Электронный ресурс] // BBC. Русская служба. – 2001. – 13 декабря. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_1709000/1709209.stm. – Дата доступа: 19.07.2015.
589. «США наносят ущерб не только всей системе международных отношений, но и самим себе». Замглавы МИД РФ Сергей Рябков об ударах западной коалиции по Сирии [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2018. – 14 апреля. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3604746>. – Дата доступа: 11.11.2019.
590. США. Новый президент – старая политика? // Наша власть. – 2008. – № 10 (90). – С. 58–59.
591. Сысоев, Г. Бомбардировки будут продолжаться столько, сколько Милошевич хочет, чтобы мы их продолжали / Г. Сысоев // Коммерсантъ. – 1999. – 24 марта. – С. 1.
592. Текст заявления Президента РФ Б. Н. Ельцина «О политике России в области ограничения и сокращения вооружений» 27.01.1992 г. (с правками Б. Н. Ельцина) [Электронный ресурс] // Ельцин Центр. – Режим доступа: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/11343/>. – Дата доступа: 07.09.2023.
593. Телефонный разговор с избранным президентом Соединенных Штатов Америки Дональдом Трампом [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – 2016. – 14 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53255>. – Дата доступа: 17.02.2017.
594. Телефонный разговор с Президентом США Джозефом Байденом [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – 2021. – 31 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67487>. – Дата доступа: 31.12.2021.
595. Телефонный разговор с Президентом США Дональдом Трампом. 3 мая 2019 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60469>. – Дата доступа: 08.10.2023.
596. Терентьев, А. А. Эпоха Обамы: Наши интересы в Белом доме / А. А. Терентьев. – М. : Алгоритм, 2012. – 400 с.
597. Ткаченко, С. Л. Вторая «Большая игра» / С. Л. Ткаченко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. – 1998. – Вып. 4. – С. 85–91.
598. Толорая, Г. Д. Россия и проблемы Корейского полуострова на современном этапе / Г. Д. Толорая // Вестник МГИМО. – 2014. – № 4. – С. 82–91.

599. Толстов, С. Між конфліктом і компромісом: особливості американсько-російського діалогу / С. Толстов // Зовнішні справи. – 2009. – № 10/11. – С. 14–17.
600. Торин, А. Два года президентства Байдена: живы или мертвы российско-американские отношения? [Электронный ресурс] / А. Торин // Международная жизнь. – 17.01.2023. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/38604>. – Дата доступа: 17.02.2023.
601. Торкунов, А. В. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории / А. В. Торкунов, В. И. Денисов, Вл. Ф. Ли. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 544 с.
602. Торкунов, А. За что мы воюем в Сирии? [Электронный ресурс] / А. Торкунов // РСМД. – 2015. – 9 декабря. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/za-cto-my-vouem-v-sirii/>. – Дата доступа: 22.05.2016.
603. Тренин, Д. В. Идентичность и интеграция: Россия и Запад в XXI веке / Д. В. Тренин // Pro et Contra. – 2004. – Т. 8, № 3. – С. 9–22.
604. Тренин Д. В. Россия и мир в XXI веке / Д. В. Тренин. – М. : Изд-во «Э», 2015. – 384 с.
605. Тренин, Д. Выборы в США и российско-американские отношения / Д. Тренин // Россия в глобальной политике. – 2020. – Январь – Февраль. – Т. 18, № 1. – С. 162–173.
606. Тренин, Д. Ненадежная стратегия / Д. Тренин // Pro et Contra. – 2001. – Зима-Весна. – Т. 6, № 1/2. – С. 50–65.
607. Тренин, Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия / Д. Тренин. – М. : Альпина Пабlishер, 2023. – 430 с.
608. Тренин, Д. Россия и конец Евразии / Д. Тренин // Pro et Contra. – 2005. – Зима. – Т. 9, № 1. – С. 6–17.
609. Тренин, Д. Украинский кризис и возобновление великодержавного соперничества [Электронный ресурс] / Д. Тренин // Московский центр Карнеги. – 2014. – Октябрь. – Режим доступа: http://carnegieendowment.org/files/CP_Ukraine_web_big2014_Rus.pdf. – Дата доступа: 18.10.2017.
610. Третьяков, В. Т. Владимир Путин. 20 лет у власти / В. Т. Третьяков. – М. : Алгоритм, 2018. – 256 с.
611. Трехстороннее заявление президентов России, США и Украины (вместе с Приложением к Трехстороннему заявлению...) (принято в г. Москве 14.01.1994) [Электронный ресурс] // Conventions. – Режим доступа: <https://www.conventions.ru/int/9696/>. – Дата доступа: 22.06.2023.
612. Труш, С. Россия – США – КНР: назад к «треугольнику»? / С. Труш // Международная жизнь. – 2018. – № 12. – С. 38–48.
613. Турченко, С. Леонид Ивашов: Нынешний договор СНВ-3 погубит Россию [Электронный ресурс] / С. Турченко, Л. Григорьев // Свободная Пресса. – 2010. – 27 марта. – Режим доступа: <https://svpressa.ru/politic/article/23062/?ysclid=1b80bzfny298746489>. – Дата доступа: 18.04.2023.
614. Тэлботт, С. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии / С. Тэлботт. – М. : Издательский дом «Городец», 2003. – 528 с.
615. Украинский вызов для России : рабочая тетрадь № 24/2015 / А. В. Гуцин, С. М. Маркедонов, А. Н. Цибулина ; гл. ред. И. С. Иванов ; РСМД. – М. : Спецкнига, 2015. – 48 с.
616. Украинский кризис: что приобрели и потеряли Россия, СНГ и Запад [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 26.08.2014. – Режим доступа: <https://ria.ru/analytics/20140826/1021464105.html>. – Дата доступа: 19.10.2017.
617. Успеть за десять часов. Лавров завершил визит в Вашингтон [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2019. – 11 сентября. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/7324815>. – Дата доступа: 25.05.2023.

618. Уткин, А. И. Антитеррористическая коалиция: опыт и уроки / А. И. Уткин // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 7. – С. 39–54.
619. Уткин, А. И. Измена генсека. Бегство из Европы / А. И. Уткин. – М. : Эксмо, Алгоритм, 2009. – 256 с.
620. Уткин, А. И. Мировая «холодная война» / А. И. Уткин. – М. : Эксмо, Алгоритм, 2005. – 736 с.
621. Уткин, А. И. Россия и США: региональные проблемы / А. И. Уткин // США – экономика, политика, идеология. – 1998. – № 10. – С. 17–40.
622. Участие России в урегулировании кризисов на Корейском полуострове. Досье [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2017. – 8 сентября. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/4547359>. – Дата доступа: 28.10.2023.
623. Федеральный закон от 28.07.2012 г. № 147-ФЗ «О ратификации Соглашения между РФ и США об упрощении визовых формальностей для граждан Российской Федерации и граждан Соединенных Штатов Америки» [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35797>. – Дата доступа: 22.06.2023.
624. Федор Лукьянов: Зачем Нуланд приехала в Москву [Электронный ресурс] // Российская газета. – 12.10.2021. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/10/12/zachem-viktoriiia-nuland-priehala-v-moskvu-na-peregovory.html>. Дата доступа: 23.12.2021.
625. Фененко, А. В. Изменение роли ядерного фактора в современных международных отношениях (военно-политические и институциональные аспекты): дис. ... д-ра политических наук по спец.: 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития / А. В. Фененко ; МГИМО МИД РФ. – М., 2017. – 581 л.
626. Феномен Трампа / А. В. Кузнецов [и др.] ; под ред. А. В. Кузнецова. – М. : ИНИОН, 2020. – 642 с.
627. Филимонов, Г. Ю. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России / Г. Ю. Филимонов, О. Г. Карпович, А. В. Манойло. – М. : РУДН, 2015. – 582 с.
628. Фоглесон, Д. С. Как кандидаты в президенты от Демократической партии США должны (или не должны) говорить о России / Д. С. Фоглесон // Международная жизнь. – 2019. – № 3. – С. 52–58.
629. Фракции КПРФ и ЛДПР выступили против ратификации соглашения с США о военном транзите в Афганистан [Электронный ресурс] // Коммунистическая партия Российской Федерации. 26.02.2011. – Режим доступа: <https://kprf.ru/dep/88342.html>. – Дата доступа: 30.05.2022.
630. Фракция ЛДПР в Государственной Думе. Отчет о работе за 2011 год. – М. : Издание Государственной Думы, 2012. – 96 с.
631. Харитонов, Н. И. Новые вызовы безопасности в Приднестровье в контексте кризиса на Украине 2014 года / Н. И. Харитонов // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – Февраль. – № 48. – С. 223–246.
632. Хартия российско-американского партнерства и дружбы. 17 июня 1992 г. // Внешняя политика России : сб. документов. 1990–1992 / ред.: Л. И. Гецелевич. – М. : Международные отношения, 1996. – С. 431–437.
633. Ходаренок, М. Превосходство на много лет вперед: каким будет военный бюджет США [Электронный ресурс] / М. Ходаренок // Газета.ru. – 2020. – 04 декабря. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/army/2020/12/04/13386439.shtml>. – Дата доступа: 23.12.2021.
634. Ходынская-Голенищева, М. С. Алеппо: война и дипломатия. Геополитика сирийского кризиса в контексте трансформации системы международных отношений / М. С. Ходынская-Голенищева. – М. : Абрис, 2017. – 224 с.

635. Ходынская-Голенищева, М. С. Сирия: трудный путь от войны к миру. Многосторонняя дипломатия сирийского урегулирования / М. С. Ходынская-Голенищева. – М. : Абрис, 2019. – 720 с.
636. Ходынская-Голенищева, М. С. Формирование Женевского переговорного процесса по урегулированию конфликта в Сирии («Женева-1») / М. С. Ходынская-Голенищева // Вестник Брянского государственного университета. – 2017. – № 4 (34). – С. 149–154.
637. Хомский, Н. Новый военный гуманизм: уроки Косова / Н. Хомский. – М. : Праксис, 2002. – 320 с.
638. Цепляев, В. Алексей Пушкин: В отношениях России и США возникла «недоперегрузка» [Электронный ресурс] / В. Цепляев // Аргументы и факты. – 12.01.2011. – Режим доступа: <https://aif.ru/politics/world/22747>. – Дата доступа: 30.05.2022.
639. Цыганков, А. П. Внешняя политика России от Горбачева до Путина. Формирование национального интереса / А. П. Цыганков. – М. : Научная книга, 2008. – 272 с.
640. Черняев, А. С. Избранное-2 / А. С. Черняев. – М. : РОССПЭН, 2013. – 199 с.
641. Чесноков, Э. Инкогнито, с секретным предписанием: Помощница президента США тайно посетила Москву [Электронный ресурс] / Э. Чесноков // Комсомольская правда. – 2019. – 18 апреля. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26968/4023801/>. – Дата доступа: 08.10.2023.
642. Чижов, В. Позиция России по СВПД не меняется, в отличие от других участников ядерной сделки [Электронный ресурс] / В. Чижов // РСМД. – 2020. – 24 января. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/pozitsiya-rossii-ro-svpd-ne-menyuetsya-v-otlichie-ot-drugikh-uchastnikov-yadernoy-sdelki/>. – Дата доступа: 19.11.2023.
643. Чуркин, В. И. Трудности перевода / В. И. Чуркин. – М. : Абрис, 2020. – 440 с.
644. Шаклеина, Т. А. Внешняя политика России: о реакции США и о важности фундаментальных внешнеполитических исследований / Т.А. Шаклеина // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – № 9. – С. 3–17.
645. Шаклеина, Т. А. Внешняя политика США: консенсус между правительством и общественностью? / Т. А. Шаклеина // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2000. – № 11. – С. 54–68.
646. Шаклеина, Т. А. Внешняя политика США и Россия: итоги десятилетия / Т. А. Шаклеина // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2001. – № 12. – С. 53–69.
647. Шаклеина, Т. А. Лидерство и современный мировой порядок / Т. А. Шаклеина // Международные процессы. – 2015. – Т. 13, № 4. – С. 6–19.
648. Шаклеина, Т. А. От иллюзии партнерства к реальности взаимодействия в российско-американских отношениях / Т. А. Шаклеина // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2004. – № 12. – С. 3–15.
649. Шаклеина Т. А. Отношения России и США в начале 2020-х годов: новые перспективы для формирования незападоцентричного мирового порядка / Т. А. Шаклеина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2023. – Вып. 4 (853). – С. 48–55.
650. Шаклеина, Т. А. Россия и США в мировой политике / Т. А. Шаклеина. – М. : Аспект Пресс, 2012. – 272 с.
651. Шаклеина, Т. А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссия в политико-академических сообществах России и США (1991–2002) / Т. А. Шаклеина. – М. : ИСКРАН, 2002. – 443 с.
652. Шаклеина, Т. А. Россия и США в современных международных отношениях / Т. А. Шаклеина. – М. : Аспект Пресс, 2022. – 448 с.

653. Шаклеина, Т. Российско-американские отношения в конце первой декады XXI века [Электронный ресурс] / Т. Шаклеина // Россия и Америка в XXI веке : электронный научный журнал. – 2008. – № 3. – Режим доступа: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=89>. – Дата доступа: 02.08.2018.
654. Шарифулина, Ю. Сергей Лавров: серьезных предложений Запада по Украине пока нет [Электронный ресурс] / Ю. Шарифулина // ТАСС. – 2023. – 28 сентября. – Режим доступа: <https://tass.ru/interviews/18858495>. – Дата доступа: 04.10.2023.
655. Шевцова, Л. Одинокая держава: почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом / Л. Шевцова ; Моск. Центр Карнеги. – М. : РОССПЭН, 2010. – 272 с.
656. Шевцова, Л. Режим Бориса Ельцина / Л. Шевцова ; Моск. Центр Карнеги. – М. : РОССПЭН, 1999. – 535 с.
657. Шейнис, В. Национальные интересы и внешняя политика России / В. Шейнис // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 4. – С. 33–46.
658. Шенин, С. Ю. Возвращение в Россию: стратегия и политика американской помощи (1990-е гг.) / С. Ю. Шенин. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2008. – 384 с.
659. Шенин, С. Ю. Начало «войны с террором» и американо-российские отношения (сентябрь – октябрь 2001 г.) / С. Ю. Шенин // Международные отношения в XX веке : сборник научных статей. Вып. 5 / под ред. В. Т. Юнгблуда. – Киров : ООО «Радуга-ПРЕСС», 2016. – С. 286–295.
660. Шерр, Дж. Жесткая дипломатия и мягкое принуждение: российское влияние за рубежом / Дж. Шерр. – Київ : Заповіт, 2013. – 152 с.
661. Шишлин, В. Россия и США, отправная точка любви [Электронный ресурс] / В. Шишлин // Интерфакс. – 2009. – 12 февраля. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/62746>. – Дата доступа: 31.12.2023.
662. Шишлин, В. «Шпионский» тест для перезагрузки / В. Шишлин // Интерфакс. – 2010. – 12 июля. – Режим доступа: <https://www.sport-interfax.ru/wc2018/144657>. – Дата доступа: 31.12.2023.
663. Шумилин, А. И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «арабской весны» / А. И. Шумилин. – М. : Международные отношения, 2015. – 336 с.
664. Этап за глобальным. Либеральный национализм во внешней политике России / Доклад независимой группы экспертов ; В. Б. Беневоленский [и др.] ; отв. ред. А. Д. Богатуров. – М. : РФФ, 1994. – 96 с.
665. «Я – не первый воин, не последний...» К 80-летию В. П. Лукина : в 3 кн. / под ред. А. Д. Дикарева и А. В. Лукина. – М. : Весь Мир, 2018. – Кн. первая. – 592 с.
666. Явлинский, Г. Дипломатия войны. Геополитические перспективы России [Электронный ресурс] / Г. Явлинский // Сайт Григория Явлинского. – 27.01.2022. – Режим доступа: <https://www.yavlinsky.ru/article/diplomatiya-vojny/>. – Дата доступа: 17.02.2022.
667. Явлинский предложил Райс свой вариант отношений США и РФ [Электронный ресурс] // Вслух.ru. – 2008. – 18 марта. – Режим доступа: https://vsluh.ru/novosti/obshchestvo/yavlinskiy-predlozhil-rays-svoy-variant-otnosheniy-ssha-i-rf_135051/. – Дата доступа: 03.01.2023.
668. Ядерная программа КНДР [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 03.09.2017. – Режим доступа: <https://ria.ru/spravka/20170903/1501650356.html>. – Дата доступа: 31.07.2018.
669. A Consensus Proposal for a Revised Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia [Electronic resource] / Ed. by S. Charap and others. – Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2019. – Mode of access: https://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF410.html. – Date of access: 15.11.2019.

670. A National Security Strategy of Engage and Enlargement. The White House. February 1995 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1995.pdf>. – Date of access: 21.06.2018.
671. A Return to Arms Control [Electronic resource] // The Washington Post. – 2008. – June 2. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/06/01/AR2008060101881.html>. – Date of access: 10.05.2010.
672. Adamsky, D. Putin's Syria Strategy. Russian Airstrikes and What Comes Next [Electronic resource] / D. Adamsky // Foreign Affairs. – 2015. – October 1. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2015-10-01/putins-syria-strategy>. – Date of access: 03.10.2015.
673. Address before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. January 28, 1992 [Electronic resource] // Bush Presidential Library. – Mode of access: http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers.php?id=3886&year=1992&month=01. – Date of access: 18.04.2018.
674. Adomeit, H. Russia as a “Great Power” in World Affairs: Images and Reality / H. Adomeit // International Affairs. – 1995. – Vol. 71, № 1. – P. 35–68.
675. Allison, G. Russia and America: Stumbling to War [Electronic resource] / G. Allison, D. Simes // The National Interest. – 2015. – April 20. – Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/russia-america-stumbling-war-12662>. – Date of access: 15.07.2015.
676. Allison, R. Russia Resurgent? Moscow's Campaign to Coerce Georgia to Peace / R. Allison // International Affairs. – 2008. – Vol. 84, № 6. – P. 1145–1171.
677. Allison, R. Russian “Deniable” Intervention in Ukraine: How and Why Russia Broke the Rules / R. Allison // International Affairs. – 2014. – Vol. 90, № 6. – P. 1255–1297.
678. Ambrosio, T. The Geopolitics of Slavic Union: Russia, Belarus and Multipolarity / T. Ambrosio // Geopolitics. – 2000. – Vol. 4, № 3. – P. 73–90.
679. Asanishvili, P. Georgia: Regional Stability in the Transformed International System / P. Asanishvili, A. Tukvadze // Central Asia and Caucasus. – 2005. – № 3. – P. 136–142.
680. Åslund, A. Biden and Ukraine: A Strategy for the New Administration [Electronic resource] / A. Åslund, D. Fried, M. Haring, J. E. Herbst, W. B. Taylor, A. Vershbow / Issue Brief. March 5, 2021 ; Atlantic Council; Eurasia Center. – – Mode of access: <https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2021/03/Biden-Ukraine-FINAL.pdf>. – Date of access: 03.10.2017.
681. Åslund, A. Building Capitalism. The Transformation of the Former Soviet Bloc / A. Åslund. – New York : Cambridge University Press, 2001. – XVII+508 p.
682. Averre, D. From Pristina to Tskhinvali: the Legacy of Operation Allied Force in Russia's Relations with the West / D. Averre // International Affairs. – 2009. – Vol. 85, № 3. – P. 575–591.
683. Baker, J. A. III. The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992 / J. A. Baker III. – New York : G. P. Putman's Sons, 1995. – XVI+687 p.
684. Baker, P. With Putin, Biden Tries to Forge a Bond of Self-Interest, Not Souls [Electronic resource] / P. Baker // The New York Times. – 16.06.2021. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2021/06/16/us/politics/biden-putin.html>. – Date of access: 22.06.2021.
685. Barnard, A. U.S. Weaponry Is Turning Syria Into Proxy War With Russia [Electronic resource] / A. Barnard, K. Shoumali // The New York Times. – 2015. – October 12. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2015/10/13/world/middleeast/syria-russia-airstrikes.html>. – Date of access: 27.12.2020.

686. Belarus Democracy Act – 2004.10.27 [Electronic resource] // Editorials on Voice of America. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20200508041021/https://editorials.voa.gov/a/a-41-a-2004-10-27-1-1-83101427/1478859.html/>. – Date of access: 25.11.2019.

687. Biden, J. How to Stand Up the Kremlin. Defending Democracy Against Its Enemies [Electronic resource] / J. Biden, M. Carpenter // Foreign Affairs. – 2018. – January/February. – Vol. 97, № 1. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2017-12-05/how-stand-kremlin>. – Date of access: 17.02.2023.

688. Biden, J. Promise Me, Dad: A Year of Hope, Hardship, and Purpose / J. Biden. – New York : Flatiron Books, 2017. – XVIII+272 p.

689. Billington, J. Okay, They've Met, Now Let's Get Engaged [Electronic resource] / J. Billington // The Washington Post. – 2001. – June 17. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2001/06/17/okay-theyve-met-now-lets-get-engaged/92a62909-fdac-49a4-b389-8fae98f73ee2/>. – Date of access: 25.08.2017.

690. Billington, J. The West's Stake in Russia's Future / J. Billington // Orbis. – 1997. – Autumn. – Vol. 41, № 4. – P. 545–553.

691. Bolton, J. R. Surrender is not an Option. Defending America at the United Nations and Abroad / J. R. Bolton. – New York : Simon & Shuster, 2007. – VIII+486 p.

692. Bond, I. Ukraine Crisis Is a Geopolitical Game Changer [Electronic resource] / I. Bond, D. Corboy, W. Courtney, M. Haltzel, R. Kauzlarich // RAND Corporation. – 2015. – April 17. – Mode of access: <http://www.rand.org/blog/2015/04/ukraine-crisis-is-a-geopolitical-game-changer.html>. – Date of access: 16.07.2023.

693. Bowen, W. Iran's Nuclear Challenge: Nine Years and Counting / W. Bowen, G. Brewer // International Affairs. – 2011. – Vol. 87, № 4. – P. 923–943.

694. Bowker, M. Russian Foreign Policy and the End of the Cold War / M. Bowker. – Albershot : Dartmouth, 1997. – IX+297 p.

695. Bowman, M. Trump's Non-interventionism Could Split Republicans [Electronic resource] / M. Bowman // VOA. – 2016. – December 07. – Mode of access: <http://www.voanews.com/a/trump-non-interventionism-could-split-republicans/3627140.html>. – Date of access: 28.03.2018.

696. Brzezinski, Zb. A Geostategy for Eurasia / Zb. Brzezinski // Foreign Affairs. – 1997. – September/October. – Vol. 76, № 5. – P. 50–64.

697. Brzezinski, Zb. A Plan for Europe / Zb. Brzezinski // Foreign Affairs. – 1995. – January/February. – Vol. 74, № 1. – P. 26–42.

698. Brzezinski, Zb. The Premature Partnership / Zb. Brzezinski // Foreign Affairs. – 1994. – March/April. – Vol. 73, № 2. – P. 67–82.

699. Buckley, N. Putin Unleashes Fury at US 'Follies' [Electronic resource] / N. Buckley // Financial Times. – 24.10.2014. – Mode of access: <https://www.ft.com/content/fa42acf8-5b9f-11e4-81ac-00144feab7de>. – Date of access: 18.04.2019.

700. Bugajski, J. Cold Peace: Russia's New Imperialism / J. Bugajski. – Westport, (Conn.) ; L. : Praeger, 2004. – X+302 p.

701. Bugajski, J. Interest Russia's New Europe / J. Bugajski // The National Interest. – 2003. – № 74. – P. 84–91.

702. Bugajski, J. Russia's Pragmatic Reimperialization / J. Bugajski // Caucasian Review of International Affairs. – 2010. – Vol. 4, № 1. – P. 3–19.

703. Bush, G. A World Transformed / G. Bush, B. Scowcroft. – New York : A. A. Knopf, 1998. – XIV+590 p.

704. Bush, G. Decision Points / G. Bush. – New York : Crown Publishers, 2010. – XII+497 p.

705. Cain, A. Yeltsin Starts War of Words, but Clinton Able to Parry / A. Cain // *The Washington Times*. – 1999. – December 10. – P. A1.
706. Charap, S. *Everyone Loses: The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia* / S. Charap, T. Colton. – New York, L. : Routledge, 2016. – 212 p.
707. Charap, S. US-Russian relations: The Middle Cannot Hold [Electronic resource] / S. Charap, J. Shapiro // *Bulletin of the Atomic Scientists*. – 2016. – Vol. 72, № 3. – P. 150–155. – Mode of access: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00963402.2016.1170366#aHR0cDovL3d3dy50YW5kZm9ubGluZS5jb20vZG9pL3BkZi8xMC4xMDgwLzAwOTYzNDAYLjIwMTYyMTE3MDM2NkBAQDA>. – Date of access: 09.05.2017.
708. Cheney at Summit in Lithuania Says Russia Has «Choice to Make». – 4.05.2006 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://usinfo.state.gov/usinfo/Archive/2006/May/04-398238.html>. – Date of access: 17.02.2007.
709. Christopher, W. *America's Leadership, America's Opportunity* / W. Christopher // *Foreign Policy*. – 1995. – № 98. – P. 6–27.
710. Christopher, W. *On the Stream of History: Shaping Foreign Policy for a New Era* / W. Christopher. – Stanford : Stanford University Press, 1998. – XVII+586 p.
711. Clark, I. *The post-Cold War Order: the Spoils of Peace* / I. Clark. – New York : Oxford University Press, 2001. – XI+276 p.
712. Clinton, B. J. *My Life* / B. J. Clinton. – New York : A. A. Knopf, 2004. – XII+957 p.
713. Clinton Calls Eurasian Integration an Effort to 'Re-Sovietize' [Electronic resource] // *Radio Free Europe/Radio Liberty*. – 2012. – December 7. – Mode of access: <http://www.rferl.org/content/clintoncalls-eurasian-integration-effort-to-resovietize/24791921.html>. – Date of access: 17.02.2015.
714. Clinton, H. R. *Hard Choices: A Memoir* / H. R. Clinton. – New York : Simon & Schuster, 2014. – XII+635 p.
715. Clinton, H. R. *Security and Opportunity for the Twenty-First Century* [Electronic resource] / H. R. Clinton // *Foreign Affairs*. – 2007. – November/December. – Vol. 86, № 6. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/security-and-opportunity-twenty-first-century>. – Date of access: 16.07.2023.
716. Clinton, H. R. *What Happened* / H. R. Clinton. – New York : Simon & Schuster, 2017. – XIV+494 p.
717. Cohen, A. *Russia Is Back* [Electronic resource] / A. Cohen // *The National Interest*. – 2013. – September 17. – Mode of access: <http://nationalinterest.org/commentary/russia-back-9077>. – Date of access: 15.10.2019.
718. Colton, T. J. *America's Real Russian Allies* / T. J. Colton, M. McFaul // *Foreign Affairs*. – 2001. – November/December. – Vol. 80, № 6. – P. 46–68.
719. *Congressional Record – House* [Electronic resource] // *Congress.gov*. – 1994. – April 28. – Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1994/28/16/GPO-CRECB-1994-pt6-9.pdf>. – Date of access: 18.04.2022.
720. *Congressional Record – House* [Electronic resource] // *Congress.gov*. – 1995. – March 22. – Mode of access: <https://www.congress.gov/104/crec/1995/03/22/CREC-1995-03-22.pdf>. – Date of access: 18.04.2022.
721. *Congressional Record. Proceedings and debates of the 104th Congress, First Session* [Electronic resource] // *Congress.gov*. – 1995. – March 29. – Mode of access: <https://www.congress.gov/104/crec/1995/03/29/CREC-1995-03-29.pdf>. – Date of access: 18.04.2022.
722. *Congressional Record. Proceedings and debates of the 104th Congress, Second Session* [Electronic resource] // *Congress.gov*. – 1996. – April 24. – Vol. 142, № 54. – Mode of access: <https://www.congress.gov/104/crec/1996/04/24/CREC-1996-04-24.pdf>. – Date of access: 18.04.2022.

723. Courtney, W. The West needs to take a tougher line with Putin [Electronic resource] / W. Courtney, D. Jensen // RAND Corporation. – 2015. – November 1. – Mode of access: <http://www.rand.org/blog/2015/11/the-west-needs-to-take-a-tougher-line-with-putin.html>. – Date of access: 16.07.2023.

724. Crowley, M. Nixon in Winter. His Final Revelations About Diplomacy, Watergate, and Life Out of the Arena / M. Crowley. – New York : Random House, 1998. – XVI+428 p.

725. DeMarche, E. Clinton suggests Putin may have known about riot in Capitol, Pelosi wants 9/11 commission-type probe [Electronic resource] / E. DeMarche // Fox News. – 2021. – January 19. – Mode of access: <https://www.foxnews.com/politics/hillaryclinton-suggests-putin-played-role-in-capitol-riot-pelosi-wants-9-11-commission-type-probe>. – Date of access: 17.02.2021.

726. Dews, F. Antony Blinken: For Russia, Bloom Will Come Off Crimean Rose [Electronic resource] / F. Dews // The Brookings Institution. – 2014. – June 6. – Mode of access: <https://www.brookings.edu/articles/antony-blinken-for-russia-bloom-will-come-off-crimean-rose/>. – Date of access: 18.07.2023.

727. Ditch the Reset by Nikolas K. Gvosdev! [Electronic resource] // Windows to Russia (WtR). – 2010. – January 13. – Mode of access: <https://windowstorussia.com/ditch-reset-by-nikolas-k-gvosdev.html>. – Date of access: 25.08.2023.

728. Dobbins, J. Russia Is a Rogue, not a Peer; China Is a Peer, not a Rogue / J. Dobbins, H. J. Shatz, A. Wyne ; RAND Corporation. – Santa Monica, 2018. – 24 p.

729. Dreyfuss, B. Obama's Women Advisers Pushed War Against Libya [Electronic resource] / B. Dreyfuss // The Nation. – 2011. – March 19. – Mode of access: <https://www.thenation.com/article/archive/obamas-women-advisers-pushed-war-against-libya/>. – Date of access: 25.12.2019.

730. Dupuy, A. C. Energy Security in the Era of Hybrid Warfare [Electronic resource] / A. C. Dupuy, D. Nussbaum, V. Butrimas, A. Granitsas // NATO Review. – 2021. – January 13. – Mode of access: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/01/13/energy-security-in-the-era-of-hybridwarfare/index.html>. – Date of access: 11.05.2021.

731. Eckel, M. Clinton Calls For Tougher Response To Russia On Ukraine, Syria [Electronic resource] / M. Eckel // Radio Free Europe/Radio Liberty. – 2015. – September 09. – Mode of access: <http://www.rferl.org/a/russia-us-clinton-calls-for-tougher-response-on-ukraine-syria/27235800.html>. – Date of access: 11.05.2020.

732. Encel, F. Le couple Washington-Moscou et la crise irakienne / F. Encel, O. Guez // Politique Internationale. – 2003. – № 99. – P. 171–184.

733. English, R. D. Russia and Idea of the West: Gorbachev, Intellectuals, and the End of the Cold War / R. D. English. – New York : Columbia University Press, 2000. – XIV+402 p.

734. Episkopos, M. Joe Biden's Pick of Victoria Nuland Means Relations with Russia Could Get Worse [Electronic resource] / M. Episkopos // The National Interest. – 2021. – January 15. – Mode of access: <https://nationalinterest.org/feature/joe-biden%E2%80%99s-pick-victoria-nuland-means-relations-russia-could-get-worse-176516>. – Date of access: 23.01.2021.

735. Erlanger, S. Economy Shift in Russia Worries U.S., Albright Says / S. Erlanger // The New York Times. – 1998. – October 3. – P. A6.

736. Explanation of Vote Before the Vote on a Russia-Drafted UNSC Resolution Reauthorizing the UN Cross-Border Mechanism for Humanitarian Aid into Syria July 8, 2022 [Electronic resource] // U.S. Mission at the United Nations. – Mode of access: <https://usun.usmission.gov/explanation-of-vote-before-the-vote-on-a-russia-drafted-uncs-resolution-reauthorizing-the-uncross-border-mechanism-for-humanitarian-aid-into-syria/>. – Date of access: 03.10.2022.

737. Extensions of Remarks [Electronic resource] // Congress.gov. – 1993. – September 29. – Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/09/29/GPO-CRECB-1993-pt16-4-3.pdf>. – Date of access: 17.02.2022.

738. Fukuyama, F. Should Democracy Be Promoted or Demoted? / F. Fukuyama, M. McFaul // The Washington Quarterly. – 2007/2008. – Vol. 31, № 1. – P. 23–45.

739. Gajanan, M. National Security Adviser H. R. McMaster: U.S. Wants to Eliminate “Murderous Regime” in Syria [Electronic resource] / M. Gajanan // Time. – 2017. – April 9. – Mode of access: <https://time.com/4732401/hr-mcmaster-donald-trump-syria/>. – Date of access: 25.11.2021.

740. Garnett, S. W. Russia’s Illusory Ambitions / S. W. Garnett // Foreign Affairs. – 1997. – March/April. – Vol. 76, № 2. – P. 61–76.

741. Garthoff, R. L. The Great Transition. American-Soviet Relations and the End of the Cold War / R. L. Garthoff. – Washington : Brookings Institution, 1994. – XIV+834 p.

742. Gates, R. M. Duty: Memoirs of a Secretary at War / R. M. Gates. – L., New York : A. A. Knopf, 2014. – XXII+618 p.

743. Gates R. M. Exercise of Power. Exercise of Power: American Failures, Successes, and a New Path Forward in the Post-Cold War World / R. M. Gates. – New York : Penguin Random House, 2021. – 454 p.

744. Gates, R. M. From the Shadows: The Ultimate Insider’s Story of Five Presidents and How They Won the Cold War / R. M. Gates. – New York : Simon & Schuster, 1996. – 604 p.

745. Gebauer, M. “We Were Too Dumb” [Electronic resource] / M. Gebauer, H. Stark // Der Spiegel. – 29.11.2015. – Mode of access: <https://www.spiegel.de/international/world/former-us-intelligence-chief-discusses-development-of-is-a-1065131.html>. – Date of access: 25.11.2021.

746. George Bush. Address before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. January 29, 1992 [Electronic resource] // The American Presidency Project. – Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-joint-session-the-congress-the-state-the-union-0>. – Date of access: 25.05.2022.

747. George Bush. Address to the Nation on Reducing United States and Soviet Nuclear Weapons. September 27, 1991 [Electronic resource] // The American Presidency Project. – Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-nation-reducing-united-states-and-soviet-nuclear-weapons>. – Date of access: 25.05.2022.

748. Gerstenzang, J. Bush and Putin find limits to personal diplomacy; In a crunch, they know that national interests are paramount / J. Gerstenzang // Los Angeles Times. – 2008. – April 6. – P. 3.

749. Goble, P. Forget the Soviet Union / P. Goble // Foreign Policy. – 1992. – № 86. – P. 56–65.

750. Goldgeier, J. M. George W. Bush and Russia / J. M. Goldgeier, M. McFaul // Current History. – 2002. – № 101 (657). – P. 318–355.

751. Gordon, D. F. Headstrong. Putin’s Involvement in Syria – And How Obama Can Leverage It [Electronic resource] / D. F. Gordon // Foreign Affairs. – 2015. – September 30. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/syria/headstrong-putin-obama>. – Date of access: 25.11.2016.

752. Gould-Davies, N. Russia Policy Priorities for a Biden Presidency [Electronic resource] / N. Gould-Davies // The Moscow Times. – 2020. – 30 October. – Mode of access: <https://www.themoscowtimes.com/2020/10/30/russia-policy-priorities-for-a-biden-presidency-a71885>. – Date of access: 11.11.2021.

753. Graham, Th. E. Russia’s Decline and Uncertain Recovery / Th. E. Graham ; Carnegie Endowment for International Peace. – Washington, 2002. – VIII+100 p.

754. Graham, Th. Let Russia Be Russia. The Case for a More Pragmatic Approach to Moscow [Electronic resource] / Th. Graham // Foreign Affairs. – 2019. – November/December. – Vol. 98, № 6. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2019-10-15/let-russia-be-russia>. – Date of access: 17.02.2023.

755. Gramer, R. Trump's National Security Advisor to Visit Belarus [Electronic resource] / R. Gramer, A. Mackinnon // Foreign Policy. – 2019. – August 26. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2019/08/26/trumps-national-security-advisor-to-visit-belarus-bolton/>. – Date of access: 29.08.2019.

756. Guillory, S. Dermokratiya, USA [Electronic resource] / S. Guillory // Jacobin. – 13.03.2017. – Mode of access: <https://www.jacobinmag.com/2017/03/russia-us-clinton-boris-yeltsin-elections-interference-trump/>. – Date of access: 25.06.2023.

757. H.R. 3364 – Countering America's Adversaries Through Sanctions Act [Electronic resource] // The White House President Donald J. Trump. – 2017. – August 3. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20171214193452/https://www.whitehouse.gov/legislation/hr-3364-countering-americas-adversaries-through-sanctions-act>. – Date of access: 25.12.2021.

758. Haas, M. Russia's Foreign Security Policy in the 21st Century Putin, Medvedev and Beyond / M. Haas. – L. ; New York : Routledge, 2010. – 211 p.

759. Hamilton, L. A Democrat Looks at Foreign Policy / L. Hamilton // Foreign Affairs. – 1992. – May/June. – Vol. 71, № 3. – P. 32–51.

760. Hartwell, Ch. A. Invading Ukraine Is a Trap for Vladimir Putin [Electronic resource] / Ch. A. Hartwell // The Wall Street Journal. – 2021. – December 10. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/ukraine-is-a-trap-for-vladimir-putin-donbas-invasion-russia-crimea-biden-germany-covid-11639171903>. – Date of access: 28.10.2023.

761. Haslam, J. Russia's Seat at the Table: A Place Denied or a Place Delayed? / J. Haslam // International Affairs. – 1998. – Vol. 74, № 1. – P. 119–130.

762. Hill, F. There is Nothing For You Here : Finding Opportunity in the Twenty-First Century / F. Hill. – Boston ; New York : Mariner Books, 2021. VIII+422 p.

763. Holbrook, R. America, a European Power / R. Holbrooke // Foreign Affairs. – 1995. – March/April. – Vol. 74, № 2. – P. 38–51.

764. Holbrooke, R. To End a War / R. Holbrooke. – New York : Random House, 1998. – XX+408 p.

765. Huntsman, J. America Needs Dialogue with Moscow: Sanctions Have Their Place, Some of Them are Undermining Trust Without Serving Their Purpose [Electronic resource] / J. Huhtzman // The Wall Street Journal. – 2019. – 7 October. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/america-needs-dialogue-with-moscow-11570488054>. – Date of access: 17.02.2023.

766. Ikenberry, J. American Grand Strategy in the Age of Terror / J. Ikenberry // Survival. – 2001/2002. – Winter. – Vol. 43, № 4. – P. 19–34.

767. Jack, A. Inside Putin's Russia: Can There Be Reform Without Democracy? / A. Jack – New York : Oxford University Press, 2004. – XVI+362 p.

768. Jaffe, G. Trump Ends Covert CIA Program To Arm anti-Assad Rebels In Syria, A Move Sought By Moscow [Electronic resource] / G. Jaffe, A. Entous // The Washington Post. – 2017. – July 19. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/trump-ends-covert-ciaprogram-to-arm-anti-assad-rebels-in-syria-a-move-sought-by-moscow/2017/07/19/b6821a62-6beb-11e7-96ab5f38140b38cc_story.html. – Date of access: 03.10.2019.

769. Kagan, R. The Strongmen Strike Back [Electronic resource] / R. Kagan // The Washington Post. – 2019. – March 14. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/opinions/wp/2019/03/14/feature/the-strongmen-strike-back/>. – Date of access: 03.10.2019.

770. Kalb, M. *The Nixon Memo: Political Respectability, Russia, and the Press* / M. Kalb. – Chicago ; L. : Chicago University Press, 1994. – X+248 p.
771. Kaplan, R. D. *The World of Achilles: Ancient Soldiers, Modern Warriors* / R. D. Kaplan // *The National Interest*. – 2001/2002. – Winter. – № 66. – P. 37–46.
772. Kennan, G. F. *A Fateful Error* [Electronic resource] / G. F. Kennan // *The New York Times*. – 1997. – February 5. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/1997/02/05/opinion/a-fateful-error.html>. – Date of access: 17.02.2022.
773. Kennan, G. F. *Around the Cragged Hill. A Personal and Political Philosophy* / G. F. Kennan. – New York ; L. : W. W. Norton & Co, 1993. – VI+272 p.
774. Kerry, J. *Every Day Is Extra* / J. Kerry. – New York : Simon & Schuster, 2018. – XVIII+622 p.
775. Knowlton, B. U. S. candidates diverge in response to Russian-Georgian conflict [Electronic resource] / B. Knowlton, E. Bumiller // *The New York Times*. – 2008. – 10 August. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2008/08/10/world/americas/10iht-box.4.15152501.html>. – Date of access: 06.08.2018.
776. Kohen, S. *American Policy and Russia's Future* / S. Kohen // *Nation*. – 1993. – Vol. 256, № 13. – P. 468–476.
777. Kozyrev, A. *Russia: A Chance for Survival* / A. Kozyrev // *Foreign Affairs*. – 1992. – Spring. – Vol. 71, № 2. – P. 1–16.
778. Kozyrev, A. *The Fire Bird. The Elusive Fate of Russian Democracy. A Memoir* / A. Kozyrev. – Pittsburgh : Pittsburgh University Press, 2019. – XV+352 p.
779. Kozyrev, A. *The Lagging Partnership* / A. Kozyrev // *Foreign Affairs*. – 1994. – May/June. – Vol. 73, № 3. – P. 59–71.
780. Kuchins, A. C. *Look Who's Back* [Electronic resource] / A. C. Kuchins // *The Wall Street Journal*. – 2006. – May 9. – Mode of access: <http://online.wsj.com/article/SB114712273454746989.html>. – Date of access: 18.07.2023.
781. Kupchan, Ch. *After Pax Americana. Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity* / Ch. Kupchan // *International Security*. – 1998. – Fall. – Vol. 23, № 2. – P. 40–79.
782. Kupchan, Ch. *No One's World. The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn* / Ch. Kupchan. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – XII+258 p.
783. Kurth, J. *NATO Expansion and the Idea of the West* / J. Kurth // *Orbis*. – 1997. – Fall. – Vol. 41, № 4. – P. 555–567.
784. Kurth, J. *The American Way of Victory: A Twentieth-Century Trilogy* / J. Kurth // *The National Interest*. – 2000. – Summer. – № 60. – P. 5–16.
785. Layne, Ch. *The Peace of Illusions. American Grand Strategy from 1940 to the Present* / Ch. Layne. – Ithaca : Cornell University Press, 2006. – XIV+290 p.
786. *Lead Inspector General for Operation Inherent Resolve: Quarterly Report to the United States Congress. April 1, 2021 – June 30, 2021* [Electronic resource] // Office of Inspector General, U.S. Department of State. – August 2021. – Mode of access: https://www.stateoig.gov/uploads/report/report_pdf_file/oir_q3_jun21_gold_508.pdf. – Date of access: 03.10.2022.
787. Legvold, R. *All the Way. Crafting a U.S.-Russia Alliance* / R. Legvold // *The National Interest*. – 2002/2003. – Winter. – P. 21–31.
788. Legvold, R. *Russia's Unformed Foreign Policy* / R. Legvold // *Foreign Affairs*. – 2001. – September/October. – Vol. 80, № 5. – P. 62–75.
789. Legvold, R. *The Russia File: How to Move Toward a Strategic Partnership* / R. Legvold // *Foreign Affairs*. – 2009. – July/August. – Vol. 88, № 4. – P. 78–93.
790. Lieven, A. *America Right or Wrong. An Anatomy of American Nationalism* / A. Lieven. – L. : Harper Collins Publ., 2004. – 274 p.

791. Lieven, A. The Secret Policemen's Ball: the United States, Russia and the International Order after 11 September / A. Lieven // *International Affairs*. – 2002. – Vol. 78, № 2. – P. 245–259.
792. Linzer D. Russia Won't Block U.S. on Iran [Electronic resource] / D. Linzer // *The Washington Post*. – 2006. – January 12. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/01/11/AR2006011102124.html>. – Date of access: 10.05.2010.
793. Lipman, T. W. Albright Misjudged Milosevich on Kosovo / T. W. Lipman // *The Washington Post*. – 1999. – September 21. – P. A1, 16.
794. Little, A. How Holbrooke stopped Bosnia's war [Electronic resource] / A. Little // *BBC News*. – 2010. – December 14. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-11992739>. – Date of access: 01.02.2022.
795. Lo, B. *Russian Foreign Policy in the Post-Soviet Era: Illusion and Mythmaking* / Bobo Lo. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2002. – 223 p.
796. Lockie, A. Trump's New National Security Adviser Is Hawkish On Russia – A Big Reversal From Michael Flynn // *Insider*. – 2017. – February 21. – Mode of access: <https://www.businessinsider.com/mcmaster-reversal-michael-flynn-national-security-councilrussia-hawk-2017-2>. – Date of access: 25.11.2021.
797. Lundgren, M. *Mediation in Syria: Initiatives, Strategies, and Obstacles, 2011–2016* / M. Lundgren // *Contemporary Security Policy*. – 2016. – Vol. 37, № 2. – P. 273–288.
798. Lynch, A. The Realism of Russia's Foreign Policy / A. Lynch // *Europe-Asia Studies*. – 2001. – January. – Vol. 53, № 1. – P. 7–31.
799. MacFarlane, S. N. *The United States and Regionalism in Central Asia* / S. N. MacFarlane // *International Affairs*. – 2004. – Vol. 80, № 3. – P. 447–461.
800. Mandelbaum, M. *The Case for Goliath: Now America Acts as the World's Government in the 21st Century*. – N. Y. : Public Affairs, 2005. – XXII+283 p.
801. Mason, R. *Russia in Syria and the Middle East: Tactics Disguised as a Strategy?* / R. Mason, M. Suchkov // *Transnational Security Cooperation in the Mediterranean* / R. Mason (ed.). – L. : Palgrave Macmillan, 2021. – P. 147–161.
802. Matlock, J. *Dealing with Russia in Turmoil* / J. Matlock // *Foreign Affairs*. – 1996. – May/June. – Vol. 75, № 3. – P. 38–51.
803. Matthews, O. Meet Rex Tillerson, Vladimir Putin's Pal and Donald Trump's Nominee for Secretary of State [Electronic resource] / O. Matthews // *Newsweek*. – 2016. – December 13. – Mode of access: <https://www.newsweek.com/2016/12/30/putin-tillerson-trump-exxonmobil-russiasecretary-state-washington-moscow-531590.html>. – Date of access: 18.04.2018.
804. McAuliff, M. *Senators Push To Arm Ukrainians* [Electronic resource] / M. McAuliff // *HuffPost*. – 2015. – February 5. – Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/2015/02/05/ukraine-arms_n_6623614.html. – Date of access: 12.10.2019.
805. McCain, J. *An Enduring Peace Built on Freedom. Securing America's Future* [Electronic resource] / J. McCain // *Foreign Affairs*. – 2007. – November/December. – Vol. 86, № 6. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2007-11-01/enduring-peace-built-freedom>. – Date of access: 16.07.2023.
806. McFaul, M. *Confronting Putin's Russia* [Electronic resource] / M. McFaul // *The New York Times*. – 2014. – March 24. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2014/03/24/opinion/confronting-putins-russia.html>. – Date of access: 17.02.2022.
807. McFaul, M. *From Cold War to Hot Peace: The Inside Story of Russia and America* / M. McFaul. – New York : Houghton Mifflin Harcourt, 2018. – XIII+506 p.

808. McFaul, M. Putin Gambles Big – and Loses [Electronic resource] / M. McFaul // Carnegie Endowment for International Peace. – 2004. – December 13. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2004/12/13/putin-gambles-big-and-loses-pub-16217>. – Date of access: 17.02.2022.
809. McMaster, H. R. Battlegrounds: The Fight to Defend the Free World / H. R. McMaster. – New York : Harper Collins, 2020. – VIII+545 p.
810. Mearsheimer, J. J. The Tragedy of Great Power Politics / J. J. Mearsheimer ; Updated Edition. – New York ; L. : W. W. Norton & Co, 2014. – XXI+561 p.
811. Mearsheimer, J. J. Why the Ukraine Crisis is the West's Fault. The Liberal Delusions That Provoked Putin [Electronic resource] / J. J. Mearsheimer // Foreign Affairs. – 2014. – September/October. – Vol. 93, № 5. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault>. – Date of access: 17.02.2021.
812. Memorandum of Telephone Conversation. Telcon with President Yeltsin of the Republic of Russia. Oval Office. December 8, 1991 [Electronic resource] // George Bush Presidential Library and Museum. – Mode of access: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1991-12-08--Yeltsin.pdf>. – Date of access: 07.07.2023.
813. Memorandum of Telephone Conversation. The President. President Boris Yeltsin. December 23, 1991 [Electronic resource] // George Bush Presidential Library and Museum. – Mode of access: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1991-12-23--Yeltsin.pdf>. – Date of access: 07.07.2023.
814. Menon, R. Conflict in Ukraine: The Unwinding of the post-Cold War Order / R. Menon, E. Rumer. – Cambridge, MA ; L. : MIT press, 2015. – XX+222 p.
815. Menon, R. Russia's Ruinous Chechen War / R. Menon, G. Fuller // Foreign Affairs. – 2000. – March/April. – Vol. 79, № 2. – P. 32–44.
816. Milani, M. Iran and Russia's Uncomfortable Alliance Their Cooperation in Syria in Context [Electronic resource] / M. Milani // Foreign Affairs. – 2016. – August 31. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/2016-08-31/iran-and-russias-uncomfortable-alliance>. – Date of access: 25.08.2018.
817. Mouritzen, H. Combining “Incompatible” Foreign Policy Explanations: How A Realist Can Borrow From Constructivism / H. Mouritzen // Journal of International Relations and Development. – 2017. – Vol. 20, № 3. – P. 631–658.
818. National Security Strategy of the United States of America. The White House, Washington. September, 2002 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://nssarchive.us/NSSR/2002.pdf>. – Date of access: 10.07.2018.
819. National Security Strategy of the United States of America. The White House, Washington. March, 2006 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf>. – Date of access: 09.06.2012.
820. National Security Strategy of the United States of America. The White House, Washington. May 2010 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf>. – Date of access: 25.08.2018.
821. National Security Strategy of the United States of America. The White House, Washington. February, 2015 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf>. – Date of access: 09.07.2021.
822. National Security Strategy of the United States of America. The White House, Washington. December 2017 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2017.pdf>. – Date of access: 21.07.2021.
823. National Security Strategy. The White House, Washington. October 2022 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>. – Date of access: 18.10.2023.

824. Nicholson, M. Putin's Russia: Slowing the Pendulum Without Stopping the Clock / M. Nicholson // *International Affairs*. – 2001. – Vol. 77, № 4. – P. 867–884.

825. Nomination of Hillary R. Clinton to be Secretary of State. Hearing before the Committee on Foreign Relations United States Senate. One Hundred Eleventh Congress. First Session. – Washington, 2010. – III+240 p. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-111shrg54615/pdf/CHRG-111shrg54615.pdf>. – Date of access: 25.10.2019.

826. Nomination of Hon. Linda Thomas-Greenfield to Be United States Representative to the United Nations. 117th Congress. First Session. January 27, 2021 [Electronic resource] // United States Senate Committee on Foreign Relations. – Mode of access: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG117shrg45209/pdf/CHRG-117shrg45209.pdf>. – Date of access: 25.10.2022.

827. Nomination of Hon. Mike Pompeo to Be Secretary of State. 115th Congress. Second Session. April 12, 2018 [Electronic resource] // United States Senate Committee on Foreign Relations. – Mode of access: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-115shrg29844/pdf/CHRG-115shrg29844.pdf>. – Date of access: 25.10.2019.

828. Nomination of John F. Kerry to be Secretary of State. 113th Congress. First Session. January 24, 2013 [Electronic resource] // United States Senate Committee on Foreign Relations. – Mode of access: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-113shrg86451/pdf/CHRG-113shrg86451.pdf>. – Date of access: 25.10.2019.

829. Nomination of Rex Tillerson to Be Secretary of State. 115th Congress. First Session. January 11, 2017 [Electronic resource] // United States Senate Committee on Foreign Relations. – Mode of access: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-115shrg24573/pdf/CHRG-115shrg24573.pdf>. – Date of access: 25.10.2019.

830. Nominations before the Senate Armed Service Committee. 113th Congress. First Session. January 31, 2013 [Electronic resource] // United States Senate Armed Service Committee. – Mode of access: <https://www.congress.gov/113/chrg/CHRG-113shrg87878/CHRG-113shrg87878.htm>. – Date of access: 25.10.2019.

831. Norman, L. Russia-Ukraine War Threatens to Trigger New Nuclear Arms Race [Electronic resource] / L. Norman // *The Wall Street Journal*. – 2023. – March 22. – Mode of access: https://www.wsj.com/articles/ukraine-war-threatens-to-trigger-new-nuclear-arms-race-8e630514?mkt_tok=ODEzLVhZVS00MjIAAAGKryeOPhiPByii_bIyvuOHfgFyOPJKaAyrZeINwWkmc5F7YpfiUHb9A9g1psAAmY_iEzFcVoBy9OEG5HbXttsmdcG3JFYWXSOnrjtlRQ. – Date of access: 03.10.2023.

832. Nuland, V. Pinning Down Putin. How a Confident America Should Deal With Russia [Electronic resource] / V. Nuland // *Foreign Affairs*. – 2020. – July/August. – Vol. 99, № 4. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2020-06-09/pinning-down-putin>. – Date of access: 22.04.2022.

833. Obama, B. *A Promised Land* / B. Obama. – L. : Viking, 2020. – XVI+751 p.

834. Odom, W. E. *Realism about Russia* / W. E. Odom // *The National Interest*. – 2001. – Fall. – № 65. – P. 56–66.

835. Odom, W. E. *Russia's Several Seats at the Table* / W. E. Odom // *International Affairs*. – 1998. – Vol. 74, № 4. – P. 809–822.

836. *Our Relationship With Russia Is Worse Now Than It Has Ever Been, And That Includes the Cold War* [Electronic resource] // Twitter @realDonaldTrump. – 2018. – April 11. – Mode of access: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/984032798821568513>. – Date of access: 18.04.2018.

837. Panetta, L. *Worthy Fights. A Memoir of Leadership in War and Peace* / L. Panetta, J. Newton. – New York : Penguin Press, 2014. – XIV+498 p.

838. Perry, W. Preparing for the Next Attack / W. Perry // Foreign Affairs. – 2001. – November/December. – Vol. 80, № 6. – P. 31–45.
839. Petro, N. N. Russian Foreign Policy: From Empire to Nation-State / N. N. Petro, A. Z. Rubinstein. – New York : Longman, 1997. – XVI+347 p.
840. Pifer, S. Crimea: Six Years after Illegal Annexation [Electronic resource] / S. Pifer // Brookings. – Tuesday, March 17, 2020. – Mode of access: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/03/17/crimea-six-years-after-illegal-annexation/>. – Date of access: 20.04.2022.
841. Pifer, S. The Eagle and the Trident U.S. – Ukraine Relations in Turbulent Times / S. Pifer. – Washington : Brookings Institution Press, 2017. – VI+376 p.
842. Pifer, S. The Trilateral Process: The United States, Ukraine, Russia and Nuclear Weapons [Electronic resource] / S. Pifer // Brookings. Arms Control Series. – Paper 6. – May 2011. – Mode of access: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/05_trilateral_process_pifer.pdf. – Date of access: 07.07.2023.
843. Pipes, R. Flight from Freedom: What Russians Think and Want / R. Pipes // Foreign Affairs. – 2004. – May/June. – Vol. 83, № 3. – P. 9–15.
844. Pipes, R. Is Russia Still an Enemy? / R. Pipes // Foreign Affairs. – 1997. – September/October. – Vol. 76, № 5. – P. 65–78.
845. Powell, C. A Strategy of Partnerships / C. Powell // Foreign Affairs. – 2004. – January/February. – Vol. 83, № 1. – P. 22–34.
846. Present Dangers: Crisis and Opportunity in American Foreign and Defense Policy / R. Kagan and W. Kristol (eds.). – San Francisco : Encounter Books, 2000. – X+401 p.
847. President Obama interviewed by CNN's Fareed Zakaria in India for CNN's New Day [Electronic resource] // CNN. – 2015. – January 27. – Mode of access: <http://cnnpressroom.blogs.cnn.com/2015/01/27/president-obama-interviewed-by-cnns-fareedzakaria-in-india-for-cnns-newday/>. – Date of access: 11.11.2019.
848. Putin, V. A Plea for Caution from Russia [Electronic resource] / V. Putin // The New York Times. – 2013. – September 11. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2013/09/12/opinion/putin-plea-for-caution-from-russia-on-syria.html>. – Date of access: 08.08.2018.
849. Reeves, P. G8 Summit: Yeltsin Flits Across the World Stage / P. Reeves // The Independent. – 1999. – June 19. – P. 16.
850. Regional Conflicts: The Challenge to US – Russian Cooperation / J. E. Goodby [et al.] ; J. E. Goodby (ed.). – New York : Oxford University Press, 1995. – XIV+251 p.
851. Remarks at a UN Security Council Briefing on the Political Situation in Syria. August 29, 2022 [Electronic resource] // U.S. Mission to the United Nations. – Mode of access: <https://usun.usmission.gov/remarks-at-a-un-security-council-briefing-on-the-political-situation-insyria-8/>. – Date of access: 03.10.2022.
852. Remarks by Ambassador Linda Thomas-Greenfield at a UN Security Council Briefing on Syria. September 14, 2022 [Electronic resource] // U.S. Embassy in Syria. – Mode of access: <https://sy.usembassy.gov/remarks-by-ambassador-linda-thomas-greenfield-at-a-unsecurity-council-briefing-on-syria/>. – Date of access: 03.10.2022.
853. Remarks by President Biden on Russia [Electronic resource] // The White House. – 2021. – 15 April. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/15/remarks-by-president-biden-on-russia/>. – Date of access: 25.04.2022.
854. Remarks by President Obama at the Closing Session of the Nuclear Security Summit. April 01, 2016 [Electronic resource] // The White House President Barack Obama. – Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/04/01/remarks-president-obama-closing-session-nuclear-security-summit>. – Date of access: 21.10.2019.

855. Remarks by the President in a Press Conference. East Room. August 09, 2013 [Electronic resource] // The White House President Barack Obama. – Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/08/09/remarks-president-press-conference>. – Date of access: 23.11.2018.

856. Remarks by the President in Address to European Youth. March 26, 2014 [Electronic resource] // The White House President Barack Obama. – Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/03/26/remarks-president-address-european-youth>. – Date of access: 21.10.2019.

857. Remarks by the President to the United Nations General Assembly. September 23, 2009 [Electronic resource] // The White House President Barack Obama. – Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-united-nations-general-assembly>. – Date of access: 25.10.2019.

858. Remarks by Vice President Biden at 45th Munich Conference on Security Policy. February 07, 2009 [Electronic resource] // The White House President Barack Obama. – Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-vice-president-biden-45th-munich-conference-security-policy>. – Date of access: 17.11.2019.

859. Remarks by Vice President Joe Biden at the Atlantic Council's Toward a Europe Whole and Free Conference. April 30, 2014 [Electronic resource] // Atlantic Council. – Mode of access: <http://www.atlanticcouncil.org/news/transcripts/remarks-by-vice-president-joe-biden-at-the-atlantic-council-s-toward-a-europe-whole-and-free-conference>. – Date of access: 30.05.2018.

860. Remarks by Vice President Joe Biden to The Ukrainian Rada. December 09, 2015 [Electronic resource] // The White House President Barack Obama. – Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada>. – Date of access: 17.11.2020.

861. Remarks With Russian Foreign Minister Lavrov [Electronic resource] // U.S. Department of State. – 2015. – September 30. – Mode of access: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2015/09/247662.htm>. – Date of access: 11.11.2019.

862. Remarks With Russian Foreign Minister Sergey Lavrov After Their Meeting [Electronic resource] // U.S. Department of State. – 2013. – September 14. – Mode of access: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2013/09/214250.htm>. – Date of access: 11.11.2019.

863. Remarks With Russian Foreign Minister Sergey Lavrov and UN Special Envoy Staffan de Mistura at a Press Availability [Electronic resource] // U.S. Department of State. – 2016. – September 9. – Mode of access: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2016/09/261722.htm>. – Date of access: 30.12.2019.

864. Remnick, D. Can Russia Change? / D. Remnick // Foreign Affairs. – 1997. – January/February. – Vol. 76, № 1. – P. 35–49.

865. Resolution 1441 (2002). Adopted by the Security Council at its 4644th meeting, on 8 November 2002 [Electronic resource] // United Nations. – Mode of access: <https://www.un.org/Depts/unmovic/documents/1441.pdf>. – Date of access: 25.07.2022.

866. Rhodes, B. The World as It Is: A Memoir of the Obama White House / B. Rhodes. – New York : Penguin Random House, 2018. – 480 p.

867. Rice: Belarus is «dictatorship» [Electronic resource] // CNN.com. – April 20, 2005. – Mode of access: <http://edition.cnn.com/2005/WORLD/europe/04/20/rice.belarus/>. – Date of access: 17.02.2015.

868. Rice, C. No Higher Honor: A Memoir of My Years in Washington / C. Rice. – New York : Crown Publishing Group, 2011. – XVIII+766 p.

869. Rice, C. Rethinking the National Interest. American Realism for a New World [Electronic resource] / C. Rice // Foreign Affairs. – 2008. – July/August. – Vol. 87, № 4. –

Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/rethinking-national-interest>. – Date of access: 08.08.2018.

870. Rice: Russia Uses Energy Wealth as Political Weapon [Electronic resource] // FOX News. – 2006. – January 05. – Mode of access: <http://www.foxnews.com/story/2006/01/05/rice-russia-uses-energy-wealth-as-political-weapon.html>. – Date of access: 10.05.2010.

871. Richard Holbrooke: The Balkans' Bulldozer [Electronic resource] // BBC News. – 1999. – March 24. – Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/special_report/1998/kosovo/190803.stm. – Date of access: 01.02.2022.

872. Ritter, S. Iraq confidential: The untold story of America's intelligence conspiracy / S. Ritter. – L. : I. B. Tauris, 2010. – XXVIII+312 p.

873. Rodman, P. W. Russia: The Challenge of Failing Power / P. W. Rodman // Present dangers. Crisis and Opportunity in American Foreign and Defense Policy. – San Francisco : Encounter Books, 2000. – P. 75–99.

874. Rosefielde, S. Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower / S. Rosefielde. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – XXI+244 p.

875. Rumsfeld, D. Known and Unknown: a Memoir / D. Rumsfeld. – New York : Sentinel HC Publishing, 2011. – 832 p.

876. Russia and America: From Rivalry to Reconciliation / D. D. Barry [et al.] ; G. Ginsburg, A. Z. Rubinstein, O. M. Smolansky (eds.). – Armonk (New York) ; L. : Sharpe, 1993. – XI+353 p.

877. Russia and the United States In the Evolving World Order / A. Bogaturov [et al.] ; A. Torkunov, N. C. Noonan, T. Shakleina (eds.). – M. : MGIMO University, 2018. – 414 p.

878. Russian Foreign Policy in the Twenty-First Century and the Shadow of the Past / L. T. Caldwell [et al.] ; R. Legvold (ed.). – New York : Columbia University Press, 2007. – X+534 p.

879. Russia's Foreign Policy Objectives: What are They? Hearing before the Committee on International Relations House of Representatives. 106th Congress, 1st Session. – Washington : U. S. Government Publishing Office, 2000. – 101 p.

880. Sakwa, R. Conspiracy Narratives as a Mode of Engagement in International Politics: the Case of the 2008 Russo-Georgian war // Russian Review. – 2012. – Vol. 71, № 4. – P. 581–609.

881. Sakwa, R. "New Cold War" or Twenty Years Crisis? Russia and International Politics / R. Sakwa // International Affairs. – 2008. – Vol. 84, № 2. – P. 241–267.

882. Sarotte, M. E. Not One Inch. America, Russia, and the Making of Post-Cold War Stalemate / M. E. Sarotte. – New Haven, London : Yale University Press, 2021. – XVI+550 p.

883. Saunders, P. J. The U.S. and Russia After Iraq [Electronic resource] / P. J. Saunders // Hoover Institution. – 2003. – June 1. – Mode of access: <https://www.hoover.org/research/us-and-russia-after-iraq>. – Date of access: 25.08.2023.

884. Sciolino, E. Russian Chaos Stalls Disarmament, Senate Is Told / E. Sciolino // The New York Times. – 1993. – March 10. – P. A11.

885. Secretary Rice Addresses U.S.-Russia Relations At The German Marshall Fund. Renaissance Mayflower Hotel. Washington, DC. September 18, 2008 [Electronic resource] // U.S. Department of State. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20080919223202/http://www.state.gov/secretary/rm/2008/09/109954.htm>. – Date of access: 23.08.2018.

886. Security Council Imposes Additional Sanctions on Iran. Security CouncilSC/9948 [Electronic resource] // United Nations. – 2010. – June 9. – Mode of access: <https://press.un.org/en/2010/sc9948.doc.htm>. – Date of access: 17.02.2020.

887. Sestanovich, S. Dual Frustration: America, Russia and the Persian Gulf / S. Sestanovich // The National Interest. – 2002. – № 70. – P. 153–162.

888. Sestanovich, S. Giving Russia its Due / S. Sestanovich // *The National Interest*. – 1994. – № 36. – P. 3–13.
889. Shapiro, W. Russian Election Critical Well Beyond U.S. Politics / W. Shapiro // *USA Today*. – 1996. – June 12. – P. 2A.
890. Shevtsova, L. Post-Communist Russia: A Historic Opportunity Missed / L. Shevtsova // *International Affairs*. – 2007. – Vol. 83. – P. 891–912.
891. Shultz, G. P. The Threat of Nuclear War Is Still With Us [Electronic resource] / G. P. Shultz, W. J. Perry, S. Nunn // *The Wall Street Journal*. – 2019. – April 10. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/the-threat-of-nuclear-war-is-still-with-us-11554936842?mod=searchresults&page=1&pos=5>. – Date of access: 18.10.2020.
892. Simes, D. After the Collapse: Russia Seeks Its Place as a Great Power / D. Simes. – New York : Simon & Schuster, 1999. – 272 p.
893. Simes D. K. Losing Russia. The Costs of Renewed Confrontation / D. K. Simes // *Foreign Affairs*. – 2007. – November/December. – Vol. 86, № 6. – P. 36–52.
894. Spetalnick, M. Analysis: U.S., Russia Resetting “Reset” Button in Relations [Electronic resource] / M. Spetalnick, S. Cornwell // *Reuters*. – 2011. – December 11. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-russia-usa-idUSTRE7B826920111209>. – Date of access: 18.04.2017.
895. Starr, S. F. A Partnership for Central Asia / S. F. Starr // *Foreign Affairs*. – 2005. – July/August. – Vol. 84, № 4. – P. 164–178.
896. Stent, A. Putin’s Power Play in Syria. How To Respond To Russia’s Intervention [Electronic resource] / A. Stent // *Foreign Affairs*. – 2016. – January/February. – Vol. 95, № 1. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2015-12-14/putins-power-play-syria>. – Date of access: 08.08.2018.
897. Stephanopoulos, G. All Too Human. A Political Education / G. Stephanopoulos. – Boston, New York, L. : Little, Brown & Co., 1999. – 456 p.
898. Sullivan, J. The Sources of American Power. A Foreign Policy for a Changed World / J. Sullivan // *Foreign Affairs*. – 2023. – November/December. – Vol. 102, № 6. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/sources-american-power-biden-jake-sullivan>. – Date of access: 28.10.2023.
899. Summary of the 2018 National Defence Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military’s Competitive Edge [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>. – Date of access: 22.06.2019.
900. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense / Department of Defense. – January 2012. – Washington, DC [Electronic resource]. – Mode of access: https://dn790004.ca.archive.org/0/items/DTIC_ADA554328/DTIC_ADA554328.pdf. – Date of access: 22.06.2019.
901. Talbott, S. The Russia Hand. A Memoir of Presidential Diplomacy / S. Talbott. – New York : Random House, 2002. – X+478 p.
902. Talmon, S. The United States under President Trump: Gravedigger of International Law / S. Talmon // *Chinese Journal of International Law*. – 2019. – Vol. 17. – P. 645–668.
903. Telephone Conversation with President Boris Yeltsin of Russia [Electronic resource] // George Bush Presidential Library and Museum. – 1991. – December 13. – Mode of access: <https://bush4library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1991-12-13--Yeltsin.pdf>. – Date of access: 10.12.2021.
904. The New Chapter in United States – Russian Relations: Opportunities and Challenges / G. Gleason [et al.] ; Sh. Cross, M. A. Oborotova (eds.). – Westport (Conn.) ; L. : Praeger, 1994. – XIV+227 p.

905. The Putin Files: Antony Blinken. Obama adviser, 2009-15 [Electronic resource] // PBS. – Mode of access: <https://www.pbs.org/wgbh/frontline/interview/antony-blinken/>. – Date of access: 18.07.2023.

906. Tony Lake – “From Containment to Enlargement” 9/21/93 [Electronic resource] // Clinton Digital Library. National Security Council, Speechwriting Office, and Antony Blinken. – Mode of access: <https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/9013>. – Date of access: 08.07.2023.

907. Toosi, N. Biden to Putin: Help Me Help You [Electronic resource] / N. Toosi // Politico. – 16.06.2021. – Mode of access: <https://www.politico.com/news/2021/06/16/biden-putin-meeting-494925>. – Date of access: 22.06.2021.

908. Transcript: Obama’s End-of-Year News Conference on Syria, Russian Hacking, and More [Electronic resource] // The Washington Post. – 2016. – December 16. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2016/12/16/transcript-obamas-end-of-year-news-conference-on-syria-russian-hacking-and-more/>. – Date of access: 18.04.2020.

909. Transcript of President Biden’s Remarks in Warsaw on March 26 [Electronic resource] // The Washington Post. – 2022. – March 27. – Mode of access: www.washingtonpost.com/national-security/2022/03/27/transcript-president-bidens-remarks-warsaw-march-26/. – Date of access: 25.04.2022.

910. Treisman, D. Russia Renewed? / D. Treisman // Foreign Affairs. – 2002. – November/December. – Vol. 81, № 6. – P. 58–72.

911. Treisman, D. Why Putin Took Crimea. The Gambler in the Kremlin / D. Treisman // Foreign Affairs. – 2016. – May/June. – Vol. 95, № 3. – P. 47–54.

912. Tripathi, D. Overcoming the Bush Legacy in Iraq and Afghanistan / D. Tripathi. – Washington : Potomac Books, 2010. – XVI+183 p.

913. Tyler, P. E. U.S. Strategy Plan Calls for Ensuring No Rival Develop: A One Superpower World / P. E. Tyler // The New York Times. – 1992. – March 8. – P. A14.

914. Ukraine Freedom Support Act of 2014 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-113hr5859rds/pdf/BILLS-113hr5859rds.pdf>. – Date of access: 14.02.2021.

915. United Nations Security Council Resolution 2118 (S/RES/2118) [Electronic resource] // United Nations Security Council. – 2013. – September 27. – Mode of access: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/489/23/PDF/N1348923.pdf>. – Date of access: 25.05.2018.

916. United Nations Security Council Resolution 2268 [Electronic resource] // United Nations Security Council. – 2016. – February 26. – Mode of access: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/053/63/PDF/N1605363.pdf>. – Date of access: 25.05.2018.

917. U.S.-Russia Relations in the Aftermath of the Georgia Crisis. Hearing before the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. One Hundred Tenth Congress. Second session. September 9, 2008. Serial № 110 – 221. – Washington, D.C. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.hsdl.org/?view&did=233716>. – Date of access: 25.08.2018.

918. Vice President’s Remarks at the 2006 Vilnius Conference [Electronic resource] // The White House. – 2006. – 4 May. – Mode of access: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/05/20060504-1.html>. – Date of access: 10.05.2009.

919. Waller, M. Time to De-Fund Russia’s Military Modernization / M. Waller // The Wall Street Journal. – 1995. – June 2–3. – P. 32.

920. Walt, S. M. Beyond bin Laden: Reshaping U. S. Foreign Policy / S. M. Walt // International Security. – 2001. – Vol. 26, № 3. – P. 56–78.

921. War In the Fifth Domain. Are the Mouse and Keyboard the New Weapons of Conflict? [Electronic resource] // The Economist. – 2010. – July 1. – Mode of access: <https://www.economist.com/briefing/2010/07/01/war-in-the-fifth-domain>. – Date of access: 18.04.2018.

922. Warshaw, Sh. A. The Co-Presidency of Bush and Cheney / Sh. A. Warshaw. – Stanford (CA) : Stanford University Press, 2009. – 329 p.

923. Weiss, Ch. Eurasia Letter: A Marshal Plan We Can Afford / Ch. Weiss // Foreign Policy. – 1997. – Spring. – № 106. – P. 94–109.

924. William J. Perry, Secretary of Defense. Annual Report to the President and the Congress. Washington, D.C. February 1995 [Electronic resource]. – Mode of access: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/annual_reports/1995_DOD_AR.pdf?ver=2014-06-24-152712-813. – Date of access: 25.05.2023.

925. Wilson, A. Is Russia Practicing a Dry Run for an Invasion of Belarus? [Electronic resource] / A. Wilson // Foreign Policy. – 2017. – 18 September. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2017/09/18/is-russia-practicing-a-dry-run-for-an-invasion-of-belarus/>. – Date of access: 27.08.2019.

926. Winning the Competition for Influence in Central and Eastern Europe: US Assistant Secretary of State A. Wess Mitchell [Electronic resource] // Atlantic Council. – 2018. – October 19. – Mode of access: <https://www.atlanticcouncil.org/news/transcripts/winning-the-competition-for-influence-in-central-and-eastern-europe-us-assistant-secretary-of-state-a-wess-mitchell>. – Date of access: 15.05.2019.

927. Woodward, B. Bush at War / B. Woodward. – New York : Simon & Shuster, 2002. – XIX+376 p.

928. Woodward, B. Plan of Attack / B. Woodward. – New York : Simon & Shuster, 2004. – XI+467 p.

929. Wroughton, L. U.S. Suspends Syria Ceasefire Talks With Russia, Blames Moscow [Electronic resource] / L. Wroughton // Reuters. – 2016. – October 3. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-usa-russia-idUSKCN1231X3>. – Date of access: 30.10.2018.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Список послов России в США

Фамилия Имя Отчество	Срок полномочий	Ранг
Комплектов Виктор Георгиевич (1932–2020 гг.)	25 декабря 1991 г. – 2 марта 1992 г.	Чрезвычайный и полномочный посол
Лукин Владимир Петрович (род. в 1937 г.)	24 января 1992 г. – 8 февраля 1994 г.	Чрезвычайный и полномочный посол
Воронцов Юлий Михайлович (1929–2007 гг.)	23 июля 1994 г. – 16 декабря 1998 г.	Чрезвычайный и полномочный посол
Ушаков Юрий Викторович (род. в 1947 г.)	16 декабря 1998 г. – 31 мая 2008 г.	Чрезвычайный и полномочный посол
Кисляк Сергей Иванович (род. в 1950 г.)	26 июля 2008 г. – 21 августа 2017 г.	Чрезвычайный и полномочный посол
Антонов Анатолий Иванович (род. в 1955 г.)	21 августа 2017 г. – по настоящее время	Чрезвычайный и полномочный посол

Приложение Б

Список послов США в России

Фамилия Имя	Срок полномочий
Страусс Роберт Шварц (1918–2014 гг.)	24 августа 1991 г. – 19 ноября 1992 г.
Пикеринг Томас (род. в 1931 г.)	21 мая 1993 г. – 1 ноября 1996 г.
Коллинз Джеймс Франклин (род. в 1939 г.)	2 сентября 1997 г. – 10 июля 2001 г.
Вершбоу Александр Рассел (род. в 1952 г.)	17 октября 2001 г. – 22 июля 2005 г.
Бёрнс Уильям Джозеф (род. в 1956 г.)	10 августа 2005 г. – 27 июня 2008 г.
Байерли Джон Росс (род. в 1954 г.)	3 июля 2008 г. – 15 сентября 2011 г.
Макфол Майкл Энтони (род. в 1963 г.)	10 января 2012 г. – 4 февраля 2014 г.
Теффт Джон Френсис (род. в 1949 г.)	1 августа 2014 г. – 28 сентября 2017 г.
Хантсман-мл. Джон Мид (род. в 1960 г.)	3 октября 2017 г. – 7 августа 2019 г.
Салливан Джон Джозеф (род. в 1959 г.)	16 января 2020 г. – 4 сентября 2022 г.
Трейси Линн (род. в 1964 г.)	9 января 2023 г. – по настоящее время

Приложение В

Хронология российско-американских отношений¹

12 июня 1991 г. – Б. Н. Ельцин избран президентом РСФСР на основе прямых выборов.

18–20 июня 1991 г. – рабочий визит Б. Н. Ельцина в США.

31 июля 1991 г. – в ходе визита президента США Дж. Буша-ст. в Москву был подписан советско-американский договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1).

19–21 августа 1991 г. – попытка государственного переворота в СССР.

6 сентября 1991 г. – телемост американской телекомпании АВС с участием президента СССР М. С. Горбачева и президента РСФСР Б. Н. Ельцина, ответивших на вопросы американцев из Детройта, Лос-Анджелеса, Нью-Йорка, Майами, Сан-Франциско, Филадельфии и Чикаго.

8 декабря 1991 г. – подписание лидерами России, Беларуси и Украины в ходе белорусской встречи Заявления о прекращении существования СССР и создании СНГ, о чем был проинформирован президент США Дж. Буш-ст.

12 декабря 1991 г. – Дж. Буш-ст. подписал Закон о совместном уменьшении угрозы (Программу Нанна – Лугара).

25 декабря 1991 г. – официальное прекращение существования СССР.

1 февраля 1992 г. – состоялось подписание Б. Н. Ельциным и Дж. Бушем-ст. Кэмп-Дэвидской декларации о новых отношениях между Россией и США.

11 марта 1992 г. – на внеочередной сессии Совета североатлантического сотрудничества в Брюсселе в его состав были включены Россия и другие ННГ.

16 апреля 1992 г. – подписание в Вашингтоне Соглашения между Банком внешней торговли России и Экспортно-импортным банком США, обеспечивавшего государственную поддержку экспорта товаров и услуг из Соединенных Штатов в Россию.

23 мая 1992 г. – США, Россия, Беларусь, Казахстан и Украина подписали Лиссабонский протокол к Договору СНВ-1.

1 июня 1992 г. – Россия стала членом МВФ.

16–18 июня 1992 г. – визит Б. Н. Ельцина в США, в ходе которого состоялось подписание Хартии российско-американского партнерства и дружбы, Рамочного соглашения между РФ и США о дальнейших сокращениях СНВ и ряда других документов.

24 октября 1992 г. – вступление в силу принятого в США закона, предполагавшего реализацию ряда программ в поддержку свободного рынка и демократических реформ в России. Принятие Программы Нанна – Лугара в виде поправки к данному закону.

3 ноября 1992 г. – президентом США избран кандидат от Демократической партии Б. Клинтон.

3 января 1993 г. – в ходе визита Дж. Буша-ст. в Москву был подписан Договор о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2), предусматривавший к 1 января 2003 г. взаимное сокращение числа стратегических боезарядов до 3000–3500 единиц.

18 февраля 1993 г. – в Вашингтоне было подписано Межправительственное соглашение между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о необратимой переработке оружейного урана в низкообогащенный уран – топливо

¹ Составлено на основе следующих источников [504; 522; 545, с. 332–362; 581, с. 379–392; 652, с. 401–440], а также открытой информации.

для американских АЭС. Для обеспечения соглашения позднее был заключен Контракт ВОУ-НОУ между российской и американской компаниями по обогащению урана.

2 апреля 1993 г. – презентация в Москве Международного научного фонда Дж. Сороса.

3–4 апреля 1993 г. – российско-американская встреча в верхах в Ванкувере, в ходе которой Б. Н. Ельцин и Б. Клинтон подписали Ванкуверскую декларацию, в соответствии с которой была создана Российско-американская комиссия по экономическому и технологическому сотрудничеству под председательством главы правительства России В. С. Черномырдина и вице-президента США А. Гора (Комиссия Гор – Черномырдин).

23 апреля 1993 г. – президент Б. Н. Ельцин утвердил Концепцию внешней политики Российской Федерации.

4 июня 1993 г. – подписание в Вашингтоне соглашения между двумя странами о поставках в Россию американского продовольствия на сумму 700 млн долл.

10 июля 1993 г. – встреча Б. Н. Ельцина и Б. Клинтона на полях саммита G-7 в Токио.

21 августа 1993 г. – оглашение в США концепции «расширения демократии» в мире.

1–2 сентября 1993 г. – визит в США председателя правительства России В. С. Черномырдина.

20 сентября 1993 г. – подписание американо-российским космическим консорциумом «Локхид – Хруничев – Энергия Интернэшнл» первого коммерческого контракта на использование ракеты-носителя «Протон» для вывода на околоземную орбиту американских спутников.

21 сентября 1993 г. – президент Б. Н. Ельцин издал указ о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета и назначил выборы новых органов государственной власти.

12 декабря 1993 г. – состоялись первые выборы в Государственную думу.

10–11 января 1994 г. – в Брюсселе на заседании совета НАТО на высшем уровне одобрена программа «Партнерство ради мира».

12–15 января 1994 г. – визит Б. Клинтона в Россию.

14 января 1994 г. – Б. Н. Ельцин, Б. Клинтон и Л. М. Кравчук подписали в Москве трехстороннее заявление о порядке передачи РФ ядерных боезарядов с украинской территории, о компенсации и гарантиях безопасности Украины.

14 января 1994 г. – Б. Н. Ельцин и Б. Клинтон подписали Московскую декларацию о взаимном ненацеливании стратегических ядерных ракет начиная с 30 мая 1994 г.

22 июня 1994 г. – заявление российского правительства о присоединении России к программе НАТО «Партнерство ради мира».

8–10 июля 1994 г. – Б. Н. Ельцин принял участие в работе G-7 в итальянском Неаполе, где ее решили преобразовать в «восьмерку».

26–30 сентября 1994 г. – визит Б. Н. Ельцина в США, в ходе которого были достигнуты договоренности о ратификации Договора СНВ-2 и о сокращении сроков ликвидации ядерных боеголовок по сравнению с предусмотренными данным договором, об обмене информацией по запасам ядерного оружия и расщепляющихся материалов, о создании организации на смену расформированному КОКОМ, об отказе России от новых поставок Ирану оружия и военной техники.

5–6 декабря 1994 г. – встреча на высшем уровне государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Будапеште. Участниками принято решение о преобразовании СБСЕ в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

11 декабря 1994 г. – начало войны в Чечне.

6 февраля 1995 г. – стыковка американского шаттла «Дискавери» и российской орбитальной станции «Мир».

17 апреля – 12 мая 1995 г. – в Нью-Йорке прошла V Конференция по рассмотрению действия ДНЯО, на которой участники приняли решение о бессрочном продлении договора.

9–10 мая 1995 г. – Б. Клинтон посетил Москву по случаю 50-летия Победы в Великой Отечественной войне. Президентами РФ и США были приняты совместные российско-американские заявления о транспарентности и необратимости процесса сокращения ядерного оружия, по нераспространению, по противоракетной обороне, по вопросам экономических реформ, торговли и инвестиций. Российская сторона также подтвердила договоренность об отказе заключать новые сделки по продаже обычных вооружений Ирану.

16–17 июня 1995 г. – встреча Б. Н. Ельцина и Б. Клинтона в канадском Галифаксе на полях саммита G-7.

29 июня 1995 г. – стыковка американского шаттла «Атлантис» и российской орбитальной станции «Мир».

8 сентября 1995 г. – Б. Н. Ельцин осудил натовские бомбардировки боснийских сербов и заявил, что данные действия выходят за рамки решений СБ ООН.

23 октября 1995 г. – встреча Б. Н. Ельцина и Б. Клинтона в рамках сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, на которой была достигнута договоренность о проведении совместной миротворческой операции в Боснии.

21 ноября 1995 г. – в американском Дейтоне состоялась встреча лидеров Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины при участии представителей РФ, США и ЕС. Парафировано рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине.

9 января 1996 г. – на должность министра иностранных дел был назначен директор СВР Е. М. Примаков.

13 марта 1996 г. – российско-американская встреча на высшем уровне в рамках саммита, посвященного достижению мира на Ближнем Востоке, в египетском Шарм-эль-Шейхе.

19–21 апреля 1996 г. – Б. Клинтон принял участие в конференции по ядерной безопасности в Санкт-Петербурге, где рассказал Б. Н. Ельцину о календарном графике расширения НАТО.

1 июня 1996 г. – завершён вывод ядерного оружия с Украины в Россию.

3 июля 1996 г. – состоялся второй тур президентских выборов в России, по итогам которого Б. Н. Ельцин был переизбран на второй срок.

24 сентября 1996 г. – представители пяти ядерных держав (РФ, США, КНР, Великобритания, Франция) подписали в Нью-Йорке Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

5 ноября 1996 г. – Б. Клинтон переизбран президентом США на второй срок.

23 ноября 1996 г. – завершён вывод ядерных боеголовок из Беларуси в Россию.

20–21 марта 1997 г. – состоялась встреча Б. Н. Ельцина и Б. Клинтона в Хельсинки, по итогам которой был принят ряд документов: Совместное российско-американское заявление по европейской безопасности; Совместное заявление о параметрах будущих сокращений ядерных вооружений; Совместное заявление по российско-американской экономической инициативе; Совместное заявление Президентов России и США в отношении Договора по противоракетной обороне; Совместное заявление по химическому оружию.

27 мая 1997 г. – в Париже подписан основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между НАТО и РФ.

30 мая 1997 г. – на сессии министров иностранных дел Совета североатлантического сотрудничества в португальском Синтре было принято решение о роспуске организации и создании Совета евроатлантического партнерства, в состав которого вошли страны-члены НАТО и государства-участники программы «Партнерство ради мира», включая Россию.

20–22 июня 1997 г. – участие Б. Н. Ельцина в работе саммита G-8 в Денвере (штат Колорадо).

1 августа 1997 г. – уведомление Б. Клинтонем Конгресса США об автоматическом продлении режима наибольшего благоприятствования в торговле с Россией как страной, полностью отвечающей критериям свободы эмиграции.

26 сентября 1997 г. – в Нью-Йорке состоялось подписание главами внешнеполитических ведомств Беларуси, Казахстана, России, США и Украины пакета документов по вопросам разоружения – Меморандума о правопреемстве в отношении Договора по ПРО, Первого и Второго согласованных заявлений по разграничению стратегической и нестратегической ПРО и Соглашения о мерах укрепления доверия в отношении систем нестратегической ПРО. Е. М. Примаков и М. Олбрайт также подписали протокол к Договору о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2) и Обменные письма, где были зафиксированы договоренности, достигнутые президентами РФ и США в ходе встречи в верхах в Хельсинки в марте 1997 г., в соответствии с которыми стороны перенесли ликвидацию стратегических наступательных вооружений по Договору СНВ-2 на более поздний срок (до 31 декабря 2007 г.) и согласовали основные параметры разграничения тактической и стратегической ПРО.

25 ноября 1997 г. – встреча Б. Н. Ельцина и Б. Клинтона на полях саммита АТЭС в канадском Ванкувере.

29 января 1998 г. – подписание в Вашингтоне соглашения между РФ и США о сотрудничестве по вопросу Международной космической станции.

15–17 мая 1998 г. – встреча в Бирмингеме глав государств и правительств наиболее промышленно развитых стран, в которой принимала участие Россия, на которой G-7 была преобразована в G-8.

1–3 сентября 1998 г. – визит в Россию Б. Клинтона, в ходе которого президенты РФ и США подписали следующие документы: Совместное заявление об общих вызовах безопасности на рубеже XXI в.; Совместное заявление о ситуации в Косово; Совместное заявление о принципах обращения и утилизации плутония, заявленного как не являющегося более необходимым для целей обороны; Совместное заявление об обмене информацией о пусках ракет и раннем предупреждении; Совместное заявление о протоколе к Конвенции о запрещении биологического оружия; Совместное заявление о торговом, инвестиционном и технологическом сотрудничестве и контактах по линии неправительственных организаций; Соглашение о повышении безопасности полетов.

11 сентября 1998 г. – министром иностранных дел России был назначен И. С. Иванов.

16–20 декабря 1998 г. – США и Великобритания нанесли ракетно-бомбовые удары по Ираку в связи с его отказом сотрудничать со Специальной комиссией ООН.

6 февраля – 19 марта 1999 г. – во французском Рамбуйе с участием представителей стран – членов Контактной группы по бывшей Югославии (Великобритания, Италия, Германия, Россия, США, Франция) прошли переговоры между противоборствующими сторонами в Косово.

12 марта 1999 г. – Польша, Венгрия и Чехия стали членами НАТО.

23 марта 1999 г. – премьер-министр Е. М. Примаков прервал на полпути свой визит в США («разворот над Атлантикой») в связи с решением Вашингтона начать военную операцию против СРЮ.

24 марта – 9 июня 1999 г. – военная операция НАТО против Югославии.

24 марта 1999 г. – Б. Н. Ельцин назвал военную операцию НАТО неприкрытой агрессией против Югославии.

23–24 апреля 1999 г. – на сессии Совета НАТО в Вашингтоне принята новая Стратегическая концепция Организации Североатлантического договора.

11–12 июня 1999 г. – марш-бросок российских десантников из Боснии в Приштину.

16 июня 1999 г. – Москва и Вашингтон договорились об участии российского контингента в миссии международных сил по поддержанию мира в Косово.

20 июня 1999 г. – встреча Б. Н. Ельцина и Б. Клинтона на полях саммита G-8 в Кёльне.

12 июля 1999 г. – подписание Всеобъемлющего соглашения по торговле сталью между правительствами РФ и США.

23 июля 1999 г. – Б. Клинтон подписал закон о национальной противоракетной обороне США.

12 сентября 1999 г. – встреча председателя правительства РФ В. В. Путина с президентом США Б. Клинтон на полях саммита АТЭС в новозеландском Окленде.

30 сентября 1999 г. – начало телевещания российской телекомпании «НТВ Интернэшнл» на территории США.

1 ноября 1999 г. – встреча российского премьер-министра В. В. Путина с американским президентом Б. Клинтон в Осло.

4 ноября 1999 г. – введение министерством торговли США запрета на импорт российской стали в Америку.

18 ноября 1999 г. – напряженная встреча Б. Н. Ельцина и Б. Клинтона на Стамбульском саммите ОБСЕ.

31 декабря 1999 г. – отставка Б. Н. Ельцина с поста президента России.

31 января – 2 февраля 2000 г. – визит в Москву госсекретаря США М. Олбрайт, в ходе которого состоялась ее встреча с В. В. Путиным.

26 марта 2000 г. – победа В. В. Путина на президентских выборах.

14 апреля 2000 г. – Госдума ратифицировала Договор СНВ-2 и ряд других документов, касавшихся проблемы стратегической стабильности.

21 апреля 2000 г. – утверждена новая Военная доктрина России, в которой было восстановлено право на первый ядерный удар.

21 апреля 2000 г. – Госдума ратифицировала Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

17 мая 2000 г. – Совет Федерации ратифицировал Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

21 мая 2000 г. – начало пилотируемой эксплуатации МКС совместным российско-американским экипажем.

3–5 июня 2000 г. – рабочий визит Б. Клинтона в Россию, в ходе которого был подписан ряд документов, касавшихся отдельных вопросов двусторонних отношений РФ и США.

28 июня 2000 г. – президент В. В. Путин утвердил новую Концепцию внешней политики Российской Федерации.

21 июля 2000 г. – встреча В. В. Путина и Б. Клинтона на полях саммита G-8 на острове Окинава.

6 сентября 2000 г. – на полях «Саммита тысячелетия» ООН состоялась встреча В. В. Путина с Б. Клинтон, по итогам которой было принято Совместное российско-американское заявление «Инициатива по сотрудничеству в области стратегической стабильности».

3 ноября 2000 г. – Дж. Буш-мл. одержал победу на президентских выборах в США.

3 ноября 2000 г. – МИД РФ уведомил Вашингтон о том, что с 1 декабря 2000 г. Россия отказывается от выполнения соглашения о прекращении поставок российских вооружений Ирану от 1995 г. в связи с опубликованием его положений в американских СМИ, вопреки существовавшей договоренности относительно его конфиденциальности.

3 ноября 2000 г. – российская нефтяная компания ЛУКОЙЛ объявила о приобретении 60% акций американской компании Гетти Петролеум, владевшей сетью бензозаправок в 13 штатах США.

15 ноября 2000 г. – встреча В. В. Путина и Б. Клинтона на полях саммита АТЭС в Брунее.

19 декабря 2000 г. – СБ ООН принял резолюцию 1333, соавторами которой выступили РФ и США, вводящую запрет на продажу оружия и авиасообщение с режимом талибов в Афганистане.

12 апреля 2001 г. – встреча министра иностранных дел РФ И. С. Иванова с госсекретарем США К. Пауэллом в Париже.

17–19 мая 2000 г. рабочий визит министра иностранных дел РФ И. С. Иванова в США, в ходе которого состоялись его встречи с президентом Дж. Бушем-мл., госсекретарем К. Пауэллом, американскими сенаторами и конгрессменами.

16 июня 2001 г. – состоялась первая встреча В. В. Путина и Дж. Буша-мл. в словенской Любляне.

21–23 июля 2001 г. – на саммите G-8 в итальянской Генуе состоялась встреча В. В. Путина и Дж. Буша-мл., по итогам которой было принято совместное заявление о стратегической стабильности.

11 сентября 2001 г. – террористические акты в США.

19 сентября 2001 г. – визит министра иностранных дел РФ И. С. Иванова в США.

7 октября 2001 г. – начало контртеррористической операции международной коалиции во главе с США в Афганистане.

21 октября 2001 г. – участие В. В. Путина и Дж. Буша-мл. в работе форума АТЭС в Шанхае.

7–16 ноября 2001 г. – В. В. Путин осуществил первый государственный визит в США, в ходе которого он обсудил с Дж. Бушем-мл. обстановку в мире и ситуацию в отдельных регионах мира – в Центральной Азии, в Ираке, в зоне арабо-израильского конфликта и на Балканах. По итогам переговоров президенты России и США приняли совместные заявления по положению в Афганистане и ситуации на Ближнем Востоке, борьбе с биотерроризмом, противодействию незаконному обороту наркотиков, новым отношениям между Москвой и Вашингтоном, экономическим вопросам.

13 декабря 2001 г. – Вашингтон официально уведомил Москву о выходе из Договора по ПРО от 1972 г.

29 января 2002 г. – Дж. Буш-мл. в послании Конгрессу США употребил термин «ось зла» для обозначения стран, обвиняемых в производстве химического оружия, поддержке терроризма и связях с «Аль-Каидой».

31 января – 4 февраля 2002 г. – визит председателя правительства РФ М. М. Касьянова в США, в ходе которого состоялись его встречи с президентом США Дж. Бушем-мл., а также министрами экономики и финансов Д. Эвансом и П. О’Нилом.

10–11 апреля 2002 г. – переговоры И. С. Иванова и К. Пауэлла в Мадриде по ключевым вопросам российско-американских отношений.

2–3 мая 2002 г. – визит министра иностранных дел РФ И. С. Иванова в США.

24 мая 2002 г. – во время официального визита Дж. Буша-мл. в Россию был подписан Договор об ограничении стратегических наступательных потенциалов (СНП).

28–29 мая 2002 г. – Россию пригласили в Рим на саммит НАТО, в ходе которого была подписана Декларация об учреждении нового органа – Постоянного совместного совета Россия – НАТО.

1 июня 2002 г. – выступая в военной академии в Вест-Пойнте, президент Дж. Буш-мл. сформулировал положение о возможности осуществления «оборонительной интервенции и упреждающего удара».

5 июня 2002 г. – разрешение Министерства торговли США с РФ по всей номенклатуре товаров.

26 июня 2002 г. – на встрече в канадском Кананаскисе G-7 превратилась в G-8. Россия участвовала в ее работе в качестве официального члена.

18 сентября 2002 г. – президент Дж. Буш-мл. утвердил новую Стратегию национальной безопасности США.

1–2 октября 2002 г. – первый американо-российский деловой энергетический саммит в Хьюстоне.

22 ноября 2002 г. – встреча В. В. Путина и Дж. Буша-мл. на российско-американском саммите в Пушкине (Ленинградская область).

5 февраля 2003 г. – госсекретарь США К. Пауэлл в своей речи в СБ ООН выдвинул против Ирака обвинение в разработке ОМУ.

19 марта 2003 г. – на экстренном заседании СБ ООН главы МИД России, Франции и Германии осудили решение США о начале военной операции в Ираке.

20 марта 2003 г. – начало военного вторжения США в Ирак.

13–14 мая 2003 г. – визит госсекретаря США К. Пауэлла в Москву, в ходе которой состоялась его встреча с В. В. Путиным и И. С. Ивановым.

14 мая 2003 г. – Госдума ратифицировала российско-американский Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП).

31 мая – 1 июня 2003 г. – визит в Россию Дж. Буша-мл., в ходе которого состоялась его встреча с В. В. Путиным в Санкт-Петербурге, где было принято совместное заявление о новых стратегических отношениях.

3 июня 2003 г. – встреча В. В. Путина с Дж. Бушем-мл. в ходе совещания глав государств и правительств G-8 во французском Эвиане.

16 августа 2003 г. – начало шестисторонних (РФ, США, КНР, Япония, КНДР, Республика Корея) переговоров по урегулированию северокорейской ядерной проблемы.

22–23 сентября 2003 г. – в Санкт-Петербурге прошел Второй российско-американский деловой энергетический саммит.

23–27 сентября 2003 г. – официальный визит В. В. Путина в США, в ходе которого прошла его встреча с Дж. Бушем-мл. в Кэмп-Дэвиде, где президенты обсудили широкий круг вопросов двусторонних отношений и мировых проблем.

2–5 ноября 2003 г. – официальный визит в США председателя Совета Федерации С. М. Миронова по приглашению лидера сенатского большинства Конгресса Б. Фриста, по итогам которого стороны подписали Меморандум о сотрудничестве между Советом Федерации и Сенатом.

26–27 января 2004 г. – визит госсекретаря К. Пауэлла в Москву, в ходе которого прошла его встреча с В. В. Путиным, И. С. Ивановым и С. Б. Ивановым.

12 февраля 2004 г. – В. В. Путин в своей речи перед Федеральным Собранием Российской Федерации назвал крах СССР «величайшей геополитической катастрофой XX века».

9 марта 2004 г. – С. В. Лавров назначен министром иностранных дел России.

14 марта 2004 г. – В. В. Путин переизбран на второй срок на пост президента РФ.

7 мая 2004 г. – переизбранный на второй срок В. В. Путин приступил к исполнению обязанностей президента России.

8 июня 2004 г. – на полях саммита G-8 в американском Си-Айленде прошла встреча В. В. Путина и Дж. Буша-мл., на которой обсуждалась проблема Ирака и инициативы Вашингтона по демократизации Ближнего Востока.

2 ноября 2004 г. – Дж. Буш-мл. переизбран на второй срок на пост президента США.

20 ноября 2004 г. – В. В. Путин и Дж. Буш-мл. на полях саммита АТЭС в чилийском Сантьяго обсудили совместную работу в интересах укрепления международной безопасности и стратегической стабильности, противодействие новым глобальным вызовам и угрозам, а также развитие торгово-экономических связей между РФ и США.

5 февраля 2005 г. – рабочая встреча министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова и госсекретаря США К. Райс в Анкаре.

24 февраля 2005 г. – В. В. Путин и Дж. Буш-мл. на встрече в Братиславе заявили о сотрудничестве по вопросам безопасности в ядерной сфере, в области энергетики, а также достигли договоренности о сотрудничестве в области усиления контроля над переносными зенитными ракетными комплексами, но разошлись во взглядах о демократии.

19–20 апреля 2005 г. – госсекретарь К. Райс обсудила в Москве с В. В. Путиным и С. В. Лавровым вопросы, касающиеся нераспространения ОМУ, реформирования ОБСЕ и деятельности российских СМИ.

9 мая 2005 г. – президент США Дж. Буш-мл. принял участие в Москве в праздновании 65-летия Победы в Великой Отечественной войне.

1 июня 2005 г. – состоялось первое в истории совместное заседание Комитета по международным делам Госдумы и Комитета по международным отношениям Палаты представителей Конгресса США, по итогам которого было подписано Совместное заявление о противодействии терроризму и незаконному обороту наркотиков.

25 июня 2005 г. – встреча В. В. Путина с американскими предпринимателями в Санкт-Петербурге.

7 июля 2005 г. – встреча В. В. Путина и Дж. Буша-мл. на полях саммита G-8 в шотландском Глениглсе.

13–16 сентября 2005 г. – рабочий визит В. В. Путина в США.

14–15 октября 2005 г. – визит госсекретаря США К. Райс в Москву, в ходе которого она обсудила с В. В. Путиным и С. В. Лавровым ситуацию вокруг Ирана, Ливана, Сирии, а также обстановку в Центральной Азии.

1 ноября 2005 г. – введение запрета в США на ввоз икры и мяса белуги из России.

18 ноября 2005 г. – встреча В. В. Путина и Дж. Буша-мл. на полях саммита АТЭС в южнокорейском Пусане.

25 ноября 2005 г. – вывод американского воинского контингента с авиабазы Ханнабад в Узбекистане.

16 марта 2006 г. – президент Дж. Буш-мл. утвердил новую Стратегию национальной безопасности США.

4 мая 2006 г. – вильнюсская речь вице-президента США Р. Чейни, в которой он осудил использование РФ своих природных ресурсов в качестве внешнеполитического инструмента, нарушение в России прав человека, деструктивные действия Москвы на мировой арене, а также сотрудничество с Беларусью, Ираном, Сирией и КНДР.

26 июня 2006 г. – выступление В. В. Путина в МИД РФ. Оглашение доктрины «приведения внешнеполитического влияния России в соответствии с ее возросшими экономическими возможностями».

28–30 июня 2006 г. – визит госсекретаря США К. Райс в Москву.

14–17 июля 2006 г. – саммит G-8 в Санкт-Петербурге, в рамках которого прошла встреча В. В. Путина и Дж. Буша-мл.

28 июля 2006 г. – введение Госдепартаментом США экономических санкций против компании «Рособоронэкспорт» и концерна «Сухой».

4 августа 2006 г. – МИД РФ назвал неприемлемыми введенные Госдепартаментом США санкции против российских госкорпораций «Рособоронэкспорт» и «Сухой» по обвинениям в сотрудничестве с Ираном в сфере распространения ОМУ.

3 октября 2006 г. – министр иностранных дел РФ С. В. Лавров на пресс-конференции в Москве заявил, что США спровоцировали кризис вокруг Грузии, и отверг любые формы американского посредничества в налаживании российско-грузинских отношений.

21–22 октября 2006 г. – визит К. Райс в Москву, в ходе которого состоялись ее встречи с В. В. Путиным, С. В. Лавровым и С. Б. Ивановым. Поводом к визиту госсекретаря США в РФ стали ядерные испытания осуществленные КНДР. Кроме того, они обсудили процесс ближневосточного урегулирования, ядерную программу Ирана и ситуацию в Закавказье.

11 ноября 2006 г. – отмена администрацией Буша-мл. санкций против концерна Сухой.

15 ноября 2006 г. – неформальная встреча и деловой обед В. В. Путина и Дж. Буша-мл. в московском аэропорту Внуково-2.

19 ноября 2006 г. – на саммите АТЭС в Ханое по итогам российско-американской встречи на высшем уровне был подписан Протокол о завершении двусторонних переговоров с США по условиям присоединения России к ВТО в пакете с межправительственными соглашениями о сельскохозяйственных биотехнологиях, о торговле говядиной, об инспекциях предприятий, о торговле свининой, о защите прав интеллектуальной собственности и процедуре импортного лицензирования товаров, содержащих шифровальные средства.

23 декабря 2006 г. – СБ ООН принял резолюцию 1737 о введении санкций против Ирана.

28 декабря 2006 г. – США ввели санкции против Рособоронэкспорта, Конструкторского бюро приборостроения, Конструкторского бюро машиностроения по обвинениям в содействии оборонным программам Ирана и Сирии.

16 января 2007 г. – РФ завершила поставки в ИРИ зенитно-ракетных комплексов Тор-М1, что вызвало резко негативную реакцию Вашингтона.

2 февраля 2007 г. – встреча министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова с президентом США Дж. Бушем-мл. по вопросам сотрудничества в сфере атомной энергетики и вступления России в ВТО.

10 февраля 2007 г. – речь В. В. Путина на ежегодной международной конференции по безопасности в Мюнхене с критикой поведения США в мире.

15 февраля 2007 г. – начальник российского генштаба генерал Ю. Н. Балуевский заявил, что в ответ на развертывание элементов ПРО США в Польше и Чехии Россия может в одностороннем порядке выйти из советско-американского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) от 1987 г.

24 марта 2007 г. – СБ ООН принял резолюцию 1747, расширявшей санкции против Ирана.

26 апреля 2007 г. – В. В. Путин в обращении Федеральному Собранию РФ заявил о возможном объявлении моратория на исполнение Россией условий ДОВСЕ в связи с планами США по размещению инфраструктуры ПРО в Польше и Чехии.

14–15 мая 2007 г. – визит в Москву госсекретаря К. Райс, которая обсудила с С. В. Лавровым проблемы ПРО, урегулирование иранской ядерной проблемы и палестино-израильского конфликта, ситуацию в Косово, американскую стратегию на демократизацию суверенных государств.

7 июня 2007 г. – на саммите G-8 в немецком Хайлигендамме В. В. Путин предложил Дж. Бушу-мл. совместное использование инфраструктуры ПРО.

1–2 июля 2007 г. – неформальная встреча В. В. Путина и Дж. Буша-мл. в американском Кеннебанкпорте, на которой президент РФ повторил свое предложение о создании совместной ПРО, но вновь не встретил понимания у своего коллеги.

13 июля 2007 г. – президент В. В. Путин подписал указ «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе и связанных с ним международных договоров».

8–9 сентября 2007 г. – встреча В. В. Путина и Дж. Буша-мл. на полях саммита АТЭС в Сиднее, на которой обсуждалась проблема ПРО.

12–13 октября 2007 г. – визит в Россию госсекретаря США К. Райс и министра обороны США Р. Гейтса для встречи с российскими коллегами – С. В. Лавровым и А. Э. Сердюковым, на которой были обсуждены вопросы стратегической безопасности.

6 ноября 2007 г. – брифинг С. В. Лаврова с членами Совета Федерации Федерального Собрания РФ по проблеме отношений с ЕС и США.

19 декабря 2007 г. – американский журнал Time назвал В. В. Путина человеком года.

2 марта 2008 г. – Д. А. Медведев одержал победу на президентских выборах в России.

3 марта 2008 г. – СБ ООН принял резолюцию 1803 с более жесткими формулировками относительно иранской ядерной программы.

4 апреля 2008 г. – В. В. Путин обратился к участникам бухарестского саммита НАТО, высказав возражения против предоставления Плана действий по подготовке к членству в НАТО Украине и Грузии.

5–6 апреля 2008 г. – президентом РФ В. В. Путиным и президентом США Дж. Бушем-мл. в Сочи была принята Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений, в которой был отражен комплексный характер взаимодействия между Москвой и Вашингтоном по основным направлениям в целях обеспечения стабильной преемственности на перспективу.

7 мая 2008 г. – Д. А. Медведев вступил в должность президента России.

7 июля 2008 г. – на полях саммита G-8 в японском Тояко состоялась первая встреча президента РФ Д. А. Медведева с президентом США Дж. Бушем-мл., на которой обсуждались проблемы ПРО, Ирана и КНДР.

12 июля 2008 г. – президент Д. А. Медведев утвердил новую Концепцию внешней политики России.

8–13 августа 2008 г. – «Пятидневная война» России с Грузией в связи с нападением грузин на Южную Осетию.

11 августа 2008 г. – встреча премьер-министра РФ В. В. Путина и президента США Дж. Буша-мл. на Олимпийских играх в Пекине.

14 августа 2008 г. – подписание соглашений между США и Польшей по размещению объектов инфраструктуры ПРО на польской территории.

19 августа 2008 г. – на заседании министров иностранных дел стран-членов НАТО принято решение о пересмотре отношений с Россией и приостановлении работы Совета Россия – НАТО.

31 августа 2008 г. – изложение Д. А. Медведевым пяти приоритетных принципов внешней политики России, включая нацеленность на развитие дружеских отношений с ЕС и США.

23 октября 2008 г. – Вашингтон ввел новые санкции против Рособоронэкспорта в связи с его предполагаемым сотрудничеством с Ираном.

4 ноября 2008 г. – победа Б. Обамы на президентских выборах в США.

5 ноября 2008 г. – Д. А. Медведев объявил о планах развернуть в Калининградской области ракетные комплексы «Искандер» в ответ на планы США разместить на территории Польши и Чехии инфраструктуры ПРО.

15–16 ноября 2008 г. – визит Д. А. Медведева в США на саммит G-20.

16 ноября 2008 г. – встреча Д. А. Медведева с председателем общественного Совета по международным отношениям М. Олбрайт и другими его членами в Вашингтоне.

22 ноября 2008 г. – встреча президентов Д. А. Медведева и Дж. Буша-мл. на полях саммита АТЭС в Лиме.

12 декабря 2008 г. – встреча президента РФ Д. А. Медведева с сопредседателями российско-американской группы общественного диалога «Россия – США: взгляд в будущее» Е. М. Примаковым и Г. Киссинджером.

8–9 февраля 2009 г. – провозглашение вице-президентом США Дж. Байденом политики перезагрузки на ежегодной международной конференции по безопасности в Мюнхене.

20 февраля 2009 г. – президент Кыргызстана К. Бакиев подписал закон о денонсации договора с США о пребывании американского воинского контингента на авиабазе Манас в Бишкеке.

5 марта 2009 г. – министры иностранных дел стран-членов НАТО официально объявили о возобновлении контактов с РФ и работы Совета Россия – НАТО.

6 марта 2009 г. – встреча министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова и госсекретаря США Х. Клинтона в Москве, на которой было провозглашено начало «перезагрузки» российско-американских отношений.

19 марта 2009 г. – встреча премьер-министра РФ В. В. Путина с Г. Киссинджером.

1 апреля 2009 г. – встреча Д. А. Медведева и Б. Обамы в Лондоне на полях саммита G-20.

22 июня 2009 г. – Кыргызстан и США подписали соглашения, согласно которым авиабаза Манас была перепрофилирована в Центр транзитных перевозок в международном аэропорту Манас.

6–8 июля 2009 г. – рабочий визит Б. Обамы в Москву, в ходе которого состоялись встречи с президентом Д. А. Медведевым и премьер-министром В. В. Путиным.

7 июля 2009 г. – выступление Б. Обамы в Государственном университете – Высшей школе экономики.

8–10 июля 2009 г. – участие Д. А. Медведева и Б. Обамы в работе саммита G-8 в итальянской Аквиле.

23 сентября 2009 г. – встреча Д. А. Медведева и Б. Обамы во время 64-й сессии Генассамблеи ООН.

24–25 сентября 2009 г. – Д. А. Медведев и Б. Обама на полях саммита G-20 в Питтсбурге обсудили иранскую программу обогащения урана.

12–14 октября 2009 г. – визит госсекретаря Х. Клинтон в Россию, в ходе которого были обсуждены вопросы СНВ и ПРО, иранская ядерная программа, ближневосточное урегулирование, Афганистан и КНДР.

15 ноября 2009 г. – встреча Д. А. Медведева и Б. Обамы на полях саммита АТЭС в Сингапуре.

29 ноября 2009 г. – Д. А. Медведев обнародовал проект Договора о европейской безопасности.

18 декабря 2009 г. – встреча Д. А. Медведева и Б. Обамы на Конференции ООН по проблемам глобального изменения климата в Копенгагене.

5 февраля 2010 г. – президент Д. А. Медведев утвердил новую Военную доктрину России.

18–19 марта 2010 г. – рабочий визит госсекретаря Х. Клинтон в Россию, в ходе которого состоялись ее встречи с Д. А. Медведевым, В. В. Путиным и С. В. Лавровым.

8 апреля 2010 г. – Д. А. Медведев и Б. Обама подписали в Праге Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3).

13–14 апреля 2010 г. – рабочий визит Д. А. Медведева в США.

26 мая 2010 г. – Б. Обама утвердил Стратегию национальной безопасности США.

9 июня 2010 г. – СБ ООН принял резолюцию 1929 о введении дополнительных санкций против Ирана в связи с его ядерной программой.

24 июня 2010 г. – встреча Д. А. Медведева и Б. Обамы в США.

25–26 июня 2010 г. – участие Д. А. Медведева и Б. Обамы в саммите G-8 в канадском Хантсвилле.

27 июня 2010 г. – ФБР арестовало 11 человек, обвиненных в работе на СВР РФ.

29 июня 2010 г. – встреча премьер-министра В. В. Путина с экс-президентом США Б. Клинтоном.

24 июля 2010 г. – Вашингтоном и Варшавой был подписан американо-польский протокол к договору 2008 г. о размещении ПРО на территории Польши.

22 сентября 2010 г. – Д. А. Медведев подписал указ, введивший запрет на передачу Тегерану (ЗРС С-300 ПМУ-1), тем самым отменив контракт на поставку Ирану, заключенный в конце 2007 г.

30 октября 2010 г. – встреча министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова и госсекретаря США Х. Клинтон на саммите АСЕАН в Ханое.

11–12 ноября 2010 г. – участие Д. А. Медведева в саммите G-20 в Сеуле.

13–14 ноября 2010 г. – встреча Д. А. Медведева и Б. Обамы на полях саммита АТЭС в японской Йокогаме.

19–20 ноября 2010 г. – прошла первая после Пятидневной войны встреча Совета Россия – НАТО.

20–21 ноября 2010 г. – Д. А. Медведев предложил создать ЕвроПРО.

2 декабря 2010 г. – интервью в режиме телемоста «Россия – США» премьер-министра В. В. Путина ведущему американского телеканала CNN Л. Кингу.

22 декабря 2010 г. – Сенат Конгресса США ратифицировал Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3).

26 января 2011 г. – Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации ратифицировал Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3).

5 февраля 2011 г. – вступление в силу российско-американского Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3).

17 марта 2011 г. – Россия воздержалась при голосовании в СБ ООН по резолюции 1973 по Ливии, предусматривавшей меры, необходимые для защиты мирного населения, за исключением ввода оккупационных войск.

19 – 31 марта 2011 г. – начало военной операции ряда западных стран, в том числе США, в Ливии («Рассвет Одиссея»).

26 мая 2011 г. – во французском Довиле состоялась встреча Д. А. Медведева и Б. Обамы. По итогам встречи в составе Двусторонней президентской комиссии созданы рабочие группы по инновациям и по правовым вопросам, приняты Совместное заявление по сотрудничеству в регионе Баренцева моря, совместный российско-американский доклад по оценке ракетных вызовов XXI в., Совместное заявление о сотрудничестве в борьбе с терроризмом.

4 июля 2011 г. – на совещании Совета Россия – НАТО в Сочи стороны не смогли договориться о совместной работе по ПРО.

11–13 июля 2011 г. – визит министра иностранных дел России С. В. Лаврова в США.

13 сентября 2011 г. – подписание американо-румынского соглашения о размещении США объектов ПРО на территории Румынии.

14 ноября 2011 г. – официальный визит Д. А. Медведева на Гавайи для участия в саммите АТЭС.

23 ноября 2011 г. – президент РФ Д. А. Медведев объявил о прекращении переговоров с США по совместной программе ПРО.

16 декабря 2011 г. – Россия после восемнадцати лет переговоров присоединилась к ВТО.

5 февраля 2012 г. – РФ и КНР заблокировали резолюцию СБ ООН по Сирии, помня о ливийском сценарии.

4 марта 2012 г. – В. В. Путин одержал победу на президентских выборах в России.

7 марта 2012 г. – США отказались от продолжения переговоров по ЕвроПРО с Россией.

26–27 марта 2012 г. – саммит по ядерной безопасности в Сеуле, на котором Б. Обама пообещал Д. А. Медведеву «больше гибкости» по проблеме ПРО после переизбрания на второй срок.

16 апреля 2012 г. – компании Роснефть и ExxonMobil подписали соглашение о совместном освоении Арктики.

20–21 апреля 2012 г. – в Чикаго состоялся саммит НАТО. Встреча Совета Россия – НАТО не проводилась из-за возникших непреодолимых разногласий по вопросу ПРО.

7 мая 2012 г. – В. В. Путин вступил в должность президента России.

18 мая 2012 г. – президент РФ В. В. Путин отменил визит в США на саммит G-8, отправив вместо себя премьер-министра Д. А. Медведева.

18 июня 2012 г. – на полях саммита G-20 в мексиканском Лос-Кабосе В. В. Путин и Б. Обама провели переговоры.

1 октября 2012 г. – в России прекратило свою деятельность Агентство по международному развитию (USAID).

6 ноября 2012 г. – президентские выборы в США, по итогам которых Б. Обама был переизбран на второй срок.

6 декабря 2012 г. – принятие Конгрессом США Акта Магнитского, предусматривавшего визовые и финансовые санкции против ряда российских чиновников.

14 декабря 2012 г. – вступление в силу Акта Магнитского.

21 декабря 2012 г. – в ответ на принятие Акта Магнитского Госдума приняла так называемый Закон Димы Яковлева, введший запрет на усыновление российских детей американскими семьями.

12 февраля 2013 г. – президент В. В. Путин утвердил Концепцию внешней политики Российской Федерации.

16 марта 2013 г. – администрация Обамы отказалась от реализации четвертого этапа планов по развертывания ПРО.

14 апреля 2013 г. – советник президента по национальной безопасности Т. Дони-лон посетил Москву и передал В. В. Путину письмо Б. Обамы с предложением возродить сотрудничество по целому ряду актуальных проблем.

7 мая 2013 г. – официальный визит в Россию госсекретаря США Дж. Керри, в ходе которого состоялась его встреча с В. В. Путиным и министром иностранных дел С. В. Лавровым, где была достигнута договоренность о созыве многосторонней конференции по разрешению сирийского кризиса.

17–18 июня 2013 г. – на саммите G-8 в североирландском Лох-Эрне Россия и Запад не достигли взаимопонимания по ситуации в Сирии. В результате переговоров В. В. Путина и Б. Обамы были внесены изменения в реализацию Программы Нанна – Лугара, касающиеся сокращения количества проектов и ограничения доступа на ядерные объекты РФ американских инспекторов.

1 августа 2013 г. – Россия предоставила политическое убежище Э. Сноудену, что было расценено руководством США как враждебная политическая акция.

7 августа 2013 г. – Б. Обама заявил о замораживании диалога с Россией из-за «дела Эдварда Сноудена».

5 сентября 2013 г. – на полях саммита G-20 в Санкт-Петербурге В. В. Путин и Б. Обама не достигли согласия по сирийскому конфликту.

14 сентября 2013 г. – достижение в Женеве С. В. Лавровым и Дж. Керри договоренностей о ликвидации сирийского потенциала химического оружия.

11 декабря 2013 г. – помощник госсекретаря США В. Нуланд раздает печенье протестующим на Майдане в Киеве.

30 декабря 2013 г. – британская газета The Times провозгласила В. В. Путина человеком года.

6 февраля 2014 г. – в сети появилась запись телефонного разговора В. Нуланд с американским послом в Киеве Дж. Пайеттом, в котором обсуждалась стратегия США в отношении Украины.

14 марта 2014 г. – встреча министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова и госсекретаря Дж. Керри, на которой обсуждался политический кризис на Украине.

16 марта 2014 г. – в Крыму и Севастополе состоялся референдум о добровольном присоединении к Российской Федерации.

18 марта 2014 г. – в Москве был подписан Договор о вступлении Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации.

21 марта 2014 г. – Запад не признал результаты референдума в Крыму и ввели первый пакет санкций против России.

24 марта 2014 г. – членство России в G-8 было приостановлено.

1 апреля 2014 г. – на встрече министров иностранных дел стран-участниц НАТО было объявлено о приостановлении военного сотрудничества Североатлантического альянса и России.

22 апреля 2014 г. – вице-президент США Дж. Байден посетил Украину, где объявил о предоставлении американской помощи в размере 50 млн долл.

28 апреля 2014 г. – Вашингтон ввел санкции против ближайшего окружения В. В. Путина.

6 июня 2014 г. – В. В. Путин и Б. Обама провели короткую встречу во Франции во время торжеств по случаю 70-летия открытия второго фронта в Нормандии.

16 июля 2014 г. – США ввели новый пакет санкций против России, затрагивающий энергетический и финансовый сектора.

6 августа 2014 г. – объявление Россией эмбарго на поставки продовольствия из ЕС, США, Канады, Австралии и Японии.

17 августа 2014 г. – Москва ввела запрет на импорт широкого ассортимента продуктов питания и сельскохозяйственной продукции из стран коллективного Запада.

3 сентября 2014 г. – Б. Обама в Таллине высказывается в поддержку Украины и заверяет о готовности НАТО защитить государства Балтии в случае нападения на них.

3 октября 2014 г. – Вашингтон исключил РФ из списка развивающихся стран и из Генеральной системы торговых преференций, после чего российские товары, импортируемые в США, стали облагаться налогами в общеустановленном порядке.

25 декабря 2014 г. – В. В. Путин утвердил новую редакцию Военной доктрины России.

9 мая 2015 г. – Б. Обама не приехал на юбилейные торжества в Москву по случаю 70-летней годовщины Победы в Великой Отечественной войне.

28 сентября 2015 г. – на полях сессии Генассамблеи ООН состоялась встреча В. В. Путина и Б. Обамы.

30 сентября 2015 г. – президент САР Б. Асад обратился к России с просьбой об оказании военной помощи. Совет Федерации РФ дал президенту страны согласие на использование российских вооруженных сил на сирийской территории.

12 октября 2015 г. – подписание российско-американского Меморандума о безопасности полетов над Сирией.

7 ноября 2015 г. – министр обороны США Э. Картер объявил о мерах по сдерживанию «российской агрессии»: действия по модернизации ядерного оружия, развитию беспилотной авиации и стратегических бомбардировщиков.

15 ноября 2015 г. – на полях саммита G-20 в турецкой Анталии состоялась встреча В. В. Путина и Б. Обамы.

30 ноября 2015 г. – на полях Конференции ООН по вопросам изменения климата состоялись переговоры В. В. Путина и Б. Обамы.

15 декабря 2015 г. – встреча министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова и госсекретаря США Дж. Керри, на которой обсуждалась ситуация в Сирии.

31 декабря 2015 г. – президент В. В. Путин утвердил новую Стратегию национальной безопасности Российской Федерации.

24 марта 2016 г. – встреча В. В. Путина с госсекретарем США Дж. Керри, на которой стороны подтвердили свою заинтересованность в сохранении перемирия в ходе сирийского конфликта.

14 июля 2016 г. – состоялась встреча В. В. Путина с госсекретарем США Дж. Керри, на которой обсуждался сирийский кризис.

5 сентября 2016 г. – на полях саммита G-20 в китайском Ханчжоу состоялась встреча В. В. Путина и Б. Обамы, на которой президенты обсудили ситуацию в Сирии и Украине.

3 октября 2016 г. – Москва приостановила обязательства по российско-американскому Договору об утилизации плутония от 2000 г. по причине невыполнения Вашингтоном его условий.

3 октября 2016 г. – Вашингтон заявил о приостановке переговоров с Москвой по мирному урегулированию в Сирии.

8 ноября 2016 г. – победа республиканца Д. Трампа на выборах в США.

24 декабря 2016 г. – Б. Обама подписал военный бюджет США на 2017 г., в котором было ограничено взаимодействие Пентагона с РФ в связи с украинским кризисом.

29 декабря 2016 г. – Вашингтон объявил о введении новых санкций против ряда российских граждан и компаний по обвинению в организации и осуществлении кибератак на политические институты США. Из Соединенных Штатов были высланы 35 российских дипломатов по обвинению в разведывательной деятельности из посольства в Вашингтоне и представительства в сан-Франциско, закрыты дипломатические учреждения в штатах Мэриленд и Нью-Йорк.

11 января 2017 г. – президент Б. Обама выступил в Чикаго с прощальной речью, в которой заявил, что РФ и КНР не могут сравниться с США по влиянию в мире.

13 января 2017 г. – президент Б. Обама подписал указ о продлении на год антироссийских санкций, введенных в 2014 г. в связи с событиями на Украине.

30 января 2017 г. – состоялся первый телефонный разговор В. В. Путина и Д. Трампа, в ходе которого были обсуждены двусторонние отношения, а также ситуация в Сирии и на Украине.

17 марта 2017 г. – постоянный представитель США в ООН Н. Хейли заявила, что Вашингтон не вернется к шестисторонним переговорам по ядерной проблеме КНДР.

25 марта 2017 г. – в Бостоне восемь арктических стран, в том числе РФ и США, подписали совместное заявление о взаимодействии в случае чрезвычайных ситуаций и проведении совместных операций в Арктике.

28 марта 2017 г. – на пленарном заседании Конференции по разоружению в Женеве российские и китайские представители высказали озабоченность американской системой ПРО, которая не только нарушает паритет ядерного сдерживания, но и угрожает космической деятельности стран мира.

7 апреля 2017 г. – В. В. Путин охарактеризовал массированный ракетный удар США по сирийским правительственным войскам в провинции Холмс, который был нанесен под предлогом того, что 4 апреля в провинции Идлиб якобы Дамаском было применено химическое оружие, как «агрессию против суверенного государства».

12 апреля 2017 г. – состоялся официальный визит в РФ госсекретаря США Р. Тиллерсона, в ходе которого прошли его встречи с президентом В. В. Путиным и министром иностранных дел С. В. Лавровым, где обсуждалась ситуация в Сирии, а также была достигнута договоренность о создании канала двустороннего диалога по существующим проблемам (Рябков – Шэннон).

21 апреля 2017 г. – министр иностранных дел РФ С. В. Лавров и госсекретарь США Р. Тиллерсон провели телефонный разговор, в котором обсудили возможность отправки в Сирии инспекторов для проверки информации о применении зарина в провинции Идлиб. США от инициативы отказались.

10 мая 2017 г. – официальный визит министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова в США, в ходе которого с Д. Трампом и Р. Тиллерсоном были обсуждены вопросы дипломатической собственности РФ, нестабильность на Ближнем Востоке, ситуация в Сирии и на Украине.

18 мая 2017 г. – в США начато официальное расследование спецпрокурора Р. Мюллера о «вмешательстве России в президентские выборы 2016 г.» и о возможных связях президента Д. Трампа с РФ.

2 июня 2017 г. – В. В. Путин на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума заявил о том, что российско-американские отношения находятся на низшей точке со времен Холодной войны.

29 июня 2017 г. – впервые за двадцать лет Вашингтоном был раскритикован доклад Разведывательного управления Министерства обороны США «Военная мощь России», в котором отмечалось, что РФ проводит курс на восстановление статуса великой державы и ревизию мирового порядка, стремясь ослабить влияние Соединенных Штатов на международной арене.

7 июля 2017 г. – встреча В. В. Путина с Д. Трампом на полях саммита G-20 в Гамбурге, в ходе которой президенты обсудили размещение полицейской миссии в Донбассе, а также договорились о создании зон деэскалации на юге Сирии и дипломатического канала по украинской проблематике (Сурков – Волкер).

28 июля 2017 г. – в условиях «кризиса понимания» МИД РФ уведомил Вашингтон о приведении количества дипломатических агентств США на территории России в точное соответствие с количеством российских дипломатических агентств на американской территории.

2 августа 2017 г. – Д. Трамп подписал закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций», предусматривающий введение дополнительных

санкций против РФ, ИРИ и КНДР. Данный закон запрещал президенту отменять санкции против России без одобрения Конгресса.

6 августа 2017 г. – С. В. Лавров и Р. Тиллерсон на полях мероприятия по линии АСЕАН обсудили сотрудничество в сфере кибербезопасности и ситуацию на Корейском полуострове.

21 августа 2017 г. – в Минске состоялась первая встреча помощника президента России В. Ю. Суркова и спецпредставителя США по Украине К. Волкера.

31 августа 2017 г. – США официально объявили России о том, что в течение двух суток должна быть прекращена деятельность Генконсульства РФ в Сан-Франциско, а также российского торгового представительства в Вашингтоне и отделения торгпредства в Нью-Йорке.

5 сентября 2017 г. – министр иностранных дел РФ С. В. Лавров и госсекретарь США Р. Тиллерсон обсудили по телефону ситуацию на Корейском полуострове в связи с ракетно-ядерными испытаниями КНДР.

12 ноября 2017 г. – на саммите АТЭС во вьетнамском Дананге В. В. Путин и Д. Трамп сделали совместное заявление по Сирии, касавшееся борьбы с ИГИЛ.

10 декабря 2017 г. – В. В. Путин посетил российскую авиабазу в сирийском г. Хмеймим, где заявил о полном разгроме ИГИЛ, а также отдал приказ приступить к выводу российской группировки войск.

18 декабря 2017 г. – Д. Трамп утвердил Стратегию национальной безопасности, в которой РФ и КНР были объявлены ревизионистскими державами.

28 декабря 2017 г. – РФ уведомила США о том, что с 1 января 2018 г. в ответ на ограничения на полеты над Гавайями и Аляской введет ряд ограничений по Договору по открытому небу.

19 января 2018 г. – Министерство обороны США обнародовало основные несекретные положения новой «Национальной оборонной стратегии», в которой главными угрозами американской безопасности были названы КНР, РФ, КНДР и ИРИ.

2 февраля 2018 г. – администрация Трампа представила Обзор ядерной политики США, в котором Россия наряду с Китаем, Ираном и Северной Кореей была названа главной ядерной угрозой для Соединенных Штатов.

4 марта 2018 г. – инцидент с «отравлением» бывшего офицера ГРУ С. Скрипаля и его дочери в британском Солсбери.

13 марта 2018 г. – Комитет Палаты представителей Конгресса США по разведке объявил, что завершил расследование о «вмешательстве» России в президентские выборы в США и не нашел свидетельств сговора Д. Трампа с Москвой.

18 марта 2018 г. – В. В. Путин переизбран на пост президента России.

26 марта 2018 г. – США объявили о высылке из страны 60 российских дипломатов и закрыли консульство России в Сиэтле в связи с инцидентом с «отравлением» Скрипалей.

29 марта 2018 г. – в качестве зеркальных мер на действия США Россия закрыло консульство Соединенных Штатов в Санкт-Петербурге, а также выслала 60 американских дипломатов.

7 мая 2018 г. – В. В. Путин вступил в должность президента России.

8 мая 2018 г. – Вашингтон заявил о выходе из «Совместного всеобъемлющего плана действий» и о восстановлении всех санкций против Ирана.

4 июня 2018 г. – В. В. Путин подписал закон «О мерах противодействия на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств», позволяющий вводить контрсанкции.

8–9 июня 2018 г. – на саммите G-7 в канадском Ла-Мальбе Д. Трамп призвал вернуть Россию в состав участников объединения.

16 июля 2018 г. – встреча В. В. Путина и Д. Трампа в Хельсинки, в ходе которой президенты обсудили ключевые вопросы двусторонних отношений.

26 июля 2018 г. – Госдепартамент США опубликовал «Крымскую декларацию», в которой говорилось, что Вашингтон не признает Крым частью РФ и не отменит санкции.

5 августа 2018 г. – РФ повысила импортные пошлины на ряд товаров из США в ответ на ранее введенные американцами пошлины на российские сталь и алюминий.

20 сентября 2018 г. – президент Д. Трамп подписал указ об ужесточении соблюдения санкционного режима против РФ.

23 октября 2018 г. – визит советника президента США по национальной безопасности Дж. Болтона в Москву для переговоров с российским руководством по вопросам двусторонних отношений и безопасности.

18 ноября 2018 г. – В. В. Путин и Д. Трамп провели короткие переговоры в Париже во время торжественных мероприятий в связи с 100-летним юбилеем окончания Первой мировой войны.

25 ноября 2018 г. – в связи с задержанием российской стороной кораблей ВМС Украины в Керченском проливе США отменили планировавшуюся встречу Д. Трампа и В. В. Путина на полях саммита G-20 в Аргентине, а также визит американского спецпредставителя по Украине К. Уолкера в Россию.

12 декабря 2018 г. – Палата представителей Конгресса США приняла резолюцию о противодействии проекту «Северный поток-2».

26 декабря 2018 г. – В. В. Путин заявил о завершении успешных испытаний гиперзвуковой системы «Авангард», способной преодолевать ПРО США.

1 февраля 2019 г. – США официально уведомили РФ о приостановлении своего участия в Договоре о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности и начале процедуры выхода из него.

2 февраля 2019 г. – РФ приостановила участие в Договоре о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности.

12 марта 2019 г. – Палата представителей Конгресса США одобрила законопроект, который запрещал Белому дому признать «де-юре или де-факто» российский суверенитет над Крымом, а также над воздушным пространством или территориальными водами полуострова. Исключение возможно, если это будет отвечать «интересам национальной безопасности» США.

18 апреля 2019 г. – в США опубликован доклад спецпрокурора Р. Мюллера о «российском вмешательстве», в котором не было обнаружено каких-либо доказательств связи предвыборного штаба Д. Трампа с Россией.

3 мая 2019 г. – в ходе телефонного разговора В. В. Путина и Д. Трампа была обсуждена ситуация в Венесуэле и на Украине, а также вопросы стратегической стабильности.

14 мая 2019 г. – в ходе переговоров В. В. Путина и С. В. Лаврова с госсекретарем М. Помпео в Сочи была обсуждена ситуация на Украине, в Венесуэле и Сирии, а также иранская проблема.

29 июня 2019 г. – на полях саммита G-20 в японской Осаке В. В. Путин обсудил с Д. Трампом ситуацию в Венесуэле, российское «вмешательство» в американские выборы, а также контроль над вооружениями.

5 июля 2019 г. – Агентство США по международному развитию (USAID) опубликовало «Концепцию по противодействию злонамеренного влияния Кремля».

2 августа 2019 г. – США вышли из Договора о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности.

21 августа 2019 г. – в преддверии саммита G-7 во французской Биаррице Д. Трамп заявил о необходимости возвращения РФ в данный клуб.

19 сентября 2019 г. – В. В. Путин направил в западные столицы послание с предложением ввести мораторий на размещение в Европе ракет средней и меньшей дальности.

24 сентября 2019 г. – Вашингтон не выдал визы для участия в 74-й сессии Генассамблеи ООН и заседании Первой комиссии в Нью-Йорке руководителям международных комитетов Совета Федерации и Госдумы и семи сотрудникам МИДа РФ. В знак протеста Первый и Шестой комитеты ГА ООН приостановили на несколько часов свою работу.

18 октября 2019 г. – Пентагон представил Конгрессу «Арктическую доктрину», направленную на блокирование российского Северного морского пути.

10 декабря 2019 г. – встреча министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова с президентом Д. Трампом и госсекретарем М. Помпео.

3 февраля 2020 г. – в Ташкенте состоялась встреча в формате С5+1 с участием госсекретаря М. Помпео и глав МИД пяти стран Центральной Азии, на которой США подтвердили неизменную поддержку суверенитета, независимости и территориальной целостности центральноазиатских стран.

25 апреля 2020 г. – В. В. Путин и Д. Трамп приняли совместное заявление по случаю 75-й годовщины встречи советских и американских войск на Эльбе.

21 мая 2020 г. – Д. Трамп заявил о намерении США выйти из Договора по открытому небу.

2 июня 2020 г. – В. В. Путин утвердил Основы государственной политики в области ядерного сдерживания, где отмечалось, что Россия в рамках самообороны задействует ядерный потенциал в случае любой ракетной атаки по своей территории.

27–30 июля 2020 г. – в Вене состоялась встреча межведомственных делегаций РФ и США, на которой стороны обсудили актуальные вопросы в сфере международной безопасности и контроля над вооружениями.

21 сентября 2020 г. – госсекретарь М. Помпео заявил о формировании коалиции для воспрепятствования окончанию строительства «Северного потока-2».

21 октября 2020 г. – администрация Трампа отвергла российское предложение о продлении Договора СНВ-3 на один год без дополнительных условий.

26 октября 2020 г. – В. В. Путин сделал заявление, в котором подтвердил, что Москва будет соблюдать мораторий на развертывание ракет средней и меньшей дальности наземного базирования, пока в соседних с ней регионах не появятся подобные ракетные вооружения США.

3 ноября 2020 г. – президентские выборы в США, по итогам которых новым президентом страны был признан Дж. Байден.

19 декабря 2020 г. – посольство США в РФ заявило о закрытии консульств в Екатеринбурге и Владивостоке.

20 января 2021 г. – инаугурация президента Дж. Байдена.

27 января 2021 г. – закон о ратификации соглашения о продлении Договора СНВ-3 до 5 февраля 2026 г. приняли Госдума и Совет Федерации РФ.

29 января 2021 г. – В. В. Путин подписал закон о продлении Договора СНВ-3.

7 февраля 2021 г. – В. В. Путин и Дж. Байден провели телефонный разговор о ситуации на Украине.

26 февраля 2021 г. – Дж. Байден заявил, что США никогда не признают Крым частью Российской Федерации.

1 марта 2021 г. – Вашингтон ввел санкции против высокопоставленных российских чиновников в связи с «отравлением» и уголовным преследованием оппозиционера А. Навального.

17 марта 2021 г. – президент Дж. Байден в интервью телеканалу ABC News утвердительно ответил на вопрос, считает ли он президента России В. В. Путина убийцей.

17 марта 2021 г. – Москва отозвала российского посла из Вашингтона для консультаций по выработке внешнеполитического курса в отношении администрации Байдена.

13 апреля 2021 г. – телефонный разговор В. В. Путина и Дж. Байдена по глобальным и региональным вопросам.

14 апреля 2021 г. – РФ передала США последнюю партию ракетных двигателей РД-180, что завершило более чем двадцатилетний контракт.

15 апреля 2021 г. – Белый дом заявил о введении санкций против 32 российских предприятий и физических лиц, российского госдолга, а также объявил о высылке десяти сотрудников российского посольства в Вашингтоне.

16 апреля 2021 г. – президент Дж. Байден выступил в Белом доме с речью, посвященной американской политике в отношении России, отметив, что РФ и США являются великими державами, несущими большую ответственность за глобальную стабильность. Дж. Байден предложил В. В. Путину встретиться летом для переговоров по актуальным вопросам мировой политики.

21 апреля 2021 г. – Россия объявила персонами нон грата десять сотрудников американского посольства в Москве, ввела персональные санкции против восьми американских чиновников, а также прекратила работу американских фондов и неправительственных организаций, подконтрольных госструктурам США на основании их вмешательства во внутренние дела РФ.

22 апреля 2021 г. – Вашингтон отозвал американского посла в РФ для консультаций.

12 мая 2021 г. – посольство США в Москве прекратило выдавать россиянам неиммиграционные визы, а также оказывать консульские услуги своим гражданам, за исключением чрезвычайных случаев, мотивируя это нехваткой персонала.

14 мая 2021 г. – правительство РФ утвердило перечень государств, совершающих недружественные действия против России, в который вошли США и Чехия.

20 мая 2021 г. – встреча С. В. Лаврова с Э. Блинкеном на полях министерской сессии Арктического совета в Рейкьявике.

7 июня 2021 г. – В. В. Путин подписал Закон о денонсации Договора об открытом небе.

10 июня 2021 г. – российский премьер-министр М. В. Мишустин подписал распоряжение о прекращении действия Меморандума о понимании между правительствами РФ и США в отношении «открытой суши», ограничив свободное передвижение американских дипломатов по территории России.

14 июня 2021 г. – саммит НАТО в Брюсселе, на котором обсуждалась новая стратегическая концепция альянса, а также возможность вступления в организацию Украины.

16 июня 2021 г. – встреча В. В. Путина и Дж. Байдена в Женеве.

20 июня 2021 г. – Вашингтон заявил о намерении ввести дополнительные санкции из-за ситуации с оппозиционером А. Навальным, а также против российских компаний, строивших трубопровод «Северный поток-2».

24 июня 2021 г. – В. В. Путин в выступлении на IX Московской конференции по международной безопасности выразил беспокойство в связи с наращиванием военных потенциалов и инфраструктуры НАТО вблизи российских границ. Президент РФ заявил о необходимости выработки нового «уравнения безопасности», которое должно учитывать все факторы, влияющие на стратегическую стабильность в их взаимосвязи.

2 июля 2021 г. – В. В. Путин утвердил новую Стратегию национальной безопасности России.

9 июля 2021 г. – В. В. Путин и Дж. Байден провели телефонный разговор, обсудив вопросы информационной безопасности и борьбы с киберпреступностью, а также ситуацию в Сирии.

28 июля 2021 г. – в Женеве состоялась первая встреча в рамках российско-американского диалога по стратегической стабильности.

20 августа 2021 г. – Вашингтон ввел в действие «второй раунд» санкций против России из-за ситуации с А. Навальным, а также расширил санкции против российских компаний и судов, связанных со строительством газопровода «Северный поток-2».

1 сентября 2021 г. – В. В. Путин назвал «нулевым» результат двадцатилетней миссии США в Афганистане.

11–13 октября 2021 г. – визит заместителя госсекретаря В. Нуланд в Москву для переговоров по вопросам российско-американских отношений и урегулирования украинского кризиса.

19 октября 2021 г. – визит министра обороны США Л. Остина в Киев.

2 ноября 2021 г. – заместитель министра иностранных дел России С. А. Рябков, выступая на форуме «Диалог Форт Росс», заявил, что РФ и США работают над повышением порога применения ядерного оружия.

19 ноября 2021 г. – американские конгрессмены С. Коэн и Д. Уилсон внесли предложение в Конгресс не признавать В. В. Путина главой российского государства, если он решит баллотироваться на новый президентский срок в 2024 г.

30 ноября – 1 декабря 2021 г. – Рижский саммит НАТО, на котором обсуждалась возможность введения экономических санкций и принятия политических мер в отношении России в случае предполагаемой «агрессии на Украине».

7 декабря 2021 г. – В. В. Путин и Дж. Байден провели переговоры по защищенному каналу видеосвязи, в ходе которых лидеры обсудили двусторонние отношения в сфере безопасности, а также проблему урегулирования на Украине. В ходе переговоров российский президент заявил о существовании «красных линий» – продвижение НАТО на Восток и размещение на территории сопредельных с РФ государств систем оружия, представляющих угрозу безопасности России, а также о необходимости предоставления России гарантий нерасширения НАТО на Восток.

10 декабря 2021 г. – МИД РФ представил инициативы по снижению напряженности в Европе, включающие возобновление диалога между оборонными ведомствами по линиям Россия – США и Россия – НАТО.

15 декабря 2021 г. – встреча заместителя министра иностранных дел С. А. Рябкова с помощником государственного секретаря К. Донфрид, на которой российская сторона передала проекты договоров с США и НАТО о гарантиях безопасности.

30 декабря 2021 г. – телефонный разговор В. В. Путина и Дж. Байдена, в ходе которого обсуждены вопросы, касающиеся гарантий безопасности.

10 – 13 января 2022 г. – прошли три раунда переговоров России с США в Женеве, НАТО и ОБСЕ в Брюсселе по гарантиям безопасности.

21 января 2022 г. – переговоры С. В. Лаврова и Э. Блинкена в Женеве по предложениям России о гарантиях безопасности.

12 февраля 2022 г. – телефонный разговор В. В. Путина и Дж. Байдена о ситуации вокруг Украины.

21 февраля 2022 г. – признание Москвой независимости ДНР и ЛНР.

24 февраля 2022 г. – начало специальной военной операции России на Украине.

24 апреля 2022 г. – госсекретарь США Э. Блинкен и министр обороны США Л. Остин посетили Киев.

26 апреля 2022 г. – по инициативе министра обороны США Л. Остина на американской авиабазе Рамштайн в Германии состоялась первая встреча так называемой Контактной группы по военному содействию Украине, в которую вошло более 50 стран мира.

27 апреля 2022 г. – РФ и США на территории Турции произвели обмен заключенными. Из американской тюрьмы был отпущен российский летчик К. Ярошенко, из российской – американский студент Т. Рид.

23 мая 2022 г. – в онлайн-формате прошло второе заседание Контактной группы по военному содействию Украине.

15 июня 2022 г. – в штаб-квартире НАТО в Брюсселе состоялась третья встреча Контактной группы по обороне Украины.

20 июля 2022 г. – в онлайн-формате прошло четвертое заседание Контактной группы по военному содействию Украине.

29 июля 2022 г. – по инициативе американской стороны состоялся телефонный разговор С. В. Лаврова и Э. Блинкена.

15 августа 2022 г. – В. В. Путин обвинил США в попытке «затянуть» конфликт на Украине и осудил визит на Тайвань спикера Палаты представителей Н. Пелоси.

8 сентября 2022 г. – пятая встреча участников Контактной группы по военному содействию Украине на авиабазе Рамштайн.

12 октября 2022 г. – президент Дж. Байден утвердил новую Стратегию национальной безопасности США.

12 октября 2022 г. – в штаб-квартире НАТО в Брюсселе состоялась шестая встреча Контактной группы по военному содействию Украине.

20 октября 2022 г. – МИД РФ обвинил США в том, что американцы препятствуют экспорту сельскохозяйственной продукции и удобрений из России, создавая угрозу глобальной продовольственной безопасности.

9 ноября 2022 г. – пресс-секретарь президента РФ Д. С. Песков заявил, что промежуточные выборы в США не улучшат отношения между Москвой и Вашингтоном, которые были охарактеризованы как плохие.

10 ноября 2022 г. – Министерство торговли США сообщило о решении Вашингтона не классифицировать российскую экономику как рыночную.

16 ноября 2022 г. – в онлайн-формате прошло седьмое заседание Контактной группы по военному содействию Украине.

8 декабря 2022 г. – российский бизнесмен В. Бут, приговоренный в США к 25 годам заключения за торговлю оружием, был выпущен на свободу в обмен на американскую баскетболистку Б. Грайнер, осужденной в России за контрабанду наркотиков на девять лет.

21 декабря 2022 г. – Сенат США утвердил на пост нового американского посла в России кандидатуру Л. Трейси.

23 декабря 2022 г. – посол РФ в США А. И. Антонов сравнил состояние российско-американского диалога с «ледниковым периодом», подчеркнув, что контакты с представителями американской администрации носят лишь эпизодический характер.

26 декабря 2022 г. – министр иностранных дел РФ С. В. Лавров заявил о невозможности поддерживать отношения с администрацией Байдена по причине проведения Вашингтоном конфронтационного антироссийского курса с целью нанесения России стратегического поражения.

20 января 2023 г. – восьмая встреча участников Контактной группы по военному содействию Украине на авиабазе Рамштайн.

14 февраля 2023 г. – девятая встреча участников Контактной группы по военному содействию Украине на авиабазе Рамштайн.

20 февраля 2023 г. – визит президента США Дж. Байдена в Киев.

21 февраля 2023 г. – В. В. Путин объявил о приостановке Россией участия в Договоре СНВ-3 по причине участия Запада в украинском конфликте и его стремления нанести РФ «стратегическое поражение».

15 марта 2023 г. – в онлайн-формате прошла десятая встреча участников Контактной группы по военному содействию Украине.

30 марта 2023 г. – в Екатеринбурге был арестован американский журналист Wall Street Journal Э. Гершкович по обвинению в шпионаже.

31 марта 2023 г. – В. В. Путиным утверждена новая Концепция внешней политики России.

21 апреля 2023 г. – состоялась одиннадцатая встреча участников Контактной группы по военному содействию Украине.

25 мая 2023 г. – состоялась двенадцатая встреча участников Контактной группы по военному содействию Украине.

26 мая 2023 г. – Дж. Байден заявил о крайне негативной реакции на сообщения о планах размещения РФ тактического ядерного оружия на территории Беларуси.

15 июня 2023 г. – в Брюсселе состоялась тринадцатая встреча участников Контактной группы по военному содействию Украине.

18 июля 2023 г. – состоялась четырнадцатая встреча участников Контактной группы по военному содействию Украине.

6 сентября 2023 г. – рабочий визит госсекретаря США Э. Блинкина в Киев.

19 сентября 2023 г. – прошла пятнадцатая встреча участников Контактной группы по военному содействию Украине на американской авиабазе Рамштайн.

5 октября 2023 г. – выступление В. В. Путина на пленарном заседании XX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» в Сочи.

11 октября 2023 г. – в Брюсселе состоялись 16-е заседание контактной группы в формате «Рамштайн» и совещание Совета Украина – НАТО, а также отдельная встреча министров обороны стран альянса.

22 ноября 2023 г. – в онлайн-формате прошла семнадцатая встреча участников Контактной группы по военному содействию Украине.

23 января 2024 г. – в онлайн-формате прошла восемнадцатая встреча участников Контактной группы по военному содействию Украине.

6 февраля 2024 г. – интервью В. В. Путина американскому политическому обозревателю Т. Карлсону.

14 февраля 2024 г. – в онлайн-формате прошла девятнадцатая встреча участников Контактной группы по военному содействию Украине.

29 февраля 2024 г. – В. В. Путин в послании Федеральному Собранию Российской Федерации в очередной раз обвинил США во враждебных действиях и стремлении нанести поражение России и предупредил Запад о возможных трагических последствиях для агрессоров.

13 марта 2024 г. – интервью В. В. Путина Д. К. Киселеву, в котором заявил о готовности России к переговорам с Западом с учетом текущих реалий.

15–17 марта 2024 г. – В. В. Путин переизбран на пост президента Российской Федерации.

19 марта 2024 г. – на базе Рамштайн состоялась двадцатая встреча стран, поддерживающих Украину.

26 апреля 2024 г. – в онлайн-формате прошла двадцать первая встреча «Рамштайн».

7 мая 2024 г. – инаугурация В. В. Путина в качестве избранного президента России. Начало пятого президентства В. В. Путина.

Научное издание

КОСОВ Александр Петрович

**США ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА**

Монография

Технический редактор	<i>Г. В. Разбоева</i>
Корректор	<i>А. Н. Фенченко</i>
Компьютерный дизайн	<i>А. В. Табанюхова</i>

Подписано в печать 12.07.2024. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 21,27. Уч.-изд. л. 27,85. Тираж 50 экз. Заказ 99.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.